

“В Москве майдану не бывать”, — повторили за человеком в меховой шапке сотни людей. Сначала — неуверенно, стесняясь своих голосов, слишком разных и нестройных. Но уже в следующее мгновение перестали сдерживаться, почувствовав знакомый напор в хриплых словах, как волки чуют запах своей стаи, и тогда вся площадь закипела: “В Москве майдану не бывать... В Москве майдану не бывать...”

А потом всё смешалось — и нестройные голоса из толпы, и российские флаги, и чьи-то лица вокруг. Рядом с нами стоял мужчина в лёгкой куртке нараспашку, а на шее у него сидела маленькая девочка и без усталости размахивала зелёными резиновыми сапожками. Трое других мужчин рядом показывали пальцами на сцену и смеялись, наклоняясь друг к другу. Женщина в белом платке держала самодельный транспарант из картона: “Здравствуй, Севастополь”. Мы попытались протиснуться мимо этих людей вперёд, туда, где стояли первые шеренги, но человеческое море поддавалось медленно — необходимо было поймать попутное течение, чтобы легко преодолеть несколько метров, а потом опять завязнуть. Но всё-таки желанные красно-чёрные ряды постепенно приближались к нам, и всё яснее слышались их резкие дружные выкрики, перекатывающиеся по площади, как эхо в огромном пустом зале.

Кургузов продолжал биться с взбудораженной стихией, выкрикивая в нашу огромную живую площадь:

— Что должно питать вас? Страсть! Страсть — это любовь в высшем ее проявлении, это огонь, способный переплавлять людей, придавать им новые качества. Надо уяснить себе — если в тебе есть страсть, если ты готов платить по очень крупным счетам, ты можешь всё! Что такое платить по очень крупным счетам? Это работать по двенадцать часов в день, недополучать, лишать себя элементарных удовольствий. Если ты на это готов, то сможешь стать частью настоящей силы. И это не вопрос проектов или элитных игр. Это вопрос твоего таланта и твоей страсти. Россия ещё не капитулировала перед смертью. Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи!

Я видел, что он был раскован и одновременно сосредоточен, им владело то сильнейшее вдохновение, которое позволяет быть свободным и в то же время с опытностью мастера рассчитывать, сколько секунд протянуть паузу — здесь лёгкую синкопу — здесь акцент — здесь глубокий вдох, а на следующую фразу обрушиться всей мощью. Я понимал, что он уже не чувствует ни ветра, ни жгучего холода, всё было подавлено и побеждено, он ощущает только трагический дух истории, сопутствующий самым страшным и судьбоносным её моментам: этот дух наполнял сейчас сцену, площадь, его самого, человека, который в этот краткий миг стал во главе важнейших мировых процессов, — он ведёт историю вперёд, он творит будущее. Я вдруг вспомнил, как услышал однажды от кого-то, что Кургузов связан с властью и спецслужбами и что на самом деле все его слова это игра, и подумал — не может быть, никак не может этого быть...

В ближайших номерах журнал намерен опубликовать роман Андрея Тимофеева “Пробуждение”.

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№2 2019

К 250-летию И. А. КРЫЛОВА

В начале 1838 года на вечере у Одоевского возникла идея торжественно отметить 50-летие литературной деятельности Крылова. Власти разрешили совместить юбилей с его днем рождения 2 (13) февраля. Литераторы во главе с Одоевским в доме Энгельгардта устроили лукуллово пирушество. Купцы поставили лучшие деликатесы, вина и фрукты. Не поскупились и богачи, “жадною толпою стоящие у трона”. “Весь Петербург” съехался на банкет. Ивана Андреевича наградили орденом, увенчали лавровым венком. Была исполнена кантата, написанная Вяземским. Поднимая бокал в честь юбиляра, В. А. Жуковский сказал: “Наш праздник... есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие...”.

Среди помпезных речей только Жуковский, обращаясь к Ивану Андреевичу, вспомнил наставника-баснописца И. И. Дмитриева и добрым словом помянул Пушкина: “На празднике нашем недостает двух, которых присутствие было бы украшением и которых потеря еще так свежа в нашем сердце. Один, знаменитый предшественник ваш на избранной вами дороге, недавно кончил прекрасную свою жизнь, достигнув старости глубокой... Другой, едва расцветший и в немногие годы наживший славу народную, вдруг исчез, похищенный у надежд, возбужденных его гением”.

Вещие реалии высказал Одоевский: “Мы еще были в колыбели, когда ваши творения уже сделались дорогою собственностью России и предметом удивления для иностранцев. От ранних лет мы привыкли не отделять вашего имени от имени нашей словесности <...> Ваши стихи во всех концах нашей величественной родины лепечет младенец, повторяет муж, вспоминает старец; их произносит простолудин, как уроки положительной мудрости, их изучает литератор, как образцы остроумной поэзии, изящества и истины...”.

Одоевский ясно сказал, что басни Крылова — драгоценное наследство русского народа.

Статью Ивана Шевырёва “Сфинкс российской словесности” читайте на стр. 236.

К 100-летию смерти В. В. РОЗАНОВА

Суть происходящего Розанов видит теперь в том, что движение революции в формулах Маркса — только первый, самый начальный ее этап: “...Маркс был исключительно экономический человек и в культуре просто ничего не понимал. Он был гениален экономически, но культурно туп...”

Как только встанет вопрос, — а он, по Розанову, уже явился, — ради чего “победившие пролетарии” поднялись на борьбу и “какими душевными сторонами” они “начнут постройку очевидно новую свою цивилизацию”, воссоединение с верой неизбежно: “Должны быть не крупинки социализма, не кусочки его. И тогда — вайи и пальмы, тогда — религия и Новый Иерусалим”.

Трудно сказать, вспомнились ли тут Розанову его соображения о будущем, возникшие у него перед самым “социалистическим” пришествием, в апреле 1917 года: “Вылезаю из гроба, смотрю: все же живая Русь. Только будто помолодела и приосанилась. И подумал я: сплетется этот марксизм со старыми песенками, со старыми сказочками. Сплетется он с “Голубиной (глубинной) книгой”, — ну, и еще поглядим, что и как выживет и кто кого переживет. Но радикализм его суждений или прямых требований в этом направлении резко возрос.

Статью П. В. Палиевского “Завещание русского консерватизма” читайте на стр. 247.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

Иван ПЕРЕВЕРЗИН
Росомаха. Повесть 3

Александр ИВАНИЦКИЙ
Ломаные уши.
Книга воспоминаний 49

Поэзия

Николай КОНОВСКОЙ
Есть вечность, мы и море... 43

Владимир БАЛАЧАН
Моя былинная страна 46

Иван АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
Повсюду мне видится море 128

Очерк и публицистика

Георгий ЦАГОЛОВ
“Русский алюминий”
становится американским 131

Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
Чёрный шар и глобальная
инквизиция Ника Бострома 137

Александр ПРОХАНОВ
Вихри русской мечты 150

Михаил ЛЕМЕШЕВ
Россия в будущем: взгляд
за либеральный горизонт 163

Александр СМОЛКО
Обидно за державу,
обидно за народ 173

Владимир РОДИН
Любимая профессия 188

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ
“Посла ны деревьска земля” 199

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 225

Иван ШЕВЫРЕВ
Сфинкс российской
словесности 236

Редакция

Приемная —

(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —

зам. главного редактора —

(495) 625-01-81

Отдел прозы —

(495) 625-30-47

С. С. Куняев —

зав. отделом критики,

отдел поэзии —

(495) 625-02-81

Е. Н. Евдокимова —

зав. редакцией —

(495) 621-48-71,

факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —

зав. техцентром —

(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —

гл. бухгалтер —

(495) 625-89-95

А. А. Жуков —

юрист —

(495) 625-57-45

Критика

Пётр ПАЛИЕВСКИЙ

Завещание русского

консерватизма 247

Алексей ТАТАРИНОВ

“Огромные пространства

для счастья” 261

Эдуард АНАШКИН

“Я хотел бы кричать о любви,

только крика об этом

не надо...” 267

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Возговори, ночная чаща... 271

Алексей ВУЛЬФОВ

Сергейч 281

Книжный развал

Галина ИВАНКИНА

Подлинный русский

патриотизм 287

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и публикует наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией. Срок хранения рукописей один год. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)

Адрес электронной почты: **n-sovrem@yandex.ru** (рукописи по e-mail не принимаются)

Адрес сайта в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**

Юрист редакции оказывает юридическую помощь читателям журнала

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Подписано в печать 4.02.2019. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №0087-2019. Тираж 4000 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

РОСОМАХА

ПОВЕСТЬ

Это восьмое лето долгожданных школьных каникул для меня началось почти так же, как все предыдущие, — со счастливого выхода на работу. А ведь имел полное моральное право, подкрепленное хорошей учебой, как мои друзья-одноклассники, целых три солнечных месяца отдыхать и готовиться, прежде всего, физически, к новым учебным занятиям. Но мне так не терпелось скорее приступить к любимому сельскому труду, что я еще задолго до начала каникул, несмотря на протесты любимой мамы, передал с отцом, возглавляющим Нюйское отделение совхоза “Ленский”, заявление о принятии меня временно на работу в качестве простого рабочего. На следующий день после окончания учебного года я встал пораньше, чуть ли не с первыми лучами восходящего золотисто-малинового солнца. Спешно, словно на пожар, даже привычно не окатившись во дворе холодной водой, надел рабочую одежду, ещё с вечера заботливо приготовленную любимой матерью и ожидавшую меня на табуретке, приставленной к кровати. Не менее быстро позавтракав и, наотрез отказавшись от сытных бутербродов, выскочил на улицу, уже залитую таким ярким солнечным светом, что от взгляда на небесное светило глаза ослепли... В душе порадовавшись погожей погоде, я самой короткой дорогой по проулкам и переулочкам направился на раскомандировку в контору отделения совхоза “Ленский”. В то далёкое время она находилась в рубленом из кондовых сосновых брёвен, окантованных с двух противоположных сторон, длинном довольно большом здании, построенном ещё в довоенное время сверху подземного картофельного хранилища. Видимо, тогдашнее совхозное руководство решило, что совмещённое расположение производственных помещений как нельзя лучше подходило к суровым северным погодным

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. Автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья, постоянный автор журнала “Наш современник”.

условиям, когда зимой морозы опускались до пятидесяти градусов и ниже.

Однако, как я ни торопился, контора уже была битком набита работными людьми, получавшими у бригадира наряд на выполнение дневного задания и тотчас выходящими на улицу, где, как по команде, доставали из карманов папиросы и закуривали, кто в глубокой задумчивости, словно чем-то сильно озадаченный, а кто с весёлым, сияющим доброй улыбкой лицом. Когда подошла моя очередь, бригадир Анна Григорьевна Хабибулина, средних лет стройная якутка с черными длинными волосами, для удобства собранными в узел и заколотыми несколькими длинными заколками на затылке, с раскосыми коричневыми умными глазами, с тонкими, но сохранившими свежесть губами, в ситцевом легком платье с короткими рукавами, лучезарно улыбаясь мне, как доброму знакомому, попросила ознакомиться с приказом, подписанным управляющим, то есть моим отцом, о назначении меня объездчиком, а вернее, конным сторожем всех совхозных полей общей площадью более трёхсот гектаров. Тридцать из них были заняты под капусту, сто двадцать — под картофель, а на остальных посеяли овес с горохом на силос, который закладывали на весь период зимнего хранения в бетонную траншею. Тут же, в конторе, я без всякой волокиты получил на руки и распоряжение-наряд о выделении мне верховой служебной лошади. С этой бумагой я незамедлительно, чуть ли не бегом, отчего порывисто, во всю грудь дышал, и заявился на конюшню к заведующему Геннадию Николаевичу Сидорову, человеку крайне тяжелой судьбы. Еще во время войны он двенадцатилетним парнишкой получил десять лет лагерей за то, что очень любил лошадей...

Дело в том, что, работая помощником конюха, он объездил молодого жеребца-трехлетку и привязался к нему всей душой, как к родному, даже уприсил хмурого одноногого конюха дать ему ласковую кличку Мильий. Но высокое начальство из районного военкомата строгим, подлежащим безоговорочному исполнению постановлением приказало забрать любимца с еще несколькими колхозными лошадьми на фронт, который неумолимо к тому времени приближался к самой столице — Москве. Но не тут-то было! Геннадий, скорей всего по недопониманию из-за слишком юного возраста и ослепления горем внезапной разлуки с верным другом, ночью угнал своего любимца из конюшни и спрятал подальше от глаз людских, в глухом, почти непроходимом вековом лесу. Тем не менее, уже через несколько дней его отчаянный поступок был раскрыт опытным в розыском деле участковым милиционером по горячим следам, и лошадь первым же колесным пароходом отправилась на фронт, а он, по решению сурового суда, — на далекую Колыму в качестве заключенного.

— Здорово, Ванек! — как старого знакомого, благожелательно поприветствовал меня Геннадий Николаевич, перешагнувший к тому времени сорокалетний рубеж, ниже среднего роста, русоволосый, сухой, но очень жилистый, с открытым славянским лицом, на котором, словно бросая упрямый вызов горестной, полной лишений и страданий прошлой жизни, светились темно-голубые, добрые, жизнелюбивые глаза.

— Здравствуйте, Геннадий Иванович! — тепло поздоровался я в ответ и продолжил: — А я к вам в этот раз по серьезному делу!

И с решительностью, в которой чувствовалось горячее юношеское нетерпение, протянул в развернутом виде заведующему конюшней казенную бумагу-наряд. Геннадий Иванович, как бы давая мне время слегка поостыть, медленно, чуть ли не по слогу прочитал его несколько раз, не спеша аккуратно свернул пополам и, положив поглубже в нагрудный карман, с глубоким, почти отцовским интересом спросил:

— И что это тебе, Ванек, друг ты мой хороший, после школы никак не отдыхается? Все дети как дети — с утра в реке купаются, загорают на теплом ласковом песочке сколько душа пожелает, а ты сам напропалую лезешь в суровый рабочий хомут, как будто там густо медом намазано?!

— Да я уже, как вы выразились, к этому хомуту-то за восемь лет привык! Знаете, Геннадий Николаевич, так сильно привык, что не могу дожидаться, когда прозвонит последний звонок. Потом, сами понимаете, многодетной семье непременно помочь надо. Мать часто после последних тяжелых

родов болеет, отчего в своей любимой теплице почти не работает... А какая у моего отца, хоть и управляющего, зарплата? Сто сорок рублей! Курам на смех! Такими “деньжисами” семь голодных ртов не прокормишь! А я, глядишь, за лето, какое оно у нас на севере ни короткое, рублей эдак триста подзаработаю. Какая-никакая, а все большой семье своевременная помощь! По крайней мере, нам с младшим братом Николаем и старшим сестрам Тамаре и Наталье на то, чтобы собраться в школу не хуже других ребятешек, с лихвой хватит!

— Так-то оно так! Но всё равно хоть недельку-другую отдохнул бы.

— На горячей работе на всю катушку и отдохну! — весело ответил я. — Как там дедушка Ленин насчет этого сказал?

— Да очень просто! Смена одного занятия другим является отдыхом.

— Вот-вот! Сказал, как десять очков одним выстрелом выбил!

— И все-таки, Ванек, ты очень спешешь взрослой жизни кусок побольше ухватить. Так ведь и надломиться можно не только физически, но и морально. Не зря же в народной — ох, какой крепкой и глубокой — памяти укрепилась поговорка: всему свое время и место.

— Верно говорите, Геннадий Иванович! — сказал я и, заметив, что мой собеседник неожиданно скривил лицо, наклонился и в нескольких местах прямо через брюки почесал ноги, тревожно спросил его: — Вам плохо?

— Терпимо! Это мое суровое прошлое дает о себе знать. Ты, наверное, слышал от какого-нибудь из поселчан, что я самый что ни на есть настоящий бывший заключенный? По всей строгости закона военного времени как миленький десятку на Кольме в лагере оттянул, естественно под железным конвоем. Он хотя и был большой, но среди огромных полутундровых каменных просторов, почти лишенных настоящего леса, словно иголка в стогу, затерялся... Иной раз, особенно в зимнее время, когда устанавливался сорокаградусный мороз и снежные ветры, как по команде начальника зоны, вдвое, если не втрое усиливавшиеся к ночи, выли почище голодных волков, казалось, что лагеря вместе с сотнями человеческих жизней, пусть и осужденных по законам военного времени, и вовсе не было на белом свете. Жуть — да и только! Условия, в которых жили и трудились заключенные, были настолько невыносимыми, что из-за них да полученных на каторжной работе тяжелых заболеваний смерть людей косяками, как траву литовка, косила. Наконец мы с другом, старше меня на три года, доведенные до отчаяния, хотя и полуголодные, оттого физически слабые, все же нашли в себе мужество бежать... Специально дождались второй половины лета — времени созревания всевозможных таяжных дикоросов — я говорю о ягодах, грибах — это было крайне важно для поддержки хоть каких-то сил, поскольку на “материк” можно было выбраться только сушей, преодолев после лесотундры настоящую вековую тайгу, простиравшуюся до первой железнодорожной станции на полторы тысячи километров. В общем, сбегать-то нам удалось, вот только далеко от лагеря уйти не получилось по причине того, что мой старший товарищ, перепрыгивая через ручей, подвернул ногу. Вскоре мы были схвачены пущенными в погоню за нами охранниками, вооруженными автоматами. За всю жизнь людей злей и подлей, чем они, я не встречал. Посуди сам: эти негодяи на моего друга сразу же спустили остервенело лаявших и рвавшихся с поводков немецких овчарок, которые на моих глазах, к моему ужасу, буквально в ключья растерзали его. Меня же охранники так безоглядно и сильно били прикладами автоматов, что в нескольких местах сломали ноги, приговаривая: “Будешь век помнить, сучий сын, как от нас бегать! Следующий раз, так и знай, просто пристрелим как собаку! Глядишь, и другим неповадно будет с тебя пример брать, мразь ты этакая!” Но, несмотря на свою крайнюю жестокость, видать, для отчета, меня все-таки на самодельных носилках доставили в лагерную больничку, где я за пару месяцев кое-как и оклемался. Вот теперь, как только наша северная погода еще только где-то в глубинных небесах начинает меняться к дождю, а зимой к морозам, у меня в местах переломов ноги и побаливают, да нудно так! Днем, когда расхожусь, еще терпимо, а по ночам не знаю, куда их деть, и, вот зараза, никакие мази не помогают, ну все равно что мертвому припарки!

Все собираюсь по примеру твоего отца, фронтовика, на грязь, хотя бы наши якутские — кимпендяйские съездить, да никак не соберусь — то одно горит, то другое надо в безотлагательном порядке тушить. Ну ладно, как говорится, проехали...

Когда Геннадий Иванович вспомнил о перенесенных лишениях, голос его вдруг стал глухим, словно струна хомуса, задрожал, руки так сильно затряслись, что он с большим трудом, видать по лагерной привычке, свернул очередную сигарку, а когда наконец закурил, то вдыхал прогорклый табачный дым жадно, всеми легкими, и они, как мне невольно казалось, аж хрипели, а может быть, так и в самом деле было. Я всей душой проникся к нему жалостью, хотя понимал, что как раз она-то ему, человеку с железной волей, менее всего надобна. Что-либо говорить я не мог, словно напрочь потерял дар речи, и только прерывисто вздыхал, готовый в любой момент разрыдаться, как ребенок. Скорей всего, так бы и случилось, если бы Геннадий Николаевич, высказавшись, окончательно придя в себя, вновь совершенно спокойно не заговорил на первоначальную тему:

— Знаешь, Ванек, смотрю я на тебя, смотрю и неустанно Бога молю, чтобы мой подрастающий сынок Николашка вырос таким же, как ты, советливым и трудолюбивым не по годам!

— Не переживайте, обязательно таким и вырастет, даже лучше! — уверенно ответил я и, посмотрев на ручные часы — подарок отца за успешное окончание шестого класса, тихим голосом попросил: — А сейчас мне бы лошадь порезвее да повыносливее, а то работа-то, сами понимаете, ох как не ждет! Скот леспромхозовских рабочих, поди, уже с самого раннего утра, как к себе на скотный двор, наведаясь на зеленку, после дождя только-только густо пошедшую в рост!..

Геннадий Николаевич, как будто несколько минут назад своими горькими воспоминаниями о лагерной судьбе нанес себе еще одну душевную травму, как-то больно уж загадочно, вскользь посмотрел на меня, почесал за ухом, словно что-то важное для себя решая, а потом вдруг резко предложил, как шапку от души наземь бросил:

— Эх, Ванек, а мне ведь и в самом деле ничего для тебя не жалко — бери-ка моего серого жеребца по кличке Гром, а то он последнее время что-то, вижу, без доброй работы заскучал больше меры... Даже от отборного овса морду воротит и все недовольно своим зеленым, как огонь горящим, глазом косит... Того и гляди, как бы недоуздок одним махом головы не порвал и на волю-волюшку не ухлестал!

— Это уж не того ли нахрапистого, который, знающие люди говорят, был настолько свободолобивым, что когда вы на него седло в стойле надевали, он, хрипя и ломая пополам ударами задних копыт стойловые жерди, чуть в обморок не упал? — не без робости спросил я.

— Его самого! — тотчас произнес Геннадий Николаевич с какой-то лишь ему понятной гордостью. — Только теперь не он в обморок падает, а я, когда по совхозным надобностям скачу на нем по полям да покосам с такой скоростью, что у меня от встречного ветра слезы из глаз так и вышибает, знай успевай ладонью утирать. В общем, бери, не пожалеешь! Во всяком случае, ни одна корова, ни один самый шустрый бычок от твоей хлесткой плетки не убегут. Слово даю!

Гром в деле действительно оказался не только очень выносливым, но и завидно быстрым на ноги. Мы с ним до обеда успевали объехать по всему периметру, а это без малого тридцать верст, вверенные мне совхозные посадки. Хотя они и были полностью огорожены, но старой изгородью из деревянных кольев и в пять рядов лиственничных, прогонистых жердей. Во многих, особенно дальних местах, поросших не только густым кустарником, но и самым настоящим вековым смешанным лесом, даже лиственничные кольца в земле сгнили, изгородь набор завалилась, а если и держалась, то лишь благодаря многочисленным подпоркам, установленным моими предшественниками. А коровы, непутевыми жадными хозяевами не отданные всего-то за три рубля, почти даром, в месяц пастуху, чтобы спокойно пастись на пастбище, специально отведенном для частного скота на Большом острове, предоставленные

сами себе, проникали через поломанную изгородь на дружно взошедшую зелень, нанося совхозу непоправимый ущерб. Среди непутевых хозяев находились даже и такие, которые сами — чтоб у них руки отсохли! — внезапно перерубали прихваченным специально с собой топором жерди изгороди и пускали в совхозное капустное поле свою скотину — жуй сочную зелень от пуза, наполняя вымя вкусным жирным молоком за государственный счет! От такого позорного поведения односельчан я, честно признаюсь, глубоко в душе вскипал самой настоящей злостью. Точно не зная хозяев животных в лицо, чтобы им напрямую сказать все нелюбимое, что о них думаю, я “заблудшую” корову выгонял с поля и со свистом и хлестким охаживанием кожаной плеткой по бокам гнал бедную, в общем-то ни в чем не повинную скотину километра три, аж на самый южный конец поселка, к огромной свалке отслужившего свой срок железа, где не то что травы-пырея, но жалкой соломинки днем с огнем не сыскать. Естественно, после такой процедуры непутевым хозяевам вечером ожидать от своей кормилицы привычного надоя было делом напрасным. Жестоко? Согласен! Но как по-другому учить порядку невидимых совхозных, а значит, и моих врагов — непутевых, да к тому же страсть как наглых хозяев животных, я не знал, да и не мог знать из-за постоянной нехватки времени.

Кроме охраны вверенного мне государственного добра еще ведь и приходилось даром ремонтировать прохудившуюся изгородь. Для этого к седлу были всегда крепко приторочены штыковая лопата, топор и двухсотмиллиметровые гвозди с молотком. За весь период работы охранником посевов такой на совесть восстановленной изгороди набиралось не меньше двух, а может, и трех сотен метров — никто ведь их не считал! В переводе на деньги это, по самым низким расценкам, составляло около двухсот рублей — в два с лишним раза больше, чем я в месяц получал за основную работу. Но я об этом совершенно не жалел, ибо в юности для человека с природным трудолюбием, развитым примером родителей, важно не сколько получишь денег за ту или другую работу, а насколько освоишь сам процесс труда, поскольку в нем приобретаешь все новые и новые рабочие навыки, которые, рано или поздно, обязательно пригодятся в долгой жизни. Да-да, как ни странно, но я уже тогда в посильной мере для моего юного ума это понимал.

Комариным да мошкариным вечером, который часто переходил в непроглядную, хоть глаза коли, ночь, закончив работу, я по уговору с Геннадием Николаевичем не возвращал Грома на конюшню, а, облюбовав недалеко от дома, у деревянного здания небольшой совхозной электростанции обширный джук со свежей, густой изумрудной травой, выводил на него пастишь. Чтобы он, наевшись от пуза вкусной, молодой, сочной травы, где-нибудь не запропал, я один конец длинной, метров в тридцать, веревки привязывал надежно к передней ноге лошади, а другой — к вбитому глубоко в глинистую землю крепкому березовому колу. Вдовольно вместительную, мной старательно сколоченную из обрезных тесин кормушку насыпал от души ядреного крупнозернистого овса, заранее полученного по соответствующей норме у кладовщика на складе. Естественно, этого овса, как мне казалось, жеребцу не хватало, чтобы быть сполна сытым, а значит, и способным выдерживать ежедневные, продиктованные характером моей работы, тяжелые, на износ, скачки. Просить о выделении сверх нормы было делом бесполезным, поскольку отпуск всех кормов утверждался загодя приказом главного зоотехника. Поэтому, отдавая себе полный отчет в своих, сразу скажу, нечестных намерениях, кормовую проблему я осмелился решить чуть ли не способом Геннадия Николаевича в его суровой донельзя юности... Как-то, заканчивая объезд полей, несмотря на наступившие вечерние сумерки, я заметил, что в одной селялке, стоящей одиноко в конце поля на меже, овес вперемешку с горохом не был полностью высеен, то ли потому, что не хватило площади пашни, то ли потому, что у селялки сломался какой-то важный агрегат... Только поздно вечером, когда совершенно стемнело, я, можно сказать, у совхоза для совхоза, без больших угрызений совести, только остро чувствуя страх быть пойманным на месте кражи, невольно то и дело оглядываясь по сторонам, весь посевной материал выгреб из бункеров и ссыпал в два холщовых мешка,

каждый весом килограммов по семьдесят. Пока возился, стало светать, и я вынужден был краденый корм спрятать в стоящем рядом с полем густом сосняке. Но назавтра, также поздним вечером, а вернее, наступившей ночью со своей спасительной непроглядной темнотой, тайком вывез его в поселок. Но на всякий худой случай не к себе домой, а к старой, требующей ремонта лодке, лежащей вверх днищем у самого края лужка с изумрудной травой. Там, под лодкой, и схоронил овес с горохом и почему-то — вот дурень! — не подумал, что в любой день старший моторист, по совместительству с основной работой занимавшийся не только ремонтом, но и строительством новых, в том числе и моторных “кораблей”, мог запросто взяться и за прохуdivшуюся лодку. Вот шуму-то было бы! А главное — всевозможных разборок, в результате которых точно вскрылось бы и мое, пусть и продиктованное заботой о животном, самодеятельное воровство. Слава богу, пронесло! Но это стало мне на всю жизнь уроком: никогда, ни при каких обстоятельствах не идти на сделку с совестью. Не тобой положенное, не тобой рано или поздно, но будет взято. И никак иначе! Только Геннадий Николаевич за своего любимого жеребца в части кормления мог быть совершенно спокоен. Одного немного жаль — он этого не знал. “Вот и хорошо!” — спохватился я, а то, думаю, за такую глупую “находчивость” он бы меня точно по вихрастой головке своей шершавой, мозолистой ладонью тепло не погладил.

И все-таки в совхозе из всех многочисленных работ мне больше нравилось заготавливать на отдаленных участках для совхозного скота на всю долгую-предолгую зиму сено. По этой причине с еще большим нетерпением, чем какую-либо другую работу, ждал времени формирования сенокосных бригад и отправки их на те или иные угодья с богатым травостоем. Обычно это происходило в самом начале третьей декады солнечного июня, чтобы до непосредственной косьбы у работников звена было достаточно времени для ремонта заготовительной техники: конных и тракторных сенокосилок и граблей, волокуш, а прежде — обустройства жилья...

Хоть мой отец и возглавлял отделения, я никогда не просил его отправить меня конкретно в какую-нибудь сенокосную бригаду. В прошлое лето я работал на участке с эвенкским названием Какалыр, находившемся в пятидесяти километрах от поселка, славившегося своими огромным озером, протянувшимся вдоль сенокосных полей, как бы разделенными нарочно природой небольшими лесными перешейками на добрых три километра. В озере кроме огромных, с лопату, карасей водилась и другая богатая рыба: сорога и тугунок. В густой ярко-зеленой осоке, буйно растущей по озерным берегам, гнездились и выводили свое потомство утки всех калибров и мастей, а также гуси, важно переходящие по отмели с одного озера на другое. Когда их птенцы, в достаточной мере оперившись и окрепнув, вставали на крыло, озерная гладь буквально пестрела от них. Вот где было раздолье для заядлых охотников — стрелять не хочу! Тем более что косарям по заявкам совхозного руководства охотничье районное управление выдавало специальные лицензии на отстрел нужного количества боровой и водоплавающей дичи для организации котлового питания.

Однако на этот раз меня, естественно с отцовской подачи, назначили в бригаду Василия Ивановича Иванова, ежегодно заготавливающую для совхозных буренушек первоклассное, богатое каротином сено на одном из самых дальних участков, тоже с эвенкским названием, Жемпо. До него от поселка было не меньше восьмидесяти верст, двадцать из которых проходили вверх по течению величественной сибирской реки Лены со скалистыми берегами, по многочисленным расщелинам, поросшим лиственничным лесом, а остальные — сначала по лесовозной дороге, а потом по проложенному, а вернее, прорубленному в вековой тайге еще в далекие царские времена проселку. Когда меня, как положено, под роспись ознакомили с соответствующим приказом, я опрометчиво подумал: “Жемпо так Жемпо! Это даже хорошо — узнаю еще одно памятное таежное место, где в очень далеком время располагалось большое якутское поселение во главе с тайоном, по-русски князем”.

Знающие люди говорили, что там рядом нет большого озера, зато чуть в отдалении, этак в трех-четыре километрах, небольших утиных водоемов с

твердым дном было великое множество. А на находившуюся перед ними обширную, открытую со всех сторон поляну с черным песком, на взгляд напоминающей печную золу, почему-то вот уже много веков не зарастающую даже травой пыреем или колочками, способными выживать в страшно знойной пустыне, по осени глубокой ночью садились стаи гусей и лебедей. Протекавшая рядом стремительная горная речка с холодной до зубной ломоты и прозрачной, как слеза ребенка, водой, богатая хариусом, делала эту поляну особенно привлекательной: птицы не только отдыхали после длительного перелета на теплый юг, но еще и в полной мере подкрепляли силы рыбой и другой живностью в виде тех же многочисленных небольших ящериц, постоянно снующих в поисках пищи по черному песку. На обочинах можно было поохотиться и на серых мышей, тоже водившихся в немалом количестве.

Когда я пришел на конюшню сдавать Грома Геннадию Николаевичу и взамен получить другую, отряженную на сенокос лошадь, он на мое приветствие ответил крепким пожатием руки и тотчас внимательно оглядел своего жеребца, потом, подойдя к нему вплотную, провел ладонью по упитанному крупу и удивился:

— Ванек, ничего не понимаю! Конюшня находится у самого края картофельного поля, отделенного от обширных посадок кормового овса лишь узкой межей. Это позволяло мне из-за ограждения частенько наблюдать за твоей шустрой, прямо-таки стоической работой. Думал: “Ну ладно, парень молодой, пусть власть потешится”, тем не менее, мне было очень жаль Грома, когда ты, как заводной, верхом на нем по нескольку часов кряду гонялся за коровами да быками, которые, задрав хвост трубой, как быстро ни убегали от тебя, все равно были настигнуты и, подгоняемые жгучими ударами плетки, выдворены с поля. Я, не буду скрывать, даже жалел, что отдал тебе своего жеребца, как это мне казалось со стороны, на самое настоящее истязание. И, конечно, с глубокой грустью ожидал, что ты вернешь мне Грома вконец исхудавшим — аж можно будет одними глазами, не хуже рук, ребра считать! — от бешеных многочасовых скачек. А тут смотрю себе удивленно и душой, как ребенок малый, которому наконец вернули любимую игрушку, не нарадуюсь: жеребец в полном порядке, исполненный таких сил и лихости, что аж на месте спокойно не стоит, — все бьет и бьет передними копытами — только земляные ошметки в стороны сильным веером так и летят! В чем дело, не скажешь, Ванек?

— Как не сказать? Скажу! Причем единственно верно! В большой любви к добрым животным, Геннадий Николаевич! Да-да, только в ней одной! И вам, как никому другому, это хорошо известно!

— Однако, ты, мой юный друг, лукавишь, сильно лукавишь! Но, как говорится, победителя не судят. В общем, молодец! И тут же, переведя разговор совершенно в другое русло, спросил: — А на покос, значит, в этом году отправляешься в далекий старинный наслег Жемпо?

— Туда, туда, Геннадий Николаевич!

— А я, Ванек, в том знатном месте по службе не раз бывал. Сразу скажу тебе, что оно во всех отношениях на зависть! Там тебе и хороший травостой, и прекрасная охота, да и ловля на мух золотистых хариусов замечательная! — И вдруг, вспомнив, что время бежит, вновь переменял тему разговора: — А лошадь, отряженную на покос, я уже подготовил. Можешь хоть сегодня забирать.

— Вот и отлично, звено как раз сегодня и отправляется!

Проведя меня в самый конец конюшни, Геннадий Николаевич показал на стоящую в стойле и спокойно хрумкающую зеленую свежескошенную траву статную, широкогрудую, с сильными, толстыми, как у самых настоящих воронежских тяжеловозов, ногами, недавно подкованную на совесть серую лошадь:

— Кличут этого мерина-трудягу Спокойный. На тяжелой сенокосной работе ему замены нет. Да что я расхваливаю коня? Сам увидишь!

Не говоря ни слова, я вошел в стойло, на всякий случай не без опаски отвязал поводья и под уздцы вывел лошадь на просторный, сплошь покрытый навозным слоем двор. Накинул на спину мерина кавалерийское кожаное

седло с войлочным потником, затянул потуже подпружные ремни, подогнал под свои ноги стремяна и, наскоро попрощавшись с Геннадием Николаевичем, молодецкато вскочил на Спокойного и стал править к дому, где меня терпеливо поджидал верный друг — годовая овчарка Мухтар — и еще с вечера собранные нехитрые вещи, необходимые в любой дальней и долгой производственной командировке.

Наскоро пообедав под жалостливым взглядом матери: шутка ли! — сын уезжает на целых два месяца чуть не к черту на кулички, — приторочив объемистую вещевую сумку с ляжками к одной стороне седла, к другой — тщательно упакованные в крепкую мешковину “тозовку” с ружьем двенадцатого калибра и несколько пачек патронов, я спустил с цепи собаку, скомандовав ей: “За мной!” и поехал на песчаный, пологий берег Лены, где обычно приставали суда. Там уже с самого утра полным ходом шла погрузка на плоскую большую баржу нашего сенокосного звена со всем необходимым скарбом, горюче-смазочными материалами для трактора Т-16, запасными частями и агрегатами к разной прицепной сенозаготовительной технике, находящейся на хранении непосредственно в Жемпо. Если других лошадей на баржу приходилось чуть ли не силой, подхлестывая по крупу плеткой да зычно покрикивая, загонять по дощатому, сильно прогибающемуся трапу, то Спокойный, взятый крепко под уздцы, без тревоги, словно всю жизнь только и делал, что путешествовал, катался на баржах по рекам, вместе со мной взшел на высокий борт, грохоча железными подковами по железной палубе. Следом за ним в два прыжка поднялся по трапу и Мухтар. Лошадь я напрямик отвел к небольшой, всего с одним иллюминатором, по случаю жары открытым внутрь настежь, рубке шкипера, возле которой была изготовлена из крепких ошкуренных жердей коновязь. Привязал к ней Спокойного, рядом с ним властно приказал сесть собаке.

Когда загрузка сполна закончилась и стопятидесятиильный катер, арендованный в леспромхозе, от натуги аж вжавшийся кормой в реку, словно приготовившийся к какому-то огромному прыжку и совершивший бы его, да невидимые пути не позволяли, вывел тяжело груженную баржу на самый широкий стремительный фарватер великой полноводной Лены, я подошел к спокойно, не без удовольствия курящему бригадиру с непокрытой неизменной кожаной фуражкой головой, отчего его волосы, несмотря на то, что они во время жаркой погрузки от пота слиплись, прядями развевались на свежем речном ветру:

— Василий Иванович, извините, что я вас неожиданно беспокою, но можно задать волнующий меня вопрос?

— Задавай, Иван, сын Ивана, — с готовностью, но не без доброй иронии разрешил выдавший виды бригадир, обдав меня клубом табачного дыма.

— Спасибо, — поблагодарил я, отвернувшись от следующего никотинового облака, — но вы не могли бы мне сказать, в каком качестве намерены использовать меня на покосе?

— Ты ведь сено косишь не первый год? Так? — вместо того, чтобы сразу ответить, спросил Василий Иванович.

— Да, не первый!

— Так вот, я думаю, что тебе пора управляться конными граблями. Как сам понимаешь, большой сноровки в этом деле не надо, ну а силенок должно с лихвой хватить! Или я все же тороплюсь?

— Никак не торопитесь, Василий Иванович! Я уже в прошлом году не только всю греб сено, но подменял по производственной надобности тракториста.

— Значит, я верно подумал насчет тебя. И моим словом, и твоим согласием давай свяжем, скажем так, наше общее решение. Годится?

— Годится! — согласился я. — Но, вы уж, пожалуйста, извините, у меня есть еще одна не менее важная просьба!

— Какая?

— А можно за граблями закрепить Спокойного?

— А почему нельзя? Можно, тем более что лошадь, как я вижу, тебе приглянулась. Не зря же ты, едва отчалили, уже успел к ее морде мешочек

с овсом подвязать, который она с удовольствием поедает — наверно, и сам слышишь, какое хрумканье на всю баржу стоит! Только в таком случае тебе придется одному от Турукты до самого Жемпо, это больше шестидесяти верст, и все как одно через глухую тайгу, да еще и в ночь, перегонять Спокойного. Не убоишься?

Вопрос застал меня врасплох. В башке мгновенно вспыхнула страшная картина глухого, ушедшего в непроглядную темень, полного хищных зверей леса. Я невольно поежился. Но все же нашел в душе силы, чтобы как можно уверенней ответить:

— Не убоюсь! Да и не один я буду, а со своим верным Мухтаром!

— Это с тем, который лежит рядом с лошадьёю?

— Василий Иванович, он не просто лежит, а работает. Во-первых, охраняет лошадь, во-вторых, приглядывает за мной!

— С лошадьёю все ясно! А за тобой-то что наблюдать?

— Как что? Вдруг вы на меня нападете! — в шутку сказал я.

— Ну нападу — и что?

— Хотите посмотреть?

— А почему бы и нет!.. Но строго предупреждаю: если ничего из твоей затеи не выйдет, то лошадь, о которой только что договорились, чтобы она была закреплена за граблями, будет в паре с другой — Смелым — впрягаться в сенокосилку! Идет?

— Запросто! А теперь просто, но резко замахнитесь на меня.

И Василий Иванович, видимо, чисто из любопытства, наблюдая одним глазом за собакой, вскинул руку. Тотчас Мухтар сорвался с места и молнией бросился в сторону бригадира, готовый в прыжке острыми, как ножи, клыками вцепиться мертвой хваткой в руку. От неожиданности бригадир шарахнулся в сторону, но я властно приказал: “Мухтар, фу!”, и собака, по инерции проскользив передними лапами по железной палубе метра два, остановилась и, оскалившись, злобно зарычала на Василия Ивановича. Я подошел к собаке, погладил ее по холке, успокаивая: “Свой, свой, Мухтар...” После этих слов он как ни в чем ни бывало лег у моих ног, вывалил из пасти алый язык, с которого капала слюна, но все равно настороженно смотрел на моего мнимого обидчика.

— Ну и зверь же у тебя, Ванек, а не собака! — от испуга, приходя в себя, произнес Василий Иванович и тотчас спросил: — А откуда пес?

— Мне его месячным щенком прошлой весной за хорошую учебу подарил отец. Я сразу же из обрезных тесин построил для него будку, которую, чтобы в ней сохранялось собачье тепло, оббил изнутри старым войлоком. Он в ней и сегодня, можно сказать, припеваючи живет. Когда ему исполнилось шесть месяцев, по книге “Собаководство”, купленной в сельповском магазине, стал приучать его выполнять разные команды. Как охотник он, конечно, уступает нашей северной лайке, но в части защиты или охраны ему замены нет! В чем вы только что убедились сами. Вообще я с самого раннего детства, по крайней мере сколько себя помню, очень люблю собак. Этот пес у меня уже второй, первый, которого я тоже кликал Мухтаром, к сожалению, еще когда мы жили под Якутском, был насмерть сбит грузовиком...

— Сочувствую тебе, Ванек!

— Спасибо...

— И то, что собак любишь — это замечательно!

— Я тоже так считаю, хотя бы потому, что чем она злее, тем добрее человек, вырастивший и выдрессировавший ее, поскольку, считая себя защищенным, он не может с большей силой не чувствовать личную свободу... Может, я ошибаюсь, но думаю всеерьез именно так!

— Да, Ванек, ты, как я вижу, с головой! Уж не собираешься ли после школы учиться на математика или философа?

— Вы это, Василий Иванович, всерьез спросили?

— Конечно!

— В таком случае без всяких шуток отвечаю: нет! Поскольку с раннего детства грежу морем, вернее, хочу выучиться на морского офицера, чтобы

дослужиться до звания капитана первого ранга и стать командиром ракетного крейсера — не больше не меньше!

— Ну что ж, попутного ветра тебе в жизненные паруса! — закончил разговор Василий Иванович. И, повернувшись спиной к ветру, закурил следующую папироску от спички, укрытой от ветра в ладонях, и стал с наслаждением втягивать горьковатый табачный дым в легкие.

А я с сожалением подумал: “Ах, профан же ты, Ваня! Когда выиграл пари у бригадира, надо было со своей стороны на спор тоже какое-нибудь условие выставить. Ну да ладно! Всяк горазд после драки кулаками махать или задним умом думать!..” И, отправив Мухтара на место — к Спокойному, я, по узким рифленным железным ступенькам поднявшись в рубку, стал во все глаза любоваться ленскими просторами!

В тот летний день, как и положено в начале последней декады июня, стояла солнечная сухая погода. Температура уверенно уже к двенадцати часам поднялась аж до тридцати одного градуса — наступила самая настоящая жара, которая так раскалила воздух, что он вдыхался тяжело, отчего приходилось его хватать широко открытым ртом, ну словно выброшенная волной на берег рыба. На берегу, открытом прямым солнечным потокам, пока шла погрузка, все члены бригады буквально умывались соленым потом. Казалось, сердце колотится не в груди, а в самом горле, готовое от нагрузки вылететь вон! Приходилось вместо десятиминутного перекура время о времени устраивать самое настоящее купание с заплывом подальше в реку, где вода никогда не прогревалась больше восемнадцати градусов — была ободрающе прохладной. Тяжко приходилось и крепко привязанным лошадям. Словно очумев от жары, многочисленные оводы, огромные пауты, гудя, как бомбовозы, не давали никакого житья бедным животным, — с силой впиваясь своими острыми, как птичий клюв, жалами в крупы и другие места, до которых не доставал жесткий хвост. Но, едва катер оттащил на длинном, толстом металлическом тросе баржу на самую середину широченной реки, как все круто изменилось...

Нет, солнце по-прежнему стояло в зените, но от воды исходила ощутимая прохлада, а встречный ветер так освежающе обдувал лицо, что словно сами собой блаженно закрывались утомленные от прямых солнечных лучей глаза. Волны звонко плескались в крутые борта баржи, но поднятые не ветром, а огромными встречными судами: нефтеналивными танкерами, сухогрузами, пассажирскими теплоходами. Да еще и снующими вверх и вниз по течению многочисленными лодками с подвесными, стройно гудящими, словно назойливые комары, моторами. От высоченных правобережных скалистых сопок, поросших густым лиственным лесом, почти до самого фарватера лежали светло-синие тени, переламываясь на пенистых волнах. Серо-белые кудлатые облака вместе с солнцем словно оторочивали золотом белые гребни, глубоко отражаясь в реке. А в воздухе, несмотря на сильный зной, стремительно носились белоснежные чайки с большими, гибкими, сильными крыльями, то опускаясь до самой воды, на развороте чиркая крылом, как бритвой, по волнам, то поднимаясь чуть ли не к самым облакам, чтобы с высоты зоркими глазами высматривать поднимающуюся из темных глубин к лазурной поверхности реки рыбу. Любуясь свободным полетом речных птиц, мне самому хотелось, как крыльями, взмахнуть руками и прямо с рубки взлететь и стремительно подняться все выше и выше, как бесстрашный Икар, прямо к раскаленному солнцу!

Через два часа плавания двадцатикилометровый водный отрезок нашего пути без каких-либо происшествий был преодолен. Катер подвел баржу к высокому песчано-глинистому берегу, вдоль которого стояли деревянные, рубленные еще до войны жилые дома Турукты, поселка, в котором жили и трудились лесозаготовители, а до войны в нем еще располагался небольшой колхоз, в котором на полях, отвоеванных у дремучей тайги, рабочие выращивали рожь. Одним из первых на берег сошел я со своей лошадей и собакой. До Какалыра дорогу знал хорошо, да и поворот на Жемпо мне был известен, поскольку еще в прошлое лето в непогоду с ружьем облазил все окрестности. Поэтому не терял и минуты зря, тем более что за время вод-

ного пути я с Мухтаром пообедал чем бог послал, а Спокойный схрумкал полностью приличную порцию овса.

Рукой махнув бригадир: “Всего хорошего! До встречи!”, я, с тревогой помня о возможных таежных опасностях, словно бросившись в омут с головой, все же решительно отправился в путь. По совершенно безлесному, напрочь запыленному ветрами и лесовозными машинами поселку нетерпеливо проехал шагом, чтобы не злить местных собак, но как только миновал последний дом — помню, это было почерневшее от времени здание четырехквартирного жилья, пустил лошадь крупной рысью. Проселочная грунтовая дорога была в таком хорошем состоянии, так укатана шинами автомашин, что позволяла скакать и галопом. Но надо было беречь лошадиные и свои силы, чтобы без остановок даже на еду, как можно скорее добраться до места. Солнце наконец пусть медленно, но пошло на закат. Жара, словно напрочь притомившись от непосильной работы, стала слабеть, причем ощутимо. И я вспомнил, что курточку, заботливо предложенную матерью, я вместе с другой одеждой уложил в дорожную сумку, которую — вот верхогляд! — в спешке оставил на барже, — как был в легкой, с короткими рукавами рубашке, так в ней и отправился в неблизкий таежный путь!

Первые двадцать километров под птичьих распева да кукование кукушки прорылся в охотку и стал спускаться по длинному склону с высоченной лесистой сопки, которую водители лесовозов еще в первые послевоенные годы за большую крутизну прозвали Шаманом, к глухой таежной речке Жербинка, сильно перекаистой, с глубокими заводями у крутоярых берегов, взятых в обрамление высокой, жесткой и острой, как лезвие якутского ножа, осок. Сразу вспомнилось, как в прошлом году мы всей бригадой несколько раз, пресытившись озерной рыбой, раз в двадцать дней устраивали выходной и приезжали на лошадях половить речную — щуку, окуня, ельца и царя всех таежных небольших речек — линка, с темной чешуей на спине, а по бокам — серебристой!

Рыбалка заключалась в том, что двое самых умелых рыбаков две двадцатипятиметровые сети “тридцатки” связывали между собой и перегораживали ими речку с одного берега до другого. А остальные, срубив длинные гибкие тальниковые ветви и раздевшись до трусов, встав в ширину речки на равном расстоянии друг от друга, где вплавь, где бродом двигались навстречу сетям, постоянно с силой хлеща вперед себя по воде. Стая рыб, испугавшись, одной частью разбегалась по сторонам, зато другой поднималась со дна омутов и бросалась вверх по течению прямо в расставленные сети. Нам, новоявленным рыбакам, оставалось только вытащить отяжелевшие от большого количества разнообразной рыбы снасти на берег, где поровнее, и с горящими глазами от созерцания живого серебра вынуть богатый улов. Рыбы и в самом деле оказывалось так много, что хватало и для вкусной ухи, сваренной тут же на берегу на заранее разведенном костре, и для того, чтобы положить про запас в старый ледник, принадлежавший якуту-связисту, с семьей почти безвыездно проживавшему в Какальре. А чтобы рыба за время обратной дороги на жару не испортилась, мы укладывали ее в бочонок рядами, между которыми щедро простилали промоченную траву и мох, заготовленный в ближайшей лесной чаще. Таким образом, за короткий отрезок дневного времени мы всей дружной бригадой и вдоволь ловили рыбу, и купались, и отдыхали от тяжелого сенокосного труда.

В Какальр я прибыл в сумерках, но еще на подъезде к нему душу охватило ностальгическое чувство по прошлому лету. Эх, с каким бы я удовольствием вновь прошелся по знакомым чуть ли не наизусть поляночкам, по которым вышел бы к большому, протянувшемуся на несколько километров озеру, памятному сердцу не богатой рыбалкой, а тем, что именно на нем я впервые в жизни увидел, нет, смел созерцать якутских черных лебедей — стерхов! Время поджимало, и я, хоть и был хорошо знаком с якутом-телефонистом, жившим со своей семьей в старом пятистенном доме, крытом тесом, за долгое время почерневшим и местами охваченным сырой зеленой плесенью, не стал заезжать даже попить чайку, который, конечно, взбодрил бы меня. Однако сидящие на цепи у дома собаки, страшно злые, учуяв чужого человека,

да еще и на лошади, бешеным лаем сопровождали меня до самого переезда через речку Жемпинку. Несмотря на сгустившиеся до почти непроглядной темноты вечерние сумерки, я смело вброд на перекате преодолел ее и выехал на заросшую травой и кустами, старую-престарую, еще помнящую эвенских оленеводов таежную дорогу. Кроме как шагом, постоянно переживая, как бы лошадь ненароком не оступилась, ведь это могло грозить вывихом, ехать по ней было невозможно. С темнотой, неотвратимо, как вражеские полчища, подступившей со всех сторон, стало холодно и сыро. Я все чаще и чаще слезал с заметно уставшей лошади, чтобы, держась за стремя, быстрой ходьбой хоть немного согреться. На ходу то и дело натыкался на колючие ветки кустов, казавшиеся лишь смутными пятнами на лике земли. Тем не менее они с силой хлестали меня по рукам и плечам, в кровь царапали незащищенное лицо. Мухтар то ли от страха, помимо его воли в темноте, словно в жуткой неизвестности настигавшего его, то ли от чувства сопричастности с человеком, то подбегал ко мне, то убегал вперед. И все же его поведение было уверенным и вселяло уверенность в меня, я начинал меньше бояться... Хотя каждый впереди растущий, скорей угадываемый, чем видимый куст непременно казался вставшим на дыбы огромным медведем. К безлунной и почти беззвездной ночи нудно зудящих, ох каких кусачих комаров стало меньше. Зато въедливая, как вши, мошкара кишачими тучами набрасывалась на мои открытые руки, жадно впивалась в лицо, нагло лезла в глаза. Стараясь хоть как-то избавиться от нее, я без перерыва только успевал хлестать ладонями по рукам, протирать опухшие, красные от ядовитых укусов веки.

Короче говоря, последняя часть так называемой дороги от Какалыра до Жемпо мне показалась земным адом. И все же я ни разу не пожалел, что в ночь и в одиночку отправился в непредсказуемый таежный путь, поскольку в самом конце его меня ожидала любимая работа и встреча со старшим товарищем, Георгием Балаевым — работавшим на постоянной основе охотником в госпромхозе, а летом охотно входившим в сенокосную бригаду подзаработать дополнительных денег. Что ни говори, но за заготовке сена в совхозе платили очень неплохо!

В километре от Жемпо дорога, наконец выбравшись из болотистой местности, шла через сухой сосновый бор. С облегчением и радостью я глубоко вздохнул, словно меня после долгого сидения в подполье выпустили на волю-волюшку, и снова погнал лошадь рысью, хотя и понимал, что ей, сильно вспотевшей, с трудом переставлявшей ноги, десятичасовая дорога тоже досталась ценой больших усилий. С первыми лучами восходящего солнца, когда окружавший меня мир стал вновь хорошо виден, я уже нетерпеливо стучался в темную от времени колоду избышки Георгия. Друг-охотник, спросонья протирая глаза, отворил дверь не сразу, но, увидев меня, еле стоявшего на ногах, так и ахнул:

— Боже мой! Это что с тобой, Ванек, случилось?

— Может, Георгий, сперва поздороваемся? — собрав последние остатки сил, проговорил я. — Как-никак целый год не виделись!

Вместо ответа он обнял меня своими большущими сильными руками и крепко-крепко прижал к могучей широченной груди. И мне стало настолько хорошо, что сразу же забылись все дорожные напасти, треволения, страх за себя и лошадь. И я вдруг физически почувствовал, что очень-очень проголодался — в подтянутом чуть ли не к самым ребрам животе настойчиво засосало... Когда сели за грубо сколоченный из кое-как обструганных досок стол, впритык приставленный к единственному небольшому окошку, очень напоминавшему узкую крепостную бойницу, Георгий, не без сожаления приглядевшись к моему лицу, сам же участливо и ответил на свой тревожный вопрос:

— Нда, и досталось же тебе от проклятого гнуса! Извини, Ванек, но у тебя сейчас не лицо, а сплошное кровоточащее тесто. Глаза заплыли так, что их почти не узреть! А сам-то хоть что-нибудь видишь?

— С трудом, — признался я.

— Вот давай ладом подкрепишься чем Бог послал да ложись на мое охотничье лежбище отдыхать. О коне и собаке позволь позаботиться мне!

Я так и сделал, даже не соизволив раздеться, ибо еда не прибавила сил, а, наоборот, окончательно расслабила. Сон растянулся аж до вечера, то есть почти на полсуток! Встав, чувствуя во всем теле ломоту, с хмурым, как дождевое небо, лицом и выйдя на крыльцо, я увидел, что у недалеко стоявшего дома, в котором мне вместе со всей бригадой предстояло жить до самого конца лета, ярко горел большой костер. А вокруг него сгрудились остальные, приехавшие днем в тележке, прицепленной к трактору, члены звена — кто-то сидел на сучковатой чурке, кто-то просто стоял, закурив папироску, кто-то полулежал, покусывая свежую травинку, тут же у костра и сорванную, но все как один участвовали в спокойном, рабочем разговоре, а вернее, строили планы на завтрашний первый сенокосный день. И я стыдливо поймал себя на мысли, что очень боялся, как бы и в это лето члены бригады, оказавшись без женского строгого догляда, сразу же по приезде на сенокос не ударились в пьянку на день-другой, а может быть, и на целую неделю. Якобы с целью отвести по-мужски на полную катушку душу, чего я никак не мог понять, зато должен был, как самый молодой, сжав от злости и бессилия зубы, возиться с опьяневшими чуть ли не до бессознательного состояния здоровенными мужиками — то кормить их, то убирать за ними грязную посуду, то вообще разнимать еще не набравшими полную силу руками слишком горячих, нахрапистых, прямо в избе схватившихся в драке, в которой без разбитых в кровь носов и синяков не обходилось. И теперь, при виде совершенно другой картины прибытия на место сенокосной работы членов звена я перед ними испытывал глубокий стыд за преждевременные несправедливые мысли. И вместе с этим отдавал себе отчет, что такой рабочий настрой стал возможен благодаря серьезности к подходу решения производственных задач бригадира Василия Ивановича. Это меня настолько приободрило, что последние остатки сонливости как рукой сняло, и я по-деловому присоединился к обсуждению общебригадных планов.

Таким образом, с первого же дня долгожданная трудовая жизнь на природе со всей напористостью и ответственностью вступила в свои полные права. Время в трудах да заботах полетело так быстро, что я забывал по утрам срывать очередной листок календаря, висевшего на почерневшей от времени бревенчатой стене над моей головой.

В одно августовское, все еще теплое сенокосное утро я проснулся, по обыкновению, раньше других членов бригады, поскольку должен был до завтрака отыскать и привезти в стан рабочих лошадей. Поеживаясь и зевая, вышел на высокое, почти на всю стену, правда без перил, крыльцо старого якутского дома, в котором расположились на временное жильё все члены звена, за исключением Григория. Он был построен в далекие царские времена из толстых, просушенных в тени до звона сосновых бревен, отливающих на солнце золотом, и каким-то чудом сохранился до наших дней в полной сохранности, если не считать утраты — отслужившей свой срок мебели, нерадивыми охотниками пущенной на растопку в зимние, страшно морозные месяцы в качестве дров, старых подшивок царских газет. А таких домов в якутском наслеге (поселении) с эвенским названием Жемпо, если судить по оставшимся в целостности и сохранности каменным фундаментам, сложенным из плоского речного плитняка без какого-нибудь скрепляющего раствора, было не меньше трех десятков. Располагались они хоть и на небольшом расстоянии друг от друга, но весьма хаотично: кому из местных жителей — аборигенов больше понравится то или другое место, там и начиналось вольное строительство, с каждым днем все смелее заявлявшее в полный голос о себе дробным стуком топоров, растянутым на всю длину двуручной пилы шиканьем, деловыми разговорами работников между собой да пронзительными криками вездесущей детворы...

Отдаленное расположение — больше чем шестьдесят километров — наслег от знаменитого почтового зимнего тракта, прокладываемого ежегодно по льду реки Лены, длиной почти в две тысячи верст, по которому еще в царские времена лихие ямщики на выносливых тройках осуществляли сообщение между Иркутском, тогдашней столицей восточной части государства

Российского, до возникшего стараниями казачьего сотника Петра Бекетова города Якутска, с православными храмами внутри, хоть и деревянной крепости, но весьма грозной, с высокими квадратными башнями, крытыми тесом, и крепкими лиственничными стенами, говорило о желании якутов, идущих вслед за кочующими эвенками со своими многочисленными оленьими стадами все ближе и ближе к тундре, с почти не иссякающим кормом — белым, очень питательным мхом-ягелем, — как можно дольше сохранить свою национальную культуру, обычаи, да и просто привычки, перешедшие в наследство к ним от предков, и, конечно, свой неповторимый самобытный уклад жизни. И дно тысячи лет назад высохшего озера-моря, имевшего круглую форму, за многие века превратившееся в глухое таежное место, поросшее густым, сочным разнотравьем, в основном открытое для глаз только зверей и птиц, как нельзя лучше служило для этого. Чтобы на всякий суровый случай практически все пространство перед наслегом могло просматриваться одним взглядом, дома расположили на единственной невысокой возвышенности, в самом начале аласа (лесной поляны), рядом с густым, трудно проходимым смешанным лесом, где преобладали вечнозеленые лиственницы с крепкими корнями, вросшими в грунт не менее чем на полтора-два метра, как бы вцепившимися в суглинистую землю мертвой хваткой.

О том, что действительно в далеком-далеком прошлом озеро-море существовало, свидетельствовали наполовину сгнившие, а то и вовсе превратившиеся в труху плавучие средства, напоминающие баркасы, — и я, проезжая верхом на лошади по бывшему берегу с целью проверки ловушек, поставленных на боровую дичь, время от времени на них наткнулся. Чаще всего они встречались почему-то на противоположной от нашей сенокосной стоянки южной стороне. Там же, только у самого начала многочисленных, врезающихся в расступившуюся вековую тайгу на целый километр неглубоких озер с твердым песчаным дном и обрамленных густой, острой, как лезвие бритвы, темно-зеленой осокой, стоял большой дом-пятистенок, к немалому удивлению тоже хорошо сохранившийся. Видимо, в нем до прихода в эти края советской власти проживал богатый местный тайон. В доме, к сожалению, из мебели тоже не сохранилось даже хоть какого-нибудь стула или стола, а вот невысокие, мастерски сработанные филенчатые сплошные перегородки между многочисленными комнатами — все до единой. И были они почему-то обклеены старыми, еще царских времен газетами, с черно-белыми фотографиями, с текстами, набранными с неизменным упорством старой орфографии. Подобная печатная продукция была в немалом количестве разбросана по полу и только на одном из широких подоконников с облупившейся голубой краской лежала ровной стопкой. Читая эти пожелтевшие, хрупкие, готовые в любую минуту от одного движения быстрых неосторожных рук рассыпаться, как труха, раритеты, можно было с головой погрузиться в прошлое, проследить развитие многих исторических событий, происходивших в нашем отечестве, во всех подробностях, чуть ли не в хронологическом порядке. Поэтому без всякого сомнения можно было считать, что в неоглядной, простирающейся на тысячи и тысячи километров во все стороны медвежьей да сохатиной, то есть лосевой, не имеющих себе во всем человеческом мире аналогов тайге, находился какой-никакой, но музей...

На сенокосе мы всей немногочисленной бригадой жили не по ручным или настольным, точно идущим часам, а по природным, как наши далекие предки: с первыми лучами восходящего солнца пробуждались и приступали к работе, а с последними, вместе с небом медленно угасающими, уже в легких сумерках, заканчивали. Выпрягали лошадей, не меньше нас уставших за долгий летний день, о чем говорили их низко опущенные головы и расслабленные, обычно стоящие торчком, высокие чуткие уши, и отпускали пастись до самой ранней зари. Но они, жадно пощипывая вкусную сочную траву, могли забрести к черту на кулички или, утолив голод, влекомые многолетней привычкой, вообще возвратиться, за ночь отмахав добрых восемьдесят верст, на конный двор, к страшному изумлению конюхов. А то и с концами

смешаться с каким-нибудь табуном диких, низкорослых, но необычайно выносливых своих собратьев, что значило бы только одно: навсегда потерять коней совхозных, с чьей помощью бригада должна не только выполнить за два летних месяца, но и значительно перевыполнить производственный план по заготовке сена, желательного первоклассного. Поэтому всем без исключения лошадям спутывали крепкой пеньковой веревкой передние ноги, а вожаку на шею еще и вешали ботало. Это такой железный, вроде колокола, только небольшого размера предмет с гайкой, подвешенной на кожаной веревочке внутри. Как говорится, береженого Бог бережет! И если в посевную весеннюю страду день год кормит, то в летнюю, сенокосную — порой и всего лишь одна неделя. Так что в такой таежной, отдаленной от совхоза на многие километры сенокосной глуши без лошадей — сена не накопишь, а значит, и достойной зарплаты не получишь. Кстати, она напрямую зависела в равной мере от количества и качества заготовленного грубого корма, и диктовалось это тем, что если косить следовало только по росе, то сгребать в валки с последующим копнением — исключительно в погожие солнечные дни. Любой, даже самый незначительный дождик отрицательно сказывался на качестве сена, ибо, намкнув, оно почему-то значительно теряло каротин, и специальной совхозной комиссией во главе с главным зоотехником могло приниматься лишь за второй, а то и за последний, третий сорт, стбящий вполювину меньше первого...

Забросив уздечки за спину, я отошел от стана метров на двести и замер, напряженно вслушиваясь, как охотничья лайка, в окрестную тишь: не звякнет ли где-нибудь в каком-нибудь укромном лесочке на шее ботало у наевшегося досыта вожака, которым к моей радости стал Спокойный, и теперь вместе с остальными лошадьми преспокойно дремлющего в утренних ранних сумерках. И мне повезло: в ближнем молодом березняке, через который протекал ручей с чистой, хрустальной и до того холодной водой, что аж зубы сводило, вдруг знакомобрякнуло раз, другой. А почему? Потому, что комарья в это утро носилось так густо, так плотно, что если провести в воздухе рукой, нельзя было не почувствовать, как они сослепу ударяются на всем лету в ладонь. Вот Спокойный, не выдержав их злых укусов, и мотнул резко несколько раз головой. Ну и молодец! Ну и умница! Я быстро подошел к нему сквозь траву, которая была мне выше пояса, сочную, густую, от только что выпавшей обильно серебристой росы сырую до невозможности, из-за чего и брюки, и куртка моментально вымокли так сильно, словно я совсем недавно перебрел, не зная броду, широленную реку. Проворно надев уздечки на лошадей и распутав им передние ноги, я уже через десять минут вернулся в стан, где на жарко горящем костре готовился нехитрый таежный завтрак. Привязав лошадей к высокому крыльцу дома за специально для этого вбитые в толстое бревно круглые железные скобы, за неделю поводьями отполированные до блеска, я огляделся: все члены бригады готовились к работе. Кто-то специальным молотком отбивал и оттачивал каменным брусом литовки, кто-то подтягивал ручным двухрожковым ключом гайки у конных граблей и другой техники, кто-то точил на ручном точильном станке сегменты, приклепанные к режущему полотну косилки. Лишь один Василий Иванович стоял в сторонке с папиросой во рту с видом человека, решавшего какую-то сложную задачу. А вот своего друга Георгия Балаева нигде рядом с домом я вообще не заметил. Подумал: «Наверно, решил с утра пораньше на паутов половить для засолки хариусов, ведь речка, богатая на эту замечательную рыбу, водящаяся только в исключительно чистой воде, протекала с каких-то ста метрах от стана».

Был Георгий, словно добрый молодец, сошедший со страниц русских былин, широкоплеч, под два метра ростом, с длинными, сильными руками, которыми, не на спор, а просто на потеху и зависть членам бригады, без видимых трудностей для себя мог запросто разогнуть подкову. Правда, имелся у него один небольшой изъян — говорил с легким заиканием, особенно когда впадал в расстройство или волнение. Но это совсем не мешало ему сыпать присказками по любому удобному случаю, а главное — с умыслом...

Волосы у него были темно-русыми, прямыми, намкнув под дождем или при купании в реке, свисали с головы, словно сосульки. Как у каждого человека, уверенного в своих словах и в своей силе, глаза его никогда не бежали по сторонам, смотрели прямо, будто играли с собеседником в игру: кто кого переглядит. В свои годы, далеко перешагнувшие за срединную молодость, он оставался бобылем, но время от времени для мужских утех заводил какую-нибудь сердобольную вдовушку — и ладно. Трудовой путь начал пятнадцатилетним мальчишкой, одолев восемь классов, в местном леспромхозе, но как только открылось в районе государственное охотничье хозяйство “Ленский”, сразу же пошел туда в качестве кадрового охотника, поскольку, живя с малых лет в таежном поселке, страсть как полюбил добывать всякого зверя и птицу. Не обходил стороной и озерную, и речную рыбалку, но, скорей ради выполнения плана, чем для отдохновения души. Имел, конечно, как всякий охотник, хорошую собаку — помесь немецкой овчарки и эвенкской лайки. Можно сказать, вывел прекрасного представителя новой породы промысловых собак. Дал своему псу кличку Смелый. И он ее достойно оправдывал: не одного медведя поднял из берлоги!

К нашей бригаде сенозаготовителей его ежегодно на время покоса прикомандировывали, чтобы добывать в тайге зверя, чаще всего сохатого, для нашего не очень-то разнообразного рабочего стола. Но все свободное время от охоты он с удовольствием, совершенно добровольно помогал бригаде в любом деле, какое только подвернется под руку. Особенно помощь Григория была неоценима в самой жаркой и тяжелой работе — стогометании. Высоченный, в легкой белой рубашке с длинными широкими рукавами навыпуск, в не менее широких темных брюках, туго затянутых кожаным ремнем, в домашних тапочках большого размера на ногах, чтобы пальцы зря от труднопереносимого сухого зноя не прели, с большим светлым носовым платком, повязанным на голове, он, сам некурящий, и в работе другим не давал дыха, и как заведенный все подавал и подавал, поддевая на вилы сразу не меньше, чем полкопны на стог, чуть ли не в руки укладчикам. А потом и вершителям — самым умелым сенокосчикам, поскольку от того, как стог будет надежно завершен и сверху придавлен листовничными лапами, зависела сохранность сена даже в самые проливные дожди.

Но вот, словно легок на помин, без каких-либо рыболовных снастей у костра появился и он. Я тут же подошел к нему:

— Григорий, а ты это куда запропастился?

— Чудак человек — до ветру ходил!

Я, словно полностью не расслышав его слов, переспросил:

— До какого ветра-то? Вроде тишь да гладь — Божья благодать кругом, только что-то небо мрачновато. Уж не к дождю ли?

— К нему, Ванек, к нему! И работы сегодня не будет...

И посмотрел в сторону тракториста Сергея, молодого парня ниже среднего роста, полного, с редкими светлыми волосами, с круглым невыразительным лицом, с покатыми женскими плечами, очень уж кривыми, как у правого кавалериста ногами, из-за которых казалось, что навстречу тебе идет не человек, а катится большой серый шар. По взгляду на Григория можно было понять, что он хочет лишний раз посмеяться над Сергеем, и сделал он это, чуть ли не нараспев произнеся: “Маленький дожджика — лентяям передышка!” Знал, что делал, ибо у Сергея трактор вечно был неисправен: то топливный фильтр засорен, и двигатель, густо дымя выхлопными газами, не мог набрать нужные обороты, то вдруг он проморгает резкое повышение температуры мотора — и мотор, словно обидевшись на такое к нему наплевательское отношение, выбрасывал, словно выстреливал звучным хлопком из блока через горловину радиатора вместе с крышкой всю воду. И делать нечего — надо бежать с ведром к ручью за новой, а это напрочь упущенное время! И когда — в самый разгар работы, когда от действий тракториста зависел трудовой успех всех членов звена! В общем, такого разгильдяя, как Сергей, еще надо было днем с огнем поискать. А вроде парень, полный молодых сил, здоровый, да к тому же семейный, кроме жены еще

успел в свои двадцать восемь лет трех мал мала меньше ребятишек завести. И пусть не о себе, так, казалось бы, о них надо дураку думать — с душой работать и, значит, больше зарабатывать денег на содержание семейного очага. Ан нет! Можно, конечно, с натяжкой сказать, что безоглядно пустил жизнь во всех отношениях, при любых обстоятельствах драгоценную, как паршивому псу под хвост!

И тут я вспомнил: когда еще, ни свет ни заря, шел на поиски коней, удивленно и озадаченно обратил внимание на то, что из-за самого горизонта на темно-синее небо медленно наплзали свинцовые тучи, и так плотно, что полностью взшедшее рассветное солнце никак не могло пробить их своими яркими золотистыми лучами. Воздух от избытка электричества стал настолько разреженным, что даже всей грудью дышалось трудно, как бы через силу. Вот из-за этих плотных туч и не рассветало, как обычно, стремительно — по всему небу, над всей землей. Вот откуда такое лютое нашествие с утра пораньше комаров и мошкеры — предгрозы их любимая пора. А между тем, тучи, надвигаясь друг к другу со всех сторон, в самом центре высокого северного неба соединились, накрыв землю одним сплошным волнообразным одеялом. По нему сверху прокатился в одну и в другую стороны гром, сверкнула зигзагообразная огненная молния и ударила в стоящую совсем рядом с домом Григория старую лиственницу с такой силой, что та мгновенно вспыхнула ярким пламенем и занялась жарким, трескучим пожаром. Все сенокосцы моментально побросали свои дела и, широко разинув от удивления рты, с силой выпучив враз округлившиеся глаза, а верней сказать, глазища, с замершими сердцами смотрели на чудо природы. И не сразу заметили, как на их непокрытые головы упали первые капли, потом вторые, третьи — и дождь, как через сито, мелко, но уверенно засеял.

— Ванек! — окликнул меня Григорий, а когда я, все еще находясь под впечатлением яркого природного явления, подошел к нему, попросил: — Ты бы сходил к бригадиру, предупредил, что уходишь со мной в тайгу, уж больно соскучился я по ней... Идет?

— Схожу, впрочем, зачем ходить-то — он вот, в трех шагах стоит! — с радостью произнес я, ибо самому вдруг страсть как захотелось побыть наедине с матушкой-природой, скрывающей в своей таежной глубине не только до сих пор не разгаданные тайны, но и добрые занятия в виде озерной рыбалки или охоты на водолавающую и боровую дичь. Да я, так же как мой старший, умудренный жизнью товарищ, любивший во время многочасовой ходьбы по еле видимым таежным тропам молча побыть наедине со своими мыслями, почти всегда помогавшими разрешить тот или другой вопрос, неожиданно встававший передо мной с такой категоричностью, что становился не то что судьбоносным, но очень и очень важным, хотя бы потому, что отсутствие решения его могло принести мне глубокую печаль и боль из-за моего бессилия...

Василий Иванович, мужчина среднего роста, предпенсионного возраста, чаще всего ходил в потертой кепке, из-за чего не всегда можно было определить точно цвет его волос, одетый в такой же видавший виды, пиджак, в одних и тех же кирзовых сапогах, которым, казалось, сносу нет. Менялись на нем только брюки-галифе, словно однажды на каком-то блошином рынке он закупил их впрок до конца дней своих... По праву считался в родной деревне мастером по пошивке теплых унтов из лосиных и оленьих камусов, как женских, так и мужских. Получались они намного теплей валенок, что зимой, в пятидесятиградусные морозы, было очень важно. Короче говоря, заказов у мастера, особенно от женской части, было хоть отбавляй. Тем более что водку он пил редко, можно сказать, исключительно по великим праздникам. А вот от чифирия, к которому пристрастился неведомо когда и при каких обстоятельствах, медленно, но верно загоняющего сердце, отучить его было невозможно.словно не меньше десяти лет в сталинские суровые времена отсидел в колымских лагерях. Но больше всего он славился на весь район знанием сельскохозяйственной техники — и действительно, разбирался в ней настолько досконально, что мог на спор без каких либо заводских инструкций и чертежей в несколько дней собрать технический агрегат, прежде

не выпускавшийся отечественной промышленностью. Только дай ему в помощь опытного, исполнительного слесаря да оставь в полном покое, — именно при таких условиях он, практически не выпуская папироску изо рта, дымя ей налево и направо да в глубокой задумчивости почесывая коротко подстриженный затылок, при этом надвинув кепку чуть ли не на самые глаза, в глазах односельчан проявлял чудеса изобретательности и смекалки. Свою небольшую руководящую должность бригадира сенокосцев с лихвой оправдывал, поскольку на горе тому же непутевому трактористу Сергею, в то лето оказавшемуся под его непосредственным началом, психологию людей знал хорошо. Если вдруг тот по причине своего самонадеянного характера начинал несправедливо, скажем прямо, ерепениться: “Мол, куда это вы меня гоните, на что подталкиваете, дорогой бригадир? На нарушение техники безопасности! Так я быстро вас на место поставлю: напишу жалобу о вашем самоуправстве в управление на имя главного инженера — и вас как не было в бригадах! А в болото я, так и знайте, не полезу!” — к чести Василия Ивановича, он с ним никогда в спор не вступал, а начальственным строгим голосом парировал:

— Велика беда! Нашел чем пугать! Эй, Ванек, где ты?

Я знал, что между моим отцом и бригадиром существовала договоренность, о том, что я формально в звене числюсь рабочим, а на самом деле, несмотря на неимение соответствующих прав по причине малолетства, — в качестве резервного тракториста. Поэтому, услышав требовательный зов Василия Ивановича, тотчас отзывался:

— Здесь я!

— Значит, дело такое, Ванек: пусть наш законник немного отдохнет, а ты побыстрей садись-ка за баранку да рычаги и давай езжай в конец поля, там надо как можно ближе к самой озерной воде траву скосить — уж больно жалко такую хорошую да пригожую оставлять! Справишься?

— Постараюсь!

— Вот и ладно, старайся, это тебе в будущем верную службу сослужит, так и знай! — заключал бригадир и уходил продолжать прерванное дело.

Легко сказать: траву на болотине, под ногами-то ходуном ходящую, того и гляди как бы по пояс в нее не провалиться, скосить! Тут мозги немалые включать на полную катушку надо! Я и включил: чтобы увеличить как можно больше площадь опоры тракторных колес, особенно передних, вдвое уже, чем задние, на зыбкий грунт, почти до самых колесных ободов спустил воздух из всех четырех резиновых камер и осторожно, во избежание прокрутки покрышек с их повреждением, не спеша, словно подкрадываясь к месту косьбы, а на самом деле обдумывая, как бы ловчее начать работу, покатил... Зато, подъехав к берегу озера, стал уверенно, круг за кругом скашивать высокую — по пояс — и густую, как конская грива, сочную траву — действительно, одно гляденье! — и все ближе и ближе подбирался к самой воде. От физического напряжения и опасения, как бы ненароком не сплзти в озеро или не провалиться в болотину, сердце билось так сильно, что я четко-четко чувствовал, как оно толкалось в ребра, будто хотело их проломить и вырваться наружу; обильный пот сначала выступил крупными солеными каплями на лбу, а потом и вовсе потек ручейками по всему телу, застила глаза. Тем не менее я был так охвачен сложным и опасным процессом косьбы, что потерял счет времени. Наконец, закончив работу, перевел дух, отер свежей веточью лицо и подъехал к стану, с облегчением заглушил двигатель. Василий Иванович, широко улыбаясь, широкими шагами подошел ко мне, и, как взрослому, пожал крепко, по-рабочему руку:

— Молодец, Ванек! Как лихо управился с заданием! Эх, было б тебе не пятнадцать, а все восемнадцать лет да имел бы ты права тракториста, я бы этого Сергея никогда в бригаду не взял! Ну да ладно! Раньше времени говорить — все равно что в ступе воду толочь. Отдыхай!

— Нет, Василий Иванович, мне еще надо тракторные баллоны обратно подкачать до соответствующей нормы, ведь Сергей наотрез откажется это делать, тем более, что не он, а я стравил почти весь воздух!

— Ты, Ванек, прав — валяй!

И я, взяв из инструментального железного тракторного ящика, предусмотренного заводскими конструкторами, ручной автомобильный насос, с его помощью в течение часа, а то и полутора, качал баллоны. Работа нетрудная, но больно уж нудная и из-за частоты движений рук и сильного напряжения мышц спины и позвоночника пот вышибающая не меньше, чем тяжелый труд на стогометании!

Управлять трактором, как самый заправский машинист, я, можно сказать, научился по случаю, связанному с неожиданным приездом к нам из Якутска старшего брата моей матери, Виктора Ленских. Из их родственных разговоров выяснилось, что причиной, заставившей его покинуть на неопределенное время семью, явилась крупная, чуть ли не до полного развода с женой, ссора. Для меня в этом ничего удивительного не было, поскольку родной дядя временами непременно уходил в недельный, а то на больший срок, самый банальный запой! Еще когда наши семьи жили в одном поселке Капитоновка, ни увещевания моей матери, приходившей на помощь супруге брата, ни страх быть уволенным с работы за систематические прогулы не имели никакого воспитательного успеха, словно залетали брату в одно ухо только затем, чтобы тотчас вылететь из другого... Во время дядиногo приезда мы, потеряв в весеннее наводнение дом, который был сначала огромными льдинами, грузно наполнившими на берег, как мощным бульдозером сдвинут с бетонного фундамента, а потом, подхваченный большой, называемой в народе черной водой, и вообще унесен в сторону моря Лаптевых, вынуждены были переехать в такой же небольшой двухкомнатный, правда, стоящий на самом крутом берегу, а значит, недоступный никаким наводнениям брусовой дом, в качестве дополнительного утепления оштукатуренный не только внутри, но и снаружи. Нашей большой семье в нем было тесновато, к примеру, постоянное спальное место имели только родители в отдельной комнате, мы с младшим братом Николаем ночевали в гостиной на раскладном диване, сестры — на дюралевых раскладушках, одна в коридоре, другая на кухне, а самый младший братишка Валера — в своей кроватке, почему-то очень часто переносимой то в гостиную, то в родительскую спальню... В общем, места для дяди Виктора в доме не находилось, но поскольку на дворе стояло начало жаркого лета, то он без каких-либо обид нашел себе ночное пристанище на чердаке, где, надо сказать, неплохо устроился, огородив закуток фанерными листами, земляной “пол” застелив обрезными досками, прямо на которых и спал в выделенном сестрой теплом ватном спальном мешке. Как-то я, поднявшись к дяде, огляделся и нашел чердак очень даже располагавшим к романтической жизни. Во-первых, никто не мешал ни днем, ни ночью предаваться всевозможным размышлениям, мечтам. Во-вторых, из открытого слухового окна, выходявшего прямо на Лену, можно было часами любоваться неоглядными, живописными речными просторами, ну а в-третьих, удобней места для загорания, чем двухскатная кровля, вообще нельзя было найти даже на песчаном пляже, хотя бы потому, что до него еще надо было по зною добираться. И, выпросив у матери еще один спальный мешок, я переселился аж на все лето к дяде, чему он конечно же был рад, хотя слыл человеком замкнутым, нелюдимым.

Сразу по приезду трудоустроиться в совхоз или в какую-нибудь другую поселковую организацию дядя Виктор не успел, поскольку, как только среди жителей распространился верный слух, что появился прекрасный печник, он за короткое время получил столько заказов на ремонт печек и кладку новых, что порой, можно сказать, дневал и ночевал с мастерком в руке... Кроме специальности печника мой дядя еще был первоклассным специалистом по ремонту двигателей, какой бы модели они ни были. В отделении совхоза своих мастерских не существовало, поэтому вышедший из строя агрегат надо было везти за сто километров в управление совхоза, находившееся в районном центре, или договариваться с начальством местного лесоучастка провести весь необходимый ремонт в их моторном цехе, кстати, по тем временам оборудованном по последнему слову техники. Вот мой отец и уговорил брата жены переключиться на ремонт совхозных двигателей автомашин и тракторов, чтобы как можно полнее и быстрее подготовиться к сенокосной страде.

Несмотря на то что работа слесаря даже самого высокого — шестого разряда не позволяла получать тех денег, которые жители охотно платили за печное дело, дядя Виктор, видимо, ведомый родственными чувствами, откликнулся на просьбу шурина, моего отца. И на новом рабочем месте, оборудованном прямо под открытым небом лишь одной высокой металлической рамой, с подвешенным к верхней перекладине ручным подъемным механизмом, при помощи которого снимался с трактора напрочь сломавшийся двигатель, да небольшим слесарным верстаком с литыми из стали тисками, незамедлительно приступил к ремонту первого трактора. Как сейчас помню, это был одноцилиндровый, двадцатисильный Т-16, компактно спроектированный, практически незаменимый на сенокосе, ибо его сцепное устройство — фаркоп позволяло использовать практически всю прицепную сенозаготовительную технику, начиная от обыкновенных волокуш до сложных гидравлических граблей, а с появлением стогометательного механизма, похожего на огромные лосиные рога, и его! Все свободное, как правило, вечернее время от ухаживания в паре со старшей сестрой Натальей за поздней капустой на площади целого гектара и, конечно, по воскресным дням, я вертелся вокруг дяди Виктора. Сначала просто из-за любопытства, потом из желания самому вникнуть, как мне казалось, в сложнейший технический мир, словно окутанный разными, непосильными моему юношескому разуму многочисленными тайнами. Заметив это, ни слова не говоря, как само собой разумеющееся, дядя Виктор стал мне подробно, а главное, разбирая какой-нибудь агрегат, наглядно объяснять не только его устройство, но и принцип работы.

Однажды сразу после обеда к нам на единственном в отделение колесном тракторе “Беларусь” первой модели лихо подкатил Леонид Петров, совсем недавно закончивший школу механизации. Был он низкого роста, с покатыми “женскими” плечами, несколько для своих молодых лет грузноватым, зато с белозубой улыбкой и искрящимися веселыми глазами. Оставив дизель работающим, он буквально выпрыгнул из-за баранки и, подойдя к дяде Виктору, уважительно с ним поздоровался, а когда достал пачку папирос, то и предложил перекурить. Но вместо того, чтобы принять обычное среди механизаторов приглашение, мой родственник, к тому времени уже снискавший славу первоклассного, можно сказать, незаменимого моториста во всей округе, лишь кивком головы ответил на приветствие и ни слова не говоря, подошел к “Беларуси”, внимательно вслушался в работу дизеля и, резким, недоложным взмахом руки подозвав к себе Леонида, стал сердито ему выговаривать:

— Это что же ты за вверенной тебе государственной собственностью не следишь, относишься к ней спустя рукава?!

— Как не слежу? — обидчиво ответил незадачливый тракторист. — Еще как слежу! Можно сказать, пылинки с него после каждого рабочего дня сдуваю, заметьте, в ущерб своего личного времени!

— Вот-вот, только пылинки и сдуваешь! А что творится с двигателем — не удосужишься узнать! Если у самого мозгов не хватает, то не поленился бы спросить у разбирающегося в технике человека!

— А что двигатель — работает как часы!

— Да нет, ошибаешься, он у тебя на ладан дышит! — и, понимая, что Леонид оказался недоучкой, а значит, и спорить с ним бесполезно, уже спокойно заговорил: — Во-первых, топливный насос надо срочно регулировать, поскольку первая плунжерная пара западает и, как следствие этого, в цилиндр не попадает необходимого количества горючей смеси, в результате при большой нагрузке двигатель не сможет выдать полную мощность. Во-вторых, коромысла газораспределительных клапанов разболтались, так гремят, что хоть уши затыкай! А ты говоришь, что с трактором полный порядок! Давай не раскуривай, а езжай отсюда напрямик в гараж и устрани все указанные мной неисправности, пока на какой-нибудь отдаленный сенокосный участок не увистал. С такими неполадками много и долго не поработаешь, и себя, и всю бригаду подведешь в самый неподходящий момент! Я бы тебе помог, но самому срочно надо закончить ремонт Т-16, поскольку на очереди еще и автомашина стоит, ну а если у тебя и в самом деле знаний и опыта не хватает, обратись к механику...

Этот случай настолько приподнял дядю Виктора в моих глазах, что если прежде из его советов я что-нибудь упустил, то теперь ловил каждое “ремонтное” слово в надежде со временем научиться мотористскому делу. После окончания ремонта наступали обязательные ходовые испытания, почему-то очень не нравившиеся дяде, по крайней мере, он твердо просил меня занять водительское место, сам садился рядом и указывал, какие необходимо произвести действия, чтобы машина или трактор двинулись с места. А уже на ходу следовали другие распоряжения, выполнение которых позволяло с каждым разом управлять техникой все увереннее, все быстрее. Вот таким образом я и стал, можно сказать, в четырнадцать лет трактористом, только без соответствующих “корочек”.

Зная к себе доброе отношение бригадира, я незамедлительно обратился к нему с просьбой Георгия и, конечно, без лишних вопросов получил согласие. А получив, метнулся соколом в дом собираться в тайгу, как сказал старший товарищ, дня на два. Положил в рюкзак еды на двое суток, туда же сунул две пачки патронов: и к самозарядному ружью двенадцатого калибра, и пятизарядке-“тозовке”, можно сказать, малой винтовке. Надел непромокаемую из прорезиненной ткани куртку с глубоким капюшоном, болотные сапоги, очень неудобные при длительной ходьбе, но необходимые в дождливую погоду и для доставания упавшей в озеро дичи, и выбежал на крыльцо. Георгий, облокотившись крепким, мускулистым плечом о мощный, украшенный крупной резьбой, когда-то, в старину, бывший якутским национальным не только ритуальным, но и практичным сооружением серге (коновязь), к моему удивлению, уже в полном охотничьем таежном снаряжении меня поджидал. Его верный кобель по кличке Смелый снежного окраса, по одному виду хозяина поняв, куда и зачем он собирается, радостно кружился вокруг него и подпрыгивал, норовя лизнуть в лицо. Я повелительно подозвал свою немецкую овчарку Мухтара, который хоть и не имел охотничьих навыков, но команды “Фу!”, “Фас!”, “Ко мне!”, “Лежать!”, “Нельзя!” и другие выполнял беспрекословно, а “Фас!” с каким-то особым рвением, словно в его венах текла и волчья кровь. Куда бы — в лес ли, в поле или в полноводную реку Лену я, как можно дальше, ни бросал палку, предварительно дав псу ее обнюхать, он, получив любимую команду, пулей летел ее выполнять. Выбравшись из воды, прежде чем поднести и положить к моим ногам “добычу”, он почему-то в обязательном порядке встряхивался всем телом так сильно, что водяные брызги веером летели далеко во все стороны.

Не знаю, почему, но он до остервенения не любил пьяных мужиков, частенько по выходным дням, а порой и после трудового дня, словно в ознаменование вечернего отдыха, поодиночке и в обнимку шлявшихся по поселковым улицам с песнями, исполняемыми, конечно, кто в лес, кто по дрова, зато во всю глотку. Когда, взрослея, он стал все больше и больше проявлять природную злость, я посадил его на цепь, а цепь с помощью кольца пустил по проволоке, туго протянутой через всю ограду, огороженную метровым штакетником. Мухтар, бегая на расстоянии цепи в какой надо конец, охранял не только дом, но и все хозяйственные постройки. И вот однажды во двор случайно забрел в доску пьяный незнакомый мужик, скорее всего, работавший в леспромхозе. Мухтар, как всякая хорошо выдрессированная собака, без команды с ходу и с лаем не набросился на него, а, наоборот, ощетинив на загривке шерсть, поджав саблеобразный хвост, оскалил передние клыки, сердито зарычав, не оглядываясь, отступил немного назад, словно давая возможность пьянице опомниться и без всяких для себя печальных приключений покинуть двор. Но не тут-то было! Мужик отступление собаки ошибочно принял за признак слабости и, что-то несвязно бормоча себе под нос, еще ближе подошел к псу. Тогда, резко пригнувшись, Мухтар, как сжатая до упора стальная пружина, выстрелил всем своим телом прямо в мужика, широкой грудью сбил его с ног, ветал передними лапами на него и, еще сильней оскалившись, угрожающе зарычал, готовый в любой момент вцепиться в горло! Мужик от страха мгновенно протрезвел и на весь двор завопил, прося о помощи, благим матом. После этого случая, во избежание непоправимого несчастья, пришлось в конце двора для содержания верной овчарки

делать специальный вольер из столбов, обтянутых металлической сеткой и устройством на случай непогоды — тесовой, легкой односкатной кровлей.

Едва Мухтар подбежал ко мне, преданно заглядывая в глаза и виляя саблеобразным красивым хвостом, Георгий, как всегда, не сообщая мне куда конкретно мы отправляемся в тайгу, лишь весело сказал:

— Ну что, Ванек, пошли!

— Пошли, Георгий! — воодушевленно ответил я и следом за своим старшим товарищем зашагал к лесу напрямик через алас, по росе, матово сверкавшей на ещё не сгребённом сене. И теперь это сено, пока не пройдет обложной дождик, пока оно по новой не высохнет, из-за потери каротина сильно потемнев, выше, чем за третий сорт совхозная комиссия не примет, а то и вообще посчитает внесортным... Жалко. До слез жалко... Сколько сена вот так, из-за дождливой непогоды если не пропадает, то становится едва пригодным для скармливания скоту!.. Но едва мы вошли в лес, как веселые птички трели, лившиеся чуть ли не с каждого дерева и куста, мигом перестроили ход моих мыслей на оптимистический лад — и я, ритмично скрипя болотниками, весело и бодро, шаг в шаг, пошел вслед за старшим товарищем, чья широченная спина, как мятник, покачивалась перед моими глазами уже на достаточном расстоянии впереди, и чтобы вообще не отстать, я ускорил и без того быстрый шаг до предела.

Георгий до конца нашей дружбы оставался для меня загадкой за семью печатями, особенно в неоглядной тайге. Вот и в тот начинающийся дождем день он не взял с собой ни компаса, ни карты — шел по едва заметным, вдавленным в густой мох тропинкам, как в родной Турукте по улочкам-закоулочкам, без остановки. Я только успевал уворачиваться от длинных и гибких ветвей деревьев, среди которых вилась тропка, и поворачивать то в одну сторону, то в другую. Правда, иногда шли и по прямой, но исключительно в том случае, если выходили на прорубленные геологами еще в сталинские времена просеки, уже наполовину заросшие кустарником да молодым березняком. Наши собаки, давно привыкшие друг к другу, бежали впереди, метрах в ста, на бегу успевая принохиваться и прислушиваться ко всему, что происходило в радиусе километра, не меньше. Иногда они рядом с тропой пробегали между деревьями с опущенными головами, что-то с силой вынюхивая. Интересно! Ты, человек, идешь и ничего кроме своих да напарника шагов не слышишь, за исключением звонкого пения птиц да шныряющих под старой листвой лесных мышей, а собаки, эти верные спутники человека, своим обонянием и слухом словно растворяются в окружающем мире, где до всего необычайного у них есть дело.

А обложной дождик, как ему и положено от природы, все моросил и моросил, и, словно замороженный им, Георгий, не оглядываясь, обращая внимание только на поведение бежавших впереди неутомимых собак, все шел и шел, широко переставляя в болотных сапогах с завернутыми вверх голенищами крепкие, прошедшие только одному Богу известно сколько таежных километров мускулистые ноги. Хотя золотоносного солнца за свинцовыми тучами, затянувшими весь небосвод от края до края, не было видно, по его слабому отсвету, словно идущему в небе параллельно нам, я навскидку определил, что время перевалило за полдень. И, не выдержав, нарушил долгое молчание:

— Георгий! Ты, часом, не устал?

— На пустые вопросы не отвечаю! — услышал я в ответ.

— Ну, тогда, может, проголодался?

После непродолжительного молчания слышу:

— Хороший вопрос! А главное — нужный!

— Так обедать-то где будем?

— А вот как дойдем до круглого озера, так сразу!..

И снова на целых полчаса воцарилось твердое молчание, прервать его я уже не решался, боясь показаться старшему товарищу, у которого мне еще нужно было учиться и учиться таежным, да вообще жизненным премудростям, нытиком и слабаком. Вскоре я заметил, что мы круто свернули с просеки, как раз в том месте, где стояла возведенная из бревен, довольно высокая

вышка, видно, служившая для топографов каким-то ориентиром, и пошли по узкой, еле видимой звериной тропке, петляющей, как убегающий от лисицы заяц, между столетними лесинами и идущей под едва заметный уклон. Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, тайга разом, как огромная шуба, распахнулась перед нами, и мы вышли прямо на высокий берег небольшого, но действительно очень живописного круглого озера — хоть циркулем измеряй! — с берегами, поросшими темно-зеленой осокой, с листвой и хвоей, плавающей на водяной, слегка рябой от падающих дождинок, можно сказать, зеркальной глади. И вдруг, словно из-под наших ног, из густой осоки с шумом, суматошно махая клинообразными крыльями, взлетела парочка крупных селезней и понеслась что есть сил в дождливую небесную звесь. Но, набрав необходимую высоту, плавно развернулась и прошла на бреющем полете вокруг озера, словно проверяя, надолго ли нагрянули незваные, опасные гости. Мне так захотелось вскинуть ружье и, поймав на мушку самца, выстрелить! Но Георгий, словно почувствовав мой охотничий азарт, сердито бросил:

— Еще настреляешься! Сам же на еду напрашивался! Так топай за хвостом, а я пока таган поставлю да воды в чайник зачерпну. А бересту сухую не ищи, время не трать, я с собой ее захватил. — И, развязав рюкзак, вытащил туго свернутую в трубочку верную растопку. Принеся из ближней еловой чащи целую охапку хвороста, я разломал его через колено на недлинные части, стоямя под углом прислонив их друг к другу, построил таким образом что-то очень похожее на маленькую деревянную пирамиду и сунул в нижнюю часть ее уже горящую в моих руках бересту. Языкастый огонь быстро перекинулся на хворост, и тот, потрескивая, сначала белесо задымил, словно не желая загораться, а потом разом вспыхнул, как порох, жарким пламенем! Георгий повесил чайник с озерной водой на листовенничную сырую палку тагана, постелил рядом с костром газету и стал на нее раскладывать походный немудреный обед, состоящий из масла, черного хлеба, пары луковиц и банки говяжьей тушенки, которую тут же острым якутским ножом за несколько ловких движений открыл. Увлечшись разжиганием костра, я и не заметил, как обе собаки убежали куда-то в лес, и уже было хотел об этом сказать Георгию, как недалеко, в еловой чаще услышал знакомый залихватый, звонкий лай. Посмотрел в сторону расшумевшихся псов, готовый бежать с ружьем в ельник, но старший, опытный товарищ опять меня остановил:

— Ванек, ты что, первый раз с собаками в тайге? — И сам же за меня ответил: — Далекое не в первый! А все никак не научился по характеру лая определять, кого — зверя или птицу подняли псы! Надо повнимательней прислушиваться к собачьему лаю. Так-то!

— Георгий, я просто хотел посмотреть, что так увлекло собак.

— Да я тебе не сходя с места скажу. Боровая дичь! Скорее всего, целый глухариный выводок во главе с самим отцом — большим, с перьями черного отлива, с горящими красными глазами глухарем. Время приближается к осени, все глухарята уже давно встали на крыло, и как только собаки их обнаружили, они дружно взлетели на высокую листовенницу и сверху смотрят на наших четвероногих друзей, словно насмехаясь: “Ну что — локоть близок, да не укусишь!” Ты, Ванек, чем зря убивать время в беготне по лесу, лучше подбрось-ка в чайник заварки, а то кипяток уже так бурлит, что вот-вот польется через край! — закончил свой поучительный монолог Георгий, а сам повернулся в сторону лая и громко, со строгостью в голосе скомандовал:

— Смелый! Фу! Ко мне!

Лай тут же послушно стих, и обе собаки, вывалив языки, через минуту улеглись, поджав задние ноги, а передние, наоборот, вытянув вперед, рядом с нами, искоса поглядывая на разложенную на газетке пищу. Видать, проголодались не меньше, чем мы, но ни писком, ни просительным вилянием хвоста не подавали хозяевам виду. Между тем мы с другом, опять же совершенно молча, зато быстро подкрепившись, стали собираться идти дальше. Наконец Георгий, отломив от булки кусок, бросил его своему псу, тот на лету жадно схватил, даже клыками не клацнув. Я же, прежде чем дать своему любимцу Мухтару оставшийся от обеда ломоть, обильно намазал его

сливочным маслом. Это не осталось незамеченным, и Георгий, продолжая укладывать рюкзак, не глядя на меня, недовольно бросил:

— Балуешь пса, ох, балуешь, а зря... — но через мгновение уже потеплевшим голосом продолжил: — Чего скрывать, я в твои годы по отношению к верным собакам был таким же!

Эх, если бы я мог хотя бы на сутки предвидеть собачьи судьбы, то своему Мухтару не только намазал бы маслом ломоть хлеба, но еще бы сверху положил большой кусок говяжьей тушенки!..

— Ну что, Ванек, тронулись? — бодро спросил меня Георгий.

— Тронулись! — не менее бодро ответил я.

Георгий, не раздумывая и не оглядываясь — иду я следом или нет, опять пошел по только ему да зверям известной травяной, усыпанной коричневыми прошлогодними еловыми иголками тропке. Я оглядел пасмурное небо с целью хоть примерно определить время, но никак этого сделать не мог и обратился к Георгию:

— Интересно, а сколько часов мы уже в дороге?

— Думаю, не больше пяти!

— А как ты это определил?

— По тяжести в ногах!

— А-а!..

И я на время замолк, подумав: “А ведь он верно подметил, только, что-бы безошибочно пользоваться его методом, надо много, очень много пройти таежных километров!” Снова заговорить совершенно неожиданным образом меня заставили собаки. Всю дорогу дружно, можно даже сказать, весело, они бежали впереди нас, ни на мгновение не останавливаясь, а тут пробегут метров двести, морды вскинут вверх, жадно понюхают таежный, настоянный на листьях, смоле и хвое прохладный и сырой воздух и дальше перебирают лапами, потом опять неожиданно остановятся, словно кто-то невидимый их за задние ноги схватит. И так повторялось с ними до тех пор, пока они окончательно не остановились, и чем дольше внюхивались в тайгу, тем крепче прижимали хвосты и начинали жалобно поскуливать. Словно чувствовали какую-то большую, грозившую им опасность. Их тревога передалась и мне — я невольно несколько раз оглянулся, но за мной в начавших густеть вечерних сумерках кроме деревьев, кустов можжевельника да мха ничего не было видно. С целью снять с души тревогу, я снова заговорил:

— Георгий, а что с собаками-то творится? Не видишь, что ли?

— Вижу, Ванек, вижу! Это они зверя чувят, который им не по зубам.

И так это спокойно, буднично сказал, что я стал успокаиваться, но на всякий случай взял в руки свою, как отец иногда на охоте говорил, двенадцатого калибра пушку и передернул затвор. Услышав металлический звук, Георгий впервые за всю дорогу сердито оглянулся:

— Ты что ружьем балуешься? Ведь за мной чуть не впритык идешь, а если вдруг споткнешься? Тропинка-то вон какая: то камень, то ветка, то кочка — упадешь, а, падая, сам не поймешь, как на спусковой крючок нажмешь. Хорошо, если заряд в сторону уйдет, а если мне прямиком в спину — что тогда?.. Сейчас же поставь ружье на предохранитель!

И пошел к стоящим, тихо скулящим собакам. Я, как привязанный к нему, — следом. Едва мы подошли, как каждая из них прижалась боком к бедру своего хозяина и подняла голову, словно спрашивая, что делать. Георгий потрепал холку Смелому, приговаривая:

— Ты что это меня позоришь? Какого зверя испугался, не скажешь? Ладно, сам знаю!.. Давай, успокаивайся — скоро сумерки перерастут в самую что ни на есть непроглядную темень. — И, уже повернувшись ко мне, продолжил: — Благо, что почти пришли! — И показал мне вскинутой рукой в сторону уже еле различимого в сумерках низкорослого сосняка:

— Видишь, в нем что-то маячит?

Честно говоря, я то ли от сильной усталости, буквально валившей с ног, то ли от только что пережитой тревоги ничего, кроме сплошного леса, маячившего впереди, не увидел, но уверенно ответил:

— Вижу!

— Знай: это укромное охотничье зимовье! В нем и заночуем!
“Слава тебе, Господи!” — подумал я и зашагал как можно быстрее.

Зимовье оказалось старое, неизвестно кем и когда срубленное из толстых сосновых бревен. Показалось мне, как старуха столетняя, сгорбленным, со стенами, обросшими сырым скользким мхом. Кровля, устроенная из надранной лиственничной коры, позеленела от времени, но дождевую влагу не пропускала. В самом зимовье стояла походная железная печурка, с вложенными в топку сухими березовыми поленьями. Георгий нырнул в темный угол, достал из него коробок спичек и наполовину расплавленную свечку. Зажег ее и поставил на подоконник маленького окошка, больше похожего на крепостную бойницу, и обратился ко мне, заметно повеселевшему оттого, что наконец-то хоть какая-то есть крыша над головой:

— Я сбегая к ручью за водой, а ты берестой растопи печь, да поудобней устраивайся отдыхать, ночь в тайге всегда долгая... — И, задев за притолоку низкой, чуть выше пояса человека, дощатой, но обитой мешковиной двери, глухо звякнул пустым, сплошь закопченным на костре чайником. Когда чай поспел, на скорую руку перехватили немного еды, поскольку от страшной, навалившейся как огромный камень усталости есть не хотелось. Конечно, не забыли дать по куску хлеба оставленным снаружи зимовья собакам и улеглись спать на устроенные вдоль стен страшно скрипящие то ли лавки, то ли нары, шибко смахивающие на лагерные, не раз виденные мной в бараках, когда мы жили под Якутском. Заснул я не сразу, все никак не мог отделаться от видений: то перед глазами сплошной лентой проплывали извилистые, едва приметные тропинки, то виделись встревоженные морды собак. Но усталость напирала, и я сдался: погрузился в крепкий, здоровый сон.

Проснулся довольно поздно с ощущением, что сполна не отдохнул, тело, особенно ноги и поясницу, ломило. Время суток определил по тому, что, несмотря на небольшое оконце-бойницу, в зимовье было светло, и это позволяло мне хорошо видеть, как через оконное стекло вливался бело-серебристый свет. С закопченных стекол оконной рамы дождевые капли пропали — видать, еще ночью закончился дождь. Георгий, по выработанной за многие годы таежной привычке рано проснувшись, негромко шумел за стеной, на улице. Сладко, как в недалеком детстве, зевнув и потянувшись, я решил вспомнить хоть один сон, но как ни напрягал память, не вспомнил. Тогда быстро вылез из спального мешка и соскочил на мшистый, но за ночь от печки нагретый пол и вышел на воздух. В нос ударил свежий, переполненный чистейшим озоном, еще влажный, но прохладный, бодрящий воздух, от которого, словно от бражки, голова слегка пошла кругом. Невольно резко мотнул головой и посмотрел на небо — оно хоть еще и было сплошь затянуто тучами, но вконец выплакавшимися — светлыми настолько, что они почти не мешали всходящему солнцу сиять во всю мощь — тепло, золотисто, весело! А поднимающийся от низин все выше и выше клубящийся, легкий туман предвещал на весь день погожую погоду. Георгий стоял, склонившись над набравшим силу, ярко, с треском горевшим костром, держа в руке раскрытую банку свиной тушенки. В пяти метрах от него весело журчал водой, холодной до зубной боли, словно от радости подпрыгивая на камешках, ключевой ручей. Я, не раздумывая, быстро скинул с себя рубаху с майкой, подбежал к ручью, оперевшись руками о плоские камни, прямо из него напился, потом до самого пояса, повизгивая да охая, помылся. Схватил лежащее на камнях небольшое махровое полотенце Георгия и стал растирать не только грудь, спину, но и руки с лицом, пока их не охватил жар. Потом острым взглядом, выбрав поровней песчаную, с редкой, переливающейся влажными боками галькой площадку, быстро отжался на ней шестьдесят раз, а увидев неподалеку сосну с растущей почти перпендикулярно к стволу на трехметровой высоте крепкой веткой, подбежал, ухватившись цепко за нее руками, подтянулся двадцать раз, затем, расслабившись, повис, как можно сильнее растягивая позвоночник. Растянул, прыгнул на землю и почувствовал во всем теле такую бодрость и упругость, что был готов даже на голодный желудок к любому самому тяжелому делу. Однако Георгий уже разливал по алюминиевым кружкам свежесваренный чай, и мне ничего не оставалось, как

накинуть на плечи рубаху и присоединиться к нему. Завтракали не спеша, тщательно пережевывая каждый кусочек пищи. И, словно по навету утвердившейся привычке, молчали, хотя лично у меня из-за той же необходимости обдумать предстоящий день причины для этого не было. Поэтому, едва утолив голод, вновь первым нарушил молчание я:

— Георгий! Не скажешь, пожалуйста, где мы сейчас находимся и как далеко от сенокосного стана?

— Как ни сказать — скажу! Во-первых, от наших товарищей по труду мы с тобой оттопали, думаю, не меньше тридцати километров. Место, где с таким удовольствием на свежем, чистейшем как горный хрусталь, воздухе, под пение птиц подкрепляем силы, называется Лебединое озеро! Любопытство твое я, Ванек, удовлетворил?

— Конечно же, нет! Сколько вокруг ни смотрю, никакого намека хоть на какое-то озеро не обнаруживаю, будто со сна ослеп!

— Ты, Ванек, не видишь это прекрасное озеро потому, что еще вчера оно осталось у нас с правой стороны по ходу. И понятно, что в поздних сумерках, в тревоге, передавшейся тебе от собак, ты, как ни смотрел по сторонам, выпучив глаза, его не заметил. Но дело легко поправимое! Во-первых, ради него мы сюда и пришли, а во-вторых, до него рукой подать. Оно начинается почти сразу же вон за той сосновой опушкой! — И Георгий рукой показал, где именно. Действительно, как я прикинул, до опушки со стоящими на ней тремя одинокими медно-золотистыми соснами с густыми раскидистыми кронами было не больше, чем сто метров. Но мое любопытство только набирало силу:

— Где находится озеро, мы разобрались! А скажи, почему оно называется Лебединым и каким таким природным чудом является?.. Ведь от нечего делать мы бы с тобой в обложной дождь столько часов подряд не били нещадно о камень свои ноги. Не так ли?

— Ванек, ты угадал, это озеро действительно считается природным чудом, по крайней мере я так считаю. Вряд ли еще где на нашем Севере найдется такое большое скопление практически всех видов водоплавающих птиц — от обыкновенного кулика с серым чирком до царственного лебедя, которого когда-то эвенки на свой лад называли стерхом! И поскольку озеро в какой-то мере проточное: в него вбегают и из него берут свое начало десятки ручейков, подобно тому, у которого мы с тобой сейчас разговариваем, а из дна бьют уж не знаю сколько ключей, озерная вода настолько прозрачная, что, выплыв на самую середину, можно спокойно видеть песчано-каменистое дно на глубине восьми-десяти метров! А разнообразной рыбы, особенно карасей, щук, окуней, язей, в этой чудесной водной кладовой развелось столько, что хватает для прокорма и всем здешним птицам, и навещающим сюда рыбакам!

— Ну, Георгий, и поохотимся же мы с тобой! — от сразу же охватившего мою юную душу предвкушения знатной добычи воскликнул я. — Вперед на целый год утолим души промысловым азартом!

— Охотиться, по крайней мере, я, не буду, — словно обдав меня холодной водой, в ответ сказал Георгий. — У нас вокруг стана уток, боровой дичи в трех шагах хоть отбавляй. А, думаю, стрелять в величественного лебедя, когда полюбишься его природной, на свободе до конца расцветшей красотой, ты, скорее всего, и сам не будешь! Тем более, что стихи пишешь, что говорит о тонком природном настрое твоей души! И как следствие этого, обладаешь особенно сильным чувством восхищения прекрасным! Не знаю, к месту будет мое личное замечание или нет, но я считаю, что в природе существует три вида самых удивительных по красоте живых существ. Среди птиц — это лебедь, среди нас, человек, — это ее величество женщина, а среди животных, извини, — это лошадь! Да-да, она самая! Только не тягловая, в доску изработавшаяся, а скаковая, с длинными, словно выточенными ногами, с изогнутой, как боевой лук, длинной шеей. Я в твои годы на природу смотрел ничуть не менее азартно, даже бездумно, чем сейчас смотришь ты. Столько за многие годы настрелял всяких разных птиц, столько добыл всевозможных зверей, что, как ни старайся, и не пересчитать. И все для

того, чтобы прокормиться, быть сытым самому и семье, в которой вырос. И совсем, дурак, не задумывался, что с каждым зверем, с каждой птицей, загубленными мной вроде бы для гуманных целей, я, между тем, все больше и больше стал ощущать духовный голод, превращаясь, сам того не замечая, в обыкновенного первобытного человека, жившего исключительно ради пропитания и продолжения рода: становился злым, суровым, — душой каменел, что ли. Но после тридцати лет, как по команде свыше, в моей душе все кардинально перевернулось. Строчки твоего любимого поэта стали созвучны состоянию моей души, как никакие другие: "...К тридцати годам перебежась, / все сильней, прожженные калеки, / с жизнью мы удерживаем связь". Мне все меньше и меньше теперь хочется убивать братьев наших меньших, а все больше и больше тянет наблюдать за их непростой, очень сложной, я бы сказал, даже трагичной жизнью, за которой наблюдать, которой любоваться — это как приходиться в церковь, где, возносясь душой к Богу, приближаешься к тайне жизни человеческой. И сюда, на Лебединое озеро, я прихожу — как бы сказать покороче?.. Во! Нашел нужные слова: за отдохновением души! Прихожу почти всегда один, на два, три дня, но от одного понимания, что вокруг меня огромный живой мир, никакого одиночества не ощущаю. Кормлюсь исключительно дикоросами: ягодами, грибами, плаваю на лодке по озеру, душой сливаюсь с птицами, с рыбами, как бы становлюсь ими. И у меня на душе становится так легко и солнечно, что возвращаться назад ну совсем не хочется. А между прочим, куда возвращаться? В эту сумасшедшую круговерть, в которой люди, исполнившись алчностью, завистью и злобой, порой ведут себя страшней самого дикого зверя? Вот мы сейчас с тобой здесь находимся для того, чтобы от общения с природой духовно зарядить свои мозги, свою душу, как батарейку от электрической сети. А в это же самое время, как ты думаешь, чем занимаются оставшиеся в стане члены бригады, из-за ненастья как бы временно оставшиеся без работы? Отвечу сам: вчера, сразу же после нашего ухода, достали бидон браги и, бьюсь об заклад, нажравшись до чертиков, сквернословили, — черта хвалили, а Бога ругали. А сегодня, с похмелья злые, как собаки, сидят за одним столом, но друг на друга даже не глядят, друг с другом не разговаривают, потому что вечернее пьяное веселье обернулось для них закономерным глубоком похмельем. Бошки, как сухое дерево на шальном зимнем ветру, не только трещат, но и словно разламываются надвое, и вертятся в них только одна-единственная поганая мысль: "Как бы скорей опохмелиться!" Значит, снова продолжить вчерашнюю пьянку. И хорошо, если бражку не всю выпили. А если выпили? К бабке ходить не надо, чтобы знать: два, три мешка овса, предназначенного для кормления рабочих лошадей, погрузили на единственный трактор и погнали в далекое якутское летнее стойбище менять на водку! Разве это жизнь? Это ее позор! Нет, наш людской тяжкий грех! Вот так-то, дорогой Ванек! Пусть я сегодня слишком разговорился, но, может, рядом со мной ты еще быстрее, чем я, поймешь, в чем заключается истинный смысл всей человеческой жизни.

Георгий замолчал, но все время, пока он, можно сказать, изливал мне невидимыми, но такими ощутимыми потоками свою очищенную от скверны душу, я глядел на него удивленными глазами, словно передо мной стоял какой-то иной человек, прежде мне совершенно не знакомый. По судьбе упрямый трудяга, которого в каком-то другом человеке еще поискать надо, кадровый охотник, которому, оказывается, важно не сколько он зарабатывает денег на том или другом поприще, а важно, ох, как важно! — иметь возможность любить, радоваться, восхищаться природной красотой и природным покоем, которые возносят его душу до небес. И там, в небесах, она то быстрокрылым звонкоголосым дроздом носится между кудрявых, озаренных золотым солнечным светом перистых облаков, упиваясь свободой, то мощным, степенным, уверенным в своих силах орлом, расправив во всю ширь свои огромные, могучие крылья, величаво и грозно парит высоко над грешным миром, осуждая и жалея его. И я подумал: "Да ведь мы с Георгием — две родственные души! Я тоже, несмотря на то что намного младше его, по большому счету люблю единение с природой. Специально, чтобы каждый день быть с ней, я хожу

в школу не по центральной улице Короленко, где всегда кто-нибудь да подвезет на мотоцикле или машине, а иду окружным путем через совхозные поля, засеянные колющейся и ходящей, как море, волнами пшеницей, когда, слетев с ближних сопок, разгуливается теплый, добрый ветер. Потом — через вековую, неоглядную тайгу, наполненную звонкими голосами разнообразных птиц, среди которых самая щедрая — кукушка — обязательно накукует с большущий короб долгих и счастливых лет. А цветистая бабочка или шелестящие на ветерке светло-зеленые листья берез и тополей неожиданно подарят поэтическую строчку, а может, даже целое стихотворение! И ты придешь в класс, словно свалившись с неба — с чистой и заполненной чувством прекрасного до самых краев души! Вдохновенно написанные в дороге строчки ученических стихов восторженно читать товарищам не будешь, но помотришь на них со стороны, отмечая про себя слабые и сильные стороны каждого!.. И к своему горькому сожалению вдруг осознаешь, что не все, далеко не все друзья-товарищи прошли твою своеобразную поверку на чистоту души и твердость взгляда!

Мои раздумья прервал Георгий:

— Да, Ванек, а у тебя действительно очень впечатлительная натура — мои слова, видать, и впрямь проняли тебя до самого сердца! Но думать над ними будешь, если, конечно, захочешь, на обратном долгом пути. А сейчас давай-ка вот как сделаем. Я немного задержусь, чтобы залить водой костер, навести порядок в зимовье, заложить дров в печь для того, кто придет после нас — таков таежный закон! А ты бери с собой собак и не спеша по тропинке выдвигайся к озеру. Хорошо?

— Хорошо, Георгий!

И я стал быстро собираться, ведь и в самом деле мне уже не терпелось полюбоваться чудесным озером, к сожалению, спрятанным от большинства людских глаз в величавой тайге. Внимательно оглядел верных собак, но в их поведении от вчерашней тревоги не было и следа, сидели рядом с приподнятыми головами, словно внимательно не только слушали наш философский разговор, но и понимали его. И все-таки вчерашнее чувство беспокойства почему-то вновь зашевелилось в моей душе, все разрастаясь и разрастаясь. словно предчувствуя пока непонятную мне опасность, я, ничего не говоря Георгию, убедился в том, что магазин безотказной “тозовки”, как всегда на охоте, полностью заряжен, затем затем на всякий случай, словно ведомый необъяснимой тревогой, зарядил ружьё двадцатого калибра патроном с пулей собственного изготовления из свинца от пришедших в негодность тракторных аккумуляторов.

Собравшись, закинул за плечо ружье, “тозовку” взял в правую руку, свистнул собак и по тропинке стал неспешно подниматься на опушку. Собаки вмиг меня обогнали и весело, виляя хвостами, без какого-то лая унеслись вперед. По крутому лобастому взгорку поднявшись к опушке, я направил взгляд в сторону озера и как вкопанный замер. Перед моим взором распахнулась довольно большая марь, поросшая низкорослыми, но очень густыми кустами ерника, сразу за которыми и начиналось Лебединое озеро. Не столько широкое, сколько длинное, оно протянулось почти до самого края мари, своим дальним изгибом теряясь в ернике, так же густо росшем на всей остальной маревой площади. Сами же озерные берега, как драгоценный алмаз, обрамлял по всему периметру сочный, еще достаточно зеленый, высокий камыш с созревающими темно-коричневыми семенниками, напминающими кукурузные початки, только без листьев. И лишь в прибрежной зоне, прямо из озерной воды — местами сплошь, а местами в одиночку — росла острая, как лезвие сабли, осока. Уставшее томиться за тучами, как в какой-то небесной темнице, солнце, вырвавшись в огромный небесный прогал между светлых туч, горело ярко, напористо, словно хотело наверстать из-за затяжного дождя упущенное время. В еще не жарких предполуденных, золотых, до сильного свечения, лучах водная поверхность озера, местами с рябью, поднятой небольшим свежим ветерком, горела чистым серебром. Солнце слепило глаза, не позволяя до самых мелочей четко рассмотреть, что же конкретно происходит на озере. Тогда я, подняв руку, прикрыл глаза, как

защитным козырьком фуражки, ладонью, и тотчас ясно увидел огромное множество птиц самых разных видов. Утки дружно плавали целыми выводками, постоянно ныряя за очередной рыбкой или приглянувшейся водорослью. А чирки, словно кем-то напуганные, на самом деле из-за избытка сил, накопившихся за лето в крыльях, то и дело носились из конца в конец озера. Белоснежные лебеди, выделяясь из всех птиц своей совершенной, грациозной красотой, строго держались парами. И как трогательно было видеть, что некоторые из них, нежно положив свои длинные шеи друг на друга, были совершенно неподвижны, видно, дремали. Только их тени отражались чуть ли не до самого дна с хрустальными ключами, в чистой озерной воде, да еле заметный ветерок больше гладил, чем перебирал, словно человек пальцами, верхние птичьи перья.

Вдоволь налюбовавшись природной красотой, которую, конечно же, никакими стихами или красками не передать, я уже хотел спускаться с сосновой опушки, как вдруг услышал совсем недалеко собачий лай. По его высокому отрывистому тону я тотчас понял: лайют на зверя! И как было этого не понять, если собаки буквально заходились в своем неистовом, яростном выражении пугающей злобы! Чтобы точно определить, где же находятся собаки, я стал внимательно вглядываться в марь и увидел на самом берегу озера одиноко стоящую лиственницу, у которой только на излете ствола имелась небольшая игольчатая крона. В ней-то, ближе к самой вершине, я и разглядел какое-то то ли бурое, то ли светло-коричневое неподвижное пятно. В башке вихрем понеслись горячие мысли: “Наверно, собаки загнали на дерево медвежонка! Если это так, то где-то рядом должна находиться и сама медведица! Надо быть крайне осторожным!” И я с чувством, проходим на страх, внимательно, унимая невольно подскокившее сердечное колотье, огляделся, но ничего и никого на мари не увидел. Облегченно выдохнув, но все же на всякий случай сняв с предохранителя ружье, я, бросая напряженный взгляд по сторонам, стал осторожно спускаться с опушки, в любую минуту готовый к действию... Но, оказавшись уже в ернике и продравшись сквозь него метров пятьдесят по направлению к одинокому дереву, я еще раз всмотрелся в пятно и снова стал мысленно рассуждать: “Как жаль, что не захватил с собой бинокль, но это точно не медвежонок! Во-первых, пятно все-таки светло-коричневого, скорее даже темно-желтого цвета, во-вторых, намного меньше по размеру трехгодовалого медвежонка, и в-третьих, его крайне опасная мать давно бы уже одним грозным рычанием если не разогнала, то точно приструнила собак, выручая свое дитя!” Придя к такому выводу, я положил ружье в ерник, но взял на изготовку “тозовку” с твердым намерением произвести по пятну выстрел. Как только я, хорошо прицелившись, это сделал, оно зашевелилось, несколько веток упало с дерева, но неизвестный зверь остался в лиственничной кроне. Собаки, словно ободренные звуком и резко прозвучавшим в устоявшейся таежной тишине выстрелом, залаяли совсем остервенело, стали подпрыгивать, когтями лап царапая кору. Казалось, будь у них силы, они, как ястребы, взлетели бы на дерево к загадочному для меня пятну! Охотничий азарт все больше охватывал и мою юную душу. Наконец, забыв о всякой осторожности, я быстро продрался через ерник еще метров на пятьдесят, и, не раздумывая, больше опасливо не оглядываясь, вскинул “тозовку”, со всей присущей мне тщательностью прицелился и еще раз выстрелил. В этот раз пуля точно попала в цель: пятно, видать, пронзенное острой, парализующей болью, невольно расслабило мышцы и свалилось на самый край озерного берега. Сразу же между ним и набросившимися собаками завязалась яростная схватка, — лай, рычание, визг слились в один сплошной рев. Я сгорая, бросив ружье в ернике, с одной “тозовкой” в руках, к счастью, на ходу вгоняя в ствол очередной патрон, бросился к месту схватки, как я уже понимал, не на жизнь, а на смерть. Вдруг, глубоко прорезая таежный воздух, по моим ушам с силой ударил раздражающий душу собачий визг, очень знакомый. В башке больно мелькнула горькая мысль: “Неужели моего Мухтара?!”

Ерник закончился, но передо мной встал стеной выше человеческого роста непроглядный камыш. Держа “тозовку” на вытянутых руках, я стал стволом

раздвигать его тугие стебли, пока не уткнулся глазами в летящий в меня бешеный взгляд раненой росомахи, в ярости готовый вцепиться в горло! И может быть, это ей удалось бы сделать, но знающий свое дело отчаянный Смелый мертвой хваткой своих острых зубов вцепился в зад опасного зверя! И тут я наугад, но удачно выстрелил в третий раз! Пуля точно пробила голову росомахи, и она замертво упала на вмиг подкосившиеся передние лапы в двух метрах от меня. “А где же Мухтар?!” — мгновенно подумал я. Быстро посмотрел вправо и увидел его. Он, с распоротым животом, с вывалившимся из пасти сухим языком, лежал в метре от меня на примятом в схватке камыше, не подавая никаких признаков жизни. Забыв обо всем на свете, я кинулся к нему, схватил его за голову трясушимися от горя руками, прижал ее к груди и горько зарыдал, как будто потерял родного брата. Слезы из глаз лились ручьями, обжигая исцарапанное в кровь об ерник лицо.

Вдруг я ощутил на плече крепкую руку Георгия:

— Ванек! Я, может, как никто другой понимаю, что значит потерять верного друга, но надо крепиться! Давай, неси Мухтара на опушку, а я следом притащу твою знатную добычу. — И тут же властно скомандовал своему Смелому: “Фу! Нельзя!” Однако собака не послушалась хозяина — продолжала железной хваткой сжимать острые клыки на мертвом теле росомахи. Тогда Георгий вынул из ножен якутский нож, подошел к Смелому и, просунув его между челюстями, разжал пасть...

А я, несмотря на то, что продолжал горько плакать, словно замороженный словами Георгия, послушно взял на руки погибшего четвероногого друга, поднялся и, шатаясь из стороны в сторону, словно силы меня враз оставили, побрел на заплетающихся ногах к указанному месту. Продолжая оставаться в горестном состоянии, которое отгородило меня с собакой от всего остального мира, я, поднявшись на опушку, только и смог сделать, что сесть, вытянуть ноги, положить на них голову Мухтара и беспрерывно гладить и гладить ее, словно надеясь, что от тепла моих рук собака оживет. Тут подошел Георгий, держа на плече могучее тело злобного зверя, от которого сильно несло мочой. И, словно не замечая моего подавленного состояния, спокойно сказал:

— Я думаю, зачем нам в такую даль тащить тяжеленную росомаху? Если ты, Ванек, не против, то я аккуратно обдеру ее.

— Георгий! Делай что хочешь, как считаешь нужным, — безразлично, с глубокой горечью, словно не своим голосом ответил я.

— Эй, парень, ты давай-ка приходи в себя, да поскорей! Будь мужиком! Еще ведь Мухтара надо как следует похоронить...

— Конечно! Конечно! — спохватился, приходя в себя, я.

И, осторожно положив голову собаки на траву, встал и огляделся. На всей опушке лучшего места для могилы, чем под самой высокой сосной, с толстыми ветвями и широкой кроной, было не найти. И я в течение часа при помощи верного, острого как бритва якутского ножа и рук в слежавшемся, трудно поддающемся грунту выкопал могилу, в которой мы вместе с Георгием и похоронили Мухтара. В небольшой могильный холмик я глубоко воткнул православный крест, сделанный мной тут же из двух палок, крепко связанных между собой веревкой. Хотел в качестве прощального салюта несколько раз выстрелить вверх, но Георгий меня остановил: “Не стоит даже по такому печальному случаю лишний раз нарушать царственный покой здешней природы...” До сих пор не знаю, прав он был или не прав, но я внял его словам.

Остаться на Лебедином озере с горем на душе я не мог и прямо, хлопая носом, сказал об этом Георгию. Он мое решение принял как должное: “Ничего, полюбуемся его неповторимой красотой и птичьим изобилием в другой раз — жизнь, как быстро ни летит, длинная...”

Назад, в наш сенокосный стан, возвращались в еще более тяжелом молчании. При этом, конечно, каждый думал о своем, поскольку так уж устроен человек, что в его голове, неважно, добрые или злые мысли текут, как многоводная река, безостановочно, по ночам обращаясь в сны... А царица-погода, словно в укор нам, что мы такие смурные, буквально с каждым часом лишь улучшалась и улучшалась. Еще перед самым рассветом южный ветер,

как слетевший с горного кряжа орел, своими невидимыми, но могучими крылами разогнал свинцовые, беременные дождем, тучи. И теперь на пронзительно синем-синем высоком небе, словно разбежавшееся по горному пастбищу стадо овец, плыли поодиночке серо-белые, ватные облака. Солнечные яркие лучи, мощным потоком льюющиеся на землю, вдохновенно пятнали извилистую тропинку и все еще зеленую листву на березах и тополях. Все ошутимей и острее в свежем, глубоко вдыхаемом легкими воздухе пахло хвоей и мхом. Взбодренные теплом и светом, синицы с такой силой выплескивали в пение свою душу, что казалось, их голоса звучат с каждого дерева, с каждого куста. И, как бы меня сильно ни одолевала печаль, на сердце постепенно становилось спокойней. От неодолимого желания жить мысли, как в горе, уже не метались в башке, а текли все ровней и светлей, сначала едва журчащим тихим ручьем, а потом широкой, равнинной рекой.

— А день-то, Ванек, смотри как распогодился, ну прямо на радость!.. — прервал тягостное молчание Георгий. — Если больше дождя не будет, то, думаю, завтра к обеду скошенная трава настолько просохнет, что можно будет смело ее сгрести в валки и складывать в копны!

— А почему бы сразу не метать зарод, ведь можно же! Чего время-то зря терять! Только для этого необходимо параллельно копнению прямо с валков сено грузить на волокуши и подвозить к месту стогования.

— Верно говоришь, Ванек!

— Верно-то верно, но подожди, — вдруг, вспомнив вчерашний разговор у зимовья с Георгием, удрученно произнес я: — А кто все это делать будет — ты да я да мы с тобой, ведь сам же говорил, что мужики решили из-за непогоды, будь она неладна, гульнуть. Коли твои слова сбылись, то завтра им с похмелья ну совсем не до работы. Или я не прав?

— Прав, конечно! Только я их с утра пораньше гуртом сгоняю на Жербинку, как нашкодивших щенков, по очереди, схватив за шкуру, пополощу хорошенько в глубоком омуте со студеной водой, и, глядишь, дурной хмель-то с них как рукой враз снимет!

— Да, Георгий, только на твою силу и можно надеяться! — поддержал старшего товарища я. Но, помолчав, вдруг даже неожиданно для себя на полном серьезе спросил: — Георгий, ты, конечно, медведя из берлоги не раз поднимал, а вот что будешь делать, если он внезапно, выскочив из кустов, появится перед нами на тропинке?

— Ничего... Верней, почти ничего, поскольку, не медля ни секунды, тихим голосом попрошу тебя замереть на месте, а Смелому дам необходимую команду, чтоб он, как раз натасканный на лесного царя, с остервенелым лаем не кинулся в его сторону.

— И чем в конце концов это закончится? — не унимался я.

— Если зверь не пробовал человеческой крови, то постоит, постоит, да и, уступив нам тропинку, пойдет дальше по своим медвежьим делам. А поскольку ты вопрос, скорее всего, задал не зря, с какой-то волнующей тебя целью, то скажу и попрошу услышанное от меня хорошенько запомнить: к концу лета, когда медведь нагуляет достаточное количества жира, жизненно необходимого ему для долгой зимней спячки, он первый никогда на людей не нападает. Хотя это не значит, что в лесу можно вести себя, как у себя дома, неосмотрительно. Понял, Ванек?

— Понял!

— Вот и лады!..

И между нами снова воцарилось молчание... Но длилось оно в этот раз недолго. Смелый, бодро бежавший впереди, вдруг, резко вскинув голову, стал внюхиваться в воздух, и, видимо, что-то четко почуяв, крупным пружинистым прыжком свернул с тропинки вправо и углубился в еловый лес, сплошь перемешанный с редкими березками и осинками. Вскоре до нас донесся его звонкий лай. Георгий, резко остановившись, прислушался. Шагая, полностью погруженный в свои вновь при воспоминании о Мухтаре помрачневшие мысли, с низко опущенной головой, я чуть не налетел на него. Хотел грубо, словно взрослые мужики, выругаться, но разумно подумал: “Самому надо быть в лесу повнимательней!..” А Георгий уже по лаю определил:

— Ванек, если я не ошибаюсь, то Смелый вспугнул не больше, не меньше, а самого царя боровой дичи — глухаря!

— Прямо-таки глухаря?! — недоверчиво спросил я.

— А что гадать! Я пока немного передохну, а ты возьми на всякий случай “тозовку” да и по-быстрому сходи, посмотри своими зоркими глазами, на кого это там Смелый так заливисто лает.

С трагическим грузом на душе я, может быть, и не пошел бы, но в моем длинном списке охотничьих трофеев боровой дичи как раз глухаря не хватало... И, подчиняясь вдруг вспыхнувшему помимо моей воли охотничьему азарту, я, чтобы верно определить, с какой стороны дует ветерок, посмотрел на раскидистые вершины сосен — они слегка клонились к северу... Ага, значит, во избежание быть обнаруженным дичью мне надо, наоборот, с южной — подветренной стороны осторожно двигаться на лай. И я, удостоверившись, что за длинную дорогу каким-нибудь невероятным способом не выпало из магазина ни одного патрона, пониже пригнувшись, чтобы головой вообще шумно не задевать нижних ветвей раскидистых лиственниц, свернул с тропинки в чащу. Пройдя метров сто, заметил, что она впереди как бы расступилась передо мной. Осторожно выглянув из-за куста можжевельника, я увидел небольшую поляну, сплошь поросшую, словно застланную ковром, белым оленьим мхом, на противоположной стороне которой росла высоченная ель. Упершись в нее передними лапами, Смелый не зло, но упрямо делал свое обычное дело — лаял и лаял вверх, уверенный, что хозяин охотник не заставит ждать себя.

Всмотревшись в вечнозеленую, раскидистую крону, я ахнул — на самой высокой ветке сидел здоровенный, черный как смоль глухарь, без какой-либо тревоги смотревший вниз, как ему наверно казалось, на зачем-то лающую собаку. Чуть ниже, но почти на такой же крепкой разлапистой ветке разместилась глухариха. А на срединных ветках расположились глухарята, примерно с месяц как вставшие на крыло. О такой редкой удаче я, охотник-любитель, хотя уже с солидным стажем, даже и не мечтал. Надо было только верно воспользоваться словно с неба свалившейся на меня возможностью удачно завершить охоту. А сердце между тем застучало от волнения с такой силой, что от напора крови заухало в висках. Руки, крепко сжимавшие “тозовку”, вспотели, и когда я их разжимал, то пусть слегка, но предательски дрожали... В конце концов охотничий азарт охватил меня настолько, что я кроме дичи вокруг ничего не видел. Казалось, всем своим зрением, всем своим слухом я слился с птицами, готовый моментально среагировать на любое их мало-мальское движение, вызванное тревогой... Чтобы быстрее унять сердцебиение, как учили в спортивной школе, я несколько раз глубоко вдохнул и сполна выдохнул воздух. Все расширявшимися от удивления глазами пересчитал глухариную семью. На пять тозовочных патронов, уложенных в магазине, приходилось аж восемь птиц! Имея за плечами достаточный опыт охоты на боровую дичь, решительно вскинул свою малокалиберную винтовку, при затаенном дыхании прицелился в самого нижнего глухаренка и выстрелил. Даже не взмахнув крыльями, он камнем упал на сухой мох, лишь задев самую нижнюю ветку. Умница Смелый тотчас не бросился к нему, продолжая настойчиво лаять. Ничуть не изменил своего поведения и глухарь. Только переступил своими мохнатыми, когтистыми лапами да, склонив шею, посмотрел чуть в сторону от пса. Поскольку один патрон уже был использован, я решил оставшимися патронами подстрелить еще двух глухарят и, конечно, их царственных родителей. И сделать это наудачу, то есть стрелять максимально быстро, как по тарелочкам, вылетающим из специального аппарата... И то ли Господь смилостивился надо мной из-за потери четвероногого друга, то ли многие часы, проведенные на стрельбище, не прошли даром, но все пули попали в цель! Глухарь оказался таким тяжелым, что, когда он упал, подломив крылья, по земле прокатился легкий гул. С последним выстрелом оставшиеся глухарята, наконец-то, словно почувствовав смертельную опасность, буквально сорвались с веток и, часто-часто махая крыльями, унеслись над самыми верхушками деревьев в глубину леса. И, честно говоря, я этому

был рад, поскольку оставалась надежда, что уцелевшие птицы продолжают свой глухариный род.

Проводив их потеплевшим взглядом, я чуть ли не бегом подбежал к беспорядочно лежащей подстреленной дичи. Однако в первую очередь погладил по голове Смелого и ласково похвалил: “Хорошо, Смелый, хорошо!” Потом оглядел свои богатые трофеи и, поняв, что один я их не вынесу из леса, громко позвал Георгия. И как только он показался на полянке, я взял за ноги в правую руку глухаря, весившего не менее пуда, а в левую — его верную подругу, и, подняв убитых птиц над землей, с сияющей улыбкой торжественно произнес:

— Георгий, смотри, какие царскими трофеями я обзавелся! Ни одну пулю не пустил в молоко! Ну прямо как настоящий снайпер!

— Да ты дичь-то положи, а то руки отваялятся, — с доброй улыбкой сказал Георгий, подходя ко мне. А заметив и трех глухарят, поразился:

— Так ты, Ванек, в азарте весь выводок перестрелял, что ли?!

— Может быть, и перестрелял бы, будь “тозовка” восьмизарядной! — хвастливо заявил я, но тут же осекся: — И дурак был бы!

— Не понял, объясни?

— Три молодых глухаря улетели, как только грохнулся глухарь! Но я этому даже рад, поскольку на следующий год они уже сами обзаведутся семьями, продолжают свой птичий род. Это же здорово!

— Согласен, здорово! Однако до стана нам с тобой еще топать да топать, а вся твоя, как говоришь, царская добыча килограммов на двадцать пять, не меньше, потянет!

— Ну, Георгий, ты меня удивляешь! Какая же это тяжесть для двоих не совсем слабых мужиков? Вполне посильная! — весело среагировал я.

— А ты вес наших совсем не хилых рюкзаков, под завязку заполненных, в расчет не берешь? Берешь, знаю! А впрочем, что пустые лясы разводить, приторачивай себе глухаря, а я захвачу остальную дичь. Дорога, дорогой друг, сама покажет, кто из нас прав!

Наши рюкзаки действительно были полны, как в таких случаях говорят, под самую завязку. Но ведь и другое говорится, а именно “голь на выдумки хитра”! Я поспешно вытащил из брезентовых штанов поясной, пусть из синтетической, но все же кожи ремень, а вместо него использовал гибкую, мягкую кору, аккуратно и умело снятую якутским ножом с длинной, сырой тальниковой ветки и словно в жгут скрученную. И при помощи ремня надежно, ведь до стана предстояло еще шагать да шагать, приторочил глухаря сверху рюкзака. То же самое сделал и Георгий, только, конечно, проворней и уверенней меня. И мы, все так же молча, наедине со своими мыслями, продолжили таежный путь. Километра два я прошел без больших усилий, но начал остро чувствовать, как лямки все большей и большей стали врезаться в плечи, хотя я во время сбора и догадался под лямки подложить по толстому и широкому куску белого мха. Потерпев саднящую боль еще с километр, я взмолился:

— Слушай, Георгий, давай хоть на пять минут присядем!

— Устал, никак?

— Лукавить не буду — есть маленько. Но не это мучает меня невмоготу, а рюкзачные лямки, которые, кажется, перерезали плечи!

Георгий не стал меня сурово попрекать. С братским сочувствием посмотрел в потухшие глаза и охотно согласился:

— А ты, пожалуй, прав — нам и правда надо немного передохнуть. Затекшее и ставшее словно свинцовым от тяжелой нагрузки тело размять, как именно, лучше меня знаешь, ведь ко всему еще и спортом увлекаешься. Что ни говори, а мы и в самом деле за полтора суток уже километров пятьдесят с гаком, да немалым, отмахали!

Быстро сбросив с плеч всю поклажу, я первым делом растянулся на уже хорошо подсохшем, мягком, как пуховая перина, высокоом мхе, который подомной сжался почти до самой земли, и почувствовал, как ее прохладное расслабляющее дыхание ласково обволокло все тело. На душе стало так хорошо, что хоть какую-нибудь светлую песню запевай. Тем не менее вскоре я поднялся и энергично тридцать раз глубоко присел, чтобы увеличить в венах крово-

ток, восстанавливающий порядком истраченные силы. Но едва я опустился на рюкзак рядом с Георгием, как подумал: “Эх, все-таки я зря поддался охотничьему азарту, причем безоглядному! Пусть бы глухариная семья и дальше до самого снега жила в мире и согласии, ну как добрые люди!” И чувствуя, что оставаться наедине с этими справедливыми мыслями мне тяжело, я поделился ими с Георгием. Он, внимательно выслушав меня, не стал успокаивать, а как-то очень уж уверенно, словно о давным-давно лично пережитом, сказал:

— Я тебя хорошо понимаю, но ты должен знать, что каждый человек, прежде чем он вырастет, когда по собственной глупости, когда по воле свыше совершает ошибки, порой совсем не малые! Но каждая из них для сильной духом натуры, в конце концов, оборачивается своеобразным чистилищем души, разума, да и, пожалуй, тела тоже. А это в будущем не позволяет наступать на одни и те же жизненные грабли, по себе знаю, очень сильно бьющие... В твоём конкретном случае и в самом деле плохо то, что ты, в общем-то, богоугодное дело совершил не ради живота своего, а ради потехи, удовлетворения самолюбия... Что касается твоей печали о глухарином потомстве, то и здесь не все так просто, поскольку тому же самцу, если бы он остался живым и невредимым, следующей весной во время токования, то есть птичьих свадеб, пришлось бы в жестоком, до пролития крови, бою завоевывать свое право на самку. И только один Бог знает, удалось бы ему это сделать или нет. Вот так, Ванек! Как сказал еще один, уверен, хорошо тебе известный поэт, “Жизнь прожить — не поле перейти...” И я с ним совершенно согласен!

Спокойные слова старшего товарища, исполненные большого жизненного опыта, несколько успокоили мою мятущуюся душу, но вместе с этим и навели, как мне казалось, на совсем не простой вопрос:

— Георгий, извини, не скажешь, почему до сих пор в бобылях ходишь? Неужели одинокая жизнь не надоела, да так, что хоть караул кричи?

— Да мы с тобой настолько за один только поход на Лебединое озеро духовно сблизились, что и на глубоко личную тему готовы перейти... И правильно: если в дружбе быть откровенным, то до конца! А ответ мой и прост, и короток: я принадлежу к категории тех, к сожалению редких, мужчин, которых называют однолюбам!

— Значит...

— Да-да, я любил, люблю и буду до конца дней своих любить одну женщину, которую встретил еще в далекой юности, несмотря на то, что она, отвечавшая мне взаимностью, клявшаяся в верности, вскоре после моего ухода в армию вышла замуж за своего одноклассника.

— И счастлива с ним?

— Скорей всего, нет! Уж больно часто и помногу он за воротник закладывает, ну и под этим делом руки распускает, словно напрочь забывает, что живет с ним не просто женщина, а женщина-мать, нарожавшая ему аж целых пятерых ребятшек.

— Ну и дела!.. — только и произнес я.

Зато Георгий, откровенно лукаво взглянув на меня, непринужденно, даже весело не замедлил поинтересоваться:

— А ты, Ванек, поди уже приглядел себе какую-нибудь девчонку? — и заметив, что стыдливая кровь прихлынула к моему лицу, от чего оно до кончиков ушей маково зарделось, продолжил: — Говори как на духу, не девица же красная, а мужик, да какой — стена!..

— Приглядел, Георгий, приглядел! И все началось с того, что она на день двадцать третьего февраля, когда всем мальчикам одноклассницы вручали подарки, преподнесла мне книгу о войне!

— Красивая?

— Очень! Белокурая такая! С длинными толстыми косами, умело уложенными вокруг головы. Я до самого отъезда на сенокос каждое воскресенье привозил ей из-за речки букет полевых цветов! И признаюсь, каждый вечер, прежде чем заснуть, вспоминаю ее, вернее, вызываю из глубины памяти — и она как живая предстает передо мной!

— Это замечательно, Ванек! Когда же еще впервые влюбляться, если не в твои годы! Только помни: мужчина по отношению к женщине должен быть

еще тем охотником — и с горячим сердцем, и с зорким глазом!.. А теперь нам пора и дальше топать. Если тебе вновь станет от своей тяжелой добычи невмоготу, представь, что в стане, приехав каким-то чудом, тебя ждет она, так сразу всю усталость как рукой снимет, словно за спиной крылья вырастут!

Однако едва мы двинулись в путь, в мою уже давно посветлевшую голову вернулись горькие мысли о так неожиданно разыгравшейся утром на Лебедином озере трагедии. Сердце с новой силой удавкой захлестнула боль потери четвероногого верного друга.

Но тут неожиданно я стал думать: “А все-таки жизнь далеко не однообразна. Порой не совсем понимаешь ее... Еще несколько часов назад я убивался в горе. Лил скупые, но горькие слезы по Мухтару. Но стоило мне воочию увидеть боровую дичь, а главное — понять, что я могу ее добыть, как пусть не до конца, но все же забыл о своих невзгодах. Душой вновь страстно овладел охотничий азарт. Смерть дорогой собаки не остановила меня перед тем, чтобы самому не нести гибель другим, хоть и глухарям только. А почему — только? Ведь они тоже живые существа, вылупились из яиц, чтобы в своем родном лесу жить своей птичьей жизнью, как я в родовом доме. Но я взял и нещадно оборвал ее! И кто же я на самом деле после этого? Человек? Ну конечно же, он самый! Но жестокосердный! Но не совсем... Просто не научившийся по полной ценить ни свою жизнь, ни чужую жизнь. И не потому, что молод, а потому, что на этом свете еще мало страдал. И вообще, страдал ли?..”

От этого вывода мне захотелось взвыть по-волчьи. Но тут мои мысли приняли другой оборот: “Опять же, если бы жизнь человеческая с самого начала состояла из одного черного горя или была сплошь исполнена только солнечного счастья, захотел бы я жить? Скорее всего, нет! Поскольку она не быстро приелась бы, стала пресной, невкусной, как пища без соли... То-то и оно...” И я снова стал обретать присущую мне силу духа и непоколебимую веру в будущее, словно почувствовав, сколько испытаний предстоит мне выдержать и выйти из них победителем, но, увы, увы, непременно лишь — через боль и радость, через потери и обретения... Но одно я уже для себя накрепко решил — никогда больше не возьму в руки охотничье ружье...

До конца пути пришлось еще несколько раз останавливаться на небольшой отдых, необходимый для восстановления кровоснабжения плечевых мышц, а значит, и избавления от боли... В стан, погружившийся в едва проглядываемую темноту, вернулись в полночь. Но разгрузив рюкзаки с добычей, сразу почему-то забыли об усталости. Высоко в фиолетовом небе многочисленные звезды, как осенние яблоки, только серебристого цвета, вызрели и светили ярко, загадочно, словно манили к себе. Видимый даже в темноте, над понизовьем сенокосных полей и болотного кочкарника клубился густой прохладный туман. Словно напрочь запутавшись во времени, за речкой, где в прошлом году бушевал лесной пожар, куковала кукушка. Я хотел ее послушать, но подумав, что вновь обязательно наврет с три короба, не стал. Да и уж поздно было.

Георгий в отношении дурного поведения оставшихся в стане членов звена оказался прав: едва мы вошли в дом, как в нос резко и остро ударил крутой сивушный запах бражки. Помещение содрогалось от такого сильного пьяного храпа, что хоть уши затыкай. Ложиться спать смысла не было — не заснешь... Георгий, пожелав мне спокойной ночи и похлопав ободряюще по плечу, ушел спать к себе в сторожку, в которой по несколько месяцев обитал зимой с целью выполнения пресловутого плана по заготовке пушнины, а я, подбросив в догоравший костер хвороста, стал смотреть на звезды, в надежде разглядеть среди их великого множества пусть самую маленькую, но ставшую звездой душу Мухтара. Я понимал, что это сделать невозможно, но все равно как замороженный смотрел и смотрел, до боли в глазах. И как скупые слезы невольно ни стекали по моим впалым щекам, я их не утирал. Но это уже были слезы не горя, а надежды на исполненную света и любви жизнь. И сияющие звезды в бескрайнем ночном небе казались залогом всего доброго на земле.

Вроде хорошо подкормленный мной костер догорал — и я все больше, словно в глубокий речной омут, погружался в ночную темноту. Мою душу

стало охватывать чувство томящего одиночества, чего мне совсем не хотелось. Поэтому, поднявшись, я подбросил как можно больше рубленого дровяного сушняка в костер, и через минуту-другую он разгорелся вовсю, весело потрескивая, словно разговаривая со мной. А язычкое пламя, с жадностью пожирившее топливо, казалось какой-то языческой пляской, такой головокружительной, такой страстной, что я не мог оторвать от нее одновременно восхищенного и удивленного взгляда. Я словно оказался вовлеченным и в эту пламенную пляску, и в этот огненный разговор костра, — и одиночество с души сняло так быстро, будто его и совсем не было. Постелил рядом с костром старую фуфайку, под ее край вместо подушки подсунул большое полено и поудобнее лег набок. Жаркое тепло, волнами исходящее от костра, переживания от потери Мухтара и долгое возвращение в стан сделали свое дело: я не помню как, но погрузился глубоко в безмятежный сон. Не скажу точно, сколько времени проспал, но проснулся от ощущения прохлады и сырости, успевших заползти под одежду, так охватить тело, что по нему густо побежали мурашки. Костер, видно, давно догорел, лишь несколько головешек красиво атели внутренним жаром и едва дымились. Набросав их друг на друга, а сверху положив хворост и несколько сухих березовых поленьев, я, оперевшись руками о теплую землю, несколько раз сильно подул на головешки, — они послушно вспыхнули, пламя перекинулось на хворост — и костер стал разгораться по новой. Солнце еще не выглянуло из-за тайги, но своими красно-золотыми лучами уже вовсю озарило край неба, словно ощупывая извечную небесную дорогу перед собой. Но и этого вполне хватило, чтобы ночная темнота постепенно, все слабей и слабей, отступила перед ранним рассветом. Утренняя, густая, темно-изумрудная отава была сплошь усыпана капельками серебристой росы — от нее-то и несло неуютной сыростью. Клубящийся в аласовых низинах и над речкой Жемпинкой белесый туман стал едва заметно для глаз подниматься вверх. Не отрываясь смотря на него, я с радостью подумал: “День сегодня выдастся на загляденье — солнечным, жарким! Самое золотое время метать в стога душистое светло-зеленое сено!”

Вдруг у меня за спиной послышался шум, я тотчас оглянулся — из дома на длинное крыльцо вышел тракторист Сергей. Со хмельного сна меня не видя, он чуть ли не подбежал к лежащей бочке из-под бензина, приспособленной нами под емкость для питьевой воды, лихорадочно сбросил деревянную крышку с прямоугольного отверстия, специально вырубленного при помощи зубила и молотка, чтобы можно было наливать воду в бочку или, наоборот, брать из нее, зачерпнул полный литровый ковшик поостывшей за ночь и потому ломящей зубы воды и стал ее большими глотками с жадностью пить. В такт большим глоткам — то вверх, то вниз — ходил и его кадык, сильно выраженный от природы. До последней капли опустошив ковшик, Сергей небрежно положил его на место, утер губы и подбородок грязным рукавом рабочей рубашки, достал из помятой пачки папироску, стал чиркать спичку за спичкой, но ни одна из них долго не вспыхивала — то ли они отсырели, то ли руки у бедного Сергея тряслись так, что тонкие спички ломались. Наконец желанный огонь вспыхнул, и не менее жадно, чем пил воду, Сергей задымил табаком. Сделал три глубоких затяжки, с шумом надсадно выдохнул папиросный дым и вернулся к крыльцу, у которого грузно опустился на чурку, с глазами, в которых читалось только одно: “Эх, сейчас бы еще и опохмелиться!”

Но пока он стоял на крыльце, мне хватило одного взгляда, чтобы отметить, как за двое суток почти до неузнаваемости изменилось его и без того некрасивое, как бы одутловатое лицо. Обычно перед тем, как лечь спать, мы из сена и конского сухого навоза разводили в ведре дымок и на полчаса заносили его в дом. Вся насекомая тварь: комары, мошки, разные конские слепни, паузы, не вынося прогорклого, очень ядовитого “окуривания”, с писком, с жужжанием вылетала из помещения на улицу. Мы тотчас следом за ними опускали на дверной проем специальный марлевый полог и, никем и ничем не тревожимые всю ночь, спокойно отдыхали от тяжелых дневных трудов. Но, загуляв, так сказать, по-черному, члены нашей бригады забыли обо всем на свете, в том числе и о вездесущих днем и ночью насекомых. Зато о них совсем не думали забывать насекомые, они, наоборот, словно и

ждали, когда же наконец люди совершат какой-нибудь угодным им промах! И лицо Сергея являло тому яркий пример. Во-первых, оно от многочисленных укусов распухло, во-вторых, стало чесаться, и во сне, пребывая в пьяном, почти бессознательном состоянии, Сергей невольно, чтобы хоть как-то избавиться от чесоточной муки, грязными ногтями давно не мытых рук места укусов расцарапал до крови! В общем, и смех, и грех! Вскоре из дома по одному стали медленно, щурясь от солнечных лучей, выходить и остальные гуляки. И все, будто сговорившись, сразу же, как оказывались на улице, бросались к питьевой бочке. Естественно, их лица понесли от насекомых такой же значительный урон, как и у Сергея. Последним вышел бригадир Василий Иванович, видимо, поднимал все никак не хотевших встать членов звена. Увидев меня, сидящего у ярко горящего костра, он, видать, перебив похмельную жажду, подошел ко все еще горевшему костру, якобы с целью подбросить хвороста:

— Здорово, Ванек!

— Здравствуйте, Василий Иванович! — ответил я. И, смотря на его обезображенное лицо, не знал, что делать: то ли плакать, то ли смеяться! Но бригадир, чувствуя передо мной, как перед сыном своего начальника, конкретную вину за внезапно разыгравшуюся с его непосредственным участием пьянку, помялся немного и продолжил начатый разговор:

— А чего ты такой шибко печальный, осунувшийся? Стряслось что-нибудь с Георгием? Где он сейчас?!

— Успокойтесь, Василий Иванович! С Георгием как раз все хорошо, он у себя, отдыхает. А я вот потерял Мухтара!

— Как потерял? В лесу, что ли?

Мне ничего не оставалось, как поведать бригадире все о наших с Георгием таежных приключениях. Молча, не перебивая, бригадир выслушал меня до конца и выразил мне глубокое сочувствие по поводу гибели любимой собаки. Потом, как бы оправдываясь, заговорил:

— Ванек, ты, наверное, меня осуждаешь? Мол, бригадир, вроде непьющий человек, но не только не пресек пьянку, а и сам ударился в нее!

— Да не осуждаю я вас, Василий Иванович! — может быть, впервые в жизни непринужденно солгал я. — Сам порой не знаешь, какую гадость вдрут с того ни с чего выкинет жизнь, словно чертом опутанная.

— Ну и за это спасибо! — ответил бригадир и пошел к остальным членам бригады, сгрудившимся возле тракториста Сергея и что-то тихо между собой обсуждавшим. С “бугром”, как они называли между собой Василия Ивановича, завязался более оживленный разговор.

К этому времени природа окончательно пробудилась: сразу за домом в лесу запели во все свои звонкие голоса многочисленные перелетавшие с ветки на ветку синицы, скворцы и чижи. Очень скоро их разноголосое пение слилось в единый, стройно звучащий, словно кем-то с неба дирижируемый хор. На противоположном конце поляны в березовой роще размеренно, с редкими перерывами закуковала извечная лгунья — кукушка. А за небольшой, сбегавшей с дальней сопки речкой, в которой водилось столько хариуса, что хоть руками лови, Смелый делал свое обычное дело — залиvisto и терпеливо облаивал какую-то боровую дичь. Поэтому разговор между мужиками, перекрываемый светлыми звуками нарождающегося дня, был мне совершенно не слышен.

Однако вскоре ко мне подошел Сергей:

— А правда ты добыл аж саму росомаху?

— Правда, Сергей!

— Ничего не скажешь, улыбнулась тебе, Ванек, редкая удача! Не всякий кадровый охотник за всю свою промысловую жизнь может похвалиться такой чрезвычайно редкой в наших таежных местах добычей. Интересно, а что ты думаешь делать с ценной шкурой? — И, не дождавшись от меня хоть какого-нибудь ответа, продолжил: — А я бы, к примеру, сделал чучело, поставил бы его в квартире на самом видном месте, мол, смотрите, дорогие гости, я тоже в охотничьих делах не лыком шит! Да и где шкура-то — хоть глазом бы взглянуть!

— Сергей! О чем ты говоришь — какое чучело?! Я после гибели Мухтара на эту шкуру смотреть-то спокойно не могу! Но если тебе и впрямь хочется взглянуть на нее, то знай: она находится у Георгия в избушке, он взял ее на необходимую обработку...

Услышав мое сообщение, Сергей не бросился к Георгию смотреть шкуру, а продолжал нудно стоять. И тут до меня дошло, что он завел со мной разговор о росомaxe совсем по другой причине. По какой именно — я уже почти догадывался, но решил молчать — пусть ее выскажет сам. Но вместо этого Сергей продолжал свой вроде бы бесхитростный разговор:

— Ванек, я вот наблюдаю за тобой и удивляюсь: где это ты успел научиться так лихо ездить на тракторе? Завтра ты по графику дежуришь на стане, а я должен вывезти из тайги жерди, которые еще в прежний дождь всей бригадой заготавливали. Если хочешь, так сказать, поругать, то я охотно готов с тобой поменяться местами!

— Сергей, большое спасибо за предложение! Я, даст Бог здоровья на завтрашний день, обязательно им воспользуюсь.

Тут мне надоело в пустом, ничего не значившем разговоре ходить вокруг до около настоящей причины, из-за которой Сергей и подошел ко мне. И я напрямик, так сказать в лоб, спросил его:

— Сергей, интересно получается, спрашиваешь о ценной шкуре росомахи, а сам даже и не думаешь идти ее смотреть! Говори напрямую, что от меня надо-то? Не дурак, может, и пойму!..

В ответ он тотчас решительно показал в сторону мучающихся с похмелья мужиков и уважительно так попросил:

— Ванек, сделай доброе дело, подари шкуру бригаде, тем более что после гибели пса смотреть на нее не можешь!

— Хорошо, подарю! — ни секунды не сомневаясь в правильности своего поспешного решения, сказал я. — Только что вся бригада с ней делать будет? На стельки для валенок раскроит, чтобы предстоящей зимой, как всегда морозной, понадежней утеплиться?

— Какие стельки, Ванек! Да опохмелить их срочно надо — и все дела!

— А как вы это сделаете с помощью шкуры? — удивленно спросил я.

— Да проще простого! В Какальре, где мы прошлым летом сено заготавливали, круглогодично живет якут-телефонист, когда-то взявший себе в жены русскую женщину. Да ты о его судьбе, коль в прошлом году сенокосил в тех местах, и сам не можешь не знать! Детишек с женой он наплодил — один другого меньше! Естественно, казенных денег на жите-бытье вечно не хватает! Вот он и тайно приторговывает спиртным, благо надобность в нем у охотников очень даже часто случается. На тракторе я слетаю к нему, выменяю шкуру на несколько бутылок и уже к обеду вернусь назад! Опохмелимся с ребятами и еще сегодня до ночи не один стог сена успею поставить!

— Дальше можешь не говорить, все ясно! — перебил я Сергея. И уже сам решительно подвел черту в затянувшемся разговоре:

— Ну а что тогда стоишь? Голову мне морочишь! Бери шкуру и дуй к якуту — дорога-то неблизкая, до Какальра, однако, не меньше тридцати километров — и все тайгой, через трясины да болота!

В течение пяти минут трактор, заправленный соляжкой под самую горловину, уже тархтел, попыхивая сизым дымком. Сергей с мешком, в котором лежала еще сырая шкура росомахи, спешно плюхнулся на сиденье, крепко взялся руками за баранку, нажал правой ногой на педаль газа до упора — и трактор, взревев, словно сноровистая лошадь, встал на дыбы. Задние ведущие колеса на месте провернулись несколько раз, раздирая травянистый дерн в клочья и выбрасывая их далеко назад, потом трактор резко грохнулся передними колесами на дорогу и на полной скорости, густо чадая черным дымом, помчался в Какальр.

Проводив взглядом бедный трактор, словно человека, незаслуженно страдавшего от рук шаромыжного мужика, я снова обратил свое внимание на перепивших вчера членов бригады, и сегодня шибко страдающих с похмелья. Многие из них почти не отходили от питьевой бочки, пытаясь водой

притушить бушевавший в организме пожар. А если не пили, то беспрестанно, одну за другой, выкуривали папироски. Особенно тяжело было одному молодому парню. Он со своим распухшим и разодранным в кровь лицом ходил взад-вперед около крыльца, прижимая к груди крест-накрест сложенные руки, глубоко постанывая. Меня поразили цвет его лица — он был бледнее зимнего снега и отливал мертвенной синевою! Я встревоженно среагировал на это, — как приучили меня в спортивной школе, до и после каждого занятия замерять пульс с обязательным занесением в специальную тренировочную тетрадь его данных, подойдя к парню, взял его левую руку за запястье, а глазами засекал время на часах. Мой замер показал, что пульс у парня чуть ли не зашкаливал за двести ударов в минуту! Поэтому-то он, с обильной испариной на лбу, и прижимал руки к груди, словно боялся, что сердце не выдержит похмельной нагрузки и может выскочить из грудной клетки! Мне за его жизнь стало страшно, и я почему-то вспомнил анекдот, который подслушал, когда его рассказывал моему отцу напарник по игре в шахматы.

В Гражданскую войну в плен к белогвардейцам попал боец, воевавший за красных. Его заперли в сарае под замок, к дверям поставили часового и стали сообща думать, как же с ним, заклятым врагом, покончить. Один белогвардеец говорит:

— А что с ним цацкаться, выведем из сарая, поставим к стенке и расстреляем!

Другой возмутился:

— Да это проще простого! А надо сделать так, чтобы он перед смертью еще и помучился, гадина! Поэтому его надо повесить!

Тут свое мнение высказал третий белогвардеец:

— А я думаю, что его, эту красную сволочь, надо сегодня напоить так, чтобы он лежа покачивался, а утром не опохмелить!..

Тут между белогвардейцами на некоторое время воцарилась глубокая и несколько затянувшаяся тишина. Потом во время обсуждения судьбы красноармейца молчавший четвертый белогвардеец чуть ли не простионал:

— Ну, ты, друг, и жестокий!

Когда я услышал этот анекдот, то своим детским умишком никак не мог понять, в чем же именно заключалась жестокость в предложении третьего белогвардейца. Теперь, став свидетелем страшных похмельных мук своих старших товарищей по работе, до глубины души понял!

Странно все-таки, вернее загадочно, устроен человек. Еще вчера я чуть ли волком не выл от отчаянья и душевной боли, потеряв свою любимую собаку. На долгой обратной дороге к стану, вспомнив росомаху, чье обесшкуренное мертвое тело осталось валяться на опушке леса и которое, скорее всего, волки или другие звери уже обглодали до самых костей, — и через неделю-другую в одну ночь пожелтевшая листва осыплется на землю — и от матерого зверя не останется и следа, — мне стало жалко и росомаху. Ведь, честно говоря, ее вина, если можно так сказать, заключалась в том, что она несколько километров скрадывала нас, свою, как ей казалось, законную добычу, да вот беда — сама оказалась добычей. Сегодня, видя, как с глубокого похмелья мучаются не чужие мне мужики, которых всего час назад я готов был ругать и обязательно это бы сделал, будь годами ровней им, мне и их стало до слез жалко. И я уже не думал о том, сколько мы успеем до вечера сметать стогов сена, а словно душевно слившись с ними в тяжких похмельных мучениях, все чаще и чаще смотрел на то место в тайге, откуда вот-вот должен показаться трактор, лихо управляемый Сергеем. И мысленно страстно молил русскую женщину, жену якута-телефониста, чтобы ей понравился ценный мех, из которого, как раз к недалекой зиме, можно сшить не только шикарный воротник для пальто, но и новую прекрасную модную шапку, чтобы она упростила мужа сделать ей дорогостоящий подарок. А какой настоящий мужчина упустит шанс сделать приятное своей любимой женщине? По опыту своего бравого отца я знал — никакой!

Ну почему, когда ждешь помощи, так долго, невыносимо долго тянется время?! Слово Господь лишний раз испытывает человека на излом, что только сильные духом люди имеют право на счастливую жизнь. Наконец, из

тайги, работая на полных оборотах, надсадно тарахтя, с черным шлейфом дыма, который, вырываясь из выхлопной трубы, волнообразным шлейфом стлался по воздуху, на еще в самом начале сенокосной страды выкошенную поляну вылетел управляемый Сергеем долгожданный трактор, лихо подрулил к стану и, схваченный за все четыре колесных диска тормозными колодками, встал как вкопанный на своем привычном месте. Непривычно легко перекинув ноги через крыло заднего колеса, на землю прыгнул и сам Сергей с сумкой в руке, которую осторожно опустил на землю и к общей радости жутко страдающих мужиков вынул из нее две бутылки чистейшего спирта. Да не просто вынул, а еще и торжествующе поднял их на уровень плеч, как обычно с большущими рыбинами делает удачливый рыбак. Что тут стало твориться! Как по мановению волшебной палочки все мужики, за исключением одного, самого молодого, у которого сердце билось на крайнем пределе, бросились врассыпную: кто выметать сор из дома, кто мыть-перемывать накопившуюся за двое суток посуду, горой возвышавшуюся над разделочным столом, кто накрывать на стол. Один бригадир не принимал никакого участия в подготовке долгожданного похмеля. Наоборот, он подошел к Сергею и забрал у него одну бутылку спирта:

— Спирт чистый?

— Еще бы! Сам проверял — медицинский! — ответил Сергей.

— Вот и ладно: когда разведете, получится целых две бутылки водки. На поправку здоровья такого количества достаточно. И чтоб после обеда все, как один, вышли стога метать. И так уже столько золотого времени упустили, черт бы вас побрал, окаянных! Да и я тоже хорош...

Как всегда, неожиданно, словно из-под земли, подошел Георгий, выспавшийся, чисто одетый, готовый немедленно приступить к работе. Бригадир вежливо обратился к нему:

— А ты, наш незаменимый охотник-косарь, пока эти алкоголики приходят в себя, будь добр, запряги лошадей в волокуши. Добро?

— Конечно, Василий Иванович! — ответил Георгий и, ободряюще подмигнув мне, тут же направился выполнять задание.

А мои возбужденные мозги все никак не покидала угрюмая мысль о россомахе, цена которой на вынужденную поверку оказалась всего две бутылки спирта, пусть и чистейшего. Но вспомнив молодого парня, который мог и в самом деле, вовремя не опохмелившись, умереть от разрыва сердца, я подумал: “Да, цена шкуры россомахи оказалась действительно небольшой, но она могла, случись страшное с парнем, взлететь и до цены человеческой жизни! Только вот есть ли на свете такая цена? По крайней мере, я не знаю. И может, не узнаю никогда...”

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

ЕСТЬ ВЕЧНОСТЬ, МЫ И МОРЕ...

БАЛАКЛАВА

Всё переменится. Вспомни же, рос,
Мощь преисподних —
Базу в скалистой твердыни Таврос
Лодок подводных,

Уничтожающий огненный свет
Ядерной лавы —
Ворогу, если зарвётся, — “привет”
Из Балаклавы!

Гладь потаённая. Всё в ней — добро,
Вечность и мера.
Зря ли места сии зрело перо
Старца Гомера?..

Мощные своды — забвенья пыли,
Брошены штольни.
Пусть даже лодки куда-то ушли —
Дух наш не сломен.

Как ни беснуется вражия рать,
Оберегаем
Свыше — объект 825
Неубиваем...

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг “Равнина”, “Твердь”, “Зрак”, “Врата вечности”, подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Кружит над бухтою, радость лия,
Вещая птица...
Всё возвратится на круги своя.
Всё возвратится!

ГОРЛИЦА, ГОРЛИНКА...

К душному вечеру крымские смолкли цикады.
Словно бы вымерло всё на иссохшей земле.
Только сгущаются, близятся грома раскаты;
Молнии шарят в слепой обступающей мгле.

С каждой минутой пронзительнее и живее
В мире притихшем, пока не случилась гроза, —
Ветер с внезапной горячностью страстно повет,
Зашевелится густыми листьями лоза.

Это мгновенное благословенное лето,
Прикосновенье прощальное влажной щеки!..
Слышно, как плачет бессильно и тягостно где-то
Горлица, горлинка — голос шемящей тоски!..

Тайна безвестная, чья-то судьбина чужая,
Чем мне утешить тебя и в несчастье помочь?..
Мукой отчаянья сердце моё надрывая, —
Горлица, горлинка спать не даёт мне всю ночь.

...И ХЕРЕС В БОКАЛЫ НАЛЕЙ

Вновь осень пахнула дыханьем холодных полей,
И жизнь обнажилась до дна, проходящая мимо...
Но ты не печалься и херес в бокалы налей —
Как отблеск далёкого благословенного Крыма.

Ты ныне печальна, но просишь с улыбкой: открой
Мгновенья ушедшие незаходящего лета...
Вот хлопнула пробка, и льётся огонь золотой
С отливом таинственным светло-зелёного цвета!

Взращённый в предгорьях солнцем залитых земель
На почве суровой — старинным трудом винодела, —
Вначале бесстрастный, бросается в голову хмель
И сердца касается, кровь разгоняя по телу.

Мы светом миндальным, слепую сжигающим тьму,
Как время горчащим, — прогоним унынье и горе!..
Наполнены чаши, — и вот мы с тобою в Крыму,
Где солнце и лето,
Где плещет бессмертное море...

НА ГРАФСКОЙ ПРИСТАНИ

Вот она, глазу отрада,
Словно была испокон, —
Сдвоенная колоннада
Царственных белых колонн!

Флота парады и смотры,
Моря волненье и рёв, —

Всё здесь под строгим присмотром
Дремлющих мраморных львов.

Бухта огня и тревоги
Ныне тиха, и над ней —
Лестница маршей пологих
Из инкерманских камней.

Отобразится во взоре
Над суетою людской
Крымское небо и море
Да величавый покой.

И, повинуюсь примете —
Что с захмелевших нас взять! —
Медную бросим монету
В маршей блестящую гладь,

Чтобы России акрополь,
Преодолевший года, —
Вечно стоял Севастополь!
Чтобы вернуться сюда!..

ЕСТЬ ВЕЧНОСТЬ, МЫ И МОРЕ...

Гляди, как в споре с тьмою
Разлился зыбкий свет...
Есть вечность, мы и море,
А зла и смерти нет.

Вскипает море пеной,
Волной о берег бьёт...
Нет мрака, — есть мгновенный
К сиянию переход.

Но всё свирепый ветер.
Земную твердь трясёт...
К чему тебе всё это,
Зачем я это всё?

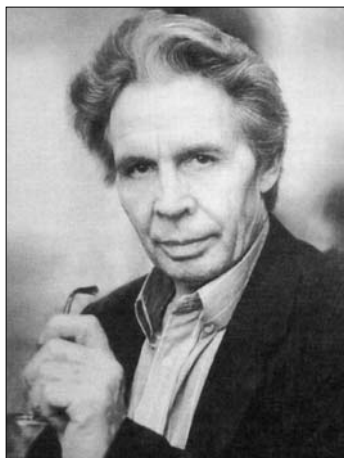
.....
На роковом просторе
В передрасветный час
Есть вечность, мы и море...
Да Милующий нас.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Отгромыхала в безлюдном просторе гроза.
Медленно ожила и распрямилась лоза.
Травы запахли.
В дальнем овраге шумит ещё слабо поток.
Переливаясь, с листа на зелёный листок
Капают капли.

Дланью незримой небесный очистился свод.
Даль обнажилась, и тоненько стайка поёт
В зарослях сада,
В кронах взлохмаченных мокрого березняка...
Стихла покорно в руке дорогая рука —
Божья награда...

ВЛАДИМИР БАЛАЧАН

МОЯ БЫЛИННАЯ СТРАНА

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Давно позаросли те стёжки
И оправданье есть тому,
Когда встречали по одежке,
А провожали по уму.

Да, было так: одетый худо,
Не лучшим образом обут,
Он вытворял такое чудо,
Что удивлялись там и тут.

И потому росли заводы,
Плотины, фабрики, дома
Во славу Родины, народа —
Итогом здорового ума.

Теперь — скребут на сердце кошки,
Хоть визитёров наших дней
Встречают также по одежке
И провожают тоже в ней.

БАЛАЧАН Владимир Фёдорович родился в 1939 году в с. Старо-Ярково Барабинского района Новосибирской области. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Лауреат конкурса "Мой Пушкин", член Союза писателей России, автор шестнадцати поэтических сборников, живёт в г. Омске.

Не потому ли год от года
С нехваткой здравого ума
В России рушатся заводы,
Плотины, фабрики, дома.

Но верю я: сквозь зло и стоны
Моя былинная страна
Подножьем Божьего Престола —
В веках! —
Была и есть она.

Господь, должно, считает гожим
В небесном праведном дому
Держать Престол...
А мы поможем
В великом промысле Ему.

ЛЕС

До последнего дня
Лес хранит на земле человека.
В зной — овеет прохладой.
В метель — попридержит снега.
До последнего дня
Он — отрада тебе и опека.
До последнего дня
Он — товарищ тебе и слуга.

Вот родился ребёнок —
Кроватку ему или зыбку...
Вот он на ноги встал,
Оседлал хворостину — коня.
Вот пошёл по земле —
То лопату берёт он, то скрипку.
Дом срубил из сосны
И живёт до последнего дня.

До последнего дня
Лес
Ведёт по земле человека,
Не скрывая своих
Заповедных и сказочных мест.
Он — и стол.
Он — и сад.
Он — и ложка ему и телега.
До последнего часа...
А там и...
Берёзовый крест.

КРУГОВОРОТ СУДЬБЫ

Брониславу Гриневичу

Хоть с какой стороны посмотри —
Нерушим исторический метод:
На восходе широкой зари
Мы на свет появляемся этот.

Под восторженный гимн петухов,
Что любого оркестра не хуже,
Воплощеньем добра и грехов
Бог живую дарует нам душу.

Мы дела и заботы вершим
По уму, по душе и по чести —
От корней до желанных вершин.
Или топчемся тихо на месте.

Мы плодим человеческий род —
То летим, то шагаем, то реем —
Совершаем свой круговорот:
Молодеем, мужаем, стареем.

На ветру, на морозе, в тепле,
Завершая судьбу, как дорогу,
Плотью мы отдаёмся земле,
А душой возвращаемся к Богу.

КРЕДО

Ни судьбы, ни семьи не менял,
Не ходил по напрасным дорогам.
Может, как-то нечаянно внял:
Это — щедро даровано Богом.

Просто землю родную любил:
Я пахал, сенокосил и сеял...
Ни людей, ни скотину не бил —
Просто был заедино со всеми.

Верил в правду, не верил в молву,
Ни душою, ни верою сроду
Не кривил...
И доселе живу,
Как частичка господней природы.

И не надо мне больших щедрот —
Это принцип пожизненно строгий...
Социальный любой поворот
Не свернёт меня с этой дороги.

Знаю: вклад мой в Отечество мал —
Это мой основной недостаток...
Но семьи и судьбы не менял
Я,
Восьмой завершая десяток.

.....
Поздравляем с юбилеем нашего многолетнего автора!

Редакция журнала

АЛЕКСАНДР ИВАНИЦКИЙ

ЛОМАННЫЕ УШИ

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

Таких не знаем

Раннее июльское утро. Пологий спуск к Оке порос сосняком, пронизанным лучами солнца. В лесу дышится легко, и, пробежавшись не в тягость, я начинаю делать зарядку. Поблизости от меня тем же самым увлечённо занимается парень. Он отжимается, приседает в разножке, крутит бедрами. Все его упражнения с явно борцовским уклоном. На сходящихся курсах мы пересекаемся. Так и есть — у него ломаные уши.

— Борец? — показывая на мои “пельмени”, интересуется “коллега” и, не дождавшись ответа, гордо заявляет: — Между прочим, я — мастер спорта!

Решаю сбить с него спесь:

— Ну, а я Иванецкий. Слышал о таком?

На мгновение он задумывается, а затем роняет:

— Не-а! Таких не знаем!

На том и расходимся восвояси...

Во время вояжа в Нагано на зимние Олимпийские игры я заглянул в гости к молодой супружеской паре спецкоров российского телевидения,

ИВАНИЦКИЙ Александр Владимирович родился в 1937 году в селе Яровая Донецкой области. Пережил блокаду Ленинграда. После войны стал заниматься вольной борьбой. Двукратный чемпион СССР. Четырёхкратный чемпион мира. Чемпион Олимпийских игр 1964 года в Токио. По завершении спортивной карьеры работал спортивным журналистом. Затем в ЦК ВЛКСМ был ответственным за проведение юношеских соревнований “Кожаный мяч” и “Золотая шайба”. С 1973 года возглавлял главную редакцию спортивных программ Гостелерадио СССР. С 1991 года — спортивную редакцию “Арена” на канале РТР. Преподавал на факультете журналистики МГУ. Живёт в Москве.

работавших в Токио. За ужином завязался разговор, и хозяин, вставив кассету в видеик, попросил меня разъяснить некоторые реалии. На экране монитора замелькали черно-белые кадры довоенной кинохроники: галечный пляж, загорелые мужики в сатиновых трусах по колено с разбегу ныряют в набегающие волны. На заднем плане пальмы, фасад санаторного здания с помпезной анфиладой колонн. Объясняю, что скорее всего, киноплёнка запечатлела шахтеров, отдохавших в Сочи.

— Рабочие... в курортный сезон, на Черном море?!

— А что тут странного? — парирую я. — Скорее всего, засняты не простые углекопы, а орденоносные стахановцы. Ну, а тех, кого обошли наградами, по профсоюзным путевкам направляли оздоравливаться в профилактории, дома отдыха. Детей летом ссылали в пионерские лагеря, студенты ехали в студенческие, интеллигенция, или по-иному, служащие, всему предпочитали турпоходы, сплавы на байдарках или покоряли горные вершины. А вот я лично отдыхал дикарем. Койку на море снимал за рубль. Билет на самолет в оба конца стоил тридцатку. На еду за глаза хватало трешки в день.

Молодая пара с недоумением таранилась на меня, словно я поведал им на ночь рождественскую сказку...

С подобным пониманием прошлого мне приходилось сталкиваться частенько. Так что все выходило, как предсказывал И. А. Бунин: “Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали...”

Отсюда истоки моего желания рассказать не только о спорте, а о недавнем прошлом, его вроде бы малозначимых бытовых деталях, о судьбах обычных и легендарных личностей той поры: почти забытом российском пророке Иване Солоневиче, считай что супротивнике Ивана Поддубного; писателе Всеволоде Иванове, сфоткавшем в своем произведении “Факир на час” цирковую борьбу; Николае Васильевиче Гоголе, запечатлевшем в своем “Вие” мое родовое гнездо; об укротителе американских суперменов штангисте Юрии Власове и его антипode Леониде Жаботинском; о боксере-полiglоте Владимире Попенченко; о знаменитых борцах: Александре Медведе, Борисе Гуревиче, чье изваяние в бронзе установлено в Нью-Йорке перед зданием ООН, Гураме Сагарадзе, Савкудзе Дзарасове, Анатолии Парфенове, турецком пехлеване Хамиде Каплане, иранце Гуляме Реза Тахти, болгарине Лютви Ахмедове; о мафиозном американском арбитре Стиве Иванове, о наших тренерах-батянях, о хоккейном гурӯ Анатолии Тарасове, о поэте, драматурге, эссеисте Владимире Казакове и его вельможном кореше, зяте Генсека, Юрии Чурбанове, о колоритной мафиозной фигуре Отари Квантришвили, о моем друге Владимире Горбатенко, о писателе-деревенщике Викторе Астафьеве, Владимире Высоцком, кинорежиссере Ларисе Шепитько, о личной встрече с Владимиром Владимировичем Путиным, обнувшейся пятнадцатилетним простоем, и о многих других персонажах... Я попытался показать их в обыденных ситуациях, не приукрашенных, со своими достоинствами и слабостями. Кто-то может не согласиться с моей оценкой. Но я их воспринимал именно таковыми...

Мои воспоминания адресованы всем, в том числе и людям, никак не связанным со спортом или знакомым с ним понаслышке. Надеюсь, что особенно им будет любопытно заглянуть за спортивные кулисы. Прошлое приходилось пропускать через себя потому, что мне самому захотелось понять, благодаря чему блокадный заморыш сумел пробиться в элиту большого спорта. Быть может, от того меня и многовато в книге. Извините сей то ли малый, то ли огромный грех. Пытался было поступать иначе — увы! не получилось...

Чуден Днепр при тихой погоде...

Раньше мне казалось, что борцы-удальцы появляются на свет Божий эдакими богатырями с квадратными челюстями, словно у Шварценеггера, и, подобно Гераклу, они играючи справляются со змеюками, заползшими к ним в колыбель.

Но они, как и все смертные, рождаются недотыками. И лишь годы спустя, став асами своего дела, охолонув от турниров, превращаются в людей

самых разных профессий: кандидатов всяческих наук, журналистов, врачей, политиканов-думцев, а иные затесываются и в мафиозные упыри. Всяко бывает... Не пожалеть бы и Нобелевской премии тому, кто откроет место и время возникновения точек-узелочков этих удивительных перевоплощений!

“Волга” зеленого цвета, чтобы не раздражала своей механической сутью и сливалась с природой, летит-мчит по Минскому шоссе. Напахавшись за день в Останкино, я тороплюсь домой в Кунцево. Июльское солнце, клонясь к закату, лепит прямо в глаза. В который раз сетую на себя, что из-за своего разгильдяйства так и не удосужился приобрести темные очки. На автомате включаю радио. Всенародно любимый артист читает что-то до боли знакомое. Ерзаю на сиденье от досады, что не могу припомнить название произведения:

“С северной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самого двора. При взгляде на нее снизу она казалась еще круче, и на высокой верхушке ее торчали кое-где неправильные стебли тощего бурьяна и чернели на светлом небе... Она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутом косогоре ее в двух местах торчали две хаты; над одною из них раскидывала ветви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями с насыпью землей... С вершины вилась по всей горе дорога и, опустившись, шла мимо двора в селенье... Философ стоял на вышем в дворе месте, и когда оборотился и глянул в противоположную сторону, ему представился совершенно другой вид. Селение вместе с отлогостью скатывалось на равнину. Необразимые дуга открывались на далекое пространство; яркая зелень их темнела по мере отдаления, и целые ряды селений синели вдали, хотя расстояние их было более нежели на двадцать верст. С правой стороны этих дугов тянулись горы, и чуть заметно вдали полюсою горел и темнел Днепр”. Так ведь это же гоголевский “Вий” — повесть, в которой описаны жуткие приключения бурсака Хома. “Философа” оседлала старуха-ведьма, к которой он напросился на ночевку. Ему удалось ее скинуть, и он понесся на ней, подгоняя каргу поленом, да так старательно, что колдунья околедела. Хома ужаснулся, увидев, что укукошил не беззубую каргу, а наикрасивейшую панночку...

Спыхватываюсь, пугаясь наваждения, навалившегося на меня; солнце размылось, и передо мною вырисовалась узкая, сырая колея, знакомая еще с детства. Ощущение реальности происходящего со мною было запредельным. Пришлось тормознуть на обочине. Никогда ни до, ни после со мною не происходило ничего подобного. Меня как бы перенесли в Прохоровку — родное село отца, вольготно раскинувшееся на левобережье Днепра почти напротив Тарасовой могилы, примерно километрах в семидесяти, вниз по течению, от Киева.

Хата родителей отца прилепилась у подножья Михайловой горы. На ее пологой вершине до наших дней чудом уцелела усадьба известного в прошлом писателя, историка, ботаника, первого ректора Киевского университета М. А. Максимовича...

В письме к Вяземскому в 1833 году Максимович сообщал, что собирается сопоставить “поэтическое однородство плача Ярославны с... украинскими старыми песнями и очень хотел бы знать суждение Пушкина по этому поводу... которому просит покорнейше передать свой усердный поклон”. Под гостеприимным кровом этой усадьбы кто только не побывал! Находили здесь приют и Гоголь, и Шевченко. В ректорском парке до сих пор высится огромный дуб. Краеведы уверяют, что ему не менее шестисот лет. Кора патриарха в извилистых трещинах не то морщин, не то шрамов, оставленных столетиями. Его корявые ветви-лапищи опираются на костыли-подпорки, а неохватный ствол защищен хлипкой оградой от лиходейных наскоков шальных экскурсантов...

Домчав до дома, отыскиваю в книжном шкафу “Вия”: “Между тем распространились везде слухи, что дочь одного из богатейших сотников, которого хутор находился в пятидесяти верстах от Киева, возвратилась в один день с прогулки вся избитая, едва имевшая силы добреть до отцовского дома, находится при смерти и перед смертным часом изъявила желание, чтобы отходную по ней и молитвы в продолжение трех дней после смерти читал один

из киевских семинаристов: Хома Брут. Об этом философ узнал от самого ректора...”

Все те, кто когда-либо зачитывался, по утверждению Николая Васильевича, народным преданием, которое автор не хотел ни в чем изменить и передал его нам “почти в такой же простоте, как слышал”, наверняка помнят, что бурсак, доставленный на хутор под суровым приглядом казаков пана сотника, в предчувствии напастей задумал было дать деру:

“Философ стоял на высшем в дворе месте, и когда оборотился и глянул в противоположную сторону, ему представился совершенно другой вид. Селение вместе с отлогостью скатывалось на равнину. Необозримые луга открывались на далеком просторстве; яркая зелень их темнела по мере отдаления, и целые ряды селений синели вдаль, хотя расстояние их было более нежели на двадцать верст. С правой стороны этих лугов тянулись горы, и чуть заметно вдаль полосой горел и темнел Днепр.

— Эх, славное место! — сказал философ. — Вот тут бы жить, ловить рыбу в Днепре и в прудах, охотиться с тенетами или с ружьем за стрепетами и крольшинепами! Впрочем, я думаю, и дроф немало в этих лугах. Фруктов же можно посушить и продать в город множество или, еще лучше, выкурить из них водку; потому что водка из фруктов ни с каким пенником не сравнится. Да не мешает подумать и о том, как бы улизнуть отсюда”.

На уровне шестого чувства я ощутил, что автор “Вия” именно такой, с усадебной кручи, с высоты птичьего полета, и увидел мою Прохоривку и передал потомкам ее голографический оттиск. Это место в парке отмечено вековой сосной, которая так и зовется сосной Гоголя.

Не помню точно, где и когда я наткнулся на упоминание, что он услышал предание о “Вие” от некоего сельского батюшки. Не от моего ли прадеда — местного священника? Если так, то, памятуя о набожности Гоголя, с уверенностью могу сказать, что они никак не могли разминуться друг с другом, когда писатель наезжал в гости к Максимовичу. И не он ли, после благостного пасхального разговения, поведал Николаю Васильевичу байку о нечисти с веками, свисающими аж до сырой земли, схожей видом с усадебным, обросшим лишаями, корявым дубом. Вот бы покопаться в семейных преданиях! Но, увы! От своих пращуров мне в наследство досталась лишь парсуна старинного письма, которой благословили на венчание моего деда...

Догадки, предположения, но однажды со мною случилось нечто необъяснимое. Как-то я достал из книжного шкафа томик Гоголя — непонятно зачем — и, раскрыв его наугад, оторопел, читая “Повесть о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем”: “А протопоп отец Петр, что живет в Колиберде, когда соберется у него человек пяток гостей, всегда говорит, что он никого не знает, кто бы так исполнял долг христианский и умел жить, как Иван Иванович”.

Совпадение чуть ли не мистическое. Отчество моего деда Петрович, а его батюшку, т. е. моего прадеда, звали Петр Петрович! Какие-то смутные семейные предания о том, что он начинал свое служение в Колиберде, примыкавшей к Прохоривке, у нас в семье бытовали. Значит, моя догадка может быть верна. Он точно знался с писателем, а раз так, не он ли тот самый сельский батюшка, который поведал Гоголю о “Вие”? Как бы мне хотелось, чтобы моя догадка обернулась правдой!

У прадеда было двенадцать душ детей и все закончили гимназии. А моего деда, поскребыша, отдали в Полтавскую семинарию, но он заартачился и настоял на переводе в реальное училище, где и приобрел профессию красnodеревщика, а по деревенскому разумению — плотника. Соседи судачили, что в поповской семье его частенько шпыняли, росточком вышел метр с кепкой, не в пример своим видным братьям, да и характер занозистый. На него махнули рукой, мол, за такого шибздика ни одна “гарна дивчина не выйдэ”. Он взвился, заявив, что поведет к венцу первую встреченную им на шляху девоньку. И подвернулась ему наймичка с низов, и пришлось ему венчаться с пришлой батрачкой, и нарожали они шестерых деток, да таких ладных, что любо-дорого было на них смотреть. Знать, природа, отдохнув на “поскребыше”, все-таки решила не давать более сбоев. Потому, наверное,

она и наделила моего отца внушительным ростом, склонностью к философским рассуждениям, баритональным тембром голоса и отменным слухом. Игру на бандуре и мандолине он освоил сам.

“Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелхнет, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру... Редкая птица долетит до середины Днепра”. Откуда он черпал свое вдохновение? “Из дыма, — отвечал в таких случаях Гоголь. — Пишу и сжигаю, пишу и сжигаю и снова пишу!” Спрашивается, кто из нас, отдавая должное лиризму этих строк, не усмехнулся полету авторского воображения. Но в них нет ни капли художественного вымысла. Днепр в половодье подступал у нас к самой круче, подтапливал огороды, подмывал хаты, грозя унести их в понизовье, и ширился, растекался до горизонта. Лишь огольцы радовались напору вешних вод. Так и егозили, так и егозили непоседы. Они, конечно же, как и взрослые, с опаской взирали на паводок и тоже ждали, когда он, окаянный, спадет. Но у них имелся свой резон. Им бы поскорей наудиться в яминах, бочагах и ложбинах, которые кишели самой разной рыбехой после спада большой воды. Ребятам тогда и особых снастей “не треба” — лови хоть портками, хоть плетеными корзинами-верями, хоть голыми руками...

Мой отец окончил школу, когда на Украине свирепствовал голодомор. Село обезлюдело на треть. Где-то на Брянщине сгинул мой дед Силиверст Петрович. Глава семьи столярничал, чинил всякую мебелишку, вставлял стекла, словом, славился в округе своим мастерством. Но голод погнал и его на заработки “в чужу сторононьку”. Там он и сгинул. Когда в семье узнали о постигшем их горе, в хате на семь ртов осталась торба муки, четверть чувала кукурузного зерна да макитра лущеной фасоли. Поляница из смеси жемчужной и кукурузной муки получалась прегорькой. Спасаясь от бескормицы, старшие братья подались на Донбасс. А Владимир, мой отец, наперекор слезным увещаниям матери отправился к синему морю, в город, где у него не было ни кола, ни двора, ни знакомых. Втемяшил дурный хлончик себе в голову, что выбьется в музыканты, и хоть кол ему на голове теши!

Перед приемной комиссией в Одесском музыкальном училище он предстал в дмотканых холщовых портках, крашенных в коричневый цвет отваром из луковой шелухи, и в вышиванке. Комиссия сразу же уяснила себе, что абитуриент не владеет даже азами нотной грамоты. На том, вероятнее всего, и закончился бы экзамен. Но, видимо, профессоров разобрало любопытство. Они решили выяснить: имеют ли дело с наглецом или? Владимира попросили сыграть на бандуре, спеть, и вновь поиграть, но теперь уже на мандолине. Собрался консилиум. На нем поспорили и решили... сельского парубка зачислить на дирижерский факультет. Новоявленному студенту выдали продуктовую карточку и предоставили койку в общежитии. Конечно, в музучилище он оказался на положении белой вороны. Однажды он заметил, как его сокурсник, усевшись после него за рояль, достал из нагрудного кармашка вельветовой куртки чистый носовой платок и с брезгливой миной на лице протер им клавиши инструмента...

Все вышесказанное может показаться с нынешних позиций ЕГЭ, бюджетных и платных факультетов всевозможных вузов чем-то невообразимым. Но таким было то время.

Примерно тогда же, в 1933 году, из Тобольска в Москву пригласили девятилетнего мальчика. Специальная комиссия побеседовала с ним. Оказалось, что Коля — так звали ребенка — прекрасно разбирается в древней, средней и новой истории, читал Диккенса, Гомера, Тургенева, Гоголя, Толстого, Достоевского. Особенно нравились ему: “Записки охотника”, “Война и мир”, “Миргород”, “Вечера на хуторе близ Диканьки”, “Женитьба”, “Мертвые души”. Комиссия так и не смогла установить, чего же он не знает. Мальчика оставили в столице. Ему выделили трехкомнатную квартиру в доме, где жили такие всесоюзные знаменитости, как Ойстрах, Папанин, Чкалов, и назначили стипендию в размере 500 рублей. Тогда самые дорогие

лаковые туфли стоили неимоверно дорого — 50 рублей. Раз в десять дней мальчик приходил к Николаю Николаевичу Лузину, основателю московской математической школы. Преподаватели французского и английского языков сами посещали его на дому. Немецкий Коля Дмитриев выучил еще в Тобольске, а польским овладел сам — походя. Вскоре пионер стал студентом МГУ. После войны молодой ученый Н. Дмитриев создаст модуль рабочего процесса, происходящего в атомной бомбе.

Перед ним трепетали гении наисекретнейшего “Арзамаса-16”: Зельдович, Сахаров, Франк-Каменецкий. Они почти никогда не печатались, не ознакомив со своими исследованиями Н. Дмитриева. Кто-то получал звания, степени, высокие правительственные награды. А он почти всегда отказывался от всяких почестей, хотя без его научных выкладок у страны еще долго не было бы своего водородного оружия.

Отнюдь не сравнивая их интеллектуальные уровни, я лишь пытаюсь понять прошедшее — не прибегая к одномерности черной и белой красок. Кажется, в толще народа до поры до времени скрыты люди, способные на изломах истории на прорывные изобретения. Жаль, что не всем дается этот шанс. У моего отца, тогда студента второго курса, в толчее одесского Привоза украли продовольственную карточку. Ему пришлось расстаться с мечтой о музыкальном образовании. Братя звали его на Донбасс. В Красном Лимане он устроился работать тормозным кондуктором. Поездная бригада тогда состояла из пяти человек. Главный в ней — машинист паровоза, а тормозной кондуктор считался мелкой сошкой. От него требовалось что есть силы крутить штурвал винтового тормоза, придерживая вагоны на спусках, или подсыпая песочек под колеса на подъемах, чтобы не пробуксовывали. Профессия самая простецкая и особой смекалки не требовала. В нее отбирали жилистых и не слишком привередливых парней, потому как кондуктора мотались между Мариуполем и Харьковом — и еще Бог знает куда — и в день, и в ночь, и в дождь, и в стужу. На эту-то должность братья и пристроили своего музыканта — недоучку.

Казалось, судьба-злодейка, превратив мановением волшебной палочки начинающего дирижера в тормозные кондукторы, должна была угомониться. Но, словно чувствуя за собою вину, она неожиданно подкинула парубку фартовую должность счетовода в железнодорожном стройуправлении. Отец, памятный на цифры, обладал еще и почерком редкой витиватости. Во времена оные таким каллиграфическим стилем писались императорские указы. Пойди теперь узнай, откуда взялся такой дар у сельского парня! Благодаря своей смекалке он довольно скоро дорос до должности бухгалтера. Но на его беду из конторского сейфа пропали облигации госзайма. По тем лихим временам не просто кража, а хищение с политическим уклоном. Его назначили крайним. Так оказалось проще для всех: пришлый, а значит и заступаться за него никто не будет. Слушок, пущенный по конторе, пришелся кстати: мол — подкулачник. Поэтому 1936 год обернулся для отца арестом, тюрьмой, допросами. Прокурор Донецкой области, скорее ради проформы, а не соблюдения пролетарской законности, затребовал из Прохоровки сведения о социальном происхождении подсудимого. Сельсовет прислал характеристику, заверенную гербовой печатью: “Мы, нижеподписавшиеся: граждане с. “Прохоровка”, Гельмязовского района, Киевской области, дали настоящую характеристику про умершего гражданина с. “Прохоровка” Иваницкого Силверста Петровича, которого мы знаем, как одних с ним лет рождения в том, что он с малых лет учился столярному делу, и с этой квалификацией проживал до революции 1917 г.

После революции получив земельный надел от комитета, работал по хлебопашеству, а также занимался столярным делом до смерти. По селу считался бедняком. В части политических убеждений Иваницкий С. П. несколько раз выступал против Царизма с 1905 года. В 1917 г. был избран депутатом от граждан с. “Прохоровка” на Всесоюзный съезд Советов в г. Ленинграде, что своими подписями подтверждаем.

Гражд. села “Прохоровка”: Ф. Коновало, А. Лущик, Н. Лопата, Ф. Вокострий, В. Чуприна 1936 г., сентября, 12 дня с. Прохоровка”.

Справка решила судьбу отца. Его освободили. Ее копия сохранилась у меня чудом. В ее орфографии и пунктуации следы эпохи: слово “революция” написано с маленькой буквы, а “Царизм” с большой. О поповских корнях С. П. в ней ни слова. Получается, что своим рождением в 1937 году я косвенным образом обязан односельчанам отца. Будь они живы, поклонился бы им в ножки — до самой земли...

Когда уже во взрослом состоянии, после долгого перерыва, я оказался на родине отца, то еще были видны отметины зажиточного прошлого. Через село пролегал не грунтовка, а добротная дорога, мощенная булыжником. После мостков через пруд она дугой заворачивала к пристани. Легко представлялось, как до революций здесь у дебаркадера теснились подводы, груженные отборным зерном, как грузчики таскали на баржу чувалы с пшеницей. В центре села, напротив от сельпо, в бурьяне, то там, то сям, валялись порушенные блоки школьного фундамента. Но и предвоенное лихолетье не оставляло своих следов: заброшенные сады, едва заметные насыпи от выморочных хат, на краю села, похилиясь, доживал свой век, заброшенный ветряк. Он воспринимался мною памятником дождине своих прежних мукомольных собратьев. За млином виднелся сосновый бор. Его сажали всем миром, ограждая село от наступавших песчаных буераков. С годами лес поднялся завидный, грибной. Боровики, прячась под нижними ветвями сосен, росли на игольчатом подстиле словно в яслях. Но собирали их в основном дачники. Местным “тихая охота” не привилась. Тогда же мне показали и “попову” яму, в которой водились лопатистые карпы. Их пытались извести сетями. Но берега пруда сплошь заросли ивами да вязами. Их коряжистые корни, оплетая берег, круто обрывались в воду. И как ни ловчились рыбаки — они все равно цеплялись за них свои снасти. К тому же ямина пугала своею глубиною. Она и у самого берега была аховой — с ручками. Так что поповский пруд охотникам до легкой добычи, а тем более мелюзге, просто так в руки не давался. Вдобавок и сами зеркальные карпы отличались необыкновенной увертливостью. Они, словно в насмешку над рыбаками, угодив в мотню, ленивым кульбитом перекувыркивались через сходящиеся поплавки невода, оставляя незадачливых ловцов с кулишем. А “поповым” пруд нарекли из-за пристрастия к ужению моего прадеда. В летнюю пору он читал молитвы скороговоркой, из-за боязни опоздать на вечернюю зорьку. Прихожане прощали ему сей малый грех, так как и без него знали всю службу назубок, да и сами торопились управиться с хозяйством дотемна.

Прохоровка удивила меня еще и своей памятью на лица. В тогдашний свой приезд, сойдя с “Ракеты”, я чуть замешкался на дебаркадере, связывая багаж брючным ремнем, чтобы сподручнее было нести сумки, перебросив их через плечо. Пока возился с поклажей, оказалось, что пассажиры разом схлынули, и мне не удалось порасспросить их: не сдаст ли кто на селе комнатенку для постоя. А раз так, то я решил искупаться, поваляться на песочке, помлеть на солнышке, упиваясь досыта терпким запахом лозы, чтобы истаяли все мои городские заботы, страхи, немочь. Прохоровка не единожды ставила меня на ноги.

Стрижи, барражируя “нызенько-нызенько” над речной гладью, закладывали замысловатые виражи и пулей исчезали в насверленных в обрывистом берегу гнездах... Они, наверное, летали так же стремительно и в мальчишескую пору моего отца. В его время парубки принимали в свой круг лишь тех, кто трижды мог перекреститься двухпудовиком. Так испытывали на крепость безусую молодежь. А те, кто постарше, выставляясь перед ненаглядными отроковицами, перебрасывали гирию через стреху хаты, или подныривали под колесные пароходы! Лихая, без всяких там ГТО, росла тогда молодежь. После сенокоса или жатвы гимнастерки косарей, просолненные потом, становились белыми и, высохнув, сохраняли форму тела ее обладателя. Но, что поразительно, люди возвращались с поля с песнями.

...К пристани причалил бакенщик. Привязывая к свае лодчонку, он пристально посмотрел меня.

— Чи, ни Иваницких ли будэтэ? — помедлив, спросил бакенщик.

Вот тебе раз! Он, дотоле меня не видавший, с лету признал во мне односельчанина.

Вообще-то Прохоровка среди посвященных считалась “модным захолустьем”. Так ее прозвала питерская научно-техническая интеллигенция, открывшая ее для себя родимой. Какие там египетские Шарм-аль-Шейхи, когда тут тебе “все включено”: раздольные пляжи, мелководье, быстрины, струги островов с протоками и озерами, скрытые купажи деревьев. А где еще сыщешь невообразимую прелесть местных базаров, где все меряется цибарками, т. е. ведрами: вишни, сливы, дули, то бишь груши, яблоки, марельки — местный сорт абрикос и всякий другой фрукт. К тому же все это богатство продается по рублю или трешке, не то, что черноморская курортная обдираловка. Вот только мясной продукции тогда явно недоставало. Хотя кто же режет скот летом?! Мужики не раз зазывали меня в свой круг и выпрашивали:

— Як там в Америке живут, за сколько грошей хлеб покупають?

Я отговорился незнанием, и они расходились уверенные, что “органы” запретили мне вещать о прелестях капитализма. Один дядька обернулся и рубанул с досадой:

— Да сдалась мини тая заграниця! Можэ я лучшее самого Хруща живу. Яйко свое, молоко парнэ, сметану ложка не бэре, кабанчик в закутке бигае, самогонка с буряка!

Мне тогда подумалось, эх загнул!

Останавливаться у бабушки Усти в тот приезд я не стал. В ее хатенке было не развернуться из-за печки и козы. Тем более что вот-вот из Киева должна была заявиться скульптор Клава Лыскова ваять мой “героический” облик. Пустила на постой Галабурдыха, жившая в противоположном конце села. За глаза ее звали Софи Лорен, так как и росту она была приподнятого, и имела в наличии все то, и даже чуть-чуть более того, что делало итальянскую кинодиву особо неотразимой. Сама она переселилась в клуню, предоставив хату в мое полное распоряжение. Все бы ничего, но удобства она соорудила у тына, огородив его жердочками с просветом, так что посетитель “заведения” был не то, что на виду у всех, но и сам мог, с близкого расстояния, наблюдать за всем происходящим на улице! Галабурдыха приторговывала салом. Она выкармливала порося устрицами. Брала ведро, шла на речиче и, нащупав ногой перламутровые раковины с ладонь величиною, набивала ими свою посудину. Этим деликатесом она и выкармливала свинок. Сало получилось доброе, но припахивало рыбой. Она продавала его в Каневе и торопилась унести ноги с базара, пока покупатель не распознали подвоха. Северные корейцы, приехавшие строить Каневскую ГЭС, попадали в обморок, прознав про такое варварское обхождение Галабурдыхи с устрицами. Баба Устя частенько навевывалась ко мне. Ей было далеко за восемьдесят, но на здоровье она не жаловалась и без передыха преодолевала расстояние, считай, от Сушков и почти что до самой Колиберды. Заглянув к Галабурдыхе, она не отказывалась от стакашки самогона, румянилась и затягивала: “Посадыла огирочки в лузи над водою... эх! поливала огирочки дрибню слизоу... эх!” Прощаясь, она с гонором втолковывала хозяйке:

— Иваницкие панамы были, панамы и остались!

Эта мысль почему-то тешила ее самолюбие. Может от того, что доля ей досталась не самая легкая. После тридцатых одна ставила детей на ноги. Всякого натерпелась и за войну. Когда немчура драпала, то огнеметчики наладились палить подворья. Один из таких было перелез через тын, чтобы полыхнуть огненной струей по ее хате, но она с такой яростью набросилась на него, что оторопевший фриц решил не связываться с сумасшедшей бабой. А тайный сбор колосков на колхозном поле? Она и нас приспособливали к этому подсудному делу. Стерня немилосердно колола нам, городским, подошвы, и лучше было мчать по ней бегом, чем ковылять на пятках.

В лихие девяностые я вспомнил о своем “панском” происхождении. Непонятно было, то ли мы еще остались “товарищами”, то ли заделались “господами”. Незнакомцев при встрече я частенько смущал, предлагая им величать меня “паном”, с любопытством наблюдая за их реакцией...

Знакомец Есенина Вольф Эрлих в своих воспоминаниях упомянул о его любопытной оценке Маяковского: “Знаешь, почему я — поэт, а Маяковский так себе — непонятная профессия? У меня родина есть! У меня — Рязань!

Я вышел оттуда и, какой ни на есть, а приду туда же! А у него — шиш! Вот он и бродит без дорог, и ткнуться ему некуда. Ты меня извини, но я постарше тебя. Хочешь добрый совет получить? Ищи родину! Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет!”

Щи из хряпы

Дед Михайло, мамин отец, устроился смазчиком в Краснолиманском депо. Вернувшись после смены домой, он извлекал из кармана брезентовой куртки мякиш хлеба и, обчистив от табачной махры, совал его мне в руки: — Я його у зайчика позычил!

Краюшка отдавала мазутом, но я с вожделением уплетал ее за обе щеки. Дедушка выстругал мне лыжи, приделал к ним веревочное крепление, и вот я лечу с пригорка, втыкаясь головой в сугроб. Снег забился за шиворот, залепил глаза. Извлеченный из снежного плена, реву что есть мочи, намертво вцепившись в лыжи.

Повзрослев, я узнал, что жизнь у деда была не сахар. В гражданскую его демобилизовали белые, но отпустили, выяснив, что он единственный кормилец в семье. При Советах ему пришлось “ховаться”: заметая следы, он часто менял места работы. То был председателем совета, то пел на клиросе в церкви, затем подался на шпалопропиточный завод, закончив курсы ветеринаров, записался в колхоз и чуть не погорел на этом. Три коровы, отбившись от стада, объелись клевером. Одну удалось спасти, другую прирезали на мясо, а третья, никуда не сгодившись, околела. Его продержали два месяца в каталажке и отпустили домой.

Правительство СССР 26 ноября 1939 года направило Финляндии ноту протеста по поводу артобстрела, совершенного с ее территории, после чего началась многими забытая советско-финская или, иначе, “зимняя” война. В преддверии ее вокруг Ленинграда для оперативной переброски войск сверхударными темпами возводят рокадную железную дорогу. Спецов собирают в город со всех концов страны. Так наша семья оказывается в Шушарах, под боком Ленинграда. Название поселка запомнилось, наверное, еще и потому, что в его “шур...шарах” мне мерещилась какая-то мышиная скребня.

Мама как-то вспомнила, что из себя представлял закуток, отгороженный для нас в пристанционной прачечной. Нашу “комнатушку” от цементных чанов и котлов с кипятком отделял фанерный простенок, который при каждой стирке пузырился от испарины. Стройуправление со временем переселило нас в барак недалеко от Московской-Сортировочной станции, в бывшую кипяильню. Она находилась на первом этаже строения, между кухней и туалетом. Соседство не самое приятное, но по сравнению с предыдущим жильем эта комната показала родителям даром свыше. Там нас и застала война.

Мы провожаем отца в военкомат. Родители наряжены во все чистое, на нас с братом ни разу дотоле не одетые вельветовые костюмчики. По пути заходим в фотоателье. На сделанный тогда снимок до сих пор не могу смотреть отстраненно. На нем родители смотрят не в камеру, а куда-то в иное пространство. Их настроение передается и нам. В военкомате отец подал заявление, чтобы его направили на фронт добровольцем. В стройуправлении запаниковали. Оно лишалось главбуха, который тоже получил мобилизационное предписание, и его зама — т. е. нашего отца. Руководство выправляет бронь, но тянет в раздумьях, не зная, кем пожертвовать? Военком посоветовал им оставить в “тылу” добровольца...

Рядышком с железнодорожным мостом мы с братом Юркой углядели окоп с зенитным пулеметом, укрытый маскировочной сеткой. Его ребристый ствол поблескивает смазкой, а скрипучее сиденье будоражаще пахнет скипидаром. По улице, почти задевая стены зданий, плывет пузатый аэростат. Его удерживают за петли тетеньки-бойцы в защитных гимнастерках и в пилотках набекрень.

Лязгнув буферами, на подъездных путях замер возникший из ниоткуда бронепоезд. Сторожевое охранение пугает нас от состава, но мы успеваем

наглазеться на зачехленные глотки дальнобойных орудий, снятых с кораблей, потрогать заклепки башен, а старшие ребята даже умудрились заглянуть в щели бойниц. Матросский патруль, заходя в барак, громогласно оповещает: “Начинаем артобстрел!!!” Мама бросается затыкать нам уши ватой, укрывает охапкой одеял и обкладывает головы подушками. От бухающих выстрелов главных калибров с потолка сыплется штукатурка, а двери сносит с петель. Отстрелявшись, бронепоезд откатывает со станции. В небе, нарыскивая его, кружат “мессеры”. За ними гоняются “ястребки”. Самолеты комариками каруселят в выси. Нам страсть как хочется угадать, которые из них наши! Мама, обыскавшись нас, с причитаниями уволакивает меня и Юрку от лихорадочно строчащего зенитного пулемета. Наверное, еще и поэтому возможность переехать в каменный дом на Обводном канале родители почли за благо.

Лютый мороз страшнее голода. Стужа порвала водопроводные трубы. Окно в комнате наглухо завешано одеялом для светомаскировки и сохранения тепла. Стекло в нем крест-накрест заклеено газетными полосками, чтобы взрывная волна не разнесла его вдребезги на острые осколки.

Буржуйку топим чем попало: книгами, паркетом, щепой — всем, что горит. Лифт намертво застрял меж этажей. Мама, как и все, ходит за водой на Неву. Обесточенные трамваи и троллейбусы погребены под снежными саванами на проезжей части улиц. Трехлитровый бидончик, а больше ей не поднять, надо еще исхитриться донести домой, не расплескав воду на тротуарах, сплошь покрытых ледяными наростами. На гигиенические процедуры, по семейному уговору, тратится кружка воды в месяц. Туалет от мороза “гепнулся”. Замерзшими нечистотами загажены черные ходы, лестничные пролеты, подвалы, дворовые закоулки...

На тумбочке чадит коптилка — сплюснутая в верхней части латунная гильза, из которой торчит обгорелый жгутик фитилька. Он завершается оранжевым лепестком, который, свиваясь в черную нить, вьется ввысь, распластываясь кляксой сажи на потолке. Мы с братом затеваем игру в театр теней. Он подносит к коптилке ладонь с торчащим большим пальцем, остальные сведены попарно, и “жамкает” ими подобно режущим концам ножниц. И тогда по стене мечется “гавкающая” морда страшенной собаки...

На надрывный вой сирен воздушной тревоги мало кто реагирует. Бомбоубежище не спасет от прямого попадания авиабомб, а мотаться с нами по лестничным пролетам маме становится все тяжелее. Женька Румянцев, мой лиговский приятель, описывая ту пору, вспоминает: “...В бомбоубежищах были целые поселения: кровати, кастрюли, керосинки и ...крысы — большие, бурые и наглые. Ежедневно в подворотнях домов “ночевали” на саночках запеленатые в простыни “перуны”. Не всем хватало сил довести своих покойников до кладбища. Обглоданные крысами трупы по утрам подбирали сандружинники”.

Хлеб выдавали иждивенцам-детям и тем, кто не занят на производстве, по 125 граммов в сутки. Его выпекали из мякины вперемешку со жмыхом и еще какими-то целлюлозными добавками. Он липнет к рукам. Мама режет его на малосенькие равные дольки. Мы с братом, слглатывая слюну, цепко следим за ее действиями. Поделив ломтик на пайки, она остро наточенным ножом соскребает с лезвия “хлебного” ножа серые стружечки. Это наша добавка...

На керосинке мама разогревает щи из хряпы — осклизлых, темно-зеленых капустных листьев, пронизанных жесткими волокнистыми прожилками. До войны их не собирали даже на корм скоту. За хряпой мама отправляется в пересменку между дежурствами. Она у нас стрелок воензированной пожарной охраны. У нее винтовка, тулуп, валенки, сумка с противогазом и щипцы с длинными ручками. Ими, словно клещами, надо захватывать “зажигалки” — бомбы, начиненные фосфором, и сбрасывать их во двор или гасить на чердаке в ящиках с песком. Дождавшись сумерек, мама с товарками отправляется за хряпой к Волковскому кладбищу, на заброшенные огороды. Там, ползая по-пластунски, они нашаривают под снегом скрюченными от холода пальцами капустные листья, похожие на лопухи. Сваренные из них щи похожи на коричневую бурду. Но нам не до капризов...

Мы теряем счет переселениям. Точный адрес дома на Васильевском острове за давностью забылся. Но я отчетливо помню, что из его окон виднелась Нева и пришвартованный к набережной, вмерзший в лед крейсер “Киров”. С него сняты все дальнобойные орудия, но взрослые говорят, что внутри него “электромашинны” изготавливают ток для заводов...

Где-то рядом с крейсером рванула бомба. Наш дом тряхануло так, что шкаф в комнате сдвинулся, начал заваливаться на нашу с Юркой кровать. Мама, подставив плечо, успевает водворить его на место...

После ускоренных курсов по разминированию отца переводят на казарменное положение, и он появляется дома урывками. Мама на мельничном комбинате, в вагонах, в которых возили зерно, наскребла мучной пыльцы и испекла из нее оладьи. С острым желудочным отравлением ее отвозят в больницу имени Мечникова. Предоставленные сами себе, мы нашариваем на коммунальной кухне кастрюлю супа, сваренного из кубиков репы и морковки. Выловив руками гушу и заметая следы, доливаем в суп сырую воду. Прознав про наше непотребство, отец забирает нас к себе в контору.

Как сейчас помню тот день. После сигнала отбоя нас с братом заводят в комнату с еще не осевшей известковой взвесью. Пол усыпан битым стеклом, кусками штукатурки, дранкой от развороченной оконной рамы. Мне суют в руки теплый, колкий от зазубрин осколок...

В начале артобстрела отец вышел из комнаты, чтобы спровадить нас в подвал. Едва он захлопнул за собою дверь, как шрапнельная россыпь шархнула по оконному косяку. Один из осколков рикошетом расщепил спинку стула, на котором за секунду до этого сидел отец. Корявая загогулина вонзилась в стенную перегородку на уровне его солнечного сплетения. С той поры я испытываю ко всем железкам с заусенцами жгучую неприязнь...

Зимой 1942 года из Ленинграда на Урал самолетами на Большую землю перебрасывают железнодорожных строителей, где под Свердловском в спешном порядке тянут через тайгу пути к меднорудным месторождениям. Отец отказывается бросить нас на произвол судьбы. Он выглядит настоящим доходягой. При своем внушительном росте весит 42 килограмма. Его тело покрылось синими цинготными пятнами, и ему уже не страшен ни гнев руководства, ни угрозы пистолетом, ни возможность ареста. Ответственный за эвакуацию начальник меняет гнев на милость, требуя лишь одного, чтобы ему выдали из кассы стройуправления всю имеющуюся наличность: “...и без всяких там расписок!”

— Выживу, отчитаешься за каждую израсходованную копейку! — парирует отец и слышит в ответ циничное:

— Конечно, отчитаюсь по полной! Если вы не сдохнете здесь всей семейкой скопом!

Мы с братом уже не способны говорить и лишь пищим:

— Пить... пить... пить.

Без посторонней помощи нам не залезть на кровать. От водянки на теле, даже при самом легком нажатии, образуются ямки. Врач сообщает родителям по секрету, что мы протянем неделю, не более...

В феврале 2017 года были опубликованы мемуары Д. С. Лихачева “Мысли о жизни. Письма о добром”. Почти половина книги маститого академика посвящена блокаде: “...Дома стало заметно лучше. Мама и Зина ходили к спекулянту Роньке, у которого за золото получали масло, рис и еще что-то. Масло нас очень поддерживало... Мы с детьми разучивали стихи — “Что пирует царь великий в Петербурге городке” (Пушкина). Дети тараторили их с удовольствием...” Оказывается, в блокаду одни “эники-беники ели вареники”, а другие околевали...

Нас спас механик автобазы. Весь стройотрядовский автотранспорт еще прошлой осенью реквизировали для фронта. За гаражом остались числиться лишь несколько покореженных грузовиков. Автомеханик предложил снять с них уцелевшие детали и попытаться восстановить хотя бы одну полуторку. Дело отца добыть бензин, получить в райкоме разрешение на эвакуацию и согласовать с военкоматом порядок передачи полуторки армейским частям на Большой земле.

В нашей семье вторым днем рождения считается 27 февраля 1942 года. В наступивших сумерках нашу полуторку при съезде на ладожский лед тормознули на контрольно-пропускном пункте для проверки документов. Отец так вспоминал этот роковой для всех нас момент: “Меня обдало жаром от предчувствия непоправимой беды. Я засуетился, зачем-то открыл крышку луковичной формы часов, стрелки показывали полшестого, затем зашарил по карманам в поисках нужных справок и с ужасом понял, что самую важную — пропуск с печатью, разрешающий выезд из блокированного Ленинграда, в суматохе сборов забыл в ящике конторского стола”. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что произойдет со всеми, если машину развернут назад. Бензина и так едва-едва хватало, чтобы пересечь Ладогу. Постовой замешкался, решая, как ему поступить, откинул брезентовый полог кузова, пересчитал всех по головам и лишь потом дал отмашку шоферу пристроиться в хвост маршевой автоколонны, наказав держать дверца кабины полуоткрытой. От авианалетов на трассе хватало полыней. В темени, припорошенные метелью и даже обозначенные вешками — еловыми веточками, они были едва заметны. Открытая дверца оставляла шанс шоферу выскочить из машины на лед — до того, как грузовик уйдет под воду. По статистике до Большой земли добрались лишь три машины из четырех!

Вывез нас из блокадного Ленинграда автомеханик Иван Иванович Артемьев. Мама переписывалась с ним до своих последних дней и очень огорчалась, что мы с братом Юрой так и не удосужились навестить его в Твери.

У меня от Дороги жизни остались обрывочные воспоминания: подслеповатый свет машинных фар, выкрашенных в синий свет для маскировки, скудность тел, невозможностью шевельнуть ни рукой, ни ногой и постоянные толчки в бок чего-то жесткого, не то угла чемодана, не то короба. Потом... потом провал в памяти. Очнулся я в жарко натопленной избе, на печи. В комнате вповалку, так, что ступить было негде, вперемешку спали солдаты. Какая-то тетенька вливает мне в рот ложечку за ложечкой горячие щи. Судорожно сглатывая их, замечаю умоляющий взгляд отца и улавливаю его почти беззвучный лепет:

— Оставь мне пол-ложечки!

Сморенный духотой, под трескотню горящих поленьев я вновь проваливаюсь в забытье. Повзрослев и сопоставив отрывочные воспоминания старших со своими собственными, я восстановил канву событий. Переехав Ладогу и вроде бы уцелев, мы попали в аховое положение. По чьей-то оплошности наших фамилий в списке эвакуанта не оказалось. Никакие мольбы пустить нас переночевать не помогают. Все бараки, частные дома забиты до отказа. Выручил бесхозный патефон. Его пожилой владелец окоченел. Никто не знал его имени, не представляли, куда девать мертвеца, как распорядиться его жалким скарбом? Ну, взял бы с собою какое-никакое барахло, глядишь, что-нибудь и выменял бы на продукты. А тут на тебе — портфель с фотоальбомом и патефон! Никто не предполагал, что именно на патефон и позарится хозяйка крайней избы. Взяв его в качестве платы за постой, она пустила нас к себе на ночлег...

Утром, продышав наледь на оконном стекле, я зажмуриваюсь от резкого солнечного света. По ослепительно белому снегу цепочка моряков в черных бушлатах тащила на закорках к грузовикам блокадников. Таким же способом грузят и нас в машины и везут на станцию Войболоково. После авианалетов от нее остались развалины домов и стелящийся над ними дым от пожарниц. Нам подали состав из плацкартных вагонов. Мама до конца жизни была убеждена, что это было сделано по личному распоряжению товарища Сталина. Уполномоченный по составу раздает сухие пайки. На нашу долю достаются два брикета пшеничного концентрата и брусочек сырокопченой конины, перетянутой шпагатом. Силось отгрызть хотя бы кусочек от спрессованной пшеники. Она будто каменная, и ее просто так не укусишь. Нам с братишкой отрезают по лепестку конины. На картофельные очистки, “холодец” из казеинового клея или жмых, то есть на привычную для нас блокадную кормежку, конина ни чуточки не тянет. Да и привкус у нее какой-то резиновый...

Мне удалось сохранить мамины записи о той поре: “Поезд без остановки доехал до города Бабаево, где весь состав из тринадцати вагонов накормили манной кашей и дали хлеб не по карточкам, а поровну, по количеству людей. Наш сослуживец Зайцев, после каши, начал жадно давиться хлебом. Володя его предупредил, что у него заворотятся кишки, зная это по украинской голодовке. Поезд проследовал до Ярославля, где вначале выгрузили мертвецов, а живых с помощью военных привезли в санпропускник, где всех побанили, мужчин побрили, одежду пропустили через прожарочные шкафы, чтобы уничтожить вшей. Затем нас распределили по госпиталям, и мы оказались в школе № 1, на Тутаевской улице. В вестибюле висел плакат: “Добро пожаловать, блокадники!”, и делегаты от рабочих тут же rozdali ребятишкам кулечки с печеньем и конфетами. Кормили всех понемножку, зато четыре раза в день, а еще давали витамины и прогорклый рыбий жир...”

Мы с братом дней через десять встали на ноги. В детском отделении на лестничной площадке, такой же, как и я, рахитичный малец оседлал коньякачку с выдраным хвостом и обшарпанными боками. Мне тоже не метается покачаться на сказочном коньке-горбунке. Но “всадник” не желает слезать с лошадки, да вдобавок с ехидцей поглядывает на меня. Не выдержав издевки, вцепляюсь в волосы обидчика и стаскиваю его с коня. Мама помнит, как в ее палату влетела соседка по койке с радостными криками:

— Маруся! Маруся! Твой Шурик дерется!!!

Тяжелее всех шел на поправку отец. Его выписали из госпиталя под личную мамину расписку.

Нас везут на Урал. Посередине теплушки стоит привинченная к полу болтами буржуйка. Из ее топки прыскают искры. Поэтому малышня к ней не подпускают. Но мы с Юркой все равно крутимся вокруг да около. Мама на полустанке выменяла у торговки мороженые картофелины, порезала каждую на кружочки и печет их на чугунной конфорке. Мы хватаем с пылу-жару чуть поджаренные лепестки, убежденные, что лучшего лакомства на белом свете просто не существует. Днем нас запикивают на верхнюю полку, чтобы не мельтешили под ногами. От скуки затеваем игру. Тот, кто первый заметит выбежавшую из леса деревеньку, затыкает: “Дерево... ушка... дерево... ушка”. Но эта забава нам быстро надоедает, и тогда остается просто глазеть в окошечко на высоченные ели. Закутанные в снежные тулупы, они похожи на дозорных в секрете. Только теперь осознаю, что работягу теплушку незаслуженно обошли вниманием. Ее бы возвести на пьедестал — вровень с танком “Т-34”, ракетной “Катюшей”, истребителями-ястребками...

И снова бесхитростные мамины воспоминания: “После приезда в Свердловск нам дали две недели отдохнуть, а затем привезли на Медную шахту и поселили в деревянном доме у вдовы Марии Федоровны. Она жила в нем с дочкой. Когда хозяйка с подпола достала казанок картошки с верхом, то она рассыпалась, и Юрик закричал — мама! теперь мы заживем, а я говорю почему?! а он ответил — у нас есть картошка, не понимая, что эта картошка не наша. Родила я там дочку Людмилу. Молока у меня в груди не было, а коровье стоило дорого, по 200 рублей литр. Приходилось его разводить водой и кормить малютку. Чтобы помочь семье, пошла раздатчицей в столовую, в которой кормили трудармейцев. Пришлось ребятишек отдать в садик, а Людмилу — в ясли. Она заболела и умерла от бескормицы, прожив всего два месяца”.

Ледяная корка отражает стылый лунный свет. Она хрустит под моими валенками. Лицо у меня закутано шерстяным платком по глаза. Мама тащит меня за руку вдоль забора, обнесенного сверху колочей проволокой. Она забрала меня из садика и торопится в трудармейскую столовую. А я знай себе тереблю ее вопросами:

— Отчего луна светит? Почему она холодная? Куда там подевались люди?

На угловой вышке закутанный по макушку в тулуп вохровец, колыхнувшись, забухтел:

— Почемучка-прилепучка — отзынь от мамки!

В бараке, приспособленном под столовку, глхну от разноязычного гвалта. Смуглые, с раскосыми глазами трудармейцы вперемешку с блондинистыми дядьками, давясь, протискиваются к раздаточному окну. Пробившиеся к нему орут с надрывом:

— Женщин! Гуща, гуща тафай!

Мама большим черпаком взбалтывает в котле бульгающую жидкость и наполняет ею алюминиевые миски, подsunутые ей с разных сторон. Она у нас работает здесь раздатчицей. Мне тоже перепадает этого обжигающего хлёбова. В нем плавают капустные листья вперемешку с перловкой и обрезками, схожими по вкусу с брюквой. Стиснутый на скамейке мужиками в ватниках, сомлев от духоты и тепла, я пытаюсь понять, чего это они так расходились:

— Збачишь! Червонный когут заклюе чарного!!! То поляк тебе говорыт!

Меня бросает в жар. Я обвис на коленях у отца. У меня горячечный бред, температура за сорок, и родители мечутся, не ведая, что предпринять. Провалившись в бездонный темный колодец, я лечу, кувыркаясь, мне безумно страшно, потому что какой-то “когут” вцепился в меня своими когтистыми лапами, и, зайдясь в крике, вытаращив глаза от страха, я соскальзываю в холодном поту с папиных колен совершенно здоровехоньким.

— Не бойся, дурашка, — баюкает меня отец. — Твой “когут” — всего лишь безобидный петух.

До сих пор не понимаю, почему тот странный столовский спор застрял в моей несмышленной башке? Но застрял же!

Угревшись на печке, я исподтишка слежу за хозяйской дочкой, которая, сидя за столом, склонилась над книгой и усердно вычесывает из распущенных волос гнид. Они просяными зернышками сыплются на страницы, и, блаженно улыбаясь, она с хрустом давит их черепашьим гребнем. Пламя свечи придает ее рыжеватым волосам янтарный блеск. В печной трубе дико завывает домовой. Зеркало в комнате наглухо завешано вышитым полотенцем. Перед ним на этажерке коробочка. Преодолевая жуть, сползаю с печки и, встав на цыпочки, заглядываю в коробку. Там покоится крошечное, замотанное в пленку тельце моей сестренки со сморщенным синюшным личиком...

Дед Михаил погибнет в 1943-м. В воронке от авиабомбы отыщут лишь клочок его обгорелой брезентовой куртки. Он так никогда и не узнает, что его сыновья вернутся с войны офицерами. Не узнает, что правая рука его старшего сына Ивана после ранения разрывной пулей в плечо повиснет на жидочке, и что, отступая от Бреста, он возвратится и дошагает до немецкого Вюнсдорфа. Не узнает, что лицо его младшенького сына Федора сплошь усеют синюшные крапины окалин — память о болванке, чуть не снесшей башню танка, и что его младшенький будет участвовать в штурме Вены. Он не узнает, что блокада унесет около миллиона жизней, и только три процента из них погибнут от авианалетов и артобстрелов, остальных доконает голод, в том числе и его нарожденную внучку.

Волюшка-воля

Слово “борьба” в кругу нашей семьи долгое время вызывало настороженность. Косвенной виновницей тому оказалась наша коровенка. За ее парным молочком выстраивалась очередь страждущих. Среди них выделялся партиец с дореволюционным стажем. “Старый большевик” — вполне официальный титул той поры — необычайно пекея о своем здоровье и придавал особое значение целебным свойствам цельного молока. Судя по его прозрачным намекам, с его помощью он надеялся дотянуть до скорого светлого будущего. Заслуженный революционер очень опасался всяких там заразных туфельек-инфузорий и потому приносил с собою всесторонне продезинфицированные бутылки. Ветеран заявлялся ранее других покупателей, бдителльно следил за тем, споласкивает ли мама руки по возвращении домой, процеживает ли пенистое молоко через марлю. Его лицо при этом не покидало сомнение, а не подбавлено ли в наше молочко водичка...

Отдышавшись от подъема на четвертый этаж, бывший краснофлотец расстегивал всепогодную комиссарскую кожанку в лишаиных потертостях, доставал из ее недр мятый носовой платок размером с салфетку и отирал вспотевший шишковатый череп. Грузно опустившись на скрипучий кухонный табурет, стоявший посередке коммунальной кухни, он, томясь скукой, пускался в нравоучительные воспоминания, налегая на свою особую роль при штурме Зимнего дворца. Брылястый, с искореженными ушами, орденосец выглядел в моих глазах замшелым памятником времен Очакова и покоренья Крыма. Однако на сей раз он сжалился над нами и сменил пластинку:

— Тогда, при Николашке, мою фактуру околоточный заприметил и посоветовал в цирк податься, мол, труппу там набирают. Ну, я расхрабрился и объявил себя антрепренеру. Тот, как есть, по полочкам все разложил, муаровой лентой через плечо одарил, чтоб на арену выходил при полной авантюристности. Наказал всяким там приемам меня обучить и наставление дал принимать импозантность в алле-парадах, потому как чистые дамочки на нее особо горячо реагируют и букеты дарят. Было от чего уши развесить! Про гроши я вовсе забыл заикнуться. Ну, швунгами меня кормили так, что галерка со смеху покатывалась. Потерпел-потерпел, да и дал деру. Зато в империалистическую, когда забрали во флотский экипаж, отлились мои слезоньки. Трюков цирковых, хочешь не хочешь, а нахватался. Вот тогда-то я и поверховодил братишками-анархистами, рога многим пообломал.

Вернувшись с дойки мама застаёт бывшего циркового борца в расстегнутой до пупа рубашке, он обнажил для наглядности свои телесные вывихи, полученными им от разных там нельсонов, тур де бра и тур де тетов. Словом, об этом костоломном спорте у нас лучше было не заикаться. Конечно же, родители не догадывались, что во дворе давненько гуляла по рукам обтрепанная книжица с ятями про жутко секретную японскую борьбу джиу-джитсу. Перво-наперво в ней советовалось набить мозоли на боковинах кистей, чтобы ладонью, словно саблей, сносить головёхи супостатов с плеч. Вот этот самурайский приемчик я и доводил до совершенства. Мои кисти ломило, волдыри сочились сукровицей, но ребра ладоней не становились стальными. И все сводилось к вопросу: имело ли смысл продолжать совершенствоваться в джиу-джитсу или имело смысл переключиться на что-то менее болезное?

Разумеется, наши увлечения сменялись с неимоверной быстротой. То мы с помощью провололочной загогулины принимались гонять по улицам ржавые обручи от бочкотары, то из подручных материалов мастерили самокаты, затем наступал черед игры в фантики, пёрышек № 86 от вставочек или расшибаловки. Эта азартная потеха требовала от нас денежных затрат. На середину кона — прямую линию, прочерченную по земле, выставлялся столбик мелочи, после чего с расстояния в пять — семь шагов мы, согласно очередности, старались попасть в него свинцовым битком, да поспорювистей, чтобы перевернуть монеты с решки на орла. В промежутках мы расстреливали из роговат воробьев, за то, что они приносили в клювиках гвоздики для Боженки, когда его плохие дяди распинали.

Но именно в ту описываемую мною пору Лиговка помешалась на маялке. Наверное, сегодня с трудом можно себе представить ажиотаж, порожденный этой забавой? Её мастерили из прошитых суровой ниткой лоскутков. Наиболее продвинутые прославляли тряпичный клок материи обрезками из кроличьих шкур — для воздушной лёгкости. В готовом виде она походила на лохматое мочало. Счастливым обладателем маялки чеканил, то есть поддавал ее ногами, первым. Он же определял и очередность. Победителем считался тот, кто, подбивая сей предмет стопой, долее всех не ронял ее на землю. Кто-то умудрялся поддать маялку внутренней стороной ботинка, а иные делали это с вывертом — задником, другие ловко чередовали ноги. Настоящие виртуозы безостановочно нащелкивали её до сотни раз. Слава об их искусстве катила по Лиговке, затмевая собою известность даже таких футбольных корифеев, как Бобров или Хомич.

Пришел с работы отец. Ветеран, обрадовавшись солидному собеседнику, пустился в рассуждении о каком-то пожизненно арестованном Морозове. По мне, такой разговор и яйца выеденного не стоил. Ну, сидел сиднем

страдалец в Шлиссельбургском каземате, жаль, конечно, но не Чапаев же, не Маресьев! А вот отец завелся с пол-оборота. Память у него на цифры, даты, фамилии была бухгалтерская, и где-где, а в истории он считал себя докой. Грех было не воспользоваться моментом, и мы с братом под шумок сматываемся во двор, не то отец, спохватившись, тормознет нас. Тем более что он грозился немедленно и серьезно заняться моим воспитанием. Специально для его успокоения я положил на видном месте на тумбочку тетрадный листок с моим клятвенным обещанием: “Я ученик 6-го класса 285-ой школы звеньевой Иванецкий Александр обязуюсь не нарушать поведения дома, в быту, в школе и на улице, а если я свою обязанность нарушу, то мой отец найдет для меня самую наихудшую расправу”. Батя в последнее время частенько пропесочивал меня за тройки и бузотерство, так что моя цидулька была очень и очень кстати. Да и от мамы желательно было улизнуть. Она еще от вчерашнего не отошла. Мы с братом, излущив друг друга подушками, все перевернули в комнате вверх дном, и она, поставив нас с братом на колени в угол на горох, уехала на вечернюю дойку. Застав нас сморенных, но каждого в своём уголке, она обрыдалась.

Во дворе перед Сабуром, Мешком, Сорокой, Сашкой Смирновым, Носарём и Пупсиком, словно сдобный сухарь в помойном ведре, выламывался сын домоуправши. Он давился булкой, намазанной маргарином в палец толщиной, к тому же щедро присыпанной искрящимися кристалликами сахарного песка. Жека делал вид, что не замечает возделенных взглядов, нацеленных на невиданных размеров “пирожное”. Про его маманьку ходило много всякого во дворе: и что она из выморочных квартир в блокаду мебели себе старинной ого-го сколько приволокла, и что лендливское какао домой коробками таскала. Может, и привирали. Хотя в их квартире от буфетов и пузатых сервантов негде было развернуться. Сабур с Пупсиком, видя, что никому ничего не светит, решили за лучшее отладить пугач и принялись прикручивать проволокой амбарный ключ к выструганной из дерева рукоятке “пистолета”. Носарь наловчился напрягать брюшной пресс перед ударом так, что совсем не чувствовал боли от удара кулаком в солнечное сплетение. Он отошел с Мешком в сторонку и принялся подначивать приятеля: “Ну-ка, врежь мне по брюху по полной, только не бойсь, бей со всего размаху!” Из подсобики, своего временного пристанища, нарисовалась дворничиха Федуловна. Ей выделили комнатку в коммуналке, но она предпочитала сдавать ее внаем. Дворничиха была теткой своейской. Она приохотила нас скалывать лед на тротуаре и очищать двор от снега. Мы ссыпали его на фанерный лист, затем, впрягшись в веревочные построжки и напрягаясь побурлацки, волочили поклажу к канализационному колодцу. Помимо прочего, Федуловна прививала нам навыки пристойного поведения в обществе. Как-то мы забежали в парадник, справлять малую нужду. Застукав нас за этим святым занятием, она всучила каждому по грязной тряпке и приказала подтереть за собою все дочиста. Дженгльменов из нас не получилось, но кое-какие правила хорошего тона, с ее подачи, мы все же усвоили. Поняв, что скандала не предвидится, дворничиха убралась восвояси.

Между тем во дворе нарисовался мой закадычный друг Дзюба. Вместо того чтобы разрулить ситуацию, он занялся укрощением своей непролазной каштановой шевелюры. Нас всех стригли под нулевку, оставляя на развод лишь челочки, а мой приятель давно перестал слушаться своих теток-опекуни, особенно после поездки в пионерлагерь. Вожатый у него оказался свой в доску и закрывал глаза на то, что Вовка, сбегая из лагеря в мертвый час, самочинно лазил по развороченным дотам, купался на Финском взморье и шастал по лесу в поисках разбросанных то там, то сям дымовых шашек.

— Стерва, лярва, маруха, подстилка, паскуда, курва, потаскуха, выдра... — Брань вперемешку с матом вырвалась из открытой форточки полуподвальной кладовки, в которой обитал Барон, получивший свое погоняло из-за золотой фикса. Мы завидовали ему, потому что он носил щегольскую кепку-лондонку из букле песочного цвета с каучуковым козырьком. Именно в таких кепарях вернулись наши футболисты на родину после матчевой встречи с англичанами на Уэмбли. А кроме того Барон рисовался перед нами

своей финкой с наборной ручкою из разноцветных плексигласовых шайбочек, при этом блатарь ловко цыкал слюной сквозь щелочку в зубах. Отправляя кого-либо из нас за папиросами к кинотеатру “Норд”, он не забирал сдачу, разрешая купить на остаток денег эскимо. Мы чаще сталкивались с ним не во дворе, а на барахолке, где он промышлял карточными фокусами, зазывая простаков:

— Шестерка выигрывает, туз проигрывает! Налетай, подешевело, расхватали, не берут!

Барахолка бурлила в шаговой доступности от нас — на углу Лиговки и Обводного канала. Она завораживала каруселью, смертельными гонками на мотоцикле по вертикальной стене и особенно тиром с изрешеченной свинцовыми пулями жестяной мишенью в виде карикатуры на ожиревшего палача югославского народа Иосифа Броз Тито с огромным мясницким топором в руке. На прошлой неделе Барон обнес продовольственный киоск у кинотеатра “Норд”. На дело он прихватил наших ребят, в том числе и моего братца, которого поставил на шухере. Всем, кто помогал ему обчищать киоск, воругоа отвалил кулек “Раковых шеек”. Это лакомство едва не сгубило нас. Разузнав, что участковый милиционер обходит квартиры, выискивая фантики, все участники налета затаились на чердаке. Дзюба дал установку:

— Если потянут в отделение милиции, то Медведей не сдавать.

Под Медведями имелись в виду я с Юркой. Исходил он из здравых рассуждений. Во всем дворе только у нас был отец, и, в случае чего, батя задал бы нам отменную порку.

Женский визг, громоыхание кастрюль сопроводила очередная порция брани:

— Падла, мочалка, давалка, бляха-муха, профурсетка...

И ежу было понятно, что Барон устроил выволочку очередной своей сожительнице.

— Ты чо свою лохматку прячешь! Глянь какая курва стеснительная, будто гимназисточка!

— А чо мне ее стесняться! Я все одно из нее сцу...

Форточка с треском захлопнулась, оборвав их перепалку на полуслове. Мы дружно гоготнули. Тем временем к жаждущим оттяпать хотя бы кусманчик лакомства у Женки присоединился Володька Порфелев по прозвищу Костыль. Он пару лет назад неловко соскочил с “колбасы” — буфера для сцепки вагонов — и угодил под колесо трамвая. Ногу ему ампутировали по колено. Освоившись с костылем, Порфель в промежутках между футбольнякой, городками, прятками, лунками, ножичками или игрой на деньги в пристенок зарабатывал себе на житуху попрошайничеством. В набитом пассажирами трамвае Костыль жалобно заводил:

— Жил-был великий писатель, Лев Николаич Толстой, ни хлеба, ни мяса не кушал, по саду ходил он босой...

Володька ловко косил под жертву войны, и мелочи ему перепало немало. Костыль, поправив, для порядку, на голове тубетейку, с ходу предъявил сынку домоуправши ультиматум:

— Дай куснуть, а то врежу!

Румянцев хамовато отрезал:

— Сорок один, ем один.

Тут попытался было встрять Пупсик, но не вышел росточком. Спорящие не удостоили его даже взглядом. Костыль не унимался:

— Сорок восемь — половину просим!

И схлопотал в ответ:

— Нечем крыть — полезай в манду картошку рыть.

Маменькин сынок по части фени был еще тот хват. Запахло потасовкой. В такой перебранке самое важное — не спасовать перед противником и оставить за собою последнее слово.

— А в манде не огород, и картошка не растет.

— А мы Америку открыли и картошку посадили.

Костыля такой пустяковиной было не пронять. Он из непечатного много чего заковыристого знал и ответил похабенью, вызвавшей наш всеобщий

ржач. Поле боя осталось за Порфелем. Но Костыль не был бы самим собою, если бы не закрепил свое верховенство развеселым куплетиком:

*Пошел купаться Уверлей, Уверлей,
Оставив дома Доротюю,
А взял лишь па-а-ару пузыре-е-ей,
С собою, плавать не умея.*

Этой крутящейся в мозгах бойскаутскою дребеденью заразил его Дзюба. В пионерлагере она заменяла отрядам строевую песню. Лакомство тут же разнесли по кусочкам. Ничего не досталось лишь тихоне-вундеркинду Сашке Смирнову. Он дичился наших передраг, особенно после того, как его застучали у раструба водосточной трубы, в которую Сашка надрывным шёпотом выдавливал из себя:

— Папка, вернись! Мы ждем тебя!

Никто из наших не решился поизгаляться над ним. Санек был палочкой-выручалочкой и безропотно помогал нам решать задачки по математике, взамен прося составить ему лишь партию в шахматы. Обычно отряжали к нему меня. В договоренный час гостя в прихожей смирновской квартиры ждал целый церемониал. Пожилая женщина, которая независимо от погоды ябко куталась в шаль, говоря мне *Вы*, провожала в кабинет, где за шахматной доской с аккуратно расставленными фигурами с нетерпением дожидался меня Смирнов. Поделав быстренько первые ходы, я принимался глазеть по сторонам. В его комнате столько было всего прелюбопытного: микроскоп, пузатый глобус, готовальня, лорнет, инкрустированный перламутром, бронзовая настольная лампа, настенные часы с боем. Неизменный бумазейный свитер свисал с Сашкиных плеч. Из его ворота торчала цыплячья шея приятеля. Чудо, что она не хилилась под тяжестью его лобастой головы. В середине партии раздавался глухой бой часов. Дверь из гостиной бесшумно открывалась, и в кабинет на цыпочках входила почти что копия предыдущей старушеницы. Она несла поднос со стаканами чая в ажурных подстаканниках и блюдечко с двумя конфетами-подушечками. Сашка, обдумывая очередную комбинацию, вслепую брал причитающуюся ему конфетку, долго смаковал ее. По всему выходило, что Сашке не часто перепало такое лакомство. Нарочито позевывая, я делал вид, что сыт сладостями по горло, и тогда он украдкой тянулся и за моей конфеткой. В полуоткрытую дверь гостиной виднелись висевшие на стенах картины в рамах с потускневшей позолотой. Задрапированное занавесями окно почти не пропускало свет, и невозможно было разобрать, что на них изображено. От сумрачности неподселённой квартиры, от дребезжащих на подносе подстаканников, от глухого боя курантов, чопорного обращения веяло какой-то загадкой. Но Сашка на все мои попытки разговорить его так и не повелся.

Пока Порфель разводил свои бойскаутские рулады, Мешок смотался в сарай, притащил оттуда запертую в клетке крысу, фляжку с керосином и устроил ей аутодафе. Открыв дверцу, он ткнул в охваченную огнем крысу щепкой, и визжащий, объятый пламенем клубок под гикающий посвист Мешка рванул через подворотню на улицу. Обезумевшая крыса ткнулась в трамвайный рельс, заметалась в поисках выхода и, поворотив во двор, подкатила прямо под ноги своего мучителя. Мы все ненавидели это хвостатое отродье еще с блокадных времен, но наш приятель явно перебрал. Дзюба турнул его со двора взашей. Чтобы как-то сгладить впечатление от произошедшего, мы уговорились с утречка драпануть на цементку.

За Волковым кладбищем трамвай делал кольцо. На подъезде к нему сигнаем с “колбасы”. Заткнув носы, чтобы не вдохнуть запаха падали, на всех парах мчимся мимо мыловаренного завода. Что ни говори, а хозяйственное мыло отдаёт моргом. Преодолев крутую железнодорожную насыпь, галопом несёмся вдоль веера подъездных путей. Справа за хилыми тополями круглятся цистерны нефтеперегонного завода. Его трубы, обмотанные каким-то дражным теплоизоляционным материалом, время от времени выстреливают струйками пара. Слева обозначился корпус механического цеха. Сразу за

ним, у светофора, торчала водокачка, и за нею виднелась наша цементка. Она представлял из себя бездонную ямину, окаймленную редким камышом. Ее песчаный берег усеян обломками металлических стружек. Так что, добираясь до воды, приходилось смотреть в оба, чтобы не поранить ступней. Нанырившись до холодрыжности, мы голяком распластывались на песке. Составы грохоча проносились мимо и, завидев в окнах пассажиров, мы приветственно махали им трусами. А затем переворачивались на спину и мечтательно следили за стенающими чайками. Покружив в выси, они устремлялись куда-то в неведомую нам даль, к заливу.

Сон длиною в жизнь

После блокады в Питере не водилось ни голубей, ни воробьев, ни кошек, ни аквариумных рыбок. В войну всю мало-мальски съедобную живность употребили подчистую. Поэтому слух о том, что у Медведей, то есть у нас с братом, на четвертом этаже объявился теленок, был воспринят во дворе как заведомые враки. Кстати, медвежьи прозвания прилипли к нам из-за купленных по случаю родителями шубеек коричневого цвета из китайского искусственного меха. Шубенки приобретались, разумеется, на вырост, оказались нам до пят, и мы передвигались в них по-пингвины, враскачку. Обнова оказалась непробиваемой ледышками при штурме снежных крепостей. Так что в атакующую шеренгу мы выставлялись первыми.

В семье, с народившейся сестренкой Зиной, нас насчитывалось уже пять душ. Работную лямку тянул отец, и родители тряслись над каждой копейкой. На мое десятилетие дома было устроено по тем временам отменное угощение — чугунная сковородка жареной картошки, с верхом. Подсолнечного масла в наличии оказалось две столовых ложки. Пришлось поддывать водичку, и картошка вышла парено-жареной. Да кто же тогда на такие пустяки обращал внимание. Угощение смели враз. Мы с Юркой, пытаясь подсобить родителям, затеяли розничную торговлю и поштучно продавали у кинотеатра “Норд” то самодельные папиросы, то сайки, то букеты сирени. У меня лучше всего получалось торговать ирисками. Я не суетился, не бегал, нахваливая товар, а просто торчал с конфетами на тротуаре у нашего дома. Если ириски заветривались, то я скрывался в подворотне, облизывал их, и они вновь приобретали завлекательный блеск...

За давностью времени не вспомню, кому из родителей пришла в голову шальная мысль завести корову. Скрыть ее от сыскного ока участкового милиционера или от пронырливой управдомши, Женькиной мамы, было делом невозможным. А ведь надо было умудриться выпастить ее... на брусчатке. Так что всю затею с коровой иначе как чистой воды авантюрой и не называли. Однако в складчину с шофером автобазы, вывезшим нас из блокады, в Эстонии было приобретено теля, так что согласно паспортным данным она считалась чухонкой. В ту пору в Прибалтике с револьверной скоростью вводились колхозы, и на мызах скотину или пускали под нож, или сбывали по бросовым ценам на сторону — по три рубля за кило живого веса.

Отец взволков телочку на четвертый этаж, снял панцирную сетку с кровати и устроил ей нечто вроде яслей. В загородку насыпали толстый слой опилок, но паркет все же вспучился. Телушка не стесняла себя в отправление естественных потребностей. Для проверки слухов к нам в коммуналку зачастили визитеры. В нашей пенальной крой комнатенке теля своим влажным, шершавым языком радостно облобызывало гостей. Умиленные удивленным, они подтвердили правдивость неслыханной новости, и наш авторитет во дворе подскочил до небес. Продолжалась эта катавасия пару недель, пока телушку не пристроили в сарай за Волковым кладбищем. Мы вздохнули свободнее, дивясь тому, что никто из соседей по коммуналке или жильцов нашего дома так и не стукнул на родителей, куда надобно...

Молога нам с братом почти не перепало — только сестренке, по ее малолетству, потому что практически все шло на продажу. Во дворе нас стали обзывать куркулями, потому что теперь хлебные крошки мы не смели бережно в ладошку, а отправляли их в ведро, туда же спроваживая

картофельные очистки и все остальные объедки. Так что Машке, вкупе с комбикормом, варилось вполне съедобное пойло. По весне мы ублажали нашу благодетельницу сочной травой. Родители отряжали нас с торбами на Волково кладбище. Чтобы не цапаться с братом, мы его поделили. На Литературных мостках рвал траву я, начиная от памятника поручику фельдбегерского полка и до мраморного надгробия какому-то архитектору по имени Бенуа.

Войдя в возраст, я с удивлением узнал, что в Питере не только мы выпасали корову на асфальте В то же время подобным способом добывала себе пропитание семья широко известного сегодня политолога Н. А. Нарочницкой. А в стародавнюю пору, при царях-императорах, в Санкт-Петербурге коровой обзавелся знаменитый декабрист Рылеев. Он снимал квартиру на Мойке, в самом аристократическом районе столицы, и приобрел скотину, по воспоминаниям своего слуги, не для прокорма, а ради бытового опрошения.

Главная же заслуга Машутки заключалась не в ее удойности, а в том, что из-за нее мы на целое лето выезжали в Карелию. Полторка привозила нас в конце мая в Каарлахту, поселок где-то на полдороге между Приозерском и Сортавалой. На постой в хибарку, стоявшую верстах в трех от железнодорожной станции, нас пускал знакомец отца — путевой обходчик Федоров. Он казался махоньким — чуть выше валенка. Создатель, по всему виду, собирал его из запасных частей, однако обходчик не оплошал: взрастил четверых сыновей и двух дочерей. Их, полесских погорельцев, переселили из Белоруссии на Карельский перешеек сразу же по окончании войны. Они крутились по хозяйству без роздыху. Тон всему задавал глава семейства. Своей первой заботой он считал содержание в порядке инструмента. Федоров с особым тщанием налаживал косу: отбивал, правил, точил, — словом, нежил. При этом постоянно бубнил себе под нос одну и ту же притказку: “Косил косою косою косою косогор, а косорылая, с косами, косою косою на косе косила до косогора”. Мои потуги взять в толк, что в его бормотне к чему, к логическому выводу не приводили. Ну, допустим, косоглазый косил кривой косою, да еще в дупель пьяный. Тут вроде более или менее все сходилось, но далее я ничего не мог уразуметь...

Взрослые ютились в бревенчатой избе, воздух в которой пропах овчиной, дегтем и квасом. Способ его изготовления отличался простотой. В сенях стоял жбан с колодезной водой. В него, по мере надобности, бросали ржаные корки и помятым медным черпаком всяк желающий утолял жажду вспененной жижицей похода. Шипучая кислятина сшибала наповал. Удивительно, но здоровью федоровской семьи самопальный напиток не вредил, а, наоборот, способствовал развитию трудовых навыков. По крайней мере, сыновья у обходчика выросли рукастыми. Порубив на кусочки свинцовую проволоку, они обкатывали дробинки меж днищ сковородок, добиваясь заводской округлости. Затем они насыпали ее в патроны и затыкали их самодельными войлочными пыжами. А еще они обучили нас добывать мезгу. С молодой березки обдиралась кора, ствол обнажался и с него перочинным ножиком соскребался тонюсенький, словно папиросная бумага, слой сладкой пленочки. По части деревянной смекалки мы с Юркой им и в подметки не годились.

Мест в халупе для всех не хватало, и нас спроваживали спать в амбар — единственное уцелевшее строение от финской мызы. Низ амбара был сложен из циклопических валунов и предназначался для скотины. А просторный чердак служил сеновалом. Там мы и ночевали. Спали, закутавшись поплотнее в ватники и надвинув шапки-ушанки по самые брови, иначе комарье отцеживало за ночь по граненому стакану кровищи. Взрослые на чердак почти не заглядывали, строго-настрого наказав не переводить сено в труху и не рыть в нем нор. Но пойдя-сыщи в амбарной полутьме все наши лазы-перелазы для прятков.

Дочки обходчика были на выданье и форсили, изображая из себя взрослых. По воскресеньям их отпускали в клуб на танцы. Прихорашиваясь, они прилаживали себе на головы бархатные валики и накручивали на них челки. Кто не ведал об этих уловках, думал, что волосы у них густющие и не для всякого гребня пролазные. Однажды они взяли меня с собою в пристанционную лавку, чтобы помочь купить крепдешина на выходные платья.

Дефицитную ткань продавали не по талонам, а в порядке живой очереди. Поэтому более настырные особы так и норовили протиснуться в обход ее к прилавку. Сестры растерялись, а я под руками теток пролез к продавщице и умудрился отхватить для сестер отрезы в мелкий рисунок. С той самой поры я проходил у них за знатока по части женской моды...

На хуторе у нас образовалась свойская компания: сестренка Зина, хозяйские ребята, мы с Юркой плюс собака Динка. Она держала нас, городских, своим оскалом на расстоянии. Мы то так, то эдак подлизывались к ней, даже подбрасывали ей леденцы, но тщетно. У прежнего владельца она несла охранную службу и свой рыкающий чин блюла. Баклуши мы били редко. Забот хватало на всех. Одно из первых мест по хлопотности занимала картошка. Из экономии ее сажали глазками, срезали с клубня кружалки с проросшими росточками. Их-то и прикапывали в лунках. Поэтому одного клубня хватало чуть ли не на всю грядку. Затем картошку пололи, поливали, окучивали, пропальывали от колючих сорняков и опять окучивали. При всем этом было необходимо строго соблюдать меры безопасности. Дело в том, что грядки, в нарушении всех советских законов, нам отвели на территории карьера, в котором добывали щебень. Главное начальство при этом оставалось в неведении. Иначе мы бы получили шши с маслом. Гранит рвали динамитом. Под ревущий вой сигнальной сирены все покидали опасную зону и спешили в укрытия. Иногда заряд в шурфе не срабатывал, и поэтому считалось за лучшее чуток выждать. На беготню до канавы, в которой мы хоронились от взрывов, уходило много времени. И если нас с братом посылали на картошку одних, то мы не бежали, сломя голову, прятаться от гранитной шрапнели, а плюхались в междурядье, прикрыв на всякий пожарный случай головехи дырявыми ведрами.

Помимо огородных забот на нас лежал выпас коровы, хозяйских овец, козы и борова Яшки. Сложнее всего управиться с хряком. Хворостины он не боялся и рыхлил своим пятакон все подряд. Кроме того, в очередь с Юркой мы носили пятилитровый бидон с молоком на маслобойню, к станционному переезду. Дело в том, что владельцы коров, вне зависимости от прописки, облагались спецналогом. Его погашали или молоком, или, по желанию владельца, маслом. Поэтому за лето мы торопились рассчитаться с государством сполна. Машкино молоко на сепараторе брали с охотой. Наша коровенка, видимо, знала оговоренный законом процент жирности.

Иногда нам давали отгул. Отрезав по толстенному ломтю ноздреватого хлеба, посыпав его щедро крупной солью, нарвав в огороде пучок сочно хрустящих луковых стрелок, мы с ватажным улюлюканьем уматывали с хутора куда глаза глядят. Если честно, то они у нас разбегались. Озерища, озера, озерки всюду окружали хутор обходчика. С крыльца, на ближайшем, были видны плещущиеся утки. Его сплошь покрывали лилии, а в глубине колыхалась тина — прибрежище линей и карасей. На карьерном озере водились раки. Они боком-боком шастали по дну и были видны как на ладони. Их ловили без всяких затей — голыми руками. До Ладоги надо было добираться часа два, а то и более. Без взрослых мы туда не решались ходить. Своей у нас считалась Вуокса, то ли безбрежная река, то ли безразмерное проточное озеро, начинавшееся прямо от железнодорожной станции и простиравшееся до Приозерска. Обрамленное скалами, поросшими сосняком, обильное островами и шхерами, оно магнитом притягивало нас.

В камышах мы прятали рассохшуюся плоскодонку с ржавой лопатой вместо весла. Взрослые, разумеется, о ней не догадывались. Иначе пошли бы расспросы, мол, откуда она у нас взялась? Если честно, то мы ее умыкнули от ветхого причала. Полузатопленная, она выглядела ничейной, и грешно было этим не воспользоваться. А иначе на чем бы мы варяжили? Суденьшко оказалось не больно-то устойчивым, и нам не всегда удавалось с ним совладать, особенно при порывистом ветре. Волны захлестывали лодку, и мы едва успевали консервной банкой отчерпывать воду. По-настоящему нам становилось страшно лишь тогда, когда вдобавок припускал хлесткий дождь. Выгребая против ветра, мы, дрожа от страха, во все горло принимались орать про крейсер "Варяг" и про то, что "пощады никто не желает". Но ненастье сменялось

тишью да гладью, и мы принимались блеснить щук у кромки камышей. Размер меньше полена нами в расчет не принимался. Федоровские ребята однажды умыкнули с карьера парочку толовых шашек с бикфордовыми шнурами с запалами и глушанули рыбу. Лодку трянуло взрывом так, что она чуть не развалилась. Больше толком мы не баловались. Выловленная плотва, окуни, красноперки запекались на костре и тут же жадно уплетались. Кстати, рыбацкое везение нам сопутствовало всегда, потому что федоровские знали приворот. Если клевалось ни так ни сяк, они принимались шаманить: “На бздёшь рыба ёрш, а на сцаку рыба всяка, на бздёшь рыба ёрш...” и далее по тексту. Закончив речитатив, они расстегивали ширинки и дружно мочились с лодки прямоком в озеро. Их камлание оказывало особое воздействие на окуней. Они возникали из глубин и кружили вокруг да около лодки, своим тельняшным раскрасом и нахрапистостью напоминая поддулявшую матросню. С наскока окунь мог наброситься даже на пустой крючок. Крупную добычу мы на куканах опускали в воду, сберегая до дома. От степени рыбацкой добычливости наша вольготная жизнь очень даже зависела.

Как особое приключение мы воспринимали “лесозаготовки”. Грибы таскали неподъемными корзинами, чернику — ведрами. За ягодой отправлялись на Ладогу. Ее там водилось столько, что отец плохался на мох всем телом и, переваливаясь с боку на бок, собирал чернику, по сути дела, не сходя с места. Бруснику шмыгали горстями на обратном пути. Но больше всего нам нравилось собирать морошку. Багряная неженка с едва уловимым ананасным ароматом не годилась для заготовок, и взрослые ее не жаловали. Поэтому нас по морошку отпускали одних. Она росла на мшистых коврах с подстилкой из сплетённых трав. Ковер пружинил, и мы словно на батуте прыгали на нем, стараясь в ухарстве превзойти друг друга. Последствия такой цирковой акробатики могли иметь самый печальный исход. Прорвись тонкая травяная ткань, и трясина засосала бы лихача. Но высшие силы дуралеев милуют... С наступлением сумерек родители расстилали на берегу Ладоги полотняную хустку, выкладывали на нее домашнюю снедь и, разведя костерок, пекли картошку. А я, перескакивая с валуна на валун мыса, вдававшегося в залив, насколько возможно дальше уходил от берега и зачарованно смотрел на стальную рябь, которая, стелясь к горизонту, сгущалась до синевы, и, устремляясь ввысь, таяла там в перламутровых сполохах нарождавшейся зари.

Это случилось на сенокосе. Ради него наш батя брал отпуск, и все “хуторяне”, и стар, и млад, переселялись в луга. Отец с обходчиком косили тимофеевку, сеянную еще финнами. Ее плотные шеренги своими верхушками-киверами напоминали гвардейское каре. Их вжикали под корень, и они падали навзничь — ровнехонькими рядами. Наперегонки с федоровскими мы с братом собирали скошенную траву в валки, потом их ворошили для просушки, а чуть погода сгребали в копенки. Подсунув под них слези, мы подтаскивали сено к стогу, который метали взрослые. Все делалось без передыху, спешно, пока стояло ведро. Труха, набиваясь за шиворот рубахи, нещадно кололась, соленый пот заливал глаза, но особенно досаждали оводы, так и норовя впиться в тело побольнее. Покос нам отвели на полях колхоза “Путь Советов”. По уговору с председателем косили за третью кошну. Две забирал себе колхоз — третья считалась нашей. Отец, в сердцах, обмолвился: “Горбатимся словно на барщине”. Оброни он эту фазу где-нибудь в ином месте, ему бы было несдобровать. Но мы мало тогда что смыслили.

Стог рос, радуя глаз своими размерами. Взрослые укрыли макушку от дождей брезентом и обчесывали бока граблями. А мы вертелись вокруг них и скулили, чтобы нас отпустили искупаться. Отец посмотрел на выцветшее небо и махнул рукой:

— Геть звидсья!

Нас будто ветром сдуло. Только я замешкался, выручая сестренку. Зина потерялась в траве и заверещала с перепугу:

— Здесь нет ни входа, ни выхода!

И точно: тимофеевка скрывала ее с макушкой. Догоняя ребят, я попытался сократить путь и оказался на незнакомой мне пыльной дороге. Непонятно, откуда она взялась, где начиналась и где кончалась. По обе стороны

от нее щетинилась стерня. Я сбросил сандалии и, приминая цветы, пошел по меже. Странно было идти с ощущением, что ступаешь по чему-то живому. Какое-то время спустя я оглянулся. Мне показалось, что дорога ждала меня, словно терпеливая старая кляча. Наконец под ногами захлопало, и за тростником забликовало озеро. При моем появлении лягушки бултыхнулись в воду, превратив меня в великана. На берегу лежал плоский валун. Ледники отполировали его до зеркального блеска. На воде плавало солнце, дробясь и слепя глаза своими масляными бликами. Наши куда-то запропастились, и я решился на заплыв. За лето мною был освоен “собачий” стиль, над которым только ленивый не потешался. Для порядка остываю: сняв рубаху и сатиновые шаровары, окунаю ноги в воду. Она пахнет розогом. Икры зацекотали мальки, приняв волоски на ногах за мелкотравчатую водоросль. Над камышами затанцевал столбик хмельной мошкары. Распластавшись на камне, я млею, пропитываясь его глубинным теплом. Спихватившись, ощутил, что плыву, ощущая как бы невесомость, и на удивление не по-собачьи, а саженками, в подражание отцу. Раньше у меня так не получалось. Опустив лицо в воду, успеваю рассмотреть песчаное дно в изгибах, схожих со стиральной доской, и переливчатые пузырьки. Прорываясь струйным жгутом сквозь донные отложения, они рассыпались упругой пенной шапкой. Оказалось, что до другого берега рукой подать, но вместо знакомых мостков, с которых мы не раз ныряли с разбега, меня встретила стена деревьев, стоящих по щиколотку в воде. Их макушки переплелись в вышине. Непонятно, куда это меня занесло?! У меня возникло чувство, что если добраться до вершин деревьев, то все прояснится. Робея, лезу по лианам вверх. И лишь достигнув крон, замечаю меж ветвей нечто вроде открытой веранды, по которой прогуливаются стройные, загорелые люди, одетые в короткие туники, с лавровыми венками на головах. Они призывно машут руками, подбадривая меня. Еще усилие, и я окажусь среди них.

Прихожу в себя от надрывного:

— Шурка! Шура!! Шурка!!!

Так может кричмя кричать только мама. Сколько раз умолял ее называть меня Сашей! А то стыдоба! Будто я все еще первоклашкой бегаю в коротких штанишках. Поднявшись с валуна, одеваюсь. Пытаюсь взглянуть в тот берег. Он скрылся в дрожащем мареве. Оглядываюсь назад. Там терпеливо ждет меня все та же дорога, и я отчетливо вижу ее потрескавшийся от знойного пекла лоб.

Утоги

А теперь о ней родимой — о борьбе! Мое увлечение ею совпало с трауром, утогами, открытием пляжного сезона и появлением на щеках хотимчиков. На семейном совете было решено, что по окончании семилетки нам с братом желательно получить техническое образование. Корову Машку родители продали, и зарплаты отца семье катастрофически не доставало. При удачном раскладе, если экзамены удастся сдать на “хорошо”, можно будет рассчитывать на стипендии. А это как ни крути, хоть и мизерная, но все же прибавка к семейному бюджету. Мне удастся поступить в радиотехникум. Он размещается на углу улиц Моховой и Чайковского в старинном особняке, выстроенном в стиле барокко. Внутренний интерьер здания, принадлежавшего до революции богатым из богатеев, уральским заводчикам Строгановым, сохранял следы прошлого великолепия. От парадного подъезда на второй этаж вела мраморная лестница, паркетный пол директорского кабинета впечатлял своим узором, стены овальной приемной были облицованы дубовыми панелями, а потолок зала для торжественных раутов, приспособленный под спортзал, украшали пасторальные росписи.

В то памятное мартовское утро по радио передали сообщение: после тяжелой болезни... великий вождь... учитель... Сталин... Траурные мелодии, зазвучавшие из репродуктора, лучше всего подтвердили, что я не ослышался. Наспех одеваюсь и мчусь в техникум. Мои сокурсники наверняка уже там. На улице промозглый ветер пробирает до костей. В забитом до отказа

трамвае вроде бы теплее, но от гнетущей тишины, повисшей в вагоне, по коже бегут мурашки. На лицах — угрюмая сосредоточенность. Все словно ушли в себя. На остановке у Московского вокзала в вагон втискиваются две щебетуны-фэзэушницы в форменных тёмно-синих фетровых беретиках, кокетливо сдвинутых набекрень. На хохотушек цыкают:

— Заткнитесь, дуры!

Девчонки, поперхнувшись смешком, испуганно съезживаются, не понимая в чем дело. И снова вагон погружается в гробовое молчание. Скрежет трамвайных колес на поворотах да нервные треньканья вагоновожатого перед остановками лишь усиливает его...

Техникум бурлит. Моими друзьями верховодит староста Витька Маврин. Он предлагает немедленно скинуться по трояку на венок. Витька парень тертый и абы чего не ляпнет. Его слушаются беспрекословно. Приземистый, с заметными залысинами, Витька выглядит гораздо солиднее нас. У него на лацкане пиджака красуется значок спортсмена-разрядника по прыжкам в воду, а кроме того, за его плечами школа водолазов. А это, сами понимаете, не хухры-мухры! Сын дворничихи приучен с малолетства зарабатывать себе на хлеб. По его наводке после занятий мы отправляемся на халтурку: колом дрова и разносим их вязанками по квартирам. Во многих домах отопление печное, и работенки по осени нам всегда хватает. А еще он берет нас с собой на сортировочную станцию разгружать пульманы с овощами. Вот уж где хребтину наломаешь. Зато лишняя монета благодаря Витькиной смекалке у нас не переводится. В последний раз мы взялись разгрузить пульман с картошкой. Ее следовало насыпать в ящики и укладывать в штабеля на перроне. К вечеру мы основательно подсыхли. Обратились было за подмогой к грузчикам, но те заломили несусветную цену, так что пришлось отказаться от их помощи. Тело ломило, руки не гнулись. В полночь мы выгребли картошку из вагона подчистую. Трамваи не ходили. Мокрый снег лепил в глаза. В дополнение ко всем бедам у меня оторвалась подошва. Пришлось примотать ее проволокой. Я шел в подслеповатой тьме, чавкая раздолбанным ботинком по слякоти, увертываясь от снежных зарядов, шел несгибаемой поступью пролетария пульмановского труда.

На ноябрьскую годовщину, новогодний праздник или Первомай мы собираемся в Витькиной дворничихой комнатенке-подклетки с дугообразным потолком. Стол накрываем вкладчину. Денег с сокурниц не берем. Так заведено Мавриным. Его мамаша готовит на всех тазик винегрета. Мы в свою очередь покупаем кабачковую икру, килек, трески горячего копчения и, если повезет, то и пару баночек шпрот. Из горячительного берем, что покрепче и подешевле. Чаще всего выбор падает на “Дубняк”, вяжущий рот. Но, выдерживая марку, мы не подаем вида, что пьем несусветную пакость. Для девчонок приобретается торт, украшенный ядовито-фиолетовой розочкой, изваянной кондитерами из чистейшего маргарина, и бутылочку приторно-сладкого ликера. Розочку в завершении застолья разыгрывают на пальцах. Счастливчик, на долю которого выпадает выигрыш, уплетает ее под обильное слюноотделение остальной братии. А потом устраиваются танцульки под патефон: “О море в Гаграх, шум прибоя в Гаграх...” Разумеется, шуры-муры, но распускание рук исключается напрочь. В школах мы учились раздельно, и только техникум свел нас вместе с девчонками. Так что подружки воспринимались нами как существа, сотворенные исключительно из эфира, принцессы.

Все поддерживают инициативу старосты. Предлагается, не рассусоливая, выбрать делегатов и немедленно отправить их вечерним поездом в Москву. Цыганистый, заводной с пол-оборота Генка Рожин идет и того дальше. По его разумению, следует немедленно написать коллективное заявление о приеме всего нашего гидроакустического отделения в комсомол. Втиснутая в темно-коричневое платье, насквозь прокуренная математичка с гладко зализанными волосами, стянутыми на затылке в тугий пучок, проходя мимо, приземляет нас:

— Никому не расходиться! Скоро траурный митинг. Принесите из подвальной кладовки в актовЫй зал портреты членов Политбюро.

Вскоре после смерти Сталина меня приняли в комсомол. А уют, точнее, уюги мне понадобились в апреле и вот для какой надобности. Весна выдалась бурной. Она одарила город редкостным теплом. Забияка ветер загнал за Кронштадт неприглядные серые тучки. Очищенное от облаков небо заголубело. На нем с утра до утра сияло солнце. Отчаянные девчонки перепугали мини-юбками ноздреватые сугробы до того, что те расплзлись по темным закоулкам. Сосульки во всю заксилофонили капелью, а хрустальные эполеты водосточных труб крошились на глазах у прохожих. А у стен Петропавловской крепости любители загара открыли свой пляжный сезон.

Надо сказать, что коренные питерцы помешаны на загаре. Приликая телами к гранитной облицовке Трубецкого бастиона, наиболее защищенного от продувных сквозняков, самые закаленные из петербуржцев уже к середине мая, времени цветения черемухи и ледохода на Неве, успевают “сгорать” до черноты. К тому же Петропавловка слыла не просто пляжем, а элитным клубом. Новичок вычислялся сразу. Он не умел причалить к берегу льдину соответствующих размеров, не догадывался насыпать на нее песочку с горкой. Приблудный лох страшился встать на песчаную “подушечку” голой стопой и другой ногой изящно оттолкнуть свой “плотик” от берега. Проплывать на дрейфующей вдоль береговой линии льдине полагалось в позе оловянного солдатика. Ни в коем случае нельзя было показать, что холод пробирает тебя до косточки. Правила требовали сохранять полное бесстрашие на лице, игнорируя при этом восторженные взгляды дилетантов. Уловив миг, когда течение утаскивало льдину на быстрину, надо было небрежно нырнуть в обжигающую стылость невской воды. А затем, вспоров поверхность реки кролем, оставив за собой бурный след, выбросить свое тело на пляжную кромку и как ни в чем не бывало встать на колено, затем распрямиться во весь рост и, не отряхивая капель, небрежно пройти на свое место к гранитной стене бастиона и вновь замереть у нее сфинксом. И только тогда завсегдатаи Петропавловки награждали смельчака аплодисментами.

В тот самый апрель мой закадычный приятель Дзюба купил в промтоварном магазине хбэшные трусики, которые сидели на нас в облипочку. О шортах, плавках из эластичных материалов и подобных пляжных роскошествах мы и слыхом не слыхивали. Футболисты и те бегали по полю в черных сатиновых трусах до колен. Их называли по-разному — то “парусами”, то “семейными”. Такие трусы носили дома, в них щеголяли и на курортных югах. Правда, наиболее привередливые представители сильного пола, желая повообразать, подворачивали “паруса” повыше, чтобы оголить бедра настолько, насколько позволялось тогдашними приличиями. Так что добытые Вовкой трикотажные трусы, сидевшие чин-чинарем, заранее делали нас королями наступающего пляжного сезона. Но Дзюбу удручала моя хилость. Поразмыслив, он разработал для меня целую программу подкачки мускулатуры гантелями. Учитывая их отсутствие, он предложил заменить гантели утюгами. В моей коммуналке мы отыскали четыре штуки. Еще парочку Дзюба притащил из своего дома. Получалось по три штуки в руку. Вовкин комплекс упражнений состоял из ста приседаний, пятнадцати выжиманий утюгов и так до посинения. В кухне около раковины мы расчистили площадку, убрав оттуда стиральную доску и тазы с облупленной эмалью. В первый раз меня хватило на три подхода. На дрожащих от перенапряжения ногах я уныло пошелся в комнату. Там Дзюба завертел меня перед подслеповатым, в человеческий рост, трюмо. Ему хотелось, чтобы я сам попробовался на свои вздувшиеся от упражнений бицепсы. Но как он ни крутил меня, какие позы циркового атлета ни заставлял принимать — зеркало не лукавило. Был тощей макарониной, ею и остался. Однако накачку мышц решили продолжать. Мы свято верили, что через неделю, на худой конец другую, достигнем желанной цели. Наша коммуналка оказалась не самым подходящим местом для ковки идеальной пляжной фигуры. В середине следующего занятия на кухню прямо в своей пожарной прозодежде заявился сосед — старший Дедов. Не снимая пропахшую дымом брезентовую робу, не обращая внимания на нашу мельтешню с утюгами, он соорудил себе тюрю. В алюминиевую миску Дедов накрошил хлеба, добрил его чесноком, солью, подлил в миску

немножко растительного масла и затем добавил туда... чекушку водки. По его собственному выражению, чтобы "оттудобило". После тушения пожара ему требовалось загасить чем-то ядерным свой нутряной огонь. Ел он свою крошку степенно, с расстановкой, предложив и нам разделить с ним трапезу, но мы отговорились необходимостью придерживаться спортивного режима питания.

От утюгов я отупел. Толку от них никакого. Прогнивший пол на моем физкультурно-оздоровительном пятачке рядом с раковиной просел так, что соседи могли и шею намылить. Выходило по всему, что пляжный сезон на Петропавловке придется пропустить. Стыдно появляться на нем бледной маркиной. И лишь Дзюба не унимался:

— Конечно, если бы двухпудовую гирьку добыть! А может, тебе махнуть рукой на утюги и в борцы податься? Я тут на объявление наткнулся — в спортклуб набирают тяжеловесов. Ты у нас гляди какой жердиной вымахал!

Ни во сне, ни наяву я, сколько помню, борцом себя не мнил. Даже сама мысль об этом казалась мне дикой. Единственное, что можно было воспринять как некое предвосхищение моей будущей судьбы, так это художественные каракули на последних страницах школьных тетрадей, где краснозвездные танки и самолеты в пух и прах разносили фашистскую нечисть, а былинные богатыри изничтожали пришлых врагов-разбойников. В техникуме мне довелось побыть и фехтовальщиком, и лыжником, но эти секции просуществовали недолго. Тогда я загорелся волейболом. Но в команду меня не ставили, потому что лупил через сетку куда ни попадя и гонялся по площадке за всеми мячами разом, расталкивая своих же игроков. Меня из великой милости брали на соревнования в качестве запасного. Лишь однажды по какой-то причине не явился на городские соревнования игрок из нашего основного состава. И тогда, чтобы команда не схлопотала "баранку", меня выпустили на площадку. На свою беду я перестал даже таскать с собою форму. К чему мне она, если сидишь сиднем на скамейке запасных? Выручили девчонки. Они одолжили мне свою одежду. Судьи вначале запротестовали, но по формальным признакам придраться оказалось не просто: цветовая гамма нашей техникумовской команды была налицо. Ну и что из того, что сатиновые трусы у меня не мужского покроя и собраны в оборочку на бедрах, а футболка с вырезом из груди. Мое появление на площадке зрители встретили гомеорическим хохотом. Они восприняли все происходящее как нарочито шутовство. А я с горящими глазами, распахивая товарищей, бросался наперерез всем мячам подряд, спасая честь родной команды. Какое мне дело до зубокальства трибун, их хохота и свиста, мне, охваченному всепоглощающей страстью к волейболу. Матч мы проиграли. Ко мне подошел тренер. Он не ругал меня, а как-то раздумчиво произнес, адресуясь не ко мне лично, а так, в пространство:

— В борьбу тебе что ли податься, а?!

Дзюба убаюкал-таки меня, и, поколебавшись, я решился испытать судьбу.

На Фонтанке, ошалев от весны, куролесит ветер. В городе резко похолодало оттого, что расцвела черемуха, и по Неве, скрежеща, налезая друг на друга, поплыл ладожский лед. Ветер подгоняет тычками, толкает в спину, и, окрутясь, заскакивает наперед. Чтобы противостоять напору, приходится продвигаться, чуть ли не грудью ложась на него, придерживать то шляпу, то развевающиеся полы перелицованного отцовского пальто. Цоканье каблучков. Поднимаю необычную от ветра голову, вижу разодетую в пух и прах девчонку. Окидываю ее взглядом, пытаюсь придать лицу выражение видавшего виды ловеласа. Если посмотреть на меня со стороны, то и я вроде кавалер хоть куда. Шляпа велюровая, зеленоватого цвета — одна такая на весь Питер. Да и пальто, хоть и великовато, но наброшенное на плечи на манер испанской мантильи, выглядит вполне стилижно. Девушка, бросив на меня мимолетом оценивающий взгляд, кривит в усмешку губы. Заметила-таки стервоза мои кирзовые сапоги. Весь гонор тут же слетает с меня. Сколько их ни ваксил, ни драил бархоткой, добиваясь ботиночного блеска, а усмотрела вредина кирзуху. Девчонки и след простыл, а мне расхотелось куда-то плестись, зачем-то записываться в борцовскую секцию. Да и примут ли?

Может, дадут от ворот поворот. Облокачиваюсь на чугунную решетку набережной. Грязно-желтая мутная вода Фонтанки вспучилась, пытаясь лизнуть подошву Аничкова моста.

Не то соринка, не то ресница попадает в глаз. Вот возьму и бултыхнусь сейчас в Фонтанку с головой, и всем моим метаниям конец. Только противно захлебнуться канализационной жижей. И я тащусь в зал, ведомый каким-то непонятым, еле различимым гласом. Он будто подталкивает меня в спину, не дает увильнуть в сторону. С набережной сворачиваю на мост, иду к цирку, за ним Манеж, под сводами которого прописан спортзал. Старушенция-вахтерша объясняет, как пройти в раздевалку. В ней не протолкнуться. Кто-то принимает душ, кто-то спешно одевается, освобождая шкафчик для другой смены. Под ногами на цементном полу решетчатые мостки, под ними натечные лужи из душевой. В воздухе пар. Меня бесцеремонно толкают со всех сторон. Наверное, за версту видать, что новичок.

— Куда сапоги суешь, салага! Спички под веки вставь что ли! Дверь в душевую закрой — пару, вишь, сколько напустили, раздолбай! У тебя есть мочалка? Дай сюда! В случай чего, оставлю ее на кране!

Стараюсь от всех этих тычков сжаться, стать незаметнее. Натягиваю на себя купленное в магазине темно-синее хлопчатобумажное трико. Наверное, в этом обличии я хоть чуточку буду похож на остальных. Куда там! Оно теплеется на моих мослах. В раздевалке парко, а меня пробирает колотун. Очки запотели. В мареве едва различаю расплывчатые торсы. У борцов толстенные, короткие шеи, не шеи, а паровозные трубы. А уши, уши-то! Смятые, похожи на пельмени. У дверей борцовского зала топчусь в нерешительности. Толстогубый верзилка с буйной негритянской шевелюрой бесцеремонно, будто пушинку, отодвигает меня в сторону.

— Ты либо туда, либо обратно! — трубит он басом.

Пугаюсь при виде эдакого битюга. Силач небрежно, по-свойски, распахивает дверь в спортзал. Оттуда на меня накатывает волна незнакомого запаха, состоящего из смеси человеческого пота, конской мочи и сырых опилок. Голова от такого аромата идет кругом. Мне хочется по-щенячьи заскулить, завилать хвостиком, чтобы приотили, чтобы не запинали здесь ногами. И, пересилив себя, вобрав полной грудью пахнущий нашатырем воздух, зажмурившись от страха, я переступаю порог борцовского зала...

И будут из меня всяк кому не лень вить веревки и обзывать мешком. Всё будет. Появится со временем сила, а с сединой и равнодушие к бицепсной накачке. Не пройдет лишь удивление перед блеклым ростком, который, пробиваясь к свету, оказывается способен ломать бетонные плиты.

Мертвая зона

Меня принимают в самбисты. Я мало что смыслю в борьбе, но само это слово звучит задиристо, почти как загадочное джиу-джитсу. Дзюба не ожидал, что я решусь податься в “борьбисты”. Но все сложилось более чем удачно. Набрался духу, переступил порог зала, никто не шутанул, вот и весь сказ.

В спортклубе на меня внимания не обращают. Разве что используют в качестве “мешка”. Вообще-то для отработки бросков в уголке валяются дерматиновые болваны, набитые отходами от пряжи. Они в человеческий рост, с растопыренными культиями — руками и своей безликостью напоминают истуканов. Их почему-то обзывают “Иван Ивановичами”. Однако на тренировках к их помощи прибегают неохотно. Болваны увесисты, не гнутся и в нужную диспозицию для отработки броска чучело просто так не поставишь. Так что на меня спрос. В благодарность меня посвящают в секреты подсечек. Бросок на непросвещенный взгляд простецкий. Ухвати партнера за отвороты куртки покрепче, мотни в сторону, да так, чтобы он потерял равновесие. И тут же подсекай выставленную вперед его опорную ногу. В отработке у меня получается коряво, но я не расстраиваюсь — куда мне торопиться, когда-нибудь все сладится само собою. А еще мне приходится упорно отрабатывать “страховку”. Если не наловчишься в группировке падать на ковер,

лучше не выходить на помост. Шваркнул так, что костей не соберешь. Одним словом, варюсь в собственном соку, потому что наш тренер Марк Гиршович, отчество которого я грешный забыл за давностью лет, себя особо не утруждает. Он раздает указания со скамеечки, видимо, считая, что не царское дело бронзовому призеру первенства страны в легком весе опускаться до мелочевки. Маркович — так мы зовем его между собой — заявляется в зал в песочного цвета пиджачке, вещичке явно заграничной, и снисходительно цедит, обращаясь непонятно к кому:

— Это не зарплата, а пособие по безработице.

Для солидности наш коуч обзавелся усиками. Он поучает нас, что каждый уважающий себя мужчина должен обладать куском ухоженной растительности. Усы заботят его больше, чем наши спарринги. Они выглядят на его матовом лице вроде нашлёпки. Непонятно, под кого косит Маркович: то ли под голливудского киногероя Дугласа Фэрбенкса, то ли под Раджа Капура, чей Бродяга вызвал у женского населения припадки обожания.

Свои занятия, памятуя отношение к борьбе в нашей семье, скрываю от родителей. Дома всех уверяю, что записался в мотоциклетную секцию. В техникуме про свое увлечение тоже молчок. Если в самбо пойдет все не так, то сокурсники, сведущие о моих волейбольных подвигах, засмеют.

В спортклубе суматоха. Вот-вот стартует чемпионат города среди юношей. А нашей команде для полного комплекта не хватает тяжеловеса. У меня опыта никакого, зато с килограммами порядок — вешу за восемьдесят. Маркович, поколебавшись, все же включает меня в основной состав. Теперь на тренировках приходится нагружаться вдвойне. А тут, как назло, на меня еще и в техникуме взвалили общественную нагрузку, предписав участвовать в подготовке ежегодного осеннего бала.

Состязания проходят в Доме культуры, расположенном между цирком и Невским проспектом. Ковер уложен на сцене. Раздеваемся в партере, наваливая одежду грудой на спинки кресел. Меня оставляют за сторожа, руководствуясь тем, что тяжки борются последними. Товарищи по команде трясутся, а мне все их переживания побоку, потому что включен в состав вроде довеска, и особого результата от меня никто не ждет. А потому я ротозейничаю. Жеребьевкой совсем не интересуюсь. Какая разница, с кем цапаться. Дожидаюсь Дзюбы. Приятель учится на мастера-ремонтника холодильных установок. Сегодня у него уйма занятий, но он обещал увильнуть от них, чтобы поболеть за меня.

В партере тянет сквознячок. Набрасываю на плечи куртенку. Нет-нет, да поглядываю на сцену. Отчего-то на меня нападает сонливость. Спать вроде не хочу, а рот сам собою раздирается до ушей. Скулы так и воротит. Постепенно меня разбирает любопытство. Наконец-то вижу не тренировочные тяни-толкай, а настоящие схватки.

Судья-информатор на весь зал чеканит фамилии очередной пары самбистов:

— В красном углу ковра... спортивное общество “Труд”... первый юношеский разряд... в синем углу... приготовиться...

Арбитр дает свисток, соперники, поздоровавшись в центре ковра, минуют друг друга, делают по ходу движения еще по два шага и, развернувшись, принимают боевую стойку. Каждая последующая пара в точности повторяет этот ритуал...

У меня еще уйма времени до вызова на ковер. Выбираюсь на свежий воздух, в сквер рядом с Домом культуры. Хочется пораскинуть мозгами, а то башка от гвалта раскалывается. Сквер устлан багряной листвой, щедрыми дарами бабьего лета. Если брести, загребая ее ногами, то она тянется за тобою шуршащим лисьим хвостом. Чуть не сминаю каблукком стрекозиное крылышко кленового семечка. Сентябрь оставил от него лишь сеточку из прожилок. В пионерии, верные заветам Вождя, мы немало насобирали их, а еще желудей, стручков акаций, сливовых косточек — для сталинских лесополос. Ими ограждали пахоту от суховеев. Впрочем, меня заносит явно не туда. Ну, поручкаюсь с противником, разминусь с ним. А может, пошустрей прошагать “слепую” зону и, пока он то да се, взять и нарисоваться перед ним эдакой

сивкой-буркой, вещей кауркой, пар из ушей, огонь из ноздрей! Фу-ты! Бредятина какая-то! А вдруг выгорит! Откладываю решение на потом. Лучше о схватке вовсе не думать. Вот вернусь после соревнований домой и уговорю отца поступиться своим костюмом. Он у него единственный, на все случаи жизни. Батя, при своей застойной, кабинетной работе, уберегая от износа пиджак, надевал сатиновые нарукавники, чтобы локти не протирались. Костюм местами, конечно, залоснился. Не беда, утюжком пройду, отпарю, вот и буду выглядеть ништяк. Тем более что шит он из добротного сукна коричневого цвета, и полосочки у него в елочку. Мне костюм великоват. Особенно брюки. Но если их зашпилить булавкой в поясе, а затем подцепить на подтяжки, то никто ничего и не заметит, фокстротничай хоть целый вечер, не свалятся. Если дело выгорит, то надену бордовую рубашку из вискозы. Она давно дожидается своего часа. Я все, разумеется, примерил заранее. Надел костюм, рубашку, повязал припасенный для такого случая кремового окраса галстук. Посмотрелся в зеркало — смахиваю на стилиягу. Мне бы только поднабраться всяких их выраженьиц: “чухиха”, “фарца”, “лабать”, “шузы”, и тогда можно пригласить на медленный танец саму Ритулю. Только бы не ступешаться! Впрочем, чего разводить турысы на колесах, закончится турнир, тогда и посмотрим...

Пары за три до своего поединка пробираюсь за кулисы. Там декорация на декорации, зато никто не подсматривает за моей разминкой. Разогреваюсь по науке: приседаю, кручу коленками, кистями, тру уши, верчу тазом, сажусь в разножку. Имитировать подсечку приходится рядышком с бюстом Ленина. Подслеповатый свет отбрасывает на лицо Ильича тени, и от этого гипсовое изваяние словно оживает. Похоже, что Ильич с прищуром вслушивается в странный гам, явно не революционный, доносящийся к нему из зала. Сквозь шум едва улавливаю свою фамилию. Спешно выбираюсь из тайника на сцену. В противоположном углу ковра мнетя соперник. Успеваю разглядеть его: белесая дылда с прыщавым лицом. У нас на Лиговке такие возрастные язвочки зовутся хотимчиками. Мне бы на него разозлиться, чтобы сподручнее было драться. В дворовых стычках получалось, а тут, сколько ни пыжусь, злобы ни капельки. По судейскому свистку сходимся на середине ковра. Здороваемся. Попав в мертвую зону, я стремительно разворачиваюсь и подкатываюсь под ноги белобрысого. Обернувшись, он на какую-то долю секунды потерянно замирает, потому что я, в полуриседе, турнул его в колени. От моего наскока он плюхается на ковер. Судейский свисток не заходится в запретительной трели, значит я могу развить атаку...

Все дальнейшее помнится смутно. Мы, наскაკивая друг на друга, рычим, сопим, бодаемся, вцепившись в куртки. Вместо того, чтобы делать подсечки по-научному, просто лягаемся. Белобрысый, наверстывая упущенное, прет рогом. Едва успеваю увертываться от его наскоков. Мне явно не хватает дыхалки, и он вот-вот доберется до меня...

Звучит финальный гонг, но в запале я не слышу его! Арбитр силком сводит нас в центре ковра и вздергивает мою руку вверх. Всего на какую-то крохотулю, четвертушку балла, но я обошел белобрысого.

Потный, взъерошенный, не совсем осознавая, что же на самом деле произошло, сползаю со сцены. На меня наваливается Дзюба. Он дубасит меня кулаками по спине. У него с недавних пор это вошло в привычку. Приятель решил, что если я причислен к тьякам, то любые тумаки мне теперь нишчем. Вокруг кучкуются все наши.

— Ты! Прошлогодного чемпиона отволтузил!

У меня ёкает сердце. Ляпни кто-нибудь о его титуле заранее, перетрусил бы насмерть. Так неведение спасло меня от срама.

Обозначается Маркович. Обняв за плечи, уводит меня подальше от всех, в вестибюль. Прохаживая словно взмыленного жеребца после забега, тренер косится на меня с плохо скрываемым удивлением. Оказывается, его очень заботит мое житье-бытье. А что в нем особенного. Всё как у всех. Живу в коммуналке. Из еды: борщ, картошка, квашеная капуста, макарены по-флотски, а на сладкое взвар. Вижу, что слово “взвар” Марковичу непонятно. Разъясняю, что это похоже на столовский компот, только гораздо

наваристее, потому что настояно на сушеных вишнях, грушах, черносливе, яблоках и терне.

Известие о моей победе вызывает у родителей удивление. Отцу только теперь становится ясно, куда это я пропадал вечерами. Он недоверчиво крутит почетную грамоту. Прочитав вслух все, что в ней написано, батя одобрительно хмыкает. И тут же недоуменно смотрит на меня. Оказывается, на документе не проставлена печать. Ему надо, чтобы все было чин по чину, как в его бухгалтерских отчетах. Не мешкая, достаю из фибрового чемоданчика, атташе-кейса тогдашней поры, свой приз — новехонький лыжный костюм из коричневого вельвета в рубчик. Обновке рады. Она не моего размера, зато вполне сгодится для брата.

С балом вышла накладка. Его перенесли на весну, приурочив к Пасхе. Мы толком не разобрались, зачем понадобилась перетасовка. Самый ушлый из нас, Витька Маврин, растолковал нам: чтобы такие, как мы, пентюхи не потащились в церковь, глазеть на крестный ход. Несмотря на сдвижку, весенний бал удался. Жаждающие приобщиться к джазу брали техникум на абордаж. Вот только к красавице Ритуле я так и не дерзнул подступиться. К ней и без меня выстроилась целая очередь ухажеров. Но, кружась в вальсе, она несколько раз со значением посмотрела в мою сторону. Думал черкнуть ей записочку. На наших танцульках всю работала почта. Каждому выдавался номер и, высмотрев девчонку поинтереснее, можно было через письмоносца послать ей записку в надежде на ответ. Мне передали цидульку, в которой незнакомка с восхищением отозвалась о моем римском профиле. Я разобиделся, не имея понятия, что сие означает. Ответ мой был лаконичен:

— А на твоём лице черт горох молотил!

На том обоюдный обмен любезностями и закончился.

Я брел по пустынным улицам, пытаюсь разобраться в собственных переживаниях. Надо все же было набраться духу и пригласить Ритулю на танец, а потом в “Лягушатник”. Свое прозвище это популярное среди нас кафе на Невском получило из-за интерьера: травянистого цвета обоев, пуфиков, обитых зеленым плюшем, и внушительных размеров аквариума. Но его привлекательность заключалось не в этом. Всего за трешку в нем можно было заказать себе и даме по коктейлю с интригующим названием “Шампань-коблер”, по вазочке мороженого и по чашке турецкого кофе. Сколько в ту “шампань” нацеживали “коблера”, никого не интересовало. Главное, что этот “изысканный” набор позволял ощущать себя кавалером. Опасаться нужно было лишь того, чтобы твоя пассия ненароком не разохотилась и не превысила лимит. Ритуля, если соблаговолит пойти со мною в кафе, наверняка зафорсит и попросит официанта полить порцию мороженого не вишневым вареньем, а необычным, зеленоватым, с запахом сосновых побегов. А я замечу ей, что его готовят из сухумских фруктов “фейхуа” и что это название запомнить проще простого, так как оно схоже с наименованием главной китайской газеты “Синьхуа”...

Пребывая в грезах, я и не заметил, что очутился у Казанского собора. Лучи восходящего солнца пронизывая анфиладу колонн, подчеркивали их органную стройность, позолотили крылья грифонов на горбатом мостике чуть позади собора и придали пасхальную красочность маковкам храма Спаса на Крови. Город досматривал предутренний сон, и я казался себе единственным свидетелем рождения дня, если не считать шофера поливальной машины, которая, пофыркивая моржовыми струями, умывала Невский проспект.

Виноград... вино... и Солнце...

В спортклубе творится невообразимое. Исчез Маркович — испарился! Был и сплыл, вместе со своими холеными усиками, словно нашего тренера никогда и не существовало. Много позже кто-то рассказал, что его уволили за “излишне частое общение с иностранцами”. Но он не сгинул, а кружными путями добрался-таки до Брайтон-бич. Предоставленные самим себе мы, погоревав, разбрелись кто куда. На меня навалились госэкзамены. Они

требовали усиленной подготовки. А потом возникла возня вокруг распределения. Ленинградцев не трогали. На них оборонные предприятия города прислали свои заявки заранее. А вот иногородним приходилось туго. Они разбегались кто куда. Среди наших бунт поднял Генка Рожин, мол, чего это питерцы пропиской прикрываются. С ним согласился Витька Маврин. Мы долго судили-рядили, куда нам вместе податься, и сошлись на том, что надо проситься в Молдавию:

— Винограда там завались, теплынь, винище из бочек прямо в пивные кружки цедают, ну и женский пол — страстней не бывает! — похвалялся своими познаниями о южном крае наш бывалый староста.

Понятно, что от предвкушения вольной жизни наши мозги съехали набекрень. Комиссия хоть и со скрипом, но решила отправить нас в Бельцы, на номерной завод. Мои сборы сопровождалась родительскими стенаниями. Но кто в семнадцать лет обращает внимание на такую мелочь? Готовясь к поездке в Молдавию, я принарядился согласно последним веяниям питерской моды. Мой новехонький пиджак был сшит из ткани ослепительно бирюзового цвета. Портной в ателье вначале решил, что к нему пришли заказать дамский жакет. На брюки в дудочку денег не наскреблось. Но чтобы выдержать общую линию, я приобрел гимнастические трусики. Дзюба раздобыл у фарцовщиков корочки — ботинки с замшевым верхом, на “манной каше”, пружинящей подошве из какого-то каучуку подобного материала. Обозрев обновы, приятель съехидничал:

— Не хватает галстука с обезьяной на пальме. Нарвешься на дружинников, они твои дудочки мигом расклевшат.

Наезд Дзюбы меня задел. Раньше мы понимали друг друга с полуслова, а тут вроде кошка какая-то между нами пробежала. Может он и прав! Видок у меня слегка попутанский. Но в каждом попугае есть что-то от Наполеона и в каждом Наполеоне от попугая.

Вся авантюризм нашей молдавской эпопеи проявилась буквально через несколько дней по приезде в Бельцы. Возвращенные полноводной Невой, мы обнаружили здесь речку-переплюку и три озерца: Кирпичное, Комсомольское и Городское. Одни их названия говорили сами за себя. Не вешая тем не менее носа, мы решили с размахом отметить нашу свободу, благо располагали подъемными. Рядом с базаром мы набрали на забегаловку из крашенной синькой фанеры. Несмотря на различные климатические зоны, они везде выглядели однотипно. В народе их почему-то ехидно прозвали “голубыми Дунаями”. Более солидные заведения, возведенные из кирпича, в Питере именовались “дотами Маннергейма”. Буфетчица, она же и официантка, мы как-то сразу не приглянулись. И от вертуте с тыквой нос воротим и от плагинды отказались, заказав самое дешевое блюдо — мамалыгу. Официантка особо взъелась на нас после того, как Генка Рожин попросил ее принести свежего пивка.

— Пиво теплое, — холодно парировала она.

— Тогда пуганите тараканов, которые шастают по столу.

— Это не нашеньские, — как ножом резанула буфетчица, — своих прищипали, сами и гоняйте!

Генка завелся:

— Не отвертитесь! Смотрите, они одеты в тугошние национальные костюмы!

Перепалка приняла необратимый характер. Оскорбленная официантка удалилась в подсобку и затрындела по телефону что-то непонятное нам. В тот момент, когда Витька Маврин потребовал от нее жалобную книгу, чтобы настрочить заявление на мух, облепивших недоеденный им кусок мамалыги, в забегаловке нарисовался мильтон. Он полубоштытствовал, каким ветром нас занесло в Бельцы, проверил наши паспорта и выпроводил из забегаловки. Свежевыпеченную лепешку и молоко мы купили на рынке и тут же все умяли, ни чуточки не сожалея о случившемся. Однако через неделю в заводскую общагу нагрянул вооруженный патруль. Рожина и Маврина доставили в горвоенкомат под конвоем. Шел осенний призыв в армию, и их загребли до кучи. Так что мне самому пришлось налаживать свой быт.

В общежитии мне как молодому специалисту выделили клетушку, в которой помещались железная кровать, тумбочка и табуретка. Завхоз из казенного имущества выдал под расписку ватный тюфяк, подушку с наволочкой, две простыни, застиранное вафельное полотенце и тонкое байковое одеяло. На заводе рядили-гадали, куда меня пристроить без ущерба для основного производства. На первых порах доверили секундомер и поручили фиксировать в журнале синхронность вспышек проблесковых маячков на речных буях — побочной продукции номерного завода. Через неделю я взбеленился от вспышек, от всепроникающей пыли, испепеляющего зноя, гор болгарского перца на рынке и вина, которое на всех городских перекрестках нацеживали в любую емкость из бочек-прицепов. В меру моего тогдашнего понимания эта кислотина вчистую проигрывала общенародно любимому портвейну “777”. Что же касается темпераментных представительниц слабого пола, то и тут меня ждало полное фиаско. Дело в том, что никто, никогда, даже под страхом смерти не мог заставить меня самого познакомиться с девчонкой, тем более на улице. Оставалось одно — бомбардировать ленинградский спорткомитет телеграммами со слезной просьбой вернуть меня на берега родной Невы...

Что же касается “мертвой зоны”, то к этому трюку я никогда больше не прибегал. Изменились правила, повзрослел, да и понял, что вместо мелких ухищрений на ковре лучше включать мозговую соображалку. Борьба это блиц-шахматы. В нашем виде спорта некогда тугодумничать, у нас все соткано из мгновенных решений.

Капитан-лейтенант

В Питере вняли моим жалобным молениям. Расставание с Бельцами прошло безболезненно. Заводу и задарма не нужны были спецы, подобные мне. Спешить-то я спешил вернуться обратно, но брата дома и не застал. Его тоже призвали в армию. Сосед по коммуналке пристроил меня в номерной проектный институт. Он размещался в особняке на Фонтанке, недалеко от Аничкова дворца. Меня причислили к отделу, который готовил техническую документацию для строительства радиоэлектронных предприятий в КНДР. Мною руководила целая бригада инженеров, из которых Петров и Иванов оказались евреями, а Евреинов и Абрамов русскими. У них я был вроде мальчика на побегушках. За этим отделом, из молодых-необстрелянных, значился еще Асманов. Судя по его скуластости и разрезу глаз, он был явно татарских кровей. Однако ятаганный загиб носа заставлял подозревать, что в тщедушном теле Арсена бродят еще и армянские гены. Принимая во внимание мое хохляцкое происхождение, наша проектная группа оказалась в институте самой многонациональной.

Нашему отделу поручили подбор для китайских радиопредприятий металлорежущих станков. Следуя бюрократической логике, что все самые ответственные задания на производстве в случаях их государственной важности следует поручать работникам самого низового звена, его выполнение легло на наши с Асмановым плечи. Нас снабдили толстыми каталогами оборудования, производимого в китайских краях. В иероглифах никто из нас ничегошеньки не смыслил, поэтому мы подбирали станки по фотографиям. Особенно туго нам приходилось в последнюю декаду месяца, когда весь отдел, памятуя о премиальных, вскипал трудовым энтузиазмом. Мы, следуя общему порыву, тоже аврально выдавали наверх вороха бумаг. Наверное, из-за этой сумбурной спешки, помноженной на наше дремучее невежество, запуск “Нефритового зайца” на Луну китайцы смогли осуществить лишь полвека спустя, в декабре 2013 года.

В спортклубе тренировки то отменялись, то возобновлялись. И я оказался на перепутье. То ли забросить самбо и всерьез взяться за музыку, то ли еще погодить? А тут, как на грех, профком подкинул деньжищ на инструменты для духового оркестра. На самом-то деле мы под шумок собирались организовать свой джаз. За мной закрепили новый, ослепительно сияющий саксофон и разрешили подудеть в него и даже понажимать клапаны. Еще миг,

и прости-прощай моя борьба навеки. Однако, оказавшись без присмотра, я нет-нет, но все же, по собственной инициативе, выступал на открытых соревнованиях. Их в летнюю пору, по воскресеньям, обычно проводили на Кировских островах, где меня и присмотрел тренер по вольной борьбе Корнилов Виктор Гаврилович.

Приземистый, жилистый, стриженный под полубокс, он с первых же шагов взял меня в оборот, заставляя на каждой тренировке отжиматься, подтягиваться на перекладине, поднимать гири, взбираться по канату, непременно держа ноги уголком. И все это под бдительным оком его самого или супруги Марии Петровны. Она по мере надобности подменяла мужа на занятиях. Усаживаясь с вязаньем рядышком с ковром, Петровна, сноровисто орудуя спицами, щедро сыпала замечания, подражая своему мужу:

— Руку не выкручивай... коленочки подсогни... пяточкой его, пяточкой.

Их семейный подряд никого не смущал. В нем не было и грама корысти. Просто жена, постоянно пребывая с Гаврилычем на сборах, помогала ему как могла. Корнилов буквально дневал и ночевал на ковре. Но в своем азарте он стриг под одну гребенку и меня, блокадника, и остальных учеников, всех словно на подбор качков-крепьшей. Они играючи жонглировали пудовиками, а я, бедолага-хилjak, с ними мучился. Гаврилыч вначале пытался попускать меня, но затем махнул рукой, то ли посчитав меня сачком, то ли не желая тратить нервы на приبلудного самбиста. Зато на ковре я отыгрывался. Каждый норовил пройти мне в ноги. Но я не горбился! Ведь в самбо выше всего ценилась прямая стойка. Поэтому свой самбистский стиль я не стал поганить и подсечками.

Про хрущевские разоблачения “Вождя и Учителя” мы и слыхом не слыхивали. Да и откуда было чему взяться, если сам тот секретный доклад держали под семью замками. Вот когда взбунтовалась Венгрия, то вся наша семья испереживалась за брата. Перебросят его дивизию в Будапешт или оставят в Эстонии? Хватало и спортивных треволнений. Едва успели нарадоваться золоту наших лыжников и конькобежцев на зимней Олимпиаде в итальянском горнолыжном курорте Кортина-д’Ампеццо, как нас захлестнула подготовка к Спартакиаде народов СССР.

В самом начале июля всех стоящих борцов собрали в Манеже. К их числу по чьему-то хотению причислили и меня. Тренеры утрясли состав команды, раздали талоны на питание и объявили дату отъезда в Выборг, место проведения сборов. Для порядка у всех проверяли вес. Дошел черед и до меня. Небрежно взгромождаюсь на весы, считая эту процедуру простой формальностью. Чего за тяжеловесов-то беспокоиться? Мы не сгонщики. С другой стороны, взяло любопытство, сколько же у меня за лето нащелкало. Оттого и удивился, услышав: 95 кг! Не ожидал, что наберу такого лишку, и на лиговский манер бражаю тренеру, проводившему взвешивание:

— Брось трепаться-то!

По мгновенно повисшей в зале тишине почувствовал, что ляпнул не то, не тому и не в том месте. Только тут я увидел глаза человека, которого обложил чуть ли не матом. Передо мною стоял блондин в небрежно наброшенном на плечи черном кителе морского офицера. Он в упор разглядывал меня. В его взгляде сквозило нечто такое, что обдало спину ледяным холодком.

Никакие ангелы ни в какие серебряные трубы ничего не протрубили, и никто не известил меня, что судьба моя предопределена на многие лета вперед. Пробормотав в свое оправдание что-то нечленораздельное, я быстроухонько убрался в раздевалку, опасаясь, что меня комиссуют за нахальство, и тогда не видать мне спартакиадных сборов как своих ушей. Торопливо одеваясь, узнаю, что нахамил самому Преображенскому, главному тренеру сборной города. Ребята сочувствуют мне:

— Ну, ты и отмочил! Заруби на носу: меж нами он Серега, но на людях только Сергей Андреевич!

Вороша прошлое, понимаю, что мое трепетное отношение к Преображенскому зародилось именно в тот момент в Манеже. Подействовал скорее не его гипнотический взгляд, а что-то другое. Наверное, роль спускового механизма сыграл черный китель. Мне никуда не убежать от своих детских

воспоминаний: того солнечного, до рези в глазах, утра, заснеженного поля и цепи краснофлотцев, в черных бушлатах, тащивших нас, блокадных заморышей, на закорках.

В Выборге размещают в общеобразовательной школе, прямо в классах, освобожденных от парт. Разобравшись с кроватями, разложив по тумбочкам свой незатейливый скарб и наскоро перекусив, мы отправляемся в город. Выборг впечатляет своим финским флером, кладкой крепостных стен островного замка, бронзовым памятником Петру, рынком готической архитектуры и зданием гарнизонной гауптвахты. Преображенский, организовавший экскурсию, приберег для нас сюрприз. Оказывается, он договорился с командиром отряда сторожевых катеров, и те подогнали к причалу настоящую шлюпку. Распределясь по банкам, мы вразной заворочали почти галерными веслами. Наловив ими “лещей”, мы вскоре приноровились и более или менее слаженно выгребли в залив. Руки после морской прогулки у нас задубенели, поэтому прогулка по парку показалась нам развлечением. Мы всласть поблуждали в Монрепо среди высоченных сосен, ползали по скалам в лишайных разводах, до оскомины объелись черникой. Возникло ощущение, что я вернулся в свое детство в Каарлахту.

Наши тренировочные будни начались с того, что меня по чьему-то недосмотру подставили самому Прутковскому. Грузный, успевший обрести солидное пуздо, Борис кичливо носил на лацкане пиджака золотую медаль чемпиона страны, завоеванную им в позапрошлом году. Внешне она сходилась за лауреатскую награду и помогала ему в решении разной бытовой мелочевки. Прутковский хрипотцой своего голоса, раскатанными губищами и непролазной курчавости шевелюрой походил на Луи Армстронга. У него разве что цвет кожи был посветлее, чем у американского певца. В отсутствие кого-либо из старших именно Борис верховодил нами. Он был охоч до всяких дамских похождениям и со смаком рассказывал нам подробности своих волокитств. Его мог стреножить только Сергей Андреевич, который, делая вечерний обход, обрывал его любвеобильные историйки на полуслове.

После разминки Прутковский лениво пошвырял меня. Я особо и не противился, понимая, что мне отведена роль тренировочного мешка. Ну, а когда начался пуш-пуш, не то схватка, не то примитивная возня, он, видимо, захотел как следует погонять меня по ковру швунгами — разновидностями оплеух, чтобы я раз и навсегда запомнил в команде свое место. Он полез нахрапом, и я с перепугу хлобыстнул его через спину. Прутковский врезался в стену спортзала, чуть не снеся ногой батарею парового отопления. Та аж загудела от такого удара. Переполох поднялся знатный. К пострадавшему поспешил Преображенский. Помял ушибленный голеностоп, покрутил его туда-сюда и сыронизировал:

— Большой шкаф всегда громко падает.

Обращаясь к набезавшим помощникам, он, указывая на меня, потребовал:

— Этого с Борисом не ставить. Чего доброго, пальцем в глаз заедет. Молодой, необученный, чего с него взять?

И, обращаясь непосредственно ко мне, поинтересовался:

— Это тебя что ли во дворе Мишкой дразнили? Подходящее прозвание!

После тренировки Сергей Андреевич подозвал меня к себе и уточнил:

— Блокадник? — Поняв по кивку, что угадал, отчеканил: — С гирями не частить, штангой не нагружаться. Возни на ковре на первых порах с тебя хватит, а там посмотрим.

На сборах я обзавоюсь друзьями. Мне особенно нравилось отрабатывать приемы с Анатолием Албулом. Год назад, на первенстве страны, Толя, несмотря на молодость, стал вторым в полутяжелом весе, притом ничуть не зазнался. Анатолий то и дело устраивает мне на ковре “день авиации”. Это когда ты летишь после броска вверх тормашками и, не успев приземлиться на ковер, вновь оказываешься на “втором этаже”. Завороженный его мастерством, я не держу на него зла. В нем меня подкупает все: и его атлетическое сложение, и даже привычка постоянно поправляет свою шевелюру-разлетаюку. Он очень дорожит своим причесоном, тем более, что волос у Анатолия осталось всего-то на одну драчку. Из-за своей стеснительности

Албул держится несколько в стороне от моих новых товарищей: Ленки Колесника и Юры Тинькова. Почуввав легкую добычу, они мордуют меня в партере, выют из меня веревки в стойке и гогочут, приметив, что ребра у меня просвечивают на спине. Комичность ситуации заключалась в том, что легко-весы изгалялись над тяжем, а не наоборот. А еще я развлекал их своей гуттаперчевостью. По-йоговски заложив ногу за шею, я умудрялся, подпрыгивая на пятой точке, проскакать весь ковер по диагонали. Прежде всего я сдружился с Лёхой. Смуглый, с внешностью степняка, в обиходе не гневливый, он перед поединком, заводя себя, чернел от злости на соперника. На Сенной площади в витрине фотоателье красовались поясные портреты самых титулованных борцов города с муаровыми лентами через плечо, увешанными медалями и значками всех мастей. Нашлось там место и Лехе. Фотограф, заядлый болельщик, изрядно подретушировал его. Но Колесник и сам был не промах. Фотографируясь, он исхитрился втянуть в себя воздух так, что крылья его широковатого носа слиплись. Отчего на портрете Леха выглядел просто суперменом. Разумеется, он назначал свидания своим зазнобам на Сенной непременно у витрины “своего” фотоателье.

Кормили нас на трешку в день. Первым номерам причиталось по рублю сверху. На завтрак полагались три прозрачных лепестка нарезанного еще с вечера сыра, махонький кубик масла, пара кусочков сахара. Ломтики сыра от жары изгибались, будто намереваясь взмыть с тарелок ввысь, а на оплывшем брусочке масла просматривались папиллярные узоры пальцев раздатчицы. К этому набору чаще всего добавлялась овсяная каша, бутылка кефира на двоих и стакан кофе “из ведра”. Оно делалось тогда во всех общепитовских столовках страны по единому рецепту. Консервным ножом вскрывались банки со стуженным кофе. Их содержимое отправлялось в хромированный бак ведерной вместимости с кипяченой водой, где все перемешивалось деревянной скалкой. В итоге получалась тепловатая, приторно-сладкая жидкость торфяного цвета. Натыкаясь в модных в ту пору романах Ремарка на эпизоды смакования его героями кофе, я приходил в недоумение. Какие там дурманящие ароматы, какое там послевкусие!

Вместе с нами столовались марафонцы. Они поутру всем кулинарным изыскам предпочитали овсянку. Едва за ними закрывалась дверь, как мы смелтаи с их столов все остатки подчистую, не обращая внимания на этическую составляющую нашего разбоя. Обычно я засиживался в столовке до победного, надеясь на благосклонность поварих к парням нестандартного размера. Улучив момент, к моему столику подсаживался наш бирюковатый массажист, которому было под полтинник. Выглядел он странновато: тощий, лысый, какой-то снулый. Больше всего меня напрягали его веки, лишенные ресниц. У него пошаливала печень, и, соблюдая какую-то свою особую диету, он тщательно очищал от скорлупы сваренные специально для него вкрутую яйца. Потом бережно выковыривал чайной ложечкой желтки и откладывал их на край тарелочки. И только после всех этих хирургических процедур массажист с видимым вожделием съедал белок. Перекусив таким образом, он начинал свои поучениям:

— Разве раньше так нас гоняли?! У вас ведь сплошной цирлих-мырлих. Все по науке. А нас тренер приведет под вечер на кладбище, загонит на деревья и заставляет сигать с ветки на ветку, да с подвывом, по-волчьи, чтобы и самому, и проходим было страхолудно. Опять же, сырой свеклой кормили. Она от синяков лучшее средство. А вообще, паря, жизнь — штука сложная. Представь, что выгребаеть на лодке против течения. Напашеться, захочешь передохнуть, а бросить весла не моги. Только их сложил, глядь, а тебя сволокло назад, да пониже прежнего. Нюни, милок, не распускай, знай, гребь. Придет пора, все окажемся, где надо, и тогда и наотдыхаемся — вплоть до второго пришествия.

Почему он выбрал именно меня для своих философских правоучений, до сих пор понятия не имею. В другой раз, подсев за мой столик, он ни с того ни с сего вернул:

— Еды должно быть много, но невкусной, и плшой на наставления вроде “мойте руки перед каждым приемом пищи”. Организм, не совладавший

с примитивными микробами, не заслуживает право на земное существование.

Под занавес спартакиадных сборов Сергей Андреевич завел со мною разговор по душам: “Подайся в институт физкультуры. Там все твои дружки учатся. Кстати, откуда у тебя фамилия на “цкий”? Я “злякался” от его прямого вопроса. Заполняя всевозможные анкеты, всегда писал, что родители у меня служащие. Тренеру так и ответил, памятуя наказ отца: о корнях не распространяться.

На Спартакиаде народов СССР в общекомандном зачете верх одержали ленинградцы. Когда на закрытии Спартакиады шеренга питерцев появилась на стадионе, зрители встали и зааплодировали блокадникам, добившимся победы. Ребята шли, чеканя шаг, и у многих на глазах навернулись слезы.

Питерские “вольники” обошли всех соперников, и в этом им помогал убойный прием — “мельница”, изобретенный Серегой. Кстати, наш играющий тренер сам завоевал серебро. Именно тогда в борцовских кругах и заговорили о необычайной капитан-лейтенантской борцовской школе...

Эх, чавела!!!

У каждого крещеного человека есть свой ангел-хранитель. До поступления в инфизкульт я не подозревал о наличии своего собственного небесного защитника, уповая лишь на помощь Лёньки Колесника. Он перешел на второй курс, зная все ходы и выходы еще и потому, что его сестра преподавала в институте физиологию. Долговязая, с носом уточкой, она походила на валенок, если бы не ее серые глазищи. Сестра засиделась в старых девах, чему в немалой степени способствовала ее работа над кандидатской и общественно-профсоюзная нагрузка, и давно смирилась со своей участью. Но однажды ей привиделся сон, которому из-за своей идеологической подкованности не придавала значения. Она увидела себя на поляне. Из чащобы вышел старичок и, не доходя до нее шага два, остановился: “Знаю, тоскуешь по суженому! Не кручинься! Все сбудется! Хочешь на своего жениха посмотреть?” Старичок растворился в чащобе, словно его и не было, а навстречу ей из леса вышел парень, любо-дорого глядеть. О своем сне-наваждении она вспомнила через полгода, томясь в очереди за билетом на вечерний киносеанс. В сторонке неприкаянно мялся мужчина. Она чуть не задохнулась от сознания, что он тот самый, из ее грез, и что он сейчас решится и подойдет именно к ней. Все так и случилось. Робея, он попросил купить ему билет в кино. После их свадьбы ее муж-биохимик, оказавшийся тогда в Питере проездом в Ригу, влился в преподавательский коллектив института.

Ректор старейшего физкультурного вуза страны имени Лесгафта Дмитрий Павлович Ионов, будучи в прошлом неплохим спортсменом, хлебнув сверх меры окопного лиха под Ленинградом, иногда забывался и обращался к студенту со словами: “Милостивый сударь!” Он выделил молодежи нам крохотную комнатенку над аркой, из дугообразного окна которой отлично смотрелась скульптура Петра Францевича Лесгафта — родоначальника отечественного “физкультурия”. Молодожены многих приводили в недоумение. Она неказистая, а он плакатный прибалт. Они вроде не подходили друг другу, но с каким обожанием латыш смотрел на свою избранницу. Детей у них не случилось, и Лешка был им вместо сына, чем охотно пользовался: столовался у них, отсыпался днем на их койке и запросто ручкался с преподавателями всех кафедр института подряд. Так что в его лице я заимел очень надежного покровителя...

На медосмотре у меня выявили букет болезных недугов: близорукость, сколиоз и плоскостопие. Естественно, среди членов приемной комиссии зазвучали голоса, что с такой симптоматикой мне не осилить ни бег, ни коньки, ни лыжи. Колесник, напросившийся в комиссию добровольным помощником и сновавший для вида со всякого рода бумаженциями то туда, то сюда, будто невзначай обронил, что в сборной города за неутомимость меня прозвали лосем. Это было сущей правдой. В итоге медицинский барьер был преодолен. С грехом пополам разобравшись с общеобразовательными дисциплинами, я приступил к сдаче не менее важных спортивных экзаменов.

В бассейне требовалось проплыть полтинник, на стометровке — уложиться в 12 секунд, а на гимнастике, помимо прочего, продемонстрировать “склепку”. Температура воды в плавательном бассейне равнялась четырнадцати градусам, что заставило меня развить бешеную скорость. Со спринтом вначале не заладилось. Но Леха смекнул, в чем дело:

— Ты не под ноги себе смотри, а на финишную ленточку.

Последовав его совету, я уложился в норматив.

Из всей фехтовальной братии я теснее всего сошелся с Борей Мельниковым. Сближало блокадное прошлое. Выживая, он с братишкой отыскивал книги, проложенные прозрачными листиками рисовой бумаги. В дореволюционных фолиантах так предохраняли от порчи красочные иллюстрации. Они вырывали тонюсенькие листочки из книг и варили из них некое подобие кашицы. В подростковом возрасте Борю выбраковали из секции за тщедушность. Но мальчишка упрямился и попросил тренера разрешить ему отрабатывать технику в сторонке от всех. Оттачивая выпады в уголке, он про себя повторял магические слова команд: “Эд ву пре... анкор эн мэтр... апрэ альт”. Годы спустя золото Токио стало ему наградой за его отчаянное упорство...

Пловцы, руководствуясь своими рыбьими навыками, вели стайный образ жизни. Они частенько забавлялись тем, что изводили расспросами брассиста Борьку Смирнова. Картинный, рослый, с голливудской улыбкой, он обожал бахвалиться своими победами над женским полом.

Штангисты, не в пример прочим, ходили порознь и выделялись из общей массы студентов моряцкой походкой враскачку, руками враспаша и пиджачными шлицами на отлете, потому что пятые точки у них были необычайной крутизны.

Легкоатлеты тренировались в основном на вольном воздухе. Мы с ними редко совпадали. Но когда такое случалось, борцы сворачивали головы, пытаясь хотя бы издали повосхищаться копьеметательницей Эльвирой Озолиной. По институту бродили упорные слухи, что ее готовят на мировой рекорд. Конечно, и это подогревало наш интерес к ней. Но тоненькая черноволосая девчонка с газельими глазами завораживала нас, увальней, прежде всего своей грациозностью. Вот она разбегается, и перед тем как вложиться в бросок в пружинистом скоке... втором... третьем... зависает над землей... Может показаться странным, но подглядывая за ее “душой исполненным полетом”, мы не испытывали к ней какой-то особой чувственности. По-видимому, спорт исподволь приучал нас прежде всего ценить эстетику движения. Много лет спустя мне довелось столкнуться с ней лицом к лицу в Гурзуфе. В блаженном состоянии отпускника я лениво взирал на заходящее солнце, которое, цепляясь за плоскогорье яйлы, как бы зависло над ней. Уловив миг, веретенца кипарисных теней легли на воду и, слившись в частокол, потянулись к Адalaraм, торчащим из залива верблюжьими горами. Еще миг, и скалы покрылись пепельным налетом. Облачко, закутавшее вершину Медведь-горы белой чалмой, зарделось от закатных лучей. Хруст гравия вернул меня к действительности. По пляжу, вспугивая бакланов, брела молодая женщина. Птицы, лениво взмахнув крыльями, описывали полукруг и опускались на гальку у нее спиной. Брезгливо отряхнув перепончатые лапы, они прилаживали свои клювастые головы на вздутых зобах и впадали в прежнюю сытливую созерцательность. Женщина пошебуршила в гальке, высккивая плоский гольш. Изготовясь, она хлестко запустила камешек в море. Барражируя над поверхностью моря, гольш срикошетил раз восемь-девять и, клокнув на последнем “блине”, скрылся в глубинах. Несомненно, это была Эльвира Озолина. Оказывается, ее тоже пригласили в “Артек”. Я напросился к ней в гости. После выступления перед пионерами мы остались сидеть у догоравшего костра. В разговоре выяснилось, что в Ленинграде мы оба жили на Лиговке в доме с башенкой, известном в округе под именем “Дудинка”. Наверное, в дворовой кутерьме ссорились, мирились. Но ни она, ни я тогда не запомнились друг другу.

Борцы яхшались со всеми, отдавая предпочтение боксерам. Они, подобно нам, пахали до седьмого пота и не бахвалились тем, что старостой курса был назначен их тяж Лев Потоцкий. Его свернутый набок нос, иссеченное шрамами лицо говорили, что Лева приходилось побывать в самых серьезных

передрягах и отнюдь не только на ринге. Внушительный торс старосты сплошь покрывали татуировки. И лишь одна из них была читабельна: “Не забуду братишку Петю”. А еще он щедро сыпал афоризмами, скорее всего, собственного изобретения: “Житуха, если при монете, не так уж дорога”, “Мы любим “Спорт”, но только папиросы, мы любим “Труд”, но только шоколад”.

Все было бы ничего, если бы нас, первокурсников, не преследовал кошмар анатомии. Она могла напугать кого угодно: видом учебника размером с буханку, “свеженькими” трупами для препарирования, триэксельным скелетом дореволюционного маньяка, который еще при жизни завещал свой остов нашему анатомическому музею, рядами банок с заспиртованными органами и неистребимым запахом формалина, пропитывающим насквозь и тело, и одежду.

В кабинет ректора, минуя секретаршу, влетает взъерошенный комендант общежития, истеря с порога:

— Затворились и не открывают! Орут на весь этаж! Мебель порушат, а мне за нее отвечать!

Ни один мускул на лице ректора не дрогнул. Он давно смирился с тем, что всякий посетитель норовит вывалить на его голову ушат своих проблем. Добившись от коменданта более или менее внятных разъяснений, он успокаивает его:

— Весна пришла. Это наверняка Колесник с Иваницким. Скажи этим мартовским котам, что если не утомонятся, горчицей зад намажу!

На нас с Лехой с приближением весны накатывало буйное помешательство. Забаррикадовавшись в крохотной комнатенке, мы с пеной на губах вытанцовывали что-то отдаленно схожее с цыганочкой, неся при этом несусветную ахиною: “Эх, ромалы! Чавела! Шуруй, залетные!”

Столица встретила нас помолодевшей. Она избавилась от деревянных халуп на Садовом кольце, возвела Лужники, разукрасила грузовики фестивальными ромашками, наполнив скверы и переулки молодежью невиданной “разноцветности”, которая пела и плясала ночи напролет. Выступление нашего института на Большой спортивной арене приняли на ура. Сергей Андреевич внес меня в список участников любительских соревнований по вольной борьбе. Турнир оказался для меня первым в жизни международным. Поначалу, встречаясь с иностранцем, робел. Потом разошелся, да так, что удостоился золотой медали размером с десятикопеечную монету — моим пропуском в будущее.

Святой преподобный воин

Самое сложное испытание в метро в часы пик — пробиться на освободившееся место, сохраняя при этом интеллигентность на лице. Тинек любил щеголять подобными каламбурами, но не он и не они задавали настрой команде. Базовые установки всегда исходили от “Сереги”. Он пашет не за страх, а за совесть, ни перед кем не лебезит, не домогается почестей и никуда не пробивается, растопырив локти. Потому-то мы и удивились, узнав, что его забирают в Москву на должность главного тренера ЦСКА по вольной борьбе, и он согласился.

Перед отъездом Сергей Андреевич зашел к нам домой. Разговор с родителями велся за закрытыми дверями. Не знаю, какие резоны привел тренер, но отец отпустил меня с ним в столицу. Служебную квартиру Сергею Андреевичу предоставили в воинской части, дислоцированной вблизи Пироговского водохранилища. Мой скарб состоял из пуховой подушки, перелицованного отцовского драпового пальто и зеленой велюровой шляпы. Жили мы с ним словно бедолаги. Голые стены, тощие тюфяки вместо кроватей, Ложась спать, укрывались кто шинелью, а кто фланелевым пледом. Кусок фанеры, примощенный на связках книг, служил нам столом. Питались мы в основном пшенной, сдобренной прогорклым подсолнечным маслом. Москва истинному жителю северной столицы Сергею не приглянулась.

— Я бы этих хрущёбных архитекторов связал в единый пучок и повешил бы на ветродуде любоваться на свое тварь... ение!

Со временем его мнение изменилось, и мое тоже, тем более что самая большая “деревня” страны тихой сапой сумела влезть в наши души. Холодстоящее наше прозябание тоже длилось недолго. Неожиданная помощь пришла со стороны шурина Сергея Андреевича. Он трудился на оборонку, и знакомых ответственных начальников в столичной армейской среде у него была уйма. С его подачи нас стали зазывать на чаёк в генеральские дома, и не абы какие, а сталинской архитектуры. Тренер в перерыве между тостами заводил разговор обо мне. По его рассказам выходило, что в скором времени он вырастит из меня не просто рядового атлета, а “Финиста ясна сокола”. После сладкого взрослые куда-то испарялись, и я обнаруживал себя в уютном уголке рядышком с милым эфирным созданием. Раскрыв пухлый семейный альбом, создание показывало мне снимки папиной дачи, его служебной машины и, разумеется, свои собственные пляжные фото. Серега, возникая из небытия с рюмочкой ароматного коньяка, заговорщицки подмигивал мне и вновь растворялся в недрах гостеприимной квартиры. Вскоре приехала жена Сергея Андреевича. Прознав про наши визиты, она устроила разбор полетов. Замаливая грехи, я с рвением бросился помогать Маргарите Сергеевне по хозяйству: чистил на “камбузе” картошку, колол дрова, ходил с авоськой за продуктами, а иногда нянчился с их дочками Галей и Наташей. Мальшню записали в музыкальный кружок, и мне иногда доверяли роль не то дядьки-надзирателя, не то репетитора. Я заявлялся с ними в офицерский клуб, на сцене которого красовался концертный рояль. Девчухи садились за него и разучивали гаммы. В паузах я насобачился вытренькивать наипростейшую песенку: “Раз морозною зимой вдоль опушки лесной шёл медведь к себе домой в тёплой шубе меховой...” За мои подвиги Маргарита Сергеевна, выпускница Ленинградской консерватории, обладательница редкостного колоратурного сопрано, дипломантка престижного музыкального конкурса имени М. И. Глинки, подарила мне свою фотографию с надписью: “Пока не заслуженная — пока не заслуженному!” Поняв по-своему посвящение, я пристал к тренеру, чтобы он подал документы на присвоение мне звания мастер спорта. Сергей Андреевич заартачился, заявив, что раньше этот значок вручали только чемпионам страны, серебряным призерам или тому, кто дважды в течение трех лет завоевывал бронзу. Одним словом, мне предложили охолонуть. Тем не менее до столичного округа ПВО дошли слухи о подающем надежды тяже, и мне предложили перейти к ним из “Буревестника”, пообещав столичную прописку и койку в офицерском общежитии. Но тут возник Московский военный округ, способный по своему хотению одеть в кирзовые сапоги любого гражданина страны призывного возраста. Сыр-бор из-за моей скромной персоны разгорелся нешуточный. Пришлось подключать орудие большого калибра — генерал-полковника П. Ф. Батицкого, фигуру знаковую для тех времен. Его биография и сегодня выглядит впечатляюще: начальник штаба советских военспецов при гоминдановском правительстве Чан Кайши, орденосный комдив в Отечественную, создатель космического щита страны, маршал. По слухам, он был среди тех военачальников, кто арестовывал Берия, и лично привел приказ о его расстреле в исполнение. Он ржал как конь, когда при нем затрагивали эту тему.

— Хочешь, и тебя пристрелю! — страдал он особо любопытствующих. Сам, наверное, воспринимал все эти рассказы, как опереточную байку. Среди нас спортсменов он был больше известен как приемный отец Юрия Власова. Стоило генералу-горе вылезти из легковушки, как машина, освободившись от непосильного груза, на радостях подпрыгивала вверх. Театральное начальство, застигнутое врасплох его внезапным появлением на спектакле, терялось. Дело в том, что кресел, способных вместить маршальские чресла, в театральном мире не существовало. Именно Батицкий, командовавший в ту пору МО ПВО, и распорядился спровадить меня подальше от Москвы в подвластные ему палестины и там порешать все мои проблемы. Билет на Потьму — станции с ничего не говорящим мне названием — я заполучил на следующий же день, вместе с предписанием отыскать в Мордовской глухомани упрятанную в подземные бункеры воинскую часть, зачислиться там на

любую свободную должность для вольнонаемных, а затем под видом местного жителя призваться в местные ракетные войска.

На Казанский вокзал я пришел задолго до отправления поезда по привычке, доставшейся мне в наследство от родной бабули. Бедолага так настрадалась от бедлама, творившегося на железных дорогах в гражданскую, что заявлялась на станцию ни свет ни заря, стоически дожидаясь, когда гуднет нужный ей состав.

Брожу по сумрачному залу ожидания, с завистью поглядывая на везунчиков, оккупировавших скамейки. Подмостив под головы вороха одежд, счастливицы посапывают во сне. Не разлепляя глаз, они вздрагивают, на шаривая свои пожитки. И убедившись, что багаж на месте, вновь впадают в беспокойное в забытье. На подокошнике, судя по модным на селе черным плюсовым жакетам, примостились хохлушки-подружки. Их обступили цыганки. Перебивая друг друга, таборные веучивают молодухам скляночки с “шанельными” духами, тюбики с самопальным тональным кремом, баночки синюшного мазилова для глаз, искрящегося крошечком от елочных украшений, и пузырьки с приворотным зельем. Самая бойкая из дивчин чиркает губной помадой себе по запястью и немеет от восторга: “Ось дывитесь! Червона як Дебальцевска пожарна машина!” Мне захотелось шугануть цыганок, но я понял безнадежность своего донкихотства. Стоит отойти от хохлушек, как торговки вновь вернутся охмурять землячек.

Набретаю на вокзальный буфет. С опаской рассматриваю товар: яйца вкрутую, плавленые сырки, заскорузлые пряники в целлофановой упаковке. Вздыхаю по недавним временам. Полиция тогда еще не гоняла от составов теток с домашней снедью, и на каждой станции они завлекали покупателя на хрустящими малосолевыми огурчиками с обжигающей рассыпчатой картошкой, то копченым рыбцом, лоснящимся от жира, то прутами, обвитыми спелыми вишнями. Беру стакан кофейной бурды, пряники, пару пачек печенья, с прицелом на дальнюю дорогу, и снулый салат.

— Хлеб черный или белый? — равнодушно спрашивает буфетчица.

— А мне все равно. Я не расист!

Моя занозистый ответ почему-то привлекает внимание носильщиков. На каждом форменный фартук и номерная бляха. Навалившись на буфетную стойку, они бесцеремонно рассматривают меня. Незаметно провожу рукой по брючному карману. Зашпиленные булавкой документы и наличность целехоньки.

— Никак борец? — подает реплику самый осанистый из них. — Айда на поясах тягаться! Мы тут пакгауз под кураш приспособили.

Выкручиваюсь как могу, мол, с чемоданом неохота таскаться, да и поезд боюсь пропустить. Меня осаждают:

— Лапшу-то на уши не вешай, срейфил, что ли?!

Хочешь не хочешь, а после таких слов надо вызов принимать.

Ёжусь не то от мандража, не то от холода. Июнь в разгаре, а ночка выдалась стылая. Тащусь за носильщиками непонятно куда и зачем. То и дело спотыкаюсь о рельсы подъездных путей. К моим сопровождающим, судя по промасленным кацавейкам, прибавилась дюжина-другая мастерового люда. Похоже, что сарафанное радио на вокзале работает “на ять”. Они идут гурьбою, что-то тарабани на непонятном мне языке. Моего чемодана и след простыл. Но мне не до него, лишь бы живу быть. За выездным светофором все сворачивают к длинному приземистому строению из бетонных панелей. Внутри подклеповатая лампочка сиротливо высвечивает обшарпанные стены и ряды поленищ. От дров свободен лишь пяточок цементного пола, присыпанный толстым слоем опилок. Мне одалживают кушак из грубой холстины. Наскоро растолковывают правила кураша. Долго соображать, что к чему, не приходится. В центре “манежа” меня ждет-дожидается дядька. Переминаясь от нетерпения, растирает уши, гнется из стороны в сторону. Ухватки борцовские, значит, тертый калач.

— Чо замешкался-то, — вразумляют меня из толпы, — задний ход хочешь отработать? У нас только “алга” — вперед! Попятился, разворачивайся и опять алга!

Делаю глубокий вдох, чтобы наислородиться, и чуть не задыхаюсь от кашля, перебрав воздуха с тленным привкусом грибковой плесени. Спыхватываюсь поднятым на воздух, что на нашем жаргоне зовется вторым этажом. Судорожно пытаюсь выскользнуть из цепкого захвата. Противник явно не поверил фарту и промедлил. Извернувшись, умудряюсь срезать его подсечкой. Пакгауз ахает от досады. Шли поразвлечься, а нарвались на облом! Носильщики не дают мне продыху. Жажущих помериться силой со мною среди них хоть отбавляй. На меня настраивается очередной батыр. Наружностью он покрепче первого и весь из себя накрученный. Вид такой, что дай ему волю, порвет пасть — знай себе прет и прет напролом. Видно, хочет одолеть меня не мытьем, так катаньем. Мне опять подвезло. Бросаю его отхватом. Он грохается на цементный пол, да так, что мне даже жаль бедолагу. Зритель шумливой перебранкой откликается и на этот прием. Хочется поостыть после столь бурных поединков, но не тут-то было...

Не то после пятой, не то после шестой схватки чувствую, что измотан донельзя. Готов брякнуться на цементный пол, лишь бы они отцепились от меня. Совсем скисаю, когда вижу, что на свеженького выходит вдохновитель “сабангтя”, тот самый, который заприметил меня в буфете. Судя по общему оживлению, его придерживали напоследок не зря. Он именно тот, кто сейчас задаст мне показательную трепку. Проскальзывает подленькая мыслишка увильнуть, отказаться! Я же не подписывался бодаться со всем честным казанским народом! А тут еще засадила натертая жестким кушаком пояница и заныла щека, ошкрябанная чьей-то щетиной. Но на жалость здесь никого не возьмешь. Скрепя сердце выхожу на середину. Противник так и пышет желанием поквитаться со мною за всех. Отклячив зад, короткими рывками подтаскивает меня к себе и, ослабляя хват, играет со мною, словно кошка с мышкой. Готовясь эффектным броском прикончить меня, старшой подставляется. Его согнутая в колене нога оказывается чуть пообок от меня, и я, почти наобум, делаю зашагивание. Бригадир, шатнувшись, грохается бревном на цементный пол на все четыре лопатки...

В вагон носильщики заносят меня на руках. С таким же триумфом доставляется в купе и выплывший из небытия чемодан. Уходя, они поощрительно вздохмачивают мою и без того растрепанную прическу и, цокая языками, одобрительно добавляют: “Якши!” Последний из них замешкался в дверях и придавленным шепотом выпалил:

— Ну, ты меня выручил, ох, как выручил! Задолбали курашом. Может, теперь утомонятся!

Закрываю за ним дверь. С трудом стягиваю мокрую рубаху и насквозь пропотевшую майку. Руки забиты настолько, что не могу смахнуть опилки, налипшие на хребтине. Вразной клацают буфера, пробуксовывая, скрежещут колеса и состав, дернувшись, трогается в путь. Проводник приносит в подстаканнике свежезаваренный чаек. В его услужливости подтекст. Он привык делить людей по ранжиру: на пассажиров мягких, купейных, плацкартных вагонов и ...зайцев. А тут проводы с помпой и наказ никого в купе не подселать. Но он готов биться об заклад, что в моем чемодане все же нет глаженной полосатой пижамы для перронного променада на остановках...

Спозаранку в дверь купе тарабанят:

— Просыпаемся! Следующая остановка Потьма, вы...ы...ходим!

Подкатив к станции, поезд тормознул ровно настолько, чтобы пассажиры успели соскочить на платформу. Все вновь прибывшие испарились, будто их и не было. В надежде отыскать живую душу направляюсь к пристанционному строению. Крошечный зал ожидания, обшарпанные скамейки, тумбочка с питьевым браком и неизменной кружкой на цепочке. За перегородкой скучающая кассирша. При моем появлении она настораживается и, прежде чем ответить на расспросы, надзирательно обсмотрев меня, требует предъявить командировочное удостоверение. Покрутив бумажку, в том числе и на просвет, и убедившись, что все гербовые печати на месте, она сообщает, что до нужного мне пункта назначения вот-вот отправится рабочий поезд. И точно: поодаль, распуская белоснежные бакенбарды, нетерпеливо пофыркивает маневренный паровозик мультяшных размеров с надраенными до блеска медяшками и трубой, похожей на цилиндр трубочиста. На фоне эдакого

музейного экспоната прицепленные к нему вагоны выглядят обшарпанными заморышами: ободранные бока, болтающиеся тамбурные двери и ступеньки через одну. Пассажиры, судя по репликам, — давнишние знакомцы. Через проход от меня, не дожидаясь отхода поезда, разношерстная публика вовсю режется в подкидного. Им мешает малявка, и они, не церемонясь, выставляют ее в проход. Паровичок присвистнул по-разбойному и, тарыхтя железами, покотил по узкоколейке. Предоставленная самой себе, худосочная девчуха не то семи, не то десяти лет от роду, обутая явно не по погоде в безразмерные резиновые полусапожки, поерзав на всех свободных скамейках, пристроилась напротив меня. У нее вкривь и вкось заштопаны колготки, челка сбита набок и бесенята в глазах. По всему видать, настроена на общение:

— Ты, дяденька, чо делаешь?

— Именно сейчас-то? Собираюсь перекусить. Хочешь пряника?

По тому, как она сколупывает с него глазурные чешуйки, как бережно собирает крошки в горстку, а потом смакует их, понятно, что ее редко балуют сладостями.

— А вот чем ты ешь? Ложкой, да? — не оставляет меня в покое малявка. — Их мой папка из люминию штампует. А с чего ешь? Со сковородок иль тарелок? Ежели с тарелок, так их моя мамка прессом клепает. Она вместе с папкой работает. Папка с одного конца заводу, а мамка в другом его угле.

Не перебивая ее щебетание, я подсовываю ей новую порцию печенья.

— Глянь в окошко. Вишь ту ворону? Нет, не ту, что полетела, а ту, которая на ветке вертит хвостом. Ее сам Бог сделал. Раньше его не было, потому что люди рождались от обезьян. А потом Господь стал главный, и вся красота от него, и со злом он сражается. Бог за нас, красных, заступается, а злых ножиком тыкает. Вот как ты думаешь, у него есть бабушка? У тебя самого их сколь? А у меня цельных пять штук. Потому как мамка в третьем разе на новом дядьке женилась.

Мальшка все время егозит, не сидится ей на одном месте, и она страсть как хочет поделиться со мною еще чем-нибудь:

— Дяденька! Хошь, я тебе значок дам. Он с дедушкой Лениным.

— А кто он такой? Наверное знаменитость какая-то!

— Ну да! Его, еще в прошлую войну, убили. Он был самым главным советским человеком, а они и немного другие, похуже Ленина получились. Там тенька плохая была. Он ехал на машине в магазин, а она ядовитой пулей из кустов в него стрельнула и немножечко ранила дедушку Ленина. А вот Пушкин, — продолжала поражать меня своими познаниями манюня, — подрался с дядькой за женину честь. Его взяли и враз пришили. Потому сейчас его пока нет в живых...

Я слушаю и не слышу ее. Спыхватившись, интересуюсь, что из моих сладостей более всего пришлось ей по вкусу. Ее ответ впечатлил:

— Больше всего мне понравилось все!

Машинист, видно по всему, тут сам себе хозяин. Он то отцепит вагон, то подгонит паровичок к водокачке, то сбавит ход, чтобы сбросить перевязанную шпагатом кипу газет подоспевшему почтальону, а то и вовсе остановится курнуть козью ножку со стрелочником. На каком-то безымянном полустанке сходит моя говорливая попутчица. Она едва успевает семенить за матерью, вцепившись в подол ее балахонистого платья. Состав трогается. Вдоль железнодорожного полотна, немного отступя от него, тянется забор из горбыля. От его плотно пригнанных досок рябит в глазах. Мне и невдомек, что за этим частоколом скрываются от посторонних глаз бараки Дубровлага.

Клац... Клац... выстукивают подковы солдатских сапог, задавая тон порывам ветра, облакам, проплывающим в вышине, сжатой в пружину роте, перед ее поворотом к импровизированной трибуне. В предвкушении удовольствия от предстоящей четкости маневра командир энской войсковой части заранее расплылся в улыбке. И, отдавая честь проходящим шеренгам, успевает согнать ее с лица, как не положенную по уставу. Его ладонь, поднесенная к виску, подрагивает от напряжения. После ранения в правую руку немецкой разрывной пулей “дум-дум” хирургам чудом удалось спасти ее. Рука осталась держаться на честном слове, вернее на сухожилиях, и едва сгибалась

в локтевом суставе, но старлея не комиссовали из действующей армии. Осколки от той пули, запрещенной всяческими гуманными женеvскими конвенциями, остались в его шитых-перешитых мышцах навечно. Не обнаруживая себя годами, иногда, словно взбесившись, железки вылезали наружу, разрывая на своем пути капилляры. От того и зазудело у него плечо, и повело кисть при отдании чести. Полковник цепко всматривался в лица марширующих мимо него солдат. Он знал каждого, потому что отбирал их вместе со спецотделом поштучно, на рентгеновский просвет, согласно специфике вверенной ему ВЧ. Довольный результатами смотра, он скомандовал:

— Вольно! — И коротенько толкнул речь: — Установку ракет нового образца надо рассматривать в свете последних наших мирных инициатив на международном арене...

Вздыхнув с облегчением, он обернулся к посыльному, выросшему перед ним словно из-под земли:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться! На КПП объявился какой-то мастер. Утверждает, что направлен к вам в часть напрямик из Москвы!

— В штабе разберемся!

В тесноватом кабинете, разобравшись со мной, полковник подытоживает разговор:

— В казармы не соваться, заселиться в офицерское общежитие, выправить трудовую книжку ноги в руки и напрямик в военкомат. Выполнять! — И напоследок добавил, чтобы на транспорт войсковой части не рассчитывал. Понятно, командиру не терпелось избавиться от меня и по возможности поскорее. И завершая свои наставления, он приказал накормить меня, судя по его тону, до отвала. Доставленный, похоже что под конвоем, в солдатскую столовую, я уселся за длинный стол, дожидаясь, когда посыльный проведет разъяснительную беседу с поваром. Пряники, конечно, пряниками, но в желудке у меня бурчало. Уяснив, что к чему, повар, погрохотав стопкой мисок, выбрал ту, что показалась ему почище других, налил в нее черпак щей и, чуть помедлив, добавил в них шмат свинины, прослоенный пупырчатым жиром. Расправившись с первым, я оказался в центре внимания всего кухонного наряда, решившегося вблизи рассмотреть чудика в штатском. На второе, в ту же самую миску, мне навалили керзухи, то бишь перловой каши, с куском пересоленной жареной рыбы непонятного происхождения. Пытаясь разыскать вилку, я переставляю миску, отодвигаю в сторонку хлебницу, отставляю в сторонку кружку с чаем. Вилки нет и в помине.

Догадавшись о цели поисков, наряд вытаскивает каждый свою ложку из-за голенищ и в разноразной барабанит ими по столешнице. Натянутость между нами как рукой снимает! Пошли расспросы, кто, мол, и откуда? Повар расщедрился и сдобрил перловую кашу смальцем, намекнув, что с приварком у них полный порядок:

— У нас зам по тылу толковый, и фамилия у него что надо — на “ко”, так что свиньи хрюкают, картошки бурты, кислой капусты годовой запасец. Не тушуйся, лопай, равняй рожу с жопой. Вернись домой — мать родная не узнает.

Топать пехом до Темниково далековато. Благо подвернулась попутка. В кузове трехтонки, доверху груженном гравием, примачиваюсь в уголочке, вцепившись в борт руками. Грузовик то и дело проваливался в рытвины. От непрерывной тряски отбиваю копчик и сопутствующие ему филейные части тела, утешаясь тем, что из-за таких вот непролазных дорог никакие гитлеры социализму не страшны. Городок своими дощатыми тротуарами, глухими воротами, тетками, обутыми в остроносые чоботы и одетыми в вышитые сарафаны, с рогульчатыми кокошниками на головах, походил на действующих лиц из спектакля о пошехонской старине. Дом крестьянина, он же и гостиница, за символическую плату предоставлял мне койку с панцирной сеткой и матрасом. В продуктовой ларьке набор съестных припасов оказался не ахти какой: кровяная колбаса, плавильные сырки и консервы “частик в томатном соусе”. Зато меня обрадовала книжная лавка. Ее полки оказались заполнены собраниями сочинений Чехова, Толстого, Гоголя, Достоевского, за которыми с переменными успехами гонялись москвичи. Я скупил бы себе

на радостях все, но моей заначки хватило лишь на “Идиота”. Выбор этого произведения в моем положении выглядел более чем двусмысленно.

С военкомовской медкомиссией произошла накладка, точь-в-точь как в инфизкульте. За близорукость, сколиоз и плоскостопие мне выставили “неуд”, то есть посчитали непригодным к несению воинской службы вообще, тем более в ракетных войсках. Но главврач комиссии оказался в теме и поставил на моем медицинском освидетельствовании нужные печати. Все вроде связалось. Однако бюрократизм присущ всем, и наша армия тут не исключение. Засургученный пакет с нарочным направили в Московский округ ПВО. Улита едет, когда-то будет...

Время тем временем тянется, и что делать со мною, в части никто не представляет. Формально я военнотрудовой. Но на вещевом складе не оказалось ни сапог моего размера, ни гимнастерки. Нашлась пилюлька, но и та еле держится на макушке. Безнадежно махнув рукою, командир части приказывает обмундировать меня в серый комбинезон для малярных работ. В строй такое чучело, естественно, не поставишь, и политруку поручается занять меня хоть каким-нибудь полезным делом: к примеру, малевать кумачовые лозунги, писать плакаты и выводить хоровые рулады в армейской самодеятельности.

Но главное... главное — мне поручаются занятия по физкультуре с офицерским составом части! Не так давно вышел приказ министра обороны, направленный на приведение чересчур осанистых фигур командного состава в надлежащий воинам вид. И как ни крути, но выходило, что в ракетной части, замаскированной под мордовские леса, только я был носителем физкультурных знаний. На перекладине офицеры упражнялись с пониманием. Но вот зачем я мучаю их метанием ядра и барьерным бегом, не понимали. Они не догадывались, что на тот момент мое образование было далеко не высшим. Может, поэтому они и чурались меня, но скорее потому, что подолгу исчезали из поля моего зрения, заступая на боевое дежурство в подземных бункерах. Вечерами князь Мышкин доканывал меня. Прочитав главную и придя от княжеского наива в бешенство, я зашвыривал роман под кровать. Чуть погода, поскуливая от ненависти к своему безволию, лез под нее, отыскивал замаранную паутиной книгу и, разгладив измятые листы, вновь принимался глотать страницу за страницей. О своих товарищах-борцах если и вспоминал, то как о чем-то далеком. Да и сам спорт отсюда, из воинской части, затерянной в глухих лесах, казался миражом, особенно мой последний сбор...

В конце мая, с подачи Сереги, меня вызвали в Сочи, где тренировалась сборная страны, на смотрины. Жить на первых порах пришлось на свои кровные, отдельно от всех. А я и не горевал, сняв по дешевке клетушку с кроватью и колченогим венским стулом в шаге от гостиницы “Приморской”, то есть почти на берегу моря. В моем скворечнике щели оказались широченными, и перед сном я, засматриваясь на звезды, ощущал себя посетителем планетария. Курортный город ошеломил меня. Оказывается, у самого синего моря лилии растут на деревьях, но называются магнолиями, лавр низведен на положение бордюрного кустарника, а стрижка волос, чистка ботинок и тарелка рисовой каши имеют одну и ту же рублевую цену. На робкую просьбу о сдаче мне презрительно замечали:

— На, бэри, раз ти такой бэдний!

Но все мелочи меркли перед величием заката. Багровея, светило клонилось к горизонту. И курортники всех видов и достатков, замороженные воистину библейским действием, не покидали смотровую площадку на набережной у гостиницы “Приморская” до тех пор, пока последний протуберанец солнца, перед тем как кануть в небытие не вспыхивал на прощание своим ружьем чубчиком.

На рассвете я спешу на пляж, подзарядиться, а заодно, по питерской привычке, и позагорать. Несусь вниз, к морю, по кипарисовой аллее. Ощущение такое, словно за плечами крылья, и я не бегу, а лечу. На пляже никого, если не считать тумбообразной мадамки и редких, еще не проспавшихся персонажей в отдалении. Мадамка, не стесняясь меня, скатывает обвисшие

до пуза груди в трубочки, запикивает их в самошвейный бюстгальтер, а затем, переступая с охами по гальке, плашмя плюхается в море, порождая прибойные цунами. В ее глазах я, наверное, тоже персона с вывертом: непринципиально кручу бедрами, ворочаю над головой каменюку, отжимаюсь. В общем, мы друг друга стоим...

На тренировках не стянуть раззявленный от удивления в пуговку рот от вида “значных людей”. Взять хотя бы Коткаса. На приеме в Кремле в честь победителей Хельсинкской олимпиады Сталин поздравил его к себе и спросил:

— Мне сказали, что вы самый сильный человек в мире. Это так?

Вместо ответа Йоханнес подхватил Сталина на руки, поднял на уровень груди и тут же бережно опустил слегка обескураженного вождя на пол.

— Сильные люди живут в Эстонии, — разряжая обстановку, заметил Сталин.

Внимательно наблюдаю за Алимбегом Бестаевым. Легковес не борется, а джигитует. На прошлом Кубке мира осетин затратил на каждого соперника по минуте, не больше. Его слегка заносит, но корифеев в сборной страны хоть отбавляй, так что они не дают ему особо зазнаться.

Средневес Давид Цимакуридзе на сборах откровенно сачкует. В Тбилиси герою Мельбура приходится несладко. Люди, знакомые с ним хорошо и не очень, не дают ему пройти, норовя заполучить знаменитость на “той”. Поэтому сочинский сбор для Давида — санаторий. Он воспринимает тренерские наставления с улыбочкой, бесшабашность которой придает фикса. Меня так и подмывает желание подгадать момент и уговорить его обучить меня приемчиками из грузинской чигаобы.

На сборах схожусь с Владимиром Синявским, быть может потому, что он первый принес мне радостную весточку, опередив даже Серегу, что меня берут в команду на общий кошт. У Володи повреждена кисть, результат послевоенных забав с неразорвавшимися снарядами. Ему еще повезло, он остался жив. Увлечшись борьбой, Синявский приспособился увечной рукой проводить такие корючки в партере, что от них если и спасались, то с надрывными стенаниями...

Футбольная команда нашей части выигрывает товарищеский матч у темниковцев. В знак поощрения, замполит разрешает искупаться в Мокше. На берег летят гимнастерки, ремни, майки, сапоги, и солдатушки, бравы ребятушки, впадают в детство. Оно ведь не заканчивается до тех пор, пока в тебе не угасло желание с разбега сигануть в речку. Хохота, плеска, ныряний хоть отбавляй. Я вытворяю Бог знает что, еще и потому, что наконец-то получил на руки предписание срочно прибыть в ЦСКА. А потом нестроевым шагом мы направляемся в Санакарский мужской монастырь поклониться праху адмирала Российского флота Федора Ушакова. Втиснувшись в ограду из ажурного литья, мы в полном молчании возлагаем к подножью памятника полевые цветы. На погребальной плите едва различима эпитафия: “Ни славы мирския, ниже богатства взыскуя, но Богу и ближнему послужил еси”...

Не так давно Союз писателей России вручил мне премию “Имперская культура” за публицистические выступления в печати. Годом раньше подобную вручили министру иностранных дел Сергею Лаврову. Было от чего зазнаться. Вместе с грамотой мне вручили бюст Ушакова, на цоколе которого было выгравировано: “Ни славы мирские, ниже богатства взыскуя...”. Подумалось: вот так совпадение! Всем совпадениям совпадение!!!

Великолепная семерка

Ковбойский боевик шквалом пронесся по кинотеатрам страны, выбив из седла Чапаева. Чуть позже прославленного героя гражданской войны вместе с его ординарцем Петькой и Анкой-пулеметчицей окончательно доконает “Армянское радио”.

Ну а пока “плешка” у метро Сокол кишит стриженными под нулевку поклонниками Юла Бриннера. Фанатики голливудской кинозвезды, затянутые в джинсы, фланируют у метро, подражая вкрадчиво-пантерной походке киноактера, как потом выяснилось, самых что ни на есть одесских корней.

Обычно в сентябре Серега приступает к набору молодняка в секцию борьбы армейского спортклуба. Сокол отряжал к нему наиболее буйных своих представителей. Преображенский принимал всех без разбора, в том числе и “ковбойствующих”. Слабаки отсеивались сами собой. Остальные, прикипая к борьбе, теряли интерес к киношной романтике...

Горбатенко попал в ЦСКА именно этой проторенной дорожкой. Все решили, что в клубе объявился реинкарнированный Есенин. Владимир был похож на него пронзительной голубизной глаз, белокуростью, умением слагать стихи по поводу и без. Ко всему прочему новичок играл на гитаре, рисовал, резал по дереву и... наплевательски относился ко всему на свете. Понятно, что все свое свободное время мы теперь толклись в его квартире на Новопечаной улице, добротные дома которой возвела пленная немчурка. Народ в них заселяли смешанный: многодетные семьи, отставников, ударников производства, а кого-то и по особым спискам. Володькин отец возглавлял газетенку сельской направленности. Вооружившись очечками, он с утра, прежде всего, прочитывал передовицу в газете “Правда”, отчего сходил у сослуживцев за человека “передовых” взглядов. Основательно проработав тезисы главного рупора партийной прессы, Володькин предок отбывал руководить своим печатным изданием, а точнее, сбежал из дома от своей деспотичной супружницы. Низенькая, расплывшаяся, сварливая, единожды причесанная, она поедом ела домочадцев, особо налегая на деток-охламонов, не замечая, что они уже давно отпочковались от нее. Старшенький Дима выучился на дипломата. Замороженный йогой, скупердяйничая, он столовался отдельно от семьи, гордясь тем, что тратит на свое пропитание копейки. Его завтрак состоял из чая и бутерброда с сыром, за обедом Дима довольствовался бутылкой кефира, а на ужин позволял себе блюдечко пророщенной пшеницы и потреблял мясо, забывая о наставлениях йогов, лишь в гостях. От такой диеты он отощал и выглядел тоньше собственной сберкнижки, которую прятал от домочадцев под линолеумом в ванной. Мамашин любимец Коленка, несмотря на юный возраст, приохотился пристраиваться к женщинам бальзаковского возраста и чувствовал себя в их горячих объятиях пречудесно. Средний Владимир учился в школе, перенасыщенной отпрысками номенклатурных работников, лауреатов громких премий и заведующих овощными базами. Теснее всего он сошелся с Юркой Чурбановым и Владимиром Казаковым. Юрку, конечно же, тянуло к заводному Владимиру, но его папаня, какая-то райкомовская шишка, не особо жаловал Горбатого и всю нашу компанию в целом. Да мы и сами на его “хате” не засиживались. Среди дефицитной румынской мебели, хрустальных ваз и накрахмаленных кружевных салфеточек мы чувствовали себя не в своей тарелке. В противоположность Чурбанову записной острослов Владимир Казаков, а для “плешки “просто Казак, казался нам свойским с головы до пят. Он был легок на подъем и щедр на каламбуры. Увязавшись с нами в Питер, Казак набрал московский номер своего телефона и тоном заговорщика поинтересовался у девушки, поднявшей трубку, не продаст ли она “славянский шкаф”, тем самым произнеся кодовый пароль подпольщика из разобранного народом на цитаты кинофильма “Подвиг разведчика”. На другом конце провода среагировали соответственно: “Шкаф продан. Есть никелированная кровать с тумбочкой”. Оценив находчивость незнакомки, Казак поболтал с ней минуту-другую, пообещав приложить свои анкетные данные.

Их эпистолярный роман донельзя забавлял нас. Особенно потешался над ним Чурбанов. Но вскоре письменные страсти угасли, тем более что Казак готовился к сдаче вступительных экзаменов в Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Стать кремлевским курсантом считалось редкостной удачей. В это училище, а когда-то Первую московскую революционную пулемётную школу, сформированную еще в декабре 1917-го, еще до создания Красной армии, стремились попасть отпрыски самых громких фамилий: внуки Хрущева и Чкалова, сын Стаханова, заместитель председателя Совета Министров СССР Малышева. В стенах училища Владимир прославился не отметками, а строптивостью. Скорее всего, в нем разыгрались крови: русская, армянская и польская. В спорах он не

скрывал свою точку зрения, заявляя, например, что не Хрущев, а китайцы правильное оценивают историческую роль Сталина. Тяготей к абстрактной живописи, Пикассо он все же называл голым королем. Владимир не переносил нападков на религию. Однако не вольнодумство, а шагистика погубила его. В училище изучалась высшая математика, теоретическая механика, физика, иностранные языки, психология, электроника, но надо всем довлела шагистика. Муштровали курсантов перед парадами на Красной площади немилосердно. За малейшее нарушение строя следовал нагоняй. Казаку не давался ранжир, и никакие суточные наряды не улучшали его выправку. Нагрязнула инспекция. Начальник училища, награжденный медалью Героя Советского Союза за форсирование Одера, заявил ей:

— Или я, или Казаков!

Володя не без свойственной ему грустной иронии впоследствии заметил:

— Надо было мне первому бухнуться перед комиссией на колени и завопить: или я, или генерал! Глядишь, и пронесло бы.

Из училища его отчислили. Он подался на севера. Рыбачил на сейнере в Охотском море, промывал золото на Колыме, освоил профессию взрывника, плотничал на острове Врангеля, преподавал русский язык чукотской ребятне в Красной Яранге. В очередном своем северном послании он написал нам в свойственной ему манере: “Если в глазах волка ненависть, в глазах собаки преданность, в глазах осла солидарность, то в глазах оленя такая скорбь, что кажется, сам Господь Бог смотрит его глазами на нашу бrenную землю”. Из заполярного круга он вернулся сдержанным и отстраненным... даже от себя прежнего. К тому времени его мама Тамара Павловна, прошедшая всю войну переводчицей, переехала от Сокола в дом на углу Банного переулка и проспекта Мира.

“Подъезд. Высокая застекленная сверху дверь. Слабый голос солнца сквозь запыленные стекла. Старческая дрожь перил. Ворчливый лифт. В узкой передней квартиры — старинное зеркало, которое почти уже ничего не видит”. Так он иносказательно описал свое новое жилище в очередном своем рассказе. В его всегда чисто прибранной комнате стены украшали не то коллажи, не то иконы, не то подобие японских гравюр — живописные работы его брата-художника, ушедшего вскоре в монастырь. Мебель была самая необходимая: письменный стол, антикварный журнальный столик с витыми ножками, несколько стульев. На спинке одного из них висел потертый синий мундир с красным стоячим воротником и продольными, золотого шитья, полосками. На плечах мундира виднелись следы от эполет, а на подкладке сохранилась вышивка: “Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, В. Казаков, 1900 год, 1 января”. Писал Владимир ночами, настежь открыв форточку. Когда ему становилось зябко, он набрасывал мундир деда себе на плечи.

Владимир не написал ни одной строчки, направленной против советской власти. Он не прибилась ни к одному лагерю: ни деревенщиков, ни диссидентов, ни завзятых смехачей. Быть может, я не совсем точен. Вот строчка из его краткой биографии: “В июле 72-го я был крещен по обрядам Русской Православной Церкви. Считаю это самым важным и светлым событием в своей жизни”. Он никому не навязывал своей веры, но мне кажется, она просвечивала в его стихах.

Помимо стихов Владимир все чаще пишет прозу, драмы, лукаво-пародийные пьесы. Его творчеством заинтересовались критики. Вот отзыв на его романе “От головы до звезд” (ФРГ, 1982 год): “Роман этот возникает перед нами, и в литературной перспективе, в литературной ситуации языка внезапно и неожиданно, так внезапно и неожиданно расцветает на иссохшей мертвой почве роскошный оранжерейный цветок: представитель какого-нибудь тщательно и долго культивируемого вида посреди степных пространств; незваное, негаданное и невиданное в данных условиях явление; изысканное дитя утонченной культуры, той культуры рода, вида, отбора, которая — накапливается веками и передается из поколения в поколение”. Предваряя его сборник стихов “Случайный воин”, рецензент отмечает: “Мир Маяковского — героический, мир Блока — демонический, мир Хлебникова — божественный, мир Казакова — незаживающий...”

Сам Владимир признавал своим учителем Крученых. В очерке “Зудесник”, рассказывая о своих встречах с литературным патриархом, он написал: “Многим недоступен Крученых: теперякам и нетеперякам, поэтам и непоэтам. Но главное, что его поэзию любили Хлебников, Маяковский, Пастернак, Хармс и Введенский. Главное, что его поэзию люблю я”. Тем самым он как бы определил свои истоки. Знатоки следили за его творчеством. Генрих Бёлль, приехав в Москву, несмотря на свою занятость, все же нашел время для встречи с ним. Владимира завела к себе неувыдающая Лиля Брик и подарила ему фотографию поры своего расцвета с дарственной надписью. Судя по фото, муза Маяковского действительно могла свести с ума кого угодно. Но Казакова, парня не робкого десятка, отторгнул ее испепеляющий взгляд, забирающий у собеседника всю волю без остатка.

Все было бы прекрасно, если бы он нашел читателя у себя на родине, который бы понял и принял его. Но ему оказалось не под силу достучаться до своей аудитории. Его издавали исключительно за кордоном и отнюдь не по политическим мотивам. Скорее считая, что его имя добавляет красок в палитру современной русской литературы. Можно было обратиться за поддержкой к Чурбанову, уже забронзовевшему, вздернутой брови которого хватало для его признания. Но Владимир тогда не был бы самим собой. Он ушел в добровольную схиму, смиряясь с присутствием в своем окружении лишь матери и Матрешечки — жены Иры, да и то лишь в качестве призрачных теней. Все чаще личным встречам он предпочитал переписку: “Дорогой Саша, посылаю тебе — моему доброму ангелу — “Клейменую ночь”, поэму, изданную в Швейцарии в “Антологии современной русской поэзии”... Прочитав ее, ты увидишь, что она довольно веселая — ибо в ней как в кривом зеркале отразилась моя довольно невеселая жизнь. Посуди сам: одиночество, болезнь, сельская жизнь с непроходимыми дорогами и непролетаемыми небесами. Остаются только вино, карты и... местные женщины”. Мы с Горбатым догадались, что про вино, карты и женщин он упомянул ради красного словца. Но о степени его терзаний не подозревали. Хотя о его душевном состоянии яснее всего свидетельствовали часто употребляемые им слова: секунды, зеркала, звезды, ночь, молчание, дождь, стекло, крыша, фонарь... Стоит раскрыть любую из его книг, на какой угодно странице: “Вот описание ее отсутствия — ветер, несколько каменных двухэтажных зданий и улица, заканчивающаяся холодными сумерками... Кажется, я молчал, потому что запомнил каждое сказанное мною слово... Часто мысль принимают за воздух — та же прозрачность, таинственность и невесомость... Было слышно, как мгновения звенели, сталкиваясь друг с другом. Все было готово к приходу ночи и звезд... Хотелось спросить: “Кто Вы?”, но не было сил, чтобы изогнуть вопросительный знак, словно речь шла о чугуне или железе... Я гляжу в ночное небо, в окно, мне необычайно, словно какое-то созвездие усыновило меня... Знаете, я никогда не проронила ни одной слезы. Разве только однажды — в будущем”.

Почему его перо тяготело к подобному? На мой недоуменный вопрос Владимир предельно серьезно ответил: “Мне так диктуют. Я только спешно записываю...”

“Дарю “плешке” своего “Дон Жуана” — собрание веселых, пародийных пьес. Перелистывайте их, когда загрустите. Продолжаю писать вещи, которые никто никогда не издаст — про любовь, про разбойников, про, черт побери, графов. Всем всех благ. Сердечно ваш — В. К.”

Своего “Дон Жуана”, поставленного на малой мхатовской сцене, Владимир Казаков так и не увидел. Он ушел из жизни, не совладав с невыносимостью отторжения. “Это не он, а болезнь наложила на него руку”, — сказал его духовник. Владимира отпевали в церкви Иконы Божией Матери “Знамение” в Переяславской Ямской слободе. Среди тех, кто пришел на панихиду, были родные и, конечно, все нашенькие. Большую литературу представлял Битов, одетый сообразно случаю во все черное. С одуловатым лицом, взглядом, скрытым отблесками линз, он походил на оперуполномоченного, желавшего лично удостовериться, что панихида — не мистификация. К этому же, видимо, стремилась и муха в катафальном наряде, со слюдяными

фалдами в прожилках и выпученными фасеточными глазами. Ловко увертываясь от паникадила, она, суча лапками, исползала все тело усопшего, как бы пытаясь распознать, нет ли тут подвоха. Нагляя от безнаказанности, она изготвилась погрызть еще не утратившую розоватость мочку ушной раковины отпеваемого. И только рокотнувшее: “”Вееечнааая пааамять!!!” расстворило ее вместе с Битовым в нетях...

Параллельные прямые не пересекаются в пространстве. Людей эта аксиома не касается. Председатель Тимирязевского райисполкома города Москвы Чурбанов-старший в совершенстве владел номенклатурной казуистикой. ЦК призывало выращивать руководящие кадры из пролетариев, и он спешно спровадил сыночка в ремеслуху, ковать рабочую биографию. Естественно, слесаря-сборщика авиационных узлов с распростертыми объятиями принял юрфак МГУ. После чего не составляло большого труда выставить новоявленному юристу прямую дорожку в ЦК комсомола. Да он и сам был малый не промах: гвардейский рост, внешность хоть куда, идеальный пробор, умение налаживать отношения с нужными людьми. Не “пleshка” разминулась с ним, а, скорее, он с ней. Как-то мне предстояло решить проблему, не личную, а связанную с развитием детского спорта. Дело без отмашки сверху торозилось. Не раздумывая, я набрал прямой телефон Чурбанова. Мы обменялись соответствующими в таких случаях фразами. Но он цедил их с такой “дистанционной” холодностью, что продолжать разговор не имело смысла. Через Горбатого до меня иногда доходили о нем разные слухи. Володька так передал мне сцену Юркиных смотрин на генсековской даче. Главный запаздывал. Все отправились в кинозал. Под конец сеанса появился Брежнев. Он задал Чурбанову всего лишь один вопрос: “Надеюсь, вы с Галочкой все взвесили?” Обед протекал без особой помпезности. “Принцесса” вела себя за столом скромно, пригубив лишь бокал шампанского. Всю церемонию чуть не испортил старший Чурбанов. От выпитого его развезло, и от избытка нахлынувших родственных чувств он полез лобызаться с будущим сватом. Брежневская охрана перехватила его на полпути, вывела под белые ручки в вестибюль, строго наказав ни под каким видом впредь не появляться на госдаче. Изредка я встречался с Чурбановым. Но нас всегда разделял стол президиума, его генеральские погоны и медальный иконостас на мундире. Издали его кивок головы в мой адрес скорее походил на жест человека, поправляющего туго затянутый узел галгуга. Потом в перестройку его спустили с небес на грешную землю... в Нижнетагильскую колонию строгого режима. Большинство его друзей времен фавора как ветром сдуло. Пришлось Чурбанову вспомнить о “пleshке”. В маляве, переданной из тюрьмы Владимиру, он попросил заглянуть к своей бывшей благоверной и вытребовать у нее позарез нужный ему для работы в кочегарке спортивный костюм. Горбатый не мешкая отправился к Галине. Дверь ему открыло женоподобное существо. Первым его позывом было желание перекреститься, пробормотав заклинание: “Чур меня, чур!”

У Константина Леонтьева, недооценённого нашего философа, есть один абзац, который как нельзя лучше подходит к этой ситуации. Я возьму смелость лишь слегка поменять концовку, не касаясь его сути в целом: “...Не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только”... чтобы чурбановы тешили свое тщеславие?!

На Воробьевых горах мусье Лионский, бывший товарищ и бывший член профсоюза, а теперь господин, отмечая свой достославный юбилей, забронировал новомодный ресторан. Фамилию он получил в наследство от своего дальнего предка, следовавшего в маркитантском обозе вслед за “непобедимой” наполеоновской армией. Унося вслед за императором ноги из Первопрестольной, он чуть не очоурился от морозов, но был пленен, тем самым положив начало новой, теперь уже российской, веточке французских торгашей. Его потомки из мсье превращались то в сударей, то в граждан, товарищей —

партийцев — в зависимости от эпох. Не менялась только маркитантская суть их профессий. Сам Михаил Семенович начинал в Кисловодских краях с малого. Благодаря протекции он выбилась в товаровед, отвечающего за деликатесные наборы для высших чинов страны, прибывающих на лечение в лечебницы Северного Кавказа. По нынешним временам перечень дефицитных продуктов той поры выглядят не слишком презентабельно: баночный балычок янтарной прозрачности, осетринка горячего и холодного копчения, икра и та, и другая, опять же копченый угорь, крабы в стекле и заморозке, розоватая лососинка в нарезке, плюс виски и сигареты “Мальборо”. При доставке жестяной ассортимент “сплющивался”, стеклотара “билась”, блоки сигарет “мялись”, а у иных товаров “истекал” срок годности. Вся усушка и утруска официально протоколировалась и распределялась по нужным адресам. Поэтому Семенович исправно повышался в должностях и был допущен к обслуживанию, как теперь говорят, вип-персон. В один из своих приездов Галина Брежнева возжелала отведать шашлычка из свежей баранинки. Ее вместе с Чурбановым отвезли на пленэр в горы, где на ее глазах и под бдительным присмотром охраны прикончили агнца. Пока мясо “мариновалось”, его подменили на точно такое же, но приготовленное заранее и прошедшее соответствующую медэкспертизу. Шашлык удался на славу. Чурбанов с барским снисхождением оделил обслугу чаевыми. Привыкший к хамскому обхождению Семеныч, тем не менее, почему-то именно за это подношение люто возненавидел сановного зятя Генсека.

В преддверии перестройки Михаила Семеновича повысили, и он отвечал за пропитание уже тысяч отдыхающих. Сливочное масло, сливки, вырезка изымались им из рациона отпускников. Сметана и творог разбавлялись кефиром. В котлеты добавлялась капуста с рисом, от чего они приобретали пышность и сочность. Трудящиеся массы, не подозревая о хищениях, набирались диетического здоровья, а изъятые у них продукты упаковывались в коробки и развозились куда надо.

Ресторан, стилизованный под уголок Монмартра, заполнялся гостями. Меж ними сновали кокетливые “парижанки”, одетые по моде времен реставрации Бурбонов. Официанты, обряженные в гусарские ментики, разносили на подносах бокалы с шампанским. На авансцену в белоснежных костюмах выдвинулись музыканты оркестра Олега Лундстрема. Перед ними эдакими кониками загарцевали юные от макияжа девицы, обтянутые до “раздетости” в лосины, в каскетках, украшенных триколорными розетками, с мамзелькой-тамбурмажором во главе. Гости рассаживались согласно именованным билетам. Пора было начинать. Но пухлявый юбиляр скромного росточка, с усиками, как две капли воды похожий на повара из известной басни Крылова, укоряющего вороватого кота Ваську, словно кого-то выскивал среди приглашенных, не давая отмашки к началу торжества. Он вертел головой, словно ожившая, что вот-вот за его столиком в услужливо изогнутой позе с накрахмаленной салфеткой на полусогнутой руке появится Чурбанов и полупешотом осведомится: “Чего изволите?” Но все закрутилось, завертелось как бы само собою и не по намеченному сценарию. Оркестр Лундстрема по наущению компаньона юбиляра, не лишеного чувства юмора, вместо оговоренного “Хепши бѣздей ту ю” грянул: “Многая лета!” Гости оторопели, не зная, как реагировать на подобный кунштштюк. Но юбиляр не прочувствовал подвоха, потому что все еще пребывал в своих воспоминаниях о памятном ему чурбановском шикнике...

Володя Горбатенко был нашим связным между Казаковым и Чурбановым. Сам он, конечно же, старался походить на первого. Забросив спорт, Горбатый отправился с геодезической партией бродить по тайге. Таскался по болотам с теодолитом, зверел от гнуса, заделался разнорабочим, а вернувшись в Москву, подобрал на помойке страховидное “лохнесское чудовище”. Отмыв собаченцию и вычесав ей колтуны, он нарек ее ласкательным именем “Несси”. Жил он теперь на Лесной, в глубине квартала, в доме, примыкавшем к Бутырской тюрьме. Он прихварывал и на природу не выбирался. Горбатый собирал шампиньоны на газонах. В свободное время он резал распятия. Друзья расхватывали их словно горячие пирожки. Владимир

заметно сдавал, но в свойственной “плешке” манере подтрунивал сам над собою:

— Ноги стали тоньше инженерских.

Ему подвернулся случай слетать в Мексику на международный турнир по вольной борьбе. Его отговаривали, пугая изнуряющим тамошним солнцем, потому что мы уже догадались о природе его болезни. Но он настоял на своем. После Мексики Владимир протянул три месяца. Он ушел из жизни, оставив после себя лишь заготовку с намеченным контуром Иисуса Христа. Деля оставленную в наследство двушку, его братья вдрызг переругались, и хлопоты, связанные с похоронами, взял на себя ходивший ранее в борцах Отари Квантришвили. Он крышевал тогда почти пол-Москвы и любил делать на публику широкие жесты. Доброхотные деяния были особенно нужны ему именно в тот момент, потому что он вынашивал идею создания партии “Спортивная Россия” и был заинтересован в привлечении на свою сторону спортивных звезд. Отари сам набросал текст открытого письма к Президенту России. Ему казалось, что особенно удачной получилась его концовка: “Мы понимаем, что спорт — не панацея от всех бед. И все же мы верим в спорт. Каждый из нас прошел через него. Мы были верны его идеалам и своей стране, защищая ее честь и славу на спортивных ристалищах мира, мы верим в понятия честь, верность и совесть и готовы преданно служить государству Российскому и Вам, Борис Николаевич. Кстати, Вы первый и единственный пока в истории России Президент — спортсмен, достигший профессионального уровня. Это позволяет нам считать Вас своим собратом. Обсудив это обстоятельство, Совет партии единогласно принял решение избрать Вас почетным Президентом партии. Несмотря ни на какие ветры, дующие на политических аренах, Вы избраны Президентом пожизненно”...

Когда на меня накатывает грусть по прошедшему, я открываю казаковского “Лесовика” (Москва, февраль 1976 года) и читаю его на сон грядущий своей детворе:

*наколи-ка, парень, дров!
ты получишь стол и кров:
стол дубовый с черным хлебом,
кров еловый с звездным небом.
я живу в лесу один —
хвойный царь и господин.
в бороде — седая сказка,
мне и месяц не указка,
видишь посох? он не прост,
это крестный летних верст,
а зимой в углу у печи
сам с собой заводит речи.
во дворе стоит колодец.
дятел сумрак приколотит
к запоздалому стволу.
ну а ты садись к столу!
сумрак пеший, сумрак конный
тихо вешает иконы,
как далекая гроза,
дарит елям образа.
лики с смуглыми чертами,
с скорбно-ласковыми ртами.
но сильна грибная ересь,
и, в еловом всем изверясь,
верят травам, верят мхам —
стеблям смуты и греха.
кушай мед из диких сот!
угол посохом трясет,
ночь несет еловый образ,
я зажгу свечу, раздобрюсь.*

*будет смута, час неровен.
где темнеют лица бревен,
пакля хмурая свисает,
кто-то пеший тень бросает,
тени тянутся к огарку,
угол темный, угол жаркий,
опершись на старый посох,
внемлет ночи теплых досок.
пни — лесные звездочеты
завтра мне расскажут что-то:
как качнулось коромысло,
расплескалось сколько звезд,
нет ли в том лесного смысла,
нет ли в этом хвойных верст.
может, посоху в дорогу
собираться понемногу?
поживи в моей избушке!
ты увидишь на опушке
свадьбы лунные грибные —
до утра звенят ины.*

Быть может, когда-нибудь, в светлом будущем, Владимиру Казакову воздадут должное, и тогда не чурбановых и отариков, а его вспомнят “тихим добрым словом”...

Свадьба Фигаро

Переведясь в Московский инфизкульт, я обзавелся другом со сдвоенным именем Игорь-Игорек. Занимаясь греблей, он попытался приобщить и меня к своему виду и даже уговорил разочек прокатиться с ним по “канавке” вдоль Болотной площади в двойке распашной без рулевого. Лучше бы сразу утопил. Ощущение у меня осталось такое, будто я гарцевал на оглобле. На том дело и кончилось. Жил Игорек в Старомонетном переулке, в одноэтажном строении — бывшей каретной мастерской, на задах храма святителя Григория Неокесарийского, в котором царь-батюшка Алексей Михайлович венчался с Натальей Нарышкиной. В советское время под сводами храма расположился всесоюзный художественный комбинат. Чуть поодаль от церкви приотпились бывшая богадельня для слепых и особнячок, принадлежавший когда-то купеческим женам Афимье и Ирине. Игорь оказался завязтым гулякой. В ресторане-поплавке, который был пришвартован почти что напротив “Ударника”, его принимали за таксиста. Он частенько заглядывал в “Чайку”, или по-простонародному “Крейсер”, чтобы побаловать себя пивком под надрывные песни цыганского хора, базовую основу которого составляли евреи со Сретенки. На момент нашего знакомства Игорь выступал для своих под личиной купца первой гильдии Мукия Парфеныча. По его задумке мне тоже следовало перевоплотиться в замоскворецкого лавочника. Свою деловую переписку мы обязались начинать с велеречивого обращения “милостивый государь”.

Переступив порог его хором, гость погружался в некую атмосферу, которой соответствовали резной сервант в драконах, копия картины “Сватовство майора” и пейзаж второразрядного передвижника, изобразившего унылую деревеньку с покосившимися избушками. Пробки от шампанского изрядно подпортили полотно, и оно нуждалось в предпродажной реставрации. На письменном столе вроде бы красного дерева громоздился бронзовый чернильный прибор. Антикварную обстановку дополняли старый рояль с выщербленными клавишами и мерцающая лампадка перед иконой Николая Угодника. Своих приятелей Игорь неизменно потчевал обжигающе горячей картошкой в мундире, хлебом-черняшкой и селедочкой, щедро сдобренной растительным маслом. Дверь в особнячке никогда не закрывалась, в том числе и на ночь, потому что к Игорю на ночёвку забредали персонажи разного пола и племени.

На тот момент Игорек переживал личную драму. Провожая в Воронеже подругу, решившую поступать в “Щуку”, некая дивчина расхрабрилась и махнула вместе с ней в столицу. Возвращаясь ранним утором из “Крейсера”, Игорек узрел на набережной растеряно озирающую девицу. Слегка покачиваясь от переизбытка вышитого, Игорек почтительно изрек:

— Ну чо, пойдём?

Зоя, так звали очаровательную представительницу черноземья, узрев перед собою коренного москвича, схожего с Блоком, сомлела от обходительного обращения и ответила ему в том же “романтическом” ключе:

— Ну чо, пошли!

Я впервые свиделся с ней, когда она, утонув по плечи в кожаном кресле, укладывала свою загипсованную до паха ногу на подставленный костыль. Зоя на днях потерпела жизненное фиаско. Она неожиданно вспылала чувствами к итальянскому туристу, попала с ним в аварию и угодила с переломом ноги в Склиф. Очнувшись от наркоза, Зоя осознала, что больше всего на свете она все же обожает Игоря. Свив из простыни жгут, предприимчивая красотуля спустилась со второго этажа госпиталя и, поймав такси, примчалась вымаливать прощение. Их токование тонуло в общем гаме и сигаретном чаде. Чтобы соответствовать всеобщей веселости, я осушил для смелости рюмашку, рассказал пару анекдотцев. Но Зоя с ходу распознала во мне чужого:

— Игоречек! Он не наш!

Мой приятель не повелся на реплику, потому что устал от ее истерических признаний и почел за лучшее уединиться в соседней комнатенке, сосредоточившись на создании саги “Лучшие полжизни” о самородном гребце-удальце Вячеславе Иванове.

Вот с этим самым Игорем на занятиях по гражданской обороне мы и засели на “камчатке”, чтобы под прикрытием товарищей всласть наиграться в морской бой. Занятый подсчетом точечных ударов по эскадре противника, я не сразу сообразил, что меня вызывают к доске, расслышав лишь концовку его поучения:

— У солдата всегда имеется в достатке теплая водичка, чтобы быстро промыть затвор от песка.

Преподаватель в майорском чине воспринимался нами с иронией, потому что хлебом его не корми, а дай потягаться со студентами на руках. Верзилистый лектор проигрывал редко, ну а тех, кто не поддавался ему, терзал на зачетах. Пропустив из-за турнира по самбо “гражданку”, я оказался не в теме, и меня подставили ему. Я попытался было выкрутиться, заявив, что травмировал правый локтевой сустав и потому могу сражаться только левой. Думал, преподаватель откажется. Не тут-то было. Впрочем, здесь крылась хитрость. Моя уловка заключалась в том, что я прирожденный левша. С годами все, конечно, образовалось. Но потаенное отличие частенько помогало мне вводить в замешательство противников. Словом, майор схлопотал по полной программе, после чего стал цепляться ко мне по поводу и без.

— Оставьте его! — ни с того ни с сего запричитал Игорек. — Он от свадьбы на дочке Малиновского еще не очухался!

Пораженная новостью аудитория загудела, а майор на всякий принял стойку смиренно. Мне бы осадить друга, превратить все в шутку, но вмешалась какая-то нечистая сила, и я тоже понес околесицу про то, что узами, конечно, сочетался, но только не с родной, а лишь с вневбрачной дочерью. По тем временам заявления, порочащие честь и достоинство высших должностных лиц государства, тянули эдак годков на пять без права переписки. В аудиторию случайно заглянула абсолютная чемпионка мира по художественной гимнастике Татьяна Кравченко. И аудитория заголосила:

— Пентюх! Таньку надо было сватать.

Она тогда очаровала весь инфизкульт своей русой косой, уложенной короной на вскиннутой голове, и образом дивы, вкушающей исключительно амброзию. Татьяна, поняв, что попала не туда, испарилась, а я знай продолжал брехать про свою свадьбу.

— Вы только гляньте на его прикид! — не унимался Игорь.

Тут он попал не в бровь, а в глаз. На лекцию я заявился не как все — в спортивной форме, а в черном костюме из модного шевиота и в белой нейлоновой рубашке. Стильный галстук в косую полосочку придавал всему моему наряду модняцкий вид. В таком виде могли себе позволить появиться в стенах института разве что Валерий Брумель, которому было все нипочем, потому что ему покровительствовал сам Хрущев, и всегда одетый словно лондонский денди рекордмен мира в тройном прыжке Игорь Тер-Ованесян. Он славился среди нас не столько своими запредельными достижениями, сколько тем, что привозил из зарубежных вояжей вороха всяческих аховых штук-чек-дрючек. На его бордового окраса мокасины с бахромой, писк последней моды, сбежался смотреть чуть ли не весь наш курс. Мой случай был иного пошиба. Никто из присутствующих не подозревал, что именно этим снобистским набором на тот момент и ограничивался весь мой гардероб.

В ту пору спрос на тренировочную форму, особенно на синие костюмы из тонкой шерсти с фланелевыми белыми буквами “СССР” на спине, зашкаливал. Они приобретались за наличные в экипировочном центре Спорткомитета и строго по списку. Полного комплекта у меня никогда, собственно, и не было. Кое-что дарил отцу, что-то перепало брату. Последние треники пришлось отдать питерскому дружку Дзюбе. Вследствие чего я оказался “раздетым”, если не принимать в расчет серый бумазейный свитер, обвисавший на мне балахоном после тренировок. По случаю мне удалось приобрести шевиотовый костюм для выходов в свет и купить из-под полы нейлоновую полурукавку — ходовой товар по тем временам. Рубашка оказалась настоящей палочкой-выручалочкой. Ее стоило слегка прополоснуть в раковине, чуть отжать и повесить на плечики. Мгновенно высыхая, она не требовала дополнительной глажки. Но оказалось, что нейлон не пропускает воздух, и я весь покрылся подозрительными пятнами. Пришлось от нее избавляться.

Про “свадьбу” мы с Игорем и думать забыли, слегка подосадовав, что все очернили оборонного министра. Однако на военной кафедре рассуждали совсем иначе, судя по возникшему там напряжению. Стоило на тактических занятиях мне уронить указку, как ее бросался поднимать капитан, куратор нашей группы. Поэтому, срочно вызванный к начальнику военкафедры, я плелся к нему, мучаясь от мрачных предчувствий. Приземистый генерал, отягощенный “трудовым мозолем”, с порога отчитал меня:

— Солдатам срочной службы не положено учиться на дневном отделении! Или в отношении вас имеется специальное распоряжение? Впрочем, — он выдержал многозначительную паузу, — заполучить нужный документ в вашем нынешнем положении не составит труда!

Это была проверка на вшивость. Генерал ничем не рисковал. Представлю справку — извернется в политесе. Не принесу — вышибет из института в два счета.

Пришлось исповедаться Сергею Андреевичу. Он не ругался, понимая, что такого обормота даже боцманскими выражениями не удовлетворишь, пообещав переговорить с начальником ЦСКА, полковником Новгородовым.

— Медведя на чемпионате мира в Иокогаме немец Дитрих укатал, — перевел он разговор на наши рельсы, — так что на следующий год в Америку пошлют тебя. Сдавай зимнюю сессию и бери академический отпуск — надо готовиться!

Справку, дающую мне право учиться на дневном отделении инфизкульты, я оставил у секретарши военной кафедры, дав себе зарок никогда более не ввязываться в подобные авантюры. Хрущев за свое правление много чего навывтворял, в том числе раскассировал военные кафедры в ряде вузов, в том числе и в нашем. Тем самым он как бы спас меня от неминуемого позорища. Так или иначе, но меня в конце концов разоблачили бы. До сих пор не могу понять, почему мы вляпались в эту свадебную аферу? Может, во всем виноват Брумель. Он женихался тогда с балериной Е. Рябинкиной, и наш институт лопался от слухов. Конечно же, эта авантюра была следствием моей наивности. Игорек, учитывая, что я выезжаю за границу, попросил достать ему марки. Обегав всех знакомых, я выпросил у одной девицы альбом с пятью тысячами марок, отображавших эпоху Осоавиахима, Папанинских дрейфов,

Стахановского движения. Когда я приволок Игорю этот пудовый фолиант, он от досады чуть не пришиб меня им. Однако наша свадебная история имела свое трагикомичное продолжение.

Дядю Федю, маминого младшего брата, в нашей семье всегда привечали. Приписав себе год, он ушел на фронт в 1943 году. О военных буднях упоминал неохотно и как бы вскользь. Мне запал в памяти один из эпизодов, рассказанных им. Перед Яско-Кишиневской операцией его взвод целый месяц просидел в траншеях, довольствуясь лишь мамалыгой, и вконец обдристался. Поэтому, когда его бойцы ворвались в немецкий блиндаж и увидели на столе брошенную в спешке фрицами чесночную колбасу и термос с еще теплым эрзац-кофе, атака захлебнулась. В замиренной Австрии, благодаря бравой выправке и боевым наградам, его зачислили в комендантский взвод. Заехав погостить в Ленинград, он поразил мое юное воображение своим лейтенантским обликом: блеском погон, перекрестьем скрипучих портупейных ремней, пашкой, пистолетом в кобуре, а еще и тем, что попросил сбежать ему за свеженьким пивком.

Отец вскинулся от его бюргерской замашки. А я, воспользовавшись их пикировкой, вытащил из положенной на тумбочку кобуры наган, смылся на кухню и попытался взвести курок. Силенок моих не достало, и побабaxать по кастрюлям не удалось. Дядю Федю со временем перевели в Осетию. Вплоть до выхода на пенсию он работал в городском военкомате Орджоникидзе. И мама частенько спроваживала нас с братом к нему на Северный Кавказ погреться на солнышке. В его семье нам особо не докучали, и, пользуясь свободой, мы убежали на Терек, где нас ждала развеселая гоп-компания. В нее принимали только тех, кто отваживался переплыть реку. Она капризно меняла русла, намывала отмели, ворочала валуны. Никто из рискующих переплыть Терек не знал, наткнется ли он пузом на обкатанную булыгу или ошкрябается о невесть откуда взявшуюся заусенчатую каменюку. Но мы сигали в буйное течение реки без оглядки. Терек сносил нас словно щепки к железнодорожному мосту. Песок, набившийся в волосы, вздыбливал прически так, что, обсохнув, мы походил на ирокезов.

Мы встретились с дядей Федей много позже. Он дослужился до полковника. Переступив порог моей квартиры, он напустился на меня:

— А еще племянничком называешься! Хоть бы намекнул, что на дочери Малиновского был женат! Глядишь, и я бы в генералы вышел.

Армейская Конюшня

В Москве, на Ленинградском шоссе, под боком у Ходынки расположился Центральный спортивный клуб Армии. В начале семидесятых это было почти городским предпольем. С ипподрома, акватории речного порта, Тушинского аэродрома, Химкинских лесов до клуба доносились запахи далей. Сам клуб, с незатейливыми цветочными клумбами, походил на хутор. За фасадом скромного двухэтажного административного здания, если смотреть с улицы, за кронами деревьев были почти не видны плавательный бассейн и гимнастический ангар. Борцам вольного стиля в нем отвели небольшой зал на втором этаже в торце здания. Точно такой же, но предназначенный для тяжелой атлетики, располагался внизу. Тренерская каморка размещалась меж этажей. Она предназначалась персонально для Юрия Власова, его тренера Богдасарова и для Преображенского. Благодаря протекции Сергея Андреевича в святая святых получил доступ и я.

Ну, а что насчет “конюшни”? Свое прозвище спортсмены рабоче-крестьянской армии получили в тридцатых годах прошлого столетия, потому что размещались в конюшнях бывшего графа Юсупова. Кстати, спартаковцев, принадлежащих к промкооперации, именовали “торгашами”, а торпедовцев, приписанных к ЗИЛу, дразнили “слесарями”.

Утро у меня начиналось с кросса. Стартовав от ворот воинской части, я добегал до Пироговского водохранилища и трусил обратно. На скорую руку позавтракав, спешил на электричку. На Савеловском вокзале втискивался в автобус, ехал до Новослободской и по кольцевой доезжал до Курского

вокзала. Сокращая дорогу, сигал через рельсы подъездных путей и, протиснувшись в пролом в бетонном заборе, оказывался в парке своей альма-матер напротив каменных львов, охранно возлежащих на портике обветшавшей Шереметьевской усадьбы.

В инфизкульте практические занятия по конькам, хоккею, лыжам, боксу, легкой атлетике или баскетболу чередовались в зависимости от сезона. Так что нагружался я прилично. Обедая в студенческой столовке, чаще всего брал гуляш с мучной подливкой, на гарнир тушеную капусту, стоившую копейки, и на сладкое компот с яблочными ошметками. За хлеб, согласно хрущевской политике, денег тогда не брали, ешь сколько влезет.

После лекций я добирался до клуба, заваливался на диван в “штабной” каморке, укрывшись флотской шинелью тренера, и спал час-другой. Разбудить меня могло только появление Юрия Власова. Сквозь прищуренные веки я украдкой наблюдал за переодеванием самого-самого могучего человека планеты, всякий раз поражаясь его торсу, разлету плеч, лобастой голове. Комнатенка была явно тесноватой для его габаритов...

После Римского триумфа Власов встал вровень с Гагариным, Фиделем Кастро, Ван Клиберна. Сокрушив представление о физических возможностях человека, Юрий как бы огорошил обывателя. С его появлением интеллигентские подковырочки типа: “В семье было три сына, двое умных, а третий футболист”, “Сила есть — ума не надо”, “В здоровом теле — здоровый пук”, — стали восприниматься как натяжки.

Догадываясь о его масштабности, мы хотя бы в мелочах старались походить на своего кумира. Он увлекся охотой, завел жесткошерстного курцхаара, писал книги, трибунил, ну и мы, всяк на свой манер, пустились подражать ему. Я умудрился проторить стежку-дорожку в “Советский Спорт”. Получил свой первый гонорар, и мы с тренером обмыли это эпохальное событие. Мэтр ресторана “Будапешт” посоветовал нам попробовать их фирменное блюдо — венгерское жаркое, намекнув, что оно рассчитано на четыре персоны. На деревянной подставке, принесенной нам, высилась горка краснокочанной капусты вперемешку с печеным перцем, помидорами, баклажанами, отварной стручковой фасолью и чем-то не менее овощным вкупе с со свиными отбивными. Мы быстрехонько все умяли... Когда заказали то же самое блюдо в третий раз, в зал заглянул шеф-повар, чтобы поглазеть на троглодитов.

Толя Колесов, средневес-классик, повел себя иначе. Он разродился заявлением, что подобно Власову непременно добьется звания чемпиона мира, и зачем-то приобрел себе двустволку, точно такую же, как у знаменитого штангиста. Но всех обошел Горбатый. Подражая Юрию Петровичу, он обзавелся вислоухим щенком с печальными глазами, который довольно скоро превратился в баскервильское страшило. Дог спал на подстилке рядышком с прохрудившимся кожаным диваном, охраняя покой своего обожаемого хозяина. Когда ему наскучивало моститься на жестком полу, собака забиралась на диван между хозяином и стеною и, распрямив ноги, спихивала долу мирно посапывающего Горбатенко. К рассвету Владимир обнаруживал себя на подстилке, а дога блаженно распростертым на диване.

Власов иногда снисходил к нам, разрешая просочиться к нему в зал, с условием вести себя ниже травы, тише воды. Мы с придыханием следили за тем, как чемпион ворочает железо. В паузах между подходами он крупными шагами мерил зал. За ним с лицом аскета следовал Сурен Богдасаров. У него были какие-то семейные нелады, и основываясь на личном опыте, он учил нас премудростям холостяцкого быта: во избежание язвы желудка питаться исключительно молочными продуктами. В уголке зала, за шатким столиком, поблескивая стеклами очечек, делал какие-то пометки в тетрадочке “человек в футляре”, такой весь незаметный тихоня, выраженный в цивильный костюм. Он тщательно фиксировал количество подходов Власова к штанге, взятый им вес, паузы в тренировке, словом, стряпал свою докторскую диссертацию. Заканчивая занятия, Юрий нанизывал на кожаный пояс гири. Застегнув ремень, он просовывал в образовавшуюся петлю ступни ног и отжимался на параллельных брусьях. После его ухода мы пытались

проделать то же самое. Но никто из нас так и не смог приподнять связку гирь хотя бы на сантиметр от пола.

Поднявшись в свой тренировочный зал на втором этаже, мы окунались в родную стихию. Сергей Андреевич избегал шаблонных занятий и не терпел нудной натаски. У него ко всему был свой подход. Показав общепринятый вариант мельницы, Преображенский предлагал нам приспособить ее под себя. Его доводы были предельно просты. Все люди разнятся между собою в росте, силе, выносливости. А раз так, то любой прием, словно костюм, требует индивидуальной подгонки. После такого посыла мы пускались во все тяжкие: спорили до хрипоты, огорчались провалам, ликовали от удачных находок. Обуянный творческим порывом, я оставил от мельницы лишь рожки да ножки. В броске, подлезая под противника, почти касался ковра лопатками. По тогдашним правилам даже непредвзятый арбитр вправе был засчитать мне туше. Исходя из этого, мое изобретение окрестили “самокладом” и отвергли.

За тренировку у меня сгорало около трех килограммов живого веса, и губы к концу занятий спекались. Открутив в душевой кран, я жадно ловил ртом струю и пил воду до той поры, пока она не начинала булькать в желудке. Утолив жажду, бросал на решетчатый поддон свитер и устраивал постирушку, немилосердно топча его ногами. До своего жилья в Долгопрудном мы с Сергеем Андреевичем добирались поздно вечером на его чиненой-перечиненой машине, прозванной “Маруськой”. Именно так Преображенский именовал свою старенькую, но надежную “Победу”. За рубежом, учитывая толщину прокатного листа для штамповки корпуса автомашины, ее называли танком.

Испробовать свой вариант мельницы в боевых условиях мне удалось полгода спустя на первенстве Вооруженных сил, проходившем во Львове. В финале жребий свел меня с Веденяпиным. Прежде он выступал в тяже за сборную ЦСКА, но с моим переездом в Москву вернулся к себе на Западную Украину. Приземистый, бирюковатый, перед самой схваткой он нехотя признался мне, что местные не простят ему чистого проигрыша. Видно было по всему, что этот разговор дался ему непросто. Боролись мы шалаяй-валяй, изображая для простачков активность. И тут случился казус. В тот момент, когда мы сместились к краю ковра, что-то швырнуло меня под Веденяпина. Он выбросился за ковер. Но судья то ли зевнул, то ли вожжа ему под хвост попала, засчитал львовянину чистое поражение. На мою беду, арбитр был наш, армейский, и славился тем, что заставлял учеников по четвергам тренировать волю! Я бросился убеждать его, что туше не было, и что бросок пришелся за ковер. Ничто не помогло. Веденяпин сошел с помоста, не подав мне руки. Объясняться с ним не имело смысла. Не мог же я переложить вину на свой мозг, помимо моей воли пославший меня в атаку. Можно мне не верить, но так случается. Именно после этого постыдного недоразумения я наконец-то обрел то, что годами вымучивал на тренировках, — свой стиль борьбы.

В наших буднях мы умудрились заделаться киношными каскадерами. В ту пору подобной профессии не существовало. И если сценарием предусматривалась потасовка, то обращались в спортклубы, чаще к нам, тем более что у нас с кинематографом была теснейшая связь благодаря Алексею Ванину. На первенствах страны по классической борьбе Алексей постоянно оказывался в призах. Видный собою, яркий представитель недюжинной крестьянской породы, утраченной сегодня настолько, что многие едва ли поймут, о чем, собственно, ведется речь, он сразу приглянулся режиссерам. Роль главного героя в киноленте “Чемпион мира” оказалась для него входным билетом в большой кинематограф. Вначале он пристраивал нас сниматься в простеньких учебных кинолентах о действиях боевых подразделений в городских условиях. Переодетые кто в немецкую форму, а кто в красноармейскую, мы лупцевали друг дуга в свете юпитеров почему зря. Меня поразило, что в немецкой каске я выглядел фриц фрицем, а в нашей обмундировке чуть ли не панфиловцем. Рисуюсь перед кинокамерой, мы картинно сокрушались на своем пути всех эсэсовцев подряд. Но из рассказов фронтовиков я точно знал, что они расчищали себе путь с помощью гранат, а не бросков через спину с прогибом. Свои сомнения мне было некому высказать, тем более что вскоре Ванин зазвал нас сниматься в настоящем боевике под названием

“Золотой эшелон”. Фильм повествовал о части золотого запаса Российской империи, коварно захваченной в неразберихе гражданской войны колчаковцами. Сцен с мордобоями, рукопашными схватками, с пальбой было предусмотрено в сценарии предостаточно. Так что с нами обращались словно с профессиональными актерами, тут тебе и гримеры, и накладные бороды, и подбор шинелей или белоказацких полубубков по фигуре. Рукоприкладством мы тешились до самозабвения. А так как дублей хватало, то киноактеры, задействованные в кровавых эпизодах, старались сдружиться с нами во избежание травм, не совместимых с киношной профессией. В минуты отдыха мы фотографировались развлечения ради. Белоказаки фоткались с красногвардейцами и по раздельности, и по классовому признаку. На одном из таких фото я снялся в папахе, с наклеенными усами и в шинели староружимного образца. Скольким знакомым, подсунув семейный альбом и напустив на себя ностальгическую тоску, я говаривал:

— А это мой дедушка в гражданскую. Правда, мы с ним похожи?

На съемках “Золотого эшелона” Алексей Ванин сдружился с Василием Шукшиным, игравшим в фильме одну из главных ролей. Родились в Алтайском крае, оба от земли, оба по столичным меркам лимита. До сих пор досадую, что Алексей не догадался свести меня со своим земляком. Хотя на тот момент я едва ли мог заинтересовать Шукшина. Но у судьбы свои прихоти.

Уделом Ванина были роли второго плана, но зато какие! Стоит вспомнить хотя бы любимую многими “Калину красную”. Грянувшая перестройка положила конец его кинематографической карьере. Он, изредка появляясь на борцовских турнирах, выглядел чуточку старомодно, но всегда подчеркнуто элегантно: строгий костюм, наглаженная белая рубашка, галстук. На трибуне я приседал к нему, чтобы наговориться по душам, но нам то и дело мешали. И мы условились встретиться в иной обстановке. Мне хотелось порасспросить его о Шукшине, особенно о последних днях его жизни. Дело в том, что Ванин обмолвился в узком кругу, что официальная версия внезапной кончины Василия Макаровича — заведомая ложь. Но наша беседа по разным причинам все откладывалась и откладывалась на потом...

В его однокомнатной квартире на задворках Алтуфьевского шоссе некуда деться от нависшей над Москвой адовой жарыщи. Спасаясь от зноя, Захарыч вышел подышать “свежим” воздухом на завешенный для затенения простыней балкон. Жена, встревоженная долгим отсутствием мужа, обнаружила его лежащим на полу в полубморочном состоянии. “Скорая помощь” ехала к нему шесть часов! Популярный шоумен Андрей Малахов, знавший Алексея Захаровича лично, посвятил его трагическому уходу телепрограмму. И только там, увидев кадры документальной съемки Ванинской однушки, я понял, в какой запредельной бедности доживал свой век фронтовик, легендарный борец, известный киноактер: облупленные обои, разошедшая гэдэровская мебель, коленогий стул. На исходе своих дней у него не оказалось ни денег, ни сил, чтобы привести квартиру в пристойный вид. Но самым страшным для меня открытием было известие о том, что его беззастенчиво ограбили, когда он, получив в сберкассе пенсию, возвращался домой. Пережить такое унижение — ему, не боявшемуся подняться в атаку в полный рост, — было не по силу. На своих дачных сотках Ванин соорудил некое подобие блиндажа и проложил к нему ходы сообщения, чтобы держать от вора круговую оборону...

Цыганка Аза

Под Подольском, в укромном лесистом уголке, обнесенном крепостным валом, возведенным для защиты от степных набегов, приютился особняк, украшенный витиеватой лепниной, когда-то принадлежавший знаменитому богатею-булочнику. Пышные калачи из его пекарни доставлялись курьерами в Санкт-Петербург прямым к столу Его Императорского Величества. Однажды миллиончик чуть не осрамился. Московский генерал-губернатор за завтраком, разломив сдобу, обнаружил в булочке некую скукоженную суть, схожую с сушеным тараканом. Хозяин заведения булочник Филиппов,

вызванный градоначальником для разбора с пристрастием, заверил их Высокопревосходительство, что сие есть вовсе не насекомое, а изюм, и на глазах разгневанного градоначальника проглотил подозрительное вкрапление. Так на свет появился филипповский “бренд” — булочки с изюмом...

За особняком Филиппова под крутым скатом течет извилистая речушка с удивительно неэстетичным прозвищем Моча, хотя не совсем понятно, где ставить ударение. В жаркие дни ее запруды дарят прохладу, а хороводы березовых рощ заманивают отдыхающих грибным раздольем. После революционной экспроприации особняк передали профсоюзам. Затем его профиль поменяли. Вокруг да около особняка настроили тренировочных залов. Летом одна тысяча девятьсот шестидесятого года именно на этой спортбазе и проходила подготовка олимпийцев к Римской Олимпиаде.

Горбатенко поселили в дощатом павильоне, кое-как приспособленном под жилье. Промаявшись ночь под тощим байковым одеялом, он вывел карандашом над изголовьем своей постели “дацзыбао”:

*Вот у этой тонкой стенки
Я однажды так продрог!
Рядовой В. Горбатенко.
Да поможет ему Бог.*

Видимо, до Всевышнего дошли его вопли, так как Преображенский переселил Владимира в основной корпус. В наших четырехместных апартаментах временно освободилась койка Лехи Колесника. Накануне мы от нечего делать пинали мяч на стадионе, благо до спаррингов оставалась еще уйма времени. Погода выдалась на заказ: развеселое солнышко, щебечущие птички, муравистый клевер, устилавший зеленым ковром футбольное поле. Для полноты ощущений решили погонять в футбольянку босиком. Леха, прыгнув мяч, ойкнул. Зараза-пчела ужалила его в большой палец стопы. Он осел на траву, но другая стервоза тут же вонзила свое жало ему в зад. У Лехи перекошило лицо, и губы приобрели фиолетовый оттенок. На его счастье, “Скорая” не заставила себя долго ждать...

Перед отбоем в нашу комнату по расписанию заглядывает психолог. Все в нем — профессорская борода, курчавая шевелюра, курительная трубка, глаза, увеличенные толстыми стеклами черепаховых очков до размеров маслин, — соответствовало его чревовещательному специалитету. Мы звали психолога по-разному, кто Киселевым, кто Юрой, кто Яковлевичем, в зависимости от сложившихся отношений. Он казался гораздо старше нас из-за своей курчавой шапки волос и ассирийской бородки. Мы сразу приняли его на распах.

— Приступаем к сеансу аутогенной тренировки, — грудным голосом забасил Яковлевич.

Собравшийся было отходить ко сну Борис Гуревич забубнил себе под нос что-то издевательское про шарлатанов. У киевлянина давно накипело против всяких там научных бригад. Они слетались к нам на сборы, словно грачи на распластаный трактором чернозем, чтобы наклеваться дождевых червей. “Научники” опутывали нас проводами, брали кровь на анализы, измеряли давление, снимали кардиограммы и, запасаясь диссертационными данными, отбывали восвояси, уступая место очередным соискателям кандидатских званий.

— Видали таких, — поддержал его Сашка Медведь, — тоже мне гипно-тизер, астролог, гадатель на кофейной гуще.

— Если мешаю, то могу и удалиться, — как можно более примирительно отреагировал на общий настрой психолог, выказывая чудеса выдержки. Мне же было любопытно, заглянув за спину Яковлевича, обнаружить там атрибуты фокуса-покуса: столик, волшебную палочку и черный цилиндр мага.

— Вам следует научиться расслабляться, засыпать в нужное вам время, чтобы быстрее восстанавливаться после нагрузок. Итак, ложимся на спину, — успокоительно продолжил Киселев, — и постараемся проникнуться словами: я чувствую себя... совершенно спокойным... лицо спокойно и неподвижно... руки начинают теплеть... пальцы тяжелеют...

Голос Яковлевича, становясь все глуше, отдаваясь, как бы растворяется в пространстве. У меня возникает ощущение, что я впадаю в дрему, не теряя при этом способности различать предметы, слышать шорохи. Вот на цыпочках вышел из комнаты, тихо скрипнув дверью, психолог. От моего скованного тела отделилась некая прозрачная оболочка. Следуя изгибам мраморной лестницы, она воспарила на второй этаж, перетекла в будуар, расписанный игривыми амурами, которые, завидя ее, принялись устилать паркет лепестками роз. На сторожевой башне надрывно закричал махальщик:

— Едут! Едут!

На флагштоке взвился штандарт. В крепостные ворота, трезвоня бубенцами, влетела тройка. Откуда-то вынырнули гитаристы в ярко-красных атласных рубахах с подпояской. Гитары, словно разомлевшие на солнышке коты, замурыкали слова величальной:

— К нам приехал, к нам приехал наш Филиппыч дорогой!

“Дорогому” на лакированном китайском подносе, попавшем в здешние края, наверное, еще по Великому шелковому пути, поднесла рюмочку наливочки сама Аза, смуглая черноокая красавица, купленная у табора за мониста, цветастые шали и хрусткие ассигнации. Мне не удастся разглядеть ее лицо, потому что Горбатый дурашливо завопил:

— Поднимите мне веки... они грузные и теплые... ах, простите, теплые и грузные.

Я было попытался согнуть ноги в коленях, но не мог ими двинуть. Ерничай ни ерничай, а Юрочка, все же, был профи, но как выяснилось много позже — с червоточинкой. Наш Фрейд, втираясь в доверие, притворялся эдаким покладистым хомячком-добрячком... пока не обчищал под пустую закрома доверившихся ему людей. А затем с концами испарялся.

Начальство всех мастей засуетилось, занервничало, потому что на базу вот-вот должен был нагрянуть с инспекцией сам Н. Н. Романов, министр спорта еще сталинских времен. И только Г. И. Усенин, “начштаба” сборов, ничуть не переживал. Он не понаслышке знал истинный характер Николая Николаевича.

Усенин мечтал до войны поступить в инфизкульт и добился бы своего, кабы не мина, раздробившая ему стопу в боях за Болгарию! Хирурги ампутировали ему ногу по голень. С горя он решил податься в сельхозтехникум. На втором курсе, вычерчивая кривизну яйценоскости, Геннадий осознал, что его занесло совершенно не туда. Усенин записался на прием к самому Романову. Тот принял его без всяких обиняков, внимательно выслушал и наложил резолюцию на его заявлении: “В порядке исключения к вступительным экзаменам допустить!” Со временем из Усенина получился толковый оргработник. Он не заматерел. На пляже, отстегнув протез, сражал отдыхающих дам всевозможными гимнастическими трюками, покорял их сердца виршами, а сотоварищей взбадривал приказками, иногда и солёными.

На “министерских” смотринах мы с Александром Медведем возились в сторонке от начальственных глаз. Так решил тренерский совет. Медведь бодался с Женькой Максимовым. Его не включили в состав сборной, и он, в свою охотку, прямым из Москвы прикатывал к нам на велосипеде. Отработав свое на ковре, Женька отбивал восвосяи, накручивая на велике за раз более сотни километров. Его железная выносливость вызвала у многих оторопь, как и весь Женькин образ жизни. Зимой он ходил в пиджачке нараспашку, стригся под ежик и всем водным процедурам предпочитал обтирание снегом. Закончив холодрыжное обмывание, он обильно sprыскивал себя “Шипром” и после этого считал гигиеническую процедуру законченной. Сломить эту стоеросовую машину удавалось не каждому, разве что Медведю, который подобрал к нему ключик. Вот и сейчас Сашка попутал Максимыча ложными проходами в ноги, а затем повис на его шее. Евгений, набывчась, пытался разогнуться. Но Медведь согнул его в баранку и промокнул спиной Максима ковер. Следя за их схваткой, я лишь радовался, что на сей раз меня избавили от необходимости бодаться с эдакой колодиной.

Нас с Медведем и таких же, как мы, подающих надежды молодцев, вызвали на подольскую базу в качестве спарринг-партнеров. Основной состав

целенаправленно натаскивали к Италии, и они оттачивали на нас приемы. С поставленной задачей мы с Александром более или менее справлялись, хотя порою азарт сносил нам предохранительные клапаны. Поэтому Савкудз Дзарасов, оберегая свое реноме, предпочитал якшаться с нами как можно реже. Про себя я называл его “Нероном”. Профиль у него был сугубо императорский, а статная дородность придавала каждому его движению диктаторскую властность. Обладая некоей степенью свободы, мы с Сашкой устраивали междусобойчики. У нас с ним было много схожего: оба родились на “ридной нэньке Украине” в один и тот же год, вместе тянули армейскую лямку, рост и у него, и у меня баскетбольный, хотя выглядели мы непростительно худосочными для серьезной тяжеловесной категории. Между нами, конечно же, существовали и различия. Медведь предпочитал подавлять соперника напором. Перед схваткой он походил на борзую, рвущуюся с построки в предвкушении посылы. И еще его отличала от меня цепкость. Дай волю — загрызет, затаскает любого на ковре. Он как-то обмолвился, откуда у него такая хватка. Его отец нередко заявлялся домой подшофе и тумачами принимался вразумлять жинку. Сашке исполнилось четырнадцать, когда батяня забузотерил в очередной раз. Спасая мать от побоев, Александр клещом вцепился в отца сзади, осознавая, что если батя стряхнет его с себя, то от него останется мокрое место.

Савкудз провел показательный бой играючи. Удачно справились со своими противниками и остальные претенденты на поездку в Рим: Али Алиев, Володя Рубашвили, Михаил Шахов, Георгий Схиртладзе.

Раздав задания свите, министр самочинно обследовал базу. Он заходил в комнаты спортсменов, заводил с ними разговоры о том о сем. Проверил, как обстоят дела с кормежкой, и уехал под вечер, нутром матерого чиновника почувствовав огрехи, но оставив разборы полетов на потом, по итогам олимпиады. Тренерский штаб вздохнул с облегчением. Особо воспарил духом наш главный наставник, любитель устраивать в пионерских лагерях показательные выступления. В них в основном он задействовали поколение “некст”, то есть нас. Показухи проходила по одному и тому же сценарию. Гимнастические маты в количестве четырех штук укладывались на дощатом настиле танцплощадки. Мы, изловчась, демонстрировали на этом разбегжающем пятачке каскады бросков. Главный так упивался происходящим, что всем становилось ясно, какой гениальный пионервожатый пропал в его лице. В отместку ему мы занялись дуракавалянием, избрав в качестве жертвы братьев Держжановских. Высокие блондины шляхетских кровей ни в чем плохом не были замечены, если не считать мелочей. Близнецы держались особняком и с упоением зачитывались греческой мифологией, обсуждая сутками напролет, зачем Гера вступила в брак с мрачным чудовищем Тартаром и произвела на свет стоголового урода Тифона. В столовую братья всегда заявлялись в отутюженных костюмах, чем вызывали глухое недовольство нас, охладомов. Чистюли они были первостатейные. План воспользоваться их тягой к ухоженности выработался сходу. На утренней пробежке, обгоняя близнецов, следовало с невинным видом пробросить буквально в никуда реплику о тошнотворном запашке, исходящем непонятно откуда и от кого. То же проделывалось при якобы случайном появлении в их комнатенке. Мы не оставляли их в покое ни в раздевалке, ни на тренировке. И они не вылезали из душевой, сдирая с себя кожу мочалкой, стараясь избавиться от дурных запахов. Не знаю, чем закончилась эта забава, не случись беда со мною. На первый взгляд все дело не стоило выеденного яйца. Серега по заведенному им порядку привез на базу подопечный молодняк. Родители снабдили их тушенкой, макаронами, рисом и всякими иными крупами. На берегу Мочи мы соорудили вигвам из жердей, покрыв их лапником в два слоя. Пристанце для них получилось вполне сносным. Полдня ребята самозабвенно следили за схватками асов, а в паузах сами вылезали на ковер покувыркаться. Иногда нам везло. Зубры снисходили к ним, беря на себя роль наставников, и обе стороны оказывались довольны собою. Днем парнишки плескались в реке, ловили руками под корягами рыбу, загорали. А вечерами начиналось самое то. Взметая искры, пылал костер, в котле доходила до нужной

кондиции гречка, а Сергей Андреевич самозабвенно читал им О'Генри. Затем наступал черед Горбатенко. Он расчехлял гитару и выбренькивал на ней незамысловатые песенки собственного сочинения. Испеченная на углях картошка, пахнувшая дымком, завершала ужин и вовлекала всех в нескончаемый спор: считать ли хищение клубней на колхозном поле озверством или уголовкой?

В вигваме “старшие” появлялись не с пустыми руками. После ужина чего только не оставалось на наших столах: кефир, брусочки масла, колбасная нарезка, просто хлеб. Все остатки относились ребятам. Они, конечно же, радовались такому приварку.

Тот памятный мне вечер не таил в себе ничего особенного. Все шло своим чередом. Я набрал пакет всякой снеди. Неожиданно на меня фурией налетела официантка и, захлебываясь от гнева, потребовала, чтобы я всю еду выложил обратно на стол, мотивируя тем, что за недостачу бутылок из-под кефира она расплачивается своими кровными. Резон в ее словах присутствовал, и я предложил ей разойтись миром, положив на стол пятерку, которой хватало за глаза, учитывая десятикопеечную стоимость стеклотары. С тем и ушел, сопровождаемый ее истошным криком.

Утром меня вызвал президент Федерации Алексей Захарович Катулин. Приземистый, косолапистый, обладатель железной хватки, он в предвоенное десятилетие, поколесив по Германиям, Швециям, Франциям, Турциям, Финляндиям, провел 86 поединков, не проиграв ни единой схватки. В Великую Отечественную партизанил. Контуженным попал в плен. Бежал из концлагеря. Его ловили, били, бросали в карцер. Удачной оказалась лишь четвертая попытка. Только Николай Королев, легенда бокса, скептически относился к его побегам. Королев тоже воевал за линией фронта, ходил в разведку, охранял прославленного партизанского командира Дмитрия Медведева, основу отряда которого составляли бойцы НКВД. Прикрывая в бою раненого командира, Королев ухлопал нокаутами пяток фрицев. Знаменитый боксер, будучи далеко не первой молодости, припадая на ногу, все рвался на ринг остудить пыл восходящей чернокожей звезды Кассиуса Клея. Когда в парилке бассейна, сооруженного на месте взорванного храма Христа Спасителя, я ненароком упомянул о подвигах Захарыча, он осадил меня:

— Стреляться надо было Алешке, стреляться!

Он произнес свой приговор с таким нажимом, что у меня не осталось никаких сомнений — свой последний патрон он использовал бы по назначению. Что и говорить, крут был мужик!

— Говорят, ты официантку матом обложил? У нее давление подскочило, врача вызвали!

Я рассказал Алексею Захаровичу, как все было, а про мат добавил, что вообще не ругаюсь.

— Ну, ты же понимаешь, — раздумчиво произнес Катулин, — поверят представителю рабочего класса, а не тебе. На построении решим, что с тобой делать, отчислить со сборов, урезать стипендию или ограничиться нагоняем!

Меня пропесочили перед строем, тем все и закончилось. За своей обидчицей я потом наблюдал издали: тощая, с висюльками шестимесячной завивки, издерганная. Наверняка безмужняя, с ребенком, а то и двумя на руках, которых надо прокормить на жалкую зарплату. Ее поступок был понятен. Но меня удивило другое. Я впервые столкнулся с поразительным явлением — оказывается, можно солгать, искренне уверовав в свою ложь.

Первые номера, настраиваясь на олимпиаду, иногда срывались на нас. Трофима Ломакина, отчаянного кураку, чемпиона Хельсинкской олимпиады в среднем весе по штанге, ни с того ни с сего понесло, и он начал на всех углах кричать, что прищучит любого борца, раз поднимает на вытянутых руках вагонную ось. Его подловили на слове, подставив ему потехи ради “мухача” Федю Бабинича. Он выглядел заморышем, но ловок был, бестия, и нахален необычайно. Ловко ускользая от лобовых атак Трофима, Федька ухайдокал его до одышки, а затем, зацепив стопу Ломакина, распластал его на брюхе. Сгонщик так отмотал ему руки, что чемпион на несколько дней вообще потерял интерес к штанге.

Анатолий Парфенов, олимпийский чемпион Мельбурна по классической борьбе в тяжёлом весе, затурканный спаррингами, занялся самолечением. На крепостном косогоре, буйно поросшем разнотравьем, переваливаясь с боку на бок, он предпринял “охоту” на пчел. Ему редко сопутствовала удача, потому что он не ловил их, а придавливал своими негнущимися пальцами. Уцелевших особей он сажал на поясницу, пытаясь с помощью их жал избавиться от радикулита. Я наблюдал за его потугами с сочувствием. При форсировании Днепра пулеметчика стрелкового гвардейского полка Парфенова ранило в локтевой сустав. В общем, его за войну дырявили пять разков: три попадания в голову, при двух контузиях, затем в локоть и колено. Орден Ленина вручили после войны. Чего ради забрел на прядильно-ткацкую фабрику тренер по классической борьбе, история умалчивает. Заприметив у станка двухметрового детину о восьми пудах веса, тренер чуть ли не силком затащил Анатолия в спортзал. Всяким там борцовским хитростям учить его было поздно. Собственно, он в них особо-то и не нуждался. Облапив противника, Анатолий ломал супостатов под себя, и вся недолга. Природа наделила его лицом душегуба. Недаром из десятков претендентов на роль гестаповца в кинофильме “Семнадцать мгновений весны” выбрали именно его. Пласты грудных мышц, решетка брюшного пресса, бульжанные бицепсы Анатолия поражали. На мой вопрос, откуда у него такая навесная “броня”, Парфенов бесхитростно ответил:

— Ты бы, Сашок, помахал косой с мое!

О крестьянском труде я знал не понаслышке, и мне была понятна его тяга к пахоте, желанию обзавестись коровенкой. Мне казалось, что между нами возникло некое чувство, сродни симпатии. Он обучил меня защищаться от накатов. Я усвоил его науку настолько, что Парфенов охотно возился со мною в партере. Он даже “позволял” мне забрать его руку на “ключ”. Но, как только он чувствовал, что я вот-вот заведу ее ему за холку, Парфенов поводил богатырским плечом, и меня сносило с его спины, словно назойливую муху. При этом — оба получали удовольствие. Я от того, что не каждому удавалось подломить под себя такую лапшу, а он, скорее всего, от ощущения своей могучности. А еще он не терпел, когда катили бочку на прошлое:

— Меня никто не заставлял писать на снарядах: За Родину! За Сталина! Сына на Паулоса не променял. Ваську, если заслужил, — гнобил. И не греб под себя! Рассказывали, что ему бюро из карельской березы со всякими там выдвигаемыми ящичками и встроенной радиолой для показа притащили. Завхозная шусшера, видимо, захотела отличиться. Сталин похвалил работу, уточнив лишь, сколько такая штука стоит. Выяснив, что тридцать тысяч, категорически заявил: “Мы себе такую дорогую мебель позволить не можем. Отдайте Академии наук, но запросите с них подороже!”

Под занавес сбора тяжи, словно сговорившись, поголовно влюбились в юную метательницу Оленьку Цукай. Стройностью фигуры она напоминала “Девушку с веслом” Ивана Шадра, парково растиражированную лепилами. Загорелая, стремительная в походке, она приводила борцов в ступор. Александр Григорьевич Мазур, много чего женского повидавший на своем веку, и тот поддался ее флюидам. Завидев ее, он тыкал меня локтем в бок и гудел: “Оце дивчина!” На наши ахи и охи Оля не велась. Ее вот-вот должны были включить в основной состав, и она мысленно уже видела себя в Риме на пьедестале почета увенчанной лавровым венком. В тот вечер, прихорашиваясь перед ужином, она машинально взяла со стола растрепанную книжицу в кожаном переплете, изгрызенном мышами. Соседки по комнате использовали ее вместо подставки для утюга. Любопытства ради она раскрыла книжку и прочитала первое четверостишие, попавшее на глаза:

*Ночи уходят, чудесные, сладкие ночи.
Дни остаются — тоскливые дни без тебя.
Так вот случается, милый, а хочется очень
Дома и топота ног босоногих ребят.*

На нее что-то накатило, захотелось остаться одной, уйти от набивших оскомину девичьих посиделок-пересудов, куда-нибудь исчезнуть, скрыться...

Полная луна, выглянув из-за облачной занавеси, оттенила зубчатую окантовку леса, истончила пелену тумана, нависшего над рекой. Встрепанный ее светом, где-то рядом ухнул филин. Ольга сбросила на примятую траву платье и, забредя по колено в воду, зашпилила непокорную прядь волос. Пернатый хищник, мало смысла в прелестях женского тела, тем не менее вытаращился на точеную талию дивы, ее округлости. Перед тем как окунуться, Ольга ойкнула, но теплая, словно парное молоко, вода растопила ее страхи. Она плыла, шурясь от прыскающих в лицо воздушных пузырьков. Лопаясь, они торопливо разбегались от нее в разные стороны. Течение увлекло ее на середину. Она не сопротивлялась. Ее закружило. Звездный небосвод заколыхался над нею. Дуновение ветерка донесло до нее едва уловимый горьковатый запах прибрежного ивняка. Она плыла, смутно ощущая, что случайно попавшие ей на глаза строчки превратили все прежние ее устремления в пустопорожнюю шелуху...

На арене древнеримской базилики Максенция никто из наших вольников золота не завоевал. Серебро и бронза в зачет не шли. Ближе всех к успеху оказался Савкудз. В финале он встретился с матерым Вильфридом Дитрихом. Соперник, как ни пытался, даже не сумел сдвинуть Дзарасова в партере. И Савкудз решил поизголяться над ним, поиграть на зрителя. Он подпер голову кулаком, что на нашем борцовском языке жестов означало крайнюю степень издевки над потугами противника, мол, а подайте-ка мне почитать газетку! По-турецки это звучало иначе: “А не побаловать ли себя чашечкой кофе!?” Дитрих словно дожидался этого момента. Последовала взрывная атака, и он впечатал лопатки осетинского богатыря в ковер. Понятно, что бронзовая медаль Савкудзу и даром была не нужна. Не заиграйся он в Риме, до Токио его никто бы и пальцем не тронул, и нас с Медведем на многие годы спровадили бы на скамейку запасных. И тогда наши биографии выглядела бы совершенно иначе... Вот и не верь народной мудрости: “Не было бы счастья, да несчастье помогло”.

Си-Си-Си-Пи

Год 1962. Сборная СССР по вольной борьбе летит на первенство мира в американский город Толидо, штат Огайо. Мы знаем, что если осрамимся перед угрожающим ликом дядюшки Сэма, то по возвращении особо провинившимся непременно сделают секир-башку. Словом, цель у всех одна и та же — победить, но задачи, стоящие перед каждым, чуточку разнятся. Алиеву, двукратному чемпиону мира, необходимо подтвердить свое лидерство в наилегчайшем весе. Тренеры в нем не сомневаются, лишь бы он совладал с лишними килограммами. Сгонкой веса Али измотан так, что всдыхивает от любого неосторожного слова. Он дошел до того, что ночью, ворочаясь с боку на бок, нашаривает на тумбочке графин с водою, и встряхивает его, чтобы услышать звук булькающей воды. Средневесу Мише Бекмурзову кровь из носу надобно поменять прошлогоднее серебро на золото. Миша закачан настолько, что не способен встать на “мост”. Он и гибкость — вещи не совместимые. Его выручает ломовая силища. На нее и надежда. Пожалуй, сложнее всего в Толидо придется Медведею. На прошлогоднем чемпионате мира в Йокогаме Александр проиграл в финале немцу Дитриху, тому самому, который наказал в Риме Савкудза Дзарасова. Бронза для дебюта вроде бы и не так плохо. Но в зачет у нас принималось тогда только золото. Так Медведь оказался в сборной в подвешенном состоянии. Но Международная Федерация борьбы, в очередной раз перетасовав весовые категории, ввела новую, вполне подходящую для кондиций Александра. Он считает, что ему выпала уникальная возможность, попридержав весок, реабилитировать себя в полутяже. Мне тренеры доверили выступать в тяжелой весовой категории, самой престижной, и по всему видать, ждут от меня великих свершений. Перед отлетом в США Серега оборонил:

— Думаю, ты готов.

Нечто более определенное мне довелось услышать чуть ранее от человека, совершенно чуждого спорту.

Прошлой осенью наша сборная встречалась в Тегеране с иранскими пехлеванами. Из Еревана до контрольно-пропускного пункта в Джульфе нас довели автобусом. Границу переходили пехом, по мосту, переброшенному через невзрачную речку. Железная решетка делила мост на две равные части. Она оказалась закрытой на амбарный замок. Мы, конечно же, не настраивались на церемониальную встречу. Однако появившийся некоторое время спустя со связкой ключей полусонный иранский пограничник, да к тому же в поношенном мундире, разочаровал нас своим непрезентабельным видом. Однако наше настроение заметно улучшилось, когда к станционному перрону Джульфы подали спецпоезд из трех вагонов. Средний представлял из себя ресторан. Его повара улаживали нас всяческими изысками. Кульминацией их кулинарного искусства оказалось блюдо с горкой белоснежного риса, с кратером, наполненным чем-то вроде сметанного соуса, смешанного с неведомыми нам терпкими травами.

Тегеран удивил не чистотой своих европейских кварталов, а кавардаком, творившимся на автостадах. В нескончаемых потоках надрывно клаксонящих автомобилей водители поворачивали где и когда им заблагорассудится, при этом умудряясь избегать аварий. Базар ошаршил приставучестью зазывал, штабелями персидских ковров, ювелирными лавками с россыпью бирюзы, золотых монет, низками всевозможных дамских цапек из драгметаллов, дурманящими запахами ароматных приправ, восточными сладостями и зашпанным шепотком: “шурави... шурави... шурави”, мол, “советские... советские... советские”. На матчевую встречу мы едва не опоздали. Путь нам преградила процессия истязующих себя людей. Они в испуге, до кровищи, хлестали себя ременными плетками. Слишком впечатлительных членов нашей команды пришлось успокоить тем, что именно так наиболее экзальтированные персы отмечают очередную годовщину Великой Октябрьской революции.

Но, пожалуй, самым сильным для нас потрясением оказался переполненный до отказа стадион, с ликованием встречающий своих кумиров. Футбольные фаны по сравнению с ними — детсадовская мелюзга. Посещения зурханы, что в переводе означает “дом силы”, кое-что прояснило нам в фанатичной преданности иранцев борьбе. Под высоким куполом здания, напоминающего мечеть, под аккомпанемент будоражащих звуков томбака, маленького цилиндрического барабана, впав в транс, кружились оголенные по пояс мускулистые мужчины. После танца, вооружившись пудовыми булавами, они жонглировать ими до седьмого пота, а затем сменили их на связки гремучих цепей. И лишь после такой разминки пехлеваны приступили к поединкам.

Своей схваткой я остался недоволен. Выиграл, но коряво. Сойдя с помоста, попал в плен к газетчикам. Ко мне пытается пробиться жена нашего дипломата. Ее усилия оказываются тщетными, но сквозь всеобщий галдеж до меня донесся обрывок ее фразы:

— Искра... в вас есть искра!

Никто из близких мне людей отродясь ничего подобного мне не говорил. Потому мне и запомнился ее восторженный выкрик...

В иллюминаторе самолета одна и та же набившая оскомину картина: безоблачная высь и бескрайность океана. Кажется, что самолет завяз в бездне. Мы с Гуревичем, измаявшись от безделья, затеваем очередную партийку в подкидного дурака. Борис в команде держится особняком. Его слегка заносит, после того как Вучетич из тьмы соискателей именно киевлянина избрал моделью для своей знаменитой скульптуры “Перекуем мечи на орала”. За гонорар крыльев не купишь, но походку деньжата могут подпортить. Борис появился на сборе в приталенном пиджаке. Своим щегольским видом он как бы расквитывался за прошлое. Раньше его пластали на ковре и, заломав руку на “ключ”, елозили предплечьем по губам до кровянки. Эта каверзная пытка называлась чисткой зубов. Оставшись в зале после тренировки одиношеничек, он упорно накачивал себе бицепсы на гимнастических кольцах.

Тяготящий перелет через океан завершался. В окно иллюминатора завиднелась прибрежная полоса. Под крылом лайнера замелькали крыши

коттеджей, зелень лужаек, синие овалы бассейнов. “Их тут тысячи тысяч”, — словно предугадывая мой недоуменный вопрос, оборонил сосед по креслу, судя по всему совершавший не первый вояж в Америку.

В аэропорту мастодонный афроамериканец в белоснежных перчатках с безразличным выражением лица по самый локоть запускает в мой чемодан лапищу и переворачивает вверх дном все его содержимое. С таким же равнодушием таможенник потрошит баул следующего пассажира. В тоннеле под Гудзоном посольский автобус застревает в пробке. От выхлопных газов мы чуть не задыхаемся. Наверное, еще и поэтому при виде сгрудившихся на Манхэттене заоблачных акселераторов из стекла и стали меня охватывает оторопь. Мне бы и недели хватило, чтобы зачехнуть среди этих небоскрёбных каньонов. И, тем не менее, я прилипаю к окну автобуса. Спортсмены не туристы — никаких тебе экскурсий, никаких там картинных галерей. Выступим, и “гудбай, Америка”. Так что успевай, лови момент...

Разномастный бродвейский поток. Тут тебе и вечно спешащие офисные клерки, несмотря на жарящую блудящую свой пиджачно-галстучный дресс-код, и лениво бредущие тучные фигуры в обвислых футболках и приспущенных до колен шортах, полно мамаш, схожих с кенгуру из-за своих ляпочных напущиков, в которых посапывают их сомлевающие от некла эбби. На углу перекрестка грохочет джаз-банд. Инструмент у музыкантов непрезентабельный: перевернутая металлическая бочка замещает барабан, контрабас заменяет палка от швабры с туго натянутой струной из бельевой веревки, совмещенная с тазиком-резонатором, плюс маракасы. Они же приторговывают и одноразовыми пластмассовыми ручками, потому что просто так побираться в Штатах противозаконно. Мы притормаживаем у фастфудной забегаловки, где кормимся на скорую руку. Официантка, она же продавец и кассир в одном лице, в накрахмаленном чепчике и в таком же чистюльном переднике не обслуживает нас, а порхает. Ее подменяет сменщица, и “наша”, сняв униформу, устраивается за соседним столиком, оплачивая свой заказ наличными из своего собственного кармана! Уму непостижимо! Вот она — реальная Америка!

В Толидо размещаемся в университетском студенческом кампусе. Двухместные номера обставлены спартански. В конурке две кровати, при них тумбочки, невзрачный столик, платяной шкаф и душевая кабина. Медведь напросился мне в соседи, хотя от бесконечных спаррингов на сборах нас уже подташнивает друг от друга. Секрет в том, что для походов по супермаркетам, на нашем языке “музеям”, ему надобен толмач. А за время наших заграничных вояжей мне удалось довольно сносно освоить пиджин-инглиш. Так что ему без меня — ни прицениться, ни поторговаться. А любит он это дело до самозабвения. Присмотрев нужную ему вещичку, он принимается мытарить продавца, требуя от него, чтобы тот скопил цену. Мои попытки урезонить друга, втолковать ему, что это не базар и здесь не торгуются, ни к чему не приводят. Сашка знай гнет свое. Очумев от такого напора, мерчандайзер вызывает себе на подмогу старшего по отделу. Вдвоем, а то и втроем, они пытаются урезонить Медведя. Но Сашка упорно стоит на своем. Результат всегда один и тот же. Ошалевшие от его натиска продавцы куда-то звонят, с кем-то что-то согласовывают и, наконец, капитулировав, отдают Медведю товар за пол-цены.

После обустройства тренеры собирают нас в холле на установку:

— На солнце не вылезать, на разминках не заводится, в город не выбираться.

Предоставленные затем самим себе, мы не расходимся. У Гуревича в аэропорту пропал чемодан. В помятых хэбэшных брюках, плетеных сандалиях и бобочке-безрукавке он выглядит дачным пенсионером. Решаем, что Борису необходимо срочно выставить авиакомпании иск, приложив список пропавших вещей.

— Записывай: фотоаппарат “Феликс Эдмундович Дзержинский”, — советует ему Роберт Джгамадзе. Он полон решимости нанести сокрушительный удар по экономике США. Гуревич не понял его посыла. — Да я про “ФЭД”, — растолковывает ему Роберт.

Айдын Ибрагимов предлагает не мелочиться и добавить в список любительскую кинокамеру, а еще лучше две. Подбивая итоги, он озвучивает общую сумму претензий в долларовом эквиваленте. Получается полтыщи зеленых, а то и более. Нас берут завидки, всем бы такая пруха, все же солидная прибавка к более чем скромным суточным.

Манеж, в котором будут проходить состязания, расположен рядом с кемпингом. В голове мешанина. Мы еще не выпутались из паутины часовых поясов. Отовариваемся продуктами в ближайшем от нас подземном переходе. В нем установлены шеренги автоматов с кока-колой, фантой, разными чипсами, сэндвичами, пакетиками с орешками. Всем этим соблазнительным “разносолам” я предпочитаю консервированные бобы — дешево и сердито, тем более что автомат выкатывает их подогретыми. Иногда раскошелливаюсь на мороженое — ледяное крошево, политое фиолетовым сиропом с привкусом жевательной резинки. Оно на какое-то время спасает от влажной духоты, разлитой повсеместно: в общежитии, в спортзале, в парке. Жара не спадает даже ночью. Ложась спать, я укрываюсь мокрой простыней, так вроде попрохладнее. Но она мгновенно высыхает, свивается в жгут, и надо вставать, тащиться в душ и вновь ее замачивать. Накануне старта Гуревича умыкают его соплеменники. Он клятвенно обещает вернуться утром к взвешиванию. В составе каждой команды, направляемой в то время за границу, всегда встраивался хитрый дядечка — “внутрячок”. Между собою, мы называли таких Иван Иванычами. Так борцы обзывали дерматиновые чучела в рост человека, набитые для упругости шерстяными отходами, на которых отрабатывалась броски. Мы, разумеется, прикрыли Бориса, и “внутрячок” не заметил его отсутствия. Гуревич объявился на рассвете с двумя чемоданами, трещащими по швам от шмоток:

— Протрепались всю ночь, — пожалился на своих единоверцев Борис. — Они думают, что я Иисус Навин, и ждут от меня здесь библейских подвигов.

Мы придирчиво рассматриваем его пухлые баулы.

— Вишь сколько барахлашка мне отвалили? Чтоб мы так жили! На ихний манер инженер, а по-нашему миллионер. У них в коттеджах наверху спальни, а поддают исключительно виски с содовой. Ради интереса губы смочил. Дрянь да и только!

Чемпионат начинался с иезуитского испытания — взвешивания. Чего, казалось бы, проще — встал на весы, сошел, вот и вся недолга. Но для легких весов эта процедура хуже казней египетских. Нервы внатяг у всех — особенно у “мухачей”. Если что-то пошло не так, навьючивай на себя ворох одежды, бери скакалку и вперед с песнями. Успеешь сбросить лишнее в отведенный для взвешивания час, значит, твоя взяла, не сподобился — дисквалификация, и тогда вся твоя команда, в общем зачете, откатывается на зады. Оттого у ширмы, за которой происходит процедура взвешивания, атмосфера особенно нервозная. Подходит черед трехкратного чемпиона мира Хюссеина Акбаша. Соперники глаз не спускают со своего основного конкурента, прозванного “железным хромцом”. Его шатает от сгонки из стороны в сторону — кожа да кости. От всей мышечной массы у турка остались лишь “фасолины”. Своим изможденным лицом он схож с оголодавшим ястребом. Такой, если скоттит кого, то разорвет в клочья. Он и в обычной-то ситуации, со своей скрюченной ногой, выглядит по-особенному, эдакая ходячая мумия. В детстве Хюссеин, тащивший тяжеленую вязанку дров, сорвался с крутизны. Коленный сустав, бедро, голень правой ноги превратились у него в сплошную дрань. Бабки-знахарки еле выходили малолетку. Нога срослась, но походила на иссохшую коряжку. Акбаша даже отстранили от международных турниров. Но его личный тренер поставил перед международной федерацией вопрос ребром: “Почему двукратному серебряному призеру Олимпиад по греко-римской борьбе, глухонемому итальянцу, Игнацио Фабре можно бороться, а Хюссеину, с его скрюченной ногой нельзя?” Культяшка Акбаша служит ему в качестве наживки. Все знают, что хвататься за нее — себе дороже, но под гипнозом ее кажущейся хилости не могут удержаться от соблазна. “Отдавал” ногу Хюссеин в легкую, а затем в шпагате дотягивался до таза атакующего и ставил его на попа.

Вокруг турка суетятся секунданты с термосами. Осталось каких-нибудь полчаса до завершения взвешивания, а у него излишек веса, заклятые доли граммов. По всему видать, назревала сенсация. Его заводят в парилку. Там под потолком подвешено наливной спелости яблоко. И Акбаш, прыгая до одури, пытается достать его зубами.

Ждет не дожидется своей очереди и Нодар Хохашвили. У него 63 килограмма. Он, как и полагается, тоже из разряда сгонщиков и накануне жаловался мне, что сердце у него бухтит в груди, нещадно тарабани по хребтине. Сгонщики, успешно проскользнувшие между Сциллой и Харибдой мандатной комиссии, давятся обжигаящим чаем. Но и они могут позволить себе кружку-другую, не более. Чтобы напиться до захлеба — с радости или горя — им еще потеть и потеть...

Тяжи кучкуются в сторонке от общей кутерьмы. Они словно моржи-секачи на лежбище: переминаются, позевывают, косясь друг на друга. Им, собственно, незачем спешить. Взвешивание их особо не волнует. На меня — очкарика, ноль внимания. Они уверены, что будут тягаться с Александром. Так что мне позволено разглядывать их в упор. У болгарина Лютви Ахмедова голова вросла в плечи. За нее ни зацепиться, ни ухватиться. Немец Вильфрид Дитрих, прозванный за свою недюжинную силушку подъемным краном, массивен и вроде неповоротлив, но всем известны его виртуозные броски полусуплесом. Турок Хамид Каплан поджар, взгляд жесткий, готов схарчить любого. Мне о них мало что известно. Они для меня, как каменные половецкие истуканы, вросшие за века в землю по пояс — ни раскачать, ни опрокинуть. И мне надо выигрывать у эдаких громил!? Кто они — соперники, противники, недруги? Мне бы на них осерчать — не получается. Но и друзей в них не вижу.

Чемпионат еще толком не начался, а болельщиков в зале под потолок, и они заводят себя кричалками. Прячусь от их гвалта в разминочном зале. Но и он переполнен праздными зеваками. Секьюрити себя особо не утруждают. Нашитые на наших спортивных костюмах крупным шрифтом буквы “СССР” интригуют. Уяснив значение аббревиатуры “Си-Си-Си-Пи”, они с трафаретной улыбкой восклицают: “Оу, спутник, Гагарин!”. Их назойливое любопытство достает, и я прячусь под трибуны. Здесь поспокойнее и удобнее наблюдать за всем происходящим. На помост зачем-то поднимаются длинноногая красотка в откровенном бикини, перепоясанная голубой атласной лентой с надписью: “Мисс Нью-Йорк”. В руках у нее плетеная корзиночка, полная яиц. Дефилируя по ковру, мисс зазывно виляет бедрами и будто невзначай роняет яйца на поролоновые маты. К моему удивлению, они остаются целехонькими.

— Да сварены вкрутую, а ты и раззявился, — отрезвляет меня Серега. — Свои поролоновые ковры рекламируют, всего-то делов. Не трать нервышки по-пустому. Найди местечко поспокойнее — только свой вызов на ковер не проворонь.

Удар гонга. Прогоняя трясульку, вдыхаю воздух и схожусь с южноафриканским буром в клинче. От него пахнет дезодорантом, смешанным с запахом пота. Нутром почувствовал, что вся его напускная бравада куда-то подевалась! В глазах у него паника. Мне хочется разорвать бедолагу на части, лишь бы он не мучился страхом. Делаю обманный рывок. Поведясь на уловку, бур шатнулся в нужную мне сторону и попался на “ломок”. Взмыв в верхотуру, он с высоты человеческого роста хряснулся на ковер. Победа, что надо, — чистая, чистой не бывает!

Кураж пойман. На его волне я и в следующем, и в последующих поединках дал прикурить противникам и споткнулся лишь на Лютви Ахмедове. Титулы болгарина внушают почтение. К тому же, он превосходит меня в весе килограммов эдак на двадцать. И все бы ничего, но своей манерой бороться он напоминает мне Бориса Кулаева. На сборах любой спарринг с осетином оборачивался для меня испорченным настроением. Внешне Кулаев походил на банковский сейф, который с места не сдвинешь, болгаркой не вспорешь и кувалдой не раздербанишь. Чуть присядет, выставит ногу в упор, и бейся о него до обморока. В самом начале Лютви попытался пару

раз меня швунгануть, то есть задергать ударами по шее, оплеухами, но я опережаю его в скорости и, сделав подсечку, зарабатыватью балл. Под занавес болгарин решается на таран, но я успеваю уклониться. Гонг. Преисполненный сознанием выполненного долга, иду на середину. Рефери берет нас за руки, смотрит на судейскую коллегия и поднимает вверх руку Лютви, а заодно и мою. Мое лицо вытягивается от недоумения, ведь был же бросок, был балл! Серега раздосадован не менее моего, но старается утешить:

— Не засчитали очко, болгарин их своим авторитетом задавил. Его знают. Не мог же он поддаться какому-то зеленому новичку. Боюсь, как бы Лютви с Капланом в финале в наперстки с тобой не сыграли! Самого Дитриха схарчили и не поперхнулись.

Завершается третий день турнира. Чемпионат входит в финишную прямую. Ажиотаж в Филдхаузе зашкаливает. Потуже шнурую борцовки, скроенные из тонкой кожи, строго следуя последовательности — вначале на левой стопе, затем на правой. Точно так же поступаю и с лямками трико. Делаю щадящую разминку. Завидев Каплана, мозолю ему глаза, нарочито лениво приседаю, как бы нехотя прогибаюсь, наминая уши. Я заметил, что если не суетиться на виду у противника, то он поведет себя соответственно. А мне нужен “сухой” Каплан. Может, тогда и появится шанс вылететь под ним в своем триковом броске. На потных этот захват соскальзывает.

Каплан выходит на ковер первым. Я медлю. Пускай кондиционер обдует его, обсушит, пусть потомится в ожидании меня. Но дольше тянуть нельзя. Турецкие болельщики перетекли к нашему помосту и затащили бьющую по перепонкам волюнку: “Тюрки... е... тюрки... е... тюрки... е!” У меня в запасе меньше секунды, чтобы принять решение. Не в том смысле, что провести вначале “вертушку”, а потом сделать “отхват”. Я давно от подобных глупостей отказался. Противники не оловянные солдатики. Иной, выйдя на ковер, так согнется в “пополаме”, что всем твоим задумкам сразу каюк. Мне надо по первым движениям понять, принимает ли Хамид меня за везунчика, ухитрившегося пролезть в финал? Свисток Стива комкает мои размышления. Уберегая себя от свистопляски, вздыбившей зал, — глухну. В моем суженном пространстве только Каплан и мои раскаленные до малинового цвета уши. Хамид сходу наваливается на меня сверху. Надо же такой прухе! Сам полез в капкан. Но чур меня, чур! Бросать его не с руки. Мы сместились к краю ковра. И заступа при броске не избежать. А на тот же самый трюк Каплан дважды не поведется. Что делать-то? Изображая перетрус, выдираюсь из его захвата и вываливаюсь за ковер. Американец снова сводит нас в центре помоста. Каплан, подумав, что я смертельно боюсь его навала сверху, ни секунды не раздумывая, вновь повисает на моей шее, подламывает под себя и... летит... летит... летит, сверкая пятками, потому что я, стелясь под него, успеваю развернуть Хамида спиной к ковра. Туше! На лице секунданта Хамида полная растерянность. В тот миг ему показалось, что Каплану свернули голову, словно куренку.

Истошный крик Сереги испарывает тишину:

— Держи! Не отпускай!

Но я и без его подсказки вцепился в Каплана по-бульдожьки. Если сейчас вскочить и запрыгать на ковре от счастья, то судьи могут не засчитать туше, мол, бросил с нарушениями и все такое прочее. Такое бывало, и не раз! Меня стаскивают с Каплана за ноги. Чемпион туширован за 49 секунд. И как бы они теперь ни разыгрывали с Ахмедовым партию в подавки, им ни за что не уложиться в эти секунды. А значит, я первый! Оставив поздравления на потом, бросаюсь на помощь к Александру Медведю. Он сошелся в клинче с Тахти. У них пока ничья, и, значит, Сашкина судьба висит на волоске. На утреннем взвешивании Реза оказался легче Медведя на четыреста граммов, и в случае пата победу присудят иранскому пехлевану. Вокруг помоста кипение страстей. Фанаты понимают, что они свидетели последнего боя их кумира. Тахти дал слово, что после Толидо навсегда оставит спорт. Истекает последняя минута поединка. Александр измотан донельзя, и все же лезет и лезет вперед. Реза, выбитый Александром за ковер очередным проходом ему в ноги, через не могу заставляет себя вернуться в центр помоста.

Очевидно, он тоже на пределе. Болельщики хором отсчитывают последние секунды поединка. Гонг! Ничья! А это означает, что золото достается иранцу! Обессиленный Тахти падает на руки ликующих земляков. Его увешивают припасенными заранее гилянцами цветов, словно индийского магараджу, и толпа, пританцовывая, на плечах несет его на контрольное взвешивание.

Три золотые медали позволяют нам обойти в командном зачете иранцев, турок, болгар, японцев, словом, всех-всех-всех. Прикомандированный к сборной заведующий международным отделом “Советского спорта” Кикнадзе, как две капли воды похожий на Дон Кихота, спешно отсылает на родину реляцию о нашей победе. У меня с ним контакт. Но он то и дело прощупывает меня:

— Ты же интеллигентный парень! Как тебя угораздило податься в борцы?

— Случайно застрял, — парирую я, — а когда спохватился, побоялся прыгать с поезда на полном ходу.

Кто бы мог подумать, что в лихие девяностые, он же, в своем опусе, опубликованном в “МК”, поведает городу и миру, что тогда, в Толидо имярек испражнился в трико и, таким образом облегчившись, оказался легче своего соперника и выиграл звание чемпиона мира. Надо же так опаскудить журналистское реноме, под занавес своей жизни!..

Самолет уверенно гудит мотором. Мы легим домой, испытывая легкую эйфорию, ни о чем не тревожась, не ощущая, что под нами... ветер по морю гуляет и подлодки подгоняет... прямо к острову Буяну, прямо к храброму Салтану по фамилии Кастро... Лишь потом придет осознание, что Кубинский кризис чуть не привел земной шарик к вселенской катастрофе.

Нанайский мальчик

Однажды я загостился у Михаила Шишкина, актера театра “Ромен”, неподражаемого рассказчика курьезных баек и бесподобного исполнителя старинных романсов. В большие актеры он не вышел, если не считать разового эпизода в фильме “Анна на шее”, но пришелся по душе Василию Сталину своим хрипловатым голосом и тем, что держал форсе, пресекая любые попытки соблазнить его хористок. Согласно таборному канону Михаил носил в мочке уха увесистую золотую серьгу, схожую с полумесяцем. А еще он обожал скачки, карты и борьбу. При наших встречах Михаил задибался, пытаясь одолеть меня. Он до трясушки боготворил свою необъятную женушку, волоокую блондинку с очевидными формами. Подобных дам мужчины всегда провожают восхищенными вздохами, прибавляя: “Обнять бы такую и прослезиться от удовольствия!” В его квартире в Телеграфном переулке — и по случаю, и без — веселье никогда не прекращалось. В тот памятный вечер я ушел от него пораньше. Мне надо было успеть до отбоя в пансионат на Ходынке. Там у армейских борцов проходил тренировочный сбор.

Она вошла в вагон на “Маяковке”, румяная от мороза, в курточке с воротником из лисьего меха. Через плечо у нее были переброшены связанные шнурками коньки-канадки. Я украдкой посмотрел на ее соболиные брови, густые волнистые волосы, забранные на затылке в тугую пучок. На какой-то миг мне удалось поймать ее взгляд...

Домашние звали ее Татой. Она родилась с пышной копной волос, требовавшей немедленной укладки, желательной феном. Ее глазенки после родов являли из себя припухлые щелочки, потому девочку долго величали нанайским мальчиком. Малявка вырастала, поражая всех своею грациозностью, свойственной разве что сказочным феям. Родня млела при виде “нанаечки”. Но ее мама, женщина строгих нравов, запретила сюсюкать и говорить Таточке, что она “прелесть как хороша”. Многочисленные тетушки, огорченно повздыхав, подчинились. Взрослых в этой старомосковской семье слушались беспрекословно. Однако взбунтовалась сама кроха. Когда однажды ее нашлепали за какою-то малость, Тата обиделась и своевольно заявила, что уйдет из дома к... цыганям.

Основатель династии Гранильщиковых служил управляющим чайного магазина, выстроенного в псевдокитайском стиле на Мясницкой. В нем торгуют

колониальными товарами и по сию пору. Революция заставила наследников поменять профессии. Они стали мостостроителями, инженерами-путейцами, проектировщиками, архитекторами, сражались за Родину и Иосифа Виссарионовича. Таточке в наследство как напоминание о давно прошедшем прошлом достались серебряная суповая ложка с монограммой и старинный фолиант с фотографиями прабабушек в шляпках, украшенных страусовыми перьями. Таточку-Танюшу по окончании десятилетки отправили учиться в серьезное заведение — институт геодезии и картографии. Первокурсники не знали, как объясниться ей в любви с помощью дифференциальных уравнений. Все это мне станет известно потом. А тогда в метро я вдруг понял, откуда у вошедшей такая аура. Она не ведала о своих чарах. Не замечая моего пристального интереса к своей особе, она отсутствующе уставилась в тряское вагонное окно.

Сердцем я понимал, что мне нужно в сей момент набраться храбрости и подойти к ней, сказав нечто значимое. Но на ум, кроме расхожей пошлятины вроде: “Девушка, а не скажете ли, который час?” — ничего не приходило. Она вышла на “Соколе” и села в троллейбус, направлявшийся к Речному вокзалу. Мне нужно было ехать в противоположную сторону, на Песчаную площадь. В последний момент, когда двери с шипом начали закрываться, я заскочил в салон троллейбуса и опрометчиво сел впереди нее. Еду, страшась оглянуться, чтобы не выдать себя. Она сошла на конечной остановке и, пугаясь темноты, заспешила к угловому дому по тропочке, проложенной в сугробах. Крадусь за нею, боясь обнаружить себя, взмокнув от волнения. Пирожковая шапка под каракуль и очки съехали набок. Кожаный портфель, набитый затхлой спортивной формой, колотит по коленям. В подъезде она вызвала лифт, а я мнусь в нерешительности за ее спиною, пытаясь выдать из себя что-либо членораздельное. Судорожно нашарив в кармане пальто мелочь, извлекаю ее и тупо пялюсь на медяки. Они подпрыгивают на ладони синхронно с дрожью тела, выдавая меня с головой. И тут, припертый к стене, я неожиданно выпаливаю:

— Вы меня сюда завели, вы меня отсюда должны и вывести!

Она обернулась и с удивлением посмотрела на меня...

Похождения факира

*Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутельники седые?*

*Говорят, умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!*

Эту песню написал гусар, поэт, лихой рубака, знаменитый партизан, герой войны 1812 года Денис Давыдов. Он воспевал вино, любовь, удалую жизнь и скучнел от “глубокомысленных” обсуждений мемуаров барона Генриха Жомини касательно наполеоновских баталий.

Казалось бы, Денис Давыдов личность совершенно мифическая и он так далек от нас. Ан нет! Открыл сочинения дяди Гиляя “Москва и москвичи” и понял — заблуждаюсь, и очень сильно!

“Сидя в кабинке Сандуновских бань... старик рассказывал:

— А пить я выучился тут, в этих самых банях, когда еще сама Сандунова жива была. И ее я видел, и Пушкина видел... Любил жарко париться!

— Пушкина? — удивленно спросили его слушатели.

— Да, здесь. Вот этих каюток тогда тут не было, дом был длинный, двухэтажный, а зала дворянская тоже была большая, с такими же мягкими диванами, и буфет был — проси чего хочешь... Пушкин здесь и бывал. Его приятель меня и пить выучил. Перед диванами тогда столы стояли. Вот сидим мы, попарившись, за столом и отдыхаем. Я и Дмитриев. Пьем брусничную воду.

Вдруг выходит, похрамывая, Денис Васильевич Давыдов... знаменитый! Его превосходительство квартировал тогда в доме Тинкова, на Пречистенке, а супруга Тинкова — моя крестная мать. Там я и познакомился с этим знаменитым героем. Он стихи писал и, бывало, читал их у крестной. Вышел Денис Васильевич из бани, накинул простыню и подошел ко мне, а Дмитриеву ему: “С легким паром, ваше превосходительство. Не угодно ли брусничной? Ароматная!” — “А ты не боишься?” — спрашивает. “Чего?” — “А вот ее пить? Пушкин о ней так говорит: “Боюсь, брусничная вода мне б не наделала вреда”, и оттого пил он ее с араком”. Денис Васильевич мигнул, и банщик уже несет две бутылки брусничной воды и бутылку арака. И начал Денис Васильевич наливать себе и нам: полстакана воды, полстакана арака. Пробую — вкусно. А сам какие-то стихи про арака читает...”

Мимолетная вроде зарисовка, но в ней Денис Давыдов наш, свойский, стал мне ближе и понятнее, почти что своим, рубахой-парнем. Много лет спустя завсегдатаями Сандуновских бань, с их кабинетами, простынями, колоритными банщиками оказался и наш брат-спортсмен — члены “Русского гимнастического общества”. А в мои годы знаменитые бани пришлись по вкусу Александру Мазуру, мерявшемуся силой с самим Иваном Поддубным, циклопическому Анатолию Парфенову, не то борцу, не то киноактеру Алексею Ванину. Все они предпочитали сандуновский парок многим иным утехам.

Но вернемся, собственно, к “Жомини”. Получается, что я много чего нагородил, а о борьбе — не более полуслова. Но все эти вокруг да около мне были крайне необходимы. Они тот фон, точнее второй план, который придает событиям особую осязаемость. Взять хотя бы известную поэму Твардовского о войне “Василий Теркин”, имеющую к тому же подзаголовок “Книга про бойца”. Так вот в ней — собственно боевым сценам отведено не столь уж много места. Но именно эта недосказанность и позволяет с особой остротой почувствовать нерв войны. Так что мои отступления — необходимость. Тем более что речь идет не о дне вчерашнем, не о позапрошлом годе и даже не об ушедшем веке, а — страшно вымолвить — канувшем в Лету тысячелетии. Поэтому, описывая былое, я осознанно уделяю много внимания бытовым мелочам. Без них ведь никак нельзя.

Знаменитый аварский борец, неукротимый Али Алиев, осваивал борцовские азы на гимнастических матах, уложенных под сводами... мечети! А сборная команда Московского военного округа противовоздушной обороны по вольной борьбе тренировалась в столице... в храме иконы Божией Матери “Знамение”, возведенном двоюродным дядей Петра I Нарышкиным. В советское время в нем разместили фабрику, на смену ей пришла лыжная база, затем библиотека и, наконец, церковь передали в ведение борцовского клуба. Клуб соорудил в подклете баньку, которая пользовалась успехом не только у спортсменов, но и у высшего комсостава МО ПВО. Особенно любил попариться в ней генерал-лейтенант А. М. Дзыза, заместитель командующего столичным округом противовоздушной обороны. Он без всякого чванства парился вместе с борцами, как ни крути, рядовыми солдатиками. И вел себя советский генерал почти по-давыдовски. После парилки его обслуживал порученец, насчет там рюмочки да закусочки. Нам выставлялся “слоновый”, то есть индийский, чай и сухари, присыпанные сахарком. Но дело не в разности наших продуктовых наборов. Потели на ковре, потели в баньке, словом, святотатствовали под сводами храма, и хоть бы что шевельнулось тогда в наших “воинских” душах!

Интересно, а захотел бы попариться геройский гусар в “церковной” баньке, оказался он нашим современником, или посвергывал бы всем нам за такое окаянство шеи? Про то ничего определенного сказать нельзя. Но сдается мне, к барьеру бы вызвал однозначно. Хорошо, что в ЦСКА у нас сложилась совсем иная традиция.

По субботам борцы обычно отправлялись в бассейн и, власть поплавав, там же и банились. Нас запускали в бассейн под вечер, не более чем на час, и все это время мы выхвалялись друг перед другом. Если Колесов проныривал под водой единым махом все пятьдесят метров, то и остальные старались не уступить токийскому чемпиону. Я до противоположной стенки не дотягивал

корпуса два — дышалки не хватало. Зато запросто сигал солдатиком с семиметровой вышки. Со мною в прыжках равнялся только Александр Юркевич. Он проделывал то же самое, но из стойки.

Под занавес водных игрив Александр Григорьевичу Мазуру надоедало остужать наш пыл свистковой трелью. Сложив с себя надзорные полномочия, он степенно поднимался на трехметровый трамплин. Раскачавшись на подкидной доске, Григорыч совершал в воздухе умопомрачительное по своей пластике сальто-мортале и плюхался в бассейн. Именно этого момента мы все и дожидались. Вода вспучивалась, выплескивалась из бассейна и еще долго приходила в себя от потрясения...

А потом всей гурьбой мы отправлялись в парилку. Но на сей раз ее оккупировал Тарасов, который заявлялся в нее, когда хотел и с кем хотел. Конечно, “чаепитие” хоккейного гуру мы нарушили. Он приканчивал горку вареных раков в компании с Белаковским, главным врачом всех армейских спортсменов и бессменным врачом сборной СССР по хоккею. За этим эскулапом мы чувствовали себя словно за каменной стеной. Олег Маркович опекал всех и каждого в отдельности, реагируя на любой подозрительный чих своих питомцев.

— А где блондинки? — тоном провинциального трагика забасил Тарасов. — Мне что ли прикажете самому за ними в шахту лезть? — Судя по реплике, он пребывал в благодушном настроении. — А ну, провокаторы, наваливайся на угощение!

Мы заартачились.

— Чего загэкали-то! Знаю вас, хитрованов, проходите к ноге, а сами валите подсекой. Сашок! У тебя народец того, подрос? Пускай на ус наматывают мою байку. Меня на днях замполит к себе в кабинет зазвал, закрыл дверь на ключ и ну песочить, мол, ходят слухи, что любовницу завел, и что неплохо все это. Ну, я вроде пригорюнился, сознался, что захаживаю тут к одной дорожке в гости, а у нее и свечи зажжены, и хрустальные рюмки на столе, и постель с накрахмаленными простынями расстелена. А потом врзал ему: мол, вам все равно меня трудно понять! Ведь вы свою буфетчицу Клавку в подсобке, на мешках с картошкой натягиваете.

Довольный произведенным эффектом, Тарасов с эскулапом засобирались...

И тогда зазвучала наша банная симфония в исполнении Григорыча и оркестра “паровых” инструментов: шайки, березового веника, мочалки и забористого кваса.

— Слава Господу! — як кажут атеисты. Пусть сей пар ваши грешны души примут яко лекарство! — забасил Мазур, едва переступив порог парилки. Цирковой борец, фронтовик, чемпион мира 1954 года, чином майор, к тому же член партии, произнося эти слова, разве что не перекрестился. К его колоритным поступкам мы попривыкли, поэтому Горбатенко тут же подстроился под его тон:

— Благодарим боярина за ласку.

Все понимали, чьими стараниями субботние парильные часы закрепили за борцами. Мазур налил в тазик кипятка, окатил им стены парилки, затем прошкрябал голиком полки и напялил себе на голову войлочный колпак, подаренный ему сталелитейщиками Челябинского металлургического комбината. Прицелившись, он шваркнул на каменку ковшик разбавленного кипятком кваса, сопроводив свое действие очередной присказкой:

— Да насытятся еси банный жар хлебным духом!

После чего с охами и ахами принялся усердно охаживать себя вениками. Ублажась, Александр Григорьевич уселся на приступочку, стряхнул ладонью пот со лба и крышкой от мыльницы счистил с тела испарину. Вряд ли все мы вместе взятые осознавали, что точно так же поступали эллинские атлеты, соскребая с торсов пот, смешанный с оливковым маслом и песком палестры. Закутавшись в предбаннике в простыню для пущего пропотения, Григорыч оставил неприкрытой лишь область сердца, что означало его полное довольство процессом парения. Мы сбились в кучку в предбаннике, боясь пропустить его суды-пересуды: кто, кого, когда, на какой минуте и в каком веке... забодал... сокрушил... заломал или согнул в бараний рог...

Анисимов мигом оседлал своего конька. Родители наделили его бархатным баритоном, осанкой и внешностью коробейника. Валера готовит себя к грядущим забугорным победам, бредит певческой карьерой и собирается издать биографию своего кумира Ивана Поддубного. Поэтому при всяком удобном случае он с пристрастием устраивает допросы Мазуру.

— Александр Григорьевич! Вы обещались про Яшек рассказать, — елеяно заворковал Анисимов. Мазур, размягченный парком, охотно пустился в воспоминания. Его были-небылицы, поведенные тогда в бане и в других подобных случаях, слились в моей памяти в цельную картину.

Согласно мазуровским откровениям, свой “Яшка” водился в каждой антрепризе. Он был для почтенной публики чем-то вроде паяца. Под одобрительный свист и гиканье галерки титулованные борцы гоняли его из угла в угол цирковой арены. Но если среди зрителей объявлялся охотник померяться удалью с заезжими богатырями, то ему подставляли Яшку, мол, чего ради лезть нахрапом сразу на знаменитостей? На самом деле, именно Яшка был виртуозом борьбы. Папц-клоун так обламывал бока новоявленному Миккуле Селяниновичу, что тот почитал за благо, если уползал с ковра целехоньким. Все это в чем-то, наверное, походило на схватку Трофима Ломакина с Федей Бабничем. “Вы що думаете, лашу на уши вишаю? А ну-ка сынку повэрнис! Чем не Яшка?” Мы догадываемся, что он кашат бочку на Виталия Кузнецова. Виталик с виду был простоват, курнос до непотребства и зверски силен. Говорил он со своеобразным юморком, упирая на “о”, что сразу же выдавало в нем волжанина:

— После туше чувствую себя треской, запеченной в тесте, да еще и под майонезом.

Виталик мог хряснуть на лопатки любого. Но ему не хватало фарта. В классике дорогу перекрыл питерский тяж Анатолий Рошин, среди вольников правили бал мы с Медведем. Пришлось сердечному податься в дзюдоисты. Там он своими “суплесами” и наводил порядок.

В последний раз я виделся с Александром Григорьевичем на съемках документального фильма о нем. Мазур долго не поддавался на уговоры, а потом все же согласился принять нашу киногруппу на своей даче. Когда мы явились к нему, он подравнивал топориком комли березовых веников на пеньке у сарайчика и обматывал их шпагатом. Его неказистый домишко приютился впритык к железнодорожной полосе отчуждения, чуть поодаль от просеки, прорубленной для высоковольтной линии. Худшего места трудно было сыскать. Пока Мазур развешивал веники для просушки, режиссер, оператор и автор сценария, которым был я, тихо ссорились между собою. Завела всю нашу “творческую группу” режиссер Ольга Ланд. Она была “вещью в себе”: занималась греблей, пробовала себя в дзюдо, учила голландский язык, увлекалась даосизмом и всем своим обликом соответствовала правофланговой физкультурнице парадов на Красной площади. Словом, она была высокорослой, ослепительной и упрямой, прямо-таки мечтой Джеймса Бонда. Ланд гуляла сама по себе и на дух не переносила чьих-либо возражений:

— Значит так! — прекратила наши препинания Ольга. — Снимаем в комнате! Набираем перебивки: парусящие от сквозняка занавески, самоварную капель из крана в подстаканник, тикающие ходики. А первые кадры фильма отснимем потом, в пустом цирке. Представьте себе: седой униформист метет арену и как бы вслушивается в отголоски прошлого.

Наш фильм о Мазуре сгинул где-то в недрах Госфильмофонда. Так что мне придется восстанавливать по памяти канву нашей беседы. Мне кажется, что ее детали важны для сегодняшней борцовской молодежи.

В уездный городишко в канун приезда шапито засылался “казачок”. Он нанимался крючником на пристань, проставлялся артели, в перекурах вязал гвозди в узел и скандалил в трактирах. Понятно, что на галерке он был среди своих. И когда шпрыхшталмейстер вызывал из публики желающих испробовать себя во французской борьбе, на арене появлялся именно он. Казачок, разумеется, выигрывал, но его злонамеренно засуживали. Негодующие зрители требовали матч-реванш, который назначался на завтра. Понятно, что город валил в шапито валом. После боевой ничьей страсти разгорались еще

более, и тогда хозяин турнира прилюдно выставлял на кон денежный приз.

Таких фокусов, по утверждению Мазура, было не счесть. Представьте себе вокзал уездного городка, толпа встречающих, скрежет колес тормозящего состава... Из вагона выходит загадочная фигура в черной маске и фрахтует все до единой пролетки на привокзальной площади. На первой, в гордом одиночестве, едет сама "маска". Вторая везет его саквояж, третья — трость, четвертая — перчатки, пятая... В гостинице черная маска, куражась, требует соорудить себе на завтрак омлет из дюжины яиц, конечно же, со шкварками.

Какой современный пиар может сравниться с сарафанным радио той поры! Весть о прибытии в город таинственного силача и его причудах мгновенно разносилась по всем улицам и закоулкам. И билеты на предстоящий чемпионат по французской борьбе расхватывались, словно горячие пирожки в крещенские морозы.

А тут тебе и вездесущая пролаза, пресса, подбавляла интересу. "Русский спорт" за 25 октября. Цифры смазаны, но похоже, что год 1909-й. Цена — 20 копеек. Редакция и контора: Москва, Большая Дмитровка, дом Востряковых, кв. 12, телефон 191-28. Пожелтевший номер поистрепался и, судя по округлому масляному следу, на него ставились и кастрюли с борщами, и сковородки с картошкой, так что многих слов вообще не разобрать. Город Харьков, от собственного корреспондента: "Чемпионат Заикина в цирке Миссури становится все интереснее и привлекает массу зрителей. Наибольшим вниманием пользуются выступления Поддубного. Он очень быстро, в первые же минуты, справился с Хорунжим, Медведевым, Поплавским. Спокойно, шутя, он уложил этих совсем уж не слабых борцов. Так же спокойно он боролся против Черной маски и, хотя двадцать минут борьбы не дали результата, но на то уж была воля Поддубного, его значительное преимущество было очевидно для всех".

Там же, в подверстке, дается рекламное объявление: "Русский спорт" выгодно предлагает бензин в десятипудовых бочках, по 4 рубля 60 копеек. Пуд без посуды продается за 3 рубля 60 копеек. Пустые бочки отдаем по 3 рубля. По той же цене принимаем их возврат. Наш склад: Москва, Маросейка, дом 12. И далее: "Негр Бамбула сделал ничью с Мазуком и очень быстро уложил Казбека. С тем же Казбеком справился Чая-Янос, прибегая, по своему обыкновению, к неразрешенным приемам и получив за то ряд замечаний арбитров. За первые четыре дня чемпионата следует отметить еще и следующие встречи: Вахтуров эффектным тур-де-тетом в пять минут уложил Германа и в одиннадцать минут туром-де-бра победил Омер-ле-Бульона".

Тогда на даче Мазур своими байками как бы перенес меня в прошлое, и я сам обмирал, стоя в парадном строю, при виде появившегося из-за цирковых кулис дядю Ваню Лебедева не в привычном для всех фраке и цилиндре, а в поддевке, картузе и надраенных до зеркального блеска сапогах "бутылкой". Галерка оглушает его разбойными посвистами, а партер презрительным пиканьем. Лебедев, выдержав паузу, снимает картуз и отвечает почтенной публике низкий поясной поклон. И цирк, взрываясь, покоряется ему...

Ну, и конечно же, я млею от мазуровского перечисления состава участников чемпионатов: Поддубный, Заикин, Вахтуров, Гаккеншмидт, негр Бамбула, он же чемпион Африки и даже бухты Гайдамак, боснийский мясник Антонич, ростом 2 метра 16 сантиметров, еще более верзилистый Ванька Каин, мощнейший крымец Али-Оглы, Казбек-гора, японец Оно-Окитори, француз Омер-ле-Бульон, бельгиец Франсуа-ле-Мерин.

А в Самарканде, в городском театре, при малороссийской труппе Ванченко, в которой в юные годы подвизался хористом Шалапин, тем временем открылся дамский чемпионат французской борьбы под руководством Сарры Д'Ор!

Меня забирал восторг. Какой буйный полет фантазии, какие интригующие фамилии: Окитори — подобно современным забегаловкам "Якитори", Омар в бульоне! Мерин! по имени Франсуа! и Сарра Д'Ор! Это же калька с неудовимой Соньки Золотой Ручки, известной одесской аферистки. Но по полету фантазии, как мне кажется, ничто не могло сравниться с титулом чемпиона всей Африки и бухты Гайдамак!

Можно смеяться над мишурой и блеском цирка той поры, ерничать по поводу импрессарских обманок. Но ведь не только доверчивые простолудины, как бы сказали сегодня, “тащились” от французской борьбы. У Ирины Одоевцевой в ее мемуарах “На берегу Невы” есть поразившие меня строки. Светочи поэзии серебряного века Осип Манделштам и Георгий Иванов были завсегдатаями цирка. Они завели общую визитную карточку: “Осеоргий Эмирович Манделштамов”. Поклонялись французской борьбе Блок, Куприн, Гиляровский. Что их-то привлекало в буффонадах цирковых богатырей?!

Быюсь об заклад, что не многие знакомы с писателем, которого непременно следует превознести до небес нашему борцовскому клану. По крайней мере, он является единственным литератором, который запечатлел почти документально цирковую борьбу той поры. Позволю себе предоставить фрагмент романа “Похождения факира”, написанного Всеволодом Ивановым.

Повествование ведется от лица юного Всеволода, который обожает канатоходку Антуанетту Сирбо. Место действия — заштатный дореволюционный городишко Павлодар, взбудораженный приездом цирка. Главные действующие лица: герой любовник, профессиональный борец, Роальд Азгарц и супруги Владычкины: она — страстная пани Марина, он — скучный подкаблучный муж, без имени и отчества. Перед началом циркового представления супруги дают званый обед в честь заезжей знаменитости:

— Употребляете водку? — спросил хозяин.

— Да, если она в четверти, — бодро ответил гость.

— “Богатыри — не вы!” — вздохнул Владычкин.

Я принес четверть водки, втайне завидуя силе борца.

Глаза пани Марины были наполнены удивительно теплым блеском, плечи опять обнажены. “Собираются на открытие цирка?” — подумал я.

Владычкин, возле буфета, осторожно капал лекарство в маленькую ложечку, следя напряженно: не перекапать бы. Он отвернулся от гостя, а тем временем Азгарц целовал пани Марину в шею...

Подали огромную миску борща и нарочно сваренную для борца курицу весом ровно в три фунта. Не знаю, то ли борщ, то ли курица, то ли незаконные поцелуи расслабили борца, но только он не выпил и полчетверти, как почувствовал себя расслабленным...

Азгарц, пробуя удержаться за книжный шкаф, опрокинул его, и красивые книги, столь возмывавшие меня, вывалились под ноги борца...

Лицо пани Марины говорило о негодовании, о брезгливости, — но и о любви... Владычкин понимал полное свое ничтожество. Изругать и выгнать борца нет сил. И ему совестно перед самим собой, передо мной, — но он любит жену, а главное боится ее. Вот, например, пора бы вернуться в столовую, а вдруг вернешься не вовремя?

Цирк клонился набок, но наклон этот придавал ему некоторую очаровательную стремительность.

Яростно горели дуговые фонари. Павлодарцы с воодушевленными лицами толпились у входа. Подумать только: цирк впервые посетил город! Раньше лишь в ярмарки бывали балаганы, приезжали зверинцы, канатоходцы, а тут — огромный, настоящий цирк!

Оркестр рассаживался в громадной ложе. Медные трубы пылали. Барабаны походили на степные озера во время заката. Капельдинеры, щеголяя бронзово-бурными мундирами, расстилали васильковые ковры. И вот выскочили клоуны. Весь цирк захохотал. Казахи кричали: “Уй-бой! Здорово!”

...Последнее отделение. Капельдинеры очистили арену. Вышел низенький, широкогрудый арбитр и свистящим тенором закричал:

— Музыка, марш! Парад, алле!

Шли борцы, увешанные, как генералы, орденами и медалями. “Эх, как бы да мне, — шептал я, — как бы мне хоть одного орденочка добиться!” Я испарялся в любви и восторге. Над ареной высоко сияла проволока — и дивная Антуанетта Сирбо все еще, казалось мне, размахивала там алым глянцевитым зонтиком.

Я посмотрел на пани Марину.

Посреди арены стоял Роальд Азгарц, розовый, в черном шелковом трико, с бурной мускулатурой. В его голубых глазах еще отражалась четверть выпитой водки, он икал. Но, боже мой, какая любовь светилась в глазах пани Марины! Муж, сидящий рядом, как бы крошился. Как поднималась ее грудь! А я все равно любил и борца, и пани Марину, и даже Владычкина. “Все пройдет, все минует, но цирк останется”, — думал я. Арбитр провозгласил:

— Чемпион Северной Норвегии и всех островов Скандинавии, господин Роальд Азгарц.

Борец вышел вперед и поклонился. Он поклонился особо низко ложе, где сидела пани Марина. Пани Марина закивала головой и захлопала так, что и она и все поняли: зря так не хлопают! Она все простила ему. Простила испорченные книги, испорченный обед, свою испорченную жизнь. “Вот любовь, вот чувство!” — ошпаренно думал я.

Арбитр прислушивался к хлопкам и смотрел внимательно вдоль рядов. Я еще не знал, что арбитр старался догадаться по аплодисментам: кому из борцов предстоит быть любимцем этого города. Хлопали больше всех Роальду Азгарцу. И тогда арбитр начал самозабвенно прибавлять к его заслугам все больше и больше побед.

А пани Марина считала, что самая лучшая победа прекрасного Роальда — это победа над ней.

Я вышел из цирка. Чувства мои были разъединены, как разводят мосты для пропуска судов.

Дула метель. Я шел покачиваясь. Цирк все еще тайно сиял вокруг меня...

Но все же я слегка сопротивлялся и говорил сам себе: “А все-таки балаганы — мишура, вздор!”

Тетка Фелицата приняла на хлеба рыжего капельдинера Сережку Трошкина. Ему было девятнадцать лет. Он гордился своей бронзово-бурой ливреей, чистил ее два раза в день, широко расставляя длинные, тонкие ноги. Он часто повторял, что все в жизни преобразовывается, развивается, что судьба тащит нас правильно. Если имеются борцы — значит, борцы нужны для развития цирка. Он желает промышлять борьбой... Сережка подметил уже много приемов.

— Давай практиковаться?

Я утащил у тетки Фелицаты большую кошму и расстелил ее на чердаке амбара. Мы боролись все свободное время. Перед борьбой мы пожимали крепко руки и выше колен закручивали кальсоны, чтобы они походили на трико. Трошкин свистел и дискантом приказывал: “Музыка, марш!”

По-разному мы снимали нашу жатву с арены цирка. Сережка великолепно воспринимал и воспроизводил все эти “тур-де-бра” и “двойной нельсон”. Я же мог перенять жесты, оттенки голоса, какое-то еле уловимое выражение лица, походку борцов. Я мог подражать только внешней форме, а ловкость и, главное, направленность движения ускользало от меня. Я ощущал чувство разлада. Сережка испытывал удовлетворение: все, что он проделывал сегодня, — нечто более удачное, чем вчерашнее. Эта ловкость ему нравилась, она вызывала в нем приятное расположение. Вытирая полотенцем тело, он добродушно смотрел на мое расстроенное лицо и говорил:

— Подожди, откатится и от тебя мешковатость. Ты и сам не заметишь, как тебя подопрет цирковая панорама. Наблюдай за ней, Всеволод, крепче.

Я веселею, передразниваю арбитра, борцов, их пыхтение, их выцветшее дыхание. Сережа хохочет:

— Торопись, спроваживай навоз из головы. Смелость надо! Головную. Мускулатура? Она растет быстрее, чем смелость. Ух, уж этот цирк! Вот давит, сволочь!

Цирк действительно подавил все. Мы не замечали ярмарки, запаха кож, привезенных из степи, горы кишок, возы с мясом, шерстью, табуны коней и стада, — громадные, не вмещающиеся в город...

Не сердитесь на меня, если этот отрывок показался вам длинноват. Но мне мальчишечьи впечатления Всеволода Иванова, перенесенные им в зрелом возрасте на бумагу, показались примечательными и почти что документальными, подтверждающими все то, о чем говаривал Мазур.

В нашей среде до сих пор не устают судачить — насколько велик был Иван Поддубный? В расцвете сил Иван Максимович, несомненно, был непревзойденным борцом. При всяческих там выкрутасах шутковать с собою не позволял. Оттого, наверно, и остался навечно в пантеоне народных силачей. Но с моей точки зрения беда в том, что его мифический образ заслонил собою другую персону, может быть, более значимую для России, чем он, — Ивана Лукьяновича Солоневича. Могу ошибиться, но даже в нашем “ушастом” мире немногим ведомо это имя, разве что Юрию Власову да Александру Карелину.

Солоневич родился в 1891 году в Гродно. В предреволюционные годы серьезно увлекся цирковой борьбой, неплохо заявил о себе в профессиональных турнирах. Борьбу он какое-то время совмещал с “думской” журналистикой. В годы гражданской войны Солоневич сражался в рядах белых. Заболев тифом, чудом выкарабкался с того света, неожиданно для себя очутившись в большевистском “раю”. Приспосабливаясь к реалиям жизни, он устроился на работу во Всесоюзное бюро физкультуры, написал пособие по развитию гиревого спорта и тяжелой атлетике, в каком-то смысле заложив основу советского физвоспитания. Одновременно Иван Лукьянович разрабатывал план побега из Совдепии вместе с сыном и братом. Их арестовали. На собственной шкуре они испытали все прелести подневольного труда на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Их третья попытка оказалась успешной. Избегая засады, таясь от погони, утопая в болотной трясины, изможденные и оборванные, они добирались до Финляндии. Потом была Болгария, издание книги “Россия в концлагере”, предтечи романа “Архипелаг ГУЛАГ” Александра Солженицына. Помещение, в котором размещалось детище Ивана Лукьяновича, редакция газеты “Голос России”, агенты НКВД взорвали. Жена Солоневича погибла. Скрываясь от преследования, он перебрался подальше от руки Москвы, в Латинскую Америку. Солоневич ушел из жизни в Буэнос-Айресе в 1953 году. Все голливудские блокбастеры со своими стрелялками и догонялками выглядят на фоне его судьбы жалким убожеством. Но велик Иван Лукьянович отнюдь не своими приключениями. Солоневич в пух и прах разнес пустопорожние теории всяких там Ключевских, Керенских, Милкоковых, Розенбергов и многих их современных последователей. В своих книгах он развенчал мифы о беспробудном пьянстве русского мужика, его лени, безалаберности. Солоневич убедительно доказал, что доподлинную Россию ни наши историки, ни заезжие астольтфы де кюстины знать не знали и знать не могли, а судили о ней по Хлестаковым, Обломовым и Маниловым:

“Грибоедов писал свое “Горе от ума” сейчас же после 1812 года. Миру и России он показал полковника Скалозуба, который “слова умного не выговорил сроду” — других типов из русской армии Грибоедов не нашел. А ведь он был почти современником Суворовых, Румянцевых и Потемкиных и совсем уж современником Кутузовых, Раевских и Ермоловых. Но со всех театральных подмостков России скалит свои зубы грибоедовский полковник — “золотой мешок и метит в генералы”. А где же русская армия? Что — Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ? Или чеховские “лишние люди” строили Великий Сибирский путь? Или горьковские босяки — русскую промышленность? Или толстовский Каратаев крестьянскую кооперацию? Или, наконец, “мягкотелая” и “безвольная” русская интеллигенция — русскую социалистическую революцию?”

Ивану Лукьяновичу оказались ведомы тайные механизмы мира сего. И постичь их, как бы странно это ни прозвучало, помогло цирковое зазеркалье:

“...Голосовать “за” или “против”, продуцировать овации или скандал, хлопать в ладошки или топтать ногами: всё это заранее устанавливается за кулисами, совершенно так же, как результаты всякой профессиональной цирковой борьбы заранее устанавливаются “арбитром”. И только галёрка, — цирковая или политическая, — может думать, что двойной нельсон, который на трибуне парламента П. Н. Милоков заложил А. Ф. Керенскому — или наоборот, — имеет какое-то политическое значение: не имеет никакого. Ни для кого, кроме галёрки. Галёрка эта, правда, велика и обильна и, по видимому, неисцелима.

Я, может быть, несколько злоупотребляю сравнениями цирка и парламента. Но это происходит потому, что в советское время я промышлял цирковой борьбой — и если бы это не было так противно — вероятно, преуспел бы в этой области зрелищного искусства. Я также довольно долго в качестве журналиста околачивался в кулуарах и прочих местах предсоветской Государственной Думы. В цирке мне И. М. Поддубный приказывал: “Значит, вы положите Джапаридзе на тридцатой минуте с моста”. Или: “Значит, Джапаридзе положит вас на семнадцатой минуте суплесом”. Это было противно, но есть было нечего. Какая нелёгкая понесла бы меня в Государственную Думу, где в кулуарах А. Ф. Керенский ловил тощих соратников своих и приказывал: “Значит, вы, Иван Иванович, голосуете против законопроекта. — Какого? — Ну вот, что сейчас ставится на рассмотрение пленума. — Слушаю, Александр Фёдорович”. Цирк всё-таки приличнее”. Кстати, любопытная деталь. Когда в середине семидесятых годов прошлого века журналист спросил Керенского, что бы он прежде всего предпринял, если бы власть вновь оказалась в его руках, его ответ оказался парадоксальным: “Я первым же указом приговорил бы Керенского к расстрелу”.

Фундаментальный труд Солоневича “Народная монархия” по праву считается чуть ли не единственным системным изложением Русского пути. Эту книгу недруги России стараются замолчать и по сию пору, потому что она дает четкие ответы на две ключевых для России проблемы: как случилось с нами, то, что случилось, и что надо делать, чтобы ничего подобного не повторилось впредь!

Всякого рода упыри страшатся его правды и по сию пору. Поэтому даже сегодня, даже на родине, Солоневич — фигура умолчания. Однако Сталин, вчитываясь в его аналитику, порою круто менял свой курс.

Каждый волен в своих предпочтениях. На одном полюсе немеркнущая слава Поддубного, на другом — преданный забвению прозорливец. Но и тот, и другой — нашего, борцовского, роду-племени.

(Окончание следует)

ИВАН АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

ПОВСЮДУ МНЕ ВИДИТСЯ МОРЕ

* * *

В молчании и в разговоре,
В дыхании, сути всего —
Повсюду мне видится море,
И слышится голос его.

В безбрежности толп миллионных,
В волнении флагов и штор
О редкие шлюпки влюблённых
Стучит одиночества шторм.

Но мама качает коляску,
Дитя утешая во сне.
И, боль принимая за ласку,
Колышется сердце во мне.

То чёрной стеной ледяною,
То, вдруг, и светла, и нежна,
Приходит волна за волною,
Не зная повтора и сна.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Иван Александрович родился в 1977 году в Москве, в многодетной семье. Окончил Московский государственный агроинженерный университет им. В. П. Горячкина по специальности “инженер-механик”, с 1998-го по 2001 год — аспирантуру ГОСНИТИ, к. т. н. В настоящее время работает в компании по производству печатной и наружной рекламы. Живёт в Москве.

Как будто решили измором
Нас взять, одного за одним.
Мы изгнаны были из моря,
Но связь не утрачена с ним.

От родины не отрекаясь,
В пустынях, горах и лесах
Скитаясь, ругаясь и каясь,
Качаемся как на весах.

* * *

Не спеши, непогода,
Будет время твоё,
И Мороз-воевода
Всех поднимет в ружьё.

Вот тогда повоюем,
Если выбор не наш,
Коль в огне обоюдном
Есть верховная блажь.

В перемирии кратком
Никого не виня,
Полюбуйся закатом
Пограничного дня.

Утаим кривотолки,
Словно угли в золе.
Притворись ненадолго,
Будто мир на земле.

* * *

Детства сладкое мучение
Кончилось само собой.
Отправлялись на учения,
А попали прямо в бой.

Я урок учил старательно,
Но не понял между строк,
То, что срок не испытательный,
А вполне реальный срок.

Эта исповедь никчемная —
Ропот на передовой.
Думал я, что жизнь учебная,
Оказалась боевой.

* * *

Облако памятью острова
Над горизонтом взошло —
Светлые локоны прошлого,
Облако ласковых слов.

С этого мига прощального
Годы и годы в пути —
Гордая горечь молчания
И тишина впереди.

Неба безоблачный колокол.
Моря блестящая даль.
Облако, милое облако,
Милая, голос подай!

Счастье нырнуло играючи,
Мой показался удел —
Тучей громовой пугающей
Берег скалистый чернел.

* * *

Горизонт неподвижен, как мера,
Но упорна слепая волна —
То под небо взмывает галера,
То едва не касается дна.

Превращаясь в отвесные стены,
Из канав вырастают холмы,
И взбивается светлая пена
Из вполне осязаемой тьмы.

* * *

Позабудьте наши имена.
Сохраните наши документы —
В них для вас описаны сполна
Этой экспедиции моменты.

Если мы погибнем, мы хотим,
Чтобы люди примирились с этим.
Потому, что риск необходим
На пути к любой мечте на свете.

Мы хотим, чтобы следом поднялись,
От ошибок наших оттолкнувшись,
Смельчаки в неведомую высь,
Словно рыбы первые на сушу.

* * *

На поиск лодки непришедшей
Послали люди вертолёт.
И день, казалось бы, прошедший,
Никак к финалу не придёт.

Никак не кончится качанье
Огня над пропастью во мгле,
Как жест извечного прощанья
Людей с надеждой на земле.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

доктор экономических наук

“РУССКИЙ АЛЮМИНИЙ” СТАНОВИТСЯ АМЕРИКАНСКИМ

В новой холодной войне Запада против России на передний план выдвинулись экономические санкции. Крайне уязвимыми оказались экспортирующие сырье и держащие там свои капиталы олигархи. Они уже несут ощутимые потери, а страна теряет крупнейшие отечественные предприятия в стратегически важных сферах.

В конце 2018 года Управление по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control – OFAC) Министерства финансов США сообщило, что через месяц снимет санкции с ключевых предприятий Олега Дерипаски. К ним относятся первый в мире производитель алюминия – “Русал”, один из крупнейших в России владельцев гидроэлектростанций “ЕвроСиб-Энерго” и холдинг En+Group, объединяющий компании в сфере цветной металлургии, энергетики, горнорудной промышленности, а также логистики и связанных с ними отраслей.

Капитуляция

Власти США перекрыли фирмам Дерипаски американский, а вместе с ним и международный рынок в апреле прошлого года. Правда, вскоре пообещали снять санкции, если Дерипаска откажется от контроля над активами. Согласно договоренности олигарх теперь так и сделал. Им взято обязательство существенно снизить в компаниях свою долю голосующих акций. Он также не сможет нарастить её обратно и в будущем. Магнат лишается и доходов от всех предприятий – они будут поступать на специальный счет, диктуемый за океаном. Причем из 12 директоров En+ лишь четверо могут быть номинированы Дерипаской. А из остальных восьми “независимых” шестеро должны быть гражданами США и Великобритании.

Капитулянтский план бизнесмена получил наименование TOR и был разработан экс-министром энергетики Великобритании, а позже одним из руководителей En+ лордом Грегори Баркером. Ранее Дерипаска планировал зарегистрировать свои корпорации с британского острова Джерси в специально созданные офшоры в Калининградской области или Приморье. Теперь этого не случится. За всем будет следить подразделение Минфина США, занимающееся вопросами финансовой разведки. Сам Дерипаска остается в “черном списке”. Под санкциями продолжат пребывать и два других крупных его актива – “Русские машины” и ГАЗ.

Созданные в советское время индустриальные предприятия в “лихие” 90-е были изъяты у народа олигархами путем приватизации и “залоговых аукционов”. Теперь Запад методично отжимает их посредством санкций. Активы Дерипаски – первый крупный трофей экономической войны англосаксов против России. Богатства страны уплывают от неё. Но политические верхи почему-то молчат. Нет обсуждения этой темы и в СМИ. А ведь середь бела дня свершается самый что ни на есть рейдерский захват Западом стратегических отраслей страны.

Неблагодарный принц

После крушения плановой экономики бывшие гиганты советской алюминиевой промышленности оказались во власти “Транс уорлд групп” (TWG), в которой ведущие позиции занимали братья Черные и лондонские трейдеры Рубены. Михаил Черной как-то искал динамичного управленца. А биржевик Дерипаска был полон амбиций. Черной, по его словам, “увидел в нем самого себя в молодости”. Торговец металлами в качестве младшего партнера Черного активно скупал ценные бумаги у акционеров и рабочих Саянского и прочих алюминиевых заводов, позже объединенных в “Русал”. Десятилетие спустя, обиженный “неблагодарным Дерипаской”, Черной скажет: “Протеже толково распорядился путевкой в большой бизнес. Связи оставил ему я, и он успешно их развил. И с той “семьей”, членом которой он стал, его тоже познакомил люди из нашей бизнес-группы”.

После женитьбы на Полине Юмашевой – дочери зятя Ельцина – дела Олега Владимировича пошли круто в гору. В 2008 г. имя “кремлевского принца” громко прозвучало в связи с рядом событий. Радостных и не очень.

В майском номере русского издания “Форбс” он был признан самым богатым человеком в России (\$28,6 млрд). Подконтрольные его головному холдингу “Базовый элемент” активы оценивались в \$45 млрд и работали более чем в двух десятках отраслей, а львиную долю выручки по-прежнему приносила алюминиевая монополия. В то время Дерипаска как-то обмолвился, что хотел бы стать самым богатым бизнесменом в мире.

Но в середине того же года многие газеты посвятили свои страницы обратной стороне алюминиевого короля. Проживающий в Израиле М. Черной подал иск к Дерипаске, требуя компенсации за якобы принадлежавшие ему 20% акций “Русала”, что составляло ни много ни мало \$3 млрд. Дело должно было слушаться в лондонском суде, а копии документов истца и ответчика оказались в распоряжении прессы. Из них, в частности, следовало, что завоевывать командные высоты в экономике Дерипаске и Черному помогали два известных авторитета, один из которых позже стал крестным отцом дочери Дерипаски от брака с Полиной Юмашевой. Поскольку могли всплыть и другие неблагоприятные факты, Дерипаска поспешил убедить супостата приостановить и замять дело.

Но беда не приходит одна. Осенью того же года мировой кризис докатился до России и корпоративная империя Дерипаски стала рушиться как картонный домик. Все предыдущие годы его капитал рос быстрее, чем у других, но и риски были огромные. Скупая предприятия в разных сферах, он закладывал их акции в качестве залога в иностранных банках, где получал сравнительно недорогие кредиты, с помощью которых и расширял свои владения. Теперь же возникли задолженности, переоценки залогового обеспечения, и выстроенная финансово-промышленная пирамида зашаталась, а затем и рухнула. Долги приблизились к 30 млрд долл. По законам рыночной экономики ему было уготовано сползание в долговую яму. Но с “кремлёвским принцем” этого не случилось. Он, правда, потерял за год \$25,1 млрд, но все же остался на плаву с \$3,5 млрд.

Проверенный ход

Администрация президента поддержала соглашение с зарубежными банками по отсрочке выплат. ВТБ предоставил “системообразующему” предприятию кредит на \$4,5 млрд – таких денег не получил никто другой. В начале 2010 года в Гонконге Дерипаска организовал IPO (первичное размещение акций) своего алюминиевого гиганта. Туда прибыл помощник президента по экономическим вопросам Аркадий Дворкович. “Олег Дерипаска с Кремлем

предпочитает дружить, – комментировал тогда журнал “Финанс”. – Если говорить языком бизнеса, провальную политику в области финансового менеджмента он заменил успехами в области government relations”.

В итоге чиновники не покушались на весьма либеральные налоговые условия, в которых находились его алюминиевый концерн и другие предприятия, прописанные в офшорах. В деловой среде бывшего министра экономики, а ныне сидельца Алексея Улюкаева и Олега Дерипаску называли “кровными братьями”. Будучи до этого и первым зампредом ЦБ РФ, Улюкаев заявлял, что он всегда готов “по-донорски” помочь Олегу Владимировичу. А отношение Дерипаски к своим работникам высветилось в Пикалево, куда для успокоения возмущенных срочно пришлось вылететь Путину. Он прилюдно пригрозил “принцу” и попросить его “вернуть ручку”. Намек был понят всеми: воротилам такого пошиба и ручки доверить нельзя.

Корпорации Дерипаски систематически и по делу критикуют за пренебрежение социально-экологическими вопросами: очень сильное загрязнение воздуха в Красноярске, Братске, Саяногорске их предприятиями, разрушение экологических систем Байкала его электростанциями. Как-то в Красноярске ночью датчики зафиксировали превышение концентрации ядовитых веществ в атмосфере в 25 раз выше предельно допустимых значений.

Дворцы, самолеты, яхты и рыбки

В 2004 году Дерипаска купил за \$43 миллиона шестизэтажный особняк в стиле английского ампира в историческом центре Лондона в самом фешенебельном районе на площади Белгрейв-сквер, в десяти минутах ходьбы до Букингемского дворца. Ранее собственностью принадлежала герцогам Bedfordским. Бизнесмен приезжает сюда от силы раз в год на пару дней. Официально объект принадлежит фирме Ravellot, зарегистрированной на Британских Виргинских островах.

Виллу Дерипаске в Сан-Тропе на юге Франции оценивают в \$280 миллионов, в Париже у него также два дорогостоящих дома. Дерипаска владеет недвижимостью на Сардинии – вилла “Валькирия” в Порто Черво площадью 2 тыс. кв. м.

В Нью-Йорке Дерипаске принадлежат два дома на Манхэттене за \$4,5 и \$42,5 миллиона (пятиэтажный таунхаус). В Вашингтоне Дерипаска является владельцем самого дорогого особняка, купленного в 2010 году у вдовы американского магната Герберта Хафта за \$15 миллионов. В элитном районе рядом расположены дипломатические учреждения и проживают политические звезды.

Валентине Петровне Дерипаске – 79-летней матери Олега Владимировича – принадлежит усадьба на Рублевке, несколько квартир в Москве. Одна из них на Остоженке – 834-метровый пентхаус на 15 комнат стоимостью около миллиарда рублей. На ней же комплекс в Краснодарском крае, ранее бывший пансионатом. Одни только прибрежные постройки его тянут по кадастру на полмиллиарда.

Авиационный парк алюминиевого короля составляют три самолета Gulfstream G550, зарегистрированных на острове Мэн. Эти бизнес-джеты одни из наиболее престижных. Их суммарная стоимость превышает \$90 миллионов. “Если объединить частные самолеты российских миллиардеров в одну компанию, – со знанием дела пишет “Форбс” (№ 1, 2019), – то получится крупный перевозчик, второй по числу бортов после “Аэрофлота” с парком более 250 воздушных судов”.

В коллекции морских судов бизнесмена на первом месте стоит выстроенная в Германии в 2004 году на верфи Луршен мега-яхта Queen K. Её длина – 73 метра, и она обошлась ему в \$90 миллионов. Поистине королевский комфорт обеспечен на борту для 18 вип-гостей. В ответе за полный релакс – экипаж профессионалов из 21 человека и отдельная охранная служба.

Миллиард рублей не пожалел Олег Дерипаска для самой роскошной на Байкале 50-метровой яхты “Селенга”. На одном из верхних ярусов – зона хозяина судна, поделенная на две равные части перегородкой из стекла. Слева – огромная двуспальная кровать, справа – комната для занятий йогой, массажный кабинет и необычный туалет, оснащенный “умным” унитазом, способным моментально делать анализы мочи с определением уровня сахара.

Для частных встреч на морях магнат прикупил и 29-метровую красавицу “Элден”. На её борту может разместиться до 8 приглашённых. Именно она фигурировала в СМИ и оказалась в эпицентре скандала, связанного с эскорт-девицей А. Рыбкой, выпустившей затем книгу под названием “Дневник по соблазнению миллиардера”.

Опасные связи

Развертывая в последние годы экспансию на мировой арене, “Русал” приобретал активы во многих странах и континентах и искал могущественных союзников за рубежом. С 2010 года сопредседателем совета директоров холдинга En+ становится Натаниэль Ротшильд, представитель одной из двух самых влиятельных в мире династий. С помощью иностранцев Дерипаска надеялся, в частности, добиться размещения ценных бумаг своих корпораций на Лондонской и прочих мировых биржах, привлечь дополнительные займы. В конце 2017 года председателем совета директоров En+ становится английский лорд и бывший министр в правительстве Великобритании, отвечающий за энергетику и борьбу с изменением климата. Но эти связи оказались токсичными.

Когда весной прошлого года (6 апреля) по Дерипаске из-за океана был нанесен мощный санкционный удар, акции его корпораций стремительно упали, а состояние за считанные дни сократилось в два раза – с \$5,3 млрд до \$2,65 млрд. Олигарх направил в Минфин США свои предложения по выводу “Русала” из-под санкций. Министр финансов США Стивен Мнучин допустил, что меры против компании могут быть отменены, однако отказался говорить о том, что именно предложил взамен Дерипаска. Действуя параллельно и без согласования с хозяином “Русала”, Грегори Баркер тотчас же предложил свой более “радикальный” вариант. В нем уже шла речь не только об утрате Дерипаской контроля, но и переводе En+, а также “Русала” под начало угодных Вашингтону структур.

Ключевым действующим лицом плана Баркера стало подразделение американского Минфина США, занимающегося финансовой разведкой. Именно этому управлению Баркер теперь предлагает выбрать для “Русала” и En+ новых управляющих. Интересы En+ в США представляет лоббистская фирма Mercury, которую возглавляет бывший помощник президента Трампа Брайан Ланза. Последний признает, что будет представлять интересы именно Баркера, а не Дерипаски. Рекрутинговой фирмой, которая ведет для Баркера поиск новых директоров, является Russell Reynolds.

Для окончательного успеха своего проекта Баркер нанял инвестиционный банк Rothschild & Co, который займется продажей части контрольного пакета Дерипаски в холдинге. Как отмечает один печатный орган: “Участие банка Ротшильдов в отрешении обеих компаний от России и Дерипаски даже не удивительно. Структуры этой влиятельной семьи уже неоднократно были замечены в финансировании антироссийских проектов”. А из недр вышеназванной фирмы Mercury донеслось и следующее признание: “Нынешний план Баркера, предполагающий фактический отзыв активов Дерипаски в пользу США, является наиболее точно отвечающим фундаментальным задачам OFAC по продвижению американских интересов”.

Что делать?

Казус Дерипаски свидетельствует, что воинственные планы по отношению к нашей стране продолжают реализовываться. В ближайшее время следует ожидать нападков и на черную металлургию, химию, финансовую сферу. Акционерный капитал Сбербанка уже на 70% находится в руках иностранных собственников. России грозит превращение в колониальную страну, управляемую Западом, американцами и англичанами в первую очередь.

Разграбление страны в 90-е, в котором принимало участие огромное число западных советников и консультантов, было лишь первым актом. Второй теперь уже свершающийся акт – сдача олигархами присвоенных тогда богатств Западу. Что же делать?

Обсуждение этого вопроса началось сразу же после того как Дерипаска и части его корпоративной империи попали под санкции в апреле прошлого года.

Олигарх сразу же обратился в правительство за материальной помощью и предоставлением льгот на энергетическом рынке. С первым администрации что-то пообещали, но второе означало переложение проблем на плечи народа, главным образом сибиряков, ростом тарифов ЖКХ на электричество, тепло и горячую воду. По некоторым сведениям, оно “вызвало некоторую оtopь даже у закаленных правительственных чиновников”.

Председатель федерации независимых профсоюзов Михаил Шмаков предложил тогда “выкупить по минимальной цене, по которой они сегодня стоят”. Это предложение не нашло поддержки в верхах. Как заявил тогдашний вице-премьер Аркадий Дворкович: “Государство не планирует предлагать национализацию “Русала” или другим компаниям, попавшим под санкции США”. И добавил, что “национализация возможна, только если об этом попросят сами их владельцы”. Но они не попросили. Как подтвердил министр финансов Антон Силуанов: “Национализация “Русала” не обсуждается, поскольку подобных предложений от компании не поступало”. Между прочим, когда-то Дерипаска не без пафоса (и лукавства, как теперь видно) заявил: “Если государство скажет, что мы должны отказаться от компании, мы откажемся. Я не отделяю себя от государства. У меня нет никаких других интересов”.

Не был ли упущен тогда самый благоприятный момент для выхода из сложившейся ситуации?

Мировая практика показывает, что наиболее успешными странами являются те, в которых стратегические сферы хозяйства и природные богатства находятся в государственной собственности – Китай, Вьетнам, скандинавские и другие страны.

Утверждение о повсеместном преимуществе частной собственности – глубокое заблуждение. То, что в ходе “реформ” 90-х годов мы совершили грубейшие ошибки, приведшие к системному кризису и формированию неэффективной модели экономики, стало трюизмом. Другой вопрос – надо ли пересматривать итоги бездумной приватизации? Распространено мнение, что пересмотр повлечет за собой гражданскую войну и негативы превзойдут позитив. Так ли это? Ведь узурпировавшие государственную собственность олигархи составляют ничтожную долю процента населения страны. Многие ли встанут на их защиту?

Но главное в другом. Сейчас сложилась совершенно новая ситуация. Собственность, принадлежащую олигархам, пытается захватить (и уже захватывает) Запад. И это не только их дело. И в этой конфигурации национализация крупнейших стратегических предприятий направлена не столько против интересов олигархов, сколько в защиту их и всего нашего народа. Естественно, речь идет о национализации с разумной, приемлемой компенсацией. Выкручивая им руки, Запад заставляет уступить контроль. Национализация же, с одной стороны, защищает собственников от рейдерства Запада, с другой – создает более эффективную экономическую систему, в которой основные средства производства будут управляться из единого центра и по единому плану, а другая часть останется в системе рыночной регуляции и частной собственности. Ключи решения этого вопроса должны находиться не в штаб-квартирах корпораций, а в Кремле и правительстве страны.

Еще в 2002 году президент РФ Владимир Путин на заседании ТПП призвал предпринимателей возвращать вывезенные за границу деньги в российскую экономику. “Замучаетесь пыль глотать, бегая по судам, чтобы разблокировать свои счета”, – пророчески предупредил он. Так оно и случилось. Вспомним недавние задержания Сулеймана Керимова во Франции, Дмитрия Рыболовлева в Монако, гонения на Виктора Вексельберга и далее по списку. Методика Запада ясна. Искусственно создается дело, затем прокламируются санкции, и за ними следует отъем собственности. Пиратство, если не похлеще!

Между тем, капитуляция нашего бизнеса пока не находит должной оценки во властных кругах. Отвечая на вопрос, согласовывались ли с Кремлем решения компании, пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков заявил: “Действия Олега Дерипаски и “Русала” в ситуации с американскими акциями – исключительно корпоративный вопрос... Безусловно, бизнесмен борется за свою компанию, которая играет заметную роль не только в экономике РФ, но и в мировой экономике. Если компании удастся предпринять какие-то действия, чтобы минимизировать последствия тех же незаконных ограничений, мы можем это только приветствовать”.

А 25 декабря первый заместитель председателя правительства России и министр финансов Антон Силуанов, отметив “успешный опыт вывода из-под санкций” трех компаний Дерипаски, посчитал, что по аналогичной схеме можно будет работать и с принадлежащей тому же бизнесмену группе “ГАЗ”. Силуанов сообщил, что соответствующие переговоры с департаментом Минфина США уже ведутся и что “ГАЗу” еще предстоит “выполнить корпоративные процедуры”, после чего можно будет обращаться к “соответствующим американским органам” за одобрением “плана решений”.

Чтобы спасти наши богатства и не дать им уйти в руки ненасытного Запада, следует незамедлительно национализировать все стратегические корпорации, металлургические и прочие пораженные санкциями частные предприятия. Ведь на Дерипаске дело не остановится. Впереди “Норникель” Потанина, “Северсталь” Мордашова и т. д. По разным оценкам, доля иностранного капитала в российской промышленности в целом уже составляет от 70 до 75%. Живущая по правилам ВТО и МВФ Россия может полностью оказаться в капкане мирового рынка с его законом джунглей.

Приход иностранных собственников в наши стратегические отрасли грозит закрытием многих предприятий, ростом безработицы и дальнейшим взвинчиванием цен на товары и услуги. В 2003 году наше руководство не дало возможности увести крупнейшую тогда нефтяную корпорацию ЮКОС за океан. Почему же теперь власти с таким спокойствием взирают на происходящее. Не напоминает ли это чем-то повесть Габриеля Гарсия Маркеса “История одной смерти, о которой все знали заранее”?

P. S. В самом начале января 2019 года семь членов палаты представителей от демократической партии, возглавивших комитеты палаты после победы на выборах осенью 2018 года, подписали письмо, в котором потребовали от министра финансов США С. Мнучина отложить снятие санкций с компаний Дерипаски, чтобы “в полном объеме обсудить все аспекты этого соглашения, отмену санкций и влияние, которое эти решения окажут на усилия США по воспрепятствованию зловердной активности России, направленной против нашей страны”.

Лидер демократов в сенате Чак Шумер 4 января также внес резолюцию, направленную против снятия санкций. Из пояснительной записки следовало, что остались без ответа “критически важные вопросы”, в частности, потеряет ли в действительности Дерипаска контроль над подсанкционными компаниями и перестанет ли ими управлять, как будет осуществляться мониторинг за этими структурами и вообще может ли быть успешным подход минфина США к “России Путина”.

По мнению газеты “The New York Times”, шанс, что обе палаты американского парламента проголосуют за резолюцию, был не столь велик: у демократов большинство только в палате представителей, а республиканское большинство в сенате вряд ли пойдёт на конфликт с администрацией президента. Но даже если бы обе палаты проголосовали за резолюцию, то она попала бы на стол президенту, а тот, наложил бы на документ вето.

Европа также выступила в поддержку решений американского минфина. Послы Великобритании, Германии, Франции, Австрии, Италии и Швеции, а также представитель Евросоюза в США направили лидеру демократического меньшинства в сенате Ч. Шумеру и руководителю комитета по международным делам палаты представителей Э. Энгелю коллективное письмо в поддержку снятия санкций. Они указали, что это защитит более 75 тыс. работников алюминиевой промышленности ЕС. Помимо угрозы закрытия алюминиевых заводов в письме говорится: “Предотвращая серьезный ущерб европейской алюминиевой промышленности, исключение компаний из санкционного списка поможет сохранить существующие цепочки поставок, которые в противном случае могут быть переориентированы на Китай, ещё больше укрепив его позиции на мировом рынке в этой отрасли”.

15 января 57 сенаторов проголосовали за резолюцию Ч. Шумера, 42 высказались против неё. Это означало, что за продвижение резолюции высказались и 10 республиканцев. Один из них, сенатор от Луизианы Джон Кеннеди до этого прямо назвал Дерипаску “пиратом и гангстером, который каждый день вредит российскому народу и пытается навредить США” и добавил: “Мы же повалили его на землю, почему не придушить?” Однако для принятия резолюции требовалось 60 голосов, и трёх всё же не хватило. И хотя в палате представителей сохранение санкций поддержали 350 конгрессменов, а за снятие выступили 53, без поддержки сената документ остался недействительным. Так что санкции в отношении компаний Дерипаски всё-таки сняли.

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ЧЁРНЫЙ ШАР И ГЛОБАЛЬНАЯ ИНКВИЗИЦИЯ НИКА БОСТРОМА

В самые последние дни 2018 года журнал *Forbes* на первое место в рейтинге главных сенсаций года, которые войдут в историю фундаментальной науки, номером один назвал **рождении первых детей, которые прошли через редактирование генов, будучи эмбрионами**. Об этом эксперименте в конце ноября 2018 года рассказал MIT Technology Review. Эксперимент осуществлен в небольшой китайской больнице, в которой семь пар, включая ВИЧ-положительных мужчин, отдали яйцеклетки и семя доктору **Хе Цзянкуй** и его коллегам из *Южного научно-исследовательского института Шеньчжэня* на редактирование с применением **CRISPR-Cas 9**.

Целью ученых было удаление молекулярной “двери”, которая позволяла вирусу СПИДа проникать в Т-клетки. В результате две девочки-близняшки стали иммунными к ВИЧ. Такой прорыв, казалось бы, должен стать поводом к всемирному ликованию. Ведь проведенный эксперимент открывает путь к выращиванию донорских органов; уничтожению бактерий, которые устойчивы к антибиотикам; лечению слепоты и других заболеваний; эффективной борьбе с раком.

Вместо этого поднялась волна цунами публикаций о грядущем биотехнологическом армагеддоне. Предостерегающее заявление делает ЮНЕСКО, ВОЗ создает специальную группу по расследованию условий проведения эксперимента. Власти Китая держат Хе Цзянкуйя фактически под домашним арестом и круглосуточной охраной, при этом запретили ученым, которые провели описанный эксперимент, продолжать исследования на этом направлении. Одновременно в КНР принято решение, суть которого в том, что китайские ученые, которые совершают научные нарушения, могут лишиться возможности получить банковский кредит, создать компанию или поступить на государственную службу. Что же произошло?

Сразу следует напомнить, что **редактирование генов “зародышевой линии” запрещено Конвенцией Совета Европы о правах человека и биомедицине, Всеобщей декларацией ООН о геноме человека и правах человека, решениями ЮНЕСКО**. Вспоминаются и предостережения выдающихся ученых, которые в предыдущие годы высказывались в связи с редактированием генома человека. Ушедший в прошлом году *Стивен Хокинг* в своих работах неоднократно писал о возможном негативном вмешательстве в эволюцию человека посредством редактирования генома. Популярный сейчас израильский

историк и философ *Юваль Харари*, рассматривая генетические модификации уже в своей первой книге *“Краткая история человечества”*, которая появилась до революции CRISPR, писал: *“Генная инженерия хотя и необязательно нас убьет, но может прийти до того, что человека больше нельзя будет узнать”*. Но, пожалуй, наиболее жестко и конкретно высказался по этому вопросу бывший директор Национальной разведки США Джеймс Клэппер (2010–2017 гг.), который в феврале 2016 года в ежегодном отчете по оценке угроз разведывательному сообществу США добавил **редактирование генома в список угроз, относящихся к “оружию массового уничтожения и распространения”**. Особенно напугали американские спецслужбы низкая стоимость методики GRISPR и ее относительная простота использования (основные ингредиенты можно приобрести в интернете за 60 долларов США).

Неужели мы стали свидетелями события, которое известный исследователь **Ник Бостром** назвал извлечением черного шара?

О концепции черного шара

В августе 2018 года по инициативе Белого дома *Институт сложности Санта-Фе совместно с Университетом АНБ* по инициативе Белого Дома провели конференцию для представителей спецслужб США по наиболее сложным вопросам современности. Перед собравшимися выступили лидеры “фабрик мысли”. С одним из докладов выступил шведский философ, создатель *Института будущего человечества Оксфордского университета*, автор известного бестселлера об искусственном интеллекте **Ник Бостром**.

Он заявил, что один из способов взглянуть на человеческую историю – это использовать метафору процесса извлечения шаров из урны, подобно тому, как это происходит при жеребьевке чемпионатов мира. Шары представляют собой всевозможные идеи, технологии, институции, открытия и даже привычки. В течение истории человечество извлекло очень много шаров – в подавляющем большинстве белых, пушистых и полезных.

Однако можно вспомнить несколько случаев извлечения серых шаров, которые наряду с благодеяниями принесли проблемы и головные боли. Если суммировать результаты жеребьевок, которыми является всемирная история, то кумулятивное воздействие этого процесса на состояние человечества до настоящего времени было, несомненно, положительным при некоторых неприятных локальных исключениях. Однако возникает сакраментальный вопрос: где гарантия, что этот праздник жизни продолжится и в будущем? Изучая, что за шары извлекались в процессе всемирной истории, нельзя не заметить, что мы ни разу не извлекли по-настоящему **черного шара**, который содержал бы технологию, безальтернативно и по умолчанию разрушающую цивилизацию, которая ее создала. Здесь важно обратить внимание на вроде бы неприметное слово – по умолчанию. По логике шар с ядерной энергией дает возможность уничтожить человеческую цивилизацию. Но это не может произойти по умолчанию. Кто-то должен начать глобальную войну. А человеческая история показывает, что даже в самых критических ситуациях политическим лидерам хватало осторожности не запускать машину судного дня. Настоящий черный шар – это технология, которая сама по себе, в рамках саморазвития, незаметно, согласно логике перемен способна до основания или в основном разрушить цивилизацию.

Причина того, что нам не попался настоящий черный шар, по мнению Бострома, не в какой-то особой человеческой мудрости или осмотрительности сильных мира сего. Нам пока просто везло. Похоже, что ни одна человеческая цивилизация не была разрушена до основания своими собственными изобретениями. Внимательный анализ краха цивилизаций позволяет выявить другие причины гибели цивилизации.

Остается открытым ключевой вопрос, а есть ли в урне по-настоящему черные шары? Поскольку мир устроен симметрично, то не может быть вселенной, где присутствуют только белые шары. Черные шары обязательно должны быть. Соответственно, по мнению Бострома, однажды в ходе НИОКР и технологических разработок человечество обязательно вытащит, а возможно, уже вытащило тот самый роковой черный шар. Наша цивилизация обладает странной способностью подбирать все шары, которые оказываются под ногами, и не обладает силой воли выбросить хоть один обратно в урну. Мы можем

совершить открытие, но совершенно не способны к закрытию. Вся человеческая стратегия — это надеяться, что либо черных шаров в корзине нет, либо Божье провидение оставит их на самый последок.

Доклад Бострома развивает некоторые концепции, которые могут помочь лицам, принимающим решения, особенно в разведывательном сообществе, признанном распознавать возможности, риски и угрозы, определить настоящий, а не кажущийся цвет шара. И соответственно, когда черный шар все-таки вытащат, постараться сделать практические шаги, чтобы минимизировать, насколько это возможно, вред от этого события.

Бостром полагает, что *ответом на вызов черного шара может быть только создание эшелонированной системы научного мониторинга и постепенное движение от странового к глобальному управлению наукой и технологиями, охватывающему в итоге весь земной шар*. С глобальными угрозами можно бороться только используя глобальные институты, которым не просто доверяют, а подчинены все локальные структуры. Патриотизм, по его мнению, хорош для века пароходов, бензина и танков. Нынешние угрозы не могут быть блокированы на страновом уровне. Бостром не относит себя к числу оптимистов, полагающих, что у человечества хватит ума в ближайшие 10–15 лет отказаться от национального эгоизма, страновых правительств, и перейти к глобальному управлению. Однако пытается объяснить безальтернативность этого варианта, т. е. в любом другом случае последствия черного шара будут либо летальными, либо, в лучшем случае, трагическими для человечества.

Для этого Бостром рисует более конкретную картину, как может выглядеть технологический черный шар. *Наиболее очевидным видом такого черного шара является технология, которая позволяет очень быстро раскрыть чрезвычайно мощную разрушительную силу и при этом для своего появления и развития не требует массивных общегосударственных или международных программ, подобно тому, как это было с атомным оружием.*

Гипотеза уязвимого мира

Теперь мы знаем, что нельзя вызвать ядерный взрыв с помощью лишь стекла, металла и батареи. Создание атомной бомбы потребовало реализации циклопических, непревзойденных до сих пор государственных программ. Эти программы хорошо отслеживались и анализировались всеми конкурирующими сторонами. Таким образом, в 40-е гг., мы к счастью, вытащили не черный, а серый шар.

Бостром вводит гипотезу, что **технологическая урна содержит хотя бы один черный шар**. Он называет ее **“гипотезой уязвимого мира”**. Суть гипотезы в том, что существует некоторая технология, имеющая тенденцию к саморазвитию, с огромным разрушительным потенциалом, и при этом относительно малозатратная и саморазвивающаяся. Когда мы найдем такую технологию, цивилизация почти наверняка разрушится, если в самые ближайшие годы не будут реализованы весьма экстраординарные и исторически беспрецедентные мероприятия, связанные как с государственным и трансгосударственным управлением, так и превентивным контролем над поведением.

Вполне вероятно, считает Бостром, что мы уже достали либо вот-вот достанем черный шар, и он покончит с нашей цивилизацией, если мы не выйдем из *полуанархического состояния*, которым характеризуется современный мир.

Под полуанархическим состоянием подразумевается мировой порядок, а точнее беспорядок, описываемый *тремя чертами*:

1. *Законодательно и ценностно ограниченные возможности для превентивного контроля и профилактической полиции*. Государства не имеют в настоящее время достаточно надежных средств сплошного наблюдения за частной и общественной жизнью групп и лиц, несущих обществу особую опасность. Эта опасность не обязательно связана с их идеологическими пристрастиями и политическими убеждениями, а порождена, прежде всего, их научно-технологическими компетенциями и знаниями. В настоящее время в США и странах ЕС такой превентивный контроль совсем не одобряет порядка двух третей населения, а умеренно не одобряет еще 15–20%. По факту, население планеты, особенно в развитых странах, заворуженное гаджетами и социальными сетями, живет в иллюзорном мире, законодательство которого сложилось в середине прошлого века в совершенно иную технологическую эпоху;

2. *Крайне ограниченные возможности глобального управления.* Международные организации, задуманные как эффективные институты глобального регулирования и сохранения мира после Второй мировой войны, типа ООН, Совета безопасности, Международного валютного фонда, Всемирного банка и т. п. показали, по мнению Бострома, свою полную неэффективность в современном турбулентном мире. Военные блоки, созданные в период “холодной войны”, выглядят как пережитки прошлого и способ возложить военные расходы исключительно на Соединенные Штаты. Различного рода консультативные негосударственные органы типа Трехсторонней комиссии, Римского клуба, Давосского форума были эффективны лишь короткий период времени и в настоящий момент либо прекратили свое существование, либо представляют собой декоративные вывески. При том, что все угрозы цивилизации носят глобальный характер, никаких глобальных эффективных институтов не существует. Глобальным эффективным институтом является институт, на который консенсусно возложена функция поддержания порядка, безопасности и принуждения, в том числе государств, угрожающих глобальной безопасности.

Бостром полагает, что *самой большой опасностью для человечества в настоящее время является концепция нерушимости и приоритета национального суверенитета.* Фактически она означает, что та или иная страна на своей территории может делать все, что заблагорассудится ее элите, в том числе наносить колоссальный ущерб человечеству, делая и без того мизерными призрачные шансы на выживание. Речь в данном случае не идет о военной агрессии той или иной страны. Гораздо больший ущерб может нанести внутривосточная научно-технологическая, научно-техническая, ресурсная или киберполитика. Человек получил землю без государственных границ. Если государства до конца 20-х гг. останутся основными акторами и регуляторами, то шансов на выживание у нынешней цивилизации не будет;

3. *Движущие мотивы.* Человеческая мотивация и психология не слишком изменилась за последние 500 лет. Глобальное торжество западной цивилизации привело к тому, что повсеместно на первый план выдвигаются личные мотивы и интересы, включая деньги, власть, статус, комфорт, удобство и стремление достичь их любой ценой, прежде всего за счет победы в конкурентной борьбе над ближним. Человек, как социо-биологическое существо, относится к крайне незначительному числу высших млекопитающих, которые практикуют убийства друг друга и даже каннибализм. В последние 100 лет под воздействием капитализма общественные, коллективистские мотивы и стимулы были не просто оттеснены на периферию, а основательно разрушены. Ждать от общества, где каждый выживает в одиночку, какой-либо солидарности, по меньшей мере, наивно. Бостром полагает, что с учетом того, что черный шар либо уже находится в наших руках либо скоро попадет к нам, у цивилизации нет времени воспитывать альтруизм, коллективизм, солидарность. Если человечество хочет выжить, необходимо переходить к **политике принуждения к коллективизму и солидарности**, а также к ограничению потребительства.

Одновременно Бостром вводит термин **“опустошение цивилизации”**. Он предполагает, что на некотором уровне технологии неизбежно происходит экзистенциальная катастрофа, связанная в предельном варианте с уничтожением homo sapiens, а в оптимистическом – с откатом нынешней цивилизации примерно в период раннего средневековья.

Формулируя приведенные выше три порока современной цивилизации, установлена планка ниже, чем в случае полноценного черного шара. При сохранении указанных выше трех пороков цивилизационного устройства уже применяющиеся **биотехнологии могут привести к катастрофическим последствиям с отбрасыванием цивилизации на десятилетия, а то и столетия назад.**

Подлинная проблема состоит в том, что никто – ни правящие элиты, ни правительственные чиновники, олицетворяющие институты, ни население – не готовы отказаться от того беспорядочного, неэффективного устройства, которое по недоразумению называют новым мировым порядком. Бостром его называет **цивилизационной разрухой**. Он полагает, что *преодолеть ее можно только в том случае, если в мире буквально в ближайшие годы произойдет какая-то крупная локальная катастрофа, жертвы которой будут исчисляться сотнями тысяч человек, которая заставит задуматься о том пути,*

по которому человечество движется. Если этого не случится, то расчеты, проведенные по обе стороны океана, на мощных имитационных моделях показывают, что наиболее вероятным сценарием мировой динамики с шансами до 70% является смерть 25% населения мира и сокращение мирового ВВП более чем на 50% в течение ближайших 10–15 лет.

Технологиями Бостром считает не только машины и физические устройства, но и программные продукты, программно-аппаратные решения, психопрактики, организационные методы, идеологии и т. п. Каждый из этих видов технологий может стать черным шаром. Он говорит об уязвимостях открытия и закрытия. В сценарии “легкого ядерного оружия” период уязвимости начинается, когда находится легкий способ производства ядерных зарядов. Период уязвимости закрывается, когда изобретается технология или технологический пакет, которые делают возможным превентивное предупреждение ядерных взрывов, в том числе принуждение обладателей ядерного оружия к ядерному разоружению.

Если защитная технология невозможна и технологический регресс не происходит, то мир становится постоянно уязвимым. Еще один эмпирический факт, который Бостром предлагает постоянно держать в уме политикам, представителям разведывательного сообщества и чиновникам, – это **асимметрия мира**. Для того чтобы довести научную идею до технологического воплощения, могут потребоваться даже не годы, а десятилетия, а для того, чтобы применить в разрушительных целях ту или иную технологию, может хватить и одного дня. К сожалению, вселенная устроена асимметрично. Создание трудно, затратно и требует длительного времени. А разрушение, как правило, дешево и мгновенно. Соответственно путь от первых приматов до нынешней цивилизации потребовал десятков тысяч лет упорного труда. А вот поездка в обратный конец может занять всего несколько лет.

Типология уязвимостей

Бостром выделяет несколько типов цивилизационных уязвимостей.

Тип 1 (вариант “легкого ядерного оружия”). При этом типе отдельные люди или небольшие группы получают в руки оружие массового уничтожения. Еще в 60-е гг. прошлого века польский католический мыслитель и фантаст С. Лем сформулировал закон возрастания летального потенциала малых групп по мере технологического прогресса. Суть закона в следующем. Наш привычный технологический прогресс как сумма белых шаров, тем не менее, чем дальше, тем больше предоставляет одиночкам и малым группам возможности нанести ущерб или лишить жизни не единицы и десятки, а тысячи, десятки и сотни тысяч людей. Этот закон действует, согласно анализу Лема, с XVI века и имеет тенденцию к экспоненциальному наращиванию летальных возможностей одиночек и малых групп.

При этом типе не предполагается появления некоего артефакта в виде черного шара. Глобальная разруха и анархия, а также несоответствие личного и общественного сознания цивилизационным вызовам ведут к тому, что уже сегодня малые группы, вооруженные кибероружием и разрушительными биотехнологическими разработками, вполне могут устроить апокалипсис как минимум в масштабе мегаполиса.

С учетом высокой связанности мира, уже сегодня, без всяких черных шаров, в течение последующего десятилетия велика вероятность цивилизационного опустошения за счет первоначального катастрофического события, связанного с терактом и вызванной им последующей, распространяющейся по миру эпидемией технологических отказов и аварий.

При данном типе уязвимостей существует обратная зависимость между легкостью, с которой становится возможным вызвать инцидент, и деструктивностью его последствий. Бостром считает, что при уязвимостях первого типа верным будет следующее утверждение: чем более легким является осуществление подобного инцидента, тем большие разрушительные последствия он может иметь. Он рассматривает сценарий очень легкого ядерного оружия, при котором любая квалифицированная инженерная группа может создать переносимое термоядерное оружие, что называется “в гараже”, в течение пары недель и не быть обнаруженной правоохранителями. Этот вариант полностью подходит под ситуацию уязвимости цивилизации.

В конечном счете, уязвимость появляется тогда, когда технологией легко воспользоваться, не прикладывая к этому особых инженерных, финансовых и иных усилий, которые могут быть обнаружены разведывательными сообщениями или правоохранителями. Таким образом, уязвимость первого типа существует, если она может чрезвычайно легко причинить умеренное количество вреда либо умеренно легко причинить чрезвычайное количество вреда. Причина, по которой, полагаю, нет смысла излишне концентрироваться на уязвимостях первого типа, к которым привлечено основное внимание общественности и спецслужб, состоит в следующем. Еще в 80-е гг. прошлого века в рамках засекреченных учений ФБР группа выпускников MIT, используя лишь продаваемые без каких-либо документов и ограничений устройства, материалы и компоненты, смогла в Бруклине в течение двух недель изготовить незаметно для ничего не подозревающих правоохранителей, а также агентов ФБР, так называемую “грязную атомную бомбу”. Тот факт, что за последние 25 лет эта возможность не реализована в реальности, говорит о внутренних, встроенных, хотя и не вполне известных нам механизмах, не позволяющих реализовать на практике идею частного ядерного оружия. Соответственно пока статус открытия ядерных технологий может быть охарактеризован серым, но не черным, шаром.

Тип 2А (безопасный первый удар). Технологии, которые демократизируют оружие массового уничтожения, это не единственный вид черного шара, который можно вытащить из урны. Другим видом будут технологии, которые стимулируют влиятельных игроков использовать свое преимущество обладания оружием массового уничтожения.

Тип 2А – это уязвимость непреодолимого искушения нанести удар по врагу, пока он не имеет возможности нанести ответный удар. Уязвимость типа 2А характеризует появление технологий, располагаемых одним из влиятельных субъектов, который стремится использовать ее для того, чтобы покончить с нынешним миропорядком. Здесь важно отметить следующее обстоятельство. Военная история фиксирует два твердо установленных факта монопольного обладания смертоносным оружием влиятельными субъектами в течение относительно продолжительного времени: в одном случае примерно 25 лет, в другом – пяти. Речь идет соответственно о ядерном потенциале США в 40–50-е гг. и уникальном японском бактериологическом потенциале, которым страна располагала в 30–40-е гг. прошлого века. Можно предположить, что при всех недостатках и негативах, свойственных политическим элитам, у них даже в экстремальных случаях хватает ума, ответственности или просто страха не использовать своего решающего преимущества. Поэтому и данные технологические пакеты справедливо маркировать не черными, а серыми шарами.

Тип 2Б (“хуже глобального потепления”). Еще один способ опустошения мира связан с изменением климата.

Согласно последним расчетам Министерства энергетики США с использованием суперкомпьютеров и мощной команды из Австралии, в том случае, если до 2025 г. не удастся снизить темпы прироста годовой температуры до примерно 1,5–2%, то в 2030–2035 гг. наступит точка невозврата. Проблема даже не в том, что под воду уйдут Нью-Йорк, Лондон, Санкт-Петербург, Сингапур и Гонконг, а в том, что при таком росте температуры произойдет полное исчезновение большинства видов насекомых и пчел. Их численность за последние 25 лет уже сократилась на 70–80%. Уничтожение насекомых приведет к глобальному краху пищевых цепочек. Соответственно человечество окажется перед смертельной угрозой, которой совершенно непонятно, что можно будет противопоставить.

Уязвимость “худшего глобального потепления” принципиально отличается от уязвимости “первого безопасного удара”. В случае уязвимости первого удара всегда есть конкретный субъект, который должен преодолеть страх невыполнимого и осуществить действия, невиданные в истории человечества. Как показывает история, **у элит есть внутренний встроенный контур, блокирующий уничтожение человечества одним ударом.** В сценарии “худшего глобального потепления” ситуация принципиально иная. Нет одного-единственного субъекта, от которого все зависит. Вместо этого существует большое количество значимых группировок элитных образований, каждая из которых надеется перехитрить другие и, что называется, “заработать на кризисе”.

В математической теории игр хорошо известен термин “трагедия общин”. Он характеризует ситуацию, когда определенная, зачастую, немалая часть участников сообщества сознательно бесплатно потребляет коллективные ресурсы, полагая, что другие в силу различных причин будут продолжать брать на себя бремя сохранения общины. Даже в обыденной жизни хорошо известно, что в каждом коллективе есть халявщики и захребетники.

Уязвимость этого варианта состоит в том, что опустошение земли может наступить в силу недостатков и несогласованностей в коллективной деятельности множества участников. Главное, что каждый из участников, хотя и входит в сообщество, действует самостоятельно и независимо.

Тип 0 (удивительные странники). В 1942 г. один из руководителей Манхэттенского проекта поделился с руководством опасением, что ядерный взрыв создаст температуру, беспрецедентную в истории Земли, и это может вызвать самопроизвольное распространение термоядерной реакции в окружающем воздухе или в воде. Проверочные расчеты показали, что особого риска нет. После этого решились на проведение эксперимента с расщеплением атомного ядра. Эксперимент подтвердил правильность расчетов.

Однако кошмар истории в том, что резюме заключения о возможности проведения эксперимента по расщеплению атомного ядра содержало такие строки, недавно они найдены в архивах: “Риск гибели планеты крайне маловероятен, поэтому целесообразно проверить это экспериментально...” Спустя 12 лет в секретном ядерном эксперименте Castle Bravo планировалось испытать опытный экземпляр термоядерной бомбы не на основе урана или плутония, а на основе лития. Поскольку точно никто не знал, насколько мощным будет ядерный взрыв и каковы будут последствия, повторилась ситуация Манхэттенского проекта. Провели расчеты и выяснилось, что рванет на 6 мегатонн с диапазоном неопределенности 4–8 мегатонн. В Тихом океане был произведен взрыв. Взрыв получился в 15 мегатонн, или 1 тыс. Хиросим, и разрушил большую часть испытательного полигона вместе со всем оборудованием. Короче, ученые ошиблись в расчетах. Когда тогдашний президент США Эйзенхауэр призвал военных к ответу, они сообщили: “Всякое бывает с новой техникой”. Называя вещи своими именами, миру просто сильно повезло.

Исследователи любят именовать себя очарованными странниками в неведомое. Когда неведомое – кости мамонтов, новые сплавы либо наблюдения за бабуинами, любопытство исследователей и тяга к прогрессу даже в худшем случае дешево обойдутся человечеству. Но сегодня никто не знает, чем закончится эпопея с попытками экспериментально выяснить, что такое на самом деле “темная энергия”, как в реальности работает наследственная система человека, каковы пределы взаимодействия человека и компьютера и т. п. Вполне вероятно, что опыт в этих и других сходных областях может стать последним опытом человечества.

Самое худшее в этой истории связано не с наукой и технологией, а с политикой и лидерством. *Американский президент не может отказать своим физикам в создании новой сверхмощной установки для проникновения в тайны мирозданий с неясными последствиями просто потому, что аналогичную установку уже строят китайцы. Британцы не могут запретить практических работ по скрещиванию человека с искусственно полученными эмбрионами. Эти работы не планируются, а уже ведутся в некоторых странах Юго-Восточной Азии. Осторожность и осмотрительность в высококонкурентном и враждебном мире просто невозможны. Это – главный урок, который необходимо извлечь.*

Достижение стабильности

Плохая новость в том, полагает Бостром, что человечество однажды неизбежно достанет черный шар. Хорошая – в том, что это не означает, что цивилизация будет непременно опустошена. Есть, по крайней мере, несколько возможностей стабилизации мира, даже уязвимого мира. Бостром рассматривает следующие возможности достижения стабилизации:

- Блокировка отдельных направлений технологического развития.
- Выстраивание иерархического мирового порядка, когда доминантно передаст свои функции региональным и отраслевым по направлениям развития науки, техники и технологий субдоминантам. Конечно, это будет смахивать на феодализм в масштабах планеты и закрепит несправедливость.

Однако такая система позволит оперативно выявлять и пресекать опасности.

— Установление эффективного глобального управления во главе с доминантом и справедливым участием субдоминантов.

— Решительное изменение норм международного права, а также создание глобального органа власти, осуществляющего быстрые превентивные меры в отношении нарушителей глобального договора о торможении технологического развития.

Ограничения в развитии технологий: от сдерживания технологических разработок — к глобальной научной инквизиции

В общем виде идея технологического регресса выглядит предельно бесперспективной. Технологическая блокировка в наиболее явном и последовательном виде требует прекращения изобретательской деятельности по всему миру. Это невозможно. Однако невозможность общего отказа от научных и технологических исследований не означает целесообразности ограничения научно-исследовательской и особенно технологической деятельности по определенным направлениям и технопакетам. Бостром предлагает *отказаться от особенно опасных направлений развития, связанных в первую очередь с проникновением в глубины материи, выяснением реальной, а не упрощенной, картины с наследственностью, созданием саморазвивающихся программно-аппаратных средств и т. п.*

Он считает, что целесообразно на основе согласованной работы ведущих фабрик мысли в самой ближайшей перспективе **сформировать перечень сдерживаемых исследовательских тем и блокируемых технопакетов** и вынести его на обсуждение. Должен быть сформирован перечень запрещенных направлений научных исследований и разработок, а также установлены оборудование и другие компоненты, требуемые для подобной работы. Также необходимо создать на основе усилий разведывательных сообществ полные и постоянно пополняемые списки всех компаний, творческих коллективов и отдельных исследователей и разработчиков, теоретически способных на свой страх и риск либо при сторонней поддержке вести запрещенные исследования и разрабатывать технопакеты.

В этих целях Бостром предлагает реализовать **принцип дифференцированного научно-технологического торможения**. Реализация этого принципа потребует создания (внимание — дословно! **наднациональной разведывательной и контрразведывательно-карающей структуры**, способной к ежедневным практическим действиям. Это должно стать своего рода **глобальной научной инквизицией**. Однако в отличие от инквизиции эта структура должна определять не научность или ненаучность тех или иных разработок, а их опасность для человечества. (Этот сюжет впервые детально описали в 80-е гг. прошлого века братья Стругацкие в романах *“Волны гасят ветер”* и *“Жук в муравейнике”*. Там подобный орган даже имел название Комкон-2. — **Прим. авторов статьи**).

Бостром замечает, что не следует переоценивать важности такого рода политики. Бесспорно, научно-технологический прогресс имеет собственную, лишь частично зависимую от социально-экономической динамики траекторию. Вероятно, никакие политические, правовые и даже карательные меры не могут остановить технологическое развитие в силу внутренней логики этого процесса. Однако такого рода структуры могут оказать серьезное влияние на время, когда будут разработаны и запущены те или иные технологии. Он говорит, что надо быть реалистами и понимать, что цель такой структуры, в конечном счете, это не вечная блокировка научных открытий и технопакетов, а лишь регулирование времени воплощения научных открытий в технологические разработки. Это достаточно релевантная и реализуемая задача. В основу деятельности своеобразной новой научной инквизиции должен быть положен принцип: *разрушительные технологии должны появляться, как факт повседневной жизни, лишь тогда, когда уже созданы защитные технологии. Т. е. щит всегда должен опережать меч.*

Время изобретения также влияет на социально-политический контекст использования технологий. Коль скоро человеческая цивилизация будет время от времени доставать черные шары, возможно отложить самые рискованные технологические разработки или, по крайней мере, сдерживать их на стадии научных открытий, а не инструментальных технологий. Даже если мы предположим,

говорит Бостром, что цивилизационные разрушения неизбежны, а скорее всего дело обстоит именно так, то любой нормальный человек предпочтет, чтобы это произошло как можно в более отдаленном будущем, когда он сам и его близкие уже уйдут из жизни. Психологические опыты показывают, что люди воспринимают время, простирающееся не более чем на жизнь их внуков. Поэтому, коль скоро однажды предстоит достать из урны черный шар, который опустошит цивилизацию, лучше, чтобы это произошло к концу текущего столетия, а не в его первой половине.

Бостром признает, что реализация технологической блокировки является сложнейшей стратегической задачей. Тем не менее, рекомендует *“ответственным”* политикам, предпринимателям, исследователям, которые заботятся о том, чтобы их дети и внуки жили, попробовать взяться за эту задачу. Некоторые направления, такие как синтетическая биология, физика темной энергии, лазерное разделение изотопов, геноинженерия, уже сегодня вызывают большую тревогу не только у разведывательного сообщества, политиков, но и у широкой общественности. Поэтому дальновидно было бы в ходе подготовки глобального соглашения о торможении технологий начать с малого, и лишь затем, пользуясь общественным мнением, стремительно запретить то, что можно запретить.

Остановимся и прокомментируем столь неординарное предложение Бострома о глобальной научной инквизиции. Думается, что *главное в этом предложении – кто будет поджигать ее костры? По какому поводу? И в отношении кого?*

Вопросы не праздные. Возьмем, к примеру, ситуацию, с которой мы начали – редактирование генома человека. Инквизиционный взрыв негодования возник почему-то только в декабре 2018 года, когда стало известно, что редактирование генома осуществили китайские ученые. Но еще в 2012 году группы Шарпентье и Дженнифер Дудны из Университета Беркли (США) опубликовали совместную статью в *Science*, где предложили способ перепрограммирования системы CRISPR/Cas. В это же время Институт Броуда MIT (США) подали заявку на патент по той же проблеме (до сих пор между двумя университетами идет патентная война). К концу 2016 года редактирование генома было разрешено в Китае, на родине Бострома – в Швеции, Великобритании, а в феврале 2017 года Академия наук США поддержала редактирование генома эмбриона в случаях необходимости спасения людей от неизлечимого заболевания. В ноябре 2017 года в больнице Окленда (США) прошла первая в мире процедура по редактированию генома взрослого человека прямо внутри его тела. Как видим, поводов поднимать шум и растапливать костры инквизиции было немало. Но инквизиция заработала только после удачного эксперимента китайцев. Значит, дело не столько в самой технологии, а в том, **КТО** ее применяет и насколько успешно! **Здесь уместно перефразировать известный вопрос Чацкого – “А инквизиторы кто будут?”**.

Бостром предлагает и другой теоретически возможный способ достижения цивилизационной стабильности – это *резкое уменьшение количества конкурирующих акторов, принимающих самостоятельные решения в области развития науки и техники и применения технологий*. Наиболее мягкий и одновременно сложный и малоэффективный способ – это установление различных форм координации между ними. Степень, в которой этот подход может быть эффективным, в решающей степени зависит от того, с каким типом уязвимостей придется столкнуться человечеству. В случае уязвимости первого типа такого рода координация выглядит многообещающей. Как уже отмечалось, у политиков и элит в целом, скорее всего, есть некоторые внутренние встроенные паттерны, отвращающие их от принятия необратимых решений по уничтожению.

Следует отметить, что сегодня вся международная политика вертится вокруг уязвимости первого типа и абсолютно игнорирует другие, гораздо более опасные типы уязвимостей.

Что касается второго типа уязвимостей, то здесь координационный подход является наилучшим. Как правило, в ситуациях со вторым типом уязвимостей круг реальных акторов ограничен несколькими государствами и, возможно, одним-двумя особенно влиятельными негосударственными субъектами.

Этот вариант наиболее отработан в истории человечества и позволяет решать проблемы за переговорным столом. Как показывает жизнь, любой, даже самый отъявленный террорист либо гибридный военный игрок через семейные, личные и иные приватные связи вовлечен в жизнь других цивилизованных государств. Соответственно это делает его уязвимым. В западной дипломатии в отличие от разведки хорошим тоном считается неиспользование такого рода уязвимостей. Однако в рамках **принуждения к технологическому торможению** они являются едва ли не наилучшим инструментом: дешевым, простым и действенным.

Некоторые конкретные ограничения

Помимо прямой блокировки отдельных направлений технологического развития и воздействия на институциональных и частных акторов в рамках сдерживания опасных направлений, Бостром называет и другие возможные направления, способные несколько повысить сопротивляемость цивилизации к уязвимостям. Например, можно попытаться:

– *предотвратить распространение потенциально опасной информации о блокированных исследованиях и разработках;*

– *ограничить доступ к необходимым материалам, инструментам и инфраструктуре, используемым для проведения опытно-конструкторских и технологических работ на базе открытий по блокируемым направлениям;*

– *установить постоянное наблюдение за лицами по своему интеллектуальному уровню, профессиональной подготовке и квалификации способными осуществить не только научные прорывы, но и обеспечить их технологическую реализацию по блокируемым направлениям;*

– *усовершенствовать, в том числе с использованием искусственного интеллекта, систему превентивного опережающего мониторинга рисков различного рода научных и технологических разработок;*

– *создать международный механизм правоприменения, который позволял бы пресекать еще на стадии планирования попытки перевести те или иные открытия по блокируемым темам на уровень технологических разработок.*

При всей привлекательности, указанные выше решения имеют различный потенциал практической реализации. Предотвращение распространения информации, вероятно, просто невозможно. Даже если реализовать эту меру, то нет гарантии, что кто-то самостоятельно вновь не переоткроет уже открытое и совершит технологический прорыв. Гораздо более эффективным представляется сочетание свободы на уровне публикаций об открытиях, с жесточайшей цензурой на издание технологических документов. Как показывают опыт и здравый смысл, последнее дело – запрещать все и сразу. Напротив, надо дать возможность исследователям раскрыться, оценить риски открытия и далее превентивно пресечь перевод открытия на уровень конструкций и работающих технологий. Это осуществляется, прежде всего, через ограничение доступа к материалам, инструментам и инфраструктуре, и тотальный превентивный контроль над кадрами. Такая смешанная политика, сочетающая открытость с пристальным мониторингом и решительным превентивным реагированием попыток перейти от стадии фундаментальных и прикладных открытий и исследований к их конструкционной и технологической реализации, является не только реалистичной, но и способной в сжатые сроки дать ощутимый эффект.

Любопытно, что Бостром полагает, что реализовать предлагаемую смешанную политику можно лишь подкрепив **ее превентивной полицейской деятельностью**. Эта деятельность не обязательно должна сопровождаться арестами исследователей, разработчиков, конструкторов и технологов. Речь идет об особой полицейской деятельности, чьей задачей является не изоляция ученых и разработчиков от общества, как это происходит с преступниками, а изоляция их от определенных направлений научных и технологических исследований и разработок. Главная проблема, по мнению Бострома, заключается в невозможности развертывания подобной полицейской научно-технологической деятельности не только на национальной, но и на международной, транснациональной основе. Бостром почему-то считает, что “Европол и Интерпол продемонстрировали удивительную беспомощность в борьбе с высокотехнологичными преступлениями”. Поэтому, по его мнению, создавать еще

одну международную организацию, учредителями которой являются национальные государства, представляется совершенно бессмысленным.

“Надо прямо и честно сказать себе, — говорит Бостром, — что национальные государства — лидеры сегодняшнего мира — выступают категорически против предлагаемых новаций и успешно ведут человечество к опустошению цивилизации. Они занимаются азартной конкурентной борьбой за овладение любой новой технологией, в том числе той, которая помечена черным шаром”.

Внимательно проанализировав складывающую глобальную ситуацию, Бостром пришел к выводу, что высокая необходимость не предполагает значительной вероятности осуществления подобных мер. В этой связи он предлагает рассмотреть еще два возможных пути достижения технологической стабилизации и спасения цивилизации от разрушения вследствие технологического открытия, маркированного черным шаром:

— ведущим государствам — технологическим лидерам заключить **договор о создании внутригосударственной профилактической технологической полиции**, которая бы занялась выявлением и блокировкой деятельности любых небольших групп и отдельных лиц, способных реализовать технологический черный шар;

— создать потенциал для сильного глобального управления. Принимая во внимание, что государства более не обладают монополией на власть, которая частично переходит к корпорациям и общественным организациям, сделать упор на создание **международной корпоративной упреждающей технологической полиции**. Как показывает опыт, технологические гиганты готовы сотрудничать с правоохранительными органами по выявлению и ограничению тех или иных технологических решений. Это происходит не из-за высокой сознательности руководителей технологических гигантов, а объясняется их экономическими интересами. Занимаясь торможением технологий — кандидатов на черный шар, — технологические гиганты одновременно замораживают достигнутый уровень технологии, т. е. фиксируют мир, где они являются лидерами.

Превентивная технологическая полиция

Бостром подчеркивает: “Полагать, что профилактическая технологическая полиция может быть создана в рамках и на основе уже имеющихся полицейских сил, в том числе занимающихся киберпреступностью, это — бесперспективная утопия”.

По его мнению, ближе всего к созданию превентивной полиции находится сегодня Китай. Внимание Бострома привлекла **китайская информационно-коммуникационная система социального кредита**. Она предполагает практически сплошное видеонаблюдение за гражданами крупнейших городов и в зонах социального напряжения, дополненное тотальной обработкой больших данных социальных сетей и любых электронных транзакций внутри КНР. В зависимости от поведения китайцы будут получать либо ограничиваться в получении различных социальных благ.

Впервые подобную систему под названием “Паноптикум” описал Иеремиа Бентам в начале XIX века. В настоящее время стоимость развертывания и годовая эксплуатация этой системы в расчете на одного человека составляет в Китае 380 долларов. По оценкам южнокорейских экспертов, которым удалось ознакомиться с первичными документами китайской системы, перед инженерами и технологами поставлена задача до 2022 года довести ее цену до 140 долларов на человека. В этом случае Китай сможет осуществить ее сплошное развертывание.

Интересен вывод Бострома: **“Принципиально в условиях смертельной угрозы гибели цивилизации от черного шара можно было бы всерьез рассмотреть возможность глобального развертывания подобной системы. Если предположить приведенные затраты на одного человека в 140 долларов, которые китайцы рассматривают как цель, то глобальное развертывание системы постоянного мониторинга и превентивных мероприятий составит примерно 1% мирового ВВП. Это вполне приемлемая цена для предотвращения крушения цивилизации”.**

Вопрос сегодня не в технической и организационной реализации подобной системы. В этом сомнений нет. Проблема — **в сопротивлении населения**

в западных странах и политиков традиционного толка развертыванию подобной системы.

Возникает вопрос, а есть ли хоть один шанс реализовать эту систему на Западе. Представляется, что к глобальному паноптикуму ведут два пути. Первый связан с тем, что общество постепенно осознает, что движется к полной социальной прозрачности, где больше нет приватности, и к алгоритмической экономике и отчасти политике. Фактом является то, что сегодня гораздо проще собирать и анализировать информацию о людях и событиях, чем это было 5–7 лет назад. Даже в наиболее приверженных личным свободам странах типа Скандинавии, Швейцарии, Соединенных Штатов общество молчаливо соглашается с ликвидацией приватности, как допустимой платы за предотвращение терроризма. Иными словами, если, по мнению Бострома, начать интенсивную информационную кампанию относительно технологической опасности черного шара, то есть основания полагать, что позиция основной части населения в западных странах изменится. Ментально оно подготовлено, прежде всего, телевидением и интернетом к грядущим колоссальным проблемам из-за неконтролируемого развития технологий. Поэтому при достижении внутриэлитного согласия этот путь можно пройти достаточно быстро.

Исходя из рассуждений Бострома, нынешний либеральный Запад практически готов ввести у себя тотальный электронный контроль за поведением, дело только в умелой пропагандистской работе.

Второй путь, согласно концепции Бострома, предполагает **умное и оперативное использование последствий практически неминуемых в ближайшие 3–5 лет крупномасштабных технологических катастроф, от которых могут пострадать десятки, а то и сотни тысяч человек.** Эти катастрофы неминуемо произойдут в развитых странах, поскольку уровень сложности как обществ, так и технических устройств, а также телекоммуникационных сетей уже сегодня заметно превысил уровень управления. Грубо говоря, сложность развивается стихийно. Любое стихийное развитие заканчивается катастрофой. Просто эту катастрофу надо эффективно использовать так же, как в Соединенных Штатах были использованы события 11.09.2001. “Естественно, — говорит Бостром, — я не только не призываю, но и не намекаю на идею плановой организации катастроф. К сожалению, они произойдут в ближайшее время стихийно. Я предлагаю планировать реакцию на катастрофы. Эта реакция, наряду со спасательными и восстановительными мероприятиями, должна включать мощнейшую информационную кампанию, которая убедит население в полезности Паноптикума”.

Ну как здесь действительно не вспомнить события 11.09.2001 и все, что за этим произошло!

Глобальное управление

Бостром рассматривает еще одно направление, связанное с перестройкой государства на предотвращение разрушения цивилизации: “Глядя в будущее, предположим, что черный шар уже вытасчен, и он связан с развитием синтетической биологии или искусственного интеллекта. Также предположим, что научно-техническим разведкам ряда стран-лидеров удалось своевременно оценить возникшие технологии именно как черный шар, ставящий под угрозу само существование цивилизации. Естественно, что в данной ситуации государственные субъекты столкнутся с проблемой выработки и скорейшего осуществления коллективных действий”.

Единственную альтернативу хаосу, который воцарился в настоящее время в мировом сообществе, Бостром видит в **установлении жесткого глобального управления.** Из-за дискредитации термина “мировое правительство” он не называет глобальное управление этим термином. Он предпочитает использовать термин **“специальный комитет”.** Функции специального комитета должны быть ограничены конкретной проблемой сдерживания научно-технологического прогресса. В этих рамках он должен иметь право в приказном порядке потребовать от любого правительства, включая правительство Соединенных Штатов, выполнить те или иные действия либо предоставить возможность выполнения этих действий на территории страны особым силам спецкомитета. Бостром не предлагает всемирного правительства, **но в условиях реальной угрозы цивилизации он предлагает модель ограничения суверенитета всех стран мира в части технологического развития.** Ни одна страна не может ссылаться на то, что она суверенна, а соответственно может на

своей территории делать все, что ей заблагорассудится. “Данные меры, – говорит Бостром, – надо провести как можно скорее, пока такое государство, как Китай или безответственная Россия не вытянут все же черный шар и не отправят всю нашу цивилизацию в лучшем случае в страну опустошения, а в худшем случае – в небытие”.

Так вот где собака зарыта! Все запугивание свелось к конкурентной борьбе США против Китая и России!

Прямым текстом Бостром ставит вопрос следующим образом: **“Ответственные мировые элиты должны провозгласить необходимость создания в кратчайшие сроки спецкомитета, имеющего не просто право, а обязанность в определенной, строго установленной области не вести переговоры с государствами, а приказывать им, что они должны сделать, чтобы помочь силам спецкомитета провести успешную операцию на территории государства... Когда на повестке дня стоит скорое разрушение цивилизации, полными идиотами выглядят почтенные действующие политики, предлагающие собрать Генеральную Ассамблею ООН, сессию Совета НАТО, либо, как рассказал мне один известный испанский политик, сессию Совета Европы по рассмотрению возможности создания Комитета по предотвращению перспективных технологических угроз”**.

Закончил свою, поистине, историческую речь Бостром следующими словами: **“Надо четко сказать, что буквально в ближайшие год-два-три необходимо отказаться в международном масштабе от концепции неограниченного национального суверенитета и передать безусловные права спецкомитету, как глобальному органу мониторинга, контроля и пресечения попыток осуществлять исследования и разработки, чреватые черным шаром. Когда черный шар будет извлечен, а я надеюсь, что этого еще не произошло, будет уже поздно искать пути пресечения развития технологий... Спецкомитет или высокотехнологичный Паноптикум – это не фашизм, а необходимость. Надеюсь, что хотя бы некоторые из вас читали мои международные бестселлеры “Дайте красную таблетку” о фильме “Матрица” и, согласно данным Амазона, самую популярную в мире книгу о развитии искусственного интеллекта “Суперинтеллект”. Видно, что эти книги написал убежденный либерал, демократ, человек, до мозга костей приверженный американским ценностям. Поэтому я верю, что, ответственно подходя к делу, можно сочетать высокотехнологичный Паноптикум с сохранением демократии. Чтобы наслаждаться свободой, надо как минимум быть живым. Дела же складываются так, что без Паноптикума вряд ли у нас есть большие шансы просуществовать хотя бы до 2030 года”**.

P. S. Думается, что Бострому надо сказать большое человеческое “спасибо” за откровенное современное изложение концепции западного либерализма, что дает реальное видение ситуации, реальное понимание того, что произойдет в ближайшие годы с нашей страной и всеми нами, если мы ринемся под знамена “убежденных демократов и либералов”.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Сады души моей

Белгородская земля. Тучные нивы, золотые, до горизонта, поля подсолнухов, шёлковая, без единого сорнячка, пшеница. Великолепные дороги, по сторонам стоят хрустальные, как дворцы, теплицы, где собирают по три урожая в год, агрокомплексы, напоминающие марсианские сооружения, города будущего, сконструированные Корбюзье.

Но рассказ о Белгородской области невозможно вести, не начав этот рассказ с повествования о губернаторе Белгородской области Евгении Степановиче Савченко.

О Савченко написаны оды. Создана легенда о Савченко как о кудеснике, который среди распада, уныния создал удивительный цветущий, благоухающий край. Этот край дышит, строится, благоденствует, увеличивает пространство, в котором человек труда творит и улучшает это благоденствие. Савченко — творец теории о справедливом, гармоничном обществе. Усилия губернатора направлены на создание нового человека, для которого мотивом его деятельности является не погоня за чистоганом. А главная мотивация человека — в том, чтобы постоянно совершать благое, и в тех местах, где ему приходится действовать, жить и работать, увеличивать пространство света и благоденствия. И, увеличивая это благоденствие, человек достигает в своей земной реальной работе удивительных результатов.

Человек усматривает смысл своего существования в благой деятельности, направленной к совершенствованию. Человек осознаёт себя творцом, и творчество его безгранично. Оно простирается на других: на близких ему людей, на природу, которая его окружает, на машины, которые действуют среди этой природы, не разрушая её. Когда Савченко, увлекаясь, говорит о таком благом человеке, быть может, человеке будущего, он, волнуясь, прикладывает к вискам свои руки, а потом разводит их в стороны и обращает ладони к небу, как это делают молитвенники.

Он практик и рационалист до мозга костей. Он знает устройство биотехнологических производств, знает организационные законы, по которым действуют крупнейшие современные мировые и российские корпорации. Эти таинственные духовные технологии, которыми владеет Савченко, направлены на то, чтобы укротить в человеке зверя, чтобы увеличить в человеке человечность и направить его к высшим божественным смыслам.

Я двигаюсь по пространству Белогорья, находя повсюду подтверждение этому учению. Вижу, как вокруг меня невидимый садовод взращивает сад, сад души моей.

Продолжение. Начало в № 1 за 2019 год.

От Белгорода лучами в разные стороны расходятся поселения, которые здесь зовутся агломерациями. Белгород расселяется. Человек выхватывается из городских сгустков стресса, напряжения, раздражённости и выносятся на природу. Здесь он почти бесплатно получает 15 соток земли. К участку подведены газ, вода, электричество, отличные дороги. Это соединяет человека с местом его работы, с центрами интеллектуализма или производства.

Владелец участка строит дом по своему замыслу и усмотрению. Такой, какой, быть может, виделся ему только в снах. Он живёт на природе. Он видит лес, небо, ночные звёзды, реку. Он обретает свободу, ту, о которой мечтали и не находили предшествующие поколения.

На новом месте он может возвращать семью, увеличивать число детей, лелеять утомлённых жизнью стариков. Было удивительно встретиться и беседовать с молодой четой, получившей такой земельный участок. Они достраивают свой дом – затейливый и красивый. Осматривают влюблёнными глазами пока пустующий участок земли, мечтают, где здесь будут цвести каштаны, где – разбиты цветники, где будет детская площадка для уже родившихся и ещё не рожденных детей. А где поставят беседку, в которой станут чаёвничать их родители. Их 8-летний сын, осваивая своё новое родовое поместье, вывел мелом на кирпичной стене гордую надпись: “Я – царь горы”.

А вдалеке белели известняковые горы, и в зелёных дубравах сверкала река.

В Шебекинском районе я видел завод по производству лизина. Сооружения “Завода Премиксов № 1”, состоящие из цилиндров, сфер, ажурных стальных конструкций, находятся среди лугов и цветущих полей и не разрушают гармонию природы, а вплетаются в неё, напоминая букет стальных цветов, поставленных в кувшин вместе с подсолнухами. На заводе главной производящей силой являются бактерии. Они жадно набрасываются на патоку, приготовленную из пшеницы. Поедая патоку, вырабатывают лизин. Лизин – это аминокислота, которая добавляется в корм бройлерных кур, свиней, крупного рогатого скота и даже рыб и ускоряет их рост. Причём это не допинг и не генетическая добавка. Это абсолютно чистый продукт. И потому он не отравляет мясо этих рыб и животных. До недавнего времени лизин доставлялся нам из-за границы и стоил дорого, увеличивая общую стоимость продуктов. Сегодня корпорация стремительно развивается, открывает свои биотехнологические предприятия не только в Белгороде, но и в других регионах России.

Генеральный директор Алексей Георгиевич Балановский рассказывал о том, как губернатор Савченко возвращает подобные, быстро расцветающие и развивающиеся, корпорации. Он находит на карте точку, где ещё теплится жизнь, где после всех напастей и разорений, постигших нашу Родину, уцелела энергия, и поскольку отсюда ещё не разбежались люди и в ней пульсирует энергия будущего, делает эту точку точкой роста. Он находит человека, который способен на социальное творчество, на рывок, и перемещает его в эту точку, трансплантирует в место будущего развития. Савченко помогает этому человеку получить необходимые кредиты. Обеспечивает новому предпринимателю поддержку, не оставляет его своими заботами, даёт советы. И точка оживает: в ней начинается рост, саморазвитие. Пересаженный побег пускает корни, выбрасывает ветки, листву, и появляются бутоны, из которых возникает цветок компании. Это “принцип садовника”. Его использует губернатор Савченко, возвращая новую экономику области. Он видит в биотехнологиях будущее развитие. Видит в бактериях великих тружеников, которые создают новые изделия, способствуя благоденствию человека. И я не удивлюсь, если через некоторое время у входа на эту удивительную фабрику будет поставлен памятник бактериям. Поставил же физиолог Павлов перед своей лабораторией памятник собаке. Стоит же на тульских площадях памятник блохе, которую подковал Левша.

Губернатор Савченко бережно и осторожно возвращает и воспитывает глав районов. Он полагает, что из их среды когда-нибудь возникнет его преемник, который подхватит его начинания, продлит его дело, усвоит его учение и продолжит насаждение садов.

Глава Волоконовского района Сергей Иванович Бикетов – один из них. Конечно, глава должен с умом расходовать каждую копейку из данного ему необильного бюджета. Он должен заботиться о качестве дорог, о водоснабжении, об экологии своего района. Должен ладить с могущественными корпорациями,

которые пришли сюда, на чернозёмные земли, как инвесторы, и возделывают подсолнечник, пшеницу, другие культуры, ибо эти корпорации могущественные, иногда и капризные, и они пользуются покровительством высоких чинов в Москве. Их появление в районе должно способствовать человеческому благополучию, не нарушать чернозёмное богатство, не давить неосторожными движениями хрупкие человеческие отношения. Они должны способствовать тому, что Савченко называет “солидарным обществом”, вписываясь со своим могуществом в эту солидарную человеческую общину. Сергей Иванович исполнен светлой энергии, которая делает его обаятельным, доступным и очень дельным, рачительным человеком.

Комбайнеры, крепкие, загорелые, только что кончили свой обеденный перерыв и готовы сесть на великолепные современные комбайны и “добить” пшеничный клин, чтобы потом перейти на своих комбайнах на уборку подсолнечника, сои. А потом заняться сбором сахарной свёклы. Они, эти комбайнеры, встретили своего главу с достоинством, приветливо, без всякого подобострастия, которое иногда бывает при встрече с начальством. Они не стали здесь, в поле, рассказывать ему о своих нуждах, жаловаться, ибо тот часто бывает в их селе, знает их нужды, и всегда по мере возможности идёт им навстречу. Он знает, как чувствует себя переехавшая из села в город и поступившая в университет дочь одного из комбайнеров, знает, хорошо ли ходит по местным дорогам купленная недавно иномарка у другого механизатора. Глава района следует наставлениям и учениям губернатора Савченко, который говорит о том, что необходимо каждый день, постоянно, пусть крохами, пусть малыми долями – увеличивать пространство человеческого благополучия, советует, как в людях будить творца, побуждать их к творчеству, где бы это творчество ни проявлялось.

В посёлке Пятницкое Сергей Иванович привёл меня в школу искусств, где юные трубачи, почти невидимые из-за своих огромных гудящих труб, исполняют чудесную музыку.

А во дворах пятиэтажных домов, ещё недавно обшарпанных, а теперь отремонтированных, ярких, нарядных, он познакомил меня с местными активистами. Они сложились в самодеятельное дружное общество. Их дело – благоустройство дворов. Эти – и молодые, и не слишком – мужчины и женщины облагородили свои дворы. Они привели в порядок, придали нарядный вид хозяйственным постройкам, разрисовали их смешными зайцами и котами. Они своими руками соорудили детские лестницы, горки, поставили песочницы. Их работа – весёлая и счастливая, потому что она совершается во имя детей. И, потчuya меня домашними пирогами, подливая сладкую наливочку, они то и дело поглядывали на дворы, в которых играли их дети.

Усилиями главы в районе сберегли построенную ещё в 1914 году огромную шестизэтажную, сложенную из бревен мельницу, которая до недавнего времени вращала в своей утробе железные валы, колёса, молола зерно и производила муку. Теперь эта мельница – музей. А вокруг на берегах реки проводятся ежегодные веселые празднества под названием “Я – русский крестьянин”.

Как же мне было интересно и весело смотреть, как молодые парни, оставив свои комбайны с кондиционерами и сложной электроникой, идут за плугом, вспахивая борозду, понукая коня! Как другие ловко машут колунами, наперегонки раскалывая поленья, готовя дрова к зиме. Как девушки, склоняя гибкие спины, подхватывают расписное коромысло и несут от колодца к порогу дома полные воды ведра, стараясь не расплескать ни капли. Конечно, это забава, празднество, когда из стоящих тут же белых печей ухватами вытаскивают горшки с кашей и угощают собравшихся гостей, соревнуясь, чья каша слаще. Однако в этой забаве человек находит не только вдохновение. Но это и воспоминание о том великом крестьянском укладе, откуда все мы вышли, и который сегодня, уже как память, даёт простор нашим чувствам и мыслям.

И ещё глава показал мне в густом сосновом лесу за селом светлую берёзовую рощицу, посаженную человеческими руками. Зачем, думал я, в одном густом и прекрасном лесу сажать другой лес? Но в этот светлый берёзовый лес приходят молодожёны, играют свадьбы, люди приходят посидеть под берёзами. И эта маленькая роща показалась мне небольшой часовней, полной света, из которой люди выходят умиленные и просветлённые.

В Новооскольском районе мне удалось побывать на птицекомплексе “Приосколье” – удивительном, грандиозном предприятии с полным технологическим циклом. Здесь птица вылупляется из яйца, взращивается, нагуливает вес, откладывает яйца... Здесь же идёт переработка. Фарши, колбасы, копчености. Всё это поступает в торговые сети и имеет постоянный спрос, поскольку задача холдинга – поставка качественного, экологически безопасного продукта, и потому изделия не только очень вкусны, но и не содержат никаких вредных для человека ингредиентов. По словам генерального директора предприятия Александра Александровича Кладова, жесткий контроль ведётся на всех производственных этапах: постоянный микробиологический, физико-химический мониторинг осуществляется как в собственных производственных, так и в независимых лабораториях. Предприятие важно тем, что оно в своё время восстало против диктатуры американских куриных ног, пресловутых “ножек Буша”, сломало эту диктатуру, и в конце концов вместе с другими российскими профильными фабриками выдало эту лежалую американскую продукцию с российского рынка. Предприятие полностью компьютеризировано. Именно компьютеры следят и фиксируют появление яиц, вылупление цыплят. Компьютеры регулируют поступление кормов. Это и есть полуавтоматическое цифровое производство, ещё один пример того, как Белгород превращает традиционное крестьянское хозяйство в высоко индустриализованный современный процесс.

Геология Белгородской губернии загадочна. Она связана с древними океанами. Горы, что иногда вдруг возникают среди полей, белеют выступами известняковых пород, которые образовались здесь на месте древних морей. В этих известняках можно встретить фантастические раковины, отпечатки окаменелых водорослей, иногда – огромных каменных рыб. А ещё океан породил здесь гигантские скопления железа, которые именуются Курской магнитной аномалией. И среди цветущих колосьев нежных цветов вдруг разверзается чудовищный чёрный зев – Лебединский карьер. Здесь многие десятилетия днём и ночью добывают руду, черпают её тяжёлыми экскаваторами, извлекают из породы взрывами. Руду обогащают, промывают, дробят, превращают в металлизированные гранулы. Из этих гранул варят железо. Чёрный карьер напоминает чудовищных размеров античный театр, в котором сидят великаны и смотрят вниз, в глубину, где бог железа Гефест ворочает своими клещами, своими наковальнями, гремит и сотворяет своё вечное железное дело.

На Оскольском электрометаллургическом комбинате я познакомился с металлургом Александром Васильевичем Бойко. Я допытывался у него, в чём мечта русского человека, о чём мечтает металлург, выпуская из печи струю раскалённого алого металла, от которого слепнут глаза, и даже через спецодежду тело чувствует этот сильный жар. В чём, спрашивал я, мечта его, металлурга, который стоит среди грохочущих печей, среди туманного железного цеха. Металлург сказал мне, что мечтает о том, чтобы заработать у него был хороший, чтобы над головой был кров, чтобы можно было прийти после тяжёлой работы домой и надеть чистое бельё, нарядный костюм, сесть за стол, а в праздники принять гостей, поговорить с ними о чём-нибудь хорошем, приятном. Потом добавил: а ещё металлург мечтает, чтобы на Родине всё было хорошо, чтобы не было смуты, чтобы всё было спокойно, благонаравно, чтобы Родина процветала, была счастлива. И ещё, подумав, сказал: мечта состоит в том, чтобы и все остальные народы Земли были счастливы, чтобы они перестали голодать, мучиться от жажды, умирать от пуль и снарядов. Чтобы жизнь на Земле была благоденственна, чтобы наше русское счастье сделало счастливыми и других людей мира.

Я подумал, что такова она, русская мечта, воплощённая в сталь. И она точно такая же, воплощённая в пшеничный колос. И такая же, воплощённая в громадную подводную лодку. И такая же, воплощённая в маленькую глиняную каргопольскую игрушку. “Была бы наша Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего”.

Город Губкин построен на краю этого гигантского железного котлована. Город носит имя великого знатока наших земных русских недр академика Ивана Михайловича Губкина. Когда многие десятилетия назад Губкин приехал сюда, в рабочий поселок, наспех сооружённый, неопрятный, состоящий из деревянных домов и бараков, где жили первые наехавшие сюда горняки и металлурги,

он сказал: “Я верю, что будет день, когда здесь возникнет прекрасный город, в котором будут цвести каштаны”. Эта вера академика Губкина совпала с верой множества советских людей, которые строили города и насаждали сады. И каждый из них мог сказать о себе словами Маяковского: “Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести”.

Мэр города Губкина Анатолий Алексеевич Кретов возил меня по своему чудесному городу, в котором цветут каштаны. Мэр исповедует ту часть учения Савченко, что гласит: не бойся двигаться медленно, бойся остановиться. Это значит, что благоустройство города, которому всё своё время посвящает мэр, состоит из множества малых событий, малых чудес. Прежде дворы неказистых пятиэтажек, где стояли наспех сооружённые детские площадки, были добычей местных озорников и хулиганов. Ныне благоустройство города включает преобразование этих прежде унылых домов, их утепление, раскраску, превращение их в нарядные здания. А во дворах этих домов строятся детские площадки – красивые, со множеством аттракционов. И когда на этих площадках появились дорогостоящие, с любовью воздвигнутые карусели, качели, то вчерашние шалуны и безобразники почувствовали заботу об этих дворах, о своих соседях, о маленьких детях. И случаи вандализма прекратились. И это было маленькое чудо. Один из районов города был малопривлекательным. Но радением мэра здесь был запущен фонтан – великолепный, сверкающий, радужный. И сразу же вокруг фонтана появилось многолюдье. Матери с колясками, веселящиеся ребята и, конечно же, десантники и пограничники в дни своих празднеств. Фонтан преобразил район, совершил маленькое чудо.

В городе живёт женщина-инженер, которая ходит по улицам с планшетом и отыскивает точки, куда потом сажают клумбы, устанавливают скульптуры птиц и животных. Эти чувствительные точки, украшенные её радениями, сообщают красоту, оживляют целые районы вокруг.

В городе стояло старое, обветшалое, готовое под снос кирпичное здание. Но его отремонтировали, сделали в нём музей, и теперь люди с удовольствием приходят сюда, смотрят краеведческие экспонаты. Это тоже, считает мэр, чудо.

Среди множества культурных, просветительских и спортивных начинаний в городе действует программа “Управление здоровьем”. Появились так называемые семейные врачи – один врач на тысячу жителей. У этих врачей есть свои офисы, есть свои маленькие амбулатории. Они постоянно следят за своими пациентами и находятся с ними не только в профессиональных отношениях, но и в чисто человеческих. Поначалу люди с недоверием отнеслись к новой форме, но потом привыкли к ней, и теперь она стала абсолютно обыденной, является частью той профилактики, которая позволяет людям следить за своим здоровьем и избегать надвигающихся недугов. И это, считает мэр, тоже чудо.

Кондитерский холдинг “Славянка” находится в Старом Осколе. Его генеральный директор Сергей Аркадьевич Гусев – крепкий, осмысленный, удачливый и терпеливый предприниматель, который некогда выкупил в собственность затухающий маленький кондитерский цех, и на месте этого гибнущего цеха создал целую кондитерскую империю, которая открывает свои филиалы по всей Белгородской области и по другим областям России. Он готов снабжать конфетами другие, иногда тоскующие по сладостям, русские губернии. Предприятия “Славянки” – это огромный, прекрасно сконструированный механизм. Автоматические линии напоминают пулемёты, выстреливающие конфетами – тысяча штук в минуту. Сергей Аркадьевич – тоже человек, которого “спроектировал” Савченко. А он спроектировал холдинг. А холдинг одухотворил и оплодотворил собой окрестность, где возникли детские лагеря, зоны отдыха, площадки для досуга молодёжи. Конфета, как её понимает Гусев, это не еда, не сладкое питание. Конфета – это то, что висит на новогодней ёлке среди сверкающих шаров, блестящих звезд. На неё смотрит ребенок, и в сознании ребёнка эта конфета рождает ощущение праздника, волшебства, сказки. Это волшебное-сказочное ощущение ребенок потом несёт всю свою жизнь, вплоть до старости. А когда взрослый человек съедает конфету, он на несколько минут превращается в ребёнка. Время возвращается вспять, и происходит омоложение. И быть может, седой старец, лакомясь полосатой карамелькой, превращается в ребенка, осуществляет вечную мечту человечества об омоложении и даже о бессмертии, о жизни вечной.

В Холковском монастыре, в котором существуют вырубленные в известняке холодные пещеры, в подземной церкви, в полутьме, среди горящих лампад я беседовал с монахом о русской мечте. Монах в подземной тьме, держа в руках хрупкий стебелёк свечи, неторопливо говорил, что мечта русского человека – о совершенном бытии, об абсолютном добре, о царстве, где нет насилия, несправедливости, нет зла. Здесь, под землёй, русская мечта уносила нас в лазурное небесное странствие.

Председатель совета директоров крупнейшего агрохолдинга “ЭФКО” Валерий Николаевич Кустов – человек поразительный. Он создал удивительный центр, где готовят персонал для холдинга. Представители центра отыскивают в белгородских, и не только, университетах талантливых студентов, а среди работников холдинга – тех, кто отличается сметливостью, творческим подходом к делу и высокой профессиональной этикой. Эти люди приглашаются в центр на стажировку. Они проходят здесь трёхмесячный курс и учатся не только профессиональным навыкам, не только знакомятся с новейшими открытиями в этой отрасли, не только обучаются организационным и социальным технологиям, которые связаны с цифрой, с цифровой экономикой. Здесь их учат нравственным подходам к профессии, их учат понимать её как область, в которой присутствуют высшие божественные силы и ценности. Их учат свету. Кустов являет собой редкий пример современного российского предпринимателя. Он возрождает тот тип русского предпринимателя, для которого прибыль не является самоцелью. Для которого дело служит не только для обогащения, не только для увеличения его собственного личного богатства, но оно служит улучшению мира в целом. Оно служит справедливому распределению. Служит справедливости и способствует появлению нового российского предпринимателя, или капиталиста, который не вызывает в людях отторжение, раздражение, а подчас и ненависть.

Этот центр с реликтовыми деревьями, прудами с дикими утками, коттеджами, среди которых бегают ручные белки, с учебными корпусами, которые носят романтические названия Черный и Белый замок, с лекциями, которые читают известные философы, мыслители, этот центр чем-то напоминает монастырь, где человеческое сообщество превращается в братство. Где людей, наряду с экономикой, организационной практикой учат священным текстам, учат солнечным мыслям, учат свету. Мне казалось, что среди этих прудов, среди этих дворцов может возникнуть памятник свету. Огромный хрустальный куб. В этот куб с небес врывается луч солнца, распадается в радужное многоцветье, где каждый цвет является той формой, в которую облекается русская мечта в той или иной русской земле, среди того или иного народа, населяющего нашу великую державу. И потом эти радужные букеты сливаются в единый, возносящийся к Солнцу луч света.

Прохоровское поле – это огромное достояние белгородской земли. Оно бесценно и незаменимо, как Байкал. Прохоровское поле подобно другим священным полям России, таким как Куликовское и Бородинское. Оно подобно полям Подмосквы, сталинградским полям, оно – как гладь Чудского озера, где состоялась Ледовая сеча. Эти поля русской славы, русской муки и русской победы перекликаются одно с другим. На этих полях в битвах рождалось государство Российское. Эти битвы вели святые русские князья: Дмитрий Донской, Александр Невский. В ратниках, которые сражались на этих полях, присутствует святость. Сталь, пребивавшая в мечах, шлемах, кольчугах Дмитрия Донского, Александра Невского, таинственным образом через века перенеслась в сталь боевых машин – танков Т-34. Эти танки здесь, на Прохоровском поле, в страшном небывалом сражении громили врага. Приходящим на Прохоровское поле открывается тот невиданный чудовищный бой, где грохотали орудия, скрежетали гусеницы, где танки, исстреляв боекомплекты, шли на таран, сминаясь и сплющиваясь от ударов, где небо грохотало от тысяч самолётов. Эта битва была не просто схваткой военных машин, не просто военным событием. Здесь бились вселенские силы, силы тьмы и света. Силы ада и рая. И рай одолел, одержал победу над адом. Прохоровское поле – это величественная икона среди лугов, подсолнухов, полей, украшенная храмами, часовнями. Множество людей приходят приложиться к этой иконе. И всякий, кто уходит с Прохоровского поля, покидает его преображённым, с высокими помыслами. Прохоровское поле – это белгородская, русская мечта о совершенном бытии, о совершенном справедливом

обществе, о совершенной божественной России, ради которой отдаёшь свою жизнь и становишься при этом бессмертным.

Я покидал Белгородскую область вдохновлённый, окрылённый русской мечтой, которая, казалось бы, вот-вот, рядом. Но едва ты касаешься её рукой, как она удаляется, уходит в русскую бесконечность, продолжая влечь тебя за собой. Подсолнух – это прообраз русской мечты. Это волшебный цветок, обращённый к Солнцу, следящий за Солнцем, поворачивающий свои соцветия ему вслед. Это живой телескоп, который отыскивает в небесах бесконечное светящееся начало.

Мечта как откровение

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и губернатор Белгородской области Евгений САВЧЕНКО

– Евгений Степанович, спасибо вам за приглашение посетить вашу губернию. Я утром открыл окно, и у меня создалось ощущение чего-то светящегося. Это белгородское свечение исходит от обочин, от мелькающих домов, от полей, от посевов, от лиц. И оно меня всякий раз посещает, когда я оказываюсь у вас в губернии.

Вообще я нахожусь в состоянии обольщения, а может быть, и прозрения: я затеял программу под условным названием “Русская мечта”.

– Вы потрясающий мечтатель, Александр Андреевич!

Мечта в иерархии целеполагания, как мне кажется, стоит на ином уровне, чем национальная идея, поскольку идёт от самой души, а национальная идея от сознания, разума. А разум, как известно должен быть в подчинении души. Поэтому “русская мечта” более широкое понятие, чем национальная идея.

– Хотя одно с другим совпадает, но “национальная идея” звучит политологически, а “мечта” – поэтически, метафорически. Мечта требует своего раскрытия, расшифровки, что само по себе входит в концепцию русской мечты. Национальную мечту, по-моему, даже невозможно выразить, тем она и сильна. Она, как сновидение: она нам снится, мы просыпаемся, пробуем её найти. Она где-то рядом, но её уже и нет. И надо опять заснуть, чтобы она нам привиделась.

Я поделился этой идеей – поисками русской мечты, с нашими высоколыми политиками. Они поддержали меня, согласились, что футбол не может быть мечтой и национальной идеей, и вот я отправился в дорогу, исходя из того, что русская, российская мечта складывается из мечтаний отдельных народов, населяющих нашу страну, и отдельных земель, из которых нас скроила историческая судьба. И если буду двигаться по регионам и отгадывать эти мечтания, в конце концов, я сложу их в букет общероссийской большой мечты.

И мне захотелось посмотреть на ваши поля, небеса, на злаки, чтобы с вашей помощью, Евгений Степанович, попытаться отгадать, что такое белгородская мечта.

– Задача понятна. Будем искать ответ вместе. Кстати, Александр Андреевич, сущность русской мечты изложена в духоносных и прозорливых передовицах, которые вы публикуете в газете “Завтра”. Если их отдельно издать, то это будет гимн русской мечты.

– Мои тексты – это поиски. Русская мечта будет нам дана, думаю, в откровении, а не в измышлении. Пока всё, что мною сделано, это измышление любящего и ожидающего чуда человека. А сама мечта будет явлена как чудо. Она должна прийти к нам и будет связана со священными словами, со священным текстом.

– Совершенно верно. Осмысливая ваши публикации, я пришёл к выводу, что русская мечта заключается в построении Царствия Небесного на земле и спасении всего мира.

– Да, и Царствие Небесное не только для себя. Спасение мира.

– Вы очень точно почувствовали глубинное стремление народа. Но вот в чём проблема: у народа есть стремление, есть чаяния, но нет теории, нет знаний, нет глубокой стратегии. И мы идём к своей русской мечте или вслепую,

или еще, в худшем случае, заимствуем чужие постулаты для реализации русской мечты: то марксистскую теорию, то либеральные практики. А своего не наработали. И поскольку нет собственной жизнеутверждающей истины, то у нас не получается исполнить эту мечту — построить такое общество, которое было бы спасительным образцом для всех остальных народов. Поэтому все наши проблемы на протяжении столетий заключаются в фундаментальном противоречии между чаяниями народа и реальной практикой жизнеустройства.

— **Вы правы, и например, евреи свою истину зафиксировали в своей священной истории, а мы свою священную историю не написали. Но я считаю, что у нас всё получается, потому что иначе и быть не может. Ведь русская мечта, или Царствие Небесное, не даётся через практики.**

— Нужен стратегический, цивилизационный замысел, который должен, как путеводная звезда, вести наше отечество через десятилетия и столетия. Россия — это духовная цивилизация, которая признаёт, что зримым, то есть воплощённым, миром управляет незримый. А это означает, что мы должны знать законы Мироздания, где царят равновесие, целесообразность и гармония, и руководствоваться ими в своём жизнеустройстве.

Недавно вы, Александр Андреевич, писали, как на встрече в Плесецке в Доме офицеров один из присутствовавших спросил ваше мнение о книге Даниила Андреева “Роза мира”. Послушайте, если такие книги, исполненные глубокого смысла, читают военные, и они их волнуют, то с осуществлением русской мечты у нас будет все в порядке.

— **И в эти дни, когда в России непросто все...**

— А когда было в России просто? Всегда непросто.

— **Всегда непросто, а иногда бывает невыносимо. И люди, которые вчера были исполнены энтузиазмом, верой, энергией, опускают руки, наполняются унынием. Одни — отчаянием, другие — едким нигилизмом. И я спрашиваю себя, с какими словами я, писатель, художник, публицист, должен обратиться к этим людям, чтобы не увеличить степень их досады и социального раздражения, чтобы я был услышан, а не отвергнут со смехом, может быть, как беспочвенный вития? Какие это должны быть слова? Что сейчас люди хотят услышать, что не вызвало бы в них неверия, раздражения или ненависти?**

— Какие у нас самые любимые народом писатели, Александр Андреевич?

— **Думаю, Пушкина народ любит.**

— Конечно, Пушкина, классиков. А из современных? Василий Шукшин, его “Печки-лавочки”, Владимир Высоцкий, Михаил Евдокимов — их больше всего любили и любят. Почему? Потому что, обращаясь к народу, они выражали то, что на сердце у каждого. Сегодня не хватает именно таких людей, которые чувствуют нерв народа и являются камертоном его настроения. Ведь иногда можно даже помолчать, но таким молчанием сказать больше, чем тысячей слов, если это молчание воспринимается людьми, как собственное молчание. Надо сегодня вести разговор с людьми не только о текущем, о том, что их беспокоит, но и о том, что поднимает душевный настрой людей.

А мы все время ведем разговор о материальном, об уровне жизни: давайте вот это сделаем, вот это построим. Все это правильно, хорошо. Но у русского человека всегда на первом месте дух, душевное состояние. А плотские, материальные потребности — они всегда у него были на втором, третьем месте. И это происходит, скорее, на бессознательном уровне. Но мы материальное везде поставили на первое место: товарооборот, километры, квадратные метры, проценты, инфляция и так далее. Это, конечно, тоже нужно, но это вторично, а первично то, что создаёт душевную гармонию. Для нашего народа главное — состояние его души, его настроение, состояние эмоциональное, чувственное. А для этого нужна вовлеченность и причастность к общему большому делу. И когда это все есть, то остальные задачи, включая материальные, инновационные, решаются очень быстро, качественно. И только удивляешься, откуда это всё берётся. Наши люди любят удивлять, им нравится удивлять чем-то хорошим и получать от этого позитивную энергию. А мы людей все время заземляем, говорим и требуем от них материальное и таким образом умаляем их созидательный потенциал.

— **Я тоже так думаю. И посмотрите, Евгений Степанович, власть, правитель, лидер воздействует на народ, на историю комплексом материальных мер, о котором вы говорили. И управляет течением истории,**

течением дел с помощью финансовых потоков, например, которые либо можно увеличить, либо слегка урезать. С помощью силовых воздействий на общество: какие-то тенденции в обществе подавить, а другим, наоборот, дать ход. Пропаганда, пиар-технологии – очень сильный инструмент в руках любой власти, когда народу внушают что-то очень интенсивно и мощно и отвлекают его от других нежелательных мыслей и действий.

Но в какой-то момент все это оказывается исчерпанным. Бывают в русской истории такие моменты, когда весь комплекс этих инструментов перестает действовать. Потому что все обещания даны и не выполнены, все деньги израсходованы, бюджет пустой, силовые приемы тоже не беспредельны, поскольку полиция, армия, Национальная гвардия – это тот же народ. И тогда, мне кажется, самые великие наши правители прибегали к комплексу идей и мер, которые находили отклик в нашей русской душе, в нашей судьбе. Что это за меры? Если говорить несколько пафосно, это представление русских людей о чуде, представление о вселенском справедливом, безупречном бытии, о священной русской истории, представление о философии русской Победы, которая всегда торжествовала. И эта философия русской мечты вела наших людей через все темные, изнурительные материальные перегородки. И мне казалось всегда, когда я с вами общался на Белгородчине, что в вашей теории, или вернее, в практике, которая сложилась в теорию, присутствует этот компонент. Недаром рядом с вами постоянно Владыка. Недаром для вас тема русской культуры, русской идеи бывает не менее важной, чем агротехнологии, например. Вы используете в своей практике этот арсенал загадочных и не слишком явленных методик?

– Это, скорее, не методики, не методология, а сложившаяся практика и понимание того, что сумма последовательных действий всегда приводит к изменению сознания. Но вы совершенно правы, в самые судьбоносные моменты истории, когда ничего уже не работает, лидер обращается: “Братья и сестры”. И больше уже можно ни о чем не говорить, всем всё понятно. Потому что в этих двух словах он сказал больше, чем потом во всех многочисленных приказах. Это слова, которые мобилизуют внутренний потенциал русского, российского человека. И они работают – даже в самые критические периоды нашей жизни, когда уже вот предел: или – или. И от людей исходит внутренняя энергия, которая соединяется в коллективную огромную энергетическую массу. Главное – научиться управлять ею в созидательных целях. Каких целей? Или победить врага, или освоить целину, или полететь в космос, или решить любую другую задачу.

Это на нашем, областном, уровне тоже работает. Конечно, мы не обращаемся так, у нас подобных критических ситуаций нет, наша роль поведенческая. Но как мы себя ведем, насколько мы близки к людям, насколько мы вместе с ними переживаем и сопереживаем – для людей это очень важно понимать, они это улавливают и соответствующим образом реагируют.

И сегодня любое решение, которое принимает власть на любом уровне, начиная от сельского поселения, района, оно должно оставлять эмоциональное послевкусие, оказывать общественное воздействие.

А с другой стороны, решения, которые мы принимаем, и действия, которые затем осуществляем, должны оцениваться одним критерием: насколько наше решение и действие увеличивает согласие, гармонию в нашем обществе. Или же наоборот – они увеличивают агрессию? Вот единственный критерий! И это в ещё большей степени относится и к медийной сфере.

Что мы, допустим, видим на телевидении? Фильм, где кровь, насилие, где грабят, убивают, – он что, гармонию добавляет или агрессию в общество? Так и любой книге, художественному произведению нужно давать оценку по тому, что они в душе оставляют больше: света или тьмы, радости, умиленья или раздражения и злости.

– Мы исходим из утверждения, по-видимому, справедливого, что русский человек – общинный человек. Что это человек соборный, что он всю свою историю никогда не был один, он всегда жил в большом общечитии. Мы с вами, Евгений Степанович, прожили период советского общежития. И к концу этого периода какая-то часть наших людей искусилась на одиночное существование вне коллектива. И русский человек

был вырван из большой общины, из идеологии соборности, из колхозов. Получил свои наделы, возникла философия индивидуализма, что якобы отдельно взятый человек, наделенный свободой, сделает гораздо больше, чем находящийся в человеческой группе, в ватаге. Но наш человек после 1991 года “наелся” индивидуализма. У многих ничего не получилось с индивидуальным существованием. Сейчас человек опять хочет соединиться в сообщество. И мне кажется, что в разных местах идет формообразование новых общностей. Эти общности находят в вашей губернии воплощение в теории солидарного, гармоничного общества. **Что это за теория, и как она реально воплощается у вас?**

— Я с вами абсолютно согласен, что у нас общинные корни, общинная ментальность, стремление к соборности. Но мне кажется, что не нужно бросаться в крайности: с одной стороны, общинная, как было при советском периоде, с другой стороны — сугубо рыночная, индивидуальная, как сейчас. Мы должны найти срединное состояние. У каждого человека есть внутренний запрос на индивидуальную свободу. И у каждого есть запрос на его положение в общественном пространстве. Здесь важно найти гармоничное состояние: между “я” как индивидуумом и “я” как общественным субъектом. Они не должны быть в противоречии. И я убежден, что идея солидарного общества как раз и отвечает на этот запрос, где два “я” — и индивидуалиста, и общественика — находятся в согласии. Вы же помните слова Николая Фёдорова, нашего философа-космиста: “Жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех”. В этих словах эгоизм (для себя) и альтруизм (для других) отвергаются. “Со всеми и для всех” — вот основной постулат солидарного общества, который, я убеждён, должен стать основным правилом для организации российской жизни. Когда я со всеми — я часть целого, и тогда целое не может быть полным без меня как какой-то частички, вмонтированный в это целое. А целое — это и есть солидарное наше общество, общество, где я себя как индивидуальность чувствую прекрасно, и в то же время чувствую себя хорошо как часть огромного сообщества, скажем, сообщества под названием Белгородская область.

У солидарного общества непременно есть внутренняя иерархия: дом, улица, село, район, регион, страна. К солидарности призывают нас христианство и другие религии, которые проповедуют согласие, милосердие, справедливость. Солидарности не может быть без ощущения справедливости, и отсюда у нас запрос очень высокий на справедливость. Человек должен ощущать её во всём, начиная с правильного распределения общественного блага и заканчивая справедливым наказанием. И это ощущение справедливости во всём — важнейший атрибут солидарного общества. Любая несправедливость нас мучает: вот кто-то незаслуженно обогатился или получил награду, а кто-то незаслуженно забыт или наказан. Это вызывает чувство протеста, гнева, агрессии.

И в этом вопросе должна чувствоваться роль государства. Потому что монополия на наказание, на репрессию у нас у кого? У одного института — государства. А если оно монополию свою не исполняет или исполняет некачественно, тогда возникают в самом обществе различные криминальные, полукриминальные структуры, которые начинают эту справедливость восстанавливать, глубоко при этом деформируя её суть. Поэтому роль государства здесь очень велика, как и нельзя недооценивать значения и роли гражданских общественных институтов.

Конечно, солидарное общество — это идеал. Любой идеал не достигим, но идти к этому идеалу, совершенству мы обязаны.

— **Это мечта, еще одна форма выражения мечты.**

— Не только мечта, но и конкретная программа действий по настроению солидарного общества как инструмента достижений этой мечты. У нас эта программа имеется.

Но главное — не стоять на месте, а каждый день осуществлять изменения, которые постепенно пропитывают общественный организм согласием, гармонией, целесообразностью и ощущением справедливости.

— **По-видимому, справедливость — столь чувствительная тема, что она связана с какими-то законами мироздания в целом.**

— Да, Мироздания. Где беспристрастно правят целесообразность и справедливость.

– Она лежит в основе не только человеческих отношений, но в основе и планетарных систем, и галактик. Я провел несколько часов в общении с Махмудом Ахманидежадом. И я спросил его: что такое справедливость? Он, подумав, ответил: справедливость – это когда каждая вещь занимает надлежащее место в мироздании. И я понял, что он исходит из божественного устройства мира, что согласие с божественной волей, имя которой справедливость, ведет к гармонии и устранению всех глубинных конфликтов. И что справедливость и иерархия, о которой вы говорите, необходимы. Это не есть плоскостное устройство вселенной. Это иерархическое устройство вселенной, это иерархия. Каждая вещь: и цветок, и звезда, и дуновение ветра, и человек родившийся и еще не родившийся, – занимают свое место. И эта философия, конечно, очень подходит для объяснения нашего стремления к справедливости.

– И это мы интуитивно чувствуем. Что такое интуиция? Это разговор нашей души с Небом. Он постоянно идёт внутри нас, но, к сожалению, мы редко к нему прислушиваемся, подменяем логическими размышлениями. Интуиция дана нам в ощущениях, реже – в озарениях, потрясениях. Именно в этом состоянии совершаются великие открытия. Вспомните Менделеева, Циолковского.

Но вернёмся к нашему бренному бытию как крохотной частице Мироздания. Как в Мироздании царит гармония за счёт постоянного противостояния света и тьмы, так и в нашей жизни вечная борьба добра и зла приводит к относительному равновесию, где, как справедливо заметил господин Ахмади-нежад: каждый старается занять надлежащее ему место. Состояние гармонии и справедливости – это результат борьбы противоположностей и здесь, и Там, где мы с вами, Александр Андреевич, рано или поздно окажемся.

В сегодняшнем мире, к сожалению, побеждает зло, потому что оно подаётся в привлекательной, соблазнительной и доступной форме, а за добро нужно бороться, прилагать усилия. И, понимая это, мы всегда должны находить такие решения, которые тёмные силы убавляло бы, а светлые – прибавляло.

Человечеству нужно наконец-то признать, что законы Мироздания действуют и на нашей планете, и в нашей жизни. А мы считаем, что мы выше, мы можем всё, мы уже стали, как Боги. Это трагичное заблуждение. Недавно я познакомился с удивительной книгой еврейского автора Ноя Харари “Краткая история человечества”. И меня поразила последняя фраза в этой книге о предстоящей трагической судьбе человечества, зашедшего в тупик. Цитирую: “Что может быть опаснее, чем разочарованные, безответственные Боги, так и не осознавшие, чего они хотят”. Лучше не скажешь.

– **Вы много порадели над созданием солидарного общества у себя в Белгороде. А как бы вы оценили результаты этой работы? Как это сказало на уровне хозяйствования, на качестве человека как такового, на уровне благосостояния, на снижении количества безнравственных или преступных поступков людей? Как солидарное общество, его существование и его истинность подтверждается реальностями жизни?**

– Не так давно проводились исследования духовно-нравственного состояния общества по регионам. Изучались такие показатели, как потребление спиртных напитков на душу населения, количество преступлений, структура преступности, количество аборт и т. д. Эти показатели косвенно определяют духовно-нравственное состояние общества. Мы по этому рейтингу на первом месте в Центральном Федеральном округе, и в Российской Федерации, по-моему, на втором месте.

Можно сказать, что это плоды нашей совместной работы. Уровень доверия к правоохранительным органам в области сегодня выше 60%. Один из самых высоких в стране. Почему?

Да потому что люди чувствуют себя защищенными, а это тоже отражает эмоциональное состояние людей. Поэтому сегодня главное – я повторяю – эмоциональное состояние человека. И за ним следить, его регулировать – тончайшая работа. И результаты есть.

– **Меня всегда волновала и интересовала проблема власти, проблема государства. Это очень загадочное явление – власть как таковая и государство как инструмент, воплощающий эту власть. И многие мои книги, романы посвящены теме государства. И, может быть, главный герой всех моих, самых даже молодых, романов – это государство: появление**

его, исчезновение, поведение в разные периоды своей истории, способность государства управлять великим народом или неспособность.

Вы – политический лидер, экономический вождь, вы – инструмент и федеральной власти, и, конечно, вершина региональной власти. А что такое власть, по вашему внутреннему самоощущению? Это способность угадать чаяния людей, всего их множества, свести их в фокус и реализовать с помощью этих людей в практике? Или власть – это инструмент, который собирает людей согласно некоей концепции, некому плану, что может возникнуть у вас или за пределами, и этот инструмент заставит людей выполнять этот план? Или власть – это вопрос честолюбия, самоутверждения, который делает лидера, властителя как бы хозяином мира, Господом Богом? Что такое для вас власть?

– Самое главное для любого человека, и тем более, облеченного полномочиями – это власть над собой: над своими страстями, соблазнами, вредными привычками. Над своим “эго”.

Только власть над собою дает человеку подлинную свободу. И чем выше человек находится в государственной властной иерархии, тем более сильной у него должна быть власть над собой.

Идеалом, на мой взгляд, является сингапурский лидер Ли Куан Ю или Дэн Сяопин в Китае. К ним можно отнести и нашего П. А. Столыпина.

Для любого руководителя важно быть, прежде всего, волевым, беспристрастным и справедливым, а затем уже важны его профессиональные качества.

Чтобы обладать первыми тремя качествами, нужно обладать настоящей внутренней свободой. Это главное. Остальное – это производные от главного.

Вы спрашиваете, как я понимаю власть.

На Белгородчине существует правило четырех “П”, которым руководствуются все чиновники, начиная от меня и заканчивая главой сельского поселения: создавать ежедневно пространство постоянных позитивных перемен – создавать 4П.

А создавать это пространство можно только позитивными решениями, используя властные полномочия, которыми тебя наделило государство, которые делегированы тебе обществом для того, чтобы этому обществу жилось лучше. Вот и весь секрет.

– **Мы знаем из произведений, что существует упоение или сладость власти и существует миссия, бремя власти.**

– Миссия – в реализации четырех П.

– **Или 2В.**

– Владимир Владимирович? Поставим знак равенства между ними.

– **Я на протяжении его пути наблюдаю за ним, и зафиксировал 4 его мировоззренческих периода. Первый период, когда он себя экспонировал как топ-менеджер. Это был период, когда он утверждал, что призван народом, чтобы сделать дело, может, получить от народа благодарность и уйти. И это, мне кажется, был период как бы упоения властью. Это было интересно, он был увлечен – огромная роль. Второй период у него был, когда он сказал, что он раб на галерах. Он был страшно утомлен, это был период бремени власти. Третий период я зафиксировал по своему с ним общению. Я его спросил на пресс-конференции: “Владимир Владимирович, что для Вас – проект Россия?” Он ответил, что Россия – не проект, а судьба. Этим он отождествил себя с Россией и объяснил, что это его миссия, причем, миссия может быть очень горькая. Если Россия победит, победит он, если Россия проиграет, проиграет и погибнет он. Это было отождествление себя с судьбой России, а значит, служение стране беззаветно и безоговорочно. И мне кажется, возник 4-й элемент. Это когда в одном из своих обращений к Федеральному Собранию он сказал, что с возвращением Крыма в Россию вернулся сакральный центр государства, сакральный центр власти, имея в виду Херсонес. Этой фразой по существу он дал понять, что считает свою власть, русскую власть, сакральной, священной. И когда вы говорите, что власть призвана реализовывать справедливость, а справедливость есть перст Божий...**

– Справедливость есть продукт гармонии, а гармония – результат борьбы противоположностей.

– **Божественной гармонии, то значит, в России власть в каком-то смысле является явлением священным.**

– На мой взгляд, любая иерархическая система уже подразумевает некое священство. Всегда у нас жизнь ассоциировалась с иерархией. Иерархией светской власти или духовной.

Сакральность ее выражается в том, что любой лидер принимает решение, которое изменяет не только материальный порядок, но и вносит изменения в духовно-нравственное состояние общества. И в этом смысле, конечно же, она сакральна. А то, что каждый начальник – маленький или крупный, вплоть до президента – должен воспринимать её как сакральную миссию, как божественную, что в этом плохого? От этого уровень ответственности увеличивается. И кто дошел до состояния, как вы говорите, 4-й степени, от менеджера до чувства, что ты не просто какие-то проекты осуществляешь, а и судьбами управляешь, управляешь не только настоящим, но и закладываешь основы будущих преобразований, ты влияешь духовно, это, безусловно, показатель сакральности власти.

– **У меня был разговор с Рамзаном Кадыровым в его резиденции в Гудермесе, и он мне сказал, что миссия правителя в том, чтобы любить народ и бояться Бога. То есть миссия правителя состоит в том, чтобы, любя народ, стремиться направить его к победам, улучшить его жизнь, создать в нем ощущение благополучия, величия. Но в этом стремлении правитель часто забывает о народе как таковом и ломает кости народа. Чтобы этого не было, надо бояться Бога, поэтому власть именно и состоит в этом.**

– С первым утверждением согласен, а со вторым не очень. Любить народ – да, какой спор? А почему надо бояться Бога, который нас любит? Мы должны любить его еще больше.

(Продолжение следует)

МИХАИЛ ЛЕМЕШЕВ

РОССИЯ В БУДУЩЕМ: ВЗГЛЯД ЗА ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

*Если не знаешь, куда плывёшь,
Ни один ветер не будет попутным*

Луций Сенека. I век н. э.

Деградация социально-экономической жизни России, начавшаяся с середины 80-х годов XX века и продолжающаяся до наших дней, происходит стихийно, не сама по себе и не под воздействием мирового экономического кризиса, как утверждают проповедники вульгарного неолиберализма, заполнившие все управленческие структуры, включая федеральные, региональные и муниципальные органы власти и средства массовой информации. Этот разрушительный процесс был целенаправленно организован внешними и внутренними врагами России.

Механизм уничтожения социализма в СССР

Механизм уничтожения экономики страны, основанной на социалистических началах, был таков. В 1992 году РФ вступила в Международный валютный фонд (МВФ), и правительство Ельцина-Гайдара 1 июня 1992 года подписало с Фондом «Письмо о намерениях», взяв на себя обязательства внедрять программы «перехода к рынку», законы, кодексы, конституцию, разработанные экспертами этого Фонда.

МВФ, в свою очередь, обязался обеспечить их разработку и передачу правительству РФ для «перехода к рынку»; выделение кредитов для разработки программ экспертами МВФ и практической реализации чиновниками РФ; осуществить контроль за их исполнением. То есть ответственность за формирование институтов «рыночной экономики» в РФ, за её результаты де-юре перешла к МВФ, представляющему экономические интересы США и «семёрки». **12 июня 1992 года** – это трагическая дата. Именно с этого дня в РФ введено внешнее управление социально-экономическим развитием страны.

Чтобы придать этому якобы законный характер, в новую Конституцию РФ, разработанную экспертами США для **преобразования РСФСР в «демократическую» РФ колониального типа** и внедрённую ими в 1993 году «танковым» методом, ввели ключевое для суверенитета положение (ст. 15, п. 4): **«Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»**.

ЛЕМЕШЕВ Михаил Яковлевич — д. э. н., профессор, академик РАЕН, кавалер Золотой медали имени М. В. Ломоносова, лауреат премии «Имперская культура».

Из приведённого положения Конституции РФ следует: правительство РФ, депутаты Госдумы и их органы на местах обязаны исполнять программы США, ЕС, так как за состояние экономики РФ, результаты реформирования РФ, подбор и расстановку кадров для этого в рамках “Письма о намерениях” теперь несёт ответственность МВФ. И будут исполнять, **пока не будет расторгнут договор с МВФ.**

В этих условиях преступно обогатившись посредством приватизации, новооявленные миллионеры и миллиардеры объявили себя **элитой российского общества** и принялись за непрерывное проведение разрушительных “реформ” в сфере экономики, образования, здравоохранения, культуры.

Начало этому было положено так называемой шоковой терапией, организованной Гайдаром, завершившейся неслыханной аферой – конфискацией всех сбережений граждан России, хранившихся в Сбергательном банке страны. По имеющимся оценкам, долг перед гражданами России составил 28 трлн рублей (в масштабе цен 2012 года).

Либеральная власть Российской Федерации в этот период сделала ошеломляющее заявление о том, что она не берёт на себя обязанность возвращать долг потерпевшему населению страны. Сам этот вопиющий факт свидетельствует о её враждебном отношении к народу. Эта враждебность в последующем проявилась в сознательном погружении миллионов русских людей в жесточайшую нищету.

Как видим, страна практически утратила политический и экономический суверенитет. Управление её экономикой осуществлялось в соответствии с требованиями так называемого вашингтонского консенсуса, имевшего целью обречение рыночной России на положение сырьевого придатка западных государств, прежде всего США, вступающих в постиндустриальный период своего развития. Такая практика управления неизбежно привела к коллапсу 1998 года в социально-экономической жизни России. Это выразилось в резком падении промышленного и сельскохозяйственного производства. Банковская система оказалась в состоянии паралича. Упали доходы федеральных, региональных и местных бюджетов. Инвестиции сократились более чем в два раза, повсеместно возросли неплатежи.

Правительство РФ во главе с С. В. Кириенко объявило дефолт – резкое понижение обменного курса рубля, его обесценивание. Если в СССР доллар США соответствовал 64–67 копейкам, то к началу 1998 года – 5 рублям, а в результате дефолта это соотношение подскочило до 26 рублей. Особую опасность, вызванную преступной деятельностью вульгарных неолибералов, представляла недопустимо низкое обеспечение экономики страны финансами. К началу проводимых ими разрушительных “реформ”, а именно на 1 января 1992 года денежная масса составляла 66,4% к ВВП, что соответствовало уровню мировой практики. К 1 июня 1998 года она составила всего 13,7%.

По оценке академика Д. С. Львова, общие потери экономики страны составили 300 млрд докризисных рублей. Экономика России была отброшена на 15–20 лет назад. Стране угрожал неминуемый развал.

Светлый луч в царстве мрака или экономическое чудо

В условиях жесточайшего кризиса Ельцин утверждает председателем правительства министра иностранных дел, академика Евгения Максимовича Примакова и его первым заместителем бывшего председателя Госплана СССР Юрия Дмитриевича Маслюкова. Новое правительство поставило перед собой задачу предотвратить окончательный развал экономики путём социальной ориентации своей деятельности на реализацию жизненно важных интересов народа. В этих целях были предприняты необходимые меры по усилению роли государства в управлении экономикой страны. Рынок сам по себе не мог вывести страну из кризиса, как это полагали либералы, стоящие у власти.

Идеология правительства включала в себя активную поддержку российского производителя, но самой неотложной задачей была ликвидация такого недопустимого положения, при котором задерживалась, а то и вовсе не проводилась выдача зарплаты бюджетникам, пенсий, денежного довольствия военнослужащим. “Буквально с приходом в правительство 11 сентября 1998 года, – вспоминает Евгений Максимович, – мы добились того, что, начиная

с октября, начались ежемесячные денежные выплаты вышеперечисленным категориям граждан, а до 1 декабря ликвидировали долги”.

Государство получило в свои руки контрольный пакет финансовых средств для целевого инвестирования и кредитования промышленного и сельскохозяйственного производства, науки, образования и здравоохранения. Центральному банку было поручено усилить контроль за деятельностью коммерческих банков. Большое внимание было уделено совершенствованию налоговой системы. Фактический уровень изъятия государством средств у предприятий в 1998 году в некоторых отраслях российской экономики составлял 87 копеек с каждого рубля. Понятно, что в этих условиях экономика просто не может развиваться. Поэтому правительством была поставлена задача: до 2000 года понизить изъятие средств в 4 раза, ограничив его 20–25% от ВВП, понизить НДС до 15%. (Уместно здесь напомнить, что в 2018 году НДС повышен с 18 до 20%. Кстати, в Советском Союзе такого налога не было, нет его и в современных США.)

Правительством Примакова – Маслюкова было разработано и принято Государственной думой 19 федеральных законов, **содержание которых имело целью преодоление родовых пороков капиталистического способа производства. Среди них Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ “Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)”**

В результате принятых мер наметилась стабилизация в экономике страны. Если в сентябре спад производства к соответствующему месяцу 1997 года составлял 14,5%, то в декабре – 6,6%, в феврале 1999 года – 3,7%. Спад промышленного производства медленно перерос в подъём. Составленный правительством и принятый Думой бюджет на 1999 год был выполнен полностью. Это было впервые за 90-е годы.

Возврат к либеральному курсу

Позитивные сдвиги в управлении страны были с тревогой и злобой встречены олигархами и псевдолибералами из “семьи” Ельцина, которые увидели опасность для себя в их бесконтрольном разграблении национального богатства. 12 мая 1999 года правительство Примакова-Маслюкова было отправлено в отставку. Новым главой правительства был назначен более приемлемый для них С. В. Степашин, который на этом посту находился менее трёх месяцев. На смену ему пришёл В. В. Путин.

Его назначение на пост главы правительства, а вслед за этим избрание президентом происходило под воздействием внешнего управления Россией, о чём свидетельствует следующая информация. Приводим фрагмент разговора по телефону между Б. Ельциным и президентом США Биллом Клинтонем 8 сентября 1999 года.

“Президент Клинтон: Здравствуйте, Борис!

Президент Ельцин: Как поживаете, Билл?

Президент Клинтон: Я в порядке. Приятно слышать твой голос.

Президент Ельцин: Я тоже в порядке. (Далее идёт разговор об СНГ и ПРО.) <...> В ближайшее время, в ближайшие дни у вас будет встреча с господином Путиным. Вкратце на этот раз я хотел бы рассказать вам о нём, чтобы вы знали, что он за человек. Мне потребовалось много времени, чтобы подумать, кто может быть следующим президентом России в 2000 году. К сожалению, на тот момент я не смог найти ни одного реального кандидата. Наконец, я наткнулся на него, то есть Путина. Изучил его биографию, его интересы, его знакомых и так далее и тому подобное. Я узнал, что он солидный человек, который хорошо осведомлен о различных предметах, находящихся в его ведении. При этом он обаятельный и сильный, очень общительный. И он может легко иметь хорошие отношения и контакт с людьми, которые являются его партнёрами. Я уверен, что вы найдёте его высококвалифицированным партнёром. Я глубоко убеждён в том, что он будет избран президентом в 2000 году. Мы работаем над этим”.

Итак, мы видим уверенность Ельцина в том, что Путин продолжит линию Ельцина в управлении Россией, и либералы по-прежнему останутся у власти.

Употребляя здесь слово “либерал”, хочу оговориться, что я это делаю только в связи с тем, что оно широко прижилось в информационных сетях

России. В первоначальном значении это слово, возникшее в XVIII веке, означало “свободомыслящий”, “вольнодумец”, иногда “человек, склонный к излишней сентиментальности”. Нынешние российские олигархи и крупные чиновники являются полной противоположностью либералов классической эпохи.

В современной России на протяжении 30 лет либералы находятся у власти. Итоги их деятельности говорят сами за себя.

Приведём лишь некоторые статистические показатели за период с 1990 по 2018 гг. Начнём с главного, с жизни людей. Динамика населения любой страны зависит от благосостояния общества, от удовлетворения их материальных и духовных потребностей: их желания трудиться на себя и на общество, заводить семьи, рожать детей, воспитывать их в любви к людям, к знаниям, к труду, к природе, к Отечеству. Представители либеральной власти РФ и их услужливые СМИ постоянно врут о невыносимо тяжёлой жизни людей при советской власти. Статистика чётко опровергает эту наглую ложь. Приведём конкретные данные:

Динамика численности населения в РСФСР и РФ

Годы	1926	1959	1989	2010	2018
Общая численность населения (млн.)	100	118	147	143	146
В том числе русских	74	98	120	109	105
Сопоставимые периоды времени	–	1926–1959	1959–1989	1989–2010	2010–2018
Число лет в периоде	–	33	30	21	8
Прирост или убыль по периодам	–	+24	+22	–11	–6

Источники: Данные за 1926, 1959, 1989, 2010 гг. даются по переписям населения, 2018 г. – текущая оценка.

Как видим, с установлением либеральной власти началось интенсивное вымирание русских людей. Характерно, что оно в последние годы ускоряется. Убыль русского народа в РФ за январь-март 2016 года составляла 34,7 тысячи человек, в те же месяцы 2017 года – 76,1 тысячи, а в 2018 году – 87,3 тысячи человек. Это происходит на фоне интенсивного прироста населения в национальных республиках РФ и в Москве.

Особое внимание следует обратить на то, что убыль русских людей с превышением замещается мигрантами в основном из бывших среднеазиатских советских республик. Только за период с 2005 по 2014 гг. прирост мигрантов составил 20 млн человек. В действительности, скрытый миграционный прирост, скрываемый Росстатом (данные ПС ФСБ+ФМС), составляет не менее 50 млн человек (см. “Улики” № 118 от 21 июня 2018 г.). Таким образом, создаётся ложное представление о том, что современное население России остаётся почти на стабильном уровне. Но трагедия состоит в том, что резко убывает доля русских людей в общей численности страны. В 1990 году эта доля составляла 80%, к 2018 году она сократилась до 70%. По прогнозам демографов, если нынешняя ситуация сохранится в течение предстоящих 10 лет, то эта доля будет составлять менее 50%, и русский народ из государствообразующего превратится в национальное меньшинство. Последствия такого события внимательный читатель может представить без нашего разъяснения.

Изложив эту трагическую ситуацию, необходимо указать хотя бы на главные причины происходящего.

Первая. Это – насильственная (вспомним расстрел парламента РФ в 1993 году) ликвидация социалистического способа производства и насаждение капиталистического хозяйствования.

Вторая. Это – разграбление народного достояния преступными представителями либеральной власти, посредством так называемой приватизации, и объявление награбленного богатства **частной собственностью, хотя в действительности таковой она не является**, о чём будет сказано ниже.

Третья. Это буквально рабовладельческое распределение создаваемого национального продукта, при котором 200 олигархов и крупных чиновников федерального уровня присваивают 90% доходов и 10% оставляют на долю 146 млн граждан РФ. Согласно официальным данным, 20 млн граждан России живут в бедности. По оценке экспертов, численность таких людей составляет 35 млн.

Четвёртая. Вывоз капитала в западные банки (главным образом, США) и так называемые офшоры. Одновременно гигантские суммы выданы “для помощи” российским банкирам. Только за 2016–2017 гг. эта “помощь” составила 4 трлн рублей. Такая же “помощь” распространяется и на олигархов. Так, главе фирмы “Ренова” выделено 550 млрд рублей, что сопоставимо с суммой, выделяемой для 43,5 млн пенсионеров, составляющей 579 млрд рублей (“Денег нет, но вы держитесь” – Д. А. Медведев).

Такая же практика сохраняется и в планах правительства на 2019–2021 годы, о чём свидетельствует принятый Государственной думой бюджет на эти три года. Этот бюджет представляет собой крупный шаг на пути превращения России в колонию XXI века. Об этом говорят все макроэкономические показатели трёхлетки: прирост внутреннего валового продукта (ВВП) в размере 1,3% в 2019 г. и 3,0% в 2021 г., фонд потребления фактически остаётся на нищенском уровне. Зато резко возрастают внутренний и внешний долг государства.

Экономические расчёты показывают, что имеется реальная возможность изменить направление средств не за рубеж, а в отечественную экономику. Это даст возможность повысить инвестиции с 17 до как минимум 25% от ВВП. Без этого манёвра никакие прогрессивные “прорывы”, обещаемые В. В. Путиным, невозможны.

Пятая. Разрушение индустриального производства, прежде всего машиностроения. Так, производство турбин всех видов в 2017 году по отношению к 1990 году составило 11,2%, производство станков соответственно 6,1%, тракторов – 3,3%, зерноуборочных комбайнов – 11,1%, вычислительной техники – 12,1%. В сельском хозяйстве уничтожены практически все эффективно работающие колхозы и совхозы. Принято преступное решение о продаже земли. Резко возросло количество ветхого жилья, в том числе и аварийного, которое с 9,5 млн м² в 2000 г увеличилось до 22,7 млн м² в 2018 г.

В стране – научно-технический застой, производство базируется на **импортной** технике и технологии. Экспорт представлен только ресурсами, в основном невосполнимыми. По объёму высокотехнологичного экспорта страна далеко отстала от экономически развитых стран. В Германии он составляет соответственно – 190, в США – 153, в Сингапуре – 126, в Южной Корее – 118, во Франции – 104, в Японии – 93, в Великобритании – 68, в России – 7.

Шестая. Удушение академической и отраслевой науки и коренное извращение советской методологии среднего (общего и специального) и высшего образования. С 2004 по 2012 гг. Министерством образования и науки руководил и разрушал их А. А. Фурсенко, который утверждал: **“Пороком советской системы образования было стремление создать человека-творца, тогда как задача образования РФ – создать квалифицированного потребителя, способного использовать результаты труда других”**. В этих целях была введена в стране так называемая Болонская система. Преемник Фурсенко Д. В. Ливанов не только продолжил курс А. А. Фурсенко, но и организовал закрытие сотен “неэффективных” вузов и предлагал упразднить Российскую академию наук. Его стараниями число школ в России было сокращено с 68 тысяч до 41 тысячи.

“Россия является единственной страной из группы G20, где происходит абсолютное сокращение количества учёных и инженеров, научно-исследовательских и проектных организаций, утечка умов достигла нескольких миллионов, в том числе, 250 тысяч учёных” (С. Ю. Глазьев).

Седьмая. Разрушение здравоохранения: массовое сокращение больниц, поликлиник, акушерских пунктов, роддомов. Средняя протяжённость дороги (если она есть. – **М. Л.**) до роддомов в стране составляет 60–80 км, а в отдалённых районах – 200–300 км. 92,7% медиков признались, что качество оказанной помощи снизилось в связи с повышением нагрузки на врачей. 65,3% врачей считают, что платная медицина вытесняет бесплатную без улучшения её качества.

Восьмая. Происходит чудовищная бюрократизация управления. С 2000 по 2018 гг. число чиновников выросло со 1,1 млн до 2,2 млн человек. Среди

этой многомиллионной касты не просто отсутствует забота о народе, о государстве, а царит непроглядная тьма волокиты, взяточничества и коррупции. Живой пример. Правительство РФ приняло решение о повышении минимального размера оплаты труда (МРОТ) на 117 рублей, теперь он составляет 11280 рублей, что равно принятому прожиточному минимуму. Одновременно оно выделило на мотивацию государственных служащих в 2019–2021 гг. 493 млрд рублей. В то же время на оплату труда по стране в целом выделяется всего 25% от создаваемого национального продукта, тогда как в экономически развитых странах этот показатель составляет 55–60%.

Девятая. Произошло недопустимое социальное расслоение общества. В стране в 2018 г. – 106 миллиардеров, при том, что в РФ 20 млн душ пребывают в ужасающей нищете. В составе этих богачей не только так называемые бизнесмены, но и ответственные государственные служащие. Так, например, в 2015 г. 11 членов правления “Роснефти” получают по 1 млн рублей в день, а руководитель “Роснефти” Сечин – 5 млн рублей в день.

Это происходит на фоне того, что в экономически развитых странах мира уже более ста лет действует прогрессивная шкала налогообложения. Богачи платят там 45–55% от своих доходов. Прогрессивное налогообложение до 2000 года действовало и в РФ. Эту справедливую практику отменил президент В. В. Путин, в 3 раза понизив налоговую ставку для богачей и на 1% повысив её для бедных. Вот таким социальным “прогрессом” народ одарила либеральная власть.

Перечень причин можно продолжить.

Вывод. Без коренного изменения компрадорской и антинародной политики, проводимой нынешней либеральной властью, у России нет будущего.

Пути преодоления разрухи

Выше было рассказано об активной деятельности подлинных патриотов России Е. М. Примакова и Ю. Д. Маслюкова по выводу страны из жесточайшего кризиса 1998–1999 гг. Благодаря их активной работе, было разработано и принято Государственной Думой 19 федеральных законов, содержание которых имело целью преодоление родовых пороков капиталистического способа производства. Особо важное значение имел Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ “Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)”, который президент В. В. Путин Федеральным законом от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ необоснованно отменил.

Изложим здесь некоторые принципиальные положения этого закона.

Статья 2. Порядок создания народного предприятия.

1. Народное предприятие может быть создано в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, путём преобразования любой коммерческой организации, за исключением государственных унитарных предприятий, муниципальных унитарных предприятий и открытых акционерных обществ, работникам которых принадлежит менее 49% уставного капитала. Создание народного предприятия иным способом не допускается.

2. Участники коммерческой организации в установленном законодательством Российской Федерации и учредительными документами данной организации порядке принимают решение о преобразовании её в народное предприятие.

4. Работники коммерческой организации, участники которой приняли указанное в пункте 2 настоящей статьи решение не менее чем тремя четвертями голосов от их списочной численности, в установленном законодательством Российской Федерации порядке дают согласие на создание народного предприятия.

5. Если работники коммерческой организации дали согласие на создание народного предприятия, те из них, кто решил стать акционером народного предприятия, и участники коммерческой организации, подлежащей преобразованию, заключают договор о создании народного предприятия.

Статья 3. Договор о создании народного предприятия, устав народного предприятия. Договор должен быть подписан всеми лицами, решившими стать акционерами народного предприятия.

Статья 4. Уставной капитал народного предприятия. Народное предприятие вправе выпускать только обыкновенные акции. Уменьшение

количества голосов владельцу акций народного предприятия при голосовании по принципу “одна акция – один голос” не допускается.

Номинальная стоимость одной акции народного предприятия определяется общим собранием акционеров народного предприятия, но не может быть более 20% минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом. Работникам народного предприятия должно принадлежать количество акций, номинальная стоимость которых составляет более 75% его уставного капитала.

Практическая реализация закона

Развитие коллективно-кооперативной собственности – важная тенденция современного мира. Многие тысячи предприятий в мире находятся в совместной собственности работников. Эти люди участвуют в управлении предприятиями, распоряжении капиталами, контроле над расходами.

Принятый в 1998 году Федеральный закон “О народных предприятиях” стал глотком чистого воздуха в затхлой атмосфере ультрарыночной стихии. В стране появились народные предприятия, которые уверенно соединяют экономическую эффективность с социальной ответственностью. В отличие от своих зарубежных аналогов, они не получают помощи от государства, но чувствуют себя много лучше иных объектов частного бизнеса.

Никаких чудес в этом нет. Владеют народными предприятиями отнюдь не олигархи, которые лишь вытрясают барыши и выводят деньги в офшоры. Истинный хозяин здесь – трудовой коллектив. В его руках находятся управление, владение и распоряжение собственностью. Работник народного предприятия одновременно является производителем и акционером. Он совладелец трудовой, а не спекулятивной собственности. Участвуя в управлении и принятии решений, он несёт солидарную ответственность за производственные результаты. Такой баланс прав и обязанностей – одно из важных преимуществ в конкурентной борьбе.

Практика деятельности народных предприятий приводит к общему знаменателю интересов управленцев, инженерно-технического персонала и простых рабочих. Каждый из них видит, что доходы не тратятся на замки и дорогие автомобили для избранных, а инвестируются в производство и в социальную сферу. Народные предприятия возводят и содержат столовые, школы, детские сады, здравпункты, базы отдыха. Некоторые из них строят жильё для работников.

Покажем это на деятельности агропромышленного предприятия “Звениговский” в республике Марий-Эл.

В мае 2016 года в Германии чествовали победителей Международной выставки мясной промышленности IFFA-2016. Коллектив мясокомбината “Звениговский” получил главный Кубок выставки, 25 золотых, 6 серебряных и 2 бронзовых медали.

Более подробную информацию об этом процветающем народном предприятии читатели могут получить от депутата Госдумы Сергея Ивановича Казанкова. Приведу его выступление. “Успех нашего предприятия обусловлен сохранением принципов социализма в организации производства.

Мы сохраняем высокие требования советских ГОСТов на продовольствие, строго в соответствии с ними делаем колбасы – для народа. Это главная забота на рабочих местах. Что и подтвердилось в итогах выставки 2016 года во Франкфурте-на-Майне, где в апреле нам за все представленные 33 мясных изделия торжественно вручили награды: 25 золотых медалей, 6 серебряных и 2 бронзовых, а также опять главный приз – Первый кубок.

Наши чемпионы мира по качеству мясной продукции не напрашиваются на помпезные чествования, но о международном признании наших искусных творцов здоровой пищи чрезвычайно важно знать в каждом доме по всей матушке России. Специалисты высшего мирового уровня открыли, что в нашей державе есть могучий опыт производства великолепных, лучших на планете продуктов питания. И для Запада возник вопрос: значит, эта сегодняшняя сырьевая колония вовсе не беспомощная и беспрекословная потребительница давних залежалых запасов заграничной еды?

Но ведь ещё важнее, чтобы этот самый плодотворный опыт нашёл применение повсюду на нашей родной земле. Однако почему треплют языком слово

“импортозамещение” и запирают рот на замок, когда наш дом – полная чаша и изначально не нуждается ни в каком замещении. Можно, конечно, на последние деньги покупать заграничных футболистов и тренеров и призывать болеть за “отечественные” команды. И всё-таки для здоровья нации полезнее кормить её высококачественными продуктами.

По мере развития производительных сил совхоз “Звениговский” расширяет земельные наделы и вовлекает в единую трудовую общину людей и в достаточно отдалённых сёлах и городах и обеспечивает рост хозяйства только за счёт его внутренних возможностей.

За последние 25 лет объёмы производства растущего предприятия увеличились в 20 раз. поголовье свиней выросло с 16 тысяч до 200 тысяч и в текущем году превысит 200 тысяч. Объединение увеличивает стадо крупного рогатого скота, в котором насчитывается уже более 15 тысяч голов. Кроме этого, хозяйство дополнили коневодством – сегодня здесь в табунах 2,5 тысячи лошадей. Заранее скажем, это – не предел – наше животноводство в начале пути к новым высотам.

И на собственном опыте мы убеждаемся, что именно народные предприятия – путь к восстановлению уничтоженного приватизаторами животноводства. Этот путь развития производства мяса, молока и другой продукции до удовлетворения полной потребности нашей страны. За 2014 год мы произвели 37 тысяч тонн свинины, а в 2015 году – уже 38,2 тысячи тонн. Высокие темпы роста обеспечиваются все годы существования нашего хозяйства и имеют хорошо подготовленную плановую основу на будущее.

Если насаждение капитализма сопровождается надругательством над нашей родной землёй, и её превращают в безлюдную пустошь, то народные предприятия её защищают и спасают. С сыновьей любовью возвращаем в оборот каждый клочок земли, где вслед за прадедами учились ходить и бегали босиком. В целом раскорчевали от расплотившегося уже мелколесья и бурьяна свыше тысячи гектаров пашни, которая благодарит теперь тружеников полноценными урожаями.

Наше головное хозяйство – бывший совхоз “Звениговский” – расположено в Республике Марий-Эл. У её администрации только классовый интерес – всё против народного предприятия. И потому для расширения производства обратились в Республику Татарстан. Там в Алькеевском районе, в моём родном селе, открыли одноимённый кооператив – “Хузангаевский”. Вложили в восстановление производства большие средства. Сегодня это – одно из лучших хозяйств Татарстана.

А совсем недавно мы приняли в нашу трудовую семью хозяйство “Сэт иле” Алексеевского района. С этого времени названные два хозяйства прибавили в объединение “Звениговский” 51 тысячу гектаров посевных площадей. Народное предприятие вступило на путь хорошо обеспеченного и соразмерного развития дополняющих друг друга нескольких отраслей растениеводства, животноводства и перерабатывающих подразделений.

В технологической цепочке ключевую роль играет наш комбикормовый завод, который выдаёт более 300 тонн разных кормов в сутки по современным требованиям науки.

И, наконец, замыкает производство мясокомбинат “Звениговский”, о совершенстве технологии и мастерстве работников которого в первую очередь говорят высшие международные награды.

После старта прихватизации вдруг вылезло: мы в производстве продукции создаём прибыль, а её у нас отнимают. Защищая свои интересы, мы создали и продолжаем наращивать способную к саморазвитию передовую хозяйственную организацию. В ней в единой связи все звенья производства и доставка продукции до потребителя.

Пожалуй, самое хлопотное и сложное – создание соразмерной производству торговой сети. Естественно, мы начинали лишь с нескольких магазинов. Местная торговля стала спасительным звеном для получения полной отдачи от нашего производства и первых средств для его сохранения и развития. Сегодня работают 420 наших магазинов, к концу года планируем довести их число до 500. Мы уже 80% продукции продаём через свою сеть. Остальное через частные сети, где сельхозтоваропроизводители подвергаются произволу и грабежу. Скоро мы полностью освободимся от их эксплуатации.

Мы продаём продукты животноводства 267 наименований, начиная с суб-продуктов – от ушей и ливера. Естественно, основное – готовые к потреблению изделия, покупатели особенно охотно берут колбасы “Докторскую”, “Краковскую”, ветчину “Звениговскую”. Поскольку у нас в севообороте широкий набор культур, мы и из них вырабатываем конечные продовольственные товары. Крупу, муку, печём хлеб, делаем многое другое.

Благодаря этому в нашем хозяйстве проявляют себя исторические преимущества социалистического способа производства. Все его участники получают по труду, а прибыль идёт на плановое развитие производства и другие нужды коллектива объединения. Например, заканчиваем строительство откормочных площадок на 10 тысяч голов крупного рогатого скота.

Среднемесячная заработная плата тружеников совхоза “Звениговский” составляет 40 тысяч рублей, а в сельском хозяйстве Республики Марий Эл – в среднем лишь 16 тысяч. Надо учесть и ряд существенных материальных благ, предоставляемых хозяйством своим труженикам по моральным нормам общины. Каждый работник ежемесячно покупает по рублю за килограмм 5 килограммов мяса и 4 килограмма колбасы. Желающие улучшить быт получают беспроцентную ссуду и помощь в строительстве или приобретении жилья. Автобусы хозяйства бесплатно доставляют своих людей на работу и обратно.

В нашем предприятии занято 3,5 тысячи работников, и все они принимают участие в управлении хозяйством, в частности, через созданный рабочий комитет. Он, ввиду своей близости к людям, обладает высокой чуткостью к их запросам, ищет пути улучшения их жизни. Например, этот комитет предложил руководству предприятия, чтобы питание рабочих было бесплатным. Это предложение было принято. Теперь для всех работников завтрак, обед и ужин предоставляется бесплатно.

Любой болеющий за державу, за будущее России задумывается, как много наша Родина потеряла в трясине капитализма, и пытается представить, каких высот при сохранении социализма страна достигла бы за эти потерянные четверть века. Но об этом можно не только умозрительно судить – достаточно не закрывать глаза на жизнь народных предприятий.

Даже при огромном налоговом гнёте, при грабительском взвинчивании цен на энергоресурсы, диспаритете цен на продукцию села и промышленную продукцию для села, народные предприятия выживают и развиваются. Уже только потому, что сбросили с горба часть паразитов – “эффективных собственников”.

Поэтому очень обоснованно ставится задача. Будущее великой державы зависит от того, как скоро золотой опыт народных предприятий станет достоянием сознания самых широких масс трудящихся” (“Советская Россия” от 30.06.2018 г.).

Кроме народного предприятия “Звениговский” широко известны подмосковный “Совхоз имени Ленина” под руководством П. Н. Грудина; “Усолье сибирское” в Приангарье Иркутской области, возглавляемый И. А. Сумароковым; колхоза “Терновский” на Ставрополье, председатель И. А. Богачёв.

Народные предприятия действуют и в промышленности. Например, это – “Картонно-бумажный комбинат” в Набережных Челнах, в Татарстане. Эффективно работает комбинат “Знамя” в Свердловской области. Это промышленное предприятие выпускает полный ассортимент асбестоцементной продукции. Оно является крупнейшим производителем труб, кровли и фасадов на Урале и в Сибири. Приз “Новое тысячелетие” за достижения в строительной сфере привезён из Мадрида. Премия “Лидер экономического развития” и Почётное звание “Лидер отрасли” – из Москвы. По неточным оценкам, в стране насчитывается около 200 народных предприятий. Их деятельность современной либеральной властью не только не поддерживается, но явно замалчивается. Президент РФ В. В. Путин, выступая в Краснодаре на Всероссийском форуме 12 марта 2018 года, ни словом не обмолвился о народных предприятиях. Более того, главным направлением развития АПК в предстоящие годы он назвал развитие фермерского хозяйства. А ведь известно, что лозунг либералов “Только фермер накормит страну” оказался блефом. Число фермерских хозяйств, базирующихся на частной собственности, за последние 8 лет сократилось вдвое. По опросам консалтинговой группы EY, 84% собственников предприятий в России отказываются от активов из-за их неэффективности. И это неслучайно. Рассуждения либеральных идеологов о более высокой

эффективности частной собственности – это злонамеренная ложь. Главный императив в суждении русского человека состоит в том, что земля Божия, она не может принадлежать отдельному лицу. Выдающийся русский философ Н. А. Бердяев утверждал: “Для русского народа всегда было характерно суждение о том, что собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное”. Это суждение философа находится в полном соответствии с учением Христа. Что же касается материального истолкования собственности, то здесь уместно привести конкретный довод из жизни. Академик Д. С. Львов в 2007 году писал: “Либеральные реформаторы уверяли нас, что если нефтепромыслы отдать в частные руки, то эффективность производства резко возрастет”. Опровергая это лживое утверждение, учёный пишет: “В 1990 году, когда российские нефтепромыслы принадлежали государству, по такому показателю, как выработка на одну скважину, мы обгоняли США в 2,2 раза. Теперь вся нефтедобыча находится в частных руках, и что мы имеем? По тому же показателю мы отстаём от тех же США в 1,8 раза”.

О народных предприятиях, базирующихся на коллективной собственности, ничего не сообщается в статистических ежегодниках, о них не рассказывают радио и телевидение, центральные и местные газеты. Исключение составляет лишь газета “Советская Россия”.

К сожалению, народными предприятиями не интересуются экономисты-аграрники. Прискорбно отметить такой факт. С 2016 года начал выходить толстый журнал (208 стр.) “Крестьяноведение”. В этом журнале (том 3, № 2 за 2018 год) опубликована большая статья “Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве: методические подходы и планируемые результаты” (Семинар Центра агро-продовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС 10 мая 2018 года). Её авторы – Э. Н. Крылатых, академик РАН; Ц. Лерман, проф. Университета Хеврона в Иерусалиме; А. С. Строков, ведущий научный сотрудник Центра; В. Я. Узун, д. э. н.; Н. И. Шагайда, д. э. н.

Первый доклад “Международные методические подходы к оценке структурных изменений в сельском хозяйстве” был представлен Ц. Лерманом. В нём в сравнительной динамике проанализированы показатели структурных изменений в сельском хозяйстве России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана. Ни в пространном докладе, ни в вопросах, заданных докладчику, ни в выступлениях авторов статьи даже не упоминалось о возникновении и деятельности народных предприятий.

Завершая статью, я хочу высказать своё глубокое убеждение, что **создание разветвлённой системы народных предприятий – есть путь социализации земельных, производственных и экономических отношений не только в сельском хозяйстве, но и в других отраслях экономики России. Реализация этой судьбоносной задачи – это реальная альтернатива либеральному беспределу. Именно на этом пути возможно созидание независимой России как процветающей социально-экологической державы, целью которой является служение интересам народа.**

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

ОБИДНО ЗА ДЕРЖАВУ, ОБИДНО ЗА НАРОД

Нам необходимо повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы должны смотреть в будущее. Мы не можем брать с собой и нести в будущее груз ненависти и жажду мщения, рожденную ранами прошлого. Если мы будем пытаться поссорить прошлое и настоящее, мы потеряем будущее.

Уинстон Черчилль

“Right or Wrong – It is my country” – этими словами, сказанными более 200 лет тому назад, американский морской офицер Стив Декэйтер вошел в историю США. Если переводить буквально, слова эти означают – “правильно или неправильно – это моя страна”, если по смыслу – “моя страна права всегда”. Звучит не совсем политкорректно, отдает ура-патриотизмом и даже шовинизмом, поэтому в современной Америке внимание на этих словах стараются не акцентировать. Сказал, ну и сказал, тем более что это было сказано в виде тоста на банкете. Но на самом деле эти слова стали историческими и всегда определяли и продолжают определять политику США.

Мы правы, потому что мы всех сильнее, так считает большинство американцев. Это не мешает некоторым из них относиться к своей истории достаточно критично, “Нерассказанная история Соединенных Штатов” Оливера Стоуна и Питера Кузника тому пример. В этой книге речь идет о страницах истории США, о которых американцы предпочли бы забыть. Иностранец вряд ли рискнул бы написать что-то подобное, связываться с американцами – себе дороже. И хотя политическая жизнь внутри страны бьет ключом, и по демократам, и по республиканцам, по бедным больше, по богатым меньше, для внешнего мира американская нация едина. Не в этом ли секрет силы этой страны?

Иногда демонстрация этой силы переходит границы приличия и элементарной вежливости. Президент Трамп не считает нужным поздороваться с президентом России, отменяет назначенные встречи. Этим он наносит оскорбление не только нашему президенту, но и России, ее гражданам. Президент Путин это терпит. Похоже, что интересы страны и бизнес-интересы

российских олигархов в США, не в последнюю очередь, заставляют его это делать. Он, конечно, знает слова классика: “Никогда ничего не проси у богатого, придут и сами дадут”. Но это не наш случай, не придут и не дадут, скорее еще и отнимут, уже отнимают. Вот Путин и вынужден не замечать откровенно хамские выходки Трампа, а попытки напугать гиперзвуком никакого впечатления на него не производят, что и следовало ожидать. Думаю, что неслучайно.

Военные расходы на НИОКР в США в 100 раз больше, чем у нас, 40% рынка нанотехнологий и 35% рынка аддитивных технологий принадлежит американцам, 65% электроэнергии и 35% тепла они в обозримом будущем планируют производить с помощью солнечной энергии. Американцы по всему миру скупают самые новые технологии и современные компании, нанимают лучших специалистов, ведут охоту на талантливую молодежь, начиная с детей школьного возраста. Для них век знаний уже наступил. Даже трудно представить насколько вперед ушли американцы в научно-техническом плане. Какой там гиперзвук, какая цифровизация, какая “энергетическая супердержава”? Медведев, уже не помню, в каком качестве он тогда был, каждой деревне обещал интернет, да не простой, а скоростной. На том дело и закончилось. Оставим эти обещания на совести Медведева. С цифровизацией, скорее всего, будет то же самое. Правительству поиграет этой иврушкой и забудет.

Возвращаюсь к американцам. Возникает два вопроса. Вопрос первый. Как государству с такой короткой, по сравнению с Европой, историей удалось воспитать у своих граждан такое чувство патриотизма? Стив Декэйтер был не простым морским офицером, он был представителем американской элиты, и свои слова он адресовал людям, себе подобным. Эти люди, потому они и называются элитой, понимают, что сила государства в единстве власти и народа, и видят свою задачу в обеспечении такого единства. Решается эта задача разными способами. Но на первом месте пропаганда американского образа жизни и американских ценностей. В США эта пропаганда проводится на высочайшем уровне и работает очень эффективно. Поэтому в массе своей американцы являются патриотами своей страны и считают, что все самое лучшее у них. Нам в этом плане остается им только завидовать, хотя недовольные властью есть и у них, они, впрочем, есть всегда и везде.

Вопрос второй. Почему нация с более чем 1000-летней историей слово “патриотизм” считает чуть ли не бранным и предпочитает говорить на весь мир о себе не хорошее, а плохое? А некоторые представители нации, в том числе и те, кто относит себя к “элите”, даже соревнуются в том, кто больше гадостей скажет в адрес своего народа и своей страны. Советский народ победил гитлеровскую Германию, внес основной вклад в Победу над фашизмом. Сталин, в отличие от Александра I, который в свое время благородно отказался от своей части (100 млн франков) контрибуций, наложенных на Францию участниками антинаполеоновской коалиции, был человеком прагматичным и какую-то компенсацию со стороны Германии СССР получил, но она была несравнима с теми потерями, которые понесла наша страна.

Весь мир признал и оценил наш вклад в Победу. Но через какое-то время у нас в стране появились “правдолюбцы”, да не из простых, а из людей, относящих себя к “элите”. Заявляют они примерно следующее. 28 миллионов погибших в войне советских граждан, цифра, с которой согласилось большинство специалистов, по их мнению, занижена почти вдвое. 28 миллионов погибших соотечественников им мало. Для них, чем хуже, тем лучше. Советские военачальники, оказывается, закидали немцев трупами, а войну выиграла штрафники благодаря заградотрядам. Поэтому о какой Победе может идти речь? Бывшие союзники возражать не стали. В оценке своего вклада в разгром Германии они не стесняются. Нашу Победу у нас крадут на наших глазах и делают это с помощью наших граждан. Обидно за державу, обидно за народ и, главное, непонятно, зачем мы это делаем и выставляем себя тем самым перед всем миром на посмешище?

Если же некоторые представители этой “элиты” и не говорят гадости, многие помалкивают и держат, как говорится, кукиш в кармане, но в любой момент они готовы покинуть страну и запасной аэродром на Западе себе уже приготовили. Это не является секретом и уже даже не осуждается ни властями, ни общественным мнением, поэтому о каком патриотизме и единстве власти и народа можно при этом говорить? Кто бы ответил на вопрос, почему

русской нации, а речь идет о ней, так нравится заниматься историческим мазохизмом и плевать в свое прошлое?

Россия страна уникальная во многих отношениях, особенно по части революций. В мировой истории революции не такая уж редкость. Были революции в Англии, Франции, Германии, Венгрии и много где еще. Но только в России за 200 последних лет уже произошло 5 революций, и, похоже, еще не вечер. Нужно отметить, что не все революции удались, но революционный опыт народ накапливал, и этот опыт результат, в конце концов, принес. Начнем по порядку.

Декабрь 1825 года. Декабристы, краса и гордость России, князя, гвардейские офицеры, представители самых знатных фамилий Е. П. Оболенский, С. П. Трубецкой, И. А. Долгоруков, С. Г. Волконский, М. М. Нарышкин, В. Ф. Раевский, всего около 3000 человек, многие из них герои войны с Наполеоном. Уже тогда они понимали, что самодержавие и крепостное право являются тормозом в развитии России. Это была настоящая элита нации, интересы нации были для них превыше всего. В борьбе за упразднение самодержавия и отмену крепостного права они рисковали своей жизнью. Из них пятеро этой жизни лишились. Но они знали, на что шли. В российскую историю декабристы вошли, прецедент покушения на государственный строй был создан. Была ли альтернатива действиям декабристов? Что касается ликвидации крепостного права, как оказалось, была.

Привожу малоизвестный исторический факт. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф собрал участников путча и сказал примерно следующее. Вы утверждаете, что поднялись за свободу для крепостных и Конституцию? Похвально. Прошу тех из вас, кто дал эту самую свободу своим крепостным, да не выгнал их на улицу, чтобы те помирили с голоду под забором как бездомные собаки, а отпустил их с землей, подъемными и сильной помощью, прошу поднять руку. Если таковые имеются, дело в их отношении будет прекращено, так как они действительно поступают согласно собственной совести.

Никто из героев борьбы за “свободу” руки не поднял. Как странно, продолжил он, я своих крепостных отпустил в Лифляндии в 1816-м, а в Тамбовской губернии в 1818-м. Все вышли с землей, с начальными средствами. Я заплатил за каждого из них податей за пять лет вперед в государственную казну. И я не считаю себя либералом или освободителем! И я не выхожу на площадь с безумными заявлениями или протестами против Государя или, тем более, против Империи! Судить мы вас будем как бунтовщиков и предателей Отечества.

Некоторые историки этот факт не подтверждают, поскольку подтверждений в архивах не находят. Аргументация у них примерно такая, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Но фактом является то, что отношение к жандармам Бенкендорф имел, близок к Николаю I он был, и участие в расследовании принимал. В момент декабрьского восстания 1825 г. главой корпуса жандармов он еще не был, он стал им в следующем году, и, весьма вероятно, за свой вклад в это расследование. Сторонником отмены крепостного права он был, своих крестьян в Лифляндии он освободил, это подтверждается документально, чего никто из декабристов не сделал.

Надо сказать, что директор Третьего отделения граф А. Х. Бенкендорф, как, впрочем, любой другой руководитель спецслужбы, симпатиями ни современников, ни историков не пользовался. Поэтому многие достойные уважения дела Бенкендорфа остаются нам неизвестными. Так что подвергать сомнению данный исторический факт можно, но отрицать на 100% было бы не правильно. Что-то похожее он говорить мог, может быть и другими словами. Важнее то, что своих крепостных никто из декабристов не освободил, а Бенкендорф освободил.

Результат расследования восстания декабристов известен, пятерым главным организаторам – виселица, остальным – Сибирь. Попытка, пусть и неудачная, изменения государственного строя, т. е. революция, была, но сильная государственная власть эту попытку пресекла в корне. Правда, историки эту попытку революцией не считают и называют ее более скромно – восстанием.

Вторая революция в России началась в 1905 г. и закончилась в 1907 г. Власть была еще достаточно сильна, чтобы сохранить государственный строй, но симптомы заболевания уже появились. В числе прочих факторов, способствовавших разгрому революции 1905 г., был заем в 800 млн рублей, который

дом Ротшильда предоставил России. Царь был вынужден выпустить манифест “Об учреждении Государственной Думы” как законосовещательного органа при монархе и как бы поделился властью с Думой. Манифестом учреждался так же и парламент, состоящий из Государственного Совета и Государственной Думы.

Члены Государственной Думы занимались тем, что определяется названием этой организации – они думали. Если же они пытались что-то сделать вопреки воле царя, он эту Думу распускал. За 12 лет он сделал это 4 раза, что, с одной стороны, свидетельствует о слабости государственной власти, с другой о том, что Дума карманной не была и влияние на политическую жизнь в России оказывать пыталась. Наша современная российская Дума вместе с названием заимствовала от царской Думы и стиль работы. Наши думцы, как им и положено, думают, почему бы не подумать, тем более, за приличную зарплату, но реального влияния на то, что происходит в стране, они не имеют. Это устраивает и депутатов, и президента.

Следующей, по счету третьей, была февральская революция 1917 года. В истории ее называют буржуазно-демократической, почему, не совсем непонятно. Скорее это дань моде на учение Маркса. В России на тот момент буржуазии практически не было, ее доля в населении была ничтожно мала, какие-то доли процента, и за политические права она не боролась, за исключением отдельных властолюбивых представителей. Революцию тогда начала группа высших военачальников, в современных терминах – военная хунта, нарушивших присягу и заставивших царя отречься от престола. Но отречение Николая II было лишь первым шагом к революции, последующие шаги сделала правящая элита, включая даже отдельных членов династии.

Монархия в тот момент была уже смертельно больна, сопротивления оказать не могла, и государственный строй поменялся. Что интересно, результатом военных переворотов, как правило, бывает появление военного диктатора, который железной рукой наводит в стране порядок. Такие попытки были и в России, но успеха они не имели. У российских генералов, инициировавших путч, не хватало либо политической воли, либо знания истории, а скорее всего, это были уже генералы без армии из-за фактического отсутствия таковой. Диктатор в России тогда не появился.

К власти пришло самопровозглашенное, а потому весьма сомнительное по части легитимности Временное правительство. Органа, который мог бы назначить правительство, в России в тот момент уже не было. Царь, отрекшись от престола, свои полномочия утратил, но до этого он успел распустить 4-ю Думу, которая могла бы это сделать. Временному правительству хватило 8 месяцев, чтобы все убедились в его неспособности управлять страной. В результате Россия в октябре 1917 г. получила очередную революцию, четвертую по счету.

Ее, следуя той же моде на Маркса, называли пролетарской, хотя главной ее движущей силой были крестьяне, правда, в солдатских шинелях. В результате этой революции или переворота, кому как нравится, к власти в стране пришли большевики. По части легитимности правительство большевиков и Временное правительство были примерно на одном уровне, но большевиков называют узурпаторами, а Временное правительство называют законным. На тот момент в России существовало множество других столь же “законных” самопровозглашенных правительств. Правительство атамана Краснова на Дону, например, пыталось даже установить дипломатические отношения с Германией.

Пятая по счету революция произошла в августе 1991 года. В СССР ее называли по-разному – путчем, государственным переворотом, антиконституционным захватом власти. Но фактом является последовавшее за этим событием изменение в стране конституционного строя, а это и есть революция. В памяти народной еще сохранились страшные события 1917 года и гражданской войны, поэтому власть решила этим красивым, но страшным для нас словом народ не пугать. Эти события у многих в памяти, все это было достаточно смешно, грустно стало потом.

Сейчас у нас есть капиталисты и помещики, есть богатые и бедные, есть очень богатые и очень бедные. Нет царя, но есть Президент, полномочия которого ни одному царю даже и не снились. Он может карать своих фаворитов,

предавая их политической смерти, а может миловать и награждать хлебными местами. Что-то похожее в истории России уже когда-то было, правда, достаточно давно. У нас нет наследственного права передачи власти, но находятся другие способы эту власть контролировать. Иностранные коллеги из зависти, наверное, называют нашего президента диктатором, не видали они настоящих диктаторов. Они не понимают одного – чтобы получить полномочия такие, как у президента России, надо поменять свой народ на народ российский. У нашего народа во все времена глава государства был царем-самодержцем, вне зависимости, как он назывался, царем, генсеком или президентом. Царь у русских всегда был сакральной фигурой, и надо было очень постараться, чтобы этой сакральности в глазах своих подданных лишиться. Николай II постарался, что является еще одной темой споров между сторонниками и противниками революции.

Не совсем, правда, по теме, приведу одну историю из времени моей давней службы. На одном из совещаний разработчик представляет новое изделие, на профессиональном сленге так называли ракету, и рассказывает, каким удачным оно получилось. Представитель заказчика, человек военный, образным и понятным языком дает свою оценку этому изделию. Вот жених, умный, красивый, хорошо зарабатывает, не пьет, все при нем, но только топтать невесту он не может. Ваше изделие хорошо всем, продолжает он, вот только необходимый полезный груз на заданную дальность доставить оно не может. Николай II хороший человек, прекрасный семьянин, образованный, преданный России, но сохранить страну он не сумел, и жизнь это подтвердила. Генерал Драгомиров, который преподавал Николаю II тактику, сказал о нем так: “Сидеть на престоле – годеи, стоять во главе России – не способен”. Он, к сожалению, не ошибся.

Была ли вина царя в том, что произошло в России в 1917 г.? С одной стороны, как “хозяин земли русской” Царь отвечал за все. Но был ли он хозяином, большой вопрос. Не надо быть историком, чтобы понимать, что хозяевами страны во все времена, и наше время не исключение, были люди, владеющие ее богатствами. Павел I был убит, когда сделал попытку реформ, затрагивающих интересы этих людей. Реформу, связанную с ликвидацией крепостного права, начинал готовить еще Александр I, продолжил Николай I. Но, ни тот, ни другой не рискнули эту реформу провести. Они понимали, чем им лично грозит такая реформа. Провел реформу Александр II и поплатился за это жизнью. Убила его не знать, но знать могла бы его защитить, если бы это го реально хотела.

Понятно, что реформы связаны с перераспределением богатств от одной группы к другой, и та группа, интересы которой ущемляются, этим реформам сопротивляется. Реформы Николая II исключением не были. Что-то ему удалось сделать, что-то не удалось по причине сопротивления оппозиции, которая есть всегда, на что-то просто не хватило времени. Но сделать больше, чем он делал, Николай II не мог. Ситуация не нова. Думается, что и президент Путин хотел бы что-то поменять и в своем правительстве, и в его политике. И если он этого не делает, это не значит, что он этого не хочет. По известным только ему причинам он это сделать не может. А что касается исторической оценки личности Николая II, можно сказать следующее. У Николая II есть и сторонники, и противники, и каждая сторона имеет основания для своих оценок. Таким он и должен войти в историю России.

Возвращаемся к нашей действительности. Современные российские капиталисты и помещики, как им и положено, угнетают трудовой народ. Народ, правда, угнетаться не торопится, советская закалка сказывается. Свое право на труд он охотно уступает таджикам, узбекам, киргизам и гражданам других бывших советских республик. Вот так и живем уже почти 30 лет. Так стоило ли 100 лет тому назад устраивать те “10 дней, которые потрясли мир”? Вопрос риторический, ответа на него нет. Потому что революции приходят как стихийное бедствие. Как сказал Талейран по поводу Великой французской революции: “В ней виноваты все, или не виноват никто, что, собственно, одно и то же”. Вразумительного объяснения историков и единого мнения, почему же

в России в 1917 году произошла революция, нет до сих пор, хотя попытки его найти продолжаются.

Очередную такую попытку сделали авторы фильма “Революция. Западная для России”. Согласно их версии, некто Парвус, он же Гельфанд, взял у немцев деньги, заплатил Ленину, и тот вместе со своими большевиками, их, к слову, в начале 1917 г. на всю Россию было всего-то около 10 тыс., устроил в России революцию и развалил монархию. Фильм нам об этом подробно и убедительно рассказывает. Как, оказывается, все просто.

Правда, естественным образом возникает вопрос, что же это за бурно развивающаяся и к тому же самая большая по территории страна, входящая к тому же в пятерку крупнейших экономик мира, если один хитроумный еврей, правильно вложив сравнительно небольшие деньги, всего-то 90 млн золотых марок, как пишет Солоневич, сумел эту страну разрушить? Союзники на поддержку белого движения потратили, между прочим, значительно больше. Согласно данным, которые приводит Черчилль, Англия заплатила по номиналу 100 млн, Франция от 30 до 40 млн фунтов стерлингов. Так что немцы еще дешево отделались, да и большевики продешевили, могли просить больше. Правда, денежки и тех, и других, как говорится, плакали. Им пришлось убираться из России не солоно хлебавши. Непонятно только, почему претензии по поводу революции адресуются только Ленину, а не заказчику Парвусу и немцам, этот проект оплатившим?

Одной из причин всех революций бывших и будущих, может быть самой главной, являются сословные привилегии. Именно они приводят к власти слабых людей, а отсюда и слабость государства, именно сословные привилегии ведут к расколу нации. Но сказать так власть не может, потому что сама власть эти привилегии для избранных членов общества и устанавливает. Борьба с ними означает бороться с самой собой. Сингапурское экономическое чудо началось с того, что президент посадил в тюрьму людей из своего окружения. Наш премьер-министр Примаков по случайному совпадению лишился поста сразу же после указания освободить тюремные камеры, только намекнув об этом их потенциальным обитателям.

Следствием привилегий является переходящий в революцию народный протест против несправедливости, в части распределения этих привилегий в обществе. Отсюда вывод, революции не случится, если власть будет одинаково справедлива по отношению ко всем членам общества, но, как свидетельствует история, это невозможно. Не думаю, что царь этого не понимал, слишком влиятельные силы стояли за этими привилегиями. А те редкие голоса, которые ему советовали, что лучше добровольно отдать половину, чем потерять все, он услышать не захотел. Вот и получил революцию. В результате все потеряли всё.

Советское правительство по части сословных привилегий исключением, к сожалению, тоже не являлось. Правда, привилегии советской элиты ни в какое сравнение не идут с привилегиями элиты современной. Народ решил, что советская власть распределяет привилегии несправедливо, и эту власть не поддержал. Коммунистический и он же, как оказалось, “антинародный”, режим пал в 1991 году, наступила свобода, жить бы да радоваться, но не получается.

Можно 1000 раз сказать “халва”, но во рту от этого не станет сладко. Можно без конца говорить о наших успехах в научно-техническом прогрессе, инновационной и цифровой экономике, о гиперзвуке, но мы знаем об этих успехах преимущественно из телевизора, видеть их наяву не приходится. Если бы наш президент хотя бы один раз посетил какую-нибудь приличную заграничную международную выставку современных технологий, то кадровые решения последовали бы незамедлительно. Да что там выставки, достаточно зайти на строительный рынок, даже лопаты и тачки импортируем. Много чего интересного можно при желании узнать о жизни страны, посетив рынок. Кстати, у русских царей была традиция – началом визита в новый город было посещение рынка. А пока от передовых стран мы отстаем все больше и больше, и вариантов, как это отставание страна будет преодолевать, пока не видно.

Причиной такого отставания является то, что наше общество расколото, нация не едина, консолидация народа и власти отсутствует. В этих условиях, и исторический опыт это подтверждает, в стране имеет место стагнация, и говорить о каком-то экономическом подъеме, а тем более о прорыве, не приходится. Одной из причин раскола общества, как показали события, протекавшие на фоне 100-летнего юбилея Первой мировой войны и двух революций, являются раны, нанесенные России 100 лет тому назад, которые продолжают кровоточить.

Народ в своих оценках тех исторических событий расходится. Отсюда и проблемы, как внутренние, так и внешние. Уже давно нет в живых свидетелей, а тем более – участников событий 100-летней давности, нет белых и нет красных, но совсем не миролюбивый спор о том, кто виноват в развале империи, ведут их последователи. Каждая из сторон свою правоту доказывает ссылками на различные материалы – воспоминания участников, их мемуары, архивные документы. Каждая из сторон приводит, естественно, те данные, которые подкрепляют их позицию. Что из этого получается, рассмотрим на конкретных примерах.

Тренд на идеализацию жизни в романовской России в настоящее время доминирует. Поэтому в источниках, это подтверждающих, недостатка нет. А вот источники альтернативного содержания продолжают исчезать. Уважаемый человек, к мнению которого народ прислушивался, правда, не историк, Станислав Говорухин писал о свежайших устрицах, омарях и лангустах в витрине Елисеевского магазина, о фантастических заработках российских рабочих, на которые можно было купить немереное количества мяса, и еще много о чем хорошем, что мы потеряли.

Правда, не менее уважаемый человек, С. Г. Кара-Мурза пишет, что 40% российских призывников впервые пробовали мясо в армии. Иван Солоневич, ярый монархист и не менее ярый антисоветчик, ситуацию в Российской Империи перед революцией характеризовал следующим образом. “Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 года народный доход на душу населения составлял: в США – 720 рублей (в золотом довоенном исчислении), в Англии – 500, в Германии – 300, в Италии – 230 и в России – 110. Итак, средний русский ещё до первой мировой войны был почти в семь раз беднее среднего американца и больше чем в два раза беднее среднего итальянца”.

Премьер-министр России С. Ю. Витте, человек, надо полагать, компетентный и хорошо информированный, в 1899 году на совещании министров подчеркивал: “Если сравнивать потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу составит в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования”. В Европе примерно такой уровень потребления был в средние века. Для Николая II это секретом не было. По его высочайшему повелению была создана Комиссия по исследованию причин “оскудения центра России”. Так что факт оскудения был признан официально. Примеры можно продолжать, но вряд ли они будут приближать нас к истине. Самое интересное, что правы и одни, и другие. Были устрицы, был и “хруст французской булки”, но и была беспросветная бедность.

В. В. Кожинов, в исторических проблемах человек весьма компетентный, пишет следующее. Французский экономист Эдмон Тэри в 1913 году приехал в Россию и по результатам своих исследований выпустил отчет, в котором написал, что Россия перед революцией была экономически здоровой, богатой страной, стремительно идущей вперед. Похоже на заказ, что-то подобное нам говорит сейчас Международный валютный фонд и Мировой банк, оценивая экономику России. В подтверждение В. В. Кожинов приводит такие данные. Россия в 1913 г. производила угля 35,4 млн тонн, железа и стали – 4,3 млн тонн. Много это или мало? Кожинов, похоже, считает, что много. Но все познается в сравнении.

В 1913 году в России на душу населения производилось стали меньше, чем в США – в 11 раз, чем в Германии – в 8 раз, чем в Англии – в 6 раз, чем

во Франции – в 4 раза. Добыча каменного угля в России была меньше, чем в США – в 26 раз, чем в Англии – в 31 раз, чем в Германии – в 15 раз, чем во Франции – в 5 раз. Несмотря на очевидный экономический рост, в 1913 году по объему промышленного производства Россия отставала от Германии в 6 раз, а от США в 14,3 раза. Национальный доход на душу населения в России был ниже, чем в Германии – в 2,9 раза, чем во Франции – в 3,5 раза, чем в Англии – 4,3 раза, чем в США – в 6,8 раза. Производство хлеба на душу населения в России составляло 26 пудов, в США – 48, в Канаде – 73. Эти данные приведены в книге С. Сергеева “Русская нация...”.

Приведенные данные можно подвергать сомнению, можно их отрицать, но бесспорно то, что экономика России была слабее экономики западных стран. А свято место, как известно, пусто не бывает. Экспансия западного капитала в российскую экономику является историческим фактом. Инвестиции в экономику России на 70% были иностранными и принадлежали, в основном, банкам стран Антанты. Как говорят экономисты, такой объем иностранных инвестиций является критическим и грозит стране потерей экономического, а следовательно, и политического суверенитета. Именно по этой причине Россия воевала на стороне республиканской Франции, а не на стороне монархической Германии.

Сейчас мы бы сказали, что Запад умышленно сажал Россию на долговую иглу. По размеру иностранного долга Россия была на первом месте в мире и незаметно переходила под контроль иностранного капитала. Знаменитый золотой рубль С. Витте был обеспечен на 100% золотом, но не собственным, а заемным. Выплата Россией иностранцам процентов и дивидендов в валюте в начале XX века приближалась к 0,5 млрд золотых рублей, при том, что годовой бюджет Российской империи в то время лишь немного превышал 2 млрд золотых рублей. Было время, когда из Индии Англия ежегодно извлекала около 2 млн ф. ст., в то время как все инвестиции в экономику Англии в то время составляли 6 млн ф. ст. Россия вполне могла повторить судьбу колониальной Индии и стать донором для европейских стран и США. Все, что для этого нужно, они делали, и делали грамотно.

Но приведенные данные – не более, чем информация к размышлению. Убедить они никого не могут. Та часть нашего общества, которая считает, что Россия была 5-й экономикой мира и бурно развивалась, так и будут это считать. И ничто, и никто переубедить их не сможет. Альтернативный вариант, что Россия могла стать колонией Запада, ими исключается абсолютно, а зря. Попытки сделать Россию своей колонией Запад делал тогда, как продолжает делать это и сейчас.

Мировым событием этого года явился 100-летний юбилей окончания 1-й мировой войны. Президент России впервые за много лет принял участие в этих торжествах, что уже хорошо. Плохо то, что участвовал в них он на положении бедного родственника. Как же, Россия подписала с Германией сепаратный мирный договор, вышла из войны и изменила союзникам. Обвинение в измене, которое нам предъявляют союзники, как проклятие, уже 100 лет довлеет над Россией. Противники тех самых большевиков эту точку зрения не только разделяют, но и навязывают ее всему миру. На самом деле, это большой вопрос, кто кому изменил. Формально да, Россия подписала сепаратный “похабный” Брестский мир, это факт.

Но договор с союзниками подписывал царь Николай II. Он был лишен престола в результате революции, к которой большевики имели отношение минимальное, они возникли позднее. В юридической практике такая ситуация называется форс-мажор, и в этом случае стороны освобождаются от ответственности за неисполнение условий договора. Соглашение в Брест-Литовске подписали представители правительства Ленина, которое никаких обязательств по отношению к союзникам царской России не имело. О какой измене идет речь? Вопрос, почему оно заключило мир с немцами, и могло ли оно этого не делать? Могло, если бы союзники это правительство признали и оказали ему помощь. Еще до подписания Брестского мира Ленин консультировался с американским послом на предмет получения помощи от союзников. Обращение осталось без ответа.

Как известно, Россия в 1-й мировой войне участвовала на стороне Антанты. Оценку этому участию дал главнокомандующий союзными войсками маршал Фош, который сказал: “Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству русских солдат”. А вот что пишет по этому поводу крупнейший английский военный историк, можно сказать классик, Лиддел Гарт в своей книге “История Первой мировой войны”. “Не надо также забывать, как часто Россия жертвовала собой, спасая своих союзников и тем самым подготавливая путь к их конечной победе”. По поводу знаменитого Брусиловского прорыва, спасительного для англичан на Сомме и французов под Верденом, Лиддел Гарт пишет следующее:

“Брусилов овладел Буковиной и большей частью восточной Галиции; он захватил 350 000 пленных, но потерял более миллиона солдат и, тем самым, скорее морально, чем материально, подорвал боеспособность России. Неизбежным следствием этого должна была стать революция и разложение русских вооруженных сил. В последний раз Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что они являются за это неплатными должниками России”. В результате этого прорыва, как отмечает сам генерал Брусилов, противник потерял убитыми и раненым свыше 1 500 000 человек, в плен было взято 450 000 офицеров и солдат. О своих потерях генерал не сообщает.

Советский историк Н. Н. Яковлев дипломатично соглашается с обоими. “Победы русской армии летом 1916 года не изгладилась из памяти людской. Величественный эпилог военных усилий в коалиционной войне – новая громадная жертва, главным образом на алтарь Антанты. Тяжесть ее страна ощутила осенью 1916 года, когда для пополнения понесенных потерь в России был объявлен новый призыв – около двух миллионов человек. С громадной силой вставал вопрос, которым уже задавались: зачем? Размах успеха императорской армии можно сопоставить только с роковыми последствиями для правившей династии”. Мобилизация двух миллионов человек была суровой необходимостью, к декабрю 1916 г. потери российской армии составляли почти 2 миллиона пленных и около миллиона солдат-дезертиров, что приближало грядущую катастрофу.

А что же союзники? В конце декабря 1917 года, Брестский мир еще не был заключен, договор был подписан только в марте 1918 г., представители Франции и Великобритании Жорж Клемансо и Роберт Сесиль подписали тайную конвенцию о разделе юга России на сферы интересов и районы будущих операций британских и французских войск. В английскую зону вошли Кавказ, казачьи области Дона и Кубани, Средняя Азия, а во французскую – Украина, Бессарабия и Крым. Союзники торопились. Немцы на восточном фронте действовали очень активно. Они были обязаны так действовать, поскольку Германия испытывала серьезные проблемы с ресурсами и старалась получить их в России.

С этой целью 18 февраля 1918 г. 47 пехотных и 5 кавалерийских немецких дивизий, более миллиона человек, перешли в наступление на восточном фронте. Темпы наступления германских войск ограничивались лишь техническими возможностями транспорта и способностью германских солдат к маршевым переходам. Германские войска заняли Украину, часть Белоруссии, Польшу, Прибалтику, Финляндию, суммарно они занимали более 1 млн кв. км российской территории. На западе германские войска находились в Нарве, в 150 км от Петрограда. Оккупация немцами Петрограда была вопросом нескольких дней, поскольку российской армии уже практически не существовало. Угроза оккупации была совершенно реальной, именно по этой причине правительство Ленина поспешило из Петрограда перебраться в Москву.

Противопоставить что-то немцам правительство Ленина не могло. Российская армия была уже развалена, а рабоче-крестьянская Красная армия находилась в процессе формирования. Деникин в присутствии Керенского 16 июля 1917 г. заявил: “Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это не верно. Армию развалили другие. Развалило армию военное законодательство последних месяцев”. Генерал Зайонковский называл имена конкретных виновников развала армии – военных министров Гучкова и Керенского.

Подписание мира с немцами альтернативы не имело. Ленин был едва ли не единственным человеком в своем правительстве, кто это понимал. Позор

Брестского мира пал на большевиков, но после поражения Германии Россия это соглашение денонсировала и почти все потерянные территории вернула, некоторые, правда, не сразу. Подписанием соглашения с немцами и их союзниками правительство Ленина спасло себя, но спасло и Россию. Но так думали и думают не все. Большинство продолжают осуждать большевиков, не понимая, что вина за это ложится не на большевиков, а на Россию и на русских. В очередной раз заслугами России воспользовались другие.

Посмотрим, что ожидало бы Россию, если бы к власти пришел адмирал Колчак, объявленный союзниками верховным правителем России. Согласно Черчиллю, условия, которые выдвинули державы союзной коалиции адмиралу Колчаку в ноте от 26 мая 1919 года, были следующие. Эти условия должны были исполнены сразу после занятия Москвы.

1. На всем контролируемом пространстве правительство Колчака разрешает свободные выборы.

2. Правительство Колчака не поддержит попыток восстановления сословных привилегий.

3. Должна быть признана независимость Финляндии и Польши.

4. В случае, если соглашения между Эстонией, Латвией и Литвой, кавказскими и закаспийскими территориями и Россией не будут достигнуты, решение будет приниматься Лигой наций, а до тех пор Россия обязуется признать автономию этих территорий.

5. Правительство адмирала Колчака признает право мирной конференции определить будущее румынской части Бессарабии.

6. Россия должна войти в Лигу наций и наладить сотрудничество с другими ее членами по вопросу вооружений и военной организации.

7. Российское правительство должно подтвердить декларацию, касающуюся российского национального долга.

Адмирал Колчак удовлетворительно ответил на каждый поставленный вопрос, чем вызвал одобрение руководителей держав союзной коалиции. Если бы такие условия победители поставили побежденному, было бы понятно. Но их поставили России ее союзники, обвинив при этом Россию в предательстве. Условия эти, надо сказать, не сильно отличались от условий Брестского мира с немцами. Россия должна была делать выбор между плохим и очень плохим. Союзники не упомянули Украину, но в тот момент она уже объявила себя независимым государством, хотя при этом она была оккупирована немцами. Колчак был готов отдать всё, потому союзники и сделали его верховным правителем России. Деникин, например, выступал за неделимую Россию, что «союзникам» совсем не нравилось.

А что же Ленин? Читаем в «Книге воспоминаний» великого князя Александра Михайловича. «Британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар... Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались своею собственной изобретательностью: они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали к священной борьбе против Советов, с другой стороны, на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...».

Как тут не вспомнить поговорку – избави меня, господи, от таких друзей, а от врагов я и сам избавлюсь. Избавились мы от союзников тогда, когда они поняли, что большевики и правительство Ленина в России всерьез и надолго. Как оказалось, на 74 года, не так уж и мало. Они прекратили поддерживать Белое движение, что в итоге и привело к окончанию гражданской войны. Но в истории, не без помощи наших либералов, союзники остаются белыми и пушистыми, а в измене обвиняют Россию.

Мы рассмотрели две линии раскола общества, а ведь их гораздо больше. Нужна ли была России революция вообще? Ответ на этот вопрос дали декабристы. Они первыми толкнули камень, который и вызвал камнепад. В этот камнепад внесли свой посильный вклад Герцен, которого якобы разбудили декабристы, народовольцы, эсеры, кадеты, меньшевики ну и большевики,

естественно, тоже бросили свой камень. Как пишут многие авторы, революцию поддержали тогда все слои общества, даже члены дома Романовых. Из российского генералитета, например, только 3 человека не поддержали отречение царя.

Тем не менее, спор в обществе по этому поводу продолжается, что консолидации общества не способствует. Авторы упомянутого фильма “Революция. Западня для России” нашли, наконец, заказчика и исполнителя и свою порцию дров в костер разногласий они подбросили. В одном они правы, если бы не Ленин, никогда большевики власть в России не получили бы. Что касается фильма, кому-то он понравится, кому-то – нет. Правда, ничего это не меняет, согласия между российскими гражданами по поводу неизбежности революции в России как не было, так и нет, несмотря на множество книг, посвященных этой революции. Каждый в этих книгах видит то, что он хочет видеть.

В этом смысле тема террора исключением не является. Спор по теме “красного” и “белого” террора не прекращается много лет, хотя революция и террор не делимы по определению, и спорить, казалось бы, не о чем. Октябрьская революция, или переворот, исключением не была. Террор был как со стороны красных, так и со стороны белых. Но противники революции утверждают, что красный террор был, а белого террора не было. Объясняют это они следующим, можно сказать лукавым образом. Действительно, красный террор официально был объявлен постановлением Правительства России 5 сентября 1918 г. после попытки покушения на Зиновьева, убийства Урицкого и покушения на Ленина и прекращен был решением правительства 6 ноября этого же года. Но, объективно говоря, массовые акты насилия со стороны взбунтовавшихся масс, прежде всего солдат и матросов, по отношению к офицерам и полицейским имели место и до захвата власти большевиками в октябре 1917 г.

Правительственного решения о введении белого террора не было, поэтому и террора, как такового, официально не было, но были отдельные акты насилия, что не отрицается. Но решения правительства о введении белого террора и не могло быть, поскольку его, правительства, не существовало физически. Поэтому поговорим о терроре красных и об отдельных актах насилия белых. В основе террора лежал социальный расизм “верхов” и “низов”, быстро достигший уровня звериной ненависти. Жестокостей и казней хватало с обеих сторон. Вот что пишет по этому поводу С. Г. Кара-Мурза. “Просвещенному правителю Колчаку даже его генералы слали проклятия по прямому проводу – такой режим он установил в Сибири. Устыдились белочехи, и 13 января 1919 г. они издали меморандум: “Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных граждан...” и т. д.

А вот что пишет по этому поводу Сергей Сергеев, автор книги “Русская нация...”. “Уровень всеобщего ожесточения того времени – жуткое свидетельство того, до какого дна может дойти человек. Противников, а иногда и просто обывателей, живьем закапывали в землю и топили в прорубях, поджаривали на огне и обливали водой на морозе, распинали, отрубали им руки, выкалывали глаза, сдирали с них кожу и т. д. и т. п. – делали это практически все силы, участвовавшие в войне”.

В этой ситуации надо бы говорить не о том, кто зверствовал больше, белые или красные, а о том, что заставило русских людей, как красных, так и белых, потерять человеческий облик и превратиться в зверей. Ведь такое превращение не могло произойти без причины. Понимание этого помогло бы понять причины революции и гражданской войны в России. Но современные сторонники монархии не пытаются определить корни этих событий. Для них главное доказать, что красные творили террор, а белые отвечали на это отдельными акциями насилия, и переубедить их в этом невозможно.

Но самая глубокая линия раскола нашего современного общества это отношение к личности Сталина. Сталинских противников невозможно убедить

посмотреть на личность Сталина в тех временных рамках, когда он руководил страной, и постараться понять, мог ли руководитель страны в тех условиях действовать иначе. Здесь уместно напомнить слова классика: “Критерии морали и права вообще лишены смысла в применении к историческим процессам”. А процесс превращения почти полуфеодальной России в социалистическое государство, был, безусловно, процессом историческим. О том, как тогда жила страна, мы многого не знаем, одна часть архивов остается засекреченной, какая-то их часть – уничтожена преемниками Сталина, а без этого получить объективную картину невозможно.

Если, к примеру, допустить, что заговор военных был, а он, наверняка был, лучше всего об этом говорит тот факт, что архивы по этому делу до сих пор засекречены, то многие события становятся понятными и объяснимыми. Известно, например, что А. Н. Туполев, наш гениальный авиаконструктор, был репрессирован. Но мало кому известно, что он был близким другом Тухачевского и не мог не знать от него о планах военных об отстранения от власти Сталина и его правительства. Как гражданин Туполев был обязан информировать об этом власть. Но он этого не сделал и, тем самым, встал на сторону заговорщиков. Выходит, что репрессировали Туполева по делу. За умолчание, между прочим, наказывал и Николай I, расследуя восстание декабристов.

О том непростом и противоречивом времени есть свидетельства известных людей, честных и порядочных, которые в то время жили, и их воспоминания говорят о многом. О “плохом” Сталине известно хорошо, а что неизвестно, скоро станет известно, хотя, казалось бы, куда уж больше. О “хорошем” Сталине известно значительно меньше. Святитель Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий), один из самых авторитетных архиепископов русской православной церкви, по профессии практикующий врач, в сталинское время был неоднократно репрессирован, прошел ссылки и лагерь, но был удостоен Сталинской премии первой степени за учебник “Очерки гнойной хирургии”. Православным, и не только православным, читателям хорошо известны слова святителя Луки о Сталине: “Сталин сохранил Россию. Он показал, что значит Россия для всего остального мира, и поэтому я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину”.

Л. Н. Гумилев, наш гениальный соотечественник, был неоднократно репрессирован в сталинское время. На провокационный вопрос журналистов по поводу обиды на власть за репрессии ответил просто: “Было за что”. Этнический немец академик Б. В. Раушенбах, заместитель С. П. Королева, ученый с мировым именем, известный своими трудами в области ориентации космических кораблей, был интернирован вместе с немцами Поволжья во время войны с Германией. На вопрос, нет ли у него за это обиды на советскую власть, он ответил, что так поступила бы любая власть. То же самое, кстати, сделали американцы, интернировав этнических японцев после Перл-Харбора.

Интересную историю о Сталине приводит в своих мемуарах главный маршал авиации А. Е. Голованов, командовавший во время войны авиацией дальнего действия. Он напрямую подчинялся Сталину и был его любимцем. Не зря эта авиация во время войны творила чудеса. Потом он попал в опалу, за что, неизвестно, но, похоже, по делу, и обиды на Сталина у него не было. По этой причине свои мемуары, где он тепло пишет о Сталине, он долго не мог опубликовать. А история такая. Маршал А. М. Василевский был сыном священника и связь с семьей не поддерживал. Однажды его пригласил Сталин и вручил ему пачку почтовых квитанций. Оказывается, Сталин от имени Василевского много лет переводил деньги его отцу. Наладить отношения с отцом был совет Сталина Василевскому.

Привожу эти примеры не для того, чтобы вызвать симпатию к Сталину, он в этом не нуждается. У великих людей своя правда и свой суд. Правильнее было бы проявить осторожность в оценке его действий. Многое нам неизвестно и не факт, что станет известным. Что важно отметить, кампанию по дискредитации Сталина начал не Хрущев. Ее начали еще в ведомстве Геббельса.

Продолжили наши бывшие союзники, когда поняли, что военной силой СССР не взять. Но и голос в защиту Сталина также прозвучал с Запада. Гровер Ферр в своей книге “Антисталинская подлость” показывает, что доклад Хрущева, который дал старт антисталинской кампании в СССР, является ложью.

Но что бы ни говорили, что бы ни писали, какие бы данные ни приводили специалисты, народ, который уже определился в своем отношении к различным событиям в истории нашей страны и людям, эту историю делавшим, переубедить нельзя. Это не может сделать ничто и никто. Но это, по большому счету, и не нужно. Кто-то считает Сталина добром, кто-то злом, это личное дело каждого, они так думают. Это было бы действительно так, если бы это оставалось личным делом и не вело к расколу общества по важным моментам нашей истории, не провоцировало агрессию одной части общества по отношению к другой ее части.

Раскол в обществе – это первый шаг к распаду страны. События 100-летней давности сами по себе являются историей и должны быть отражены в нашей истории так, как их видят и их сторонники, и их противники. Попытки интерпретировать их в чью-то пользу могут привести к тому, что мы потеряем нашу историю. А нации без истории не бывает, нет истории – нет нации. Надо смотреть правде в глаза, Запад ведет против России настоящую информационную войну. Даже во времена холодной войны так, как сейчас, Россию не прессовали. Речь идет о том, быть России или не быть.

А мы в это время выясняем, какого цвета 100 лет тому назад был террор, красным или белым, нужна была революция или не нужна, плохим был Сталин или хорошим. Какое это имеет значение, если речь идет о сохранении страны? В нашем случае было бы правильно прислушаться к следующим словам. “Нам необходимо повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы должны смотреть в будущее. Мы не можем брать с собой и нести в будущее груз ненависти и жажду мщения, рожденную ранами прошлого. Если мы будем пытаться поссорить прошлое и настоящее, мы потеряем будущее”. Так говорил Уинстон Черчилль.

Наивысшего подъема в своей истории СССР достиг в послевоенные годы. Страшная война сплотила народ и власть, заставила забыть прошлые обиды, и страна показала всему миру, на что были способны советские люди, “богатыри, не мы”. То же самое, кстати, было и в США, и в Китае. Супердержавой США стали после Второй мировой войны, которая сплотила американскую нацию. Экономический подъем в Китае начался тогда, когда компартия сказала, и народ с этим согласился, что дело Мао на 70% правильное, а на 30% – ошибочное. Распад нашей страны спровоцировал Хрущев своим докладом о культе личности Сталина. Эту тему подхватила часть советской интеллигенции, и метастазы разложения пошли по всему государственному организму. Закончилось это геополитической катастрофой – распадом великой державы. Сейчас нас убеждают в том, что держава не была великой. Была, и разваливали ее мы сами, правда, не без помощи Запада, представители которого подливать масла в костер не стеснялись.

Возможно ли единение нации в наше время? Шанс есть всегда, и первым шагом на этом пути должно быть следующее действие. Представители элиты должны сказать простую вещь: “права или не права, но это наша страна”. Почему это должны быть представители элиты? Любая нация сильна своей элитой. Элита ведет за собой нацию, показывает пример служения народу. Понятно, что в данном случае речь идет об управленческой элите. В России проблемы с такой элитой были всегда, начиная с Рюрика. Похоже, Рюрик в истории России все-таки был, проблемы с менеджментом у нас есть даже сейчас, а во времена Рюрика были тем более.

В России уже в XV веке более 30% высших классов были выходцами с Запада. В конце правления Александра II процент немцев в различных департаментах был следующим: высшее военное командование – 41, МИД – 57, министерство морского флота – 39, военное министерство – 46, почта

и телеграф – 62. В то время немцы составляли всего 1,1% от всего населения России. Эти данные приводит Т. Г. Масарик в своей книге “Россия и Европа”. Не думаю, что от хорошей жизни русские цари вынуждены были нанимать иностранных специалистов. Было чему нам у них поучиться и тогда, и сейчас.

СССР своими достижениями во многом обязан сталинской элите. В контексте обсуждаемой темы элитой являются люди, которые считают своим предназначением служить своей стране не щадя живота своего. Такой элитой были сталинские наркомы, руководители крупных предприятий. Они творили чудеса, под их руководством страна стала великой державой. Как Сталин находил таких людей, остается одним из его секретов. В современной России элиты в упомянутом понимании этого слова практически нет, толковые управленцы есть, но не уверен, есть ли среди них те, кто видят свое предназначение не в личном обогащении, а в служении стране и готовы отдать за это жизнь.

Но проблемы с элитой в России это не вина, это беда нашего народа. Элита вырастает из народа. А тут, как говорится, какие гены, такие и чебурашки. Какой народ, такая и элита. Элита не возникает сама по себе, ее нужно воспитывать и учить. Не надо забывать, что в СССР безграмотность была ликвидирована только в конце 50-х годов. В конце XIX века русских, умеющих читать, было 29%, финнов – 98%, эстонцев – 94%, латышей – 85%, немцев – 78%, евреев – 50%, литовцев – 48%, поляков – 42% (С. Сергеев “Русская нация...”) Успехи современной Финляндии не случайны, у финнов была хорошая база, у русских такой базы не было.

У англичан есть такой афоризм: “Чтобы стать джентльменом, надо окончить 3 университета, 1-й должен окончить твой дед, 2-й – твой отец, а 3-й – ты сам”. Экстенсивно элиту вырастить нельзя. Исключения возможны, если речь идет о каких-то эксклюзивных личностях типа сталинских наркомов и организаторов производства. Такие исключения есть и сейчас, надо только дать им возможность проявить себя, что не совместимо с существующими у нас сословными привилегиями. Особенно остро на это реагирует молодежь, для которых проблема социальных лифтов стоит особенно остро.

Школы для одаренных детей, которые являются очередным увлечением нашего президента, вещь, безусловно, полезная, но проблему воспитания государственной элиты она не решает. Для этого нужны школы, которые готовили бы лидеров, из общей массы выделяли детей с соответствующими задатками, с высоким интеллектом, развитых физически, психологически устойчивых. Надо из таких детей воспитывать граждан, преданных своей стране, считающих высшим благом ей служить и учить их науке управления государством. Так, например, делают в своих элитных частных школах англичане.

Такие лидеры появятся и у нас, Россия, как никакая другая страна, богата талантами. Появились же они во времена Петра I, появились они и во времена Сталина. А в данный момент России нужен представитель элиты, который бы сказал так, чтобы вся страна это услышала, следующие слова: “права или не права, но это моя страна”. Как написано в великой книге всех времен и народов: “Сначала было слово”. Эти слова и этот человек имеет шанс войти в историю России так, как в историю США вошел американский морской офицер Стив Декэйтер.

Услышит ли эти слова и поверит ли в них народ? Понятно, что если народ не захочет перемен, любая элита будет бессильна что-нибудь сделать. Но есть основания думать, что народ перемен хочет. Обратимся к истории не такой уж, впрочем, и далекой, многие еще хорошо помнят то время. Горбачев пришел к власти в 1985 г. Перестройка, гласность, плюрализм, многопартийность, рыночные отношения, чего только мы тогда не насладились. У народа был не только энтузиазм, была эйфория по поводу перспектив, которые Горбачев нам рисовал. Чем это закончилось, известно. А с Горбачева, как с гуся вода. Как он заявил, целью его жизни было разрушить тоталитарное

государство. Поставленной цели человек добился, можно его поздравить. Было ли его целью его жизни рекламировать пиццу и сумки “Луи Витон”, он умалчивает. Заканчивает свою жизнь он именно этим.

С Ельциным было, примерно, то же самое. Борьба с привилегиями, демократия, права человека и прочие благие намерения, в которые народ опять поверил и Ельцина почти боготворил. Народ был готов идти за Ельциным и творить чудеса. Чудеса не появились, зато появились “челноки”, торговцы во всех многолюдных местах, проститутки вдоль трасс. Власть во главе с Ельциным в очередной раз народ обманула. Время Ельцина закончилось словами: “Простите меня, россияне, и любите Россию”. Началось время Путина, которому народ, надо это признать, в очередной раз верит. Так что за народом дело не станет, дело за вождем и элитой, которая вождя окружает.

ВЛАДИМИР РОДИН

дипломат

ЛЮБИМАЯ ПРОФЕССИЯ

Почему я так люблю свою профессию? Ведь есть же певцы, пианисты. Они прославляют человека на все времена. Всемирную известность приобретают композиторы, режиссеры, крупные ученые, изобретатели. Но профессия дипломата стоит особняком. Наталья Нарочницкая, историк, умница и русская красавица, говорила на вечере памяти знаменитого русского дипломата Юлия Квицинского, что есть лишь три сферы деятельности в России, “испокон именуемые службой: священническое служение, военная и дипломатическая служба”. Человек, решивший вступить на почетный, но очень трудный путь дипломата, ограничивает себя в определенных свободах: он служит не только государству, но и отечеству. “Гражданственность мировоззрения, — подчеркивала Нарочницкая, — верность вечным и неизменным интересам страны, которые не меняются в зависимости от политического режима. Это абсолютно необходимо дипломату, как доброта и милосердие необходимы врачу или учителю, но не так обязательны для физика-теоретика” (“Дипломат Юлий Квицинский”. Сборник воспоминаний, Международные отношения, 2013).

Ваш покорный слуга поступил в МГИМО в 1947 году, когда страна не задела ещё глубокие раны, нанесенные нам профашистской Европой во главе с нацистской Германией. И я был приятно удивлен тем, какой заботой и вниманием государство окружило нас. Лучшие профессора: Тарле, Крылов, Дурденевский, Любимов, лучшие преподаватели иностранных языков, мой любимый учитель немецкого языка Федор Яковлевич Лиёпа-Розенберг, прекрасная библиотека, столовая, спортивный зал! Из тощего молодого человека, я стал крепким гимнастом, принимал участия в соревнованиях между высшими учебными заведениями столицы, участвовал в парадах физкультурников на Красной площади! Нам ещё и стипендию платили! Только учись!

Дипломатия, это, на мой взгляд, большое искусство, умение ладить с людьми, решать споры не с помощью оружия, а путем переговоров, поиск взаимоприемлемых для обеих сторон компромиссов. Это достигается путем кропотливой работы, доверительных бесед — без переводчика! — самой захватывающей сферы работы дипломата, когда он — в полном одиночестве — ищет то единственное слово, тот единственный аргумент, который поможет развязать тугой узел конфликтной ситуации с учетом национальных интересов его страны. И нет большего счастья для дипломата, когда его собеседник принимает его аргументы и вносит коррективы в собственную позицию, не поступаясь, естественно, коренными интересами своей страны. “Служенье муз

не терпит суеты”, – говорил Пушкин. Это в полной мере относится к работе дипломата. Попытки Горбачева и Шеварднадзе “кавалерийским наскоком” решить самые сложные проблемы, от которых зависела судьба нашего отечества, принесли огромный, невосполнимый ущерб интересам безопасности России. Это объясняется тем, что “новый подход, новый взгляд” на дипломатию стали практиковать в СССР политики-любители и дипломаты-дилетанты, которые не могли даже выговорить слова: “национальные интересы Советского Союза”. Правильно говорил дедушка Крылов: “Беда, коль пироги начнет печи сапожник...”

Какими же качествами должен, на мой взгляд, обладать человек, решивший посвятить свою жизнь этой ответственной, почетной и необыкновенно интересной профессии?

Перефразирую Ленина: настоящим дипломатом может стать лишь человек, овладевший знаниями, накопленными человечеством. Разумеется, это – задача. Овладеть всеми знаниями невозможно, но дипломат должен знать хорошо свое ремесло; владеть хотя бы двумя иностранными языками; быть подкованным в истории, внешней политике, культуре, нравах и обычаях страны пребывания; разбираться в международных делах, не замыкаться в своей норке. Он должен постоянно накапливать знания, поскольку жизнь не стоит на месте, а ставит перед нами новые и новые вызовы.

Приведу пример выдающегося дипломата русской школы Юлия Квицинского. “Опять Квицинский”, – скажут мне некоторые мои коллеги: “Как будто нет у нас других дипломатов!” Конечно, есть. Но никем на Западе так не восхищались, как Квицинским – его легкостью в беседах, способностью переходить с немецкого на английский или испанский язык, его глубокими знаниями по предмету переговоров; осведомленностью в области культуры, искусства; твердостью в отстаивании своих позиций на переговорах. “Железная рука в лайковой перчатке!” – так писала о нём пресса ФРГ.

Так вот, Квицинский, когда ему поручили совсем новое для него дело – проблемы разоружения, поделился своими мыслями относительно кругозора дипломата. Он пришел к выводу, что хороший дипломат не может разбираться в порученной ему материи, не располагая знаниями “хотя бы азов военно-стратегического положения в мире и финансово-экономических механизмов, которые ими движут” (Юлий Квицинский, “Время и случай”).

Когда нацистская Германия была разгромлена Советским Союзом и его союзниками по антигитлеровской коалиции, а на её территории образовались ГДР и ФРГ, нам пришлось иметь дело с очень умными и изощренными политиками и дипломатами ФРГ. После того, как линия Аденауэра “с позиции силы” потерпела крах, на смену ей пришла “восточная политика” Вилли Брандта и Эгона Бара.

Должен честно признать, что эти политики сумели – в конечном счете! – переиграть как руководителей ГДР, польствовавших на западную марку, так и наших советских лидеров, завороченных светлыми перспективами тесного сотрудничества с СДПГ в борьбе за мир, закрепление статус-кво в Европе и прочая, прочая. Заместитель председателя СДПГ Хорст Эмке ответил критикам Московского договора из консервативного лагеря ФРГ: “Мы признали статус-кво, чтобы его изменить!”. Вот тут-то экономика и сказала свое слово! Политика, говорил Ленин, есть “концентрированное выражение экономики!”. Вместо того, чтобы поднимать жизненный уровень своего народа, измученного войной, советские руководители, в частности, Никита Хрущев, стали тратить огромные материальные ресурсы на оказание помощи развивающимся странам. Мы как-то упустили из виду, что западные державы приняли наш вызов, относительно мирного сосуществования двух систем. Они подняли перчатку, которую мы им бросили, а мы этого не заметили. А когда мы открыли западным немцам дверь в ГДР и страны Восточной Европы – после подписания с ФРГ Московского договора (1970 г.) с признанием в нём послевоенных границ в Европе, – то режимы в соцлагере затрещали по швам. Экономическая и социальная модель ФРГ оказалась более эффективной. Производительность труда в ФРГ, жизненный уровень оказались гораздо выше, чем в СССР, ГДР и странах Восточной Европы. Вот где собака зарыта!

Наши эксперты в Международном отделе ЦК КПСС не сумели разглядеть подводные камни в знаменитой восточной политике Вилли Брандта, которую

он наверняка согласовывал с США. А суть её, как мне разъяснил мой друг Ханс Шумахер, состояла в следующем: “Изменение через сближение”, что расшифровывалась самими социал-демократами так: “внешнеполитическое сближение (читай – с социалистическими странами) может привести к “внутриполитическим изменениям” (в этих государствах). “А Вы разгледеть сумели?” – спросят уважаемые читатели. Ваш покорный слуга – направил в 1987 г. из нашего посольства в Бонне, где я работал советником, записку в Международный отдел ЦК КПСС, где обратил внимание на опасность тесного взаимодействия СДПГ с СЕПГ, правящей партией ГДР. Сослался на мудрую китайскую поговорку: “Если ты не можешь одолеть своего противника, то его надо обнять!” Кстати, к такой же оценке восточной политики Брандта пришел наш знаменитый разведчик генерал Александр Коротков. Он направил в Центр документ, где убедительно обосновывал “опасность сближения с ФРГ к началу 1980-х годов, а стало быть, ослабления социалистических завоеваний в Республике”, т. е. в ГДР (Георгий Санников, “Их закалила война”).

Интересная история произошла со мной в 2017 году. Руководитель московского бюро Фонда Конрада Аденауэра К. Кроуфорд организовал 26–28 апреля 2017 г. в Москве Международную конференцию “Новая восточная политика” ФРГ и политика разрядки в период Л. И. Брежнева”. В конференции приняли участие эксперты из России, США, ФРГ, Польши, Австрии и других стран. Был приглашен, в частности, академик А. Чубарьян. В дискуссиях “на полях конференции” участвовали: посол Р. Сергеев, советник-посланник М. Логвинов и ваш покорный слуга. Атмосфера на конференции была прекрасная. Западные эксперты были едины в том, каким благом для Европы стала “новая восточная политика” Вилли Брандта, которую продолжил канцлер Коль. Говорили о Хельсинкском процессе, преодолении раскола Европы и т. д. Во время перерыва пили кофе и вежливо общались друг с другом. Под занавес дали слово мне. И тут я – каюсь! – сыграл роль человека, который внес диссонанс в благозвучную атмосферу.

Поблагодарив за приглашение, я сказал: “Мы собрались здесь в канун великого Праздника советского народа – 72-й годовщины Победы СССР в Великой отечественной войне; рядом с Красной площадью, где 9 мая состоится военный парад в честь Дня Победы. Так вот, граждане России спрашивают нас, дипломатов, а как же так получилось, что много лет мы рассказывали им об успехах политики разрядки напряженности в Европе, а сегодня вооруженная армада НАТО двигается к нашим западным границам, создавая угрозу нашей безопасности?”

Подчеркнул, что “восточная политика” Вилли Брандта, которую продолжил канцлер Коль, несомненно содействовала потеплению политического климата в Европе, но ею очень ловко воспользовались США для экспансии НАТО на Восток. Пояснил участникам, в чем была суть политики Брандта применительно к ГДР и странам Восточной Европы (дьявол сидит в деталях!). Относительно *Buendnissfreiheit* (свобода выбора союзов) заметил, что в такую свободу верил только один Михаил Горбачев. На самом деле существует жесткая привязка: хочешь в богатый ЕС? – вступай в НАТО. А какие обещания нам давали западные политики о нераспространении НАТО на Восток! Но им поверил лишь Горбачев, наш “добрый человек из Ставрополя”.

В зале после моего выступления воцарилась неловкая тишина. Опустила голову молодая красивая дама, представлявшая Польшу. Но когда участники стали прощаться, ко мне подошел немец, видимо из бывшей ГДР, и крепко пожал руку.

Верность обязательствам

Российская дипломатия, плоть от плоти своего народа, всегда отличалась одним важным качеством – верностью своему слову и взятым на себя обязательствам.

Есть у русского народа такие, только присущие только ему черты характера: доверчивость, открытая душа, верность своему слову, великодушие к поверженному противнику; брезгливое отношение к мелким авантюрам, инсинуациям. Только на Руси действовали такие полководцы, как князь Святослав Игоревич, который извещал своих противников: “Иду на вы”.

Представим себе такую картину: разгромив молниеносно Польшу в 1939 году, Гитлер атаковал в 1940 году французов и англичан. А в тылу у него оставался Советский Союз. Вот был бы удобный момент для Сталина ударить в спину Германии! Ведь он знал, что война с нацистской Германией была неизбежна. Но он не пошёл на этот шаг. Русский грузин, как он себя сам называл, прекрасно понимал, что русский народ не примет такого вероломства – нарушения Пакта о ненападении.

Посмотрим, как ведут себя США в части соблюдения договоров с СССР. В 2002 году они в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО. Сегодня они заявляют о намерении выйти, – тоже в одностороннем порядке – из Договора по РСМД. Даже в американском сенате раздаются голоса против такого шага – США могут снискать во всём мире славу “ненадёжного партнёра”.

Выступая 27 февраля 1945 года в Палате общин, Черчилль сказал, что “маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почётной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они – хозяева своего слова. Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб себе, более точно, нежели русское, Советское правительство” (Черчилль Уинстон, Вторая мировая война. Ростов-на-Дону. Феникс, 1997 г.).

Культура диалога, дипломатические переводчики

Дипломатическая служба дарит человеку величайшую возможность – представлять за рубежом интересы своей страны; защищать её безопасность, рассказывать о её достижениях в области науки и культуры; но он должен делать это профессионально.

Дипломат, как хороший артист, все время живет в творческом полете. Он обязан проявлять инициативу, устанавливать и умело поддерживать полезные контакты, с целью получения информации. “Под лежачего дипломата информация не течет!” – любил повторять мой немецкий друг Ханс Шумахер. Дипломат не имеет права терять контроль над собой, впадать в истерику. В 1981 г. посол в Бонне Владимир Семенов поручил мне переговоры с МИД ФРГ о строительстве новых зданий посольств СССР в Бад-Годесберге и посольства ФРГ в Москве. Переговоры шли туго – МИД ФРГ настаивал на жесткой увязке сроков ввода в действие зданий в Москве и Бонне (и правильно делал, зная нашу бюрократию. – **В. Р.**) Но я возмущался, докладывая об этом Семенову, а посол мне сказал: “Эмоции – плохой советчик. Их могут расценить, как слабость твоей позиции”. Он был прав. Переговоры были успешно завершены, а новое здание посольства, а ныне – Генконсульства России – стало одним из самых красивых и комфортабельных, на мой взгляд, в мире.

Дипломат не может быть пленником догм, банальных пропагандистских лозунгов. С ним просто не станут разговаривать. Приведу такой пример: ваш покорный слуга оказался в составе первого советского посольства в Бонне в 1955 г., после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

Моим начальником был советник, известный экономист. Как-то мы пришли с ним на беседу к крупному промышленнику. Так вот, мой начальник сказал, что в Советском Союзе не может быть забастовок, поскольку “заводы и фабрики у нас принадлежат рабочим”. Немец решил, что это чистая пропаганда, и прекратил беседу.

С другим советником по новой технике мне удалось объехать всю страну. Это было необыкновенно интересно. Нас принимали капитаны немецкой промышленности. В принципе это была правильная установка Москвы – стремиться к взаимодействию с деловыми людьми ФРГ. В беседах мой шеф довольно прозрачно намекал немцам воротилам – Советский Союз заинтересован в развитии деловых отношений с ФРГ, а ваше правительство не идет нам навстречу. Разумеется, я смягчил высказывания нашего советника, но смысл-то я должен был передать. Немцы, разумеется, вежливо улыбались. А потом в самом популярном еженедельнике ФРГ “Der Spiegel” появилась едкая заметка: “Два русских дипломата разъезжают по ФРГ и призывают немецких промышленников “поддать пару” собственному правительству”. Посол Зорин сделал мне замечание. Не советнику, а мне, поскольку я же переводил. Это стало для меня хорошим уроком: не всякие мысли начальника надо буквально переводить собеседникам. Такие казусы случались и с переводчиками на высоком уровне.

В замечательной книге “Тайны разрядки – взгляд очевидца. Как Брежнев и Никсон выводили СССР и США из холодной войны”, Андрей Вавилов – один из наших лучших переводчиков на высшем уровне – пишет: “На дипломатическом переводчике лежит большая ответственность. Работа требовательная. Представьте: вы сидите возле двух самых влиятельных людей на земле и переводите их разговор. А если вы забудете или пропустите важное слово? Или неверно истолкуете сказанное?”

В 1960 году Вавилов стал свидетелем забавного эпизода. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов совершал визит в Индию. Местный журналист попросил его поделиться впечатлениями от Тадж-Махала. – Ничего особенного, – ответил Ворошилов, – лучше бы Великие Моголы потратили деньги не на строительство, а раздали их народу. Не стусевавшись, Юрий Виноградов, его переводчик, сказал: – Я преклоняю голову перед этим сокровищем архитектуры Великих Моголов! Индийские журналисты дружно зааплодировали. Свою карьеру Юрий Виноградов завершил послом на Шри-Ланке. А наш общий с Андреем Вавиловым друг, ведущий индолог Алексей Никифоров стал послом в Швеции!

Выдающиеся переводчики Советского Союза Олег Трояновский, Игорь Виноградов, Алексей Никифоров, Юлий Квицинский, Андрей Вавилов сделали блестящую карьеру, потому что им приоткрыли дверь в самое святое святых государственного строительства, военно-промышленного комплекса, новейших систем оружия. Читая книгу Андрея Вавилова, я ловил себя на крамольной мысли: в СССР, за годы советской власти, выросло несколько поколений молодых, грамотных, талантливых людей, а к власти нередко приходили малограмотные, невежественные люди, которые причиняли немалый ущерб авторитету нашей страны за рубежом. Уважаемый читатель, а вам не приходили в голову такие мысли? А ведь кадры решают все, говорил Сталин. Высокой культурой, профессионализмом отличался Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин. Им восхищалась даже английская Королева.

Очень интересную характеристику Косыгину дает Вавилов: “Никсону Косыгин не нравился. Возможно, дело было в спокойной уверенности и чувстве достоинства советского премьера; никакого тщеславия или эмоций, на которых можно было бы сыграть. Выдержка и прагматизм этого человека отпугивали американцев. Парадокс, но Никсону было проще общаться с Брежневым, партийным аппаратчиком, чем с Косыгиным, уверенным в себе руководителем промышленной корпорации, – именно такое впечатление он производил”. Я с глубоким уважением относился к Алексею Николаевичу Косыгину. Он был и большим дипломатом. В 1965 году ему удалось, в качестве посредника, урегулировать военный конфликт между Индией и Пакистаном. Но ему же не дали развернуться, провести настоящие реформы. Алексей Косыгин с горечью говорил: “Съедят меня эти украинцы”. (После смерти Сталина этнические украинцы 30 лет были у власти в СССР. Именно этим объясняется незаконная передача Хрущевым в 1954 году Крыма Украине.)

Опыт дипломатической работы

Конрад Аденауэр, которого Уинстон Черчилль называл самым выдающимся немецким политиком после Бисмарка, считал, что годы дают человеку “опыт, который не заменишь ничем, даже врожденным интеллектом. Для политика это особенно важно”.

Если посмотреть “кредитную историю” любого выдающегося дипломата, то мы найдем секрет его успешной карьеры. Во время первой командировки в ФРГ мне выпало счастье работать под руководством посла Андрея Смирнова. Он пользовался большим авторитетом в политических кругах. Из всех послов Аденауэр принимал для доверительных бесед только его. Так вот, в тридцатые годы, когда к власти в Германии пришли нацисты, Андрей Смирнов работал пресс-атташе в советском посольстве. Уж он-то в германском вопросе “пуд соли съел!”.

Дипломат должен пользоваться определенной симпатией среди общественности страны пребывания. В обоих германских государствах я служил 17 лет. По характеру ваш покорный слуга человек веселый, склонный к юмору, розыгрышу. В посольствах в Бонне, Берлине и Дели я готовил капустники к Новому году. Должен сказать, что эти мои качества очень помогли мне

в установлении контактов с депутатами бундестага, партийными деятелями и другими влиятельными людьми ФРГ.

Женщины и вино

Вот две опасности, которые подстерегают дипломата, я бы сказал – слабо дипломата. В ФРГ было много женщин, занимавшихся политикой. Надо было знакомиться. Мне помогло то, что беседовал я с ними не как русский медведь, а как человек, уже знакомый с местными нравами и обычаями, прошедший, к тому же, хорошую школу в ГДР. Познакомился я как-то с очень интересной женщиной, депутатом бундестага от СДПГ, Маргиттой Т. Энергичная, смелая. Она всегда побеждала на выборах в бундестаг прямым голосованием, а не по спискам. Однажды я докладываю, – с серьёзным выражением лица! – послу Владимиру Семенову: “Меня пригласила на ужин в ресторан знакомая женщина, депутат бундестага”. Он спросил: “Она хорошенькая?” “Да”, – ответил я. “Давай”, – говорит Семенов и хлопает меня по плечу! Владимир Семенов был веселым жизнерадостным человеком, с большим чувством юмора. Он, конечно, понимал, что я пытаюсь разыграть его, но даже бровью не повёл, и ответил мне в свойственном ему духе. О его юморе среди дипломатов ходили легенды. Но, если серьезно, то мои отношения с послом, который любил меня, строились на доверии. Он мне давал полную свободу действий. И чтобы я подвел его? – никогда в жизни! Доверие – очень важный фактор в работе дипломата. Мелочная опека сковывает его инициативу в работе.

Вино. “Трезвый с трезвым”, – так советовал вести беседы со своими партнерами выдающийся посол Владимир Виноградов. “Если ваш собеседник что-нибудь разболтает под хмельком, то он больше не станет с Вами встречаться, поскольку будет чувствовать себя неловко”, – говорил нам Виноградов. Еще в Берлине, работая в посольстве, автор этих строк стал последовательным борцом против “увлечения горячительными напитками”, а в ФРГ – тем более (водились там грешки). Хотя должен честно признаться – хорошие вина в Германии, как приятное сопровождение встречи, застолья, – традиция. Совсем отказаться от вина в беседе с немцем трудно. Но я научился умеренности и сдержанности, чего, к великому сожалению, не хватало подчас некоторым моим коллегам. Как-никак, но 17 лет я постоянно был за рулем в ГДР и ФРГ, и только дважды меня остановила полиция за небольшие нарушения. Порядку научился у немцев!

Мои немецкие друзья

Похоже, что мир англосаксов и их прихлебателей сошел с ума. В Польше продолжается позорная вакханалия по сносу памятников советским воинам-освободителям. Примеру польских властей следует Киевский майдан. (Дурной пример заразителен.) Оскверняют памятник генералу Ватулину, освобождавшему Киев от нацистских оккупантов, и прославляют бандеровцев, убивших знаменитого генерала. В Литве торжественно чествуют “лесных братьев”, кровавых палачей собственного народа.

Мои земляки, сталинградцы и с Дона с тревогой спрашивают меня, что происходит в мире? (Я родился в Сталинграде, а мой отец – донской казак, воевал в Первой конной армии Буденного. На память о нём у меня осталась грамота, которой “Красный командир Родин Митрофан Фролович” был награжден за отличную службу. Грамота подписана Будённым, Ворошиловым и Мининым в ноябре 1920 года.)

Мои земляки снова спрашивают меня, а “мои немцы” не собираются сносить памятники советским воинам освободителям?

– Отвечаю, нет! Пока – нет.

Незабываемая встреча с моими земляками произошла в 1979 г., когда в Сталинград-Волгоград прибыл поезд дружбы с молодёжью из ГДР, по случаю 30-й годовщины образования Республики. Ваш покорный слуга сопровождал делегацию из Москвы в качестве зав. сектором ГДР в Третьем Европейском отделе МИД СССР. Молодые немцы, наши друзья, граждане дружественного государства ГДР, прибыли в Сталинград, чтобы встретиться с советскими гражданами, пережившими все ужасы войны. Это были совсем другие немцы, чем те, которые разбомбили дотла мой родной город. Это были *наши* немцы!

И сталинградцы почувствовали это. Они оказали им радушный прием. Русский народ не злопамятен.

После Победы над фашизмом советские люди протянули руку дружбы немецкому народу. И немцы в ГДР ответили нам крепким рукопожатием: “Ваша Победа — наше освобождение! Спасибо!” — провозгласили они громко, на весь мир. Советским солдатам, навсегда оставшимся лежать в немецкой земле, которую они освободили от фашизма, они поклонились: “Никогда больше фашизм! Никогда больше война! Дружба с Советским Союзом!”

Но поворот в сознании немцев в советской оккупационной зоне произошел не сам собой. Этому предшествовала большая идеологическая, воспитательная работа, которую проводило советское руководство, лично Сталин с Красной Армией, нашими писателями и с народом в целом. В знаменитом Приказе Народного Комиссара Обороны от 23 февраля 1942 г. четко проводится мысль — Красная Армия не имеет своей целью “истребить немецкий народ”. Война за освобождение советской земли приведет “к изгнанию или уничтожению клики Гитлера”. Сталин призывал наш народ, Красную Армию не “отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством, а истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается”. Эти слова Сталина выбиты на гранитных плитах у величественного памятника советскому солдату в Трептов-парке, где каждый год, в День Победы, немцы возлагают цветы. У этого памятника интересная история. Скульптор Вучетич подготовил несколько эскизов и выставил их в Кремле. Один из них изображал Сталина с глобусным полушарием в руке, второй — “Воина-освободителя” со спасенной немецкой девочкой в руке.

Сталин посмотрел на свою бронзовую фигуру и спросил Вучетича:

— Слушайте, Вучетич, а Вам не надоел этот... с усами?

Затем он осмотрел фигуру солдата и сказал:

— Вот этого солдата мы и поставим в центре Берлина на высоком могильном холме. Пусть этот великан в бронзе, победитель, несет на своей груди девочку — светлые надежды народа, освобожденного от фашизма (Н. Ф. Хохлов, И. В. Сталин смеётся).

Идею Сталина о построении отношений с ГДР на прочном фундаменте дружбы и сотрудничества стали претворять в жизнь политики и дипломаты Советского Союза. Назову имена нескольких дипломатов-германистов: Владимир Семенов, Андрей Смирнов, Анатолий Ковалев, Александр Бондаренко, Валентин Фалин, Юлий Квицинский, Горальд Горинович, Владислав Терехов.

В 1952 г., после окончания МГИМО, меня направили в Берлин, в Союзную Контрольную Комиссию по Германии. Я вступил, таким образом, на немецкую землю, чтобы выполнить завет моего любимого учителя немецкого языка — навести мосты примирения и даже дружбы с немецким народом и сделать всё, чтобы с немецкой земли больше никогда не исходила угроза новой войны. И я на собственном опыте убедился в том, что эта великая идея была горячо поддержана не только немецкими антифашистами, но и юношами и девушками молодой Республики... Молодых людей из ГДР стали приглашать на учебу в высшие учебные заведения Москвы.

Позже они стали государственными служащими, дипломатами. Мой самый верный немецкий друг Вольфганг Грабовски — типичный представитель послевоенного поколения немцев ГДР. Он окончил МГИМО — кузницу дипломатических кадров и стал видным дипломатом, успешно защищавшим интересы ГДР, социалистического сотрудничества на мировой арене. Был руководителем Отдела Советского Союза в МИД ГДР, послом в Сирии и Индии.

Во всех международных организациях советские дипломаты работали плечом к плечу с дипломатами из ГДР, коллегами Грабовски. Вот чего нам так не хватает сегодня в ООН, ПАСЕ и других международных форумах, где нам противостоит хор дипломатов-руссофобов из Прибалтики, Польши, Украины и Грузии...

После поглощения ГДР Западной Германией, в результате предательства Гобачева, Яковлева и Шеварднадзе, Грабовски не пал духом. В качестве одного из опытных руководителей Левой партии он ведет активную политическую борьбу за развитие взаимовыгодных, добрососедских отношений с Россией, пишет статьи, выступает с комментариями в “Нашем современнике”. (А я их с удовольствием перевожу на русский язык. — В. Р.)

Курс на запад

Во время первой командировки в ГДР (1952–1955 гг) я, помимо всего прочего, занимался изучением внутренней и внешней политики в ФРГ. После установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ меня направили осенью 1955 года, в должности атташе, на службу в первое посольство СССР в ФРГ.

И тут-то я увидел небо с овчинку: “угли еще тлели и чрево рождало” жгучую ненависть к СССР, советским людям. И тем не менее, я с огромным желанием приступил к работе. Если в ГДР, где было очень много советских специалистов, можно было затеряться, как иголке в стоге сена, то здесь я оказался – благодаря знанию немецкого языка – сразу же востребованным. У меня возникло чувство, что это мое дело, что я могу здесь принести пользу своему государству. Чем же я приглянулся немцам? Они говорили мне – вежливостью. Если бы я позволил себе такое поведение, которое демонстрировал всему миру Хрущев в ООН, то меня выдворили бы из ФРГ в 24 часа. И такие вещи случались. Второе – своей инициативой: постоянным поиском контактов с деловыми людьми, чиновниками, которые помогли послу прорвать политическую блокаду в ФРГ. По простоте душевной я считал, что хорошо поработал в посольстве. Наш посол Андрей Смирнов даже продлил на полгода мое пребывание в ФРГ. Я подумал, что за мою активную деятельность в части восстановления деловых связей между СССР и ФРГ, канцлер Аденауэр мог бы – а что? – подарить мне машину “Фольксваген”. Никсон же дарил Брежневу дорогие автомобили! А я готовил проекты выступлений для Леонида Ильича, когда работал в Третьем Европейском отделе МИД СССР. Помню забавный случай. Однажды меня вызвал министр Андрей Громыко. Видно, помощник доложил ему, кто готовил проект выступления Брежнева в Праге. Звонит мне секретарь: тебя вызывает Громыко. Я решил, что она меня разыгрывает. Но потом появился завотделом Валентин Фалин и повел меня к министру. Входим – министр читает мою заготовку: “Второму Мюнхену не бывать!” Ворчит: “Я бы так не сказал!”. Все. Уходим. А на другой день я читаю в “Правде” репортаж о визите Брежнева в Прагу: “Второму Мюнхену не бывать!” Вот так я обошел министра.

“Друзья не умирают”

Самой интересной и самой яркой командировкой в моей дипломатической работе стали годы службы советником в посольстве СССР в Бонне (1981–1987). Я приехал в ФРГ спустя 30 лет! Страна стала другой. И я стал другим – набрался опыта и знаний. Ваш покорный слуга удивлялся на каждом шагу. Никто не шпынял меня за то, что я русский. Никто не шипел, когда я подходил к киоску, чтобы купить журнал “Der Spiegel”: “Sind Sie von drueben?” – “Вы оттуда?” (т. е. из ГДР). Удивлению моему не было предела, когда я стал устанавливать контакты в бундестаге – пожалуйста! Хотя далеко не все охотно шли на контакты с советским дипломатом.

Под влиянием советской политики на германском направлении, – а авторитет Советского Союза, его вес и влияние в послевоенной Европе был очень высок! – усилий наших друзей в ГДР, “восточной политики” Брандта, в сознании западных немцев произошли серьёзные перемены.

Моя работа стала цепью открытий. Досушие разговоры о том, что язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли, что дипломат должен лгать в интересах своего государства – пустая болтовня. В своих беседах с друзьями-политиками в ФРГ и даже с недругами мы говорили друг другу правду о том, что нас тревожит в двусторонних отношениях. Мы беседовали “без дураков”, т. е. откровенно, на основе взаимного доверия!

Мне удалось наладить хорошие связи с коммунистами, социал-демократами, профсоюзными деятелями и т. д. Расскажу о нескольких встречах.

Познакомился я с замечательным человеком, Хельмутом Хильдом – президентом Евангелической церкви Гессена и Нассау. После войны он сменил мундир офицера Вермахта на сутану священника и – в тесном сотрудничестве с Русской Православной Церковью – стал наводить мосты примирения между народами наших стран. Как-то раз он выступил с проповедью в одном из храмов Ленинграда. Верующие стали шептаться. Хильд посмотрел на переводчика. Тот – продолжайте!

“Когда я выходил из храма, — говорил с волнением мой собеседник, — женщины целовали мне руки!” Дело в том, что Хильд считал Восточный поход Гитлера против России “грабительской, захватнической войной”.

После возвращения в Москву мы долго переписывались с моим другом, вплоть до его кончины. Но, как сказал руководитель известной во всём мире Службы разведки ГДР Маркус Вольф: “Die Freunde sterben nicht!” (Друзья не умирают! — В. Р.)

Очень интересным собеседником оказался влиятельный депутат бундестага от фракции ХДС. Его имя называть не стану. Он жив и занят в большой политике. Помню, я пригласил его в уютный ресторан “Матернус” на дипломатический завтрак. В беседе речь зашла о предстоящем размещении в ФРГ американских ракет средней дальности.

Я внимательно выслушал доводы депутата в пользу размещения американских ракет и сказал, что мы можем долго спорить на эту тему. Но есть один фактор в отношениях между нашими странами, который мы не можем сбрасывать со счетов. Случилось мне сопровождать делегацию из ГДР в Белоруссии. Мы посетили в Минске музей Великой Отечественной войны. Там я увидел фото: на эшафоте, с петлёй на шее, стоит молодая девушка, лет 15. А внизу — ражие эсэсовцы. Так вот, девушка смотрела на них с презрением! Сверху вниз!

— Господин N, — спокойно сказал я, — Вы думаете, что мы это забыли?

Мой собеседник не сказал в ответ ни слова. Но спустя несколько дней я прочитал выступление канцлера Коля, где он подчеркнул: “Мы должны учитывать заинтересованность СССР в обеспечении своей безопасности”. Может быть, это было совпадение. Я не спорю. Человек я скромный.

Но и мои собеседники в ФРГ не оставались в долгу. Они, не стесняясь, критиковали в беседах внешнюю политику Никиты Хрущева, шибко напоминая теорию “перманентной революции” Троцкого. Утверждали, в частности, что это он способствовал приходу к власти в США ястреба Рейгана.

Наступление — это лучшая оборона

Россия переживает сейчас новое испытание. США развязали против нас информационную и экономическую войну. Русофобия возведена в США и их союзниках чуть ли не в ранг государственной политики в отношении России. В чем дело? Ответ есть. США теряют свое влияние в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии. Блестящей победой дипломатии над “политикой большой дубинки” закончилась схватка президента Трампа с лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном. Угрозами и шантажом Трамп хотел заставить лидера Северной Кореи отказаться от ядерного оружия. США отправили к Корейскому полуострову целую военную армаду во главе с авианосцем “Карл Винсон”. Весь мир затаил дыхание — ядерная война? И вдруг Ким Чен Ын протягивает руку лидеру Южной Кореи Мун Чжэ Ину и предлагает единой командой выступить на зимних олимпийских играх. Вздох облегчения во всем мире, а Трамп со своими ракетами оказался третьим лишним. Вот что такое дипломатия. А до этого было успешное “Соглашение по ядерной программе Ирана”, которое Трамп хочет переписать, и блестящая победа российской дипломатии в диалоге с президентом США Обамой по проблеме химического оружия в Сирии.

Однополярный мир, лидерство англосаксов — заветная мечта, которую американская элита воплотила в жизнь, разжирев на Второй мировой войне, — дает сбой. Когда ТВ показывает картины встреч президента России Владимира Путина с лидерами Ближнего Востока, прибывающих в Сочи для консультаций с ним, кадры о тёплой встрече на саммите 20-ки в Аргентине лидеров России, Китая и Индии, то в Белом доме возникает паника, демократы и республиканцы бьются в истерику от бессилия изменить ход истории. Они не знают, что им делать с Владимиром Путиным. Обрушивают на Россию поток санкций.

Для чего американцы затеяли Майдан? Главная цель — превратить Украину в некий таран, направленный против России, а в Крыму разместить базу ВМС США. Вспомним, что заявила Юлия Тимошенко сразу после государственного переворота: необходимо денонсировать Соглашение о пребывании российского Черноморского флота в Севастополе. Владимир Путин переигрывает лидеров Запада (они там измельчали) и как дипломат, и как шахматист

на той самой мировой шахматной доске, о которой говорил Збигнев Бжежинский. Наряду с искусной дипломатией, Россия показала на Ближнем Востоке такое оружие, которое повергло в шок американских ястребов. Они никак не ожидали такой прыти от России, уступающей США в экономике. Что делать, — рассуждает американская элита, чтобы ослабить Россию, а ещё лучше задушить? — попытаться втянуть её в военный конфликт вблизи её границ, где она не сможет применить ядерное оружие. Но для этого надо, как это делали нацисты в Германии, развернуть неслыханную по своему накалу, пропаганду с одной целью: убедить цивилизованный мир в том, что русские — это плохие парни, они коварные и циничные; от них исходит угроза войны, они лелеют планы захвата Польши, Прибалтики и прочая, прочая. После того, как провалился “Грузинский проект”, интеллектуалы “гнезда Бжежинского” решили осуществить “Украинский проект”. Они ничего не изобрели нового. Старая американская дипломатия — воевать чужими руками, а самим сидеть за океаном и подсчитывать барыши. Заставить русских — на русской же земле! — воевать с русскими! Разве не такую доктрину США провозгласил сенатор Трумэн, будущий президент США, когда Гитлер напал на СССР? “Если мы увидим, что побеждают немцы, то надо помогать русским. А если станут побеждать русские, то помогать немцам. И пусть они как можно больше убивают друг друга!”. Украину, подхватившую от нацистской Германии страшную болезнь пещерного национализма, США решили использовать, чтобы спровоцировать войну между двумя славянскими государствами. Украинские власти взяли на вооружение все атрибуты нацистской Германии: факельные шествия, воспитание молодёжи в духе ненависти к русским, как к “недочеловекам”. В украинских лагерях детям внушают мысль, что русские — это нелюди, а раз так, то их можно убивать без всякой жалости. Это серьёзная опасность, которая нависла над нашей страной. Её никак нельзя недооценивать. СССР в свое время стремился не дать Гитлеру ни единого повода для нападения на СССР, но он, в конечном счете, все же развязал войну против нас. Петр Порошенко, на мой взгляд, видит в военном конфликте с Россией единственный выход, чтобы спасти свой режим.

В этих условиях нам не следует восхищаться собственными успехами и уповать на “политическое землетрясение” в ЕС (“Брекзит”), на серьёзный кризис власти в ведущих странах Запада и “закат англосаксонского мира”. Как раз в этих-то условиях Капитал искал, как показывает опыт истории, выход в войне.

Ваш покорный слуга согласен с академиком Алексеем Арбатовым — нынешняя Украина — это самая серьёзная внешнеполитическая проблема России. На мой взгляд, цели американских ястребов и киевской власти — задушить Россию — совпадают. Для достижения этой цели США применяют тактику “малых шагов”, чтобы усыпить бдительность России. Они же не сразу втащили в НАТО страны Восточной Европы, оказавшиеся бесхозными после роспуска Горбачевым “Варшавского Договора”, а постепенно. Так они действуют и с Украиной. Украина пока не член НАТО. Но американцы могут заключить с Украиной двусторонний Договор о безопасности, как, например с Японией, у которой тоже есть территориальные споры, и тогда... на наших западных границах могут появиться американские ракеты. Нет даже нужды говорить о том, какую угрозу они будут представлять для безопасности нашей страны. Это будет повторение ситуации 1941 года, с той лишь разницей, что на стороне, жаждущей реванша за потерю Крыма профашистской украинской власти будут стоять США и НАТО.

Автор этих строк считает, что мы недооценили важность для нас Украины. Чего стоило назначение послом в Киев аптекаря Зурабова! А американцы — под носом у нас — хозяйничали на Украине, как у себя дома.

Да и сегодня наша дипломатия занимает в украинском вопросе скорее оборонительную позицию, в то время как наши противники действуют нахраписто и нагло. Разумеется, мы можем ответить своими новейшими вооружениями. Но где наша знаменитая русская школа дипломатии, работающая на опережение? Где неожиданные для противника ходы на шахматной доске, которые поставили бы противника в тупик? Хорошо известно, что наступление — это лучшая оборона.

Американцы не хотят сегодня вести с нами переговоры по сокращению вооружений. Они откровенно дают нам понять, что считают Россию слабой

страной, несмотря на успехи нашего военно-промышленного комплекса. Они разговаривают с нами надменно, высокомерно, языком ультиматума! Англосаксы никогда бы не посмели развязать такую мерзкую кампанию русофобии во всем мире в годы, когда был жив Советский Союз, Варшавский договор; когда наши войска стояли в центре Европы; когда на пути восточных походов Европы против России непреодолимым бастионом стояла ГДР. Попробовали бы они предъявить ультиматум Сталину!

После развала СССР американцы решили показать всему миру, что они вновь оказались единственной сверхдержавой в мире и могут действовать без оглядки на остальной мир, на ООН и т. д.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что и в нынешних условиях успех внешней политики и дипломатии зависит в решающей мере от экономической мощи того или иного государства. Миром правит сила! В политике, подчеркивал Юлий Квицинский, “есть сила и пострашней, чем военная. Это экономическая сила, причем, если военную силу можно применять лишь в исключительных случаях, то избыток экономической силы можно применять для достижения политических целей хоть каждый день”. Достаточно было Китаю применить ответные меры в области торговли в отношении США, как Трамп, на форуме 20-ки в Аргентине (30 ноября – 1 декабря 2018 г.), пошел на попятную.

Безусловно мы достигли больших успехов в укреплении оборонного потенциала страны. Но автор этих строк пошел бы против совести, если не высказал бы своего неудовлетворения состоянием дел в экономике. Мне становится не по себе, когда я вижу, как наша власть показывает свое бессилие в попытках остановить безумный рост цен на бензин. Не надо быть шибко грамотным экономистом, чтобы не понять: рост цен на бензин означает рост инфляции и понижение уровня жизни народа. По-прежнему остается глубокий ров между богатыми и бедными.

В связи с кончиной 41-го президента США Дж. Буша в США посыпались комментарии о том, что США победили СССР в ходе холодной войны. Так ли? А мне кажется, поражение потерпели Горбачев, Шеварднадзе и Ельцин, когда они – с поднятыми руками – пошли в лагерь противника, чтобы покаяться за “грехи социализма и коммунизма”. Все они, в конечном счете, подали в отставку, признав поражение своей политики. Под Новый год мне удалось побеседовать со старым немецким другом-политиком. Он мне сказал, что положение сейчас намного опаснее, чем в годы холодной войны, когда был Советский Союз. И это вызывает большое беспокойство у немцев. А ваш покорный слуга высказал ему мысль – в нынешних условиях мир в Европе могут обеспечить русский и немецкий народы, обладающие “большими потенциалами для свершения акций мирового масштаба” (Сталин. Приветствие по случаю образования ГДР в 1949 г.). Подчеркнул, что у нашего народа нет никаких намерений на кого-то нападать. Но опыт истории учит, когда в Европе начинается шабаш по поводу “русской угрозы” – жди нападение на Россию!

И тем не менее, у нас есть основания для оптимизма. Россия набирает силу, становится открытой, демократической, гостеприимной страной. У нас есть всенародный лидер Владимир Путин. Он буквально вытащил страну из волчьей ямы, куда её загнали наши либералы; к штурвалу дипломатии пришли опытные дипломаты, патриоты России.

А любителям новых Восточных походов против России я могу сказать вот что: Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-Парке в Берлине “стоит на постаменте из трофейного гранита – камня, заготовленного по приказу Гитлера для строительства монумента в честь победы над Советским Союзом” (“Свой”, ежемесячное приложение к газете “Культура”, декабрь 2018 год).

СЕРГЕЙ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

доктор исторических наук, профессор

“ПОСЛАНЫ ДЕРЕВЬСКА ЗЕМЛЯ”

Традиции народовластия в истории России в IX–XVII веках

Политическая заострённость проблемы рождения российской государственности и определения точной даты начала Древнерусского государства как-то на второй план отодвинула ещё один вопрос, который уже давно существует в отечественной науке. Этот вопрос связан с возникновением государственности у восточных славян. Ведь понятно, что русы пришли не на пустое место. “Повесть временных лет” свидетельствует, что варягов-русь во главе с легендарным Рюриком из Южной Прибалтики пригласили пять племён, два славянских (кривичи и ильменские словене) и три финно-угорских (чудь, весь и меря), уже объединённых в некое разноэтничное государственное образование с центром в Ладоге. Археологические исследования подтвердили летописное свидетельство и показали, что население Ладоги в древности было, в основном, славянским и финно-угорским, поэтому и было высказано предположение, что до призвания варягов именно Ладогу можно считать межплеменной столицей конфедерации славянских и финно-угорских племён¹.

Для того чтобы понять существо проблемы, необходимо разобраться в специфике собственно славянской истории и возникшего в ходе этой истории политического устройства славянских народов. Важной особенностью славян было то, что у них довольно рано кровнородственная община, в которой живут только родственники по крови, сменилась соседской (территориальной) общиной. Ещё многочисленные византийские авторы не без удивления отмечали специфику славянского общественного устройства, определённую именно соседской общиной. В соседской общине кровное родство не играло главной роли, более того, члены соседской общины могли даже происходить из разных этносов, но пользовались одинаковыми экономическими, политическими и социальными правами. Например, в славянскую соседскую общину, по общему решению жителей, могли принимать выходцев из других племён и народов. Поэтому уже в древности представители иных племён спокойно поселялись среди славян. Даже рабы, захваченные славянами в войнах, со временем имели возможность или уйти, или стать полноправными членами общины. Значимой особенностью славянской общины была общая собственность на землю – земля принадлежала общине, а не отдельной семье.

Существование территориальной общины определило многое в характере славян. Так, освоение новых земель происходило, в основном, мирным путём. Славяне не обкладывали никого данью, не устанавливали своего господства. Более того, занимая чьи-то территории, они соглашались платить дань их властителям (например, византийским императорам на Балканском полуострове).

В немалой степени соседская община повлияла и на восприимчивость славянских народов к внешнему влиянию, спокойному заимствованию чужих традиций и обычаев. В свою очередь, многие народы, жившие по соседству со славянами, постепенно ими ассимилировались: начинали говорить на славянском языке, принимали славянские обычаи. Так, в VI веке славяне в короткое время ассимилировали многочисленные фракийские племена на Балканском полуострове. В VIII–IX веках балканские славяне ассимилировали уже своих завоевателей–болгар (тюркское племя). При этом сами славяне стали именоваться болгарами.

На протяжении веков у славян сложилась собственная социально-политическая организация: отдельные общины объединялись в племена, а племена – в союзы племён. На востоке Европы центрами славянских племенных союзов были города. Территория восточнославянских союзов племён складывалась вокруг городов и обычно называлась “землёй”. Таким образом, ещё до призвания варягов возникли мощные союзы восточнославянских племён, которые занимали огромные территории, превышавшие по площади многие государства Западной Европы, – поляне-русь, древляне, ильменские словене, кривичи, полочане, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, дулебы, бужане, волыняне, тиверцы, уличи (угличи). Впрочем, для решения насущных вопросов, славянские союзы племён могли объединяться с иными народами, неславянского происхождения, как это произошло в Приильменье и Приладожье, где в единый союз объединились два славянских и три финно-угорских племени.

Высшей властью в каждом племенном союзе обладало вече². На вече славяне выбирали себе князей и старейшин, решали вопросы о войне и мире, устанавливали порядки в своих землях. В свою очередь, князья проживали вместе с воинской дружиной в главном городе племенной территории. В обязанность князей входило обеспечение порядка на занимаемой территории, сбор дани, а также защита своего народа от завоевателей. Население городов делилось на десятки, сотни и тысячи. Вершиной городской и племенной вечевой администрации был тысяцкий, также избираемый на вече.

Исследователи именуют социально-политическую организацию славян, построенную на принципе выборности “снизу вверх”, *земской властью*³. Но земская власть не могла простирается на обширные территории, не могла решить проблему объединения необозримых пространств восточнославянских земель. Соединить земли восточнославянских племенных союзов могла только внешняя сила, внешняя власть. Такими объединителями в IX–X веках оказались русы.

В исторической науке до сих пор продолжаются споры о том, кто такие варяги? Кто такие русы? Как соотносятся между собой варяги и русы? Как соотносятся между собой варяги, русы и славяне?⁴ Корни этих споров уходят в самую седую древность. Дело в том, что уже в самых древних исторических источниках излагаются разные версии происхождения варягов и руси, противоречащие друг другу. Уже в XI–XII веках наши предки спорили между собой, и, например, в “Повести временных лет” представлены две версии происхождения русов. Наиболее древняя из них отождествляла русов с племенем полян и выводила их, вместе с другими славянами, с верховьев Дуная, из некоего “Норика”, а легендарными предками народа называла Кия, Щека, Хорива и сестру их Лыбедь. Согласно другой, более поздней версии, русы – это варяжское племя, “призванное” на княжение в северо-западные земли, передавшее затем имя “Русь” Киевской земле при князе Олеге. Ещё одна, третья версия, представлена в “Слове о полку Игореве”, автор которого происхождение русов связывал с Северным Причерноморьем и бассейном реки Дон. Но в одном большинстве и отечественных, и зарубежных письменных источников сходятся: славяне, варяги и русы вплоть до X века были разными народами. Славяне – земледельцы, живущие соседскими общинами, сами выбирающие главу своего племенного союза. Варяги и русы – торговцы и воины, у которых была кровнородственная община со строгой иерархией, подчинением “младших” “старшим”.

В начале XVII века возникла новая версия, создателем которой стал швед П. Петрей, впервые назвавший варягов шведами. В XVIII веке эту версию развили немецкие историки, находившиеся на службе в Петербургской Академии наук, – Г. З. Байер, Г. Миллер, А. Л. Шлецер, – которые считали, что русы и варяги – это норманны (то есть германо-скандинавы), принесшие восточнославянским племенам государственность. Так возникла норманнская

теория происхождения варягов и русов (или – норманизм), существующая до сих пор. Учёным-норманистам сразу же резко возразил М. В. Ломоносов, убеждённый, что варяги и русы, пришедшие к восточным славянам, к тому времени уже сами были славянами и говорили на славянском языке. Так в исторической науке появился антинорманизм. И с тех пор в отечественной и зарубежной исторической литературе идёт постоянная, непрекращающаяся дискуссия.

В ходе этой дискуссии возникают различные концепции взаимоотношений варягов, руси и славян, в том числе и такие, которые стремятся учитывать максимально возможное число известных нам фактов, объяснять большинство существующих противоречий. Согласно одной из таких концепций⁵, разными народами изначально были не только варяги, русы и славяне, но и сами русы, ибо именем “русy” в разных концах Европы назывались племена, имевшие различное этническое происхождение (кельтское, иранское и др.). В результате взаимодействия со славянами в разных регионах Европы (в Южной Прибалтике, в Придунавье, в Приднепровье и др.) отдельные части русов так же, как и некоторая часть варингов-варягов, были ассимилированы славянами, хотя русы и варяги какое-то время ещё сохраняли собственные обычаи и общественные устои. В Восточной Европе по разным источникам известны три вида руси: *варяги-русь, русы-аланы и поляне-русь*.

В соответствии с изложенной концепцией, варяги-русь – это племя, проживавшее в Южной Прибалтике рядом с балтийскими славянами. Ещё здесь варяги-русь перешли на славянский язык, а затем во главе некоторых балтийских славянских племён переселились в район озёр Ильмень и Ладога. Обширнейший археологический, нумизматический, антропологический и лингвистический материал подтверждает самые тесные и широкие связи восточнославянского населения Северо-Запада нынешней России с южно-балтийскими славянами⁶.

Варяги-русь продвигались на восток неслучайно. Дело в том, что варяги-русь, которых в те времена считали властителями Балтийского моря, а само море именовалось Варяжским, стремились контролировать два главных торговых пути Восточной Европы, которые проходили через земли восточных славян. Первый торговый путь, действовавший в VIII–IX веках, мы сегодня называем Волго-Балтийским путём. Он связывал южные провинции Арабского халифата с народами Балтийского побережья и через них – с Западной Европой. Другой торговый путь, который действовал в X–XI веках, ещё в древности получил название пути “из варяг в греки”. По этому пути велась торговля между европейскими и прибалтийскими государствами, восточными славянами, Волжской Булгарией, Византией и Арабским халифатом. Стремясь захватить оба пути, варяги и русы из южных Балтийских земель продвигались всё дальше и дальше на восток, пока не дошли до озёр Ильмень и Ладога. Здесь они и встретились с восточнославянскими племенами, что, как уже говорилось, и положило начало Древнерусскому государству⁷.

После смерти Рюрика на северо-западе устанавливается власть других русов во главе с князем Олегом. Скорее всего, это были русы-аланы, выходцы с Дона, которые после разгрома хазарами Русского каганата на Дону переселились в Прибалтику, в область, известную по источникам под названием Роталия. Русы-аланы объединяются с варягами-русью, уходят на юг, захватывают Киев. Здесь они встретились с ещё одними русами, которые называли себя поляне-русь. Поляне-русь своей прародиной считали провинцию Норик в верховьях Дуная и в X веке уже осознавали себя славянами, хотя продолжали придерживаться неславянских обычаев. В частности, летопись свидетельствует, что у полян были неславянские похоронный и свадебный обряды, а также моногамная семья (у славян было многоженство)⁸.

По летописному преданию, именно Олег объединяет под своей властью северо-западные и южные славянские земли, объявляет подвластными ему территории единой Русской землей, а Киев – столицей своего государства. От русов, которые у славян стали князьями, славянские земли и прозвались Русской землёю или Русью. После князя Олега в первой половине X века на Киевском столе сидел сначала князь Игорь (ум. в 945 г.), а после его гибели – его вдова княгиня Ольга (ум. в 969 г.). Правда, княгиня Ольга была правительницей государства лишь до того времени, пока не достиг совершеннолетия их с Игорем сын Святослав Игоревич (ум. в 972 г.).

В позднейшей традиции все представители русской правящей династии, начиная с князя Игоря и вплоть до конца XVI века, будут считаться потомками князя Рюрика. Однако, как показывают современные исследования, Игорь, скорее всего, не был сыном Рюрика, и летописцы связали их узами кровного родства искусственно, чтобы создать впечатление преемственности власти⁹. Более того, Игорь, как и Олег, скорее всего, происходил вообще из другого, нежели Рюрик, племени русов-аланов. Сама легенда о призвании варягов стала известна в Киеве на рубеже XI–XII веков, а до того киевские князья ничего не знали о легендарном предке по имени Рюрик. Этого имени не было в княжеском именовании X–XI веков, и только в конце XI века Рюриком назовут одного из новорождённых правнуков Владимира Мономаха, то есть именно тогда, когда киевский княжеский род примет версию своего происхождения от легендарного Рюрика¹⁰.

* * *

Как строилось Древнерусское государство? На основе различных источников и литературы можно реконструировать принципы, на которых функционировало Древнерусское государство, то есть предложить некоторую интерпретацию общественно-политической реальности X века.

Скорее всего, именно при Олеге русы разного этнического происхождения объединились в “род русский”¹¹, и с этого времени “род русский” занял господствующее положение в Древнерусском государстве. И сразу же на первый план вышли *этнополитические противоречия*, ведь славянские племена и представители “рода русского” придерживались разных традиций организации общества и власти. Стоит напомнить, что принципы общественной организации народов с кровнородственной общиной (а у русов разного происхождения была именно кровнородственная община) заметно отличаются от принципов организации общества у народов, где господствует соседская (территориальная) община. Так, в племени, состоящем из кровнородственных общин, существовала строгая иерархия родов – от правящих до совсем незнатных. Даже самый талантливый выходец из незнатного рода не мог стать во главе племени. Чужеземцы в такую общину попадали только в качестве рабов и не имели возможности освободиться или как-то изменить свой статус. Примечательно, что у племён с кровнородственной общиной обязательно присутствует своеобразный культ генеалогии – память о предках как племени, так и отдельного рода. Иногда имена предков помнились на протяжении десяти-двенадцати поколений, а в легендарных преданиях эти имена хранились столетиями.

Думается, “род русский” привнёс в общественно-политическую жизнь славянских племён иерархический принцип управления “сверху вниз”, основанный на традициях кровнородственной общины. Причём воинственные русы сразу же стали насаждать свои принципы общественного устройства силой. К примеру, нам неизвестно, чтобы восточнославянские союзы племён воевали друг с другом. Зато князья из “рода русского” – Олег, Игорь, – едва укрепились в Киеве, как сразу же начали военные действия против древлян, северян, радимичей, уличей и тиверцев, чтобы обложить их данью.

Впрочем, князьям из “рода русского” пришлось приспособиться к устоявшимся у русов принципам общественно-политического устройства к славянским традициям общественного управления, где главную роль играло вече. Поэтому поначалу Древнерусское государство представляло собой довольно-таки рыхлое объединение различных славянских земель-княжений, общим главой которых считался киевский князь, выходец из “рода русского”. При этом каждая славянская земля-княжение объединяла территории (или земли) нескольких славянских племён, во главе таких земель стояли свои, местные князья, избираемые на вече (свои князья были у древлян, кривичей, радимичей и др.). В свою очередь, киевский князь, помимо того, что считался главой всей Киевской Руси, владел и собственным княжеством, а именно территорией племени полян-руси с центром в Киеве.

Между киевским князем и славянскими землями-княжениями существовал своеобразный устный договор. Киевский князь имел право собирать дань в славянских землях (“полюдь”), возглавлял общие воинские походы

в чужие края и был обязан обеспечивать защиту подвластных ему земель. Местные князья, со своей стороны, должны были обеспечить сбор дани и участие племенных ополчений в общих воинских походах.

Власть киевского князя из “рода русского” была сильно ограничена. Внутри самого “рода русского” большое влияние на князя оказывали знать и воинская дружина: именно по совету со знатью и дружинниками киевские князья принимали самые важные решения. Однако полного единства в “роде русском” не существовало. Так, договор руси с греками, заключённый после похода Игоря на Византию, свидетельствует, что каждая знатная русская семья имела собственную долю в общерусских доходах. Более того, даже ближайшие родственники киевского князя (жена Ольга, сын Святослав, племянник Игорь) были представлены на переговорах с греками собственными послами и получали свою долю дохода, то есть киевский князь не распоряжался и в собственной семье¹². Из этого следует, что князь Игорь лично не мог представлять интересов не только всей Русской земли, но и всего “рода русского”, а являлся главой своеобразного княжеского и боярского союза.

Известно также, что наиболее знатные русы имели собственную дружину, сохраняли право собирать полюдь на отведённых им территориях и оказывали самое серьёзное влияние на жизнь русского общества. В частности, именно такой влиятельнейшей персоной в середине X века выступает воевода Свенельд, чья дружина была мощнее княжеской, а дружинники богаче, чем воины Игоря. Именно Свенельд стоял у истоков некоторых конфликтов в княжеской семье¹³.

Ещё сложнее были взаимоотношения киевских князей со славянскими землями-княжениями. Славянские племена соглашались платить дань “роду русскому”, защищавшему их от внешнего врага, однако идти в полное подчинение киевским князьям не хотели, а если и шли, то с большим трудом и только по какой-то крайней необходимости. Более того, опираясь на свои вечевые традиции, славянские земли-княжения периодически выходили из-под власти киевских князей. Так, после смерти князя Олега от Киева отделились древляне, и Игорю пришлось их завоевывать заново. А вятичи вообще долгое время не входили в состав Киевской Руси, оставаясь независимыми. Таким образом, власть киевских князей из “рода русского” в X веке была ограничена не только собственной воинской дружиной, но и славянским земским самоуправлением.

Трудности совмещения двух общественно-политических укладов демонстрируют события 945 года¹⁴, под которым “Повесть временных лет” помещает рассказ о разыгравшейся войне между древлянами и киевскими русами. Началось всё с того, что именно дружинники Игоря потребовали от князя пойти за данью на древлян. При этом дружинники указывали на воеводу Игоря Свенельда, который смог обеспечить богатое содержание собственной дружины, а вот Игоревы дружинники пребывают в бедности. Послушавшись дружинников, Игорь отправляется к древлянам и силой берёт с них двойную дань. Однако этого Игорю показалось мало, и он с небольшим отрядом вернулся к древлянам за новой данью. Возмущённые древляне убили Игоря и его “малую дружину”.

Этот рассказ показывает, с одной стороны, специфику отношений внутри “рода русского” (зависимость киевского князя от дружины и знати), а с другой стороны, характеризует отношения между киевским князем и подчинёнными ему славянскими племенами, в данном случае, с древлянами. Как можно заметить, отношения эти ограничивались сбором “полюдь”. Но славяне сохраняли за собой право на вооружённое сопротивление, если размеры дани превышали разумные пределы. Важен ещё один момент: единство Киевского государства обеспечивает только личность князя. Поэтому, убив Игоря, древляне решили, что теперь они свободны от обязательств перед Киевской династией. Более того, древляне стали претендовать на Киевский стол: они потребовали, чтобы княгиня Ольга вышла замуж за древлянского князя Мала.

В данном случае “Повесть временных лет” свидетельствует, что **субъектом политического действия у древлян выступает именно вече**: инициативу взять княгиню Ольгу замуж за князя Мала проявляет вовсе не сам князь, а древлянское вече, иначе говоря, это решение всего племенного союза: «Ркоша же деревляне: “Се князя русаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хоцемъ”». Именно

древлянское вече отправляет в Киев послов, а послы подчёркивают в разговоре с Ольгой собственный статус представителей всего племенного союза: «И ркоша деревляни: “Посла ны Деревьская земля”». В этом же разговоре послы, сравнивая древлянских князей и князя Игоря, который вёл себя, “яко волкъ”, занимаясь грабежом собственных подданных, раскрывают суть славянского идеала правителя: древлянские князья *берегут и спасают родную землю* (“наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю”)¹⁵. Следовательно, в славянских землях-княжениях сохраняются и собственные князья, и собственное самоуправление – все главные вопросы решаются на вече, которое избирает и князей, и других “лучших людей”. Но характерно, что конфликт с русами древляне, в соответствии со славянскими традициями, попытались разрешить мирным путём – послали к Ольге своих послов.

Дальнейшее хорошо известно по “Повести временных лет”: Ольга несколько раз жестоко отомстила древлянам. Столь жёсткое поведение Ольги показывает методы разрешения конфликтов, характерные для русов: они придерживались правила “кровной мести”, причём мстили быстро и жестоко, в корне подавляя любое возможное сопротивление. Даже эти разные способы разрешения конфликтов у славян и “рода русского” свидетельствуют, что у русов и славян сохранялись различные традиции, имеющие истоком разное этническое происхождение и разные формы организации общества.

Правда, мудрая княгиня Ольга извлекла урок из смерти мужа. Поэтому сразу же провела налоговую реформу, впервые упорядочив сбор дани в своём государстве. Вместо того чтобы выезжать на полюдье, Ольга организовала пункты для сбора дани – погосты, на которые окрестные жители свозили дань. Кроме того, княгиня Ольга установила “уроки” – порядок сбора дани и её размеры. А это означало, что киевские князья не могли собирать дань больше установленных размеров. И, как сообщает летопись, славянские племена, увидев мудрое и справедливое решение княгини Ольги, более не противились киевской правительнице.

Но киевские князья иногда сами способствовали разделению собственных владений. Так, в 970 году, перед походом в Дунайскую Болгарию, Святослав разделил всю Русскую землю между сыновьями: Ярополку достался Киев, Олегу – Древлянская земля, а Владимиру – Новгород. Это разделение княжества на уделы проводилось явно по *этногосударственному принципу* – по границам уже существовавших племенных союзов полян-руси, древлян и ильменских словен. Как видно из самого факта разделения, эти племенные союзы сохраняли определённую самостоятельность и во времена правления Святослава. И после 970 года на месте относительно единого государства фактически возникли три княжества во главе с тремя сыновьями Святослава.

Но всё же, несмотря на существовавшие этнополитические противоречия, в X веке русы довольно быстро ассимилировались славянами и, как следствие, утрачивали свои традиции, всё больше и больше принимая славянские правила общественного устройства. Так, если у князя Игоря была только одна жена, то Святослав Игоревич и Владимир Святославич уже имели по несколько жен. Если поначалу русские князья носили неславянские имена (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга), то, начиная с князя Святослава Игоревича, имена киевских князей становятся славянскими. Происходит ассимиляция и других русов, о чём наглядно повествуют договоры руси с греками. К примеру, в договоре князя Олега (911 или 912 года) речь идёт только о русах и ни словом не упоминаются славянские вожди. Причём сами русы предстают разноэтничным конгломератом, о чём свидетельствуют имена послов “от рода русского”: *Веремуд (Вельмуд), Фарлоф, Рулав, Стемид, Фрелав, Актеву, Гуды, Труар и др.* Эти имена в большинстве своём могут быть объяснены, главным образом, из кельтских, иллирийских, иранских, фризских и финских языков. Но характерно, что этот договор (как, впрочем, и более поздний договор Игоря) записан по-славянски, что говорит о славяноязычии княжеских дружин Олега и Игоря. Интересно также, что у русов преобладают кровнородственные отношения – наследство без завещания передаётся только ближайшим младшим родственникам, а основные занятия русов – воинское дело и торговля. При этом русы вели активную работорговлю и имели личных рабов – “челядинов”, что не характерно для славян. И ещё одна особенность: все русы в договоре Олега – язычники (клянутся своим оружием, именами Перуна

и Велеса). Они так и противопоставляются грекам, как “русские” — “христианам”¹⁶. В договоре князя Игоря (944 года) среди имён послов от Киевской Руси, заключавших договор с греками, помимо кельтских, фракийских, иранских, эстонских имён, появляются и славянские имена — *Воико, Володислав, Предслава, Синко*. Этот факт может свидетельствовать о двух параллельных процессах. С одной стороны, продолжалась славянизация дружинников из “рода русского” (кстати, русские послы даже именуется на славянский манер, когда к их именам приставляются имена их сюзеренов со славянскими окончаниями “-ов” или “-ин”: *Либиарь Фастов, Мутор Утин, Каницарь Предславин* и др). С другой стороны, сами славяне появляются в составе правящей элиты Древнерусского государства. И ещё одно новое явление, которое зафиксировал этот договор, — *среди русов появились христиане*. Причём летописец подчёркивает: “Мнози бо беша варязи хрестьяне” (“Много было христиан среди варягов”). При этом в составе русов оставалось и много язычников. Впрочем, против греков и русы-христиане, и русы-язычники выступали совместно, и никаких противоречий на религиозной почве внутри “рода русского” не было. Единственное различие — русы-христиане приносили клятву именем христианского Бога, а русы-язычники клялись своим богом Перуном и своим же оружием¹⁷. Как видно, постепенно *этнополитические противоречия между славянами и “родом русским” сошли на нет*, русы окончательно стали считать себя славянами, но подарили славянам своё имя — русские.

На “притирку” различных принципов организации власти у племён, населяющих Киевскую Русь, потребовалось почти полтора столетия — с конца IX до начала XI века. А первые реальные попытки упорядочить государственные отношения и ввести некие единые правила государственного устройства были предприняты лишь в конце X века князем *Владимиром Святославичем* (правил в 978–1015 годах).

Уже в самом начале своего правления Владимир безжалостно уничтожил всех возможных конкурентов, в том числе и собственного брата Ярополка. Но особый исследовательский интерес представляет летописный сюжет, рассказывающий о взятии Владимиром в 978 году Полоцка — племенного центра кривичей. Здесь, в Полоцке, Владимир взял в жены Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогволода. В этом случае интересно сообщение именно о Рогволоде. “Повесть временных лет” свидетельствует: “Бе бо Рогволодь перешель изъ заморья, имяше волость свою Полотьскъ, а Турь Турове, от него же и туровци прозвашася”¹⁸. Следовательно, в Полоцке и, возможно, в Турове в этот период существовали собственные княжеские династии, не имеющие отношения к династии киевских князей и не подчиняющиеся Киеву. Имя князя — Рогволод — это, может быть, славянизированное имя-титул, в котором слышится: “владеющий рогами” (впрочем, здесь заметен и кельтический элемент “олд” — “великий”). Поэтому можно предположить, что династия Рогволода пришла в Полоцк из земель каких-то прибалтийских ругов-русов.

Интересно, что сообщение “Повести временных лет” в данном случае перекликается с преданием, записанным в Туровской земле. Согласно этому преданию, название одного из городищ Туровской земли, так называемого “Давыд-городка”, связано с неким ятвяжским князем Давыдом, основавшим и Туров. Иначе говоря, туровское предание тоже сообщает о существовании отдельной династии, пришедшей из Прибалтики (ятвяги — это балтское племя). А в устюжской летописной традиции, независимой от киевской, Рогволод и Туры считались братьями. Устюжская летопись приводит ещё одно свидетельство о переговорах между Рогволодом и Владимиром: “Бе бо Рогволод посла брата своего Тарайша ко Владимиру”. В имени “Тарайша” нетрудно увидеть искажение имени всё того же Туры¹⁹. Таким образом, покончив с Рогволодом, Владимир фактически уничтожил единственную на тот момент княжескую династию, которая так или иначе могла составить конкуренцию ему и его будущим потомкам борьбе за власть в Русской земле.

Став единоличным правителем, Владимир Святославич сумел усилить собственную княжескую власть. Так, он изъял управление славянскими землями-княжениями из рук местных князей и передал его своим “посадникам” (то есть наместникам, которых “посадил” в славянских землях) — это были сыновья Владимира или его наиболее доверенные лица. Большое значение для укрепления власти киевского князя имела религиозная реформа. Поначалу Владимир попытался установить единый языческий культ во главе с богом

Перуном, но из этого ничего не получилось. Тогда в конце X века Владимир Святославич ввёл на Руси как государственную религию христианство, и Древнерусское государство стало христианской державой. Учреждение христианства сыграло значительную роль в окончательном преодолении этнополитических противоречий в Киевской Руси.

“Повесть временных лет” рассказывает о принципах управления государством при Владимире Святославиче в конце X века²⁰. О внутри- и внешнеполитических делах князь советовался со своей дружиной, с боярами, с христианскими епископами, а также с представителями земского самоуправления, киевского вече – “старцами градскими”, “десятскими” и “сотскими”. Таким образом, в Киевской Руси произошло слияние различных общественно-политических традиций: властная иерархия русских князей сочеталась с древними славянскими вечевыми обычаями.

* * *

Мощные традиции земского самоуправления стали одной из причин того, что, несмотря на усиление власти князя Владимира Святославича в конце X века, каждая земля в составе Древнерусского государства на протяжении XI–XIII веков продолжала жить своей жизнью. Направлявшиеся по славянским землям сыновья Владимира либо входили в противоречие с местным самоуправлением, либо, пытаясь опереться на него и взаимодействовать с ним, вступали в конфликты с Киевом и княжившим там отцом (наиболее яркие примеры: конфликты с Владимиром его сыновей Святополка и Ярослава). В итоге, после смерти Владимира Древнерусское государство вновь распалось, а его сыновья схлестнулись в жестокой борьбе за отцовское наследство. Победителем в этой войне вышел князь Ярослав Владимирович (ум. 1054 году), в годы правления которого единство Древнерусского государства опять укрепилось. Однако через некоторое время после его кончины, во второй половине XI века уже сыновья Ярослава, а затем его многочисленные внуки и племянники сошлись в усобицах, и в 30-е годы XII века некогда единое Древнерусское государство окончательно распалось. Начался период, который принято называть “удельным”, или периодом “политической раздробленности”.

Одна из причин политической раздробленности лежит на поверхности – *династические противоречия между князьями из рода Рюриковичей, их борьба за Киевский стол и за свои отчины*. С начала XII века эту борьбу вели две основные княжеские группировки – *Мономаховичи* (потомки киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха) и *Ольговичи* (потомки черниговского князя Олега Святославича). Впрочем, некоторые князья из рода Мономаховичей враждовали между собой и потому заключали союзы с Ольговичами в борьбе против родных и двоюродных братьев, дядьёв и даже собственных сыновей или отцов. Самый яркий тому пример – многолетняя война между сыном Владимира Мономаха Суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким и его племянником, Киевским князем Изяславом Мстиславичем, сыном Мстислава Владимировича Великого. Помимо личного соперничества, в данном случае столкнулись два разных понимания, две разные модели принципа наследования уже в роду Мономаховичей. Так, Юрий Долгорукий был старшим среди потомков Мономаха и потому претендовал на Киевский стол *по праву старейшества*. В свою очередь, Изяслав Мстиславич, опираясь на принцип “каждый держит отчиной свою”, считал Киев своей *отчиной* (стольным городом владел его дед, потом отец – Мстислав Владимирович) и стремился закрепить права на Киев в роду потомков лишь одной ветви Мономаховичей – Мстиславичей. Надо сказать, что Мстиславичам так и не удалось воплотить в жизнь свою мечту: большинство князей продолжали воспринимать Киев общим владением Рюриковичей, а некоторые (например, Андрей Юрьевич Боголюбский) вообще перестали считать Киев общерусской столицей, стремясь поднять значение собственных княжеских центров.

В целом, вражда князей-родственников в XI–XIII веках – одна из драматических страниц отечественной истории. Здесь, помимо политических и иных противоречий, мы встречаемся с серьёзным противоречием нравственного характера: русские князья, исповедовавшие христианскую веру, казалось, должны были стремиться стать воплощением христианского смирения

и терпения, но они, наоборот, вели непримиримые и жестокие войны за власть. Причиной тому были не только внешние, но и внутренние, нравственные обстоятельства – большинство русских князей, поддавшись искусу властолюбия и гордыни, забыли о христианских нравственных заповедях. Лишь немногие из русских князей сумели преодолеть собственную страстную натуру и показать пример истинного христианского поведения.

Ещё одна причина распада относительно единого Древнерусского государства лежит глубже и заключается в *росте экономического и политического могущества городов как центров славянских земель-княжеств*²¹. Как известно, сформировавшееся на базе восточнославянских племён Древнерусское государство было цивилизацией преимущественно городской. Известно, что в X веке в летописях упоминается 24 города, в XI веке – 88 городов. В XII столетии на Руси было построено 119 новых городов, а за первую треть XII века – ещё 32 города. В целом же, к XIII века на Руси было уже более 300 городов и ещё большее число укрепленных поселений. А археологические раскопки свидетельствуют: до ордынского ига на Руси было до полутора тысяч городов и городищ²². При этом значительная часть древнерусских городов была коллективной собственностью городских жителей (“города-корпорации”), которые самостоятельно принимали политические решения на вече, то есть городских собраниях. Уже в XII веке города как корпорации их жителей заявляли свои права как правящим в них князьям, так и друг другу. Городское самоуправление, по сути, возвысилось над княжескими притязаниями, и воля горожан нередко преобладала над династическими претензиями князей. Поэтому между собой начинают конфликтовать не только князья, но и “земли”, нередко совсем не считаясь собственно с княжескими династическими притязаниями.

И третья причина распада Древнерусского государства – *противоречия между князьями и структурами земского самоуправления*. Утратив этническую окраску, противоречия между правящим родом и земским самоуправлением сохранялись. Практически во всех городах “земская власть” проявляет волю в выборе себе князей, поэтому летописи наполнены рассказами о том, как горожане из разных русских земель (киевляне, новгородцы, галичане и др.) постоянно то приглашали, то изгоняли князей, поддерживали то одного, то другого князя, а нанятые той или иной “землёй” князья обязываются защищать и обеспечивать интересы этой “земли”. Именно городские вече как выразители воли городских общин становятся важными участниками всех политических процессов: на вече выбирались, принимались или изгонялись князья, избирались старейшины и “лучшие люди” (“десятские” и “сотские”) как предстатели и управители городскими общинами.

Источники неоднократно упоминают о том, как князья выстраивали отношения с местными городскими общинами, в том числе и о конфликтах жителей разных городов и земель с князьями. Позднее, на протяжении всего времени существования Древней Руси в X–XIII веках вече действовали во всех городах Руси, постоянно взаимодействуя с княжеской властью, которая оказывалась ограниченной как волей горожан, выражаемой на вече, так и волей местной знати – боярства. Так возникли **три главные политические силы** Древнерусского государства: *княжеская власть, боярство и вече как орган земского (городского) самоуправления* (четвёртой, общерусской, политической силой была Церковь). Борьба городских вече за самостоятельность своих городов и земель была одной из причин наступившей в начале XII века политической раздробленности русских земель.

Различные условия существования разных русских земель определили разнообразные формы взаимодействия всех этих трёх ветвей власти. В южных регионах, где было много богатых крупных городов с сильными городскими общинами (Киев, Переяслав, Чернигов и др.), вече играли заметную роль, однако постоянные войны с соседями-кочевниками заставляли вече мириться с достаточно сильной княжеской властью, осуществлявшей функцию защиты этих земель. Источники неоднократно упоминают о том, как князья выстраивали отношения с местными городскими общинами, в том числе и о конфликтах жителей разных городов и земель с князьями. Обычно под жителями городов летописцы подразумевали как раз городское или племенное вече. Например, киевское вече в “Повести временных лет” фигурирует под собирательным именем “кыяне”, “кияне” (то есть киевляне). Киевские князья довольно часто обращались за поддержкой киевского самоуправления. С “кыянами” советуется

княгиня Ольга в 945 году во время конфликта с древлянами. Но случались и конфликтные ситуации: в 968 году, когда Киев осадили печенеги, “кияне” направили князю Святославу, в то время воевавшему с Византийской империей, резкое требование вернуться в Киев и защищать свою землю: “Ты, княже, чужей земли ищешь и блюдешь, а своя ся лишивъ... Аще ти не жаль отчины своя?...” (“Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою потеряешь... Неужели не жаль тебе своей отчины?..”). Киевляне как субъект общинного самоуправления появляются в летописи и позднее, в XI–XII веках. Именно киевское вече поддержало вокняжение Святополка в 1015 году. В 1068 году киевляне сами выпустили из темницы и возвели на престол Всеслава Полоцкого (даже не киевского князя!), а потом, когда Всеслав сбежал в родной Полоцк, вновь позвали князя Изяслава Ярославича. В 1113 году киевское вече призвало на княжение в Киев Владимира Мономаха²³. Заметную, а часто и решающую роль киевское вече играло во времена политической раздробленности, призывая или изгоняя князей, а в 1147 году возмущённые киевляне, стремясь поддержать князя Изяслава Мстиславича, даже убили одного из его соперников князя Игоря Ольговича, хотя братья Изяслава пытались спасти несчастного Игоря, к тому же принявшего уже монашеский постриг²⁴.

На северо-западе, в Новгороде Великом и Пскове, где не было серьёзной внешнеполитической опасности, наоборот, наоборот, намного сильнее княжеской оказалась власть вече и местного боярства. На славянских принципах сложилась и властная иерархия Северо-Западной Руси. Причём в научной литературе неоднократно отмечались факты близости общественно-политической системы Северо-Западной Руси со славянским Южным берегом Балтики. Центральное место в этой системе принадлежало общегородскому вече, основу которого составляли, в свою очередь, “кончанские” вече, то есть вече разных концов города. Необходимо отметить, что в этом случае перед нами выстраивание чисто славянской системы управления по принципу “снизу вверх” (выборность всех органов управления). А. Г. Кузьмин отмечает, что именно эта система победила по всему Волго-Балтийскому пути, хотя на этом пути были представители и других народов, и иных систем²⁵. И что удивительно: по всему Волго-Балтийскому пути не видно зримых следов межэтнических конфликтов, а ассимиляция местного населения проходила в течение жизни нескольких поколений.

На славянских принципах сложилась и властная иерархия Северо-Западной Руси. Но это была иерархия не личностей, а территориальных общин. Так, Псков считался “пригородом” Новгорода (хотя фактически был самостоятелен). Кстати, мощные и глубокие традиции славянского самоуправления, вполне возможно, стали одной из причин, по которой в конце IX века князю Олегу пришлось уйти из Новгорода. По “Повести временных лет”, Олег получил власть в Новгороде в 879 году, а уже через три года, в 882-м отправился в Киев, который и объявил столицей своего государства. Видимо, “род русский” не смог закрепиться в северо-западных славянских землях и навязать населению этих земель свои традиции управления. И, как известно, единоличная княжеская власть в Новгороде так и не утвердилось.

На северо-востоке (Владимир, Суздаль, Ростов) княжеская власть обладала большей свободой и силой, но по той причине, что большинство городов в этой лесной, малоосвоенной части Руси были основаны князьями или боярами, городские общины довольно долго зависели от княжеской или боярской милости. Впрочем, городские общины “старейших” Суздали и Ростова на северо-востоке тоже предъявляли свои претензии “молодшим” владимирцам в том, что те не по праву “задирают нос”. Наконец, в юго-западных землях (Галич, Волынь) особенно сильным было местное боярство, и здесь вече выступало союзником княжеской власти в борьбе с боярством. Иначе говоря, механизмы вечевого власти были очень разнообразны и не похожи друг на друга.

К сожалению, мы не знаем всех особенностей вечевого устройства русских городских общин X–XIII веков – слишком мало источников сохранилось. Кроме того, права и обязанности городских вече не были зафиксированы в письменных памятниках, и, скорее всего, вече действовали на основе обычного права. Даже для обозначения вечевого органов самоуправления в летописях и других документах используются самые общие термины: в древности – это названия союзов племён (например, “древляне”), позже – именование жителей городов. И даже наиболее известное сегодня нам новгородское вече –

это ещё огромная загадка. Мы не можем сказать ничего определённого о социальном составе новгородского вече (все ли жители участвовали или выборные лица от районов, или только бояре?). Нет у нас точных знаний о взаимоотношениях вече и боярства. Мы даже не знаем точно, где могло собираться вече в Новгороде Великом. Нам далеко не полно известны механизмы принятия решений на вече.

Несомненно одно: народовластные черты были присущи русскому народу испокон веков; соответственно, идеи народовластия прочно вошли в русское сознание и воспринимались как естественное право всех единым целым принимать одинаково обязательные для всех решения. При этом существовала возможность выразить своё мнение, и, хотя оно не всегда могло повлиять на окончательное решение, наказуемо не было. Князь же выступал гарантом этих решений и судьёй по спорным вопросам.

Русские князья на протяжении X–XIII веков постоянно взаимодействовали с городскими вече: боролись с ним, сотрудничали, напрямую зависели от него. Первый, кому удалось преодолеть силу вечевого устройства, – князь *Андрей Юрьевич Боголюбский* (XII век), но для этого ему пришлось перенести центр своего княжества из “старейшей” Суздали в “молодший” Владимир, где вечевые традиции были самыми слабыми на северо-востоке Руси. В результате к концу жизни Андрей Боголюбский стал обладать столь значительной полнотой власти, что его уже именовали “великим князем” и даже “царём”²⁶. Столь же значительных результатов в укреплении собственной власти несколько позже достиг в Юго-Западной Руси князь *Роман Мстиславич* (1155–1205), недаром его единственного из всех древнерусских правителей впервые стали именовать “самодержцем”²⁷.

* * *

Во второй половине XIII – начале XIV века, то есть в годы ордынского владычества, во многих русских городах произошло постепенное затухание *традиционной вечевой (земской) системы самоуправления, особенно на северо-востоке Руси*: ордынские ханы не хотели иметь дела со своевольными горожанами, им было достаточно княжеской покорности. Нужно отметить, что во второй половине XIII века именно городские структуры самоуправления выступали главными инициаторами борьбы с монгольским насилием, больше того, городские вече заставляли и князей подниматься на борьбу с врагом, даже если сами князья не хотели этого делать или же понимали всю бессмысленность вооружённого сопротивления Орде. Об этом ярко свидетельствуют городские восстания, произошедшие в 1257 и 1259 годах в Новгороде, в 1262 году в Суздале, Владимире, Ростове и Ярославле и в 1289 году – опять в Ростове. Во всех этих случаях горожане, привыкшие к традиционной вольной жизни и не желающие выплачивать непомерную ордынскую дань, выгоняли монгольских баскаков из городов и требовали восстановления традиционных отношений с властью, когда власть уважительно относится к своим подданным и к мнению городского самоуправления²⁸. Но монголы не собирались соблюдать русские вечевые традиции. Русские князья это понимали, поэтому сами подавляли сопротивление горожан, во-первых, чтобы не допустить новых грабительских набегов ордынцев, и, во-вторых, чтобы усилить собственную власть. В итоге борьба горожан северо-восточной Руси за свои права постепенно сходит на нет, и летописи более не сообщают о каких-то городских выступлениях против ордынского насилия вплоть до 1328 года, когда произошло восстание в Твери.

Со второй половины XIV века вся деятельность московских великих князей, ставших политическими лидерами русского Северо-Востока, была подчинена двум задачам: освобождению от “ордынского плена” и объединению русских земель под своей властью. Для этого требовалась максимальная концентрация материальных, духовных, людских и властных ресурсов. Одним из следствий этого стало заметное усиление власти московских государей, что привело к постепенному формированию так называемого “самодержавия” как специфической формы политического устройства Русского государства. К примеру, в самой Москве ещё в 70-е годы XIV века, судя по всему, было покончено со структурами традиционного земского самоуправления: в 1374 году

умер последний московский тысяцкий В. В. Вельяминов, и в источниках более не встречается упоминание этой должности в Москве²⁹.

Однако московские государи вполне мирно сотрудничали с земским самоуправлением в других городах, особенно в тех случаях, когда это было выгодно для укрепления общего политического курса на “собрание земель”. Так, в 1483–1486 годах в псковских землях разразилась “смердья брань” – восстание сельских жителей против псковского боярства. Примечательно была в этом случае политика московского князя: Иван III Васильевич поддержал смердов против “Господина Пскова” и заставил правителей города принять требования смердов. В тот раз Псков сохранил политическую самостоятельность, но влияние Москвы в псковских землях заметно возросло. А. Г. Кузьмин, обративший внимание на этот эпизод, заключает: “Принципиальное значение позиция Москвы имела и для понимания способов укрепления единства земли, и условий возникновения наивного крестьянского монархизма – веры, что высшая справедливость воплощается в личности государя”³⁰.

Впрочем, в иных случаях московские государи не боялись идти на открытый конфликт, как это произошло в отношениях Московского великого княжества и Великого Новгорода. Дело в том, что московско-новгородский конфликт, разразившийся во второй половине XV века, помимо прочих составляющих, был открытым конфликтом двух моделей государственно-политического устройства: формирующегося самодержавия и традиционного вечевого строя.

Нужно иметь в виду, что вечевые структуры в Великом Новгороде, активно развиваясь в XII–XV веках, ко второй половине XV века достигли, наверное, своего “потолка”. Как свидетельствуют источники, новгородцы, в полном соответствии с традиционным славянским стремлением удовлетворять интересы максимального числа участников политических процессов, значительно умножили число органов и представителей земского самоуправления, заметно сократив при этом полномочия приглашаемых в Новгород князей³¹. Уже к концу XIII века новгородцы заметно развили традиционную для вечевого строя систему “сдержек и противовесов”: во-первых, были ограничены судебные функции князя, но создавался отдельный “торговый суд” тысяцкого как главы купеческого и ремесленного населения и отдельный епископский суд; во-вторых, для ограничения власти архиепископа как главы Новгородской епархии была учреждена должность архимандрита, которому передавалось руководство новгородскими монастырями; в-третьих, должности посадника, тысяцкого и архимандрита стали выборными.

В 1350 году последовала новая реформа, которая должна была предотвратить борьбу различных боярских родов и новгородских “концов” (городских районов): стали выбирать шесть посадников, от каждого “конца” по одному, а от Неревского, самого большого, – двух посадников. Из этих шести ежегодно избирался один главный посадник – степенной. В конце 1420-х годов вновь последовало реформирование вечевых структур города: от пяти “концов” стали выбираться 18 посадников, 5 тысяцких и 5 игуменов (игумены подчинялись ещё и архимандриту). Около 1424 года выбирались уже 24 посадника, а в 1463 году стало 36 посадников и 7 тысяцких. Таким образом, как отмечает В. Л. Янин, “практически каждая боярская семья Новгорода оказалась причастной к власти”, при этом “представители этих семейств не только могли быть избранными на должность посадника или тысяцкого, но практически владели этими должностями”³². Новгородская система “сдержек и противовесов”, с одной стороны, неимоверно усложнилась, а с другой стороны, привела к тому, что доверие новгородцев к боярской власти оказалось существенно подорвано, недаром под 1446 годом новгородский летописец записал: “Не стало в Новгороде правды и справедливого суда”³³. Фактически ко второй половине XV века соперничающие боярские группировки “рвали” город в разные стороны: одни – к Литве, другие – к Москве, а традиционное новгородское вечевое самоуправление оказалось в серьёзнейшем кризисе. В итоге именно этот фактор стал решающим в победе Москвы над Новгородом и в победе формирующегося московского самодержавия над новгородским вечевым строем.

Но здесь исследователи встречаются с одним парадоксом. Обычно московское самодержавие XV–XVI веков трактуется как неограниченная и деспотическая форма правления, однако в организации внутривнутриполитической жизни русского общества самодержавие оказывается не таким уж “деспотичным”

и “тираническим”. Ведь именно московское самодержавие в XV–XVI веках выступало инициатором развития различных народовластных традиций. Современные исследователи подчёркивают, что русское общество XV–XVI веков представляло собой “множество самоуправляющихся (в разной степени) групп местного населения”³⁴. Московские государи, которым необходимо было создать новую систему управления своей державой, прекрасно понимали значение институтов земского самоуправления в становлении молодого тогда Российского государства. По мнению А. Г. Кузьмина, “одной из специфических особенностей заново складывавшейся системы было сближение великокняжеской власти с “Землёй”, причём “это наглядно проявилось в “брани о смердах” на Псковщине в 80-е годы XV столетия, когда в конфликте боярства города с крестьянскими общинами округа Москва заняла сторону смердов”³⁵. Иначе говоря, простые жители различных русских земель и городов могли найти защиту от собственных властных элит только у московского государя.

Но и московские государи, которые увидели в традиционных формах местного самоуправления опору своей власти, в устройении внутренних порядков “придерживались принципов консерватизма и автохтонной самодостаточности”. Ведь “сельское население – крестьянство, консервативное уже по своей сути, – осознавало, что его интересам больше отвечает “старое право”, “обычай”, а все изменения “воспринимало с оглядкой на прошлое”³⁶. Характеризуя отношение русской политической “элиты” начала XVI века к возможным реформам, В. В. Бовыкин приводит слова И. Н. Берсень-Беклемишева: “Которая земля переставляет обычи свои, и та земля недолго стоит... лучше старых обычаев держатися”³⁷.

Таким образом, новая внутривластная система Московского государства складывалась на основе **сочетания двух основных традиционных идей: идеи сильной (самодержавной) власти и идеи народовластия (земского самоуправления)**. В этом отношении для России конца XV–XVII веков характерны *два взаимосвязанных, но и противоречивых политических процесса. Один из них – укрепление самодержавной власти русских государей. Второй – развитие на основе традиционных вечевых структур новых форм земского самоуправления.*

Известно, что с конца XV века для управления отдельными волостями и уездами своего государства великий князь назначал наместников-волостелей, которые существовали (“кормились”) за счёт местных жителей. Но при этом во всех волостях и уездах сохраняются и традиционные вечевые структуры. Таким образом, укрепление московского самодержавия осуществлялось не только посредством распространения практики наместничества, но и поиском социально-политической опоры в местных вечевых (земских) традициях.

Одним из первых документов, дающих представление о сочетании наместничества с вечевыми принципами самоуправления, является “Белозерская уставная грамота 1488 года”. С одной стороны, в этой грамоте говорится о роли, правах и обязанностях волостелей и их администрации – тиунов и доводчиков. Однако при этом акцент в грамоте делается как раз на ограничении возможного произвола наместников и их администрации. Для этого центральная власть наделяет определёнными правами представителей местного самоуправления. Так, отношения с волостями и их администрацией осуществляют представители местного земского самоуправления – “сотские”, то есть выборные люди. Кроме того, местное население имеет право возбуждать судебные иски к наместникам и их людям, а в судебных разбирательствах обязательно должны участвовать сотские и “добрые люди”, то есть опять же представители земского самоуправления: “А наместником нашим и их тиуном без сотсков и без добрых людей не судити суд”³⁸. Причём необходимо отметить несомненную параллель категории “добрые люди” с категорией “лучшие люди”, которая фиксируется в “Повести временных лет” ещё в 945 году³⁹. Иначе говоря, в русских землях продолжают сохраняться основные принципы традиционного славянского самоуправления. Таким образом, значение “Белозерской уставной грамоты 1488 года” состоит в том, что она придала древней традиции общегосударственный характер.

Эти принципы нашли своё отражение и в других документах того времени. Так, в Судебнике 1497 года вся судебная система строилась на тесном

взаимодействии княжеского суда с сотскими и “лучшими” людьми того или иного региона, при этом сотские и “лучшие люди” были выборными и имели право контролировать действия княжеских судей-наместников: “А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте, и лутчимь людем. А без дворьского, и без старосты, и без лутчих людей суда не имати, и их тиуном и их людем посула от суда не имати же...”⁴⁰.

Ещё большее значение для превращения органов местного самоуправления в государственные институты имели реформы 1530–1550 годов. Начало было положено губной реформой, которая проводилась в два этапа: в конце 1530-х – 1540-х годов и в середине 1550 годов. Цель реформы – силами традиционного местного самоуправления остановить разгул “лихих людей”, которые совершали разбои и другие уголовные преступления. Само реформирование осуществлялось посредством выдачи различным городам и уездам по запросам их жителей, жаловавшихся на “лихих людей”, так называемых “губных грамот”, устанавливающих новые правила судопроизводства. В регионах, на которые распространялись действия “губных грамот”, создавались губы – округа, чаще всего совпадающие с волостью, иногда с посадом, в пределах которых рассмотрение уголовных преступлений, прежде всего, разбоев, изымалось из ведения наместников и волостелей. Для борьбы с уголовными преступлениями в каждой губе учреждалась *губная изба*, которую возглавлял *губной староста*, ему подчинялись целовальники, дьячки, рассыльщики, тюремные старосты, палачи, биричи. Должности губного старосты и целовальника были выборными, при этом губной староста выбирался из детей боярских или дворян всеми сословиями данной местности, а затем утверждался на должность в Разбойном приказе. Срок пребывания на губных должностях не был ограничен, нередко одно и то же лицо занимало должность на протяжении многих лет. Наибольшее распространение губные учреждения получили в центральных регионах России и северо-западных уездах, где преобладало владельческое (поместное и вотчинное) землевладение.

Функции губных учреждений на протяжении второй половины XVI – первой половины XVII века постоянно расширялись и постепенно включили в себя самый широкий круг обязанностей: розыск преступников, суд, сыск беглых, налоговые сборы, дозор земель, решение поместных споров, сдача внаём пашенных и сенных покосов, межевание земель. При этом местному населению дозволялось самостоятельно выявлять преступников в своём регионе и вместе с представителями центральной власти решать вопрос об их наказании. Более того, в некоторых “губных грамотах” (Белозерской, Каргопольской, Устюжской, Соль-Галицкой, Слободской, на Вятку) вообще отсутствует упоминание или напоминание о наместническом суде по разбойным делам – решение передавалось исключительно на усмотрение местного общества. Впрочем, представители местного самоуправления – старосты, сотские, десятские, “лучшие люди” – задолго до губной реформы осуществляли подобные функции, более того, возможно, какие-то местные традиции были использованы центральными властями для наименования новых органов и определения их компетенции⁴¹.

Ещё большее значение местному самоуправлению было придано в ходе реформ 1550-х годов, в которых своё воплощение в политической и государственной практике нашли “нестяжательские” идеи ближайшего окружения государя, да и самого молодого царя Ивана IV Васильевича. С одной стороны, эти реформы заметно укрепили “вертикаль” российской власти: была повышена роль дворянства в Российском государстве, созданы новая судебная система (Судебник 1550 года), новая система налогового обложения (введена “большая московская соха”) и новая единая система государственного управления – приказы. Кроме того, военная реформа (упорядочение поместного войска и создание стрелецких полков) заметно усилила русскую армию. Но одновременно Судебник 1550 года законодательно, явно с согласия самого царя Ивана Васильевича, ограничил самодержавную власть русского государя: новые законы могли приниматься государем только по “приговору” всех бояр (статья 98)⁴².

С другой стороны, в ходе реформ была установлена тесная связь верховной власти с народом. Огромную роль в этом сыграла земская реформа, узаконившая полновесную систему местного самоуправления в городах, а также

в уездах и волостях со свободным крестьянским населением⁴³. Земская реформа также осуществлялась посредством выдачи земских уставных грамот различным регионам страны (известны грамота Плесской волости Владимирского уезда, Двинская уставная грамота, уставная Важская грамота, грамота посадским людям Соли Переяславской, уставная грамота переяславским рыболовам, уставная грамота крестьянам Усецких и Заецких волостей Устюжского уезда). В соответствии с этими грамотами, в регионах с черносошным населением создавались *земские избы*, во главе которых стояли *земские старосты* (“излюбленные головы”), избравшиеся на должность на один год всеми свободными земледельцами или посадскими людьми. Кроме того, вводилась выборная должность *земского судьи*, занимавшегося разбором различных судебных дел. При земской избе находились земские целовальники, дьячок, сторожа, мирские посыльщики, рассыльщики. К работе земских изб привлекались выборные сотские, позднее – и пятидесятские. На протяжении второй половины XVI – первой половины XVII века функции земских изб постоянно расширялись: раскладка и взимание податей и различных пошлин; сбор недоимок, доставка в Москву собранных средств; поддержание порядка на территории волости или посада; сбор и распределение мирских денег; контроль за посадской землёй и актами купли-продажи; организация строительства и ремонта воеводского, земского и губного дворов; участие в сыске и др.

Исследователи отмечают, что губные и земские избы, существовавшие параллельно, нередко конкурировали друг с другом, зато центральное правительство, “находясь “над схваткой”, ...имело возможность сравнивать разные ветви местной власти, их потенциал, определить, какая из них в большей степени соответствует его представлениям о должной организации местного самоуправления”⁴⁴. Интересен и ещё один факт: практика “кормлений” чиновников за счёт местного населения, как и сам институт наместников и волостелей, несмотря на объявленную отмену и того, и другого, во многих регионах сохранялись на протяжении всей второй половины XVI века⁴⁵.

С конца 1540-х годов в России стали созываться Земские соборы, тоже специфическая русская форма взаимоотношений царя и структур земского самоуправления⁴⁶. Участниками Земских соборов были представители различных сословий российского общества: боярства, дворянства, духовенства, купечества, горожан. Изредка на соборах присутствовали представители свободного крестьянства. Интересы зависимых крестьян на соборах представляли их владельцы. На Земских соборах царь и правительство советовались с представителями сословий о самых важных вопросах: о начале или завершении войн, о введении новых налогов, об устройстве государства и т. д. Земские соборы утверждали решения царя и правительства, и, таким образом, эти решения получали поддержку населения России. С тех пор **Земские соборы стали органами сословного представительства при центральной власти в Российском государстве и продолжали ими оставаться до конца XVII века**. Земские соборы не были постоянно действующими, а созывались царём и правительством по мере необходимости, не существовало никакой правовой регламентации деятельности соборов, во всяком случае, не сохранилось никаких документов, содержащих такую регламентацию, а из источников не всегда ясно, что имеется в виду под терминами “вся Земля”, “общий совет”, “собор” и др. Однако в понимании русского народа того времени институт Земских соборов полностью соответствовал идее и практике народного представительства во власти и обладал всеми полномочиями, вплоть до утверждения или избрания нового царя. Так, на одном Земском соборе были подтверждены права наследников на царский престол (в 1584 году – Фёдора Ивановича, сына царя Ивана IV Васильевича); на трёх соборах происходило избрание новых государей (в 1598 году был избран Б. Ф. Годунов; в 1613 году – М. Ф. Романов; в 1682 году – Иван и Пётр Алексеевичи).

По мнению исследователей, в ходе реформ 1530–1550-е годов в Русском государстве система местного самоуправления сложилась как государственный институт. При этом центральная власть, “откликаясь на требования и ожидания” жителей страны, делегировала властные полномочия местным сообществам в регионы, «одновременно конституируя традиционные, устойчивые институты самоорганизации и самодеятельности этих сообществ” и формируя из этих институтов “адекватного “партнёра-соправителя”»⁴⁷.

Таким образом, была возрождена на новом уровне древняя русская политическая традиция — плодотворное сочетание сильной центральной власти с народным представительством, в том числе с развитым местным (земским) самоуправлением. В итоге, “вертикаль” власти получила значительную поддержку и опору в “горизонтали” народного участия в государственном управлении.

* * *

Система земского самоуправления, созданная в середине XVI века, с небольшими изменениями просуществовала до начала XVIII века, то есть на протяжении всей первоначальной истории Российского царства. Особую роль земское самоуправление сыграло в условиях полного разрушения государства в годы Смуты, ведь и Первое, и Второе ополчения — это результат народного творчества, когда “Земля” (то есть народ) под водительством Церкви сама встала на защиту Российского государства. На примере деятельности земского самоуправления и Земских соборов в этот период можно увидеть некоторые важнейшие черты русской традиции народовластия, истоки которого уходят в славянскую древность.

Во-первых, земские органы самоуправления берут на себя властные полномочия в том случае, когда в стране разрушается централизованная государственная власть; структуры земского самоуправления считают возможным создавать собственные вооружённые силы, руководство вооружёнными силами доверяется коллективным органам.

Земское освободительное движение зародилось и получило распространение на севере и северо-востоке России в 1608–1609 годах: во многих русских городах стали создаваться общесословные городские советы, в которые, наряду с представителями разных городских социальных групп, входили местные церковные иерархи с Освященными соборами (часто именно местные церковные владыки возглавляли созданные советы). Решения городских советов были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Затем местные власти стали самостоятельно формировать воинские рати для борьбы с отрядами Лжедмитрия II. Сначала в северо-восточных русских городах, в которых стояли крупные польско-литовские гарнизоны, возникли отряды “шишей”. В “шиши” уходили в основном крестьяне разорённых поляками русских сёл и деревень. Действовали они партизанскими методами, засадами и неожиданными набегами разоряя польские гарнизоны. Как сообщает в своём дневнике поляк Самуил Маскевич, “шиши” нападали на поляков даже днём: “Москвитяне нас стерегли, узнав через лазутчиков, что товарищи разъехались в коло и что мы стоим без стражи, они нагрянули на нас среди белого дня, частью на конях, частью на лыжах...”⁴⁸.

В итоге некоторые города, в которых городские советы взяли власть в свои руки, не только отказались присягать Лжедмитрию II, но и активно сопротивлялись посланным против них вооружённым отрядам (Новгород Великий, Коломна, Переяславль-Залесский, Нижний Новгород, Саратов, Казань, сибирские города и остроги). К примеру, когда в декабре 1608 года к Устюжне Железопольской подошёл польский отряд, горожанам, оказавшимся в этот момент без воеводы и ратных людей, пришлось создать городской совет из 20 человек, в котором посадские и служилые люди получили равное представительство, а также выбрать трёх “голов” из дворян. Вскоре в Устюжну прибыл воевода А. П. Ртищев и в боях отстоял город от осадивших его отрядов “Тушинского вора”. Однако приступить к исполнению своих обязанностей Ртищев смог лишь после утверждения его полномочий городовым советом⁴⁹.

Во-вторых, местные земские структуры проявляют стремление к созданию общерусских органов власти; субъектом политической власти выступает “Земля”, то есть народ, выразитель воли “Земли” — “Совет всей Земли”, который избирает центральное Земское правительство.

Со второй половины 1610 года, после того, как Москву заняли польско-литовские войска, а польский король Сигизмунд III отказался выполнять условия договора о призвании его сына королевича Владислава на московский престол, земские власти в городах по призыву патриарха Гермогена стали

формировать земские ополченские рати, но не для обороны своих городов, а для похода на Москву. К началу 1611 года по всей стране между русскими городскими общинами возникает активная переписка, которая обеспечивала налаживание взаимодействия между отдельными земскими ратями. “К великому господину преосвященному архиепископу Вологодскому и Великопермскому, архимандритам, игуменам, протопопам, воеводам, дьякам, дворянам, детям боярским, земским старостам, целовальникам и всем посадским, служилым и жилецким людям бьют челом Нижнего Новгорода архимандриты, игумены, протопопы, попы, Освященный собор, воеводы, дьяки, дворяне, головы Литовские, немецкие, стрелецкие, казачьи, дети боярские и земские старосты, целовальники, посадские люди, иноземцы и Литва, и немцы, и стрельцы разных городов, всякие служилые и жилецкие люди, которые ныне в Нижнем Новгороде о приказе Гермогена освобождают Москву и присылают им двух грамот: от Московских людей и от тех, кто под Смоленском”, — пишут в феврале 1611 года жители Нижнего Новгорода к вологодцам⁵⁰.

На призывы нижегородцев отвечают костромичи (“съ Костромы архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и князи, и дворяне, и дети боярские, и головы стрелецкие, и гости, и торговые люди, атаманы и казаки, и всякие служивые и жилецкие люди, и посадские, и уездные”), ярославцы (“изъ Ярославля архимарить, и игумены, и протопопъ, и попы, и весь освященный соборъ, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казачьи, и посадские старосты и целовальники, и все посадские, и всякие жилецкие люди”) и жители иных городов⁵¹.

Пермские жители свои “отписки” начинали следующими обращениями: “Великому господину Святейшему Ермогену, патриарху Московскому и всея Руси, Перми Великия игумены, и протопопы, и попы, и весь Освященный соборъ, и съ Перми жъ Велика Ивашко Чемоданов, Пятунка Филатов, и пермские посадские и уездные старосты и целовальники и все земские люди челом бьют” (март 1611 года); “Господам Василию Петровичу, Никонору Михайловичу, Степану Яковлевичу, и головам, и дворянам, и детям боярским, и сотникам стрелецким, и стрельцам, и пушкарям, и затишкам, и всяким служилым и жилецким людям Казанского государства Иван Чемоданов да Пятой Филатов и Пермской земли старосты, и целовальники, и посадские, и уездные лучшие и средние, и младшие, и всякие жилецкие люди челом бьют” (июнь 1611 года)⁵².

Как можно видеть, в переписке городов очень подробно и даже тщательно перечисляются различные социальные категории горожан, как адресатов, так и авторов послания. Более того, переписка свидетельствует о том, что составы городских советов были уже не просто всесословными, но могли включать в себя даже представителей иных государств, постоянно проживавших в том или ином городе (“иноземцы и Литва, и немцы”). Столь подробный перечень участников земского сопротивления, да ещё со ссылкой на авторитет патриарха Гермогена, обеспечивал легитимность этих обращений и серьёзность намерений участников переписки. И не случайно уже в этих грамотах, посланиях и “отписках” появляется понятие “Земля” как символ общерусского единения: “быть со всею Землёю в любви и совете, и в соединении”; “ко всей Земле”; “ото всей Земли”⁵³. Соборные органы управления различных ополченских отрядов начинают называть “Советами всей Земли”, первый такой Совет возник в Рязанском земском ополчении ещё в марте 1611 года.

В феврале 1611 года земские рати из Владимира, Нижнего Новгорода, Мурома, Ярославля, Переяславля-Залесского, Углича, Суздаля, Вологды, Галича, Костромы и Романова (Романова-Борисоглебска) двинулись к Москве. Сюда же шли отряды волжских казаков и черкасов (днепровских казаков). К началу марта 1611 года в Рязани, Серпухове и Коломне собрались основные силы земских ополчений. Князь Д. Т. Трубецкой привёл к столице остатки “тушинского” войска из Калуги, атаман И. М. Заруцкий — из Тулы. В конце марта — начале апреля сбор ратных сил под Москвой закончился. Во главе наиболее организованного Рязанского ополчения стоял Прокопий Петрович Ляпунов, который заключил соглашение с боярами из распавшегося лагеря Лжедмитрия II — Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. 7 апреля 1611 года в Первом ополчении возникает центральное Земское правительство, а “начальниками” его были избраны П. П. Ляпунов, князь Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий.

В-третьих, “Совет всей Земли” и Земское правительство рассматривали свои общегосударственные властные полномочия как чрезвычайные, то есть сохраняли их за собой до созыва общерусского Земского собора, который должен избрать нового царя и восстановить традиционную форму политического устройства России.

30 июня 1611 года по требованию ратных людей и казаков в Первом ополчении был выработан знаменитый “Приговор”, оформивший сословно-представительную организацию власти и порядок управления страной в отсутствие законного государя⁵⁴. В разработке “Приговора Первого ополчения” 30 июня 1611 года приняли участие татарские царевичи, бояре, окольные и чашники, стольники и дворяне, стряпчие и жильцы, приказные люди и дети боярские, князья и мурзы, атаманы и казаки, а также служилые и дворовые люди. Особо следует отметить подписи представителей 25 городов, в том числе таких важнейших, как Ярославль, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов, Архангельск, Вологда и др.

Центральное понятие, от имени которого оглашается “Приговор”, — “вся Земля”. Однако давно замечено, что под “Приговором” отсутствуют подписи церковных лиц, а также торговых и посадских людей, следовательно, “вся Земля”, собравшаяся летом 1611 года под Москвой, не представляла интересы всех сословий Российского государства, но интересы только тех групп, которые оказались в Первом ополчении. По мнению Л. В. Черепнина, в данном случае речь может идти о Земском соборе именно Первого ополчения, существование которого подтверждается многочисленными актами и который, собственно, и был “Советом всей Земли”⁵⁵.

Ещё одно понятие — “бояре”, — которое используется наряду с понятием “вся Земля”: “бояре и вся Земля”, “бояром и всей Земле”, “по боярскому и всей Земли приговору” и др. Под “боярами” в “Приговоре” подразумевается Земское правительство, избранное “всей Землёй”, которое должно управлять воинскими и гражданскими делами: “Земским и всяким ратным делом промышляти и расправа всякая меж всякими людьми чинити в правду, а ратным и всяким земским людям их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем”⁵⁶. Во главе правительства оставались П. П. Ляпунов, И. М. Заруцкий и Д. Т. Трубецкой, но права их были ограничены, а “Земля” имела право переизбирать своих “начальников”: “Вольно... переменить и в то место избрати иных... хто будет болию к земскому делу пригодится”⁵⁷.

В составе Земского правительства создавались приказы (Земский, Поместный, Разрядный и др.), которые возглавлялись авторитетными боярами или дьяками, иначе говоря, создавался центральный административный аппарат. На местах снимались назначенные прежними властями из казаков и атаманов “приставы” и “воеводы” и ставились “дворяне добрые”, которым доверял народ. Однако власть “бояр” вновь ограничена: они не имеют права самостоятельно, без совета с “Землёй” принимать законы, приговаривать кого-то к смертной казни или отправлять в ссылку: “А строить Землю и всяким земским и ратным делом промышлять, боярам, которых избрали всею Землёю по сему всею Земли приговору. А смертною казнию без земскаго и всей Земли приговору боярам не по вине не казнити и по городам не съсылати и семьям и заговором ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые ни к кому не мстити. А кому до кого какое дело, и о том управе бити челом бояром и всей Земле... А хто кого убьёт без земскаго приговору и того самого казнити смертию”⁵⁸. Даже решение вопросов, связанных с новым распределением поместий, — для большинства участников Первого ополчения это были самые насущные вопросы, недаром ответы на них занимают большую часть “Приговора”, — в некоторых случаях передавалось в ведение “Земли”: “А боярам, поговоря с Землёю, вотчины давати вольно”; “дворяном и детям боярским всех городов про разоренье своё и про поместья сказывать и боярам, и всей Земле бити челом” и др.⁵⁹.

Как можно видеть, “Совет всей Земли” и “бояре” фактически взяли на себя функции и полномочия общерусского правительства. Однако в “Приговоре” ничего не говорится о форме того возможного государства, которое это правительство должно было возглавлять. Это дало возможность некоторым исследователям рассуждать о том, что “Приговор” впервые учредил в России республику: “Если же рассматривать только акт 30 июня 1611 года, то здесь налицо республиканская форма правления, причём, поскольку главную роль

играет не феодальная аристократия, а масса служилого сословия, можно говорить о зарождении феодальной демократической республики". Впрочем, тут же следует оговорка: "Эта форма правления являлась, безусловно, переходной. Приговор отразил лишь временный перевес сил на стороне дворянства. Однако при существовавшем в то время уровне развития социально-экономических отношений иной формы правления, кроме монархии, быть не могло"⁶⁰.

Думается, что в данном случае несколько преувеличено стремление русских служилых людей начала XVII века к республиканским формам государственного устройства. Как свидетельствуют источники, все русские жители оставались убеждёнными сторонниками традиционной для России самодержавной монархии, а все остальные формы государства расценивали не просто как вредные, а как откровенно еретические. Для людей того времени главная проблема заключалась только в одном: как найти "истинного" царя? Поэтому, оценивая политические предпочтения участников Первого ополчения, скорее, нужно говорить о том, что они не решились взять на себя функции *избирательного* Земского собора, видимо, понимая, что не являются представителями интересов всего российского населения. Думается, важнейшим фактором в данном случае стало отсутствие в Первом ополчении хоть сколько-то значимых архиереев Русской Церкви и других церковных деятелей, без участия которых избрание нового государя было просто нелегитимно. Следовательно, "бояре и вся Земля" Первого ополчения сознательно отложили решение вопроса об избрании нового государя до лучших времён, взяв на себя функции только *временного* общерусского правительства.

Как отмечают исследователи, во всех официальных документах "бояре и вся Земля" Первого ополчения обязательно подчёркивали временный характер своих полномочий. В частности, жалованные грамоты на вотчины и поместья в Первом ополчении опечатывали жёлтой печатью, а в тексте жалованных грамот обязательно делалась специальная приписка: "А как в Московское государство Бог даст государя и тогда велит ему на ту его вотчину по книгам и по дачам дати вотчинную жалованную грамоту за красною печатью"⁶¹.

Важно и то, что точно так же к предстоящему избранию нового государя относились и местные земские власти. Так, жители Казани, Нижнего Новгорода и Перми вместе "со всеми городами поволжскими, и с горными, и с луговыми татарами, и с луговою черемисою" осенью 1611 года единодушно решили не допустить незаконных выборов нового царя одними казаками, потому что "на Московское государство" государя можно выбрать только "**всею Землёю Российские державы**" (выделено мной. – С. П.), а если кто-то захочет избрать царя по собственному желанию, "не сослався со всею Землёю", то такого царя никто не должен признавать: "... Нам бы того государя на государство не хотеть"⁶².

Наверное, "Совет всей Земли" и Земское правительство Первого ополчения могли сыграть серьёзную роль в истории. Но между различными социальными силами, из которых состояли ополченские полки, сохранялось ещё слишком много разногласий: у бояр, помещиков, крестьян и казаков были зачастую разные интересы. К тому же, не дремали и агенты окружённых в Москве поляков. 22 июля 1611 года казаки, обиженные на П. П. Ляпунова и спровоцированные поляками, убили рязанского воеводу. После этого единое Первое ополчение фактически начало распадаться. Впрочем, как отмечают исследователи, авторитет "Совета всей Земли" Первого ополчения продолжал сохраняться на всей освобождённой от интервентов территории вплоть до 2 марта 1612 года (в этот день часть ополченцев присягнула объявившемуся в Пскове новому самозванцу – Лжедмитрию III).

Но народ не оставил надежду на объединение. В очередной раз убедившись в том, что среди бояр, воевод и казаков ещё слишком много изменников, в народе зарождается новое освободительное движение. Так возникает знаменитое Нижегородское ополчение, ставшее основой Второго земского ополчения русских городов.

Ещё осенью 1608 года в Нижнем Новгороде, как и во многих русских городах, был создан общесословный городской совет, в который, наряду с представителями разных городских социальных групп, вошли и местные церковные деятели со всем Священным собором (архимандрит нижегородского Вознесенского монастыря Иоиль, архимандрит Печерского монастыря Феодосий, спасский протопоп Савва и др.). Решения Нижегородского городского совета были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших

в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Осенью 1611 года по призыву “выборного от всей земли человека” Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде началось формирование ополчения, во главе которого, наряду с К. Мининым, встали князь и воевода Д. М. Пожарский, воевода И. И. Биркин и дьяк В. Юдин. Начался сбор средств и переписка с другими городами. Нижегородский городской совет отказался сотрудничать с Первым ополчением, но осенью–зимой 1611 года провёл организационную подготовку по созданию самостоятельного общеземского правительственного учреждения. В феврале 1612 года в Нижнем Новгороде начал действовать свой Нижегородский “Совет всей Земли”⁶³.

Тексты грамот, направляемых в разные города нижегородцами, свидетельствуют о самом широком представительстве различных социальных групп в Нижегородском ополчении: “На Вычегду архимаритом, и игуменом, и протопопом, и попом, и дьяконом, и всему Освещенному собору, и господам воеводе Ивану Микифоровичю и дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людем, и земским старостам, и таможенным головам, и всяким посацким жилецким людем Дмитрей Пожарской, Иван Биркин, Василей Юдин, и дворяня и дети боярские Нижнево Новагорода, и смолянныя, и дорогобуженя, и вязмичи, (и) иных многих городов дворяня и дети боярские, и головы литовские и стрелецкие, и литва, и немцы, и земьские старосты, и таможенные головы, и все посацкие люди Нижнево Новагорода, и стрелцы, и пушкарки, и затинщички, и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют”. Однако, как указано в грамоте, круг участников нижегородского освободительного движения был ещё более широк: “А мы, свестяся с Казан(ь)ю и с понизовыми городами и собрався со многими ратными людми, прося у Бога милости, идём на полских и на литовских людей... А ис Казани, из Свияжского и ис Чебоксар, изо всех понизовых городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими, а передовых людей ис Казани голов и з стрелцами к нам послали и будут к нам вскоре”.

Конечной целью похода на Москву было не только спасение государства от разорения и изгнание засевших в Кремле “польских и литовских людей”, но и избрание “всей Землём” нового государя: “И такую неправду и разоренье видя, все города Московского государства, сослався меж себя, утвердились на том крестным целованьем, чтоб быти нам всем, православным кристьяном, в любви и в соединении, и прежнево междоусобства не всчинати, и Московское государство от врагов наших, от полских и литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей Земли не обирати; а как всеильны(й) херувимски(й) Владыко по премножеству щедрот своих останок рода христианского помиловал и избавил бы от всеядного меча, от полских и литовских людей, и нам было, всему христоименитому народу, просити у него, преблаго(го) Бога, с воздыханием и слезами милости, чтоб нам дал на Московское государство государя благочестива, подобна прежним природным христианским государем... А как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею Землёю выберем на Московское государство государя, ково нам Бог даст”⁶⁴.

В конце февраля – начале марта 1612 года организованное ополченское войско, костяк которого составили совместно с нижегородцами отряды из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, выступило из Нижнего Новгорода в Ярославль. Заняв Ярославль, Второе ополчение продолжило собирание земских сил. Сюда стали стягиваться со всей страны земские рати, а также отряды, ушедшие из подмосковного лагеря Первого ополчения после того, как новое его руководство присягнуло самозванцу Лжедмитрию III. В Ярославле формируется новый “Совет всей Земли”, в который нижегородцы призывают русских города прислать “изо всяких людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками”. При “Совете всей Земли” создаются свои органы центрального административного управления – Разрядный, Поместный, Дворцовый, Монастырский приказы, Галицкая и Новгородская четь, а также Денежный двор. Одновременно из Ярославля были назначены воеводы в Устюжну, Белоозеро, Владимир, Касимов, Клин, Тверь, Кострому, Ростов, Суздаль, Переяславль, Тобольск и другие города Московского государства.

Мотивы действий нового Земского правительства достаточно полно объясняются в грамоте, посланной в Сольвычегодск “именитым людем” Строгановым

7 апреля 1612 года. Вроде бы цель этой грамоты вполне прозаична: в ней содержится просьба о финансировании “земского дела”. Однако здесь приведена развёрнутая мотивация и духовно-политическая аргументация действий Второго ополчения. Думается, не случайно эту грамоту подписали около 50 человек, среди которых были не только стольники, дворяне, дьяки, гости и “лучшие” посадские люди Ярославля, но и члены Государева двора во главе с боярами В. П. Морозовым, князем В. Т. Долгоруковым, окольниковым С. В. Головиным. Естественно, что здесь же стояли имена Д. М. Пожарского и К. Минина (правда, за него расписался сам князь Д. М. Пожарский).

И вновь участники Второго ополчения подчёркивают временный характер учреждённого ими правительства, а главной целью похода на Москву объявляют избрание нового государя: “И вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христианскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтоб нам, по совету всего государьства, выбратьи общим советом государя, кого нам милосердый Бог, по праведному своему человеколюбию, даст; чтоб во многое время, от таких находящих бед, без государя Московское государьство до конца не разорилось. Сами, господа, всё ведаете: как нам ныне без государя против общих врагов, полских и литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь в государьстве всчинают, стоять? и как нам, без государя, о великих, о государственных о земьских делех со окрестными государи ссылатись? и как государьству нашему впредь стоять крепко и неподвижно?”⁶⁵. Стоит отметить, что к восстановлению истинного самодержавия призывали в своих посланиях ополченцев архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын: “Может ли и невеликая хижича безь настоятеля утвердиться, не токмо что такому великому царству съ окрестными странами безь государя быти?” Троицкие старцы пишут о необходимости созыва “благоизбранного земского совета”, чтобы “намъ всемъ во едином совете положити о государе, кого намъ дать въ Троицы славимый Христось Богъ нашъ”⁶⁶.

Разбив разрозненные отряды Первого ополчения, рати Второго ополчения 27 июля 1612 года выступили к Москве. В этот момент в союз с руководством Второго ополчения вступил и князь Д. Т. Трубецкой, а И. Заруцкий, наоборот, ушёл в Коломну. И хотя между отрядами ополчений продолжали существовать серьёзные противоречия, всё же в августе 1612 года в решающей битве с поляками Д. Т. Трубецкой пришёл на помощь Д. М. Пожарскому. Но окончательное объединение войск Первого и Второго ополчений произошло в октябре 1612 года.

В объединившемся ополчении были воссозданы общеземские (фактически, общегосударственные) органы власти, центральное приказное управление. Было образовано своего рода *коалиционное Земское правительство* с участием “начальников” обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нём Д. Т. Трубецкой, думный дьяк Сыдавный Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Второго ополчения в Земское правительство вошли князь Д. М. Пожарский, “выборный человек” К. Минин, князь Д. М. Черкасский, В. И. Бутурлин, И. И. Шереметев, И. В. Измайлов. Кстати, интересно, что новое Земское правительство ориентировалось на Швецию. Так, руководители правительства считали, что на русский престол должен взойти шведский король Карл-Филипп. И вообще, как отмечают историки, прошведская ориентация руководителей Земского правительства и ополчения сказывалась и позднее, во время работы Земского избирательного собора 1613 года. И эта прошведская позиция – показатель крайнего недоверия, которое царило в народных ополчениях к любым русским боярским группировкам. По сути дела, вожди земских ополчений были глубоко уверены в том, что избрание новым государем кого-нибудь из московских бояр приведёт лишь к углублению государственного кризиса, к “умножению вражды”, к “конечному разорению” и гибели государства. И, кстати, преодолеть это недоверие было крайне непросто. Но, как бы там ни было, совместными усилиями русские рати освободили Москву от иноземного врага – 26 октября 1612 года сдался польский гарнизон Кремля, и 27 октября отряды ополчения вступили в Москву.

В 1613–1622 годах решающую роль в жизни России играют вновь созываемые Земские соборы, которые стали практическим воплощением идеи “всей Земли” как субъекта политического действия. Более того, в этот период

Земские соборы фактически превращаются в постоянно действующие органы сословно-представительной власти. Земский собор 1613 года, избравший нового царя Михаила Фёдоровича Романова, был самым полным и многочисленным по составу – в нём принимали участие члены Освященного собора (высшее духовенство), члены Боярской думы и представители всех сословий, в числе прочих были и выборные от черносошных и дворцовых крестьянских волостей, число выборных людей достигало 800 человек, они представляли 58 городов России. Затем на протяжении нескольких лет Земские соборы своим авторитетом поддерживали власть нового царя и московского правительства. В 1614 году Земский собор посылает посольство из духовных и светских лиц уговаривать казаков отказаться от своего “воровства”. В 1614–1617 годах Земский собор занимается организацией финансового обеспечения государства: его представители ведают сбором в стране дополнительных налогов – (“пятой деньги”, “пятинны”). С 1616 года этот сбор взимался уже не представителями центральной власти, а земской властью на местах⁶⁷. Немалое значение имели и другие направления деятельности Земского собора. Так, в сентябре 1616 года собор рассматривал вопрос о заключении мира со Швецией. В 1619 году Земский собор был посвящён “устроению” и “исправлению земли” (приговор Земского собора сохранился в окружной грамоте царя Михаила Фёдоровича воеводам в Новгород от 5 июля 1619 года)⁶⁸.

Период существования постоянно действовавших Земских соборов не был продолжительным и завершился роспуском последнего из них в 1622 году. Причиной тому стала постепенная нормализация обстановки в стране, восстановление разрушенного аппарата власти, упрочение внешнеполитического положения Русского государства. В народном представлении Земские соборы как постоянные действующие органы сословного представительства выполнили свою роль – избрали нового царя и утвердили его властные полномочия. Кроме того, укрепившийся в эти годы союз царя и Церкви, которую с 1619 году возглавил патриарх Филарет, отец Михаила Фёдоровича, ещё более упрочил позиции “выборного” государя. Всё это вместе взятое позволило Российскому государству вернуться к традиционным формам управления: правительство Михаила Фёдоровича почти десять лет (до 1632 года) не созывало Земских соборов, в эти же годы ограничиваются права и компетенция Боярской Думы. В дальнейшем Земские соборы созывались по мере необходимости. Подобная ситуация была вполне благожелательно воспринята всеми российскими жителями.

Как можно видеть, в Смутное время, благодаря политической активности русского народа, очень быстро возродилась древняя вечевая традиция, которая приняла новые формы: возникли “Советы всей Земли”, сначала как местные, затем – как временные общегосударственные выборные органы власти. Земские соборы и местное земское самоуправление сыграли решающую роль в начале XVII века в спасении России от Смуты.

* * *

Первые государи из рода Романовых осознавали свою власть как самодержавную, но в середине XVII века их власть оставалась ограниченной. Таковыми ограничителями являлись Земские соборы, Боярская Дума и привилегии аристократии, самостоятельность Церкви, волокита и несовершенство приказной системы, не позволявшей в полной мере осуществить личную инициативу монарха в государственном управлении⁶⁹.

Уже говорилось, что первые Романовы достаточно осторожно относились к практике созыва Земских соборов. Так, несмотря на то, что именно благодаря решению “всей Земли” Михаил Фёдорович взойшёл, а потом и удержался на царском троне, укрепление его власти и упрочение внешнеполитического положения Русского государства позволило правительству Михаила Фёдоровича почти десять лет (1622–1632) не созывать Земские соборы. Однако многообразные сложности внутри- и внешнеполитической обстановки в середине – второй половине XVII века вынудили первых Романовых вновь обратиться к практике “советов” со “всей Землёй”, причём на многих Земских соборах решались важнейшие общегосударственные вопросы. Среди наиболее значимых: собор 1632 года – рассмотрен вопрос о сборе с населения пятинных

и запросных денег на ведение Смоленской войны; собор 1642 года – рассмотрена и отвергнута просьба донских казаков о помощи захваченному ими Азову; собор 1649 года – принято Соборное уложение; собор 1653 года – решено принять Малороссию и Запорожское войско в подданство русского царя; собор 1682 года – отменено местничество; соборы 1683–1684 годов – утверждён Вечный мир с Польшей. Как и раньше, “вся Земля” для “совета” с царём собиралась по мере необходимости. Правда, исследователи отмечают важную особенность Земских соборов второй половины XVII века: правительство отказалось от практики созыва представителей всех сословий и перешло к практике совещания с сословными комиссиями, недаром в историографии эти соборы нередко называют “соборными совещаниями”⁷⁰. После соборов начала 1680-х годов “советы” царей со “всей Землёй” прекратились.

Своеобразно первые Романовы выстраивали отношения со структурами земского самоуправления. Как отмечают исследователи, на протяжении всего XVII века в регионах продолжали функционировать, конкурировать между собой, но и дополнять друг друга три основных звена, возникших в ходе реформ середины – второй половины XVI столетия: *воеводское, губное и земское* управление. При этом должности губных и земских старост оставались выборными и не были подотчётны воеводам. Однако во второй половине XVII века в процессе усиления самодержавной власти государя деятельность посадских и уездных людей, частновладельческих крестьян на выборных должностях губных и земских старост, целовальников, дьячков, сотских, пятидесятских, десятских стала рассматриваться как “*государева мирская служба*” или “*городовая служба*”. Правительства Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича целенаправленно усиливали государственный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, определяя очерёдность выборов, требуя строгого документального оформления самих выборов, вводя пошлины за занятия различных губных и земских должностей и др. “Такая политика, – отмечает Г. В. Талина, – приводила к тому, что выборные должности в местном управлении нередко рассматривались теми, кто их должен исполнять, как слишком разорительные. Итогом становились челобитные об освобождении от выборных должностей”. Одновременно разрастался круг обязанностей воевод, назначаемых правительством в тот или иной регион, финансируемых из государственной казны и подчинённых воеводам приказных палат. В результате, ко второй половине XVII века воеводы контролировали все сферы управления на местах⁷¹. Впрочем, губные и земские учреждения продолжали сохранять значительную самостоятельность вплоть до их полной ликвидации в 1702 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб, 2003. С. 76–77.

² О роли и специфике славянского вече продолжают дискуссии. См., напр.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л., 1980; Минникес И. В. Основания и порядок избрания князя в русском государстве X–XIV вв. // Академический юридический журнал. 2001. № 4 (6); Лукин П. В. “Народные собрания” у восточных славян: возможности сравнительного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 5–11; Новгородика–2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2008 г. Новгород, 2009; Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. М., 2011.

³ О значении “земской власти” у славян и в истории России см.: Кузьмин А. Г. Истории России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1–2. М., 2004.

⁴ См. об этом в кн.: Фомин В. В. Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

⁵ См.: Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1. Кузьмин А. Г. Начало Руси; Фомин В. В. Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу; Фомин В. В. Начальная история Руси. М., 2008.

⁶ Подробный анализ этого материала см.: Фомин В. В. Начальная история Руси. С. 199–216.

- ⁷ В науке продолжается очередной спор: что это было за государство и как оно называлось? Суть дискуссии опять же связана со сложностью определения этнической принадлежности русов и варягов. Так, наиболее последовательные сторонники норманнской теории вообще предлагают именовать это государство Скандославией (Лихачёв Д. С. Раздумья о России. СПб, 2001. С. 35.) или Восточно-Европейской Нормандией (Скрынников Р. Г. Русь X–XVII века. СПб, 1999. С. 20–50). Впрочем, первым подобное предложение выдвинул ещё 1834 году О. И. Сенковский, который именовал Русь “Славянской Скандинавией” (Сенковский О. И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. Т. 1. Отд. II. СПб, 1834. С. 22–27, 30–40). Некоторые исследователи, продолжающие считать хотя бы часть русов скандинавами, называют государственное образование с центром в Ладого Русским каганатом, указывая при этом на упоминание некоего Русского каганата в западноевропейских средневековых источниках (Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. С. 53–54). Впрочем, это мнение оспаривается другими специалистами, которые локализируют Русский каганат в совершенно другом регионе – в верховьях рек Северский Донец, Оскол и Дон, и связывают его не со скандинавами, а со славянами (Седов В. В. Русский каганат IX века // Отечественная история, 1998. № 4. С. 5–15) или с ираноязычными русами-аланами (Галкина Е. С. Тайны русского каганата. М., 2002).
- ⁸ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб, 1997. С. 70–72 (далее – БЛДР).
- ⁹ Первым на это обратил внимание А. А. Шахматов. См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908. С. 228, 290–299, 302–319 и др.
- ¹⁰ См. об этом: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006. С. 14–16. Мин.
- ¹¹ Известные нам личные имена русов имеют славянские, кельтские, иранские, венето-иллирийские, чудские, балтские и др. корни и, следовательно, указывают на различное этническое происхождение членов “рода русского” (Кузьмин А. Г. Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 2. М., 1986. С. 639–654).
- ¹² См. об этом: Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 96–104.
- ¹³ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104–108, 120–122.
- ¹⁴ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104–106.
- ¹⁵ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104.
- ¹⁶ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 84–88.
- ¹⁷ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 96–104.
- ¹⁸ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 124.
- ¹⁹ См. об этом: Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 118; Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 61; Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2004. С. 381–382.
- ²⁰ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 168–170.
- ²¹ См. подробнее: Перевезенцев С. В., Страхов А. Б. Традиции народо-властия в русском обществе X–XIII вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1. С. 9–15.
- ²² Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1. С. 341.
- ²³ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 106, 116, 176–184, 210–214, 306.
- ²⁴ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 316–318.
- ²⁵ Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 1. М., 2003. С. 133–144.
- ²⁶ Карпов А. Ю. Андрей Боголюбский. М., 2014. С. 281–284.
- ²⁷ Галицко-Волынская летопись // БЛДР. Т. 5. СПб, 1997. С. 184.
- ²⁸ См.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л. 1950. С. 309–310; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.
- ²⁹ Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 2. М., 2003. С. 61–62.
- ³⁰ Там же. С. 171.
- ³¹ См.: Янин В. Л. Расцвет и падение Русской Венеции: Великий Новгород в XIII–XV вв. // Родина. 2003. № 12. С. 9–14.

- ³² Янин В. Л. Расцвет и падение Русской Венеции: Великий Новгород в XIII–XV вв. С. 12.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб, 2012. С. 295.
- ³⁵ Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 2. С. 177.
- ³⁶ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. С. 174.175; см. также: Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 145; Полухин О. Н. Таинственный путь гражданственности: крестьянское наследие. Белгород, 2000. С. 64; Кром М. М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований России XVI века // Исторические записки. 2007. № 10. С. 391.
- ³⁷ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. С. 175.
- ³⁸ Наместничьи, губные и земские грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909. С. 2–5.
- ³⁹ См.: Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 104.
- ⁴⁰ Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 59.
- ⁴¹ По мнению ряда исследователей, об этом свидетельствует Псковская судная грамота 1467 года, в которой упоминались “губские старосты” и кратко был описан один из видов их “служебной деятельности”: губские старосты участвовали в процессе продажи имущества отсутствующего должника для покрытия его кредиторской задолженности перед займодавцем. См. об этом: Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 15; Шумаков С. А. Новые губные и земские грамоты // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Ч. 23, окт. Отд. 2. С. 344; Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. С. 201.
- ⁴² См.: Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 120.
- ⁴³ Дискуссия о содержании земской реформы и деятельности Земских соборов продолжается уже долгое время, см.: Аксаков К. С. Государство и народ. М., 2009; Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008; Андреев И. Л. Сословно-представительные институты власти в XVI–XVII вв. // Представительная власть в России: История и современность / Под общей ред. Л. К. Слиски. М., 2004; Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб, 2004; Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 2008; Бовыкин В. В. Местное самоуправление в русском государстве XVI в. СПб, 2012; Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. 2; Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб, 1885; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999; Хомяков А. С. Всемирная задача России. М., 2011; Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978; Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866.
- ⁴⁴ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в русском государстве XVI в. С. 382–383.
- ⁴⁵ Последнее упоминание о наместниках относится к 1593–1594 годам. См.: Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб, 1992. С. 244. См. также: Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке. (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб, 2000. С. 16–19; Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления // Муниципальное право. 2001. № 3. С. 60–64; Аракчеев В. А. Наместники в России XVI века // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 16, 17.
- ⁴⁶ Необходимо отметить, что термин “Земский собор” введён в историографический оборот только в XIX веке, в источниках XVI–XVII веков используются достаточно неопределённые термины: “собор”, “вся Земля”, “Совет всей Земли”, “великая земская дума”, “общий совет” и др.
- ⁴⁷ Бовыкин В. В. Местное самоуправление в русском государстве XVI в. С. 381–382.
- ⁴⁸ Волков В. А., Кузьмин А. Г. Смутное время. М., 2012. С. 135.

- ⁴⁹ Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993. С. 183–185.
- ⁵⁰ Отписка нижегородцев к вологжанам (февраль 1611 г.) // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою инспекциею Академии наук. Т. 2. М., 1836. № 175 (далее – ААЭ).
- ⁵¹ Отписка костромичей к вологжанам (февраль 1611 г.); Отписка ярославцев к вологжанам (февраль 1611 г.); Отписка устюжан к пермичам (23 марта 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. М., 1836. № 178; 179, 1; 182.
- ⁵² Отписка Московскому патриарху Гермогену из Перми (13 марта 1611 г.); Отписка пермичей казанцам (23 июня 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1841. № 323; 329.
- ⁵³ Отписка пермичей казанцам о готовности жить в мире и союзе с ними, содействовать к избавлению Отечества от врагов и избрать государя по совету всей Земли (18 сентября 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1841. № 333.
- ⁵⁴ Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3: Акты Земских соборов / Отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. С. 43–62.
- ⁵⁵ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. С. 177–179.
- ⁵⁶ Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 44.
- ⁵⁷ Там же. С. 49.
- ⁵⁸ Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 49.
- ⁵⁹ Там же. С. 46–47.
- ⁶⁰ Новицкая Т. Е. Комментарий к “Приговору Первого ополчения 30 июня 1611 года” // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 62.
- ⁶¹ Цит. по: Волков В. А., Кузьмин А. Г. Смутное время. С. 146.
- ⁶² Отписка пермичей казанцам о готовности жить в мире и союзе с ними, содействовать к избавлению Отечества от врагов и избрать государя по совету всей Земли (18 сентября 1611 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1841. № 333.
- ⁶³ См.: Волков В. А., Кузьмин А. Г. Смутное время. С. 148–153.
- ⁶⁴ Грамота из Нижнего Новгорода в Сольвычегодск о земских делах (не ранее декабря 1611 г.) // Любимиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 233–237.
- ⁶⁵ Грамота воеводы князя Пожарского с товарищами и всех ратных людей из Ярославля к вычегодцам (7 апреля 1612 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1836. № 203.
- ⁶⁶ Послание архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия князю Пожарскому и всем ратным людям (апрель 1612 г.) // ААЭ. Т. 2. СПб, 1836. № 202.
- ⁶⁷ Грамота в Тотьму с изложением приговора Земского собора о сборе за 1616 год пятой деньги (18 марта 1616 г.) // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 62.
- ⁶⁸ Окружная грамота царя Михаила Фёдоровича воеводам в Новгород (5 июля 1619 г.) // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 67–69.
- ⁶⁹ Талина Г. В. Русская самодержавная монархия первых Романовых глазами современников и потомков // Самодержавное царство первых Романовых / Сост., авт. вст. ст., комм. Г. В. Талина; под. ред. С. В. Перевезенцева. М., 2004. С. 43–64; Талина Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М., 2010. С. 86–207.
- ⁷⁰ Талина Г. В. Русская самодержавная монархия первых Романовых глазами современников и потомков // Самодержавное царство первых Романовых. С. 10.
- ⁷¹ Талина Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. С. 180–182.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава первая

ДИТЯ СТАРОГО АРБАТА

Послевоенная Москва, охваченная радостью Победы, когда житейские невзгоды практически не замечаются, когда воодушевление, вера в будущее, убежденность в справедливости всего свершившегося живут в умах и душах людей... В этой послевоенной Москве живет старшеклассник, записывающий в своей заветной тетради вдохновлённое победоносным воздухом и – задержанное цепкой памятью, выношенное, зорко подмеченное...

“Эта улица так близка, так шевелит и сжимает что-то внутри. Ведь это словно Москва сто лет назад – Москва, отблеск которой еще теплился в детстве, разыгранном между Хамовниками и Плющихой. Местность эта, в отличие от более близких к центру Арбата или даже Пречистенки, как-то задержалась в прошлом веке. Правда, в нее вторглись еще в девяностые годы закопченные кирпичи и трубы текстильной фабрики. Но все же сгрудились здесь дикие переулочки, одухотворенные красотой умирания. Мир расширялся постепенно, дом за домом. Сначала только двор (как поразила его малость и теснота уже в юношестве, после пятилетней разлуки), который был полон людей и вещей, который запырался вечером на засов, (оставляя за воротами) тревожную чужую темноту... Потом переулок с несколькими вязами и булыжной мостовой, из-под которой выбивались чистые стрелки травы.

Необъятное Девичье поле (его кустарники не выросли, а становились все ниже). И вот уже многообразный мир – в одну сторону он тек до Плющихи, за которой, по слухам, близко была Москва-река, в другую – до Садовой, с ее еще не сведенными бульварами; в третью – до Ружейного (на нем находилась Консультация, где испытаны первые страдания прививок и уколов), в четвертую – Девичье поле и за ним – уходящая вдаль к сверкающим главам монастыря Пироговка.

Вскоре, конечно, довелось перешагнуть за эти границы, но они долго (были всем миром) были чем-то вроде границ мира, – во всяком случае границами родины.

В середине тридцатых в этот тихий мир вошла, как клин, современность. Строили Военную академию – громадное здание с танком на левой крыше.

Это было чудо и радость. Как будто около самого дома сел самолет (что может быть прекраснее и волшебнее!). Мальчишки называли здание “военкой” или “воешкой”, но в этих жаргонных словечках была мужественная нежность и любовь”.

Шестнадцатилетний юноша пишет роман. Точнее, не роман (“пожалуй, слишком смело”, – останавливает он себя), а как он сам характеризует, – “повесть среднего размера. Или, лучше, маленький роман – совсем крохотный – страниц на сто”. При этом думает о главном герое – Саше – “о его судьбе, о других героях и их сложных отношениях с Самим...” (запомним эти “сложные отношения”!). Герой лавирует, двоятся, ускользает, автор чувствует “какую-то фальшь”, потому что никуда не деться – пишет он о самом себе. Образ героя, его голос никак не отделяется от образа и голоса автора. “И все же это не я. Нет, это он, это мальчик, ему еще нет двадцати или немного больше. Он крепче, проще и чище меня. У него есть что-то непонятное, мистическое. Когда измеряют площадь круга, геометрия не может точно. Она констатирует многоугольник с неисчислимо большим количеством граней, многоугольную площадь, бесконечно приближающуюся к площади шара. И все же это не шар. И можно определить все, что ни есть в человеке – знания, силу, способность быстро решать задачи, запоминать... Но что-то останется...”

Сложность возникающего в воображении внутреннего мира не дается. Единственный выход – во внешний мир, в московские улицы, переулки и дворы, где история и современность существуют еще неразрывно, даром что современность властно отвоевывает свое. Вторгаются в повествование и прочитанные книги – впечатления от них ложатся на отдельную страницу.

“С чего это началось? Еще в детстве? Или где-то на рубеже, когда начинают мыслить и это волнует так, как потом, чуть позднее, когда впервые прижимаешься щекой к виску девочки? Как вспомнить начало – возбужденную взбудораженную радость от того, что вдруг постигаешь законы в простой однообразной последовательности чисел. Или большее – гармонии в далеких друг от друга цифрах, которые до того только мельтешили в воображении...”

А потом попадает в руки какая-то спорная ученая книга, к которой и не подступиться, но на первой же странице слова философа, жившего почти три тысячи лет назад: “В основе мира и его красоты царит число”.

А потом радость и чувство легкости, словно можно танцевать и играть предметами, как волшебник жонглер, потому что никто в классе не может так решить задачи. И вот все еще, надсадно зевая и потягиваясь, сидят по вечерам над пустыми, как детские ребусы, уравнениями, и у одного из учеников, в общем-то не очень чтимого, на столе две стопки книг с божественно высокими словами на обложке – интеграл и дифференциал. И строка про стальные машины, в которых дышит интеграл, вызывает иронию и в то же время удовлетворение – вот признание поэта, который смел необходимым впустить в свои безгранично прекрасные стихи это слово вместе со словом “интернационал”...

Боже, какой восторг! Так и видишь склонившегося над тетрадь мальчишку, для которого в едином прекрасном и яростном мире сливается Москва в ее исторической и современной самости, и красота чисел (никто так решит в классе задачу, как он – в своем домашнем уединении), и блоковские строчки... И думаешь о нем, как о будущем математике, отнюдь не сухаре, которому ведомо чувство прекрасного во всем. И не ведаешь, что, стоя у доски, он с трудом вспоминал формулы, а о математике после школы забыл на долгое время. Ибо иное призвание поменяло всю судьбу, повлекло за собой мощным неостановимым потоком. Литература! Тайна жизни в художественном слове. Голос автора и голос его героя – загадка их взаимодействия. Полноценность бытия в повести, романе, стихотворении, воплощение в них той реальности, что осмысляется наравне с реальностью земной.

Ведь практически одновременно с романом пишутся стихи. И ведется дневник, отражающий становящуюся читательскую биографию.

“4 февраля 1945 г.

За время с 30 января достал книги: “Народная энциклопедия. Т. VIII (литература), “Робинзон Крузо” – Дэфо, “Тихий Дон”, кн. III (I и II были). Задумал писать “Историю литературы в России в Елизаветинскую эпоху”. Приступил вчера, сегодня (если не выключат свет) буду продолжать. Недавно мне захотелось изучить литературные стили. Сейчас я напишу их здесь в хронологическом порядке.

Пишу только средние века и новое время.

I Византийское искусство V в. Св. София в Царьграде.

II Романское искусство X в. Базилики?

III Готическое искусство XI в. Нотр-Дам.

IV Возрождение XIII в. Дворец сеньории?

V Барокко XVII в. Собор св. Петра в Риме.

VI Рококо XVIII в. Кажется, есть какое-то большое здание в Париже. Забыл.

VII Ампиризм начало XIX в. Большой театр?

VIII Модернизм конец XIX в.

Ну, вот и всё. Сейчас принимаюсь за Елизавету.

18 февраля 45 г.

За Елизавету ещё не принимался. Здорово живёшь! Всё некогда: по вечерам не горит свет!!!

Расскажу о сделанном за время с 4 по 18.11. 15.11 принял деятельное участие в пионер. слёте Ленинского района. Достал книги: 1) “Русская (одно С!) История Глинкина” 1823 г. издания (Петровские и Елизаветинские времена); 2) Хрестоматию по Зап. Европейской литературе (средние века). Прочитал книги: 1) А. Франс “Съестная лавка королевы”; 2) Рассказы Лескова; 3) Ферсман. “Воспоминания о камне”; В. Скотт “Граф Роберт” ч. 11; 5) “Из жизни вагона” Клетцеля и др. Из “Народной энциклопедии” достал Исторический том (полутом II “Русская история”). Написал стихотворение “Тыл и фронт”. Отдал его в школьную стенгазету.

23.11.45 г.

Достал книги: Мольер и Чехов (из серии “Жизнь зам. людей”, решил собирать литерат. часть серии. Написал большое сочинение по географии: “Крым”. Кажется, получилось ничего. Купил неплохую книгу “Русский фольклор”. Автор — акад. Соколов. Очень полная книга. Много хороших иллюстраций.

Прочитал много рассказов Чарльза Робертса. С чувством написано!”

Звали этого школьника Вадим Кожин.

* * *

Он родился 5 июля 1930 года в семье инженера и домохозяйки. Детство прошло на Арбате, в 5-м доме на Большой Молчановке. Характерный штрих: маленького Вадим крестили в церкви Симеона Столпника на углу Поварской, что выходила на Большую Молчановку в район Собачьей площади, уничтоженной в начале 1960-х годов. Церковь эта в 1930-е годы подлежала неукоснительному сносу во время фундаментальной “реконструкции” старой Москвы. Лишь каким-то чудом и стараниями знаменитого архитектора П. Барановского (с которым Кожин встретился через много лет в Обществе охраны памятников истории и культуры) она уцелела. При этом надо заметить, что родители (как и абсолютное большинство того поколения) были убежденными атеистами. Можно предположить, что таинство крещения младенца было совершено в тайне от них бабушками Вадима при участии няни и домработницы.

Нельзя не сказать несколько слов о том районе Москвы, где родился и вырос Вадим Валерианович. Об уникальной площадке в центре столицы, на которой стояли дома, где в своё время жили или часто бывали Александр Пушкин, Алексей Хомяков, Николай Гоголь, Сергей Аксаков, Михаил Лермонтов...

Впрочем, пусть Кожин скажет об этом сам. Через тридцать с лишним лет он опубликует в “Комсомольской правде” статью “Между Бульварным и Садовым”, в которой расскажет об удивительном мире арбатских переулков, где состоялось начало его жизни, где лёгкие вдохнули воздух старой эпохи.

“Сто пятьдесят — сто двадцать лет назад эта часть Москвы была настоящим средоточием духовной жизни России. Трудно даже перечислить имена всех выдающихся деятелей русской культуры того времени, жизнь и деятельность которых нераздельно связаны с местностью вокруг Арбатских и Никитских ворот... Здесь собирались любознательные и кружок Станкевича. Здесь возникли западничество и славянофильство...”

Сеть переулков вокруг Арбата — неповторимый и по своему значению и по самому своему облику район Москвы. После 1812 года здесь преимущественно селилось среднее дворянство — тот общественный слой, из которого вышли крупнейшие представители тогдашней русской культуры...

В тихих переулках и на бульварах стояли — да и сейчас ещё немало их — небольшие скромные дома в один-два, реже три этажа. Но располагались они свободно и привольно. При некоторых был сад или даже огород, по бокам домов лепились флигеля и хозяйственные постройки. Проезды к домам часто не

определялись заранее, а, напротив, подчинялись расположению дома. Так образывались причудливо изогнутые, самые разнообразные по длине и ширине переулки и тупики. До сих пор можно видеть дома, так и не подчинившиеся геометрии улиц. И несмотря на это отсутствие “порядка” (а может быть, именно благодаря отсутствию строгих правил), архитектура переулков вокруг Арбата обладала подлинным обаянием и художественной ценностью. И отдельные дома, и ансамбли свидетельствовали о высокой культуре и эстетическом вкусе и тех, кто их построил, и тех, кто в них жил.

В этих переулках господствовал глубоко своеобразный архитектурный стиль – так называемый московский ампир. Он не имеет, в сущности, ничего общего со стилем ампир как таковым – суровой государственной архитектурой наполеоновской эпохи. . . Московский ампир – это самобытный, неповторимо русский (и даже собственно московский) архитектурный стиль. В самой структуре этих домов со сложными пристройками, с их пространственным привольем есть немало черт, восходящих к древнерусскому деревянному зодчеству. . . композиции изб и теремов. . . Сами античные приемы и мотивы в московском ампире предстают в существенно переосмысленном виде. . .

Архитектурный мир арбатских переулков с замечательной верностью и выпуклостью воплощал человеческое своеобразие тех, кто жил в этом мире. Облик этого мира резко отличался от облика официальной архитектуры той эпохи, несмотря на сходство отдельных приемов и деталей. В нем выражалась и внутренняя духовная свобода, и глубокая культура, и сознание истинных, а не мнимых человеческих ценностей, и проникновенное чувство изящного. Дома имели что-то общее – и в то же время были поразительно индивидуальны. . .

Перед революцией не меньше трети этого района было уже застроено серыми громадами, приобретшими, правда, со временем особое мрачноватое обаяние. Затем долго арбатские переулки оставались нетронутыми. Те, кто бродил по ним перед войной, ещё достаточно могли себе представить себе их облик в эпоху Пушкина и Гоголя. . .”

Многое в разум и душу мальчишке было заложено этим миром, который окружал его с младенчества. Не приходится удивляться, что он, живя, как сам говорил, “в сущности, в “прошлой” Москве”, “с ранних лет. . . ценил такие явления из “прошлого”, которые не вписывались в новый строй бытия и сознания. Позднее, к 14–15 годам, я уже хорошо понимал, что дело обстоит именно так: “прошлое” во многом ближе и дороже мне, чем советское “настоящее”. . .”

В свое время в разговорный обиход вошло выражение “дети Арбата” (так, в частности, известный советский писатель Анатолий Рыбаков назвал свой шумевший роман, о котором Кожинов напишет одну своих самых громкоподобных статей). К этой прослойке (а это была именно прослойка!) относили тех, кто заселил саму улицу (до революции носившую имя святого Николая), арбатские улочки и переулки в 1930-х годах. Как правило, это были семьи из провинции и еврейских местечек (согласно Краткой Еврейской энциклопедии, изданной в Иерусалиме, “сотни тысяч евреев переселились в Москву, Ленинград и другие центры”. При том, что с 1917 по 1939 год население Москвы увеличилось в два с половиной раза, ее еврейское население к 1933 году составляло 226,5 тыс. человек – для сравнения в 1926 году – 131 тыс. человек). “Дети Арбата” – это люди, объединенные даже не местом жительства, а вполне определенным мировоззрением, неотъемлемой частью которого были апология мировой революции, безусловная р-р-революционность в отношении всего окружающего, включая остатки старого быта, старой культуры и всего старого уклада. В этом отношении Вадима Кожинова можно определить, как “дитя старого Арбата”, при том, что это “дитя” жило полноценной современной жизнью, интуитивно, природно не разделяя историю и современность. Тут самое время поговорить о его родословной.

* * *

О родителях своих Вадим Валерианович вспоминал немного и не часто. Лишь в конце жизни он предпринял попытку написать историю своей семьи в контексте истории России XX столетия. В частности, подчеркнул, что сам родился в семье, создавшей по принципу м е з а л ь я н с а, ибо отец Валериан

Федорович был сыном фельдшера Главного артиллерийского управления Ф. Я. Кожина, а мать — дочерью действительного статского советника В. А. Пузицкого. И Вадим Валерианович почел особо отметить, что эта жена — ба “могла иметь место, очевидно, только благодаря Революции”. Воспоминания об отце и матери, естественно, были штрихом в общей картине прошлого, которую Кожин на склоне лет пытался воссоздать с возможной тщательностью — приметы прошедшего времени он воспринимал как органическую часть общей истории России. Не без горделивости писал он о своем роде:

“Подчас я живо ощущаю под собой широко раскинувшуюся “корневую” систему; взять хотя бы прадедов — крестьянин Псковской губернии, мещанин из Рязска, женившийся на купленной им крепостной девушке, мещанин городка Белый и московский священник... Словом, чуть ли не вся основная Русь — ее север, юг, запад и центр...”

Одна из его незаконченных рукописей носит симптоматичное название: “Детство. Феномен двора”, воплотившая самые ранние воспоминания, которые “относятся к 1933–1934 годам. Помню, как моя мать с домработницей едут в популярный тогда “Серпуховской универмаг” (рядом с нынешней станцией метро) за “мануфактурой” и берут меня с собой, так как эту самую мануфактуру (и конечно многое другое) “давали” тогда на одного покупателя в небольших количествах, а ребенок также засчитывался в качестве покупателя. Запомнившаяся очередь начиналась на тротуаре Садового кольца весьма далеко от конструктивистского четырехэтажного здания универмага (построен в 1928 году), а, войдя в него, медленно передвигалась вверх по его лестницам...

Помню еще, как с несколькими родственниками заходил в знаменитый теперь благодаря булгаковскому роману “Торгсин” на углу Смоленской площади у Арбата, где за остатки приобретенных до 1917 года изделий из серебра выдавались боны (странно, но я слышал это слово только в то далекое время, однако оно осталось в памяти), в обмен на которые можно было тут же получить какие-либо остродефицитные товары...”

Не прошло и двух лет после коллективизации, этого поистине исторического катаклизма, карточная система, жилось очень и очень нелегко, и это касалось в том числе и семей ответственных работников, к коим относился и кожиновский отец Валериан Федорович.

Он окончил Московское высшее техническое училище (потом получившее имя Н. Баумана) в 1926 году, к середине 1930-х годов стал квалифицированным специалистом в области водоснабжения, участвовал в строительстве водопровода в Магнитогорске и Сталино, а в 1935 году был послан в командировку в США. Подобные специалисты были тогда нарасхват, но их условия жизни в столичных условиях того времени практически ничем не отличались от жизни рядовых граждан. “Моё детство прошло в квартире, — вспоминал Кожин, — в которой на 45 квадратных метрах жило 15 человек”. В этой квартире мальчишка впервые в пятилетнем возрасте увидит новогоднюю елку (этот неперменный атрибут старого православного Рождества впервые после 1917 года разрешили открыто ставить и украшать в крестьянских домах и городских квартирах). Тогда же в нашей стране произойдут поистине судьбоносные события, осознанные Кожинным через несколько десятилетий: были восстановлены в правах бывшие “кулаки”, произошла реабилитация казачества, были сняты все социальные ограничения на представителей “высших сословий” и их детей.

...А двор располагался в Новокоушненном переулке между Зубовским бульваром и Плющихой, от него менее чем в двух километрах проходила Окружная железная дорога. Московский двор представлял собой ныне практически забытое зрелище: буйная зелень, несколько хозяйских огородов, бегающие под ногами куры. Какое-то туманное представление об этом мире можно еще получить в современной Москве, оказавшись в замкнутых патриархальных двориках среди еще уцелевших домов 1940–1950-х годов постройки, где хозяйки квартир, расположенных на первых этажах, в небольших огороженных палисадниках высаживают цветочные клумбы.

“На 70–80 человек, живших в моем дворе, было примерно полтора десятка детей...” Общие игры (“нынешним детям, наверно неизвестные”, — мимоходом роняет Кожин) в “казаки-разбойники”, в “чижа”, а то и запретную “расшибалочку” (мое поколение еще их помнит) были главным времяпрепровождением, и уж, конечно, подлинным событием было появление лудильщика, паяльщика, старьевщика со знаменитым кличем “Старье берем!” (они бродили

по дворам где-то до середины-конца 1960-х годов). Дети врассыпную бросались по квартирам и тащили не только старье, но и, тайком от взрослых, что-то вполне годное из обуви и одежды.

Население двора было чрезвычайно пестрым: “старый большевик-инвалид... вдова царского генерала, железнодорожный машинист, носивший почетный значок, и известный всем как вор Витька Волков, побывавший в тюрьме. Тем не менее, все были свои. Большевик не обличал генеральшу, а вор крал в других дворах. И каждый готов был посильно помочь соседям. Словом, существовал определенный лад и уют общей жизни, что без сомнения, благотворно влияло на детей...”

Одно воспоминание, пожалуй, отложилось вглубь надолго, чтобы через годы всплыть в соответствующем контексте. Вадим Валерианович вспоминал черный ЗИС, появлявшийся возле дома, выходящего из него человека в форме, в котором нетрудно было угадать высокого военного чина. Звали важную личность – Сергей Васильевич Пузицкий.

Это был родной брат матери Вадима, и своему племяннику он запомнился, как впоследствии говорил Кожинов, “смутно”. Гораздо отчетливее отложились в памяти подробности последствий его ареста.

Сергей Пузицкий с 1918 года был видным деятелем ВЧК-ГПУ-НКВД, комиссаром государственной безопасности 3-го ранга, играл одну из центральных ролей в знаменитых операциях “Трест” и “Синдикат-2”, участвовал в аресте Сиднея Рейли, Бориса Савинкова и похищении генерала Александра Кутепова, за что получил два ордена Красного Знамени. Впоследствии перешел на службу в Управление армейской разведки вместе со своим непосредственным начальником Артуром Христиановичем Артузовым.

В общем, личность легендарная. Еще большую остроту этому сюжету придаст упоминание его отца – как мы уже говорили, действительного статского советника – Василия Андреевича Пузицкого. Сын ремесленника, Василий Андреевич окончил на казенный кошт Смоленскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета. Все время учебы он зарабатывал репетиторством в привилегированных семьях. Через много лет его внук прочтет в дедовской записной книжке: “С 22 августа 1887 года до 1 октября в селе Мураново Московской губернии и уезда у действительного статского советника Ивана Федоровича Тютчева – 60 рублей в месяц, Ольга Николаевна, София Ивановна, Федя, Коля, Катя”.

(Дед Вадима Валериановича войдет в дом великого Федора Тютчева и будет давать уроки его внукам – встреча, имеющая, поистине, промыслительное значение. Ибо немногим менее 100 лет спустя жизнь и поэзия Тютчева станут не просто предметом пристального изучения Вадима Валериановича, но наполнят его бытие жизнестроительным смыслом.)

И это еще не всё. Василий Андреевич станет автором малоизвестных ныне, но чрезвычайно интересных книг “Жизнь и поэзия Жуковского” и “Национальное направление и религиозное настроение в поэзии Пушкина”, изданных в 1903 году, а также учебного пособия “Отечественная история в рассказах для младших классов средних учебных заведений”, выдержавшего до революции 16 изданий. Более того, он создаст свое переложение на современный русский язык “Слова о полку Игореве”.

Василий Андреевич был истово православным человеком и убежденным монархистом. Но монархистом такого рода, что его монархизм оказался не нужен самому Николаю II (история, увы, слишком часто повторяющаяся в России!). Критика Пузицким либеральных реформ Государя в начале века привела к тому, что пушкинист и гувернер тютчевского дома был уволен из 2-й Московской гимназии и отправился директорствовать в Егорьевск.

После революции Василий Андреевич не только не эмигрировал (в отличие от одного из Вадимовых дядей, который сначала ушел в Белую армию, а потом бежал во Францию; правда, после войны, где он участвовал во французском Сопротивлении – вернулся в СССР), но отказался от бойкота ненавистных ему Советов и пошел преподавать русский язык и литературу в учебных заведениях Москвы. “Я не могу допустить, чтобы русский народ был безграмотным”, – передал его слова, видимо, сохранившиеся в семейном предании, двоюродный брат Вадима Алексей.

Василий Пузицкий скончался в 1926 году. Служба сына в советских карательных органах стала, судя по всему, для него таким ударом, от которого он

не смог оправиться. Вадим Валерианович в одной из своих записей привел слова деда из записной книжки: “Сереза добрый человек и скоро вернется на путь истины, и тогда Господь благословит его на все доброе и пошлет ему благополучие во всем. А пока заблуждается во многом... Похороните меня подальше от красных”.

“Добрый человек Сереза” “на путь истины” вернуться не успел. Он был арестован в 1937 году вместе со своим начальником Артузовым и позднее расстрелян. В памяти Вадима отпечатались сцена, когда в доме уничтожались “компрометирующие” бумаги, извлекли из сундука шпагу Василия Андреевича, сломали и выбросили (каково было мальчишке лишиться подобного драгоценного предмета!). Кожинов вспоминал также, как в 1937 году его отец снимал со стены возле детской кровати и уничтожал портреты репрессированных маршалов. А во время прогулки вблизи своего дома мальчик стал непосредственным свидетелем самоубийства, очевидно, некоего высокопоставленного лица, застрелившегося на бульварной скамейке, видимо, в ожидании ареста.

Родословная всегда играет огромную роль в судьбе человека – независимо от того, осознает ее роль сам человек или нет. Интуитивная тяга к своей родословной у Кожинова была всегда. Но привести в порядок хотя бы обрывочные сведения о ней он собрался лишь незадолго до кончины.

И еще одно замечание: в последнее время некоторые корыстные (а корысть бывает не только материальная!) “исследователи”, обращаясь к предкам Вадима Валериановича, особое внимание сосредотачивали на его дяде, совершенно игнорируя биографию и судьбу деда по матери, определившую многое в жизни внука. Правда, значение деда выросло с годами. Кроме того, само по себе сплетение диаметрально противоположных по судьбам и устремлениям человеческих характеров в одном роде (и не сказать ведь, что судьба этой семьи не типична, после революции немало было таких семей!) стало для Кожинова импульсом, во многом отозвавшимся в его позднейших книгах, посвященных собственно истории России.

* * *

Вспоминаю, как Кожинов говорил мне во время одной из бесед: “В университете я был круглым отличником, у меня в зачетке не было ни одной четверки. А в школе я учился очень плохо, меня даже хотели из нее выгонять”. Приняв тогда эти слова на веру, я не думал, что они – мягко выражаясь – слегка далеки от истины.

Что касается университета – тут всё абсолютная правда. А вот что касается школы...

Его школьные ведомости довоенных лет фиксируют не просто безусловную, но именно – отличную успеваемость. Редко где и когда встречается оценка “хор”. Преимущественно – “отл.” По всем предметам.

И думается: если и вставал вопрос об исключении Вадима Кожинова из школы – то уж никак не за неуспеваемость, а, скорее всего, за поведение.

Впрочем, ни о каких подробностях он не распространялся. Кстати сказать (нечастый случай для того времени), он не стал ни октябрёнком, ни пионером. Как сам объяснял позднее – “нельзя сказать, что был вполне по-советски настроен... Правда я, как и преобладающее большинство мальчиков, был страстным поклонником Красной армии и горячо воспринимал бои на озере Хасан, участие “добровольцев” из СССР в гражданской войне в Испании, битву у Халхин-Гола и Финскую войну, в которой участвовал (в качестве простого красноармейца) младший брат моего отца, родившийся в 1916 году – Фёдор, или, как он называл себя на английский манер, Тэд. Это был мой самый любимый родственник, и мы с ним активно переписывались, пока он был на фронте”.

Сохранились в небольшом количестве письма “Тэда”, в которых он писал Вадиму:

“23.1.40 г. г. Вологда.

... Походы у нас в Красной Армии называются маршами. Сейчас марши бывают пока короткие... Двадцать первого была первая тревога и затем марш на 45 км с военной игрой (такие занятия называются тактическими)... Винтовка у меня, конечно, есть: настоящая боевая образца 1891/30 года. Я её каждый день чищу. Она всегда должна быть в полном порядке, так как не раз

может меня выручить в боевой обстановке... Морозы у нас достигали -57°C . Сейчас стало "совсем жарко" — каких-нибудь градусов 20°C мороза... С приветом. Ankel Tead (так "Тэд" писал по-английски слово "дядя". — С. К.).

"18.10.40 г.

...Надев белые халаты и лыжи, пошли в разведку на 13 км вглубь финской территории... Нас спереди неожиданно обстреляли финны из автоматических семидесятизарядных винтовок (они все вооружены ими). Мы быстро залегли в снегу и заняли круговую оборону на случай окружения. Т. к. мы, во-первых, не знали, сколько человек белофиннов, а, во-вторых, в темноте их не было видно, нам пришлось часов 5 пролежать в снегу, не шевелясь, ибо стоило только чуть-чуть зашевелиться, как финны наугад (им ведь тоже не было нас видно) пускали очередь из автомата в нашу сторону.

Нельзя было также и определить, откуда они стреляют, т. к. они стреляют разрывными пулями, которые при ударе в дерево дают звук выстрела.

Перед рассветом они усилили огонь и стали приближаться. Мы до сих пор молчали, чтобы не выдавать себя, но теперь были вынуждены стрелять. Стреляли только трое: командир, я и ещё один боец, ибо финны приближались с нашей стороны. Когда стало светать, мы усилили стрельбу, а командир кинул гранату. Они вероятно подумали, что мы будем наступать, и удрали, оставив трёх убитых и одного раненого, которого мы доставили в штаб. Так вот, вероятно, я убил одного из белофиннов, ибо он лежал как раз на том месте, куда я стрелял...

Наша часть стояла в обороне, т. е. не наступала. Мы охраняли границу СССР и ходили в разведку на финскую территорию на глубину 19 км... Снега много. Приблизительно по пояс. Без лыж человек беспомощен...

Обычно мы всегда ходили в шлеме или в тёплой меховой шапке с ушами (как у тебя). Иногда стояли на постах (в особенности на не замаскированных) в каске! Моя каска мне помогла; на ней сохранилась вмятина (между ухом и виском, только чуть выше) от белофинской пули. Жаль, что не могу тебе её показать...

Писем мне больше на старый адрес, понятно, не пиши. Когда приеду на новое место, сообщу своё местоположение. Это письмо я опущу на следующей станции, т. к. поезд сейчас отходит..."

* * *

В автобиографических заметках о предвоенном школьном времени Кожинов с воскресенным в душе восторгом вспоминал о печном ("живом и добротном") отоплении в своей квартире (печь топила бабушка): "Из сарая приносились пахнущие лесом дрова, которые после некоторых усилий разгорались и с веселым треском пылали, превращаясь в угли". Вспоминал первую новогоднюю елку, походы в кинематограф на "Чапаева", "Александра Невского" (и детские игры "в Чапая" и в русских витязей и немецких псов-рыцарей), а также эрмлеровского "Великого гражданина", после просмотра которого, как он писал через много лет, "люди выходили из кинотеатров, где демонстрировался фильм, буквально готовые растерзать любого зинovieвско-каменевско-бухаринского злодея (я учился тогда в начальной школе, но всё же ясно помню и фильм, и реакцию на него)".

27 января 1936 года в "Правде" были опубликованы "замечания Сталина, Жданова и Кирова" об учебниках истории и соответствующее постановление. А 8 августа "Правда" напечатала поистине судьбоносную статью (соответственно, носившую характер руководящего указания) "Привить школьникам любовь к русской классической литературе". Впервые открытым текстом было сказано о царивших на протяжении полутора десятилетий в советских школах обкарнивателях и вульгаризаторах, что "...пытаются сводить всю сложность и всё значение творчества того иного писателя к элементарной классовой характеристике...", обосновывалась необходимость "повести решительную борьбу с теми "теориями", которые сводят всё богатство нашей, а заодно и западной литературы, к бессодержательным формулам". Далее статья совершала фундаментальный переворот в сознании миллионов людей, не меньший, чем в своё время знаменитое сталинское "Головокружение от успехов": "Именно в наше время творчество Пушкина получило наибольшую популярность. Только

освобождённый от ига капитализма народ по-настоящему оценил Пушкина. Советская страна готовится торжественно отметить столетие со дня его смерти. Коммунистическая партия и правительство делают всё необходимое для продвижения произведений Пушкина в самые широкие массы... Народ, его язык, его характер и эпос – вот та почва, в глубину которой уходят корни пушкинского гения.

Нельзя больше терпеть, чтобы в школе извращали преподавание художественной литературы”.

Трудно переоценить значение этого документа для школьников, окончивших несколько классов или только-только севших за парту. Первоклассник Вадим учился уже по совершенно иной программе и иным учебникам, чем более старшие ребята. И здесь как нельзя кстати вспомнить о столетнем юбилее “вечно печальной” пушкинской дуэли 1937 года. Это было, по сути, в о с к р е ш е н и е Пушкина для всего Советского Союза – бывшей Российской Империи. Кожинов вспоминал, “как с упоением читал и перечитывал... целиком, с первой до последней страницы, посвященный Пушкину номер знаменитого тогда детского (мне ведь ещё не исполнилось в то время и семи лет) журнала “Мурзилка”: многое из него и теперь могу воспроизвести наизусть (это писалось уже в год 200-летия Пушкина, в 1999-м. – С. К.)... И заново прививаемые с самого раннего возраста поклонение и любовь привели к тому, что для людей моего поколения (и, разумеется, последующих) Поэт стал воистину близким...”

Зимой того же года Михаил Михайлович Пришвин, который через десятилетия станет одним из главных персонажей кожиновских литературных исследований, запишет в своем дневнике: “Историческая цепь. Амнистия исторической личности (постановление о преподавании истории) – явление того же порядка, что и стахановское движение, и вся “жизнь стала веселее” – таким образом общество вступает теперь на тот самый путь, который мне лично открылся как выход из тупика... Слова “родина”, “Великороссия”, мелочи быта вроде ёлочка и т. п., принимаемые обывателем “весело”, имеют не меньшее рабочее значение, чем на войне пушки и противогазы... Итак, по всей вероятности, жизнь будет делаться всё веселей и веселей вплоть до войны...”

И тут уж к слову: читая в “перестроечные” годы о “тотальном одичании в тридцатые” (как сформулировал будущий кожиновский постоянный оппонент Сергей Чупринин, ничего не изобретая, а лишь выражая то, что приобрело характер массового поветрия, преимущественно среди людей либерального или, как они тогда говорили, “демократического” умонастроения, волей-неволей задашься вопросом: как в этом “тотальном одичании” воспиталось целое поколение (крайне неоднородное, состоящее из сложившихся в будущем яростных идейных противников), многие представители которого фактически сформировали культурную ауру 1960–80-х годов XX столетия...

* * *

Кожинов любил вспоминать – из каких разных пластов формировалось его сознание, пластов, складывавших саму жизнь тех самых “одичалых” лет.

Он вспоминал, как в раннем детстве одна из бабушек привела его в храм, где мальчишка отстоял литургию, а потом поделился своими яркими и необычными впечатлениями с отцом, после чего от отца последовал категорический запрет, обращенный к старшему поколению, приобщать сына к религии.

“Но врезалось в память одно видение. Зимним вечером я шел с домработницей Нюрой, которая играла также роль няни, по переулку недалеко от дома среди белых стен из снега, который тогда увозили только с центральных улиц – в переулках же дворники в течение зимы возводили вдоль тротуаров высокие снежные стены, благодаря малочисленности автотранспорта. И вот в обрамлении этих светящихся даже в вечерних сумерках стен предстал также белый ещё сохранившийся (действующий) храм, над входом в который – загадочный лик Богородицы, освещаемый лампадой. Это было очень сильным и глубоким впечатлением, своего рода неоспоримым свидетельством существования иного мира...”

И ещё одно – многократно повторявшееся – соприкосновение с тайной. Рядом с моим домом – сквер с поэтическим названием Девичье поле. Фонари

на нём были тогда очень редкие и тусклые, и в морозные вечера со всей силой светилось звёздное небо. Я ложился спиной на санки, подолгу глядел ввысь, и это завораживало. Разумеется, я не знал тогда кантовское изречение о звёздном небе над нами и нравственном законе внутри нас, но, как мне кажется, нечто близкое к сему чувствовал...”

Ощущение вечности органично совмещалось с ощущением ежедневной современности, вызывавшей не меньший восторг. Походы на Выставку достижений народного хозяйства, демонстрации на Красной площади, лицезреть которые, Вадим, приведённый отцом, видел и неподдельное веселье собравшихся, которые “пели, танцевали и плясали под музыку множества оркестров, баянов и гармошек. И даже перед Мавзолеем в шествии на Красной площади не было никакой тупой парадности, никакого раболепия”...

И отдельная радость – письма из “Пионерской правды”, куда он посылал свои первые стихи и с которой делился детскими мечтаниями.

“12. XI. 1940.

Здравствуй, Кожинов!

Ты не написал нам своё имя, поэтому мы обращаемся к тебе по фамилии. Не забудь указать имя в следующем письме.

Ты мечтаешь стать военным. Это хорошо. Старайся лучше учиться в школе, а когда кончишь, пойдёшь в ряды Красной Армии. В нашей стране приятно мечтать, так как все мечты могут стать действительностью. Очень возможно, что через несколько лет ты уже сам будешь слушателем академии им. Фрунзе.

Желаем тебе хорошо учиться и быть дисциплинированным.

С приветом. Бурмистрова”.

“9. 4. 1941.

Здравствуй, Вадим!

... Сотни ребят присылают в “Пионерскую правду” свои стихи, а в газете мы помещаем самые лучшие стихи ребят. А твоё стихотворение, хотя и написано для твоих лет неплохо, но для газеты не подходит. Советуем тебе направлять стихи в журнал “Мурзилка”.

... 1939 год. Девятилетний Вадим присутствует при ожесточённом споре своего отца с одним из братьев матери – Владимиром Васильевичем Пузицким. Предмет спора – советско-германский пакт о ненападении. Валериан Фёдорович пытается убедить своего родственника в государственной мудрости руководителей СССР, подписавших этот документ. Владимир Васильевич жёстко отвечает ему, настаивая на их близорукости и непонимании происходящего: Гитлер всё равно нападёт, ни о каком его миролюбии речи быть не может.

Об этом пакте, вокруг которого будет множество слухов и политических спекуляций, Кожинов напишет уже в то время, когда будут опубликованы многие документы, свидетельствующие о правоте в той беседе его отца. Но однажды Вадим Валерианович специально подчеркнул, памятуя тот давний спор, что “жизнь сложнее любых моралистических схем... Критические настроения и разговоры – это одно, а реальное жизненное поведение людей – совсем другое. Можно было бы привести множество фактов, доказывающих, что *конформист* Валериан Фёдорович не был – в своём реальном бытии – в большей степени приспособленцем, чем споривший с ним Владимир Васильевич (скорее даже наоборот...)”. Один подобный факт он и привёл, когда вспомнил свой разговор с отцом, который как о чём-то само собой разумеющимся говорил, что никакого социализма в СССР нет, а есть самый настоящий государственный капитализм.

Начало войны семья восприняла, как миллионы других семей. В домашнем архиве Вадима Валериановича сохранился отдельный листок, на котором он, будучи, очевидно, уже старшекласником, воспроизвёл по памяти приметы тех страшных дней.

“22 июня было воскресенье. Радио у нас не было, и поэтому мы оставались в неведении. Утром пошли втроём гулять в парк, – Гарик (младший брат Вадима Игорь, родившийся в 1939 году. – С. К.) остался дома с прислугой Таней. Был пасмурный день. Мы шли по главной аллее, и вдруг навстречу почти выбежал пожилой человек странного вида:

“Граждане, случилось несчастье, Германия напала на нас!”

Мы приняли его за сумасшедшего и с опаской пошли далее. И вдруг слышим: из репродуктора вылетают обрывки слов: “Севастополь, Киев, Минск,

бомбежка...” Побежали к автомату, звоним бабушке. Сквозь рыдания (Тэд в 77 км от границы в Болохове) слышим подтверждение слышанного. Идём домой. Мать в тревоге, отец сокрушается о долгой войне, я удивлён, как Германия осмелилась напасть на нашу “тысячу раз непобеждённую страну”! (Наверняка, перед глазами мальчишки в эти минуты пробежали кадры разгрома псов-рыцарей на Чудском озере из “Александра Невского”. — С. К.). Их разобьют — я уверен. По дороге слышим речь Молотова: “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами”. Через два дня тревога. Сидя в подвале, я не верю, что тревога настоящая. Действительно, на другой день узнаём — учебная. Месяц живу на ст. “Заветы Ильича”. Карточки с первых дней, неизвестность положения. И вот в ночь с 24 на 25 июля тревога. Теперь уже в подвал доносятся гром и выстрелы. Утром в окно виден горящий дом и красные отблески зарева видны на стене. На улице разрушенные и дымящиеся дома. Каждый день дневные тревоги с 2-х до 4-х, а вечером заблаговременно, забрав чемодан, уходим в соседний 10-этажный дом, в убежище. В 4 утра отбой — идём домой, загадывая — цела квартира или нет. На земле — чёрные воронки зажигалок — в небе аэростаты. Хожу по дворам, собираю подарки: стабилизаторы, корпуса порушенных бомб”.

А уже через много лет Кожин так вспоминал о происходившем в те дни: “В первое время, пока не была налажена противовоздушная оборона, город претерпел очень значительный ущерб, о котором сейчас мало кто имеет представление. Множество жилых и производственных зданий были разрушены мощными фугасными бомбами, а “зажигалки”, как их все называли, вызвали массу пожаров. Навсегда осталось в памяти: перед рассветом я с родителями и младшим братом... выхожу из надёжного бомбоубежища в подвале двенадцатиэтажного дома, а на соседнем, строящемся здании деревянные леса полыхают столь ярко, что светло как в разгар дня”.

Семья во главе с отцом, получившим бронь, как ответственный хозяйственный работник, была эвакуирована в Ашхабад. Там Вадим возобновил учение в школе, оттуда писал письма бывшему в постоянных разъездах отцу. В письмах — сообщения о школьных успехах, о занятиях по военной подготовке, об уроках по шелкопрядству и туркменскому языку (который Вадиму совершенно не давался). И, конечно, стихи.

Кстати сказать, стихи писал и его отец. Самодельные, подражательные поэтам Серебряного века. И был в семье еще один человек, увлекавшийся стихописанием, о котором речь впереди.

В Москву они вернутся в 1943 году.

ИВАН ШЕВЫРЁВ

СФИНКС РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

К 250-летию И. А. Крылова

Мы не знаем, что такое Крылов
А. С. Пушкин

Тайна Крылова замурована, как в пирамиде Хеопса: наглядны только внешние грани огромного таланта народного писателя. “Ума палата” – увидел его, сказал И. С. Тургенев. “Этот человек – загадка, и великая”, – записал поэт Батюшков. В обстоятельной книге “Крылов” (М. 1959) Иван Сергеев уверяет, что тайна обусловлена сокрытием плебейского прошлого гениального баснописца, посчитавшего излишним опровергать различные измышления, анекдоты, вымыслы и легенды о себе: пусть, мол, Моськи лают на слона.

Истина отражена в конкретных стихах:

*Средь нужды, нищеты и горя <...>
Я взрос от самых юных дней.*

Однако ворошить начало своей жизни Иван Андреевич опасался и собственноручной автобиографии не оставил: будучи академиком, наотрез отказался править предлагаемые варианты; оттого у его великих современников и появились загадки.

В связи с отсутствием метрических записей неизвестно действительное место рождения. Энциклопедии и биографы указывают Москву; Иван Сергеев называет Заволжье, где служил бедный (из обер-офицерских детей) поручик драгунского полка Оренбургского корпуса Андрей Прохорович Крылов. Когда в 1770 году для войны с Турцией в Симбирске формировался Московский легион, поручик был произведен в капитаны (этот чин давал право на дворянство). Но вскоре последовал указ Военной коллегии об отчислении из легиона, так как он “парадными вещами исправляться не в состоянии”.

Незаслуженное понижение явилось глубочайшим унижением личности образцового офицера. Ко времени Пугачевского восстания Андрей Прохорович получил-таки чин капитана и в качестве помощника коменданта Яицкой крепости выдержал изнурительную осаду военного городка. Жена и сын оставались в осажденном Оренбурге. Ночной набат и пламя пожаров ярко отразились в цепкой памяти непоседливого мальчика.

Мария Алексеевна, обожавшая народные песни, происходила из неграмотных мещан, читать её научил Андрей Прохорович, что чудесным образом отразилось в воспитании и разуме сына.

Ярящиеся огни во время осады Оренбурга отражены в стихах возмужавшего от невзгод поэта. Когда восстание пошло на убыль, Мария Алексеевна с пятилетним сыном (сквозь непогоду и опасности, подобные описанным А. С. Пушкиным в “Капитанской дочке”) прибыли к Андрею Прохоровичу в Яицкий городок.

В городке заседала следственная комиссия. Преданного сообщниками Пугачёва посадили в деревянную клетку и привезли в крепость, откуда отправили в Москву. Эти трагические события врезались в сознание маленького Крылова. Возбужденные дети играли в “пугачевщину”, не считаясь с потерями: “произошло в ребятах такое остервенение, что принуждены были игру прекратить” — так записал Пушкин 11 апреля 1833 года после беседы с Крыловым.

Подорванное здоровье вынудило Андрея Прохоровича в 1775 году подать прошение об отставке. Военная коллегия отпустила его “на пропитание” по штатским делам без положенного повышения в звании. Хороший отзыв Потемкина заповедал, поэтому надлежало обращаться в Сенат.

Осознав монолитность бюрократии, капитан с семьей отправился к матери в Тверь — со своим кованым сундучком, заполненным накопленными за 25 лет службы художественными произведениями. Сын, рано освоив чтение, открыл волшебный мир поэзии и прозы — в этом разгадка самородка Крылова.

Тверь, благодаря солидной ссуде правительства, открывалась после тотального пожара — с участием выдающихся зодчих, включая Павла Казакова. В городе было много образованных дворян и иностранцев. Ректор духовной семинарии Арсений Верещагин ввел историю и физику в курс наук, а само преподавание — на русском языке вместо латинского. При посещении семинарии с отцом смысленный малец был в восторге от лицедейства учащихся, потом матери декламировал стихи и разыгрывал сценки. В общении со сверстниками и взрослыми постигались живопись, игра на скрипке, латинская азбука, итальянские песни.

Семья жила в бедности, ибо председатель уголовной палаты Андрей Прохорович не брал взяток. Однажды его, как боевого офицера, пригласил помещик Львов. Простодушный рассказ об осаде Яицкой крепости не произвел ожидаемого впечатления. Собравшихся удивил сын представлением в лицах смешных историй, декламацией стихов, игрой на скрипке. Гости и дети помещика были в восторге от талантов вундеркинда, Львов предложил заниматься ему вместе со своими детьми.

В первый и последний раз у ребенка были учителя. Учение давалось легко, но тетради не проверялись. Удалось освоить азы арифметики, геометрии, французского языка. Из сборника басен Лафонтена он выбрал для перевода басню о дубе и тростнике.

Мария Алексеевна после смерти мужа отослала прошение о пенсии на имя Екатерины II. Упомянув о заслугах мужа и “крайней бедности”, она просила пожаловать “на пропитание наше <...> что Вашему величеству всевышний бог на сердце положит”. Напрасные слова. На пропитание ей пришлось зарабатывать бдением у мещан и купцов, читая псалтырь у гроба покойников.

Уже на втором году учебы поступило определение Ивана Крылова подканцеляристом земского суда, а в десять лет он пошел на казенную службу в магистрат. Повытчик заставлял юного чиновника за чтением книги и бил ею по голове. Три долгих года отрок постигал лихоимство коллег и нравы власть имущих. Чтобы выбраться из служебной западни, здравомыслящий сын убедил мать продать книги из кованого сундучка отца — практически весь капитал семьи. Денег матери хватило, чтобы добраться до Петербурга и поселиться с сыновьями в Измайловской роте.

Столица ошеломила провинциала, в особенности увлек театр и модный жанр с песнями и куплетами. Подражая драматургам, он сочинял пьесу “Кофейница” с известным сюжетом гадания на кофейной гуще, положив в основу истинное происшествие в Тверском поместье.

Но сочинение пришлось отложить: магистрат официальной бумагой потребовал возвращения к месту службы “проживающего самовольно” подканцеляриста. Невольник спешно отправился в Тверь и через неделю появился у Львовых.

Было оформлено прошение наместнику Брюсу. В ожидании ответа отрок уединился и сделал оригинальный перевод басни Лафонтена, получивший похвалу помещика и его домочадцев. Воодушевленный удобным случаем, Львов

устроил встречу с Брюсом. Согласно резолюции заместителя, Иван сын Андреев Крылов 23 августа 1783 года получил свободу и чин канцеляриста “за беспорочную ево службу”.

В сентябре юный чиновник по протекции поступил на службу в Петербургскую казенную палату, а уже через 2 месяца получил чин провинциального секретаря с окладом 7 рублей в месяц. Для Марии Алексеевны это был лучший подарок.

Случайно встреченный в театральной канцелярии издатель и книготорговец Брейткопф, просмотрев рукопись комедии “Кофейница”, предложил автору 60 рублей ассигнациями. Вместо денег начинающий драматург взял книги Мольера, Расина, Буало. Брейткопф в то же время свел его с ценителями искусства и музыкантами театрального оркестра. С новыми друзьями по воскресеньям Иван играл на скрипке дуэты, трио и квартеты.

Трагедию “Клеопатра” пятнадцатилетний сочинитель отдал на суд поэту, актеру и драматургу Дмитревскому. Иван Афанасьевич три дня правил текст, хвалил удачные стихи, указывал на ошибки и промахи, а закончил дружеским советом уничтожить исчерканную рукопись: Клеопатрой втихомолку называли Екатерину II. По этой же причине “учитель русского театра” забраковал трагедию “Филомела” – с восстанием греческого народа в финале.

Пройдя школу взыскательного Дмитревского, юноша пробовал себя в разных жанрах. На семнадцатом году жизни его сочинения напечатал журнал “Лекарство от скуки и забот”. Сын этим первым успехом порадовал больную мать – незадолго до ее кончины. Заслуги отца и собственные связи помогли определить десятилетнего брата Левушку в гвардию.

Зарабатывая на скудную жизнь чиновником казенной палаты, юноша создал веселую оперу “Бешеная семья” и комедию “Сочинитель в прихожей”, которые по рекомендации Дмитревского отнес в театр Михаилу Федоровичу Соймонову. Вельможа пожелал положить “Бешеную семью” на музыку и заказал перевод с французского модной оперы “Инфанта”, а также устроил чиновником в Горную экспедицию.

В театре, однако, возникли препятствия с советником Соймонова по репертуару Яковом Борисовичем Княжниным, ставшим на правах зятя Сумарокова “первым на Руси” драматургом. Позже Крылов в “Письме о пользе желаний” оптимистично напишет:

*Препятство злом напрасно мы зовем;
Цена вещей для нас лишь только в нем;
Препятством в нас желанье возрастает;
Препятством вещь сильнее для нас блистает.*

Именно Княжнин убедил Соймонова ввести “санкции” на сочинения Крылова, наряду с переводом “Инфанты” и либретто оперы “Американцы”.

Считавшая себя поэтессой Княжнина, узнав, что Соймонов выдал юноше билет на рублевые места, при встрече театрально “плюнула в душу”: “нашелся писатель за пять рублей”. Иван Андреевич в ответ написал сатирическую комедию “Проказники”, в которой Яков Борисович назван Рифмокрадом, а его жена Тараторой.

Великолепная память и отменное здоровье позволяли Крылову быть вездесущим: писать стихи, эпиграммы, переводить с итальянского и французского, кропать сочинения о спесивых дворянах. Но сатира на писателей явилась крахом его театральной карьеры: М. Ф. Соймонов снял подготовленную к постановке в театре оперу “Американцы”, не заплатил и за перевод “Инфанты”. “Расплата” произойдет через три года.

Пришлось оставить и службу в Горной экспедиции у того же Соймонова. Взвинченный невзгодами Крылов сочинил памфлет о Рифмохвате и опубликовал его в журнале “Утренние часы” И. Г. Рахманинова (прадеда композитора); затем написал открытые письма Княжнину и Соймонову, внешне подобострастно-наивные, а по сути издевательские, и пустил копии по рукам. Вельможа автор просил возвратит оперы “Бешеная семья” и “Американцы” для того, чтобы дать публике “отчет, почему мои творения не приняты на театр”...

Усердно сотрудничая в журнале “Утренние часы”, Иван Андреевич фактически стал его соредактором. В 1789 году Крылов предложил Рахманинову

использовать литературную форму сатирического журнала Федора Эмина “Адская почта” под заглавием “Почта духов”. Иван Герасимович добился разрешения на издание нового журнала и взял все расходы на себя; поручив все дело Ивану Андреевичу, уехал в тамбовское имение. “Почта духов” выходила анонимно с монограммой “И. Р.” на обороте титульного листа. Используя материалы Рахманинова и его библиотеку, Крылов сочинял свои сатирические новеллы, статьи и фельетоны на злобу дня в стиле Радищева, Новикова и других авторов. В письмах духов гномы, волшебники и сільфы говорили о пороках общества. В письме сільфа Дальновида утверждалось, что “львы и тигры менее причинили вреда людям, нежели некоторые государи и их министры”. Автор пояснял: “Кажется, что люди тех только монархов называют Великими, которые во время своего царствования истребили из них несколько миллионов”. В то же время труженики всех видов полезной деятельности заслуживают почета и уважения, а праздность “часто бывает источником всех пороков и причиною величайших злодеяний”.

Сільф Выспрепар рассуждал о золотом веке государства, если бы в нем оказалось двести честных деятелей, что весьма проблематично.

Персонажи “Почты духов” Световид, Трудолюбов, Дальновид, Буристан, Рубакин, Плуторез, Выспрепар, Тихокрадов, узнаваемые в реальной жизни, привлекли внимание и читателей, и власти.

Прибывший в столицу И. Г. Рахманинов в июльском номере исключил язвительные выпады против правительства. В восьмом номере гном Зор уже восхищался мудрой Минервой: она ведет победоносные войны, умно правит народами, поощряет искусство и науки.

Раздумья Крылова обобщены в письме Маликульмулька: “Вся история дел человеческих, от самого начал света, наполнена злодеяниями, изменами, похищениями, войнами и смертоубийствами”. Народы надо исправлять не угрозами и карами, а учить и воспитывать. “Нравоучительные правила должны состоять не в пышных и высокопарных выражениях, а чтоб в коротких словах изъяснена была самая истина. Люди часто впадают в пороки и заблуждения не оттого, что они их позабывают; а для сего-то и надлежало бы поставлять в число благотворителей рода человеческого того, кто главнейшие правила добродетельных поступков предлагает в коротких выражениях, дабы оные глубже впечатлевались в памяти”. Молодым людям автор готов “твердить, что вступать в свет без всякой осторожности, в надежде найти в нем справедливость и чистосердечие, есть равно как бы пускаться в море без карты и без компаса”.

За анонимные философские сатирические сочинения Ивана Андреевича Крылова пострадал Иван Герасимович Рахманинов: издательство журнала прекратилось почти одновременно с запрещением и сожжением “Путешествия” А. Н. Радищева, которого заключили в Петропавловскую крепость (Уголовная палата, Государственный совет и Сенат, памятуя слова царицы: “бунтовщик хуже Пугачева”, утвердили смертный приговор в августе 1790 года).

Только анонимность автора и прекращение выпуска журнала спасли И. А. Крылова от ссылки. По предложению сослуживца казенной палаты он оказался в помещицкой усадьбе Орловской губернии, где обрел сердечную дружбу 15-летней Анюты Константиновой. Однако ее родители дали понять, что их дочь не чета писателю без рода и племени. От этой душевной встречи остались грустные стихи, да прощальная песенка с припевом:

*А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?*

В то же время Иван Андреевич близко сошелся со знакомым писателем А. И. Клушиным родом из Твери. Уже в Петербурге Алексей Иванович поведал ему о драме молодого актера Сандунова, невеста которого приглянулась графу Безбородко. Соймонов решил перевести жениха в Москву, а невесту оставить в Петербурге. На последнем спектакле в присутствии Екатерины II Сандунов прочел стихотворение Крылова и Клушина, в котором развратный вельможа домогается невесты бедного актера, но императрица не допустит торжества порока. Императрица позвала в ложу Лизаньку Уранову; ее слезы и треволнения закончились торжественной свадьбой Сандуновых. Соймонова отстранили от театра; у Крылова в Москве оказались надежные друзья.

Судьба А. Н. Радищева подвигла Крылова к лихорадочному творчеству. Весьма своеобразно в царской опочивальне оказалась “Ода Всепресветлейшей, Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне – Самодержице Всероссийской на заключение мира России со Швецией, которую всеподданнейше приносит Иван Крылов...”. С душевным пафосом автор показал немалые заслуги Екатерины II перед отечеством, чтобы воззвать к ее милости, ибо для подданных символична “непомраченная злом корона”:

*Ее десница грома мечет,
Но в сердце милость у нее...*

“Милость” последовала в сентябре 1790 года: императрица подписала указ о замене смертной казни А. Н. Радищева ссылкой в Сибирь на 10 лет.

Когда во Франции грозно бушевала революция, в Петербурге открылась типография на паях “Крылов со товарищи”. Издавать журнал “Зритель” с января 1792 года у пайщиков не хватило средств, и Иван Андреевич объяснил в первом номере: “Ныне высокос, февраль именинник – вот причина, для чего “Зритель” начинается с февраля”. В программном обращении издатели Дмитревский, Клушин, Крылов и Плавильщиков сообщали: “Право писателя представлять порок во всей его гнусности, дабы всяк получил к нему отвращение, а добродетель – во всей ее красоте, дабы пленить ею читателя...”. В передовой утверждалось: “Россияне велики в делах; а в описаниях об них весьма скромны <...> россияне не для того бьют врагов, что они охотники драться, а для того, чтобы их самих не били <...> Храбрость и отвага их основательны, а неустранимость преславна”.

Литература в понимании Крылова, отражая истину, должна быть школой патриотизма. Применяя к обстоятельствам, он сочинил “Похвальную речь в память моему дедушке”: “Пусть кричат ученые, что вельможа и нищий имеют подобное тело, душу, страсти, слабости и добродетели. Если это правда, то это не вина благородных, но вина природы, что она производит их на свет так же, как и подлейших простолюдинов...”.

В статье “Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума” Крылов давал советы на тему: “Умей говорить, не думая...”. Одна за другой следовали сатирическое эссе “Речь, говоренная повесою в собрании дураков”, петербургская сказка “Ночи”, остроумная сатирическая повесть “Каиб”, в которой вельможи и сановники рядились в пышные одежды визирей и эмиров.

В повести “Каиб” калифа убеждает некий призрак: “Помни, что право твоей власти состоит только в том, чтобы делать людей счастливыми...”.

Служка за издателями закончилась тщательным обыском в книжной лавке “Крылов со товарищи” и типографии, однако “вредных сочинений не нашлось” – доносил губернатор Коновницын фавориту Екатерины II Платону Зубову. Издатели убедили пристава и обер-полицеймейстера в благих намерениях своих сочинений “без всякого умысла”. Полицейский доклад императрице заканчивался фразой: “Дальнейшие исследования до Высочайшего благоусмотрения остановил, дабы не последовало и малейшей обиды, и притеснения, как о том мне приписать изволили”. Разумеется, издатели об этом докладе не знали. Дмитревский и Плавильщиков устранились от издания журнала.

В конце года полиция снова учинила обыск в типографии. Изъятые сочинения изучала сама императрица. Вместо “Зрителя” Крылов и Клушин получили разрешение на издание “Санкт-Петербургского Меркурия”, и в нем уже не было сатирических очерков против правительства.

Крылов написал панегирик “Похвальная речь науке убивать время”, закончив его фразой: “Год уже наступил... время наваливается на наши руки, но ободритесь – остерегайтесь мыслить, остерегайтесь делать, и год сей будет служить нам оселком, над которым наука убивать время покажет новые опыты, достойные нашего просвещения”.

Пристальное внимание властей к “Меркурию” вынуждает авторов печатать “благонамеренные статьи”, а также оду “на случай фейерверка” в связи с окончанием войны с Турцией.

В стихах Иван Андреевич горестно обращается к слепой фортуне: “За что ты ко мне так сурова?” и заканчивает откровением:

*За правду зная нелюбим,
За истину от всех гоним,
Умрешь и беден, и бесславен.*

Императрица вызвала инакомыслящих авторов для беседы во дворец поодиночке. А. И. Клушин опубликовал в “Меркурии” льстивую оду, в итоге получил 1500 рублей для образования за границей. И. А. Крылов последовал собственному совету из “Почты духов”: “Дабы получить успех в изучении мудрости, надлежит лучше быть зрителем, а не действующим лицом в тех комедиях, которые играют на земле”.

Книжка журнала заканчивалась объявлением: “Год “Меркурия” кончился и за отлучкой издателей продолжаться не будет”.

После десяти лет непрерывной творческой работы И. А. Крылов с рухнувшими надеждами тихо удалился из опасной для него столицы. Отлучение от литературы и скитание по стране от Невы до Волги, Днепра и Балтики также продолжались 10 лет.

По мнению известного литератора Греча, душа Ивана Андреевича “требовала ощущений — он стал игроком”. Однажды он выиграл весьма круглую сумму, но в следующую ночь все проиграл шайке мошенников. В азарте игры Крылов усвоил маску напускного безразличия, тайно побывав с гастроле-рами-банкетными в десятках городов Поволжья и центральной России. В скитаниях он постигал диалекты, оттенки и нюансы народного языка и сохранял их в “кладовой” памяти; в затрапезных гостиницах переводил с французского или итальянского языков короткие описания и без подписи посылал в журнал “Приятное и полезное препровождение времени”. Его отрезвили разоблачения в печати элитных организаций картежных шаек, связанных с полицией и чиновниками.

Временно Крылов обосновался в близкой ему по духу Москве, где гостей принимали доверчиво по уму. Знакомый живописец привел его в дом хлебо-сольных Бенкендорфов. Хозяйка рисовала акварелью и была душой общества музыкантов, художников, литераторов — круг людей, приятных для Ивана Андреевича. На память о дружеских беседах Елена Ивановна попросила оставить какой-нибудь эскиз — по обычаю ее салона. Осенью 1795 года Крылов нарисовал пером портрет императрицы и отправил его, сопроводив стихотворением и письмом с цитатой из “Покинутой Дидоны” итальянского поэта Метастазии (создателя 28 оперных либретто); ее перевод означал: “Последнее, что теряешь — надежду”. В письме он сетовал: “До сих пор все предприятия мои опровергались, и, кажется, счастье старалось на всяком моем шагу запнуть меня; это было, есть и, может, вечно так будет; но пусть только одна она не отлучается от меня и проводит меня до моего гроба...”.

И все же литератор начинал выходить из подполья: два стихотворения были отосланы в новый альманах Карамзина и Дмитриева “Аониды” с подписью “И. К-в”.

Обстоятельства изменились с кончиной Екатерины II осенью 1796 года. Крылов поспешил в Петербург. На прогулке у Зимнего он неожиданно повстречался с Павлом I. Спросив о здоровье, император, не дожидаясь ответа, пригласил на досуге заходить во Дворец. На другой день творца приняла Мария Федоровна. В меру скромный, тактичный, остроумный молодой человек произвел на нее благоприятное впечатление — императрица его запомнила.

Вера в доброго императора быстро сменилась тревогой: “гром барабанов” в столице обещал молниеносные разряды. Только его бывшего компаньона Клушина эта стихия не пугала: за границей, в Ревеле, он женился на немецкой баронессе, в Петербурге доказал опалу Екатерины II и был назначен цензором на театре, а Павлу I поднес оду. Крылов, сославшись на душную атмосферу столицы, простился с приятелем и поехал в Москву. Дружба с Бенкендорфами расширила его связи со знатью, а главное — состоялось знакомство с С. Ф. Голицыным. Опальный князь увез его в свое поместье Зубриловку (теперь там литературный музей), сделал его своим секретарем. Неожиданно Голицын получил приказ выехать в армейские части в Литву. В роли личного секретаря поехал на Запад и подпоручик Крылов.

Князь не поладил с немецкими ставленниками, вновь впал в немилость Павла I и вместе с опальным секретарем удалился в свое поместье Казацкое Киевской губернии.

Углубляя и расширяя свои знания, Иван Андреевич принялся учить детей. Один из них вспоминал: “Учитель не довольствовался одним русским языком, а к наставлениям своим примешивал много нравственных поучений и объяснений разных предметов из других наук”. На уроках он шутил с детьми, иногда спорил, на дельные вопросы толково отвечал. Одновременно в глуши парка были созданы комедия “Пирог” и шутотрагедия “Подщипа” – злая карикатура на сумасбродство павловских порядков. В крепостном театре автор играл заглавную роль Триумфа – наглого немецкого принца-солдафона, захватившего царство Вакулы. Актерский и режиссерский талант Крылова поразил публику.

Тайное творчество и спокойная жизнь закончились внезапно – в Казацкое примчался гонец с известием о кончине императора и приказом о назначении князя военным губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Крылов поехал не в Ригу, а в Петербург. Прибыв в столицу, он отправил вдове Павла I Марии Федоровне письмо, в котором не просил ни чинов, ни денег, а только изложил мотивы своего желания служить у Голицына в Прибалтике. Без промедления провинциальный секретарь Иван Крылов по указу Сената направляется правителем дел в канцелярии губернатора.

В Риге он привел в систему свое образование. Освоив в совершенстве немецкий язык, Иван Андреевич упивался точностью мысли и музыкой слога стихов Шиллера.

Летом 1803 года Ригу посетил Александр I, третий монарх, воочию увиденный Крыловым за семь лет. Пришло осознание – добрых царей не бывает.

Литературное поприще вновь позвало в дорогу: в столице состоялась премьера пьесы “Пирог”, а книготорговцы переиздали “Почту духов”.

Осенью 1803 года Голицын отпустил губернского секретаря в Россию “для определения к другим делам”, как вскоре оказалось – к литературным. Побывав в Москве, Крылов уединился у брата в Серпухове, полный сил и желания творить. Испысывая днем и ночью кипы бумаги, он вчерне написал комедии в прозе “Модная лавка” и “Урок дочкам”. Тогда же был написан “Лентяй” в защиту русских нравов, культуры и языка от иностранного влияния.

Кроме жанра комедии русскому духу соответствовала басня. Чтобы избежать запрета, умудренный горьким опытом, Крылов начал с переводов на русский язык произведений иностранных авторов, насыщая их жизненной философией и злободневностью. Переводчик басен Лафонтена И. И. Дмитриев, одобрив произведения Крылова, передал их в журнал “Московский зритель”, где они были опубликованы в начале 1806 года.

После удачного дебюта в Москве Иван Андреевич прибыл в Петербург. В доме И. А. Дмитриевского состоялась читка комедии “Модная лавка”. Театрал Шаховской определил ее к постановке.

Директор театров А. Л. Нарышкин заказал Ивану Андреевичу либретто оперы “Илья Богатырь”. Премьера состоялась в конце 1807 года. Призыв к единству нации и страны был услышан. Публика восторженно воспринимала куплеты о борьбе и победе русских воинов. После Тильзитского мира на волне галломании, когда даже гвардию одевали по французскому образцу, здравницы русскому герою были весьма актуальны.

После успеха в театре Шаховской привлек автора к изданию журнала “Драматический вестник”. Именно в нем увидел свет басни “Волк и Ягненок”, “Слон на воеводстве”, “Лев на ловле”, “Слон и Моська”. Ларчик его успеха в народе открывался просто: нравоучения басен легко запоминались и толковались читателями в узком и широком смысле философских иносказаний мудреца. В баснях “по случаю” выдвигались и решались “опасные” темы, такие как “воспитание льва”, где речь шла явно об Александре I, воспитанном швейцарцем Лагарпом; о казнокрадах (“Вороненок”), о выдвигенцах на государственные посты (“Совет мышей”). Умысел “Квартета” “А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь” касался перестановок в правительстве.

В 1808 году Крылов напечатал около двадцати басен, а осенью по совету Президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина поступил на службу в Монетный департамент в чине титулярного советника. Вельможа сознавал, что Ивану Андреевичу требуется твердое общественное положение, а служба в департаменте позволяла держать баснописца в поле зрения. Более того, Крылов стал частым гостем в доме Лениных, подружился с умной

женой хозяина, стал своим человеком в семье, разделяя ее горести и радости. Оленин был первым читателем и редактором новых басен.

В начале 1809 года вышла первая книга, успех которой ошеломил автора.

Более года усердно трудился Крылов над новыми баснями и в конце 1809 г. передал их для публикации Оленину. Вторая книга появилась весной 1811 года и быстро раскупилась. Автор вполне овладел стихией народного языка, прокламируя в баснях “опасные” темы, волновавшие общество предвоенного времени.

В 1811 году Наполеон сказал своему послу в Варшаве аббату де Клодту: “Через пять лет я буду владыкой всего мира. Остается одна Россия, — я раздавлю ее...”. В июне 1812 года 640-тысячная армия вторглась в Россию. Александр I пытался договориться с Наполеоном и униженно предлагал мир. Крылов пустил по рукам басню “Кот и повар”, в которой убеждал правительство не уговаривать кота Ваську, а применить силу — само существование России оказалось под угрозой.

В басне “Раздел” Иван Андреевич клеймил “торгашей”:

*...Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает о выгоде своей.*

Вполне принимая дальновидный маневр Кутузова, Крылов написал басню “Ворона и Курица”. Это о Наполеоне пословица: “Попался, как Ворона в суп”. А самое важное — в защиту полководца, без какой-либо аллегии, подана историческая истина:

*Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил...*

Тут воистину “смысл не в конце и не в начале, а от начала до конца”.

Армия воодушевлялась, читая басню “Волк на псарне”. Сам Кутузов ее озвучивал перед войском после сражения под Красным с обнаженной седой головой:

*Ты сер, а я, приятель сед.
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делай мировой,
Как снявши шкуру с них долой.
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.*

Пожалуй, так подняться в России “на крыло” никому не удавалось. Батюшков писал Гнедичу: “. . . в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием”. “Басни превращались в живую историю”, — уверял издатель “Русского вестника” ополченец Сергей Глинка.

Вельможи типа Ростопчина, генералы Вильсон, Толь и другие обвиняли Кутузова в медлительности. В ноябрьском номере “Сыны отечества” появилась басня “Обоз” — об удали ретивого коня, опрокинувшего воз с горшками в канаву, и понятной всем моралью:

*Все кажется в другом ошибкой нам:
А примешься за дело сам,
Так напраказишь вдвое хуже.*

Адмирал Чичагов, обманутый Наполеоном фальшивыми мостами через Березину, бежал от маршала Удино без обоза, канцелярии и фургона со столовым сервизом, и в результате позорно упустил императора. В басне “Щука и Кот” охотница на ершей взялась ловить мышей, а осталась полуживой и без хвоста (обоза). А знаменитое начало превратилось в пословицу: “Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги точать пирожник”.

Когда Кутузов изгнал французов из России, Александр I отправился с армией за границу. Крылов написал серию басен, таких как “Заяц на ловле”, о награжденных чиновниках-“храбрецах”, и “Добрая лисица” — лицемерии в отношении жертв войны. Немецкий фельдмаршал Гнейзенау тогда же констатировал: “Если бы не превосходный дух русской нации, если бы не ее ненависть против чуждого угнетения, то цивилизованный мир погиб бы, подпавав под деспотизм неистового тирана”.

В январе 1814 года в присутствии элиты Петербурга состоялось открытие Императорской публичной библиотеки. После официальных речей о пользе знаний взволнованный Гнедич требовал растить русскую литературу, ибо “перо писателя может быть в руках его оружием более могущественным, более действенным, нежели меч в руках воина, и чтобы владеть с честью пером, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом”. В философской притче о пользе и вреде наук Крылов выполнил наказ шефа Оленина:

*Какой-то древний царь впал в страшное сомненье:
Не более ль вреда, чем пользы от наук?
<...> И не разумнее ль поступит он,
Когда ученых всех из царства вышлет вон?*

У рыбака было три сына. Ленивый только собирал жемчуг, трудолюбивый богател, алчный нырнул на большую глубину, чтобы разбогатеть сразу, и утонул, поэтому в жизни и в науке следует быть реалистом.

*Хотя в ученье зрим мы многих благ причину,
Но дерзкий ум находит в нем пучину
И свой погибельный конец,
Лишь с разницею тою,
Что часто в гибель он других влечет с собою.*

По случаю возвращения императора в Россию была написана басня “Чиж и еж”, которая заканчивалась, как положено, упоминанием имени самодержца, но с немалой долей иронии:

*Так я крушуся и жалею,
Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел.*

Стараниями Оленина и Жуковского помощник библиотекаря титулярный советник И. А. Крылов стал коллежским асессором. В 1815 году вышли из печати “Басни Ивана Крылова в трех частях”, на другой год изданы четвертая и пятая части. Автор пояснял: “Этот род понятен каждому; его читают и слуги, и дети”.

Нередко работая ночи напролет, он на заре купался в канале у Летнего сада, а днем в библиотеке иногда засыпал и видел живописные сны; дремал он и в обществе, отчего рождались анекдоты о его лени.

Несколько раз в году в Зимнем дворце у Марии Федоровны происходили чопорные обеды и литературные чтения, где Иван Андреевич был самым почитаемым гостем.

Публичная библиотека, богатая иностранной литературой, стараниями Крылова и Сопикова обогатилась в тысячу раз русскими книгами.

Многогранные труды сначала вызывали приливы крови и головные боли, а однажды ночью случился удар: сердце замирало, руки не двигались. В одиночестве он перемогал болезнь и вскоре уже работал.

Второй удар случился зимой. Из последних сил он дошел до Олениных, изнемогая от слабости, прошептал Елизавете Марковне: “Помните, я говорю, что приду к вам умирать”.

Благодаря докторам и заботам хозяйки болезнь отступила. Летом его пригласила в Павловск Мария Федоровна. В дворцовом парке он настолько отдохнул и окреп, что стал готовить для новой книги басни, написанные в “годы молчания”.

Вернувшись в Петербург, Иван Андреевич днем работал в библиотеке, ночами шлифовал новые строки. На пятьдесят шестом году жизни вышла

очередная книга в 26 басен. “Пестрых овец” цензура запретила целиком, ибо “Лев пестрых невзлюбил овец”: они олицетворяли русских вольнодумцев. На вопросы об “умысле” автор умно открещивался.

Князь Вяземский расшифровал тайнопись разночинца Крылова, предпочитая ему Дмитриева, на что ссыльный Пушкин писал: “Грех тебе унижать нашего Крылова. Что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова”. Гоголь уверял: “Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительно и выражаться так доступно всем, как Крылов”.

В жизни Иван Андреевич артистично играл роль человека с душой нараспашку — любил всласть покушать и посмеяться, одевался небрежно, на людях жил беспечно; превращал ночь в день, создавая свои актуальные на все случаи бытия творения.

В день восстания декабристов Крылов в сопровождении сослуживца Лобанова поспешил на Сенатскую площадь. Знакомые по гостинице Оленина и редакция журналов, узнав его, кричали: “Уходите, Иван Андреевич, уходите скорей, вам не надо здесь быть”.

Пестель, Рылеев, Бестужев, Муравьев-Апостол, Волконский — со всеми он встречался — было отчего на старости лет переживать и попасть в опалу.

Вскоре Крылова вызвали во дворец. “Благосклонная беседа с государем осталась тайной для истории”. Сын Марии Федоровны не мог посадить “дедушку Крылова” в каземат. Пожаловал его чином коллежского советника. Однако новые басни “Пушки и паруса”, “Бритвы” и “Бедный богач” появились в альманахе “Северные цветы” только в начале 1829 года. Пример Пушкина, издававшего свои гениальные творения, и его рассказ о встрече с опальным Ермоловым определили содержание басни “Булат” — крамолу в ней не осмелились усмотреть.

В 1830 году вышли басни в восьми книгах. Издатели не скупились, и журналисты подсчитывали сумму его гонораров в 150 тысяч рублей. Его пенсия была удвоена, ибо он стал уже статским советником.

За два дня до роковой пушкинской дуэли издатели и писатели устроили торжественный обед в честь переезда книжной лавки Смирдина. Крылова усадили между Пушкиным и Жуковским за стол с яствами.

А утром 1 февраля 1837 года гроб с телом Пушкина выносили из церкви Крылов, Жуковский и Вяземский. В последующие семь лет Иван Андреевич не написал ни одной басни; для новых изданий правил прежние публикации.

В начале 1838 года на вечере у Одоевского возникла идея торжественно отметить 50-летие литературной деятельности Крылова. Власть разрешила совместить юбилей с его днем рождения 2 (13) февраля. Литераторы во главе с Одоевским в доме Энгельгардта устроили лукуллово пиршество. Купцы поставили лучшие деликатесы, вина и фрукты. Не поскупились и богачи, “жадною толпою стоящие у трона”. “Весь Петербург” съехался на банкет. Ивана Андреевича наградили орденом, увенчали лавровым венком. Была исполнена кантата, написанная Вяземским. Поднимая бокал в честь юбиляра, В. А. Жуковский сказал: “Наш праздник... есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие...”.

Среди помпезных речей только Жуковский, обращаясь к Ивану Андреевичу, вспомнил наставника-баснописца И. И. Дмитриева и добрым словом упомянул Пушкина: “На празднике нашем недостает двух, которых присутствие было бы украшением и которых потеря еще так свежа в нашем сердце. Один, знаменитый предшественник ваш на избранной вами дороге, недавно кончил прекрасную свою жизнь, достигнув старости глубокой... Другой, едва расцветший и в немногие годы наживший славу народную, вдруг исчез, похищенный у надежд, возбужденных его гением”.

Вещие реалии высказал Одоевский: “Мы еще были в колыбели, когда ваши творения уже сделались дорогою собственностью России и предметом удивления для иностранцев. От ранних лет мы привыкли не отделять вашего имени от имени нашей словесности <...> Ваши стихи во всех концах нашей величественной родины лепечет младенец, повторяет муж, вспоминает старец; их произносит простолюдин, как уроки положительной мудрости, их изучает литератор, как образцы остроумной поэзии, изящества и истины...”.

Одоевский ясно сказал, что басни Крылова — драгоценное наследство русского народа.

Весной 1841 года на основании прошения об отставке ему сохранили пожизненную пенсию и жалованье в библиотеке. Вполне обеспеченный человек, он мог позволить себе изысканные блюда, изредка в своем экипаже выезжал в Английский клуб, иногда посещал концерты, собрания, литературные вечера. Белинский вспоминал: "...любо было смотреть на эту седую голову, на это простодушное, без всяких претензий величавое лицо: точно, бывало, видишь перед собою древнего мудреца".

На одном вечере его наблюдал И. С. Тургенев: "Он опирался обеими руками на колени и даже не поворачивал своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изредка двигались под нависшими бровями <...> Ни сонливости, ни внимания на этом обширном, прямо русском лице — а только ума палата..."

Осенью 1844 года при Академии наук открылось отделение русского языка и литературы. В списке академиков имя Крылова стояло первым.

Перед кончиной 9 ноября 1844 года Иван Андреевич просил выполнить свое последнее желание: каждому пришедшему на похороны вручить пакет с баснями в девяти книгах, подготовленных и изданных автором.

Похоронен Крылов в Александро-Невской лавре.

ПЁТР ПАЛИЕВСКИЙ

ЗАВЕЩАНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

К 100-летию смерти В. В. Розанова

В конце августа 1891 года в Троице-Сергиевскую лавру прибыл чрезвычайно уверенный в значении своей мысли и глубоко оскорбленный невниманием к ней человек. Все его усилия убедить современников оказались тщетны. Писательская карьера не удалась; социально-политическим теориям, в которых он предрекал разложение и гибель там, где другие находили благодетельный прогресс, верить никто не хотел. Не лучше складывалась личная судьба. Монастырь, куда он решил удалиться в критическую минуту жизни, принимал его в свои стены медленно и осторожно. Вот и сейчас настоятель лавры, его давний знакомец по дипломатической службе в Турции, сам в молодости писатель, никакого расположения его приезду не выказывал, несмотря на полученное в Оптиной пустыни благословение старца Амвросия и принятый там же тайный постриг. Положение отягчала мучительная болезнь. Бесконечно одинокий боец с движением истории поселился в дешевом номере лаврской гостиницы, чувствуя себя буквально, а не духовно только, извергаемым из жизни. Это был, конечно, Константин Николаевич Леонтьев. Здесь 12 ноября того же года он и скончался.

Но перед тем он успел передать наверх, рукой утопающего, нечто, что, по его убеждению, нужно было во что бы то ни стало спасти.

Это были две толстые тетради, каждая объемом с книгу, озаглавленные “Разного рода обо мне – отзывы, порицания, похвалы, возражения и сочувствия (от 75–76 года)”... За их обложками скрывался набор газетных и журнальных вырезок, испещренных на полях ответными восклицаниями, выпадами и новыми суждениями автора; т. е. основной свод его идей в споре с современниками, своим веком и историей. Эту уникальную расклейку создала под наблюдением Леонтьева в 1890 году его племянница Мария Владимировна, и она же переписала еще четыре тетради школьного типа с дополнительными соображениями Леонтьева по поводу новейших теорий европейских философов, экономистов и политических мыслителей. Они назывались “Отрывки и разные мысли. 1889”. Оба материала Леонтьев отправил, не колеблясь, лично не знакомому ему человеку, которого решил, в свойственной ему безоговорочной манере, сделать своим преемником. Назначен таковым был провинциальный, тогда только начинающий литератор Вас. Вас. Розанов.

Посылке придавалось исключительное значение. К прежним комментариям Леонтьев добавляет новые, специально обращенные к Розанову, превращая их порой в развернутые письма. “Знаете – видно, было «назначено», чтобы я Вам написал все эти заметки к наклейкам!” [2:731]. В провиденциальном характере события он уверен настолько, что сравнивает себя с Симеоном Богоприимцем, готовым умереть, сподобившись, наконец, явления Истины.

“21 авг. Сейчас только окончил чтение Вашей статьи «Европ<ейская> культ<ура>»... Опять приходится сказать еще раз: «Ныне отпускаеши» [2:296]. Передавалось не просто самое сокровенное. “Прошу Вас убедительно никому этих наклеек не давать и не показывать...”. Секреты, поясняет он, не секреты, “а есть такие «оттенки» в этих примечаниях, которые я бы, вероятно, изменил, если бы писал их не для Вас, а для кого-нибудь другого, который внушал бы меньше доверия, чем Вы” [2:296]. Дело доходит до беспрецедентного в литературе предложения Леонтьева Розанову дописать за него лежащее в столе его любимое сочинение, которое составит потом его славу, — “Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения”. Впечатление таково, что Леонтьев своим “отпускаеши” спешит освободиться от непосильного мыслительного бремени и переложить его на молодые плечи.

Как ни странно это выглядит теперь, но, несмотря на выпренный тон, Леонтьев, возможно, даже недооценил составленный им компендиум. Он смотрел на него с точки зрения своих приговоров (“идиот”... “неужели это не чепуха?? — Не берусь решить сам! — Что скажет г. Розанов В. В-ч?” [2:386, 664]). На самом деле его полемика собрала в один узел представителей всех почти умственных течений России. Подборка захватила единым кругом существовавшие в то время в поле зрения главные представления о движении истории и месте в ней России; она образовала клубок неразрешенных, напряженно обсуждаемых вопросов и идей, далеко заглядывавших в будущее. Сюда попали: Лев Толстой, точку зрения которого отстаивал включенный в рассмотрение Н. С. Лесков; непрерывно задираемый и задеваемый Ф. М. Достоевский; И. С. Тургенев; проводники официальных доктрин, считавшие Леонтьева своим, — М. Н. Катков, В. А. Грингмут, кн. В. П. Мещерский и др.; голоса монашеской среды, русского старчества и иерархов Церкви; отзвуки ведущих религиозных философов времени — Вл. Соловьева, Н. Н. Страхова, Н. П. Гилярова-Платонова, Ю. Н. Говорухи-Отрока и др., а также непрерывно соотносимые с ними взгляды их противников, социалистов-атеистов Герцена, Белинского, Чернышевского и др. А когда к ним добавился своим обширным комментарием Розанов, обзор сложился в некую умственную галактику, которая чем дальше отодвигалась от участников, тем яснее и четче обрисовывала свое общее направление и план.

Образовался бесценный памятник, микрокосм идей, “любопытнейшая книга”, как назовет ее потом Розанов, — незаменимая для всех интересующихся местом и путем России в истории.

Но чтобы добраться до читателя, ей понадобился очень долгий срок. Причины, как мы убеждаемся теперь, были серьезные и вряд ли одолимые до предпринятого ныне ее издания [см: 2].

Прежде других, важнейших, — сам Розанов.

Как выяснилось в первый же момент ее передачи, он не был готов стать преемником Леонтьева. Он, конечно, написал статью, приведшую Леонтьева в восторг (“*Наконец-то* после 20-летнего почти ожидания я нашел человека, который понимает мои сочинения *именно так, как я хотел...*” [2:249]), но оказаться в роли исполнителя леонтьевских предначертаний он не мог и не хотел. Своим внезапным посвящением в наследники Леонтьев поставил его в неловкое положение. Целых двенадцать лет Розанов обдумывал, как поступить, и, обдумав, не согласился. В 1903 году он опубликовал письма, сопровождавшие расклейки, а самую “книгу” отложил до лучших дней. “Может быть, со временем я дам некоторые из этих заметок: они будут дороги *любителям Л-ва...*” [2:127], а про синие тетради добавил, что они также “у меня сохраняются” [2:131].

В комментариях к переписке он высказал свои возражения.

Первое и главное: Розанов не соглашался с леонтьевским обреченным взглядом на ход истории.

“Есть ли вообще основание для такого окончательного пессимизма?” — “Явно, что *главные* узлы истории даже и не завязывались”... “*главнейшие* части всемирной истории просто даже не начались; все еще идут только подготовительные члены”. Не оставляло подозрение: не принимает ли Леонтьев отдельные разобщенные циклы развития жизни за ее суть?

“Два-три века “сереньких людей и сереньких событий” — и то еще ничего определенного не говорят о *плане* истории, о “конце” всемирных событий... “Все разлагается”... Но не образуется ли чего-нибудь вновь?” [2:156].

Не принимал Розанов и высказанное ему в письмах Леонтьева убеждение, что род человеческий выстарился, входит в предсмертное угасание. “Старо человечество, старо!” [2:253]. Будто бы утешительные оговорки Леонтьева, что “мы хоть на один век да моложе Европы” [1:98], только усиливали его возражения. Согласно Розанову, не только не высказался еще русский народ: “Буквально свежесть его и остается, как при Владимире Мономахе”, — “не только не тронута ядро русского племени, не жила вовсе Литва, ничего не сказали угрюмые финны: но посмотрите на свеженьких, как ядерное яблоко, татар “с халатами”... В общем движении человечества “целые миры цивилизации, так сказать, еще “не сняли друг перед другом шапки”, не поздоровались, прямо — не посмотрели друг на друга” — “даже и не разговаривали еще между собой иначе, как в миссионерском перевирании и наивности” [2:156].

Еще менее привлекали Розанова средства, предлагаемые Леонтьевым, чтобы выправить положение: придержать, затормозить развитие. Этот злосчастный пункт — “надо *подморозить* хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”...” [10:73], — в 1880 году вырвавшийся у Леонтьева при зрелище им же раскрываемых угроз, вообще надолго закрыл доступ к ценностям его мысли, так как стал единственно известным и закрепленным за его именем лозунгом, который распространила среди читающей публики критика. Сам Леонтьев немало тому содействовала, предлагая действие “торможения” повсюду, призывая “работать для задержания народов на пути антихристианского прогресса”... [11:453]. “Другого исхода нет не только для Запада, но и для России и для всего человечества” [11:193]. Над безнадежностью подобных усилий Розанов будет посмеиваться до конца дней. О любимом Леонтьевым царствовании Александра III он выскажется на примере памятника царю работы Паоло Трубецкого: “Упрямы конь и ни под шпорами, ни под музыкой не танцует. На сем “чудище облом” царственно покоится огромная фигура с благородным и грустным лицом, так далеким от мысли непременно кого-нибудь задерживать, куда-нибудь гнать. Хотя “ведь нужно же куда-нибудь ехать”... <...> ...видя, что конь храпит, всадник принимает его за помешанную, совершенно дикую и опасную лошадь, на которой если нельзя ехать, то хоть следует стоять безопасно и недвижно. Так все это и остановилось, уперлось...” [23:325, 326].

Также и “эстетическое понимание истории”, которым Розанов определил направление Леонтьева, и Леонтьев его одобрил, сам Розанов разделить не мог. К концу XIX века было уже очень заметно, что культ самодостаточной, отъединенной от “грязи” красоты, распространившийся в верхних слоях общества, был одним из признаков его упадка, чего не создал Леонтьев, с упадком сражавшийся. В его личном быту нарочитая красивость соединилась еще с чертами неизжитого барства вроде советов близким по выбору знакомств: “Дурнорылых-то у нас довольно и так. Не знаешь, куда от них скрыться” [1:55]. Когда, решив остаться в лаврской гостинице, Леонтьев первым делом попросил преданного ученика доставить ему другие занавески, “непременно нежно-голубого цвета” [1:XX1], он, конечно, не мог предвидеть, что ровно через десять лет величайший европейский эстет Оскар Уайльд, умирая в дешевой парижской гостинице, скажет: “Уберите от меня эти обои, или я уйду” [33:572], — и ушел. Но среди русских последователей религиозного взгляда на историю леонтьевский эстетизм серьезно затруднил вхождение его мысли в общий круг идей. Так, на докладе С. Н. Дурылина о Леонтьеве в ГАХН в 1927 году А. Ф. Лосев говорил: “Как соединить православие Л<еонтьева> с его эстетикой? (Ставить Л-ва в контекст с Уайльдом, Ницше, Скрябиным?)” [Частное собрание].

Не был близок Розанову и монашеский идеал, исповедуемый Леонтьевым как наилучший выход из обреченного мира. Розанов предпочитал ему другое евангельское — “что вы свяжете на земле, то будет связано на небе” (Мф 18:48) — и погрузился во все подобные “завязи”, не пренебрегая никакой встречной мелочью. В этом он стал спорить со своим младшим другом П. А. Флоренским, убеждая его, что “до полной ясности духа, до полной доброты духа можно достигнуть “и в миру”, проще в сору” [29:216]. Соглашаясь, что монашество превосходит мирскую жизнь “красотой”, “эстетически” [29:216], он все-таки пошел к истине путями земными и преуспел в них настолько, что заслужил от своих поклонников подозрение в ереси “прельщения миром” [7:39]. Возражая критикам, он говорил, что подвергать себя заранее

умерщвлению плоти вовсе не абсолютно убедительно. “Голгофа есть в жизни, неизбежна. И еще увеличивать ее, искать – грех” [27: 338].

И, тем не менее, Леонтьев проник в существо Розанова так, как, по словам Розанова, “немногие, очень немногие за всю жизнь проходят совсем внутрь” [2:154]. Направляя тетради Розанову, Леонтьев в самом существенном не ошибся. Общее во внутреннем заряде обоих мыслителей оказалось сильнее расхождений; оно взывало к выражению, продолжению и защите. Вся последующая обширная и необычайно разнообразная деятельность Розанова прошла при невидимой снаружи оглядке на Леонтьева. А “любопытнейшая книга” повела особенную подпольную жизнь, подавая изнутри свои сигналы, возвращая к “столбовой дороге” и выправляя сбивающуюся в сторону мысль.

Главное, чем поразил Розанова Леонтьев, была его стойкость не в эстетическом, а в религиозном понимании истории. Присутствие во всех текущих и далеких событиях Бога, единого абсолютного начала, которым движется всеобщая связь, было для обоих безусловной реальностью. Как бы ни относились к тому современники, история выступала для них носителем – исполнители или не исполнители – божественных заповедей. “С Богом я никогда не расстанусь. Но остальное...” [30:306], скажет Розанов в расцвете сил (в “коробе 2-м” “Опавших листьев”, 1915). В Леонтьеве он встретил столь же незыблемо укорененную натуру. Через столетие, когда взялись отмечать кончину Леонтьева и появились первые после долгого перерыва о нем статьи, неизменным эпиграфом к ним являлись слова Розанова: “... в душе его было окно, откуда открывалась бесконечность” [2: 68].

Слабым местом всех “самобытников” в понимании истории, от стремления поставить в ее центр свой национальный уклад до выделения в ней больших культурно-исторических типов, “цивилизаций” (как то у Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Н. Гумилева и других), было и остается отсутствие в этих выделяемых типах пронизывающего их, ведущего единого пути, в котором они только и находят смысл и место в растущем многообразии. Без него они оказывались в слепой конфронтации друг с другом, в лучшем случае – в “юридической”, легко ломающейся договоренности. У Леонтьева такой путь был, как и у Розанова, который в минуту самой ужасной, по его понятиям, опасности для России говорил: “An und für sich”, “для себя и в себе” Русь – ничто” [26: 337].

Леонтьев мог свободно предвосхитить основную идею и само заглавие книги Шпенглера “Гибель Европы” [11: 216] или мимоходом назвать будущую гумилевскую теорию “пассионарных” сил “не более 1200 лет” каждая [11: 220]. Но выше и бесконечно важнее их было у него постоянно действующее в них и преобразующее их начало. Оно постигалось понятиями веры.

Это позволяло Леонтьеву избегать поразившие последующий век национализмы (т. е. заключение смысла жизни в национальный интерес) и заранее разъяснить парадокс, почему они, неистово утверждая свое национальное достоинство, приводили к его крушению. Леонтьев называл такие тупикивое дерганья “племенной политикой” и тем поставил себя в глухое непонимание среди большинства коллег из консервативного лагеря. Но мысль его оказалась здесь столь же верной, как и его предсказание, что “индивидуализм губит индивидуальность людей, областей и наций” [9: 333].

Иначе говоря, и у Леонтьева, и у Розанова вера выступала как главенствующее начало, которому должны были, как бы они ни своевольничали, подчиняться философия, политика, социальная, национальная и частная жизнь. Их мировоззрение было (точнее, стремилось быть) тотальным, т. е. всеохватным, целостным, с одним направляющим центром из бесконечной глубины, – что более всего раздражало их тогдашних и последующих либеральных противников.

Собственно, в этом состоял весь их консерватизм. Перед историей встала задача: сохранить ее центральный устойчивый ствол, источник жизни и разнообразия всех ее ответвлений. Буржуазный прогресс обрекал его поеданию и мертвенному перерождению; революция грозила вовсе его отбросить как злостный обман и препятствие на пути человеческого разума с передовой наукой во главе. Сопротивленцы-консерваторы нигде не находили себе реальной поддержки.

До встречи с Леонтьевым Розанов успел нанести встречный удар одной угрожающей стороне – научному социализму с его грядущим “фаланстером” –

в “Легенде о Великом инквизиторе Достоевского” (1891), чем очень порадовал Леонтьева. Но к тому времени Леонтьев высказался уже много шире и полнее по поводу каждой из угроз, особенно – либерально-буржуазной.

Он был первым, кто обнаружил и описал черты мертвенного распада и подмены растущего многообразия жизни на комбинаторный стандарт, сопровождаемый убийством духа. Никто не умел так раскрыть, как Леонтьев, ужасающее усреднение душ, падение духовного уровня и деградацию человека как вида, – в форме его убогостворения¹, – которые стала внедрять в историю торгово-промышленная цивилизация Запада.

Были в России, начиная с В. Ф. Одоевского, и на Западе – с “Франкенштейна” (1819) Мэри Шелли, фантастические видения, рисующие ее плоды. В XX веке они достигли классической ясности у Замятина в романе “Мы” (1920) и в “Дивном новом мире” (1931) Олдоса Хаксли. Но чтобы так наглядно-конкретно, в знакомых каждому приметах, распознать и выложить, как на ладони, это непрерывно совершающееся перерождение, точнее Леонтьева не высказался никто. Возможно, ближе других поднялся к той же задаче Кнут Гамсун в “Духовной жизни Америки” (1899) [см: 4] и даже подошел к сходным с Леонтьевым выводам: “не спешить”. Но Леонтьев оказался все-таки смелее всех в обнажении глубины и планетарном охвате проблемы.

В отличие от большинства консерваторов он прямо связал это перерождение с деятельностью “свободных предпринимателей”.

Отвращение к “буржуа” было у Леонтьева ничуть не меньшим, чем у современных ему революционеров-социалистов. Он только предполагал (сходясь тут с Герценом), что последние могут заразиться от своих противников их вожделениями; и тогда, не имея внутри себя “столпа веры”, вернуться к тому же разложению. Как он выразился в недавно опубликованном письме: “...простой народ всех исповеданий верит в Бога и в нем находит утешения, которых нет у подлеца европейского работника, когда его душит еще больший скот – l’homme aisé, éclairé et libéral², т. е. буржуа...” [31: 210].

Поэтому он свободно употреблял, как свои, вводимые социалистами понятия.

“Рабство есть и теперь при капиталистическом устройстве обществ, т. е. порабощение голодающего труда многовластному капиталу” [11: 202–203]. Что оно только ужесточается от развития так называемых “демократических институтов”, не вызывало у него ни малейших сомнений.

“Сделайте у нас конституцию – капиталисты сейчас разрушат поземельную общину; разрушите общину – быстрое расстройство доведет нас до окончательной либеральной глупости – до палаты представителей, т. е. господства банкиров, адвокатов и землевладельцев не как дворян (это бы еще ничего), а опять-таки как представителей такой *недвижимости*, которую очень легко обратить в движимость когда угодно, ни у кого не спросясь и нигде не встречая препятствий [11: 205].

Заглядывая еще дальше, Леонтьев предугадывал, что “дух уже повеявшего на общество *вторичного смещения* и расстройтва есть *такой Протей*, который принимает всевозможные формы и обманывает даже очень умных и даровитых людей, принимая, где нужно, и Православный лик для разрушения прежних порядков” [8: 101–102]. Не хватало лишь добавить: *любых*, всяких, кrome обслуживающих обороты чистогана.

Леонтьев открыто выступил против обожествления науки (что роднило его с Достоевским и Толстым). Вопреки очевидной необходимости он высказывался “против *машин* и вообще против этой страсти орудиями мира неорганического губить везде органическую жизнь, с металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное разнообразие, животный мир и самое общество человеческое” [11: 174]. Результат их безудержной деятельности виделся ему один: “...человечество... посредством прогрессивного *физико-химического баловства своего* произведет какую-нибудь ужасную и неожиданную *внеземную катастрофу*” [1: 94].

Подхватывая леонтьевские идеи, Розанов в комментарии 1903 года писал: “*Нами* и нашим *душеустройством* не исчерпывается религия, не кончается;

¹ “Враг внешней нивелирующей культуры, он находил недостатки во многих вещах, в которых другие видят только комфорт” [18: 11].

² Человек состоятельный, просвещенный и либеральный (фр.).

и особенно, не начата в истории. А “творение миров”, а идея и факт “Творца миров”? Она зовет астронома, направляет трубу его телескопа. И алгебра, и механика здесь у места. Дело в том, что мы к XIX-XX веку окончательно слили с моралью религию, исключив из последней метафизический момент. Вот этот-то метафизический момент нисколько не расходится с наукою, и даже с чудом в ней... В сущности, каждая реальная вещь есть маленькое чудо в своем роде и источник чудесных феноменов [2:128-129].

Мысль Леонтьева стремилась соединить несоединимое. На этом пути он движется все дальше, пробивается к тому, что держит изнутри видимый распад, не желает вообще признавать разделения “миров” и утверждает: “Та мистика и не настоящая, которая не нашла себе материальных форм” [27:348]. Его замечательные суждения в этом направлении воспринимаются современниками исключительно парадоксально, вроде, например, желания видеть “вещество, мистически одухотворенное” [27:348] или определения собственного мировоззрения в следующих словах: “позволяю себе называть материалистическим спиритуализмом” [27:348].

Но никакого материального или духовного обеспечения подобным мыслям в момент их произнесения не было. Леонтьев был один. Не было П. А. Флоренского с его способностью различать ствол истины сквозь разветвления наук и измерять науку и прогресс истиной, а не наоборот (1908). Не выступил еще Н. Ф. Федоров с его неожиданным “проектом” повернуть-подчинить неуправляемые силы науки и промышленности высшим целям истории (1903); не включилась еще им на помощь розановская полнота естественных возможностей из неделимого “корня бытия”; не заявил еще (1903) Д. И. Менделеев как вывод своей жизни: “Наш русский народ, занимая географическую середину старого материка, представляет лучший пример народа реального” и “может, по-видимому, довести до конца реальные представления об единении вещества, силы и духа, в чем должно видеть истинное торжество реализма” [14-6,136]. Соображения же тех, кого стали впоследствии называть “революционными демократами”, нередко параллельные леонтьевским, например, в цикле “За рубежом” (1881) Щедрина, отвергались консерваторами с порога.

Весь этот груз неподъемных одному человеку и далеких от разрешения проблем был вручен Розанову Леонтьевым одновременно и лично. Не приходится удивляться, что Розанов стал разбираться в них частями, выводя на свет лишь то, что прорабатывалось хотя бы в общих контурах, становилось условно своим. Его отношение к самому Леонтьеву соответственно заколебалось.

Так, иногда казалось (т. е. это мы теперь получили возможность наблюдать), что Розанов действительно допишет за Леонтьева “среднего европейца”, – только успевшего тем временем переселиться за океан.

“Американизм есть столь же устойчивый и кардинальный момент истории, как Греция или Рим. “Мы будем торговать, а остальное неважно”. <...> Америка есть первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещенною, живет без идей. Она не имеет религии, иначе как в виде религиозности частных людей и частных обществ, не имеет в нашем смысле государства и правительства; не имеет национальных искусств и науки. Даже нельзя сказать, чтобы она имела нацию, ибо Соединенные Штаты не есть национальный организм, подобно России, или Германии, или Испании. Вот это-то существование без высших идей побеждает и едва ли не победит христианство, как христианство некогда победило классицизм. Так что вместо ожидаемого Страшного суда, которого так боялись апостолы и рисовал его Микель-Анджело, наступит длинная вереница буфетов, в своем роде некоторый хилязм: «буфет Вифлеем», «буфет Фивы», «буфет Рим», «не буфет Москва», с отметкою около последней: “Поезд стоит час, ресторан и отличная кулебяка” [23:111, 112].

Написано это было в 1902 году¹, когда никому, конечно, пригрезиться не мог “Макдональдс” в центре Москвы перед лицом Пушкина² или в Посаде у гостиницы, где скончался Леонтьев.

¹ Статья “Пестум”, опубликованная в журнале “Мир искусств” в феврале 1902 года и позднее включенная в книгу “Итальянские впечатления” (СПб., 1909).

² По сообщениям газет, он был тут же объявлен “памятником архитектуры”, т. е. неприкасаемым.

Но чаще Розанов внутренне спорил с Леонтьевым. Так, очень не хотелось ему отдавать на растерзание Леонтьеву “розовых христиан”, Толстого и Достоевского¹. Хотя в последующих его высказываниях о Толстом проскальзывали чисто леонтьевские выпады (“...при всякой гениальности ум все-таки «не мешает»” [30:84], ведущее отношение было иным: “...никто не напряжен у нас был так в сторону благородных, великих идеалов. В этом его первенство над всей литературой” [30:141]. Более настроенный к приятию, чем к критике жизни, Розанов иначе, чем Леонтьев, относился к русскому старчеству. Любимого наставника Леонтьева Амвросия Оптинского он поминал среди тех, кто были “безмолвными начинателями совсем другой, нашей «русской веры», подлинной «русской церкви» как сокровища совести, а не как художества обрядов”; и мог соотносить их подвижничество с надеждами “освободительного движения”².

Одновременно Розанов учился у Леонтьева. То, что у Леонтьева оставалось недосказанным, не нашедшим убедительных выражений, Розанов совершенствовал и приводил к достижениям своей действительно новой “метафизики быта”. Решающий первоначальный толчок ей дал Леонтьев, когда в ответ на присланный Розановым трактат “О понимании” (1886), неуспех которого Розанов тяжело переживал, заметил: “Ваша манера мыслить и писать очень отвлеченна... понуждайте себя более “иллюстрировать” Вашу симпатичную метафизику *примерами, фактами, картинами*” и т. п. [2:290].

Розанов несомненно совету внял и повернул к созданию собственной небывалой литературы, в которой самые высокие идеи засверкали странными огнями в измененной пыли. Леонтьев научил Розанова не бояться при этом видимых разрывов умозрения. Он писал: “Сознаюсь, когда я пишу, то больше думаю о живой психологии человечества, чем о логике; больше забочусь о наглядности изложения, чем о последовательности и строгой связи моих мыслей” [12:120]. Леонтьев предлагал довериться расположенной между “краев” раздерганной правды одной глубинной объективной истине. “Не знаю, как называется этот метод, “согласия” или “несогласия”, – но верно одно, что это метод действительной жизни, о которой я <...> гораздо более забочусь...” [12:116]. Розанов воспользовался им вполне.

Есть основания считать, что сама неподражаемая розановская форма, с которой он поднялся в литературу, была найдена и подготовлена для него Леонтьевым. Пример свободно текущей, рядом с чьей-то иной, своей мысли послужил началом розановских новаторских изданий писем Н. Н. Страхова, А. С. Суворина и др., а затем вылился в самостоятельный жанр. Известный знаток Розанова А. Л. Налепин, ознакомившись с леонтьевскими записями на полях “тетрадей”, поразился, насколько похожими оказались они на “опавшие листья”. Они только не были еще обрамлены, не выставлены на постижение выступавшей из “частностей” глубины. Леонтьев совершал свои прорывы к ней произвольно, из желания высказать кратчайше то, что другие не хотели понять; так же воспринимали их и читатели. Много позже один из них скажет: “Лучший Леонтьев – это Леонтьев фрагментарный, состоящий из писем, записок и отрывков, которые хочется вырезать из его растянутых романов и статей” [6:231]. Розанов совершил этот шаг, “вырезал” и поднял их в значение новой художественной стихии. Примерно к 1913 году, на взлете собственных достижений, Розанов, видимо, решил, что Леонтьева он преодолел, затруднения его осилил и в дальнейшем освоении их не нуждается. Вышедший первый “короб” “Опавших листьев” завершает вывод:

“Что же такое Леонтьев?

Ничего.

Он был редко прекрасный русский человек <...>.

Но мысли его?

Они зачеркиваются одни другими” [30:178].

Показательно, что задуманную Розановым серию “Литературные изгнанники” открывает и как бы возглавляет Н. Н. Страхов, которого Леонтьев Розанову язвительно критиковал, а подготовленный и частично изданный в 1903 году материал, относящийся к Леонтьеву, отодвигается вновь в неопределенный

¹ “...если это “новое” христианство дает обоим им силы жить, то не очевидна ли некая доля истины в нем?” [2:121].

² См. его противоположение церкви эстетической и церкви совестливой [28:138].

резерв. Кажется, будто Розанов рассчитался с Леонтьевым по всем статьям и может, наконец, сбросить с плеч возложенное на него бремя.

Был, однако, в запасе у Леонтьева еще один мотив, и избавиться от него Розанову оказалось невозможным. Он, правда, не был явно обозначен; шел среди “взаимозачеркиваний” у Леонтьева внутри, и его особенностью было, наверное, то, что признать его значение можно было, лишь прикоснувшись к его содержанию на деле.

Но Леонтьев фундаментально выделился им среди коллег-консерваторов, как русских, так и европейских.

В их кругу можно было спокойно принимать за свои его соображения о русском народе; например, часто цитируемое предвидение из его последней, 1891 года, статьи “Над могилой Пазухина”: “...через какие-нибудь полвека, не более, он из народа-“богоносца” станет мало-помалу, и сам того не замечая, “народом-богоборцем”, и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо действительно он способен во всем доходить до крайностей...” [11:458].

Взятое само по себе это суждение будто повторяло высказанные европейскими консерваторами предостережения, в частности, те, с которыми обращался в 1811 году к Александру I известный католик-аристократ Жозеф де Местр. Имея в виду “особый склад” этого “самого беспокойного, самого неистового и смелого народа”, он предупреждал царя, что даруемые “непокойным”, пусть предположительно, свободы — “...неминуемым образом перейдут от суеверия к атеизму и от бездеятельного послушания к безудержной деятельности <...> свобода скажется так, как горячее вино воздействует на человека, к нему не привыкшего. Один только ее вид опьянит тех, кто еще не вкусил ее. Вполне может получиться так, что при таком всеобщем умонастроении появится какой-нибудь новый Пугачев с университетским образованием (что легко может произойти, потому что производство таковых налажено)” [15:42]. В XX веке в этом пророчестве стали усматривать явление Ленина.

Но вот что сообщил о Леонтьеве его ближайший сподвижник и ученик А. А. Александров. В том же 1891 году он получил место приват-доцента на филологическом факультете Московского университета, и на его вступление в должность Леонтьев отозвался короткой запиской. Она была озаглавлена “Загадка”. “За упоминание (на лекции, которая была в “Московск. Ведом.”) которого исторического деятеля (времени Екатерины II) я наиболее благодарен?” [1:129].

Правоверный Александров, для которого никакой загадки в помянутых именах не было, слегка смутился: “...я ответил полушутя, полусерьезно, что колебался между Тихоном Задонским и Емелькой Пугачевым и решил в пользу Пугачева, потому что решение вопроса в пользу Св. Тихона было бы для К. Н. слишком просто, прямолинейно. Угадал я или нет, так и осталось для меня загадкой, потому что уста, загадавшие ее, не успев мне ответить, замолчали навеки” [1:129].

Вопрос, однако, задан был не шуточно. Слово “деятель” в сочетании с “историческим” Леонтьев подчеркнул недаром, не из желания быть оригинальным. Для русской классической мысли Пугачев давно уже не был пустомельным разбойником “Емелькой”.

В 1827 году Пушкин направил Николаю I, который вызвался быть его цензором, “Песни о Стеньке Разине”. Царь ответил, что они “по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, Церковь прокликает Разина, равно как и Пугачева” [21:336].

Тем не менее именно с этой минуты Пушкин начинает работу по возвращению Пугачева в реально создаваемую историю и первым же своим историческим сочинением ставит его в центр внимания. Он едет вместе с В. И. Далем на Яик, скрывая от правительства свои намерения собирать о Пугачеве сохранившиеся свидетельства и документы; вовлекает в это занятие знакомых и близких; просит старого друга семьи поэта И. И. Дмитриева, министра юстиции, поделиться его воспоминаниями о Пугачеве как об “одном из любопытнейших эпизодов царствования Великого Екатерины” [22:62]. Результатом огромного труда является “История Пугачева”, переименованная царем в “Историю пугачевского бунта”. И хотя С. С. Уваров, министр просвещения, “кричит о <...> книге как возмутительном сочинении” [20:337], Пушкин

продолжает и углубляет занятия Пугачевым. Он призывает общество обратить внимание на пугачевские воззвания, которые “есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного” [19:371]. В этих воззваниях, между прочим, рекомендовалось поступать со злодеями-дворянами “равным образом так, как они, не имея в себе христианства (курсив наш. — П. П.), чинили с вами крестьянами”, — после чего “всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь” [5:48].

Пушкину были ясны не только смысл и размах движения (“Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи” [19:375]), но и его историческая перспектива. Более чем красноречиво звучала пушкинская запись пугачевского ответа графу Панину: “Как же смел ты, вор, называться государем? <...> Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает” [19:78]. Будущий злодей “с университетским дипломом” явно вырисовывался впереди.

Итогом пушкинских размышлений стала внятная всем, без отсекающих друг друга “сторон”, “Капитанская дочка”, где “грозные лица и стройные голоса” пугачевцев неотменимо вошли в одну тяжело постигаемую дорогу истории. Осознанная русской культурой (например, М. П. Мусоргским) пугачевская тема естественно перешла в послереволюционные времена, когда к ней обратились ее прямые наследники, как Есенин и другие, так и классические представители русской интеллигенции, например, М. А. Булгаков, который единственно законченную часть своего учебника по истории назвал “Емельян Иванович Пугачев”.

Для Леонтьева тема никак не была новой. В своей первой же программной статье “Византизм и Славянство” (1875), нащупывая черты своего главного врага, он писал: “Я осмелюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое польское восстание и никакая Пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция” [9:327-328].

Обосновывал он это убеждение именно с христианской точки зрения, пытаясь указать единомышленникам и их революционным оппонентам упускаемую ими из виду реальность: “в душах бунтующих были глубокие консервативные начала” [9:327].

А следующим шагом в том же направлении он вышел за пределы понимания и тех и других. А. А. Александров, в письме которому были обращены эти слова, не решился даже их затронуть, как некоего умственного дикобраза, которого нужно осторожно обойти, списав на причуды старика. “Иногда я думаю (не говорю мечтаю, потому что мне, вкусам моим это чуждо, а поневоле думаю, объективно и беспристрастно предчувствую), что какой-нибудь русский Царь, — быть может, и недалекого будущего, — станет во главе социалистического движения (как Св. Константин стал во главе религиозного — “Сим победиши”) и организует его, как Константин способствовал организации христианства, вступивши первый на путь Вселенских соборов”. [1:294-295].

Через месяц, в письме Розанову от 13 июня 1891 года, размышляя над возможностью спасения человечества, Леонтьев высказался еще резче: “Вот разве союз социализма (“грядущее рабство”, по мнению либерала Спенсера) с Русским Самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить, как собака) — это еще возможно, но уж жутко же будет многим. И Великому Инквизитору позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед. Мих. Достоевскому” [2:253]. Т. е., критикуя “розовое христианство” Толстого и Достоевского, Леонтьев пожелал увидеть его “красным”.

Вывод неожиданно менял горизонт. Но для Леонтьева он опять-таки не был новым. К нему постоянно подводили его наблюдения над некоторыми особенностями движения истории, заметно проявлявшимися в России. В статье 1880 года “Грамотность и народность” он писал: “Европейцы, чуя в нас для них что-то неведомое, приходят в ужас при виде этого грозного, как они говорят, “сочетания самодержавия с коммунизмом”, который на Западе есть кровавая революция, а у нас монархия и вера отцов” [9:110]. Монархия оставалась для него единственной возможной формой центральной власти, но в деятельности социалистов-революционеров он стал давно различать близкие себе черты: “Добролюбов очень удачно осмеивал “западные говорильни”.

В этом необходимо Добролюбову отдать справедливость” [10:164]. А в отвержении буржуазного миропорядка он прямо вышел к необходимости сотрудничать с революцией. Работая над статьей о ненавистном “среднем европейце”, он просит друга высылать ему сочинения Ф. Лассалья и Луи Блана, ибо: “Без помощи социалистов как об этом говорить?” [12:922].

Непостижимую парадоксальность позиции стали замечать за Леонтьевым со стороны. В публикуемой сейчас подборке откликов один, по словам Леонтьева, “неизвестный кроат” (кто это был, предстоит еще выяснять), называя себя “южный славянин”, в 1885 году высказался так: “Г. Леонтьев есть крайний реакционер и отчаянный пессимист. <...> ... с другой стороны, и ему под пару была бы Луиза Мишель¹: разница только в цели. Крайности сходятся, и г. Леонтьев сходится с самыми жестокими революционерами <...> он такой же революционер, по крайней мере в теории <...>. А и в самом деле, если бы г. Леонтьев женился на Луизе Мишель, из них, пожалуй, вышла бы недурная середина” [2:565–566]. Леонтьев откликается на полях: “Остроумно”.

Идея возникала и нарастала у Леонтьева, в самом деле, как бы помимо его “вкусов”, “поневоле”, из недр не зависящей от него реальности. Ее формулировки могли потом отзываться в событиях, никак не предусмотренных вначале, даже применяться в обратном смысле. Так, когда в переписке 1891 года возбужденный Леонтьевым Розанов именно “мечтал” (а не “объективно предчувствовал”, как Леонтьев), что “где-нибудь и когда-нибудь появится кучка людей, решившихся взять историю в свои руки” [2:283], оба корреспондента представляли ее себе в виде сугубо религиозной организации. Слова из русского перевода гимна Э. Потье “добьемся мы освобождения своею собственной рукой” явились лишь через десять лет, в 1902 году, а вывод “есть такая партия” — еще через пятнадцать.

Но предвидение такого поворота дел и возможность выхода вместе с ними в активную историю фундаментальных чаяний человечества Леонтьев высказал, к ошеломлению коллег-консерваторов, единственно и впервые. Он успел дать своему предположению и социально-политические обоснования. По его мысли, союз веры и социализма мог бы обеспечить восстановление единства исторической дороги: “Хоть за две основы — религиозную и государственно-экономическую — можно будет поручиться надолго” [1:295].

Увлекаясь, Леонтьев начал было давать советы будущему общественному устройству. “Киновии могут служить прекрасным предметом изучения для самих коммунистов. — Изучая Киновии, можно допустить, что коммунизм, не как всеобщий закон, а как частное проявление общественной жизни, возможен...” [9:140]. Но на этом его попытки вырваться из “отчаянного пессимизма” обрываются. Идея осталась последним, едва заметным острием его мысли, направленным в будущее.

Как отнесся к ней Розанов? По видимости, первоначально пропустил мимо глаз или не придавал ей значения. Письма А. А. Александрову, где она высказалась полнее и подробней, были опубликованы лишь в 1915 году, а другие сочинения Леонтьева, в которых она выступала крупно и развернуто, разбросанные по газетам и журналам, не были доступны Розанову в такой мере, чтобы он мог оценить ее серьезность. Во всяком случае, каких-либо следов прямого отклика на нее в комментариях Розанова 1903 года к их переписке нет. Отмечено только присутствие соответственных черт в характере Леонтьева: “Это был Кромвель без меча, без тоги, без обстоятельств; в лачуге за городом, в лохмотьях нищего, но точно в полном росте Кромвель. Был диктатор без диктатуры...” [2:72].

Розанов вообще был настроен против социализма гораздо жестче Леонтьева. На волне успеха и признания он допускал его возможность не иначе, как временное помрачение истории: “Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе: “Неужели он (соц<иализм>) был?” [30:92].

В самом ядре и замысле социализма он усматривал безнадежное недомыслие: “И “новое здание” с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвертом поколении” [30:32].

Естественно, не видел он и причин сблизить социализм с христианством, которое (оставаясь ему верен) он также решил к тому времени (к 1911 году)

¹ “Пассионария” Парижской коммуны (1871), автор многих сочинений социалистической направленности.

критиковать за иные, как он считал, упущения, истощающие жизнь: “Пробовали (и пробуют) соединить христианство с социализмом: нет большей противоположности! Социализм — весь в крепкой уверенности о земле. Христианство есть полная безнадежность о всем земном!” [25:97]. Любопытно, что Горький, внимательный читатель Розанова и человек, изначально отрезанный от всякой метафизики, отмечает это суждение одобрительной линией на полях [17:309].

Но, по мере того как молнии революции заблестали все ближе, мысли и настроения Леонтьева стали пробуждаться в Розанове вновь. А когда все загрохотало и дорогие ему и Леонтьеву устои полетели, как декорации (Розанов находит для них театральный, перетолкованный через полвека образ “железного занавеса”, опущенного “над Русскою Историею” [26:45]), потускневшие было пророчества Леонтьева становятся для него откровением. “Кассандра, Кассандра! (т. е. бездумно не услышанная пророчица) — возглашает он о Леонтьеве в заново дописанном предисловии к “Литературным изгнанникам” [2:59], извлекает из моратория “любопытнейшую книгу” и начинает спешно готовить отложенный в 1915 году весь корпус относящихся к Леонтьеву материалов. Его поведение повторяет шаги Леонтьева. Разница состоит лишь в том, что потрясения, когда-то прошедшие в душе Леонтьева, посещают его непреложной явью. Розанов покидает насиженное гнездо и ищет укрытия у стен лавры. Здесь он начинает выпускать уже свои собственные, обращенные “граду и миру” тонкие тетради “Апокалипсиса нашего времени”. Если в 1903 году он писал о Леонтьеве: “При объяснении теорий Л-ва нужно постоянно иметь в виду, что они изошли от “Иова на гноище”” [2:125] (т. е. от человека, преданного Богу, у которого неизвестно почему было отнято все), то теперь он ставит в это положение себя: “Я тот, который есть Иов <...>. Ибо я воистину христианин. <...> И просто — пролетарий” [26:118].

И тогда вдруг, ничем не подготовлено, среди перечеркивающих друг друга идей и в размахе, какого вообразить себе Леонтьев не мог, среди бесстрашных печатных поношений вождей революции, Розанов начинает двигаться навстречу социализму семимильными шагами, далеко обгоняя Леонтьева: “Нет и невозможен социализм без коммунизма. <...>. Дело заключается в том, что должно пылать все небо социализмом, должны быть все — “социальны”, а не “мужик отправляться с творогом на базар”...” [26:138–139].

Суть происходящего Розанов видит теперь в том, что движение революции в формулах Маркса — только первый, самый начальный ее этап: “. . . Маркс был исключительно экономический человек и в культуре просто ничего не понимал. Он был гениален экономически, но культурно туп. . .” [26:159].

Как только встанет вопрос, — а он, по Розанову, уже явился, — ради чего “победившие пролетарии” поднялись на борьбу и “какими душевными сторонами” они “начнут построить очевидно новую свою цивилизацию” [26:159], воссоединение с верой неизбежно: “Должны быть не крупинки социализма, не кусочки его. И тогда — вайи и пальмы, тогда — религия и Новый Иерусалим” [26:139].

Трудно сказать, вспомнились ли тут Розанову его соображения о будущем, возникшие у него перед самым “социалистическим” пришествием, в апреле 1917 года: “Вылезаю из гроба, смотрю: все же живая Русь. Только будто помолодела и приосанилась. И подумал я: сплетется этот марксизм со старыми песенками, со старыми сказочками. Сплетется он с “Голубиной (глубинной) книгой”¹, — ну, и еще поглядим, что́ и как выживет и кто кого переживет [24:356]. Но радикализм его суждений или прямых требований в этом направлении резко возрос.

Он посылает первые выпуски “Апокалипсиса” недавнему марксисту, принявшему священство, С. Н. Булгакову с просьбой на полях тетрадью: “. . . не пришлете ли послания-речи Патриарха о социалистах и социализме. . . Ради Бога” [частное собрание] — и получает огорченно-раздраженный ответ, странным образом напоминающий парадоксы Леонтьева, только в отрицательном значении: “Здесь <...> свидетельствуется Ваш собственный. . . мистический социализм. Да, это несомненно так. Вы — мистический социалист и переводите на религиозный язык то, что они вопят по-волчьи. Это — новый вариант первого искушения, искушения социализмом, и Вы снова приступаете к Тому, Кого Вы столь роковым образом не любите. . .” [3:678]. Розанов,

¹ Русский духовный стих домонгольского происхождения.

однако, не смущается и движется еще дальше: “Сначала и долго кажется, что “Христос” и “революция” исключены друг от друга. Целую вечность — кажется. Пока открываешь, и уже окончательно “вечно”, что революция исходит от одного Христа” [26: 366].

Завершает его новые соображения вывод, в котором отрицание Леонтьева (о “подмораживании”) и развитие его последней идеи сходятся в единый порыв: “. . . я не хочу зимы в христианстве. Я хочу вечной весны. Только весны. Мая. И — именно первого мая” [26: 377].

Возможно, это были последние слова, выведенные на бумаге его рукой. 24 ноября 1918 года с ним случился удар, и через два месяца (умер Розанов 5 февраля 1919 года) его положили у стен Черниговского скита, по словам не отходившего от него до последнего часа П. А. Флоренского, “бок о бок с К. Леонтьевым, его наставником и другом”¹.

Куда пошла идея дальше — большая отдельная тема, и очертить ее в рамках статьи можно лишь прерывистым пунктиром.

Она, естественно, нырнула вновь в неведомые штольни. В условиях преследуемой веры и самого отрицательного мнения друг о друге предназначенных Леонтьевым к союзу сторон ее выход на арену обсуждаемых тем был практически исключен. Многие, напротив, были заинтересованы в том, чтобы ее подать, например, провокационный для веры вариант “живоцерковников”. Пробиваться к чьему-либо вниманию идея могла лишь отдаленным мерцанием или, выражаясь языком философов, в виде какого-либо “инобытия”.

Так, совершенно независимо и неожиданно она стала сказываться в свой срок у “победивших пролетариев”. С начала 1930-х годов (а вовсе не с войны, как упорно хотят то представить “победившие либералы”) руководящая идеология коммунистов заметно сдвинулась навстречу вере. Был публично выправлен в отношении к принятию христианства на Руси Энгельс, отменены ленинские постановления о священстве, началось восстановление роли в обществе Церкви, вернулись в литературу и искусство соответствующие образы, темы, образцы и т. д. Вспомнили и о Леонтьеве.

В 1935 году вышел 22–24-й том “Литературного наследства” с впервые публикуемым портретом Леонтьева и его “Автобиографией”. За огораживающим твердокаменным предисловием был помещен весь, высказанный собственными словами, путь Леонтьева-мыслителя и самый обстоятельный комментарий (по существу, целая книга) выдающегося искусствоведа-священника С. Н. Дурылина, незаменимый по сей день.

Известно также, что все подобные движения проходили тогда в составе и формах жестокой борьбы, далеко не всегда объявленной, двух направлений становящегося социализма: народно-большевистского и международно-либерального. Когда с середины 1950-х годов возобладало снова либеральное, обратный ход таким движениям был обеспечен. Любые признаки союза социализма и веры были готовящемуся перевороту не просто враждебны, но крайне опасны. Были (опять-таки провокационно) возобновлены гонения на Церковь, атакованы все звенья едва наладившейся преемственности духовной культуры, и проводник скользящего перерождения, зав. Агитпропа ЦК КПСС А. Яковлев в программном выступлении “Против антиисторизма” (ноябрь 1972 года) призвал партийные инстанции пресекать не прекращавшиеся в обществе старания укрепить строй “верой отцов”, и особенно там, где “дело доходило, по сути, до идеализации и восхваления таких реакционных деятелей, как В. Розанов и К. Леонтьев. . .” [13: 5].

Сбывалось леонтьевское предупреждение, что от самого проблеска его идеи “жутко же будет многим”. В 1979 году Джек Ф. Мэтлок-младший, квалифицированный славист, назначенный вскоре послом в СССР, тот самый, к которому спешили за советом в поворотные часы ведущие фигуры “перестройки”, изложил свое политическое кредо в сочинении, посвященном русской литературе: “Литература и политика. Влияние Достоевского”. В нем, основываясь на тщательном анализе розановской “Легенды о Великом Инквизиторе”, он обвинил Достоевского в тайном сочувствии Инквизитору (“согласен в душе”), в неспособности видеть Россию иначе как “в терминах революции”

¹ Из письма П. А. Флоренского к М. В. Нестерову от 1 июня 1922 г. (впервые опубликовано в составе доклада: Палиевский П. П. В. В. Розанов и о. Павел Флоренский // Литературная учеба. 1989. № 1. С. 115).

или “крайней реакции”, а главное, в том, что советские коммунисты, эти предсказанные Достоевским “бесы”, почему-то оказались в реальности “незаконными наследниками некоторых из наиболее любимых и характерных для Достоевского представлений” [35: 49–51, 57–58]. На бытовом языке той поры эти выводы выражались в Америке двумя лозунгами: “better dead, than red” (“лучше быть мертвым, чем красным”) и “Russians are coming” (“русские идут”).

Сердитым ворчанием встретили на Западе и впервые вышедший на немецком языке выполненный в России перевод “Европейца” [34].

Последней отчаянной попыткой противостоять пошедшему у нас “процессу” был созданный на родине Леонтьева Калужским обкомом КПСС и Калужским отделением Философского общества СССР в 1991 году, буквально накануне краха, Всесоюзный семинар, посвященный творчеству Леонтьева [32]. Его организаторы вряд ли заслуживали упрек, что им следовало бы сделать это много, много раньше. Разрыв опорных, основополагающих в мировоззрении общества сил был огромным, действительно историческим; залечить его даже и сознававшие проблему люди не успевали среди направляемых на них одна за другой мощных непосредственных угроз. Так или иначе, но разгаданный Леонтьевым “Протей” к тому времени давно сумел уже укрыться под защиту отброшенной социалистами религии и, принимая “православный лик”, преспокойно использовал ее, “где нужно”, в насмешку над Марксом, в виде “опиума для народа”.

Так и пролежала эта книга [см.: 2] более века, подобно родовой шпаге Леонтьева, которая, по свидетельству родственников, была зарыта эфесом в цветочный горшок и торчала оттуда под видом палки, поддерживающей стельку цветка. Узел образовавших ее идей остался неразвязанным.

Но по взгляду наперед, по обилию примеривающихся друг к другу стратегических идей и “объективных предчувствий” никто не заглядывал дальше уникальной встречи двух крупнейших консервативных мыслителей своего времени, в которую они, вольно или невольно, вовлекли других. Ставший очевидным с той поры факт, что им не удалось свести концы с концами, ничуть не обесценил их усилий. Он только показал, как мы видим теперь, масштаб и уровень раскрытых ими противостояний, развитие которых движет наши (как неотвратимо и “через” наши) дни. Можно поэтому считать, что книга нашла свое место и час выхода вовремя. Современный читатель получает в самом кратком выражении заранее продуманное глубокими умами историческое пространство, где многое из их мысли бесповоротно ушло, но многое и осталось для далеко еще не осуществленных исторических надежд и решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева; II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову / С предисловием и примечаниями А. А. Александрова. Сергиев Посад, 1915.
2. В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги “Литературные изгнанники”. Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014.
3. Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках... / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997.
4. Гамсун К. О духовной жизни современной Америки. СПб.: Владимир Даль, 2007.
5. Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений, 1773–1774 гг.: Антология. М.: Наука, 1975.
6. Иваск Ю. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество. Берн; Франкфурт-на-Майне, 1974.
7. Курдюмов М. [Каллаш М. А.]. О Розанове. Paris: YMCA-press, 1929.
8. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 1 / Гл. ред. В. А. Котельников. СПб.: Владимир Даль, 2003.
9. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 7. Кн. 1 / Гл. ред. В. А. Котельников. СПб.: Владимир Даль, 2005.

10. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 7. Кн. 2 / Гл. ред. В. А. Котельников. СПб.: Владимир Даль, 2006.
11. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 1 / Гл. ред. В. А. Котельников. СПб.: Владимир Даль, 2007.
12. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 2 / Гл. ред. В. А. Котельников. СПб.: Владимир Даль, 2009.
13. Литературная газета. 1972. № 46, 15 ноября.
14. Менделеев Д. Заветные мысли. СПб.: Тип-лит. М. П. Фроловой, 1903-1904.
15. Местр Жозеф, де. Четыре неизданные главы о России. СПб.: Владимир Даль, 2007.
16. Палиевский П. В. В. В. Розанов и о. Павел Флоренский // Литературная учеба. 1989. № 1.
17. Письма А. М. Горького к В. В. Розанову и его пометы на книгах Розанова: (Публ. Архива и Музея А. М. Горького) / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Л. Н. Иокар // Контекст, 1978. М.: Наука, 1978.
18. Поселянин Е. [Погожев Е. Н.]. К. Н. Леонтьев в Оптиной пустыни. СПб., 1911.
19. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9, полутом 1. [М.; Л.], 1938.
20. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. [М.; П.], 1949.
21. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. [М.; Л.]: Изд. АН СССР, 1937.
22. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 15. [М.; Л.], 1948.
23. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. [Т. 1] / Составление, подготовка текста и вступительная статья А. Н. Николюкина; комментарии А. Н. Николюкина и В. А. Фатеева. М.: Республика, 1994.
24. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. [Т. 2] / Составление, подготовка текста и комментарии А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994.
25. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. [Т. 3] / Составление и комментарии А. Н. Николюкина и П. П. Апрышко; послесловие А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994.
26. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. Т. 12 / Под общей ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
27. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. Т. 13 / Под общей ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2001.
28. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. Т. 15 / Составление и подготовка текста А. Н. Николюкина, В. Н. Дядичева, П. П. Апрышко. Комментарии В. Н. Дядичева. М.: Республика, 2003.
29. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29 / Составление А. Н. Николюкина. Подготовка текста А. Н. Николюкина, С. М. Половинкина, В. Г. Сукача, В. А. Фатеева, П. П. Апрышко. Комментарии А. Н. Николюкина, С. М. Половинкина, В. А. Фатеева. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.
30. Розанов В. В. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30 / Подготовка текста А. Н. Николюкина, В. Г. Сукача, П. П. Апрышко; комментарии А. Н. Николюкина, В. Г. Сукача. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.
31. Российский архив. Т. IX. М., 1999.
32. Тезисы Всесоюзного семинара, посвященного творчеству Константина Николаевича Леонтьева / Калуж. обл. комитет КПСС. Калуж. отд-ние Филос. о-ва СССР. Калуга, 1991.
33. Harris Frank. Oscar Wilde, his life and confessions. <Garden City (N. Y.)>, 1930.
34. Leontjew Konstantin. Der Durchschnittseuropaer: Ideal und Werkzeug universaler Zerstörung / Aus dem Russischen von Jurij Archipov. Wien: Karolinger-Verlag, 2001.
35. Matlock Jr. Jack F. Literature and politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky // The Political Science Reviewer. Pennsylvania, 1979. Vol. IX.

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

“ОГРОМНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ СЧАСТЬЯ”

Проза Михаила Тарковского

Современный писатель редко радуется присутствием биографии. Зажатый тисками мегаполисов, он ничего не видит и не слышит, он только думает и концептуализирует. Михаил Тарковский – другой: словно чувствуя гнет династии творцов (дед – Арсений Тарковский, дядя – Андрей Тарковский), Михаил Александрович еще в молодости совершил исход: покинул Москву ради сибирских глубин, стал охотником и человеком Енисея.

Новейшая литература (я говорю об относительно тиражной продукции двух монополистов – “Эксмо” и “АСТ”) стоит на двух китах: шок-фабула и шок-стиль. Надо, чтобы читателя трясло от события-триллера и речевого потока ненормативности. По сюжету бежит непристойно голый человек, а по языковой дорожке скачет его вывернутый наизнанку внутренний мир. Читателю от этих зигзагов должно стать хорошо.

“Пересказывать бесполезно”, “прочитайте его отдельно, выделите день...” – пишет М. Тарковский о произведениях В. Астафьева и В. Распутина. Художественный мир не подлежит захвату, словесное искусство – не для овладения *кратким содержанием*. Лишь становясь нашей нравственно-эстетической протяженностью, литература приступает к делу преобразования. Или она ничего не в силах изменить? “...Одолеть это сомнение и отчаяние можно только через глубочайшее смирение перед своей долей-задачей русского художника, который во все лихолетья чувствовал ответственность и обязанность быть плакальщиком и защитником родной земли и всегда учился силе у простых людей”, – читаем в очерке “Речные писатели”.

Тарковский приходит к нам с посланием о неторопливой протяженности жизни, обретающей вертикаль в простоте и глубине повседневности. Представление о становлении мысли и настроения в прозе Тарковского дает рассказ “Васька”. Два охотника – опытный Николай и совсем молодой Васька – на месяцы оказываются в лесной совместности. Герой, чье имя видим в заголовке, всем недоволен, всё его раздражает, усиливает тоску, подбрасывает мысли о несовершенстве напарника. Васька не может остановиться в нарастающем негативизме и оказывается запертым внутри страдающего от изолированности “Я”. Поворотный для нравственного сюжета момент – воспоминание юноши о своем сиротстве, об утонувшем отце, но главное – о мгновении счастья и душевной близости, когда ночью у костра, незадолго до гибели отец положил руку на плечо сына и молчал в задумчивости. Вторая глава рассказа

предлагает нам две формы времени. Первая – календарная: прошло три месяца. Вторая – смысловая: Васька, словно напитавшись образом исчезнувшего, но любящего отца, – в хорошем настроении, в любви ко всему окружающему, в “погружении в сердцевину бытия”. Перед возвращением из леса в деревню Ваське приснилась смерть бабушки – последнего родного человека, и сон мучил реальностью утраты. Последняя фраза – явление типичной для Тарковского катарсичности: “А потом показался дом на угоре и на крыльце стояла бабушка в красном платке и фуфайке, с охапкой дров, и, когда гул стих, она все что-то искала сморщенным лицом у него на груди, а он гладил ее по вздрагивающей стеганой спине и говорил несвоими губами: “Ну, будет, будет”, а над огромным Енисеем гнал ветер синюю пыль и ехало по зубчатому горизонту сплюснутое сказочное солнце”. Классический для литературы трагический катарсис уступает место катарсису полноценного соединения с мирозданием, особой вертикали настроения и состояния.

Часто встречаешься с такой оценкой Тарковского... *Крепкий традиционалист, к оригинальности не стремится. Поэтика Михаила Тарковского – реалистическое, без яркости портретов, без сумасшедших коллизий изображение городской и деревенской жизни, Сибири и Москвы в их сложном взаимодействии, с предсказуемыми для патриотического фланга оценками. Всегда к месту воспоминание об отъезде писателя из Москвы в сибирскую глушь, его охотничья жизнь, знание провинциальных контекстов, общение с природой и умение воссоздать радость этих принципиально не столичных встреч...*

Я вижу Тарковского несколько иначе. Избыточной созерцательности нет в его прозе. Обыденная жизнь рядовых героев – учителей, водителей, журналистов, малоизвестных писателей – скрывает миссионерский пафос автора. Тарковский в границах сюжетов выстраивает проповедь о значении русской литературы. Он называет ее “младшей сестрой молитвы”, предстает перед нами учителем литературы – не школьного предмета, а должного, даже спасительного состояния сознания. Здесь Пушкин, Гоголь, Достоевский, Бунин делают столь же важное дело, что и православный священник.

В автобиографическом рассказе “Бабушкин внук” Тарковский пишет о воспринятой с детства триаде: природа – литература – храм. Мне не хватает внутреннего конфликта в этом тройственном союзе, сюжета о борьбе природы с храмом и храма с литературой. Однако главная особенность тарковского мира именно в гармонии этих спасительных первоначал. Последняя фраза рассказа “Осень”: “Кто служит вечной красоте, не боится повторений”.

“Полет совы” сейчас самая обсуждаемая повесть Михаила Тарковского. Тридцатилетний Сергей Скурихин переезжает в деревню: “...Карта русского духа России выглядит нынче как обратный портрет карты населения: в наименее населенных местах мы наблюдаем его наибольшую густоту. Мое решение работать именно в таком месте, кроме желания набраться силы и разгладить душу простором, было вызвано желанием отпиться этим взваром неизбежности, вековечно питавшим нашу литературу”.

Оставив суету городского образования, учитель русского языка и литературы не только знакомится с сельским вариантом суеты, но и укрепляется в своей главной мысли – борьба за Россию везде. Можно трудиться в мегаполисе, есть шанс раствориться в более скромных пространствах. Однако для защитника Русской идеи фронт не имеет границ. Каждый урок, любой диалог с директором или коллегами – это противостояние новейшей философии жизни. За ее потребительским, вроде бы рационально-житейским фасадом располагается идеология навязываемого русскому народу поражения.

С одной стороны, герой окутывается сибирской природой, проваливается в общение в простыми односельчанами. Да и проваливается в холодную реку, чудом спасаясь от смерти. С другой стороны, при малейшей возможности его речь о господствующих конфликтах нашего времени возвращается. Важно, что Тарковский показал большое село без храма. Учитель Сергей Иванович в этой точке русской земли – единственный священник.

Православный иерей есть в повести “Фарт”. Вот как отец Лев освобождает от избыточной ритуальности: “Братья дорогие, не перегружайте книги церковной риторикой, не красуйтесь цитатами из писания, пишите житие современного человека, в котором воплощается русский духовный идеал”. Что ж, важная задача для пишущего человека – пройти между закономерной духовностью литературы и фарисейством безапелляционного обладания истиной.

Ведь бывает так: настолько ты вместе с Богом прав, что любой иной не дотягивает до твоей планки, уже инквизиторской.

Священника слышит скромный писатель Игорь Баскаков. Он начинает импровизировать с ответом на вопрос “Что такое литература?” Есть правда жизни. Правда литературы. И просто правда. “Искра какой-то единственной правды, искровая правда открывается, когда пишешь... об этой земле, вот прямо... Стоя на ней! Ничего не надо ждать. Искать специально. Высасывать из пальца. Такое счастье... Это не литература. Это... Я не могу объяснить!.. Когда якорь под тобой. А литература – все остальное!”

Интуиция Тарковского – в следующем. Писателю все можно: быть идеологически дерзким и одновременно бесконечно добрым в отношении человека, быть сюжетно скучным и неполиткорректным, религиозным, эстетически сложным или – вдруг – простым, быть публицистичным, тут же представ мистиком... можно, если полностью посвящен Русской земле, ее интересам.

Михаил Тарковский верит, что художественное произведение должно стремиться к духовно положительному финалу, что смерть человека при любой возможности обязана отсутствовать в сюжете. В повести “Фарт” самый заметный герой – Серёжа Шебалин по прозвищу “Ёжик”. Возможности автора в движении этого персонажа хорошо видны. Душа любой компании, владелец и умелый пользователь остроумнейшего лексикона. Нет проблем с цитированием наизусть “Черного человека”, и тут же пить – в есенинском стиле. За плечами отличное археологическое образование, с юности прекрасный английский. Какие-то совместные дела с иностранцами. Деньги, деньги, деньги. Вихрь! Никогда для себя, всегда щедро делился. И летел на огромной скорости. Поэтому из многих хороших женщин выбрал плохую, а с водкой остановиться не получилось никак. Был талант – в нужный момент помогать другим. Сейчас меньше этого таланта. Жена ушла, финансовые связи как-то скукожились, потом и вовсе иссякли. Избыток, скорость и душа на ветру. Злоба и отчаяние. Ненависть, отвержение Бога – интоксикация, которая захлопывает дверь. Просто никто не в состоянии помочь.

Автор любит поднимающихся героев. Тот же Сергей Иванович из “Полета совы” – движется к образу учительской праведности. Писатель Баскаков из повести “Фарт” через суету, искушения с женой – к покаянию и молитве. Видимо, по замыслу Тарковского, вопрос о спасении Шебалина должен объединить героев “Фарта”, читателей да и самого автора.

Как противостоять разрушению? В том числе быть учителем литературы. Не позволять себе быть в беллетристике – в мнимых, обманно художественных текстах, написанных автором без страданий и любви для читателей, ищущих только релаксации и модных мыслей. Считать “беллетристикой” облегченное мировоззрение, работающие на снижение, мешающее человеку, подобно сибирской сове, “буквально вложиться в небо”.

Но самое главное – радостно принимать сложность мира: в явлении внутренних и внешних портретов (Тарковский не жалеет сил в их создании), не экономить себя в движении личного сюжета, которому не обойтись без активной помощи ближним, без мировоззренческих баталий, без самой мысли о том, что человек все-таки добр, в Боге нуждается, а не в его антагонисте. И помышлять, конечно, о “совершенстве замысла”, без которого, по Тарковскому, ни совершенной литературы, ни спасительной жизни не существует.

Не могу сказать, что Тарковский – мастер заголовка. “Полет совы”, “Фундамент”, “Стройка бани”, “Фарт”, “Ледоход”, “Осень”, “Таня”, “Васька” – все это звучит не слишком энергично, не подчиняет авторской воле. Среди исключений – повесть “Замороженное время”. Здесь уместно объяснение самого автора, отвечающего на вопрос об “особом подтексте”: “...Такого подтекста нет. Я не люблю подтексты – это для интеллектуалов. Просто зима – мое любимое время года, когда ощущение покоя, как будто времени нет вовсе. Я себе представляю, как 200–300 лет назад у морозного окна горела свеча, точно так же кто-то смотрел на эти узоры на слюде, только, допустим, молился, размышлял. Зима – это наше Отечество, не говоря уже о том, сколько раз она спасала от иноземных нашествий. Сейчас она должна спасти от духовной интервенции. Человек должен в это лихолетье заморозить все лучшее в себе, чтобы его не размыло, не растопило-съело всем этим потоком скверны, которые на нас льются со всех мировых дыр и из дыр в идеологии. Ничего не спасешь, пока не будет противодействия и противоядия активного...”

Единственный и уже много лет продолжающийся роман Тарковского называется “Тойота-Креста”. Даже с учетом всех контекстов и лексических ассоциаций название представляется мне не слишком удачным. Машина остается машиной. Техникой пахнет и зависимостью от того четырехколесного друга, который далек от реализуемой в книге духовной программы.

И все же “Тойота-Креста” – современная версия средневекового рыцарского романа. “Стоп! – возьмет слово начитанный студент-филолог. – Какой еще рыцарский роман. Что общего у повествования Тарковского с “Тристаном и Изольдой”, “Ланселотом”, “Парцифалем”? Там приключения постоянные, турниры соответствующие, Прекрасные Дамы с идеальной любовью, чудесные леса, замки и память о Небе, о христианском идеале. Где это все у Тарковского? Сибирские трассы, подержанные машины, долгие-долгие разговоры о провинциальном быте и новейшем русском несовершенстве... Да и главный герой – какой-то тормозной Женя, на лихого рыцаря совсем не похожий...”

В глубине романа происходит следующее. Несогласный с прагматизмом XXI века человек-душа поглаживает своего доброго коня (замаскированного под японскую машину), воспринимает его как по-настоящему живого друга, ищет приключений на малолюдных дорогах, окруженных густыми лесами. Еще этот человек-душа помнит о заколдованной Родине, знает о ее многочисленных врагах, думает, как справиться с ними. Также он пребывает в постоянном поиске идеальной женщины. Она должна помочь в восхождении, стать верной подругой по замене горизонтали (жизнь ради брюха) вертикалью (жизнь ради духа). Герой знает о реальности Бога. Однако нет, как у действительного рыцаря, религиозного покоя. Есть поиск Отца и Спасителя. Чем ближе финал, тем заметнее Церковь, призванная принять душу, успокоить ее. Нет фиксируемых сюжетом чудес? Ничего, зато есть понимание жизни как чуда. Только так можно сохраниться в мире, который все больше и заметнее склоняется к мрачному потребительству, к гламуру и пустоте безбожной повседневности. Жизнь должна быть богослужением в формах, востребованных своей эпохой. Так в классическом рыцарском романе XII столетия. Так в романе Михаила Тарковского “Тойота-Креста”.

Правда, рыцарский роман – центростремительная словесность: событий много, разговоров мало, композиция четкая, резко устремленная к кульминации и финалу. “Тойота-Креста” сделан иначе: акцент – на протяженности, на неторопливости и какой-то специальной затянутости. Слово автор, выступающий нравственный текст, верит в целительность качественного многословия и теплой совместности, объединяющей героев, писателя и читателей. Тарковский не желает насыщать роман фабульными (рельефно-событийными) центрами, оставляет нас в повествовании, которое больше напоминает протяженность и некую риторическую остановку, чем движение к цели.

При этом высокоскоростная машина редко исчезает из романного кадра. Признаюсь, где-то в начале третьей части “Тойоты-Кресты” оказался я в приступе недовольства: “Одни машины, другие тачки, третьи... Все – иномарки, о каждой с любовью, по отдельности, с явлением и механизмов, и персональных имен этих надоевших железных лошадей... Какой-то там Бог, какой идеал... За всеми разговорами о плохой Москве и доброй провинции скрывается сибирский эгоцентризм, надоевшая ненависть к столице, будто одни москвичи во всем и виноваты... И опять машины, машины... Чем занимается герой Женя? Перегоняет востребованные иномарки из дальних русских пределов в более близкие, где заплатить способны. То есть деньги зарабатывает – в самом ярком стиле 90-х годов. Так к чему слова о духовности? Длиннющие разговоры под водку – в это верим. То, что старший брат ушел к молодой – понимаем. То, что младший брат осел в столичном Вавилоне и пытается качать там финансы – знакомо. Может, это и есть эпицентр производства? И все наши предположения о рыцарстве просто ошибка?”

Это лишь минута читательской слабости. Нельзя не отметить желание Тарковского предложить нам духовно оптимистический роман о том, что верная дорога может быть обретена, и разнообразные машины все-таки привезут к храму. Но дело даже не в этом. В романе есть то, что умники могут называть “ремарковским началом”, хотя и на северный лад. Мужская дружба, множество использованных шансов для оказания помощи, беседы о жизни и смерти, о России и Западе. В тексте совершается литературное перенесение

столицы в сибирскую провинцию, где ждут человека два батюшки. Во-первых, “батюшка Енисей” — природный целитель, очиститель от городской скверны. И батюшка православный, к которому стремится Женя Барковец. И пение на клиросе будет, и время для исповеди настанет.

Автор слишком любит своего героя, как к долгожданному ребенку относится к нему. Тарковский хранит Женю на дорогах, следит за его внутренней работой, осторожно, не торопясь, всю третью часть романа везет в Церковь. Насколько герой автобиографичен? Много ли в нем от Тарковского? Вот авторский ответ: “Очень много. Хотя сказать, что Женя является олицетворением автора, нельзя, потому что Женя Барковец вообще герой условный и сказочный. Нигде не дается его портрета, не совсем понятно, на что он существует и как именно проходят его рабочие дни. Мало рассказывается о его доме (только в третьей части), умалчивается о родственниках. Скорее, Женя это некая духовная емкость, дающая возможность вместить наиболее важные и волнующие душу миры. Условностью своей он вообще ни на кого не похож, а мирами его наполняет (конечно же) автор, вкладывая в него пережитое. Женя из тех героев, которые намного лучше тебя самого, он будто отражение самого святого, что тебе дано богом, или хотелось бы, чтоб было дано, что просишь. Женя — хранитель земли русской, он находится в вечном бессонном дозоре, озирая ее то с Курильских островов, то с серпантина в Култуке, то с моста “777”. Ты настолько привыкаешь к его защите, что уже не можешь без него жить, потому в таких книгах и очень трудно поставить точку”.

Возможно, все это (прежде всего, христианский вектор становления героя) усложняет отношения Жени с женщинами — самый заметный сюжетный центр романа. Есть простая, без тайн и загадок, всей душой преданная Настя из маленького сибирского городка. Прижаться к ней, родить детей, продлить незамысловатый быт до вечности? Нет. Вот и станет жить библиотекарь Настя со старшим братом Михалычем. Есть встретившаяся на дороге Ирина Викторовна. Покорить ее искренним словом, довериться хотя бы придуманному знаку судьбу, обещающему совместность? Нет, не получается у нее, да и него не получается.

А вот в шукшинских местах появляется поющая журналистка Катя. И какие слова находит здесь Тарковский! “От Кати он уже не отходил. Простота какая-то домашняя была у этой девушки. Женя давно заметил, что женщины по-разному говорят с миром: одни — как дамы, другие как любовницы. Катя говорила как жена, и казалось, что если чем и можно совладать с ней, то только предельной честностью. Таким он и стоял перед Катей — высвеченный до самой дальней душевной стенки”. (Еще раз отмечу — уже в скобках — что внутренняя форма речи сильнее здесь выстраиваемого сюжета.) И с Катей не быть вместе. Рискну предположить, что сильная и красивая девушка, полная энергичного бытия, присматривалась к Жене Барковцу и нашла, что героическое в нем (есть, конечно, есть!) как-то причудливо объединяется с обломовским (не без этого!) и препятствует возможному счастью.

Но больше всего сказано о московской телевизионщице Маше. Имя красивое, сама хороша, к Жене тянется, угадывая в нем настоящее. И живут какое-то время вместе — то в Сибири, то в Москве. Вроде есть любовь. Нет перспектив. Удивительно, что читатель, видя гламурность и некую изощренную опытность Маши, понимает это быстрее, чем герой, да, пожалуй, и раньше, чем сам автор. “Он стоял как в шкуре, в броне своих точных рук, мышц, загара, опыта. Он пошевелился, и все это заходило, заскрежетало и зачесалось, как короста... и все мужское, нажитое стало отслаиваться, отпадать коркой, пока он не превратился в огромного ребенка с пульсирующим багровым нутром и тонкой кожей. И ребенок этот ревел: верните мне мою Машу”, — это о Жене.

“Слова значат всё. Просто они бывают разные. Есть слова-слова, а есть слова-поступки. А есть слова, от которых мы становился другими. О словах надо думать”, — это он Маше. Молодой женщине интересно. “А ты сможешь меня содержать?” — все-таки это Маше важнее. Чтобы перенести глубину и вытерпеть духовную жажду, кое-чем надо жертвовать. Особенно женщине, если мужчина жаждет без обмана. Поэтому в романе (возможно, он продолжится) Женя остается один. Или потому один, что храму он все-таки предназначен?

О мужчине и женщине — лучшие для меня в тарковской прозе слова: “И, когда зверь бродит в одиночку, сизый от лунного света, есть в этом что-то и рвущее

душу, и величественное, и лишь человек жалок в своем бездомье, и нет ничего важнее дома. Но для мужчины жизнь — нарастание главного, и ширится он постепенно, а женщина чуть не с истока главным разрешается, а потом всю жизнь дотихает им, поэтому и живут оба в разные стороны, и нет ничего труднее дома. Есть великие излучения природы, и женщина их часть, и, чтобы детей вывести, ей даже от самой себя заслон нужен, и не товарищ она там, где суждено бродить тебе, как зверю, в извечном одиночестве. И есть две тайны в жизни — глубь женщины и даль пространства, и, как ни тщишь, не пересечь их за горизонтом”. Это из повести “Енисей, отпусти!”

В третьей части романа “Тойота-Креста” Михаил Тарковский прочно становится на платформу духовно-патриотической прозы, разгоняя пессимистические тучи и сближая героя-себя-нас с реальностью православия. Даже образ Шукшина тяготеет не только к праведности (“канонически русское лицо Василия Макарыча”), но и к особой святости подлинного русского писателя... Храм, клирос, хор, мысль о соборности, беседы со священниками...

Буддийское и гностическое начала царят в современной прозе: да расплывется в пустотной виртуализации все материальное, телесное, да сгинут в неосинкретизме любые формы классических мировоззрений! Символический *Гамлет*, легко открывающийся в ближайших подтекстах, предлагает не отходить от могилы, пристально всматриваться в *Иорика* и говорить-говорить-говорить о том, что обречен человек, и нет рая для добрых и ада для злых. Михаил Тарковский в антигностическом усилии учит любить тело земли, леса, воды. Не *Гамлету* он предоставляет сюжетное поле, а *Дон Кихоту*, одержимому чудом, любовью и защитой благородства. Кихотическое начало у Тарковского лишено эксцентрических движений и явлено как ждущая просветления повседневность. Например, у героя повести “Енисей, отпусти!”: “Из людских слабостей Прокопич не знал ничего хуже сытого деления на мое — не мое, так давившего его в Люде, и, когда это душевное сальце почудилось ему и в Наталье, настала катастрофа”.

Это ему — охотнику Прокопичу — дано чувствовать “огромные пространства для счастья” и участвовать в постановке одного из главных тарковских вопросов — о земном рае, о достоинстве жизни-радости. Охота (первое дело многих персонажей) у Тарковского — без захвата, без крови, без инстинкта громкой победы. Охота больше похожа на паломничество, посылает сигнал о русском рыцарстве — служении Богу, природе, литературе. Охотник — мастер внутреннего разговора о мире и человеке. “Чуткое к невыразимой красоте природы сердце охотника” — это сердце *Дон Кихота*.

В лучших книгах автор “Тойоты-Кресты” и его герой видят “огромное дерево, оно лежит, и вдоль него всю жизнь едешь, едешь и можешь даже до вершины... не дожить. Но это неважно. Важно, что с этим деревом хорошо и спокойно”. Думаю, что именно такую книгу создает Михаил Тарковский — один из самых интересных писателей наших дней.

ЭДУАРД АНАШКИН

“Я ХОТЕЛ БЫ КРИЧАТЬ О ЛЮБВИ, ТОЛЬКО КРИКА ОБ ЭТОМ НЕ НАДО...”

В начале февраля известному самарскому поэту Борису Сиротину исполняется 85 лет.

Знакомство наше с Борисом Зиновьевичем Сиротиным идет из советской эпохи. Далеко не все из нынешних самарцев, особенно молодые люди, знают, что сегодня пребывающее в запустении здание самарского Дома печати, что возле междугородного автовокзала, когда-то бурлило и кипело жизнью. Там рождались новые идеи, новые газеты, новые литературные имена, завязывались новые знакомства... Там среди множества прочих литературных и журналистских организаций помещалась редакция газеты “Волжская коммуна” – самой популярной газеты тогдашнего Куйбышева. Вот там, в кабинете заведующего отделом культуры этой газеты, заслуженного работника культуры России Евгения Николаевича Жоголева, и состоялось наше знакомство с Борисом Сиротиным. В этом отделе, помнится, еще располагались двое сотрудников – прозаик Андрей Гулин, автор повести “Лидка Чапаенок”, и куйбышевский детский поэт Юрий Денисов.

Как-то само собой наше знакомство впоследствии переросло в дружбу. Приезжая в Куйбышев, я гостевал у Бориса, в те времена он жил еще на улице Ленина. А он порой навещал меня в селе Майское. За эти долгие годы я познакомился со всеми дочерьми Сиротина, а их у него трое. Был знаком с его замечательной, к сожалению, ныне покойной женой Ольгой.

*Оля, видишь, как рано темнеет,
Как туман повисает вокруг?
Даже бодрое сердце немеет,
Издает еле слышимый стук.*

*У меня ощущение такое,
Что всю жизнь этой тьмою влеком,
Хоть избáлован Волгой-рекою
И доверчивым теплым песком.*

*Я люблю летний полдень палящий,
Но вот даже у Волги спроси, —
Скажет, сумерки непроходящи,
Постоянны они на Руси.*

*Возмужали мы в сумерках этих,
Возмужали и дети давно,
Но росли они, их не заметив,
Это зрение редким дано.*

*Слава Богу, что так, а не этак,
Слепота тоже дар непростой...
Оля, слышишь шушание веток? —
Тьма пришла на великий постой.*

Жители Самарской области наверняка благодарны Борису Сиротину не только за его многолетний плодотворный литературный труд, но и за те литературно-музыкальные вечера, что устраивала православная творческая группа “Благовест” по всей Самарской области. Борис Зиновьевич был “коренником” этой православной творческой группы — читал свои стихи, а его дочь, блистательная вокалистка Людмила Жоголева, солистка Самарской филармонии, исполняла песни и романсы на стихи отца, положенные на музыку самарским композитором Шевердиным.

*В старом ветхом клубе сахарного завода
Дочь моя пела о святом Серафиме,
И ложилась на скучные лица сияющая забота,
И губы шептали полузабытое Имя.*

*И еще слово “батюшка” вслед за дочерью повторяли
Серые губы — и зал озарялся сияньем,
И сиял аккомпаниатор Слава за разбитым роялем,
И сияла дочь моя в белом своем одеяны.*

*Батюшка Серафим так долго молился на камне,
Что образовались две впадины от его коленей...
А я думал о том, что скоро мы канем
В бурлящей воронке подрастающих поколений.*

*И не то что на камне, даже на мягком воске
Не оставим следов (иль не солонь слезы наши?),
Может, останутся от имен какие-то отголоски,
Но слезы прольются мимо вселенской чаши...*

*Завод был старым и простаивал, люди эти,
Что собрались в зале, остались без прочной опеки.
Батюшка Серафим, батюшка Серафим, на том свете
Молись перед Богом за нас — зане человеки!*

*Ведь дочь моя, дочь Твоя, русская дщерь Людмила
Поет о тебе с надеждой и покаяньем,
И ветхому залу слово “батюшка” мило,
И он ведь не зря как бы весь озарен сияньем.*

Это стихотворение о дочери такое личное и такое не личное, ведь в этом обращении поэта к дочери голос не просто любящего заботливого отца, но голос поэта и гражданина, живущего в эпоху слома устоев страны. В эпоху, когда старое уже порушено, а новое еще не наступило. А выжить в то время крушения советских устоев без веры было просто невозможно!

*Моя старшая дочка за Пушкина молится.
Удивился, а дочка ответила мне:
Ей сказала старушка одна, богомолица,
Что давно уже Пушкина видит во сне,
Он стоит-де, накрыт белоснежной накидкой,
И Решения Высшего ждет о себе,*

*И какой ему, бедному, кажется пыткой
Так вот ждать и не знать о дальнейшей судьбе.
То ли рай, то ли ад... Ведь почти два столетия
Он в Преддверии ждет, замолчавший поэт...
Но у Бога в руках вес земные соцветия,
Для него между ними различия нет.
Да и время иное там, в безднах Всевышнего...
Слушал я и не верил.
Но чувствовал дрожь,
Что смывала с души все наносное, лишнее,
И как будто в Дверях сам Решения ждешь...
Ну а в храме вдруг горние выси открылись:
Вижу — мраморной лестнице нету конца,
И поёт, и парит моя дочка на клиросе,
Подпеваю — и вместе мы молим Отца,
Молим Сына Иисуса, предвечного Логоса,
Пощадить нашу русскую гордость и честь...
В храме слушал я дочь и умом чуть не трогался
Пред иконами, с голой душою, как есть.*

Не рискну назвать Бориса Сиротина гражданским поэтом. Но тем не менее в течение не одного десятилетия он прочно входит в обиход авторов лучшего литературного журнала России — “Наш современник”. Видимо, и редакция понимает, что в таких личных вроде бы строчках стихотворений Сиротина пульсирует судьба и боль страны... И именно она, судьба, подарила Борису Зиновьевичу творческое содружество со знаменитым литературным критиком и историком Вадимом Валериановичем Кожиновым, который для русских писателей был и остался после своей смерти идеологом возрождения национального мышления.

Феномен Сиротина в том, что он вроде бы никогда не был пламенным “трибуном”, но всегда находился в русском поле литературы, живя непростой, но в общем-то почти обычной для русского поэта, жизнью — метаний, исканий, хождений за истиной, перемежаемых поиском самого себя, истинного, задуманного Свыше...

Исповедальность стихов Бориса Сиротина всегда была одной из самых ярких граней его творчества. Исповедальность и то русское смирение пред судьбой, которое никогда тем не менее не мешало русскому человеку обжить огромные пространства. Не потому ли боль у нас часто является естественным проявлением того, что человек жив, и что небо помнит о нем.

*Ни голоса, ни отголоска,
Неслышно спадает с ветвей
Лист дуба — церковного воска,
И клена — отборных кровей.*

*Дожди отошли, Подмосковье
В бессильной осенней красе,
Когда пошатнулось здоровье,
Но силы иссякли не все.*

*И я в этом тихом паденьи
Листа очень тихо иду,
И осень мне — как откровенье,
И с нею я в полном ладу.*

*Писать про своё нездоровье
Не стоит — к чему здесь надрыв,
Но к русской природе любовью
Я болен — и, стало быть, жив.*

Я знаю Бориса Сиротина, как одного из самых православных писателей земли русской. В лучших стихотворениях его духовной лирики все приметы покаянности и отсутствия гордыни, чего часто очень не хватает в стихах других авторов. Ведь подозрителен тот автор, что кричит о своей вере. О вере, как и о любви, надо говорить шепотом:

*Снизошел благодатный огонь —
Значит, наша история длится.
Протяни, коль не страшно, ладонь —
Лишь пронзится, не испепелится.*

*Я увижу все жилки твои,
Как у листьев осеннего клена,
И сказать захочу о любви
Торжествующе и опаленно.*

*Но, наверно, опять промолчу,
Ибо этот огонь так далече.
Лишь откроюсь Господню лучу —
Он ведь тоже пронзает и лечит.*

*Божий луч пробежит по крови,
От греха очищая и смрада
Я хотел бы кричать о любви.
Только крика об этом — не надо.*

Православная лирика Бориса Сиротина уникальна своей мелодичной открытостью миру. О Святых Отцах, о великих подвижниках Православия поэт пишет как о самых близких и родных людях, словно творит молитву за них своими певучими строками.

*Иконы Рублева написаны дымом —
Печным и лучинным, привычным, родимым.
И так этот дым ему выел глаза,
Что он заглянул за привычное, за...*

*Он с кистью стоял над зияющей бездной —
И дым снизошел к нему тонкий, небесный,
Два дыма смешал он и кистью нанес —
И вот на левкасе явился Христос.*

*Не царственный муж, самый обыкновенный
Явился из тонкого дыма Вселенной,
Но только для этого необходим
Был горький и сладкий Отчества дым.*

Поэзия Бориса Сиротина — утешение для души усталого русского человека. Несуетна и ненавязчива, она хранит небесный покой и простор. Она вся проникнута надеждой, что все в этой жизни происходит не зря, а во имя единения души человеческой с миром и Богом. И эта надежда настолько переходит в уверенность, что впору назвать эти стихи молитвенными и напутственными, данными в утешение читателям на опасных перекрестках эпохи.

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ВОЗГОВОРИ, НОЧНАЯ ЧАЩА...

Чувство рода и земли в поэзии Александра Нестругина

*Первая мать — Пресвятая Богородица,
Вторая мать — сыра земля,
Третья мать — кая скорбь приняла.*

Русские духовные стихи

1

Современная русская поэзия поделена на два духовных ареала, каждому из которых свойственно особое видение мира, свои отношения с прошлым и будущим, представления о реальной жизни и бытии. И здесь нет нужды в специальных акцентах, давно уже принятых в нашей литературе: философские стихи, поэзия мысли, пейзажная лирика, стихи о любви, гражданские строки и т. п. Речь идёт о поэзии города и деревни, о чувстве земли — и осознании асфальта, о созерцании парка — и напряжённом вглядывании в природу леса и реки. Такое резкое деление художественного пространства русской поэзии, конечно, во многом условно. Однако стоит обозначить тот смысловой пункт, который эту условность почти снимает: проблема целостности русского человека, его верности родовым вехам и христианскому преданию.

Городской человек — существо, живущее смыслами во многом рациональными. Это хранитель церковной и светской культуры, цивилизатор, перестраивающий по своим чертежам всё, доставшееся ему по наследству от прошлых времён. Нередко он лишён природного слуха, позволяющего не только улавливать тончайшие зовы стихий и живых существ, но и понимать себя частью великого и таинственного природного целого. Житель города обладает многими иными достоинствами и талантами, однако это свойство его натуры обычно или не развито, или атрофировано.

Сельский человек, сохранивший в себе детское внимание к окружающему миру и память о запахе трав, плеске тихой речной волны, просторе луга и насторожённой обособленности леса, интуитивно воспринимает знаки стихий и подчиняет свой быт циклам времён года. Соединение собственного уклада с распорядком внешней среды происходит сегодня на уровне почти бессознательном, в рамках семейной привычки или давней, плохо укладываемой в слова традиции. Но это — покрытая тенью более поздних веков часть огромного мира, в котором человек был вплетён в природу и понимал и ценил такое гармоничное единство.

Прежняя целостность души теперь практически утрачена. Однако черты “природного” человека, словно разбросанные по осени листья, встречаются пока ещё часто. В поэзии они выражены очень отрывочно, вскользь и оставляют впечатление смутной памяти о минувшем. “Земля уходит из-под ног” — эти слова впрямую перекликаются с психологическим состоянием русского ума сегодня. Поэтому явление художника, в творчестве которого душа и природа “единокровны” — событие огромной важности, поскольку в подобном случае литература и жизнь получают спасительную прививку от многих болезней цивилизации.

В творчестве Александра Нестругина образ “природного” человека присутствует как некий художественный центр, и его приметы требуют уяснения и мировоззренческого понимания.

С одной стороны, в лирическом герое трепещет душа дохристианской поры, когда шёпот трав и птичий щебет многое сообщали слуху и уму, лесная чаща таила в себе загадочные силы, подчас неизъяснимые на людском языке, а речные воды почитались неким пограничным рубежом и очистительной стихией. Древний мир был пространством, в котором жили и действовали старые славянские боги, а сам человек являлся неотъемлемой частью природной среды.

Но вот уже тысячелетие Русь не мыслит себя вне православной веры, в забвении её святых и подвижников, и потому сегодня иерархия мистических смыслов выглядит совсем иначе, нежели прежде. Храм стал пристанищем измученного человеческого сердца, душа лелеет надежду на светлое воскресение, нравственное начало приобрело значение жизнеустроительного принципа.

Однако при этом как-то умалились и оказались почти факультативными, необязательными взаимоотношения человека с таинственным и многообразным живым миром природы, который сопутствует нам на каждом шагу даже в асфальтовой паутине городских улиц. И сегодня совершенно отчётливо возникла задача восстановить чуткие связи между православным бытованием и естественным человеческим присутствием в координатах четырёх стихий, среди зверья и птиц, деревьев и трав. Разумеется, подобная задача обладала бытийной широтой. Между тем, именно поэзия в состоянии стать внимательным проводником в этом долгом и неизбежном пути.

Первые шаги в таком направлении уже сделаны. Творческая эволюция Юрия Кузнецова есть гениальный пример упомянутого мировоззренческого соединения. Интуиция и тонкий вкус поэта позволили ему воссоздать художественную вселенную, в которой непротиворечиво соприкасаются родовое, природное — и нравственное, христианское. У Кузнецова это осуществлено в литературных и мистических границах мифа.

Но реально поэзия может явить читателю древние интуиции в сочетании с просветлённым разумом почти обыденными средствами. Наитие и острое зрение, чувство правды и желание слиться с рекой, дубравой и израненной русской землёй делают стихи Александра Нестругина ещё одной тропой в заповедный мир, где Спасителю послушны и понятны каждый цветок, всплеск волны, дрожание крыльев птицы, причудливое очертание облака.

2

Первые значимые стихотворные опыты Александра Нестругина относят ко второй половине 1970-х. Спустя десять лет в его поэзии происходит глубокое внутреннее преображение. Будто кто-то вышний придаёт лёгким невозможный прежде объём и глубину дыхания, а голосу — силу, звонкость и редкую способность говорить шёпотом внятно и разборчиво. Если ранее к читателю обращался литературно одарённый, сердечный собеседник, то с этой поры слышишь речь поэта поистине большого.

Поразительно точно и выразительно Нестругин прописывает реальность: бытовое утрачивает собственный стёртый облик и обретает смысловую значимость, лица прохожих становятся отчётливо индивидуальными, словно под карандашом портретиста. Природа в его стихах предстаёт во взаимосвязи отдельных частей и явлений, а сам автор оказывается включён в её неостановимое движение.

*Ещё не улетели ласточки!
Зачем ветра осоку клонят?
Ещё не улетели ласточки,
И стужа никого не тронет.*

*Столбом не вейся, пыль дорожная,
Леса и луг, не трепещите!
Ещё мы с вами под надёжною,
Под ласточиною защитой...*

Столь органичную связь с природой в поэзии теперь встретишь не часто; пейзажные картины её, как правило, описательны и фрагментарны. Тогда как у Нестругина за деталями всегда чувствуется целое и – тоска по целому.

В его строках звук ли, промельк, дуновение будто видятся-слышатся боковым зрением или фоновым слухом. Душа их воспринимает и беспокоится, хотя ум не может пояснить, что же происходит вокруг и в чём заключена тревога. Это – контур таинственного существования человека в природе, когда душа и дыхание мира взаимосвязаны (“безлюдно, угрюмо пространство ночное... И кажется: есть кто-то рядом со мною, и он-то в обиду не даст никому...”; “где лог, заросший нехворощей, где луг – не видно ничего. Но стёжка узнаёт на ощупь, и не оставит своего...”). Удивительным образом в поэзии Нестругина сохранился психологический отпечаток древнего русского человека – его внутренняя конституция, чувственное устройство, которые с рациональным современным умом соприкасаются лишь точечно.

*Опадает листва...
И становится слышно,
Как трубят,
Как трубят на душе журавли!
Сняли шапки с голов
И на видное вышли
Все деревья
Тревожной
Родимой земли.
Стая ласточек быстрых,
В плохое не веря,
Как на санках,
Катается на сквозняках...
Но просёлки уже
Проступили — как вены
На усталых
Осенних
Крестьянских руках.*

Нестругинские стихи нередко становятся художественным камертоном прошлого и настоящего. Так, живые степные запахи, идущие издалека или из вчерашнего дня (“сломишь кустик полынка, изомнёшь сухие стебли, – сколько дней потом рука будет отзываться степью!..”), есть подобный отклик-отзыв. Он объединяет в себе и смутную родовую память о кочевьях “в Лету канувших племён”, и сон о влажном выгоне, “где, от школы вдалеке, сердце лодочкой бумажной пляшет в мартовском ярке”.

Природный мир – потаённое царство, которое открывается не каждому. В нём порой наглядны обычно незримые связи между деревом и птицей, травой и речной водой, землёй и изменчивым небом. В стихах Нестругина образы природы слиты один с другим. И сама она предстаёт загадочным целым, которое невозможно разъять на части: “с певчею птахой приложит ко лбу влажную ветку”; “клён-то на ветках не почки качает, а стаю шмелей”.

Но природное “всеединство” включает в себя и детей как образ человека с естественно устроенной душой, хотя скорее – с душой, ещё не испорченной непомерным эгоизмом (“...деревья рядом с детворой, оказалось, могут улыбаться тёплой морщинистой корой”). Ничего подобного по отношению

к взрослым современникам у Нестругина не найти. Более того, лирический герой поэта постоянно соизмеряет собственный внутренний мир с живой внешней средой, учится у неё, говорит с ней, иногда самозабвенно погружается в неё — и не мыслит собственного существования в отрыве от её тайн и многообразия.

*Возговори, ночная чаща,
Огня мерцанье обойми!
Нет для меня светлей и слаще,
Роднее звуков меж людьми,*

*Нет для меня верней, тревожней,
Заветней нескольких минут,
Когда твой шёпот осторожный
Вершины тёмные вернут*

*Душе, в которой столько мрака
И звёздочка дрожит одна —
По звуку твоему, по знаку
Водой небес вознесена*

*Над пепелищем и сумою,
Над горькой лямкой — “за харчи”,
И кажется — над тьмой самою, —
Не этой тьмою, не в ночи...*

3

С середины 1980-х в стихах Александра Нестругина начинается тонкое проникновение “природного” начала в социальную сферу и душевную, “совестную” среду обитания лирического героя. Это происходит на фоне ощущения трагизма человеческого существования, кровавых бездн русской истории XX века, невозможности найти “золотую правду” земной жизни.

Одно из лучших стихотворений этих лет, “Встреча”, посвящено Геннадию Луткову — воронежскому поэту, в юности осуждённому за участие в работе молодёжной антисталинской группы. В давнем судебном деле много противоречивого и неясного до сих пор — когда и архивы стали доступны исследователям, и мемуарная литература представила читателям свои свидетельства. Отвлекаясь от подробностей прошлого, чрезвычайно важных в иных обстоятельствах, Нестругин изображает встречу лирического героя с “сидельцем”, чья судьба искорёжена и незавидна. Мастерски точными штрихами обозначено минувшее, настоящее и выход в будущее:

*Устали ответы, затихли вопросы,
В костре головешки, как речка, дымилась.
А в банке, где сок был, осенние осы
Тонули, карабкались, плакали, бились...*

*И что ему вспомнилось в эту минуту?
Суровые годы? Жестокость людская?
Склонился... И подал им тоненький прутик,
Как будто бы осы те — ценность какая.*

*А после глядел сквозь кусты чернотала —
И что он там видел, где не было света?
И мне в ту минуту понятнее стало,
Как жить, чтобы стать настоящим поэтом...*

Классическая простота стиля позднего Твардовского здесь соединена с волевым авторским импульсом, содержательная сторона которого — увидеть, понять, действовать.

В стихотворении малого объёма сосредоточено чрезвычайно много глагольных форм – это, к слову, одна из примет нестругинской поэзии (“устали”; “затихли”; “дымилась”; “сок был”; “тонули, карабкались, плакали, бились”; “вспомнилось”; “склонился”; “подал”; “глядел”; “видел”; “не было света”; “понятнее стало”; “жить”; “стать настоящим поэтом”). И потому сюжет напряжён до предела, хотя, на первый взгляд, перед читателем-зрителем – вполне статичная мизансцена. Но, по сути, перед нами – вопрошание более позднего творческого поколения. Нравственное и духовное здесь соединились с частным и природно-обычным, за изложением случая возникла судьба и облик “верного пути”.

Мир в стихах Александра Нестругина переполнен узнаваемыми деталями и ситуациями. Для поэта реальность становится неисчерпаемым источником коллизий и картин, его перо способно легко создать набросок происходящего – и это будет эскиз живой, дышащий, в котором “персонажи” двигаются, а сюжет развивается. Такое качество письма, редкое по естественности владение изобразительными средствами делают автора одним из лучших художников в нынешней поэзии, более склонной то к умозрительной рассудочности, то к грубой лапидарности предметов.

Нестругин – мастер природных изменений, перехода из одного состояния в другое, из одного времени года – в иное. В этом смысле его поэзия вся посвящена моменту перемены, когда прежнее отходит и не забывается – а новое наступает и ещё не враждебно старому, но лишь слегка эгоистично углублено в самой себя.

В приложении к социальному пространству это почти недостижимо, особенно в последние годы торжества наживы, рационализма, бессердечной подмены исторической памяти. И на этой черте нашего бытования исключительно важную роль играет родовая преемственность русского человека, долгое время изгоняемая из обихода и праздничного обычая, отделяемая от чувства долга и чести, много раз поруганная – и всё-таки затаённо живая, подсознательно чаемая.

*Свидетели горя и славы,
Хранители древних былин,
Редуют донские дубравы,
Редуют...
С восторгом мой сын,
Лещины раздвинувши ветки,
Кричит мне: “Я место нашёл!
Вот эти пеньки — табуретки,
А этот здоровуций — стол...”.
И шепчет дубрава мне тихо:
“Удобно, он прав, но окрест
Не слишком ли много таких вот
Удобных для отдыха мест?
Где лишь черноклён да лещина
Жируют, пеньки полоня.
Ты счастлив — ты вырастишь сына,
Но нету детей у меня...”.*

Минувшее предстаёт тылом и защитой, когда “лишь чернота впереди”: “хорошо, что не продано прошлое – есть к чему прислониться спиной...”. Зацветающие на русских холмах воронцы соединяют в себе и судьбу, и родню. И тут скрыт очень важный духовный акцент. Личная судьба, простёртая в будущее, есть продолжение настоящей родни и прошлой – всей уходящей в глубину времени и земли родовой ветви (“там теперь батя мой... Крепко он спит – он не проснётся...”; “знал ты: пугающий космос отверст; знай: и земляца...”).

Будто невидимые и лёгкие корни тянутся от фигуры лирического героя к отчей земле, небу, воде, дому, зверю и птице. Эта странная корневая система не углублена в почву, но пронизывает собою весь объём предметов и чувствований. Тонкая родовая энергетика – не взрывная, а тайно растворённая в пространстве – насыщает русские дали, русские разговоры, русские действия, русские голоса и русские песни.

*Русь листок последний сронит —
И тогда заметим мы:
Нет, не нашим ветром клонит
Наши, русские дымы!*

*Наши травы, наши ветви,
Наши сумрачные дни...
Ну, а где же наши ветры,
Что гуляли искони?*

*Что шумели, что летали,
Будто духи во плоти,
И смыкали, и сплетали
Годы, судьбы и пути...*

*Обнимали... Обжигали!
И спасали от невзгод
Синим небушком в прогале
Разгулявшихся погод...*

*Где ж вы, ветры? Не пора ли
Гикнуть, душу веселя?
Чтоб чужие не орали,
Нашу родину деля...*

Удивительное стихотворение, написанное без малейшего аффекта и ба-
рабанной декларативности, мягкое, с чувством родного простора и обыкно-
вения, с чувством своего. Это ощущение неразрывной связи и неизъяснимой
духовной близости крайне сложно передать на словах, особенно сегодня, ког-
да вор и разбойник спокойно вершат своё неправоё дело, а чистое сердце
унижено и оскорблено (“настежь раскрытого времени жаль — остро, по-вол-
чь!..”); “такое времечко: во тьму степей роняет семечко один репей”).

4

Обладающий зрением художника, Нестругин — замечательный пейза-
жист. В его стихах природа живёт и меняется, и сопрягается с человеческим
бытом и бытием. Годовой поэтический цикл “С рекой” включает в себя самые
разные жанровые картины, которые, словно на полотнах русских реалистов
конца XIX века, содержат в себе глубину жизни и чуткую мысль о ней, любовь
и сострадание к человеку и его истерзанной родине.

Вообще Александра Нестругина по праву можно назвать “человеком рав-
нинной реки”. Соединяя в веках народы и земли, река в его поэзии становит-
ся Божьей нитью, которая сшивает лоскутное существование современного
человека, минув успех и неудачу, тщеславие и богатство, гражданские свобо-
ды и наслаждение. Она стягивает к своим протяжённым берегам леса и луга,
вбирает их тайный говор и несёт его в дальнюю даль. “Родовой человек” про-
растает сквозь видимое пространство и пласты веков, и даже сквозь гори-
зонт — вместе с течением Реки-воды, с течением Реки-времени...

В его стихах постоянно встречается понятие “текущей воды” (“как вода,
ударяясь в запруду, оглушённо на круг уходя”; “бурлящая жадно вода”):

*Гляди: меж верб сквозит и рдеет,
Впитав закат и холода, —
О нет, не русская идея!
А просто — русская вода.*

*Её порой рисуют тёмной,
Текущей из глухих болот.
Зачем же к ней идёт бездомный,
Любой обиженный народ?*

*Конечно, есть трава и тина,
Камыш, глухие рукава...
Но, как душа, жива стремнина,
Сейчас — заметная едва.*

Естественно соприкасаясь с землёй в своих берегах и у дна, скрытого глубиной вод, река и озеро отражают небо во всех его изменениях, зримых и метафизических. Обращаясь к речному зеркалу, к властной силе течения, поэт всегда видит знаки небесные, неявный подтекст происходящего. Эта фонная, важнейшая часть души любого человека откликается в стихотворной строке то скромной приметой, то мыслью о запредельном просторе (тёмный плёс “держит небеса в ладонях, чтоб мы по ним проплыть смогли”). Причём “надмирное”, парящее над землёй в поэзии Нестругина не принижает реальность, сводя её к перечню бытовых обстоятельств и деталей, ничтожных по духовному счёту; у него — своё место: это подложка видимых событий и поступков, пространство за границами плотного мира. Тогда как река — место встречи земного и небесного.

*Вовсе не глухи вода и камыш,
Немы лишь, немь лишь...
Что ж ты в потёмках пришло и стоишь,
Озеро Немереж?*

*Я и не звал тебя — просто шептал
Что-то потерянно...
Так, как ольховник, когда облетал
В стынущей темени.*

*Лист за листом — затихала листва,
О воду торкаясь.
Чтоб пожило в нас хоть час или два —
Тихое, тонкое.*

*Нет, не волнение, не грусть — полугрусть —
Жизнь недопевшая...
Слышишь, как, торкаясь, просятя в грудь
Дни облетевшие?*

*Вовсе не глухи, не глухи они, —
Немы лишь, немь лишь.
А на всём свете — одни мы, одни,
Озеро Немереж...*

В этом примере единения человека и природного окоёма пограничная линия проведена уже не по давнему родовому пунктиру: в тех координатах жизнь человеческая избегала мучительных сомнений. Христианское (или скрыто-христианское, советско-атеистическое, но — с зерном милосердия) правило движения мысли и чувства, понимание собственной вины и ответственности — вот воздух этого стихотворения.

Странное, совершенно не догматическое, живое соединение нравственного поиска с мистикой окружающей среды в поэзии Александра Нестругина не кажется противоречивым. Оно обладает огромным спектром оттенков, опирается на чистейшую по искренности авторскую интонацию, проникновенную любовь к родине. Сюжеты его лирики непредсказуемы, образы и смыслы как будто обладают собственной волей, а автор лишь отчасти направляет течение слов и строк. Предметный реализм Нестругина буквально пронизан “близким дыханием реки” — и дальним отсветом русской православной традиции.

*Туда, в ольховник, в снег и темень!
К ветвям — обрубками ветвей...*

*Как боль доверить мёртвым стенам,
Как в мёртвых стенах — выжить ей?*

*Умру — и то ведь не проснётся
Мир, ограниченный стеной.
А этот — вздрогнет, и коснётся,
И будет плакать надо мной...*

В отличие от множества строк, в которых “есть лозунги, физиология, рифмованная хохлома”, в стихах Нестругина “глаз своих поэзия не прячет, как лекари — в остывшую латынь... И сбивчивы её чудные речи: так, шёпот, вздох, касание руки”.

Чувство русской неприкаянной души и одухотворённого пространства — в таком художественном поле развёртываются коллизии нестругинских стихотворений. Их автор обладает редкой способностью “очеловечить” природное (“октябрь разводит старый сурик, сухую охру в ступке трёт”) и “оприроднить” человеческое (“мы знакомы рекам и словам”). Уже это свойство делает его фигуру одной из крупнейших в современной отечественной литературе и свидетельствует: русская поэзия по-прежнему волшебна и сильна, содержательна и умна в своих классических формах. И авангард не отменяет её, такую, за якобы слабость средств выражения — но лишь демонстрирует собственную частность, ограниченность, злободневность, не в силах художественно охватить большое и глубокое, тонкое и мгновенное.

*...Ширясь и ширясь, выходит из времени лес —
И обнимает озябшие плечи равнин...*

В стихотворении “На озере Вольчьем вечерние ветры ворчливы...” вдохновенно воссозданы одиночество лирического героя, загадочная красота земли и дыхание былинного времени. Древний мистицизм перекликается с мятущимся христианским сердцем, их соседство не переходит в тихий спор — тут, скорее, взаимный шёпот, отрывочный, но не прекращающийся.

*Над волчьей водою качаются ивы устало,
Но дальше небо ещё с темнотой не слилось.
И в редких просветах простора щемящего мало,
А было бы много — к чему бы так сердце рвалось...*

У Нестругина даже евангельская осина с упрёком и угрозой волшебно идёт за Иудой — не только как знак и предмет священной истории, но ещё и как часть природы, низвергнутой в падшее состояние первым грехопадением (“Ему Господь, и въяве будь, неведом...”): она исподволь отъединена от общего Спасения предателем, отвергнувшим Христа.

5

При всех своих очень непростых духовных основаниях поэзия Александра Нестругина плотно соприкасается с современностью.

В последние два десятилетия стихотворная публицистика заполонила страницы журналов и книг, что вполне понятно: разрушенный Советский Союз, в сердцевине которого таилась Россия, был для многих родиной и судьбой. Вековые устои обыденной русской жизни, в советскую эпоху жестоко перемолотые государственным механизмом, но сохранившиеся в памяти стариков и пожилых людей, теперь оказались словно в безвоздушном пространстве. Молодёжь соблазнена идолами успеха и богатства, система передачи духовных приоритетов от старшего поколения младшему осыпается буквально на глазах. И “прямое” слово в творчестве современных русских поэтов — казалось бы, по праву — обрело почти непререкаемую власть. Однако с годами строгие формулы и гневные упреки будто “натёрли” глаза и уши читателю. Отсутствие художественной глубины стало вызывать недоверие, а громкие стихотворные возгласы, в отсутствие творческого поступка, уже не воспринимаются аудиторией с энтузиазмом. На этом временном и художественном изломе

важнейшей задачей художника стало воплощение бытийных черт в бытовом антураже текущего дня. Высокий русский реализм в литературе и живописи понимал такой постулат как сверхзадачу: в частном – увидеть общее, в индивидуальных чертах лица и поступках – типовое, в конкретно-временном – вечное...

В зрелых стихотворениях Александра Нестругина отчётлива тень собственной вины: за то, что не удержал страну – деревню, природу, стариков, детей – на краю обрыва; и русский мир упал в водоворот духовной и нравственной смуты. Понимание своей “удерживающей” роли присуще только очень большим художникам. Оно сопряжено с внутренней готовностью их к самопожертвованию и в огромной степени связано с сердечным восприятием Христа подвига. Здесь же – терпение и стояние в истине, чувство правды и плеча (“но за нами – Родная Речь, и стоим мы – плечом к плечу”) – братского, родового и духовного, апостольского.

*Родина это. Тобою забыта.
Брошенки-избы ласкает паук.
Но ведь окошко одно не забито.
И занавеска качнулась на стук...*

*Как тут живут — без решёток, без кода,
С тусклою лампочкой в пару свечей?
Сердцем упавшим стукнет щеколда...
Сможешь ответить отчизне — ты чей?*

Поэзия знает множество стихотворений, в которых “ушедший в люди” житель почвы возвращается к старой знакомой ветле и покосившейся калитке родного дома. Евангельский мотив “блудного сына” вполне традиционен и, наверное, вечен. Но в нём важны, прежде всего, смысловые и этические нюансы. Как правило, подобное возвращение оказывается следствием или жизненного поражения, или преуспевания – в совсем ином, “не-отчем”, месте.

Для Нестругина мотив возвращения – это невозможность личным усилием возделывать родную землю во всех местах, где сокрушённый взгляд автора видит разорение и упадок – и хозяйственный, и бытовой, и человеческий. Потому что вся она, земля, будто живое существо – родная: со своим голосом, слухом, дыханием, наконец – материнским теплом... И становится вполне понятным и естественным стихотворение о русском бурьяне, который “пришёл не цвести, а спасать”:

*Чуть ненастье — и всякий без спроса
Станет ложкие стебли бросать
Столбовому пути под колёса.*

*И, как будто бы в чём-то винась,
Византией, распятым Союзом
Ляжет он в эту веру и грязь,
Под эпоху, летящую юзом.*

*Я не знаю, кем я вам кажусь —
Жёлтой налунью, белым туманом?
Я и донником жить не стыжусь,
Придорожным сутулым бурьяном.*

Лечь в провал дороги, восстановить путь – реальный ли, исторический – подобное самоумаление в творческой среде почти не встречается. Оно может свидетельствовать о скромности автора, о небольшой величине его творческого дарования. Но стоит помнить, что перед нами – тихое уверение самого поэта, неразрывно слитое с его художественным словом, редкой и очень естественной свободой стихотворной речи, образным восприятием мира, которое вбирает в себя и родовые символы и знаки – и христианские акценты.

И станет очевидным, что творческий дар Александра Нестругина не нуждается во внешних отличиях, потому что, попросту говоря, “внутри него – его

много”. Подобное затаённое чувство присуще только подлинным поэтам, которые могут вести разговор с памятью, временем, почвой, родом и небесами. Хотя высокое у него подаётся крайне просто, тайное показывается — только краешком. А собственное место и заботы в стихах — обыденны и не яркие, в отличие от текстов столичных “медийных” авторов.

*А ноябрь опять распушил кугу,
Белым крестиком стёжка вышита.
Ну, а вам-то что? Вы в своём кругу,
Грудь на грудь сойдясь, рвёте-пишете.*

*Рвёте-пишете — помогай Господь,
Ведь и я ищу осиянное.
Котелок со мной да сольцы щепоть,
Ложка дровня, деревянная.*

*Рвёте-пишете — чтоб ноздря в ноздрю
Выйти к финишу... Я ж за гаткою
Бирючков ловлю да уху творю,
Да всё мучаюсь над загадкою:*

*В кабаках уха — кулинарный рай,
И стерляжий сок — жёлтой биркою,
А губам подай — стёртой ложки край,
Ложки батиной, со щербинкою...*

Практически все нестругинские стихотворения — подчас еле уловимо — окрашивает тоска по природной свободе. В ней и отзвук смертной доли каждого живущего, и придавленная слоём времени родовая память о взаимной гармонии человека, земли и воды.

В поэме “У переправы” с жёсткого троса срывается паром и уходит вниз по течению реки, будто преодолевает назначенную ему узкую судьбу и соединяется с движением стихии, вековечным, мерным — но всегда новым...

Этот образ плена и воли, сделанного шага и упорительного, согласного с космосом движения, — по существу, один из центральных в творчестве Александра Нестругина. В нём сокровенная внутренняя музыка поэта, слова “с запинкой” — и дрожь мокрых листьев, незатихающая зыбь речной воды:

*Не надо плакать — вечность прожита.
Мерцает солнце мутным рыбьим зраком.
Я не вернусь из белого листа
Ни буквою, ни деревом, ни злагом.*

*Я в нём давным-давно уже кружу,
Наст проминаю даже тёмной ночью.
И обернусь порой, и погляжу:
А где мой след? — вокруг одни сорочьи.*

*Смотала пряжу всю с веретена
Кабы швея, а то — змея-позёмка.
И за мою колготой она
И день, и ночь приглядывает зорко.*

*И ведом путь мой только ей одной:
Она скользнёт, ровняя снег — и баста.
Но если кто-то вдруг пойдёт за мной,
На ощупь, — я сломал железо наста...*

г. Воронеж

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

СЕРГЕИЧ

Русская культура и журналистика понесли тяжелую утрату. 15 октября 2018 года на 58-м году жизни в больнице города Дмитрова скоропостижно скончался от тяжелой болезни выдающийся композитор и журналист Иван Сергеевич Вишневский.

Сергеевичем зову его по праву, потому что знаком с ним ровно сорок лет и полжизни прошел вместе с ним, будучи его самым давним другом. Когда мы учились в музыкальном училище, то звали друг друга – мальчишки – Борисыч и Сергеич. Все смеялись, но мы с тех пор так и величались до того дня, пока Ваня не ушел.

Однажды Валентин Распутин побывал на нашем концерте в Рахманиновском зале, где Владимирский хор “Распев” исполнял наши сочинения. После, когда мы обнялись на сцене, улыбнулся и сказал: “Больше всего мне понравилось, как вы тепло относитесь друг к другу...”. Потом посерьезнел: “Музыка Вишневского – хороша, сильна”.

Да, это так. Иван Вишневский – это выдающееся, уникальное дарование.

Когда он поступил заниматься к известному московскому педагогу Владимиру Кирюшину, у которого мы и познакомились перед поступлением в училище весной 1978 года, у него совсем не было координации слуха и голоса. Отлично помню, как он – юный портретно красивый и броский – долбил часами одну и ту же квинту, вымычивая правильный тон, мучительно подтягивая интонацию к верной высоте под пристальным взглядом Кирюшина, разглядевшего в Ване самообытный талант. И так по шесть часов в день. Слух он себе, трудясь непрерывно и упорно, просто сделал. Музыкой начал заниматься в 16 лет – очень поздно. И за полтора года овладел игрой на фортепиано. Между прочим, занимался и рок-музыкой, вообще рок очень высоко ценил, чего не скажешь о джазе и эстрадной музыке. В самых первых сочинениях, еще в училище, уже использовал электрогитару.

С юности был очень образован, читал без конца, книги всегда раскрытые тут и там лежали возле пианино в комнате в доме на улице Правды, был вообще очень внимателен и вдумчив в книжном чтении. Общаться с ним было необычайным удовольствием, когда он был в духе, воодушевлен и мечтателен.

Несмотря на аристократическое богатырское сложение (бедный женский пол, помиравший по нему!), ел очень мало и был крайне неприхотлив в одежде и в быту с юности. Никогда не имел лишних денег, вечно нуждался, экономил или просил “ссудить” в буфете и в поездках, но по стилю жизни семьи и происхождению был мальчиком “мажорным”, что называется – советским дворянином (отец – корреспондент “Правды” в США, мать – поэтесса).

Все подобные “мажорные” блага того времени, открытые ему нараспашку, вроде валютных баров, кафе “Метелица” и модных “сэйшенов” на престижных дачах, он категорически отверг, избрав путь служения высокой культуре, путь огромного труда (в училище труд наш был очень тяжелым, там научили не терять время на всю жизнь, научили там и любить музыку, боготворить ее буквально; и еще, за что низкий пожизненный поклон – научили быть неравнодушными, любопытными, как говорил Г. В. Свиридов – “живыми”).

В то время – 1978–82 гг. – отделение теории музыки в училище имени Октябрьской революции было местом не только высоко престижным, но и с исключительными требованиями, поступить туда было очень трудно. Ваня по окончании училища владел рабочей азбукой музыканта – сольфеджио, музлитературой – буквально акробатически. Окончил Ваня училище как пианист фортепианным концертом Грига и первыми собственными великолепными сочинениями – например, песнями, на слова его матери С. С. Вишневской, среди которых – “Самым нежным словом ее позвать готов”, некоторыми хоровыми вещами, много писал камерной музыки, вообще был очень плодovit и серьезен в сочинительстве и пытлив к музыкальной стилистике с первых дней в профессии. Педагогом нашим по композиции в училище был замечательный человек и музыкант композитор Виктор Иванович Егоров, сразу оценивший Ванин талант и очень много ему давший. Ваня приобщил меня в училище к Римскому-Корсакову, я его – к П. И. Чайковскому. Ходили не разлей вода – Борисыч и Сергеич, всегда во всём вместе, все смеялись вокруг. Он очень, буквально по-братски поддерживал меня в учении и в жизни, вообще всегда стоял за меня и за мои труды, как друг. С тех пор не могу говорить о нем одном – только о нас вдвоем, это объективно.

После училища оба по разным причинам не поступили в консерваторию, зато учились у выдающегося педагога и замечательного композитора, превосходного музыканта Татьяны Алексеевны Чудовой. Нас отметил композитор Николай Иванович Пейко, и мы были взяты им в Гнесинку на композиторский, где началась истинно золотая пора жизни и творчества Ивана Сергеевича. Там он создал уже шедевры, впоследствии высоко отмеченные Георгием Свиридовым – “Три хора” на русские народные слова для женского состава (мы с ним дружили тогда с женским камерным хором под управлением Романа Моисеева и Ирины Кампанцевой), шесть пьес для скрипки и фортепиано, которые великолепно играла Леонарда Бруштейн, симфониетту для струнных. Во всю силу сложился и зазвучал его яркий и исключительно самобытный талант, углубленный в почву народной музыки, которую он боготворил с юных лет. Обожал петь со мной народные песни из хрестоматии фольклора. Иногда выдумывали мы с ним песни в русском аутентичном стиле и распевали на два голоса. Уже тогда он нашел свою уникальную мелодическую интонацию со своей собственной ладовой завязью, своим мотивом, “клише”, Свиридов отмечал это в ряду других Ваниных, как он говорил, “патентов”.

В период Гнесинки произошло у него два основных события: он познакомился с Георгием Васильевичем Свиридовым (и меня с ним познакомил, за что я неугасимо благодарен ему на всю жизнь) и был принят работать редактором Всесоюзного радио, что по тем временам было неслыханным жизненным везением. Если первое стало одной из основ его жизненного и творческого самообретения (мы любили музыку Г. В. Свиридова восторженно, она была для нас идеалом музыки), то второе, на мой взгляд, оказалось для Вани роковым. Радио с его тяжелой рутинной, нервозностью и возлияниями было совершенно ни к чему его свободному полетному таланту. Оно очень помешало, а не помогло ему в композиторской работе – я глубоко в этом уверен.

Работая на радио, он многим помогал, в том числе и мне, часто приглашая и давая не только эфир для творчества, весьма почтенный при тогдашнем культурном высококлассном радио (ныне совершенно уничтоженном), но и заработок – и всё бескорыстно. Он вообще не знал мздоимства и хитрости – это был ребенок, истинный ребенок – то злой и капризный, то просто ангельский и искренний, но неизменно нараспашку открытый. Был очень прям, порой бесцеремонно, неуживчив, легко ссорился, говорил только то, что думал, был независим и горд, с чрезвычайно развитым чувством собственного достоинства, храбр, мог драться, презирал боль, хотя был очень нездоровым человеком (хроническая астма), и резко прямолинейным – это многим не нравилось. Во всяком случае, мало кто отблагодарил его за тогдашние

эфир, пропагандировавшие современников. Если что-то нравилось ему в чужом творчестве — он готов был носить с этим и превозносить на каждом углу и в эфире, вообще был восторжен, когда сталкивался с примерами яркости, оригинальности и таланта — и не только в музыке, вообще в жизни. При слушании хорошей музыки всегда испытывал озноб, словно от холода, даже ежился, в том числе и когда играл на фортепиано классику.

Иван сделал первый “День Свиридова” в истории радио в 1988 году, мужественно пропагандировал музыку Свиридова, который был в среде тогдашних снобов-академистов, особенно авангардистов, куда больше опален, чем превозносим.

Изнурительная тягота радио и всё чаще затеваемые возлияния сильно утомляли его, отвлекали от творчества. Нужно было при этом кормить двоих детей. Огромным поражением для него стало непринятие в Союз композиторов, куда он попытался вступить без чьей-либо протекции. Думаю, это был самый сильный удар в его жизни, и безусловно, решение в отношении него несправедливое и жестокое. Ваня был крайне самолюбив, и это был удар по самому чувствительному и незащищенному в нем.

Союз композиторов Москвы решительно не принял его, уже получившего величайшие похвалы от Г. В. Свиридова и сочинившего произведения, совершенство которых не подвергалось сомнению профессионалов, их слышавших. Горячим приверженцем музыки И. С. Вишневецкого был и выдающийся композитор Борис Александрович Чайковский, очень помогал нам с Ваней в молодые годы корифей академического жанра Сергей Михайлович Слонимский, к которому я возил Ваню в Ленинград на электровозе по своим железнодорожным возможностям (Сергеич вспоминал эти поездки всю жизнь, они были для него очень романтичны и событийны; особенно любил вспоминать он ночные железнодорожные столовые, кипучую ночную жизнь на путях, красоту и поэзию бегущих огней...).

Позже Ваня вступил в Союз — но это был уже совсем не той силы Союз и не тех возможностей. Будь он принят в Союз тогда, в 1990-м, его жизнь несомненно сложилась бы иначе и совсем не так драматично.

На радио делал он яркие, интересные программы, собирал аудиторию, всегда несколько экзальтированно, своеобразным тембром голоса говоря о том, что волновало его в музыке. Однако вскоре пришел 1992 год с его бульдозерным ножом по всему живому, и не стало ни Всесоюзного радио, ни закупочной комиссии Союза композиторов, ни, что самое печальное, той интеллигенции, того уровня культуры, того уровня восприятия; жизнь опошлела, стала, как говорил он про Яхрому, “сплошная Каперна” (темная деревня в “Алых парусах” А. Грина). Лихие 90-е проехали по всем людям честного труда, и Ваня не исключение. Почернела жизнь его в те годы, на глазах гибло и “терялось всё, что дорого”, как говорил он. Враз ушли и престижность, и самый смысл академического композиторского труда, сочинением музыки попросту стало невозможно жить, “ценности” пришли совсем иные. Композитор-академист из суперэлиты враз превратился в какое-то не совсем нужное людям существо. Отрасль искусства, искони задававшая умонастроение интеллигенции целых эпох, превратилась в черепки. Конечно, во многом виноват в этом, так сказать, сам жанр, сама среда, оказавшаяся неспособной к сплоченности и жертвенности в трудный час — но кто тогда оказался к этому способным?.. Государство продало достояние Гостелерадиофонда, сделав из него коммерческую лавочку, прекратило как подобает поддерживать академическое искусство.

Ваня в 90-е мужественно предпочел бедность и отверженность “лакейству перед веком своим”, твердо остался на своем пути, равнодушно, как истинный христианин, терпя тяжелые болезни, крайнюю нужду, неурядицы, отсутствие нормального жилья, мотался с женой Галей по квартирам, никогда и ни на что не жалуясь — включая здоровье, презирая заботу о нем. Немало губил его, конечно, и известный русский недуг — эта смертная коса всегда обильно косила и косит на Руси. Ни о каком так называемом карьерном росте не могло быть и речи. Угодать он не умел — был скорее неуживчив, на обиду вспыскивал как порох, не глядя на чины, возрасты и звания.

Но он, каким бы ни был, оставался собой и никогда не прекращал сочинять, выступать, писать статьи, делать передачи, участвовал в основании и работе “Народного радио”, где собрал свою аудиторию и стал популярен,

не говоря уже о том, скольких музыкантов и вообще ярких людей он пропагандировал там. Жилось ему трудно – порой впадал в нищету в буквальном смысле. Работал одно время таксистом в Яхроме, куда переехал жить из Москвы по семейным причинам (при этом уговаривал разнузданных пассажиров-“капернцев” не ругаться матом при детях, иногда его звали за это “махаться” пьяные разнузданные “папочки”, которых очень не хочется называть русскими). Он вообще никогда не боялся никакого труда, был уверенно, по-мужицки самостоятельным: сам привел в порядок и обшил деревом свою уютную квартиру в Яхроме, куда забросила судьба, сам научился водить машину и прекрасно ездил, сам мог смастерить любое приспособление, сам овладел сложнейшей программой компьютерной нотации, создав дома вполне налаженную студию, сам ремонтировал машину. В юности работал вместе со мной преподавателем в музыкальной студии завода “Серп и молот”, младшим продавцом в булочной и еще каким-то продавцом, на радио стоически выносил всю эту рутину писанины и прочего, связанного с нервным редакторским трудом, всегда в любой работе был очень сосредоточен и вдумчив, нетороплив, тщателен и упорен. Вообще, когда он был спокоен, трезв и благодушен – это был ангел, это был человек, с которым не хотелось, чтобы кончался день, и замены тому общению никогда и ни с кем не будет, ибо он очень много знал, был высоко умён, всё подхватывал на лету. Он был полетно, пространственно интересен и близок по взглядам; мне очень тяжело, что его нет, после смерти Свиридова это второй пример потери совершенно невозполнимой и безвозвратной, которая отнимет часть жизни. Его присутствие в ней, даже присутствие за скобкой, когда общения и не было, ввиду его незаменимости было исключительно важно.

Много было у нас общего, в котором главное – верность красивому, нежелание менять это на безобразное, главенство русского, славянского, торжество классики, культ красивой мелодии в музыке, открытое восхищение всяким прекрасным моментом в ней, восторженность мастерством. Так или иначе, Ваня и в стилистике музыкальной, и в обиходе был оригинален, порой декларативно, надуманно – но только чтобы “не как все”; причем искал оригинальности во всем. Если видел в чем-то проявление красоты, таланта – радовался щедро, как ребенок, щурясь от счастья, перевозносил, восхвалял без числа, у него чуть что – сразу все гении: “Композитор Довгань гений, Муравьев гениальный пианист, Вульфов гениальный писатель!!!” – и так далее... (очень любил друзей, был к ним очень щедр душевно). Никогда никому не завидовал – любому проявлению таланта и красоты у других только радовался. Радоваться вообще умел – причем порой какому-то совершенному пустяку, какой-нибудь подаренной свинке (он коллекционировал фигурки свинок), счастливо рассматривал ее и приговаривал: “Ну и гарна же вона... Скажи?”

Помогал привеченным людям, знакомил их, объединял, восхвалял, не опасаясь “высокопарных слов” – совершенно бескорыстно. Со всеми, кого приближал, бескорыстно, активно дружил, таскал с собой в любимый Крым, в любимый лес, давал слушать любимые записи – всё у него было любимое...

Я должен был набирать у него дома для печати – году в 2005-м – ноты своего сочинения из шести хоров. Оставил ему партитуру, сказал, что приеду недели через две, займусь. Приезжаю – он хитро щурится на меня: “Борисыч, я, честно говоря, не знаю, зачем ты приехал”. И ведет меня за компьютер – а там все мои ноты набраны. Я просто остолбенел. “Решил немного подэкономить твое зрение и заодно поучиться у тебя, многое мне очень приглянулось”. Всё поддерживал меня, близил к музыке, как мог. Знал, что у меня плохое зрение – и сам сделал, двухнедельный ежедневный труд. Кстати, всегда настаивал, поддерживал, подсказывал, поправлял, у меня не все получалось. Он был, конечно, гораздо опытнее и мастеровитее меня, как композитор.

Ельцинизм и всю эпоху за ним вплоть до настоящего времени он не принял категорически. И боролся со злом своего века как только мог, сделавшись не только журналистом, но и политиком. Ему были кровно чужды обывательщина, пошлость, мещанство – это было несовместимо с ним абсолютно под страхом гибели (которая и последовала именно от своего века – от этой беспомощной больницы, разоренной государством, где ничего не способны сделать, где Галя ходила-покупала лекарства и пленки). И здесь был прямолинеен и бескомпромиссен, и здесь кричал правду, как думал. Ванины статьи

в “ЛГ” и в “Завтра” многим хорошо известны. Тягчайшим горем и разочарованием стали для него, наполовину украинца, события на Украине, им обожаемой, которой посвящал он и музыку (в юности была у него опера “Ярмарка в Голтве” на слова Максима Горького). Современность была для него образом врага – искорежившего, погубившего его любимое дело, любимые миры, “буквально всё, что близко и дорого”. Он мстил ей, как мог, обиженный на нее остервенело, словно ранимый ребенок, которому с усмешкой изломали любимую игрушку – то уходя в православие, то в политику, то в политическую журналистику. Но современность всё это мало беспокоило – она менялась и менялась в сторону измельчения и опошления. Таких, как он, давила незаментно и равнодушно.

Между тем яхромский период его жизни в целом представляется светлым, полным не только тягот, но и отрад. Его второй женой стала Галина Вишневская – пример настоящей русской женщины беспримерного мужества и преданности, которая столь раз спасала его от гибели, верная его почитательница, защитница и помощница. Полагаю, уходу и заботе этого человека, растворенного в Ване, мы обязаны тем, что Иван Сергеевич в яхромскую пору просто дожил ещё несколько лет. В Яхроме он обрел то, что любил не меньше музыки – лес и грибы, в которых разбирался ничуть не хуже профессионального ботаника, величал названия их по-латыни, обожал их, хотел писать о них книгу (представляю, как занимательна была бы она при его начитанности и литературном таланте!). Переехав в Яхрому, он, я бы сказал, решительно, с явным даром естествоиспытателя изучил здешние леса и уверенно ездил в них на своем “жигуленке” за грибами, точно выводя на места, надежно ориентируясь, как в доме родном. Стихотворение Рубцова “В лесу” – это просто лирический гимн Вишневого, недаром он написал хор на эти слова. Тяжко переживал вымирание леса из-за современного разора и безумия. Грибы ездил собирать до ноября, раз я приехал к нему поработать на нотном компьютере, и он заявил, что съездит тут недалеко на часок по грибы... за окошком первого этажа утлой пятиэтажки шел снег... Я остался в прокуренной квартире – увя, он курил много, научился у меня, жаль (я потом сумел бросить). Привез через два часа какие-то два ярких красных грибка, сам раскрасневшийся, довольный тем, что побыл в лесу, в снежной свежести, которой дивно запахло от него в доме.

В яхромский период он сочинил великолепные свои хоровые вещи на народные слова (“Ладные песни”) и хоры на слова Н. Рубцова, столь созвучные тогда его лесному, отрезвляющему, примиряющему настроению (чудесную, богатую, широкую музыку эту великолепно исполнил Владимирский камерный хор “Распев” под управлением Н. А. Колесниковой). Он написал тут обоих “Лирников” и великолепный, особенно во второй части, мистический, неземной фортепианный концерт (какое-то воплощение самой бесконечности времени, словно ломоносовское “звездам числа нет”). Здесь написал он замечательные вещи на малоизвестные слова незаконченных произведений Гоголя – ораторию “Наброски драмы из украинской истории”. В ней есть по меньшей мере два шедевра – “Катерина и Онисько” – и грандиозный марш “Казачи идут”. Здесь мечтал он написать книгу о грибах; здесь он активно занимался фольклором с выдающимся нашим фольклористом В. В. Щуровым и стал виртуозным мастером и знатоком фольклора, буквально пропитался им насквозь. В Яхроме он написал свой шедевр – хор “Поезд” на слова Рубцова, с триумфом прозвучавший в Рахманиновском зале в блистательном фортепианном сопровождении Александра Муравьева и Владимира Довганя, близкого друга Вани – в лучшие времена это была бы музыка века, ее взяли бы заставкой к программе “Время” или куда-нибудь в этом роде.

Яхрому... возрождающийся понемногу теплый, сосредоточенно молитвенный внутри огромный храм со знаменитой колокольней, видимой со всей округи за десяток верст, свеча под высокими сводами в благодати большого покойно-темного пространства возле всего нескольких попервости икон на старой штукатурке, тихий подмосковный снег и приземистая неторопливость вокруг, старый деревянный дом на пути... Приезды к нему в Яхрому были тогда сплошным наслаждением – Ваня был в ту пору благодушным, восторженно возбужденным, ему сочинялось, много говорили о Рубцове, Л. Гумилеве, Свиридове, его любимых скифах и древней истории, которой так болел он – конечно, вообще о русском, о российской судьбе. И невозвратимость этих

счастливых дней слепа и грустна, хоть как понимай смысл времени и смерти.

Он никогда не бросал сочинять, оставаясь музыкантом до последних дней. Восторженно воспринял создание сообщества современных композиторов группы “МОСТ”. Превосходный Патриарший хор под руководством И. Б. Толкачева исполнил на Рождественском фестивале его колядку “А в Иерусалиме” — сделана она как величественная книга или вдохновенно сложенный храм, с долгой и энергичной мелодией, с патетикой возгласов, с мудростью и красотой вывода, с красочностью орнаментики подголосков, с растроганностью оглядки на старину, с невыдуманной широтой образа, далеко превышающей границы жанра, с феноменально точной и щедрой выделкой партитуры. Эта его колядка — просто новое явление в хоровой музыке нашего века, и если бы была у нас мыслящая, о чем надо думающая, истинно, а не картонно патриотичная страна — это сочинение стало бы одним из ее чуть ли не гимнов, символов. Иван Вишневский — это, конечно, классический хоровой мастер, недаром ряд хоров пел его музыку без всякого зазывания, дирижеры сами находили ноты в интернете.

Никогда не сомневался я, что его музыка еще найдет свое новое обретение и станет почитаемой и желанной многими неравнодушными людьми.

Что же до его политических взглядов, политической деятельности — то я всегда относился к этому холодно, как к чему-то привнесенному, вынужденному в его жизни, и писать про это не хочу, ревнуя к его музыкальному таланту, давимому всей этой “борьбой”. Давать такую оценку — мое право его старого друга, и я оставляю это право за собой. По моему глубокому убеждению, активные занятия политикой не могут быть полезны никогда и ни в каком виде человеку, работающему в области создания эстетических ценностей; во всяком случае — не могут главенствовать в его жизни. Но он выбрал политику для себя — а значит, это было нужно и ему и, стало быть, нам. Он в этом видел исполнение своего долга — а был он очень патриотичен, порой декларативно. Значит, так было надо.

Но и тут талант во всем оказался талант. Журналистом он получил свою аудиторию — как грандиозный компьютер он, работая в “Дне” и в “Завтра”, делая пару программ в день ради заработка, перерабатывал самую разнообразную информацию, осмысливал ее и преподносил людям порой яростно, противоречиво, но неизменно вещательно и ярко, всегда горя неравнодушно. Равнодушие, равно как истекающие из него пошлость и скуку, он ненавидел всем сердцем, душа его была беспокойна и пламенна. Это был без всякого сомнения пассионарий. Всё, что он делал, чем и как жил — нравилось оно или нет — было искренним и выражалось неизменно прямо. “Я долго учил себя, Борисыч, выражать людям в глаза, что думаю, невзирая на лица. Это было не просто, но я, по-моему, выучился”.

Это был человек с идеалами.

Эх, Ваня, Ванечка — поздно ты родился, годиков бы на двадцать раньше; *не ко времени* пришелся ты и твой талант. Ты неудобен и вычурен слишком для века сего. Потому и проводил он тебя вот так — неприкаянно ушел скромной, отшельной смертью без воздыханий вокруг одра. Он вообще был, при всем своем самолюбии, необыкновенно скромным, невзыскательным, очень неприхотливым человеком. Всё, что он хотел — это чтобы музыку его слышали люди, и справедливо считал, что имеет на это право.

Но всё осталось в нотах, слава Богу. Не сомневаюсь в воскрешении его творчества.

Так хочется увидеться в урочный час с ним на небесах, и такими увидеться, какими были мы когда-то — молодыми, очарованными; вечно вдохновленными чем-то, с кладезем столько доброго и полезного в себе, с всегдашним почитанием прекрасного. В такую пору, когда и сам молод, и ветер, и небо, и листва вокруг тебя молоды, и рубаха весенняя на тебе вздувается, и молодцы надежды, мечты, поцелуи... Встретиться с тем, прекрасным, всегда озаренным величавым красавцем Ванькой — “привет, Сергеич!”, “а, вон кто идет! здоровеньки булы, Борисыч!”, встретить его любящую, но и строгую улыбку старшего брата. Увидеть его сильные глаза смеющимися, думающими, сочиняющими. Опять попить тот чай из неизменно огромной чашки в той крохотной кухне яхромской, собрать с ним на поляне и почистить дома за разговором о вечном те грибы.

Вечная память.

ГАЛИНА ИВАНКИНА

ПОДЛИННЫЙ РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Алексей КОЖЕВНИКОВ. Русский патриотизм и советский социализм. — М.: Прометей, 2017. — 642 с.

Автор книги “Русский патриотизм и советский социализм” Алексей Юрьевич Кожевников — патриот России, при том что он, в отличие от многих, не пытается делить историю на “до” и “после”, на “гнусный царизм” и “развитой социализм”. Понимает, что Русский Мир — это единая линия духа. Имперство. Мессианство. Стремление в небо — к Богу. В космос. *Умом Россию не понять?* Как раз умом и надобно. Во всяком случае, Кожевников рискнул. Он транслирует: Советский Союз — блистательное продолжение традиции. По мнению ряда современных политологов, русский патриотизм и красный Совдеп — непримиримые антиподы, однако автор наглядно доказывает, что это не так. В последние годы участились обвинения советской власти в разрушительном интернационализме, который нынче представляется как стирание граней, уничтожение самобытности, искоренение народного духа. Любят ссылаться на марксизм: “Рабочие не имеют отечества”. Вспоминают, что в Стране Советов осуществлялась целенаправленная поддержка союзных республик за счёт русского центра. Иные антисоветчики яро носятся с великодержавным шовинизмом, угнетавшим народы и нацменьшинства. Кожевников утверждает: любая из этих крайностей ложна и представляет собой пропагандистскую инсинуацию. Автору свойственна грамотная и скрупулёзная работа с источниками. Их диапазон широк: программные документы, переписка, цитаты из прессы, отрывки из повестей и рассказов. Кожевников профессионально (как и положено историку) выстраивает многомерный и при этом внятный, лёгкий для восприятия материал, перемежая обильное цитирование своими, всегда точными и остроумными выводами.

Приятно удивило, что в объёмистой книге нет праздной болтовни, общих словес, рассуждений вокруг да около и прочей “воды”, которой буквально залита вся наша патриотическая публицистика. Более того: Кожевников не пытается малевать чертей и множить мифы — он работает с первоисточниками, а не с брошюрками 1990-х или конспирологическими статьями из интернет-блогов. Автор монографии взвешивает “за” и “против”, трезво оценивая каждую из эпох. Нынче укоренилась дурная привычка рассматривать советский период как неделимый пласт, а ведь каждое из десятилетий было едва ли не отрицанием предыдущего. Кожевников мастерски выстраивает пространство текста, не допуская пустот и скачков. Из его работы можно чётко уяснить, в каком году и при каких обстоятельствах поменялся курс. В книге

много увлекательных фактов. Например, скандальная эпопея с оперой-фарсом “Богатыри” на стихи Демьяна Бедного, где высмеиваются, очерняются не только былинные персонажи, но и крещение Руси. Казалось, “народный поэт” сделал всё, чтобы сильно понравиться пролетарской публике. Но случилось обратное: и ему, и Александру Таирову (который поставил у себя эту пошлятину) дали понять: вы кощунствуете и глумитесь над Россией. Шёл 1936 год.

Кожевников, явно симпатизируя коммунистам, всё же показывает не только их идеологические победы, но и просчёты. Он аргументированно критикует богоборческое мракобесие Никиты Хрущёва и его идею о “слиянии наций” в общемировом масштабе. Отмечает, что реакцией на это явилось неофициальное движение интеллигенции – новое славянофильство, писатели-деревенщики, пробуждение основ. И – от снов. То бишь, с одной стороны, Хрущёв давил оголтелым интернационализмом, а с другой – именно “оттепель” дала возможность для ведения дискуссий, в том числе газетно-журнальных. Для ухода в свою реальность, никак не связанную с генеральной линией партии. (Кстати, после кощунственного слияния общим языком подразумевался... именно русский.) Историк-профи, Кожевников ставит все точки над і, ни разу не допуская однобоких трактовок.

Ностальгически-бережно сделаны главы, посвящённые позднему СССР – так называемому “застою”. В глазах Кожевникова – это полифоничная, разноплановая и творческая веха. Брежневское время – это не только бодренький официоз в области пропаганды, но и яркая полемика урбанистов с деревенщиками, “война” патриотических концепций, острая и печальная литература об уничтожении русской души в городах, о поисках себя и “Прощании с Матёрой”, которая имеет общий корень со словом “мать”. Автор подмечает всё: большие и малые детали, игру слов. Даёт финальный вывод: советская парадигма – это баланс интернационализма и патриотизма. Что же в результате, после крушения системы? Алексей Кожевников мрачен и – оптимистичен: “Россия оказалась на периферии мирового развития... Однако история своего последнего слова ещё не сказала”.